

histoire *autre*

*ребенок и семейная жизнь
при старом порядке
филипп арьес
philippe ariès
l'enfant et la vie familiale
sous l'ancien régime*

история
другая

autre histoire

philippe ariès

l'enfant et la vie familiale sous l'ancien régime

ребенок и семейная жизнь при старом порядке

филипп арьес

другая история

Philippe ARIÈS

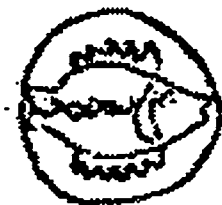
**L'ENFANT ET
LA VIE FAMILIALE
SOUS
L'ANCIEN RÉGIME**

Édition remaniée

Paris
Éditions du Seuil
1973

Филипп АРЬЕС

**РЕБЕНОК И
СЕМЕЙНАЯ
ЖИЗНЬ ПРИ
СТАРОМ ПОРЯДКЕ**

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1999

ББК Ч490.0
А89

Серия
Ответственный редактор

«Другая история»
В. В. Харитонов

Издание осуществлено в рамках
программы «Пушкин» при поддержке
Министерства иностранных дел Франции
и Посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la
publication Pouchkine avec le soutien du Ministère des
Affaires Etrangères Français et de l'Ambassade de France en
Russie.

Перевод с французского языка
Консультант-переводчик
Редактор
Научные консультанты

Я. Ю. Старцев
В. А. Бабинцев
И. М. Харитонова
В. П. Степаненко, докт. ист. наук,
О. И. Зверева, зав. кабинетом искусствоведения и
культурологии Уральского государственного университета
К. В. Жвакин

Выпускающий редактор
Составление примечаний, послесловие
и подбор иллюстраций

Е. Ю. Фатеев

При работе над переводом были использованы материалы, подготовленные С. Н. Корниловым.

Редакция выражает искреннюю признательность О. Г. Путырской, зав. кафедрой французского языка факультета иностранных языков Уральского государственного педагогического университета, а также сотрудникам Французского культурного центра Свердловской государственной областной библиотеки им. В. Белинского и лично В. А. Терехович за помощь в подготовке настоящего издания.

Арьес Ф.

А89 Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.— 416 с.
ISBN 5—7525—0740—5

Автор книги исследует двойную эволюцию детства в европейском сознании от раннего Средневековья до XIX века. С одной стороны, это эволюция представлений о детстве как особом периоде жизни, постепенное усложнение его периодизации (младенец—ребенок—подросток—юноша), изменение роли ребенка в семье (от периферии к центру). С другой стороны, параллельная эволюция европейской организации образования, от церковной школы и обучения «в людях» к становлению системы начального и среднего образования, соперничающей с семьей в качестве главного института социализации ребенка. Монография написана с привлечением богатого иконографического материала и представляет интерес не только для историков, но и для искусствоведов, культурологов, психологов, социологов и педагогов.

А $\frac{0503010000-72}{182(02)-99}$

ББК Ч490.0

ISBN 5—7525—0740—5

© Éditions du Seuil, 1973
© Издательство Уральского университета, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1973 ГОДА	8
---------------------------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЧУВСТВО ДЕТСТВА

Глава I	Возрасты жизни	26
Глава II	Открытие детства	44
Глава III	Детская одежда	60
Глава IV	Небольшой экскурс в историю игр	71
Глава V	От бесстыдства к невинности	109
Заключение	Два восприятия детства	136

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Глава I	Младшие и старшие школяры Средневековья	143
Глава II	Новое учреждение: коллеж	161
Глава III	Происхождение школьных классов	181
Глава IV	Школьный возраст	194
Глава V	Развитие дисциплины	244
Глава VI	От интерната к экстернату	271
Глава VII	«Малые школы»	287

Глава VIII	Грубая сторона школьного детства	315
Заключение	Школа и продолжительность детства	329

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ СЕМЬЯ

Глава I	Образ семьи	337
Глава II	От средневековой семьи к семье современной	363
Заключение	Семья и жизнь обществом	405

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	408
-------------------------	-----

ПОСЛЕСЛОВИЕ	413
--------------------------	-----

РЕБЕНОК И СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ ПРИ СТАРОМ ПОРЯДКЕ

*Моим родителям
Моим тестю и теще*

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1973 ГОДА

Говорят, что за деревьями можно не увидеть леса, но самое чудесное время в научном исследовании, когда историк лишь начинает представлять себе общую картину, когда туман на далеком горизонте еще не рассеялся полностью, когда мы еще под впечатлением от документального материала, но можем еще смотреть на него со стороны и изучаемые тексты еще хранят всю свою свежесть. Главная задача исследователя здесь не столько в том, чтобы защитить те или иные положения, сколько в том, чтобы передать читателям радость своего открытия, приобщить их, как приобщился он сам, к цветам и запахам неизвестного. Исследователь стремится также организовать все конкретные детали в абстрактную структуру, и ему всегда непросто (к счастью!) освободиться от множества впечатлений, полученных им в его захватывающем странствии, он всегда неловок в своих, пусть необходимых, попытках поверить их алгеброй теории. Спустя годы, когда прошлое уносит волнение первой встречи, оно дает взамен компенсацию — способность видеть лес. Сегодня, в современных дискуссиях по проблемам ребенка, семьи, молодежи, после различных интерпретаций моей книги, я лучше — то есть более четко и упрощенно — вижу те положения, на которые вдохновил меня долгий диалог с фактами.

Я кратко изложу здесь эти тезисы, сведя их к двум основным.

*
* *

Первый относится к нашему старому традиционному обществу. Я утверждал, что оно плохо представляло себе ребенка и еще хуже подростка или юношу. Продолжительность детства была сведена к его самому хрупкому периоду, когда маленький человек еще не может обходиться без посторонней помощи; очень рано, едва окрепнув физически, ребенок смешивался со взрослыми, разделяя с ними работу и игры. Из маленького дитя он сразу же ста-

новился молодым взрослым, минуя различные этапы юности, существовавшие, вероятно, до Средних веков и ставшие основными чертами сегодняшнего эволюционировавшего общества.

Семья не осуществляла и не контролировала передачу ценностей и знаний, или, в более общем виде, социализацию ребенка. Он быстро отдалялся от родителей и можно сказать, что на протяжении веков его образование осуществлялось путем обучения «в людях», благодаря сосуществованию ребенка или юноши и взрослых. Он познавал вещи, помогая взрослым делать их.

Пребывание в семье и в обществе в качестве ребенка было слишком кратким и слишком незначительным, чтобы нашлось время или причина для его запоминания или пробуждения чувств по отношению к этому периоду.

Однако существовало поверхностное восприятие ребенка, которое я окрестил «сюсюканьем», относящееся лишь к самым первым годам жизни, когда ребенок был маленькой забавной вещицей. С ним забавлялись, как с животным, как с маленькой бесстыдной обезьянкой. Если он умирал в этот период, как это часто и случалось, кто-то мог переживать, но общим правилом было не обращать на это слишком большого внимания, ведь скоро на его месте появлялся другой. Ребенок в каком-то смысле оставался анонимным.

Если он преодолевал первые опасности и переживал период «сюсюканья», то часто его жизнь продолжалась вне семьи. Эта семья состояла из супружеской пары и тех детей, что оставались с ней. Я не думаю, что большая семья, включающая представителей нескольких поколений или нескольких ветвей родственников, существовала где-либо, кроме воображения моралистов (например, Альберти* во Флоренции XV века) или французских социологов-традиционалистов XIX века. Исключением, возможно, были некоторые эпохи, когда из-за нестабильности и незащищенности личности линьяж† занимал место не справлявшейся со своими функциями политической власти, или некоторые экономико-правовые условия (например, в средиземноморских регионах, где право обделит наследством всех детей, кроме одного, способствовало совместному проживанию).

У такой семьи прошлого были свои задачи: сохранение имущества, совместное осуществление той или иной деятельности, повседневная взаимопомощь в мире, где предоставленные самим себе мужчина и тем более женщина не могли выжить, и в исключительных случаях — защита чести и жизни. У семьи не было эмоциональной функции. Это не означает, что в ней не было любви, напротив, с любовью встречаешься очень часто, иногда после помолвки, чаще — после свадьбы, когда любовь создавалась и поддерживалась совместной жизнью, как в случае с семьей гер-

* Альберти Леон Баттиста (1404–1473) — флорентийский гуманист, доктор канонического и гражданского права, с 1432 г. аббревиатор (нотариус) при папской курии, автор многочисленных литературных произведений, в числе которых три книги диалогов «О семье», сторонник представлений об исключительной роли семьи в воспитании и формировании человека, исповедовал идеологию хозяйственности, присущую радеющему о своих ближних отцу семейства.

† Линьяж. — «Линьяж был кровной общностью, состоявшей из „родных“, „друзей по плоти“ — видимо, так именовали свойственников. Линьяж отнюдь не был осточным явлением первобытной семьи. Он представлял собой этап в организации той рыхлой семейной группы („Sippe“), что встречалась в германских обществах раннего Средневековья. Члены линьяжа были связаны узами солидарности» (Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 262); «Солидарность линьяжа проявлялась с наибольшей силой в кровной мести — фйадах... Линьяж соответствует агнатическому роду, цель и основа которого — сохранение общего имущества-патримония» (Там же. С. 263).

Джованни Беллини.
Озерная мадонна.
Ок. 1490.
Флоренция, Уффици

* Герцог де Сен-Симон (1675–1755), автор знаменитых «Мемуаров», женился на дочери маршала де Лоржа в 1695 году: «Порядочность, прямота, откровенность маршала де Лоржа бесконечно нравились мне... Почет и любовь, какие он уже снискал, уважение, которым пользовался при дворе, великолепие, с каким жил, где бы ни оказывался, высокое происхождение, обширные родственные связи, уравновешивавшие брачный союз, в который он считал необходимым вступить первым в своем роду, старший брат, также пользовавшийся уважением, причем, как ни странно, оба брата имели одинаковые титулы, должности, состояния, кроме того, согласие, царившее между братьями и во всем этом многочисленном семействе, а более всего редкостная и подлинная доброта и безыскусность маршала де Лоржа побуждали меня весьма желать этого брака, в котором я надеялся обрести все, чего мне недоставало для поддержки и продвижения на жизненном поприще, и который позволил бы мне войти в это любезное семейство, чтобы вести приятную жизнь среди стольких прославленных родственников» (Сен-Симон. Мемуары: Полные и дополненные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. М., 1991. Т. I. С. 105–106).

† Проститутки были локализованы в средневековой Европе в борделях еще при Каролин-

цога де Сен-Симона*. Но, подчеркнем, чувства между супругами, между родителями и детьми не были необходимы ни для существования семьи, ни для гармонии в ней; если чувство все-таки появлялось, это был лишь дополнительный плюс.

Эмоциональные контакты и социальные связи осуществлялись вне семьи, благодаря очень плотной и очень активной «среде», состоящей из соседей, друзей, господ и слуг, детей и стариков, где привязанности складывались вне строгих рамок. Супружеская семья растворялась в этой среде. Сегодня французские историки называют эту предрасположенность традиционных сообществ к встречам, постоянным контактам и праздникам «жизнь обществом» (*sociabilité*). Именно таким я вижу наше старое общество, отличное одновременно и от того, что сегодня описывают этнографы, и от современного индустриального общества.

* * *

Если мой первый тезис является попыткой интерпретации традиционного общества, то второй относится к новому месту, занимаемому ребенком и семьей в нашем индустриальном обществе.

Начиная с какого-то времени (неизбежная проблема определения начала процесса, к которой я еще вернусь), во всяком случае окончательно и бесповоротно с конца XVII века, в только что проанализированном состоянии нравов происходят существенные изменения. Можно охарактеризовать их с двух разных позиций. Школа заменила практическое обучение «в людях» в качестве способа получения образования. Это означает, что ребенок уже не смешивается со взрослыми и не постигает жизнь в непосредственном контакте с ними. Несмотря на многочисленные опасения и препятствия, он был отделен от взрослых и помещен в своего рода карантин, предвещающий его выход в мир. Этим карантинном была школа, коллеж. С этого момента начинается долгий процесс изоляции детей (равно как и сумасшедших, нищих и проституток[†]), постоянно расширяющийся вплоть до наших дней и именуемый развитием *школьного обучения*.

Это отделение и осознание детства являются одной из ступеней великого процесса морализации, осуществленного католическими и протестантскими реформаторами, церковными или государственными деятелями. Этот процесс стал возможным на практике лишь благодаря эмоциональной поддержке семьи, и это вторая позиция, значение которой я хотел бы подчеркнуть. Семья стала пространством эмоциональной привязанности между супругами, между родителями и детьми, каковым она не являлась ранее. Привязанность выражается прежде всего в роли, призна-

гах. Бордели с XIV в. располагались вблизи или по ту сторону городских ворот, реже вблизи рынка или больших проезжих улиц, внутренняя жизнь их строго регламентировалась бордельными уставами и городскими властями (более подробно см.: *Блох И. История проституции*. СПб., 1994. С. 498—509). Умалашенные обычно либо изгонялись городскими властями, либо, если они являлись гражданами города, направлялись в «особые места лишения свободы, предназначенные для сумасшедших — как, например, Шатле в Мелене или знаменитая канская Тур-о-Фу, Башня Безумцев; таковы же бесчисленные немецкие *Naturmer*» (*Фуко М. История безумия и классическую эпоху*. СПб., 1997. С. 31).

* *Расин Жан* (1639—1699) — французский драматург-классицист, автор трагедий «Федра», «Андромаха», «Британик», «Береника» и др. Вот, например, что Расин писал своему старшему сыну Жану-Батисту: «...единственная... цель — воспитать сына так, чтобы он при вступлении в свет не опозорил отца» (цит. по: *Мориак Ф. Жизнь Жана Расина*. М., 1988. С. 77).

† Применительно к периоду 1600—1750 гг. о мальтузианском ритме жизни, когда наблюдались длительные периоды голода и эпидемий, говорит и французский историк Э. Леруа Ладюри; этот период носился быстрым ростом населения в 1743—1770 гг., превращаясь в кризис 1779—1787 гг., далее население Франции растет медленнее, чем в других странах Европы (ср. *Бродель Ф. Что такое Франция?* М., 1995. Т. 2.1. С. 157—161).

‡ *Агюлон Морис* и *Вовель Мишель Люк* (р. 1933) — французские историки-анналисты. Вовель — автор исследований по истории Великой французской революции («Революционная ментальность»), Средневековья («Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней») и др.

ющей отныне за воспитанием. Речь идет уже не только о том, чтобы обеспечить своих детей имуществом и фамильной честью. Появляется совершенно новое чувство: родители интересуются учебой своих детей, занимаются с ними с тем вниманием, которое стало обычным в XIX и XX веках, но отсутствовало в Средние века. Жан Расин* пишет своему сыну Луи о его преподавателях так, как любой из сегодняшних отцов (или вчерашних, но из очень недавнего «вчера»).

Семья организуется вокруг ребенка, придает ему такое значение, которое выводит из прошлой анонимности, его потеря является большим горем, становится невозможным воспроизводить детей слишком часто, возникает необходимость ограничить их количество, чтобы лучше о них заботиться. Ничего удивительного в том, что эта революция в образовании и чувствах сопровождается в дальнейшем демографическим мальтузианством†, добровольным сокращением рождаемости, наблюдаемым уже с XVIII века. Все это крепко увязано, может быть, даже слишком крепко, для критического взгляда Вейна (P. Veune)!

Следствием, выходящим за пределы периода, которому посвящена эта книга, но рассмотренным мной в других работах, является поляризация общественной жизни в XIX веке вокруг семьи и профессии и исчезновение былой социальности, за несколькими исключениями, такими, как Прованс, описанный Агюлоном и Вовелем‡.

* *
* *

У каждой книги есть собственная судьба, и часто написанное ускользает от автора и оказывается принадлежащим читателям, порой совсем не тем, кому автор адресовался.

Все произошло так, как если бы два изложенных тезиса были адресованы нескольким разным группам читателей.

Второй из тезисов, который кажется более связанным с возможностью немедленного объяснения современности, был сразу использован социологами и психологами, в частности в Соединенных Штатах, где гуманитарные и социальные науки раньше, чем в других странах, обратились к проблеме молодежных кризисов. Эти кризисы наглядно демонстрировали сложность перехода молодежи во взрослое состояние, а то и отказ от взрослости. Как раз мои исследования давали основания думать, что это могло быть следствием длительной изоляции детей и молодых людей в семье и школе. Они также показывали, что чувство семьи и интенсивное поглощение молодых школой — две стороны одного, относительно недавнего и поддающегося датированию феномена и что раньше семья мало выделялась в плотном и насыщенном социальном пространстве.

Так социологи, психологи и даже педиатры переориентировали мою книгу, увлекая меня вслед за ней. В Соединенных Штатах журналисты называли меня «французским социологом», а в один прекрасный день для известного парижского еженедельника я стал «американским социологом»!

В тот момент эти отклики были для меня чем-то парадоксальным, поскольку во Франции меня критиковали именно с позиций современной психологии. О «незнании направлений исследований в современной психологии» писал Безансон, о «многочисленных уступках фикциям традиционной психологии» — Фландрен^{1*}. Это совершенно справедливо в том смысле, что мне всегда было не просто избегать старых неточных слов, ныне звучащих архаично, а то и смехотворно, но по-прежнему живых в рамках моралистической и гуманистической культуры, к которой я принадлежу.

Эта старая критика по поводу надлежащего использования психологии заслуживает размышлений, и вот что я склонен сказать об этом сегодня.

Вполне можно заниматься историей поведения, то есть одной из сторон психологической истории, не будучи ни психологом, ни психоаналитиком, держась на расстоянии от теорий, словаря и даже от методов современной психологии, — и, тем не менее, оказаться интересным для психологов в их собственной сфере исследований. Если рождаешься историком, психологом становишься по-своему, совсем не так, как предписывает современная психология, скорее дополняя ее и соприкасаясь с ней. Тогда историк и психолог встречаются не на уровне методов, которые могут быть различными, а на уровне предмета исследования, постановки вопросов или, как сегодня говорят, «проблематики».

Обратное движение, от психологии к истории, также возможно, как это доказывает успех А. Безансона. И там же скрываются определенные опасности, которых М. Сорано (M. Sorano) не смог избежать, несмотря на многочисленные яркие находки и удачные сопоставления. В обращенной ко мне критической заметке Безансон подчеркивает, что «ребенок — это не только костюм, игры, школа, даже восприятие детства (то есть его исторические особенности, выявляемые эмпирически), это личность, развитие, история, реконструировать которые стремятся психологи», то есть «отправная точка для сопоставления». Блестящий специалист по XVI веку Н. Дэвис^{2†} искала эту отправную точку для сопоставления в модели, построенной социальными психологами на материале современного опыта. Безусловно, искушение психологов покинуть привычный мир, чтобы испытать свои теории, очень велико и очень обогащает науку, ведет ли оно их к традиционному обществу, к Лютеру или к последним «первобытным» народам. Может быть, этот метод оказался успешным для этнологов, тра-

¹ *Besançon A. Histoire et psychanalyse // Annales E. S. C., 19, 1964, p. 242, n° 2; Flandrin J. L. Enfance et société // Ibid., p. 322–329.*

* Фландрен Жак-Луи — французский историк, демограф. Это не единственный пункт его разногласий с Ф. Арьесом; так, Ж.-Л. Фландрен вместе с Ф. Броделем не согласен с мнением Арьеса о том, что если в XVII в. среди местных жителей очень мало незаконнорожденных детей, то молодежь до брака блюла невинность, так как противозачаточные средства были неизвестны. Об ошибочности такого мнения Ф. Арьеса см.: *Бродель Ф. Указ. соч. С. 170–176.*

² *Davis N. Z. The reasons of misrule: youth groups and charivaris on sixteenth century France // Past and Present, 50, feb. 1971, p. 41–75.*

† Дэвис Натали Энн Земон (р. 1928) — американский историк, автор исследований по истории Средневековья и Нового времени.

диционное же общество представляется мне менее податливым. Слишком легко интерпретировать отношения Шарля Перро* и его сына в современных терминах «подавляющего отца» и «избалованного ребенка», однако это ничего не добавляет ни к пониманию нашего сегодняшнего мира, поскольку не несет новой информации, ни к пониманию мира прошлого, поскольку здесь наличествует анахронизм, который подрывает достоверность сравнения. Впрочем, навязчивая боязнь анахронизмов (недуг всех историков?) не означает ни отказа от сравнения, ни безразличия к современному миру, нам известно, что в прошлом мы сначала видим различия, а потом и сходство с тем миром, в котором мы живем.

*
* * *

Если мой второй тезис был принят почти единогласно, первый (отсутствие восприятия детства в Средние века) был встречен историками с большой осторожностью.

Тем не менее сегодня можно сказать, что основные положения были приняты. Историки-демографы признали долго существовавшее безразличие по отношению к детям, историки ментальности отметили редкость упоминаний о детях и их смерти в семейных дневниках, как, например, дневник швеца из Лилля, опубликованный Лоттенем (A. Lottin). Они были поражены, подобно Бушару, отсутствием у семьи функции социализации³. Работы Агюлона продемонстрировали значение «жизни обществом» в сельских и городских сообществах при Старом порядке.

Однако критика более поучительна, чем подтверждение или согласие. Я задержусь на двух критических замечаниях.

Фландрен⁴ упрекнул меня в чрезмерной, «навязчивой» озабоченности проблемой «начала», из-за которой я провозглашаю абсолютную новизну там, где есть, скорее, изменение характера. Упрек оправдан. Этого недостатка трудно избежать, когда используешь регрессивный анализ, коим я всегда пользовался в своих изысканиях. Он слишком наивно толкает к абсолютизации изменения, которое на деле скорее является перекодированием, чем абсолютным нововведением. Приводимый Фландреном пример очень удачен: если в средневековом искусстве ребенок изображался как маленький взрослый, в меньшем масштабе, то относится это, пишет он, «не к существованию восприятия детства, а к его характеру». Ребенок, следовательно, отличался от взрослого человека, но лишь ростом и силой, тогда как остальные черты были общими. С этой точки зрения было бы интересно сравнить ребенка с карликом, который в средневековых типологиях занимает значительное место. Ребенок — это карлик, но карлик, про которого известно, что он не останется таковым, кроме случаев колдовства. Напротив, не является ли карлик ребенком, который в силу

* Перро Шарль (1628–1703) — французский писатель, автор «Сказок матушки Гусыни» (1697), трактатов и др. произведений.

³ Bouchard J. Un village immobile. 1972.

⁴ Flandrin J. L. Op. cit.

проклятия не растет, а быстро превращается в сморщенного старика?»

Другой вопрос критически поставлен Дэвис в ее замечательном исследовании, озаглавленном «Причины беспорядка: молодежные группировки и шаривари⁵ во Франции шестнадцатого века»⁶. Он сводится к следующему: на каком основании я могу утверждать, что традиционное общество не отличало детей и подростков от взрослых, не признавало самого понятия молодежи, если именно молодежь выполняла в сельских и городских средневековых сообществах санкционируемую обычаем шаривари постоянную функцию организации праздников и игр, а также контроля брачных и сексуальных отношений? В свою очередь Агюлон в замечательной книге о кающихся и франкмасонах посвятил целую главу молодежным группировкам, все больше занимающим сегодня историков, интересующихся народной культурой.

Проблема, поставленная Дэвис, от меня не ускользнула. Я признаю, что в этой книге лениво отмахнулся, сведя к уровню «пережитков», от фольклорных обычаев, размах и значение которых показали Н. Дэвис, М. Агюлон и другие.

Честно говоря, совесть моя была нечиста, именно поэтому я вернулся к данной проблеме на первых страницах краткой истории образования во Франции⁷. Я допустил существование в предшествовавшие Средневековью периоды в сельской и устной культуре сообществ, организованных по принципу возрастных классов, в соответствии с моделью этнологов. В этих обществах у каждой возрастной группы была своя функция и образование передавалось через инициацию, а внутри каждого возрастного класса через участие в основной деятельности.

Да будет мне позволено сделать небольшое отступление, чтобы предоставить слово одному молодому другу-археологу. Мы осматривали раскопки критского периода в Маллии, на Крите, мы спорили до ожесточения о Жанруа, Гомере, Дюби*, об этнологических моделях возрастных классов, об их новом появлении в эпоху раннего Средневековья, и он сказал мне приблизительно следующее: в прошлом нашей цивилизации мы никогда не находим эти этнографические структуры установившимися, в зрелом виде, но всегда в качестве пережитков, будь то в гомеровской Греции или в Средневековье героического эпоса. Он был прав. Невозможно освободиться от мысли, что мы слишком тщательно проецируем на наше традиционное общество структуры, выявленные сегодня этнологами у современных «первобытных» народов.

Но закончим отступление и допустим гипотезу «первичного общества», которое могло существовать на заре Средних веков и обладать признанными повсеместно этнографическими и фольклорными чертами.

⁵ Шаривари (charivari) — обычай устраивать обструкцию тому, кто вызвал недовольство, сопровождаемую стуком в котелки, криком и свистом перед его жилищем. — *Ред.*

⁶ Davis N. Z. *Op. cit.*

⁷ Написана между 1967 и 1970 гг., опубликована в 1972 г. (*Ariès Ph. Problèmes de l'éducation // La France et les Français, enc. La Pléiade. 1972, p. 869–961*).

* Дюби Жорж Мишель Клод (1919–1986) — французский историк-анналист, член Французской академии, профессор Коллеж де Франс, автор многочисленных книг по социально-экономической истории западноевропейского Средневековья.

* *Тацит Корнелий* (61/62—?) — римский историк, консул, идеолог сенатской аристократии, автор «Анналов», «Истории», «О происхождении германцев и местоположении германцев» и др.

⁸ Воистину детство Нерона закончилось и крепость молодости [пришла] (лат.). Здесь и далее перевод с латинского и других языков переводчика данной книги, если не указано иначе.

[†] *Бурр*, начальник преторианцев в 51—62 гг., был отправлен Нероном, который послал ему яд под видом лекарства от горла; в это время императору Нерону исполнилось 25 лет.

[‡] *Людовик II, принц де Бурбон-Конде* (1621—1686), прозванный Великим — выдающийся полководец, участник Тридцатилетней войны и Фронды. Битва при Рокруа состоялась в 1643 г.

⁹ Племяннику Мазарини, Паоло Манчини, едва исполнилось пятнадцать лет, когда он геройски погиб под стенами Парижа в конце Фронды. См.: *Dethant C. Mazarin et ses amis*. Paris, 1968.

[§] Эфебия в эллинистической Греции (за исключением Египта и Спарты) длилась от 1 года до 3 лет, между 18 и 20 годами, соответствия «обязательной воинской службе, как она организована современными государствами» (*Марру А.-И.* История воспитания в античности. М., 1998. С. 15).

¹⁰ Я имею в виду знаменитую скульптурную группу в музее Неаполя.

** *Аристогитон и Гармодий* — юноша и зрелый муж, близкие друзья, совершившие в 514 г. до н. э. покушение на афинских тиранов Гиппарха и Гиппия, впоследствии прославлены как народные герои. Скульптура, о которой говорит Ф. Арвес, является римской копией знаменитой скульптуры Крития и Несиода, I пол. V в. до н. э.

Тогда в этом обществе происходит важное изменение, быть может, в период феодализма и усиления старых кланов и клек. Оно касается образования и воспитания, то есть передачи знаний и ценностей. Отныне, то есть со Средних веков, образование происходит путем практического обучения «в людях». Но такое практическое обучение несовместимо с системой возрастных классов или, по крайней мере, способствует своим распространением ее разрушению. Невозможно переоценить значение практического обучения. Оно вынуждает детей жить среди взрослых, которые передают им таким образом свои умения и свое знание жизни. Смещение возрастов, которое оно влечет за собой, представляется мне одной из основных характеристик нашего общества с середины Средних веков до XVIII века. В этих условиях разделение на возрастные классы может только разрушиться и исчезнуть в связи с исчезновением потребности в нем.

Однако, и это бесспорно, разделение по возрастам сохранилось в сфере контроля за сексуальными связями и организации праздников, а мы знаем, каково значение праздников в повседневной жизни нашего Средневековья.

Как примирить существование того, что явно было чем-то большим, чем просто «пережитки», с ранним выходом детей в мир взрослых?

Не оказываемся ли мы одурачены, несмотря на противоположные аргументы Н. Дэвис, расплывчатостью самого слова «юность»? Даже еще не забытая латынь не облегчает дифференциацию. Нерону двадцать пять лет, когда Тацит* говорит про него — *certe finitam Neronis pueritiam et robur juventae adesse*⁸. *Robur juventae* — это сила молодого человека, а не юность и не отрочество.

Каков был возраст «молодежных аббатов» и их товарищей? Возраст Нерона в момент смерти Бурра[†], возраст Конде[‡] при Рокруа, возраст войны или ее имитации, бравады⁹. На самом деле «молодежные общества» были сообществами холостяков в эпоху, когда в народной среде часто женились поздно. Следовательно, противопоставление существовало между женатым и неженатым, между тем, кто имел свой дом, и тем, кто не имел его и жил у кого-то, между менее нестабильным и менее стабильным.

Итак, нужно безусловно признать существование молодежных сообществ, но в смысле сообществ холостяков. «Юность» холостяков Старого порядка не предполагала ни черт, которые отличали в античности или в этнографических обществах эфеба[§] от зрелого человека, Аристогитона от Гармодия^{10**}, ни тех, которые отличают сегодня подростков от взрослых.

*
* *

Если бы мне пришлось писать эту книгу сегодня, я постарался бы избежать искушения «абсолютным началом», отправной точкой, но основные черты остались бы прежними. Я лишь учел бы новые данные и подчеркнул бы роль Средневековья и его роскошной осени*.

В первую очередь я задержал бы внимание на очень важном явлении, которое мы все лучше узнаем — на существовании вплоть до конца XVII века терпимости по отношению к детоубийству. Речь не идет о разрешенной практике, как в древнем Риме; детоубийство было преступлением, которое сурово каралось. Однако к нему прибегали тайно, достаточно повсеместно, маскируя под несчастный случай, — дети умирали от нечаянного удушья в постели родителей, с которыми они спали. Ничего не делалось ни для того, чтобы уберечь их, ни для того, чтобы спасти.

Ж. Л. Фландрен проанализировал эту тайную практику в своем курсе, посвященном обществу XVII века (1972—1973 годы, готовится к печати в журнале «XVII век»). Он показал, что уменьшение детской смертности, наблюдаемое в XVIII веке, не может быть объяснено лишь прогрессом медицины и гигиены; оно вызвано тем, что детям уже не позволяли и не помогали умереть, когда не имели желания сохранить их.

В рамках того же цикла публичных лекций, посвященных обществу XVII века, отец Ги подтвердил версию Ж. Л. Фландрена, процитировав фрагменты из посттридентских требников, в которых епископы с наводящей на подозрения яростью запрещают укладывать детей на ночь в постели с родителями, где слишком часто случается, что ребенок гибнет, задохнувшись.

Никто не признавался в том, что помогает природе умертвить создания, в столь малой степени обладающие самостоятельным существованием, но никто и не рассматривал это как позор. Эти случаи относились к числу этически нейтральных вещей, осуждаемых церковной и государственной моралью, но практикуемых тайно, полусознательно, на грани между умыслом, беспамятством и неосторожностью.

К жизни ребенка относились тогда с той же неопределенностью, как сегодня к жизни плода, с той лишь разницей, что детоубийство было покрыто молчанием, тогда как дискуссии по поводу аборта ведутся сегодня в полный голос, — но в этом и заключается отличие цивилизации, основанной на тайне, от цивилизации, выставляющей все напоказ. Наступит время, в XVII веке, когда акушерке, этой специалистке белой магии, принятой на службу властями, будет отведена миссия охраны ребенка, когда родители, более образованные благодаря реформаторам

* Ф. Арьес намекает на книгу «Осень Средневековья» голландского историка И. Хейзинги, посвященную анализу позднего Средневековья; Хейзинга во многом был близок школе «Анналов».

и более чувствительные к смерти, станут бдительнее и захотят любой ценой сберечь своих детей.

Это полная противоположность происходящей у нас на глазах эволюции в сторону разрешения аборта. Тогда состоялся переход от тайно допускаемого детоубийства к все более и более требовательному уважению к жизни ребенка¹¹.

*
* *

Если физическая жизнь ребенка значила еще так мало, мы склонны предположить, что в столь единодушно христианском обществе больше внимания уделяется его будущей жизни, жизни после смерти. И мы подходим к захватывающей истории крещения, возраста крещения, его организации, которую, к моему сожалению, я совершенно не затронул в своей книге. Мне хотелось бы, чтобы кто-нибудь из молодых исследователей занялся ей. Это позволило бы выявить установки по отношению к жизни и к детству, существовавшие в очень отдаленную эпоху, небогатую документальными свидетельствами, — не для того, чтобы подтвердить или изменить начальную дату какого-то процесса, а чтобы показать, каким образом в ходе непрерывного видоизменения через сдвиг, подготовленный серией мелких модификаций, трансформировалась старая ментальность. История крещения представляется мне хорошим примером такого развития по спирали.

Я предложил бы будущим исследователям следующую гипотезу.

В обществе всеобщей христианизации, каковым является средневековое общество, каждый мужчина, каждая женщина должны были быть окрещены; это и происходило в действительности, но когда и как? Складывается впечатление (требующее подтверждения), что в эпоху расцвета Средневековья взрослые не слишком спешили окрестить своих детей, в самых тяжких случаях забывая это сделать. В обществе всеобщей христианизации они вели себя точно так же, как безразличные к религии люди нашего секуляризованного общества! Я вполне предполагаю, что все происходило следующим образом. Крещение происходило в определенные дни, дважды в год, накануне Пасхи и накануне Троицы. Не существовало еще ни приходских регистров, ни сертификатов, ничто не принуждало людей к крещению, кроме их собственной совести, давления общественного мнения и страха перед далекой, безоружной и слабой властью. Детей приносили крестить тогда, когда возникало желание, и задержки в несколько лет должны были происходить часто. Баптистерии^{*} XI и XII веков содержат, впрочем, большие емкости, напоминающие ванны, в которые можно было погрузить уже не очень маленького ребенка, — глубокие чаны, куда витражные мастера погружают Хлодвига[†] в момент его крещения или св. Иоанна во время его

¹¹ Аборты были легализованы во Франции в 1975 г. —

Прим. перев.

^{*} Баптистерий — здание, строившееся исключительно для совершения таинства крещения.

[†] Хлодвиг — франкский король (481—511) из династии Меровингов. Принял католическое христианство (в отличие от многих других варварских королей: вестготов, бургундов и др., — принявших арианство) в 496 г. вместе с 3000 своих дружинников; приняв католицизм, он обеспечил себе поддержку влиятельных слоев галло-римского населения (в особенности клира).

мученичества, настоящие прямоугольные ванны в форме саркофага.

Если ребенку случалось умереть в промежутке между днями рождения и крещения, это не давало повода для особенных переживаний.

Очевидно, средневековые пастыри были обеспокоены подобным состоянием душ и умножили число обрядовых установлений, чтобы позволить священникам как можно скорее прибыть к изголовью роженицы. Все более и более сильное давление, в частности со стороны нищенствующих орденов, оказывалось на семьи с целью принудить их к крещению как можно скорее после рождения ребенка. От коллективного крещения отказались, поскольку оно предполагало слишком большие промежутки, и, правилом, а вскоре и обычаем, стало крещение совсем маленького ребенка. От погружения перешли к ритуалу окропления, существующему до сих пор. (Но был и переходный ритуал, сочетавший погружение и окропление.) Наконец, акушеркам надлежало крестить недоношенных детей, *usque in utero*¹².

Позже, начиная с XVI века, приходские регистры позволили вести контроль за крещениями*, который могли осуществлять, например, проверяющие из диоцеза†, и которого не было раньше. Но в восприятии и в чувствах вопрос был уже решен, видимо, начиная с XIV века, который представляется мне переломным моментом в этой истории. Именно тогда дети стали часто встречаться в новом фольклорном произведении «Чудеса Богоматери», который я использовал в главе «Открытие детства».

В области мистического необходимо особо отметить определенный вид чудес, который появляется именно в это время или немногим позже, — воскресение умерших некрещеными детей на время, необходимое для выполнения таинства. Ж. Туссаер¹³ рассказывает о подобном чуде в Поперенге, 11 марта 1479 года. Это было новым, неожиданным, экстраординарным чудом, каких еще почти не встречалось. В XVI и XVII веках такие чудеса стали обыденными, существовали специальные святилища, где происходили такого рода события, уже никого не удивлявшие. Их мило именовали святилищами «отсрочки». М. Берно тонко проанализировал это явление в связи с одним чудом в церкви Благовещения в Экс-ан-Провансе в первое воскресенье Великого поста 1558 года. Чудом была не «отсрочка», явление в этой церкви настолько регулярное, что возник обычай класть умерших детей на алтарь, ожидая признаков оживления, чтобы окрестить их. Удивительным и волнующим было сверхъестественное самовозгорание свечи во время воскресения, именно это казалось экстраординарным, а не «отсрочка»¹⁴.

В 1479 году привычка еще не стерла изумления — несомненно, истоки культа были не так далеки.

¹² *Едва родившихся* (лат.).
* Ордономанс Франциска I (август 1539 г.) регистрации церковью браков, рождений и смертей был придан обязательный характер, параллельно стали проводиться более или менее всеобщие переписи населенных пунктов, числа «очагов» в них, регулярнее стали составляться списки налогоплательщиков, в это же время отмечаются «сдвиги в менгалитете», которые «изменили отношение к письменной фиксации самих людей и их действий» (см.: *Бессмертный Ю. Жизнь и смерть в средние века. М., 1991. С. 209*).

† *Диоцез, или епархия* — территориальный округ, подчиняющийся крупному церковному иерарху, епископу.

¹³ *Toussaert J. Le Sentiment religieux en Flandre à la fin du Moyen Age. Paris, 1963.*

¹⁴ *Bernos M. Réflexion sur un miracle // Annales du Midi, 82, 1970.*

Таким образом, все выглядит так, как если бы детскую душу, под давлением реформаторского движения в церкви, открыли раньше, чем тело. Но когда пожелания *litterati*¹⁵ были приняты, они тотчас вошли в систему представлений, и ребенок получил народное признание в качестве героя нового религиозного обычая.

*
* *

Еще один факт, значение которого недостаточно подчеркнуто в моей книге, должен задержать нас в XIV веке. Речь идет о надгробиях. Я уделил им несколько строк в главе «Открытие детства». Недавние исследования, посвященные отношению к смерти, позволяют мне сегодня быть более точным.

Среди неисчислимых надгробных надписей первых четырех веков нашей эры, повсюду бросающихся в глаза посетителю Рима, многие посвящены детям, маленьким детям нескольких месяцев от роду, — «скорбящие родители поставили это надгробие в память о их горячо любимом ребенке, умершем в возрасте стольких-то лет, месяцев и дней». В Риме, Галлии, Рейнской области многочисленные скульптурные надгробия объединяют на одном изображении супругов и детей. Потом, начиная с V—VI веков, семья и ребенок не изображаются на надгробиях, и исчезают надписи. Когда в XI—XII веках снова появляются портретные изображения, могилы индивидуальны, муж и жена погребены отдельно и, конечно, уже нет скульптурных детских надгробий. В Фонтевро могилы короля и королевы Плантагенетов разделены.

Обычай погребать вместе двоих, иногда троих супругов (мужа с первой и второй женой) становится распространенным в XIV веке, в тот же период, когда появляются еще редкие могилы с изображением маленьких детей. Сопоставление не случайно. Я упоминаю в главе «Открытие детства» портреты принцев Амьенских 1378 года, но это были дети королевской крови.

В церкви Таверни можно увидеть две настенные надгробные плиты с изображениями и надписями на месте захоронения детей из семьи Монморанси. Лучше всего сохранилась могила Шарля де Монморанси, умершего в 1369 году. Ребенок изображен завернутым в свои пеленки, что достаточно редко в этот период. Вот надпись, достаточно претенциозная: *Nic manet inclusus adolescens et puerulus / de Montmorenci Karolus tomba jacet ista / anno mille C. ter paradisii sensiit iter / ac sexagesimo novem simul addas in illo / gaudeat in christo tempore perpetuo*¹⁶. У Шарля был сводный брат Жан, умерший в 1352 году. Его могила сохранилась, но слишком хрупкий алебастровый барельеф исчез, так что мы не знаем, как выглядело изображение, возможно, ребенок также был завернут в пеленки. Его французская эпитафия гораздо проще: «Здесь покойся Жан де Монморанси, бывший сыном благородного мужа могущественного Шарля монсеньора де Монморанси, почивший

¹⁵ Образованных (лат.).

¹⁶ Здесь пребывает помещенным отрок и мальчик / Шарль де Монморанси покойся в могиле этой / года тысяча триста путем в рай направился / также шестьдесят девять добавить к этому / да возрадуется во Христе вечные времена (лат.).

в год Божьей милостью тысяча триста пятьдесят второй в 29-й день июля».

В обоих случаях есть портрет, в эпитафии названо имя отца, дата смерти, но отсутствует имя матери и возраст ребенка, а мы знаем, что в XIV веке возраст покойного, как правило, указывался.

В XV веке общие могилы родителей и детей и отдельные детские могилы встречаются чаще, а в XVI веке явление становится повсеместным, как я показал, опираясь на каталог Гёнбер. Но эти украшенные скульптурой или гравировкой надгробия остаются привилегией семей, имеющих высокий социальный статус (несмотря на то, что плоские плиты стали предметом массового ремесленного производства). Более часто встречаются маленькие настенные «таблички», на которых есть лишь надпись, иногда сопровождающаяся благочестивым изображением. Но некоторые из этих простых эпитафий относятся к детям, и стиль их вдохновлен античными латинскими надписями. Мы вновь встречаем тему родительской скорби в связи с ранней смертью ребенка.

Вот одна из них, 1471 года, из Санта-Марии Кампителли в Риме: *Petro Albertonio adolescentulo / cujus annos ingenium excedebat / Gregorius et Alteria parentes / unico et dulcissimo posuere / qui vixit annos iv M. III / Obiit MCCCCLXXI*¹⁷.

*
* *

Вернемся к теме завернутого в пеленки ребенка.

Лишь в XVII веке начали изображать реального ребенка как обнаженного путти. Раньше он был в пеленках или в одежде. С другой стороны, мы знаем, что со Средних веков душу изображали в виде обнаженного ребенка.

Однако существует несколько редких и любопытных случаев, когда душа также изображается запеленатой. В Риме, в церкви Санта-Мария Транстевере, есть икона «Успение Девы Марии» начала XV века, душа Богородицы на ней представлена в виде запеленатого ребенка, которого Христос держит на руках.

В музее Люксембурга на надгробии 1590 года два ангела возносят на небо запеленатое дитя. Это не портрет рано умершего ребенка. Надпись сообщает нам, что покойный умер в возрасте девятнадцати лет; значит, запеленатый ребенок — его душа.

Подобные изображения не так часты, но известен еще, по крайней мере, один более старый пример; возможно, здесь речь идет об иконографической традиции. В Вене хранится византийская резьба по слоновой кости конца X века, где Дева Мария также изображена в виде запеленатого ребенка*.

Изображение блаженной души как ребенка, чаще всего идеализированного и обнаженного, реже — более реалистичного и запеленатого, должно быть, связано с тем, что сказано выше по

¹⁷ Отрока Пьетро Альбертонио / который годы [свои] талантом превосходил / Григорио и Альтерия родители / единственного и дражайшего погребли / который прожил 4 года 3 месяца / скончался 1471 (лат.).

* Имеется в виду рельеф XI в. из стеатита со сценой «Успение Богоматери», находящийся в Венском Художественно-историческом музее; изображение души Богоматери в виде спеленатого младенца — традиционно для восточно-христианской иконографии.

поводу детоубийства и крещения. В самом деле, у средневековых спиритуалистов, которые стоят у истоков аллегории, душам избранных свойственна та же завидная невинность, что и крещеным детям, — и это в эпоху, когда в повседневной жизни ребенок был забавной вещицей, но не предметом нежных чувств.

Любопытно отметить, что душу перестанут представлять в виде ребенка в XVII веке, когда ребенка начнут изображать ради него самого, когда портреты живых и умерших детей станут встречаться чаще.

Любопытный надгробный памятник, хранящийся в Археологическом музее Санлиса, демонстрирует, как изменилась ситуация в конце XVII века. Он посвящен супруге Пьера Пюже, умершей в Санлисе в 1673 году в результате кесарева сечения. Она возносится на небеса в окружении облаков в позе молящейся, которая является знаком отречения, а ребенок, которого она хотела спасти, представлен обнаженным, одной рукой он протягивает ей пальмовую ветвь мученика, в другой держит ленту, на которой написано — *Meruisti*¹⁸. Ребенок здесь не анонимен. Он слишком индивидуален, чтобы символизировать потустороннее бытие, а душа слишком связана с личностными чертами человека, чтобы быть представленной через безличную аллегорю. Отныне отношения между покойными и живущими таковы, что их стремятся удержать в памяти и сохранить в доме, а не только в церкви или на надгробии.

В музее Маньен в Дижоне есть полотно, приписываемое Гиацинту Риго*. На нем изображены мальчик и девочка, выглядящие очень живыми, рядом с ними — медальон, в котором заключено изображение зрелой женщины в трауре, выглядящей мертвой. Однако, судя по всему, как раз женщина с медальона была живой, но считала себя умершей, и потому запечатлена именно так, тогда как, напротив, своих в действительности умерших детей она захотела изобразить со всеми признаками жизни.

*
* *

Опираясь преимущественно на французские источники, я отнес к концу XVII и к XVIII векам уход семьи с улицы, с площади, из коллективной жизни и ее замыкание в домашних стенах, лучше, чем ранее, защищающих от вторжения посторонних, больше приспособленных для создания личного пространства. Его новая организация стала возможной благодаря изоляции комнат, сообщающихся отныне между собой через коридор (вместо того, чтобы переходить анфиладой одна в другую), и их специализации (зал, столовая, спальня...). В очень интересной статье Р. Голдсуэйт показывает, что во Флоренции начиная с XV века наблюдается очень сходная приватизация семейной жизни, несмотря на некоторые различия¹⁹. Автор использует в качестве

¹⁸ [Ты] заслужила (лат.).
* *Риго Гиацинт* (1659–1743) — французский художник-портретист, работал в Париже, с 1682 г. — член Парижской академии.
¹⁹ *Goldthwaite R. A. The florentine palace as domestic architecture // American Historical Review, 77, oct. 1972, p. 977–1012.*

Дворец Строщи.
Флоренция

аргумента анализ флорентийских дворцов, их внешнего вида и того, что можно узнать об их внутренней организации. Речь идет, следовательно, о патрицианских семьях.

Для дворца XIII—XIV веков характерны прежде всего башня для обороны и открытая *loggia* (лоджия) на первом этаже, выходящая на улицу, где родственники, друзья и клиенты собирались, чтобы присутствовать и участвовать в общественной жизни квартала и города. В тот период не существовало альтернативы единству семейной и общественной жизни, одна продолжала другую, за исключением критических ситуаций, когда группа, находящаяся под угрозой, укрывалась в башне.

Помимо башни и лоджии, дворец мало чем отличался от других городских домов. Со стороны улицы первый этаж состоял из аркад*, которые продолжались от одного дома к другому, — входы в лавки, а также во дворец и на его лестницы. Внутри также отсутствовало единство, и внутреннее пространство дворца не совпадало с семейным. Комнаты, занимаемые семьей, могли примыкать к соседним домам, а другие люди, проживавшие в доме, могли занимать его центральную часть.

В XV веке изменились вид, план и смысл дворца. Во-первых, он приобрел монументальную целостность, отделившись от соседних зданий массивом. Исчезли лавки, так же как и посторонние люди, проживавшие в доме. Обособленное таким образом пространство целиком занимала не очень большая семья. Выходящие на улицу лоджии были снесены или закрыты. Дворец больше, чем раньше, свидетельствовал о могуществе семьи, но он и перестал быть открытым, доступным для других. Повседневная жизнь концентрировалась внутри грубого прямоугольника, вокруг дворика, укрытая от шума и нескромного любопытства улицы.

«Дворец, — пишет Р. Голдсуэйт, — принадлежал к новому миру *privacy*²⁰ и был целиком предназначен довольно небольшой группе». В самом деле, количество комнат было невелико: во дворце Строщи жилым был лишь один этаж, и там насчитывалось не больше дюжины комнат. Вместе с тем все эти комнаты формировали анфиладу, без какого-либо коридора или центрального помещения, предназначенного для общения, что не позволяло изолироваться и создать действительно личное пространство, как это сделает возможным архитектура XVIII века.

С другой стороны, мы знаем, что флорентийская семья *кватроченто*[†] была немногочисленна²¹. В флорентийском дворце не проживали многочисленные слуги и работники, что типично для больших домов Франции и Англии в XV—XVI веках или для Италии эпохи барокко в XVII веке, — не более двух-трех слуг, которых всегда держали недолго.

* Аркады — ряды одинаковых по форме и размеру арок, опирающихся на колонны или столбы.

²⁰ Приватность, частный характер (англ.).

[†] *Кватроченто* — 1400-е гг. — принятое в мировой историографии обозначение XV в. в истории итальянской культуры.

²¹ *Herlihy D. Vieillir à Florence au Quattrocento // Annales E. S. C., 24, nov.-déc. 1969, p. 1340.*

Рафаэль.
Портрет Магдалены Дони.
Ок. 1506.
Флоренция, Питти

* *Нуклеарная семья* — простая, или основная семья, состоящая из супружеской четы с детьми или без детей или одного из родителей со своими детьми, не состоящими в браке.

Пьеро делла Франческо.
Портрет Баттисты Сфорца,
герцогини Урбинской.
Флоренция, Уффици

Следовательно, флорентийская модель отличается от той, что я представил. Ее можно было бы сравнить с нашим XVIII веком — размеры семьи, отсутствие многочисленной прислуги, — если бы формирование частного пространства не сопровождалось устройством, мало совместимым с индивидуализацией.

Оригинальность Флоренции заключается, следовательно, в сочетании частного пространства с его обширностью, что хорошо проанализировано Р. Голдсуэйтом: эти дворцы «были, безусловно, задуманы, чтобы дать немногочисленной семье частный мир, только ей принадлежащий, но необычайно большой, превосходящий своими размерами жилые комнаты. В действительности, лучшим способом подчеркнуть новизну этих дворцов является их описание как частного пространства, осуществляющего экспансию из ядра, сформированного жилым помещением средних размеров».

Конечно, нам неизвестно назначение отдельных жилых комнат, если таковое и имело место. Вполне возможно, что *studiolo*, предшественник наших современных кабинетов, было в этом обществе гуманистов первой формой специализации частного пространства. И между тем эти комнаты без точной функции, но предназначенные для частной жизни уже украшались декоративными вещичками, подобно нашим безделушкам. Это тот же вкус к домашнему благополучию, что и на всех изображениях Рождества Богородицы, будь они фламандскими, французскими, немецкими или итальянскими, на всех картинах с интерьером XV века, где художнику доставляет удовольствие размещать ценные или привычные предметы.

Совершенно естественно, что в таком образом сформировавшемся частном пространстве между членами семьи, и прежде всего между матерью и ребенком, развивается новое чувство, чувство семьи. «Эта культура, — пишет Р. Голдсуэйт, — формируется вокруг центра, который состоит из женщин и детей, в ней есть новый интерес к воспитанию детей и примечательное повышение статуса женщины... Как иначе объяснить восхищение, а то и одержимость детьми и отношениями „мать—ребенок“, единственной, пожалуй, действительно важной темой Возрождения, с его путти, детьми и юношами, секуляризованными мадоннами и женскими портретами».

Если дворец эпохи Возрождения был, несмотря на свои большие размеры, предназначен для нуклеарной семьи*, укрывшейся за его массивными стенами, дворец барокко, как отмечает Р. Голдсуэйт, более открыт для посетителей и для прислуги, он ближе к классической модели «большого дома» (замок, усадьба, особняк или большая ферма) XVI—XVII веков, до разделения на независимые жилые помещения в XVIII веке.

Флорентийский пример XV века важен и значителен. Я отметил и прокомментировал в своей книге частоту, с которой встречаются начиная с XV века и далее в XVI веке признаки узнавания детства, будь то в художественных представлениях или в образовании (коллеж); однако Р. Голдсуэйт выявил в флорентийском дворце четкую связь между возникновением чувства семьи и особой организацией пространства. Мы пришли, таким образом, к необходимости предположить аналогичные отношения между поиском семейного и индивидуального частного пространства, что подтверждается изображениями интерьеров, начиная с миниатюр XIV века вплоть до полотен голландской школы.

*
* *

Сюжет еще далеко не исчерпан. История семьи еще лишь пишется и побуждает к серьезным исследованиям. После долгого молчания она развивается в нескольких направлениях. Эти направления были обозначены демографической историей*. Дай Бог, чтобы история семьи не подверглась такой же инфляции! Наиболее популярный сегодня период — XVI—XVIII века. Кембриджская школа с Ласлеттом (Р. Laslett) и Ригли (E. A. Wrigley) стремится окончательно решить вопрос о составе семьи, большой или супружеской²², ее изыскания вызвали отклики во Франции: подтверждение в отношении севера Франции, сомнения в отношении юга. Молодые французские историки в большей степени интересуются возникновением, как Гуэсс (J. M. Gouesse), и распадом (Лоттен) супружеской пары. Другие, подобно американскому историку Шортеру (E. Shorter), исследуют признаки появления в конце XVIII века большей свободы нравов. Библиография начинает увеличиваться, ее можно найти, так же как и современную постановку проблем, в трех номерах «Анналов»²³.

Остается лишь пожелать, чтобы историю семьи не захлестнуло обилие публикаций, связанных с модой на сюжет, как это произошло с ее молодой еще прародительницей демографической историей.

Увеличение числа исследований, посвященных периоду XVII и XVIII веков, которым способствует наличие более богатой, чем предполагалось, документации, поможет подтвердить или опровергнуть некоторые гипотезы. Однако в обозримом будущем мы рискуем вновь и вновь проходить уже до оскомины известные темы с незначительным прогрессом, не оправдывающим масштабы интеллектуального и информационного вклада в исследования.

Напротив, имеющая решающее значение информация должна прийти из Средневековья и античности. Мы с нетерпением

* В кон. 50-х — нач. 80-х гг. в Западной Европе и Америке имел место огромный интерес к историко-демографическим исследованиям, многие из них были посвящены эпохе XVI—XVIII вв.; тогда были введены в научный оборот приходские книги, налоговые переписи и др., началось использование математической статистики и компьютеров, заимствовались категориальный аппарат классической демографии, социологии, исторической демографии, исторической антропологии и смежных наук.

²² Коллоквиум «Домохозяйство и семья в прошлом» в Кембридже, 1969 г. См.: Pinchbeck I., Hewitt M. Children in English Society, t. 1. London, Toronto, 1969; Lohridge K. A. A new England town. New York, 1970; Hunt D. Parents and Children in History. New York, 1970; Demos J. A little Commonwealth. New York, 1970; статьи в *Анналах*, цитируемые ниже.

²³ *Annales E. S. C.*, 24, n° 6, 1969 (p. 1275—1430), 27, n° 4—5, 1972, p. 799—1233, 27, n° 6, 1972, p. 1351—1388.

²⁴ На этих нескольких страницах я ограничился темами детства и семьи, оставив в стороне частные проблемы школы и образования. После 1960 г. они стали предметом многочисленных исследований, например: *Riché P. Education et Culture dans l'Occident barbare. Paris, 1962;* *Snyders G. La Pédagogie en France aux XVIIe et XVIIIe siècles. Paris, 1963;* *Derreal H. Un missionnaire de la Contre Réforme. Saint Pierre Fourier. Paris, 1965;* *Ariès Ph. Problèmes de l'éducation...* Панораму исследований можно найти в материалах конференции в Марселе, организованной Р. Дюшеном (*Le XVIIe siècle et l'éducation // Marseille, n° 88*; обширная библиография).

ожидаем первых результатов исследований Мэнсона (Manson), посвященных игрушкам, куклам и в конечном счете детству в античности. Необходимо также с большей настойчивостью, чем я это сделал, обратиться к средневековым источникам, к неисчерпаемым XIV и XV векам, столь важным для становления нашей цивилизации, и к решающему поворотному моменту XI—XII веков и еще к более ранним периодам.

История ментальности всегда является сравнительной и регрессивной, независимо от того, признается она в этом или нет. Мы неизбежно начинаем с того, что мы знаем о поведении современного человека как модели, с которой мы сравниваем данные прошлого, — рассматриваем эту новую модель, сконструированную с помощью исторического материала, как новую отправную точку, — чтобы вновь вернуться к настоящему, изменив наивное представление о человеке, которое было у нас в самом начале.

На сегодняшний день отношения между XVII—XVIII и XIX—XX веками изучены далеко не полно, но нелегкое движение шаг за шагом позволит добиться определенного прогресса. В противоположность тому, дешифровка веков — тысячелетий! — предшествовавших XVI веку может открыть совершенно новое измерение. Именно здесь стоит рассчитывать на решающий прорыв²⁴.

Мезон-Лафит, 1973

Глава I Возрасты жизни

Человека XVI или XVII века очень бы удивили столь естественные для нас требования графы «гражданское состояние». Наши дети, едва начав говорить, узнают от нас свое имя, имя родителей и свой возраст. Как гордятся взрослые, когда их маленький Поль на вопрос о его возрасте тут же отвечает, что ему два с половиной года. И мы действительно считаем важным, чтобы малыш Поль не ошибся (что с ним станет, если он не будет знать, сколько ему лет!). В глубине африканских джунглей понятие возраста все еще достаточно смутно, оно не столь важно, чтобы постоянно о нем помнить. Но как в условиях нашей технической цивилизации можно забыть точную дату своего рождения, если мы должны вписывать ее в регистрационную карточку гостиницы, прибывая в другой город, если при любом запросе, при любой административной процедуре, при заполнении любой анкеты, — и лишь Богу известно, насколько увеличивается их количество изо дня в день, — постоянно необходимо ее помнить. Маленький Поль назовет свой возраст в школе и станет Полем Н., учеником такого-то класса, и когда его впервые примут на работу, он получит вместе с карточкой социального страхования регистрационный номер, который сможет заменить его собственное имя. Прежде всего он станет номером таким-то, такого-то пола, родившимся в таком-то месяце такого-то года, а потом уже Полем Н. Придет день, и каждому гражданину будет присвоен свой идентификационный номер — такова цель паспортных служб. Теперь о нас как о гражданском лице больше говорит время нашего рождения, чем наша фамилия. Она может даже если не исчезнуть, то использоваться лишь в частной жизни, в то время как идентификационный номер, включающий дату рождения, заменит ее при официальных контактах. В Средние века полагали, что имя — это слишком неопределенное обозначение, а потому дополняли его фамилией, происходящей зачастую от

*Якоб Йорданс.
Вслед за песней стариков
молодежь щебечет.
1630-е.
Дрезден. Картинная галерея*

Ян ван Эйк.
Портрет Маргариты ван
Эйк, жены художника.
Брюгге, Коммунальный
музей

названия местности. Теперь же следует делать еще одно уточнение, выраженное в цифрах, — возраст. Но имя принадлежит к миру воображения, фамилия — к миру традиции. Возраст, понятие количественное, поддающееся счету с точностью до нескольких часов, пришло из другого мира — мира строгих цифр. Сегодня наши ориентиры в области гражданского состояния относятся к разным мирам.

В то же время мы составляем в большом количестве документы, ко многому нас обязывающие, форма которых не требует упоминать дату рождения. Это разнообразные доверенности, чеки, договоры и завещания. Однако все они были придуманы достаточно давно — еще до вхождения в норму строгих требований современного паспортного режима. Требование записи в приходские книги точной даты рождения было введено для кюре Франциском I. Но чтобы это правило, уже предписанное властью соборов, стало выполняться, было необходимо примирить с ним нравы, долгое время бывшие враждебными строгости абстрактных цифр. Считается, что лишь с XVIII века священники заполняют приходские книги с той точностью и пунктуальностью, которые требуются в современном государстве от служащих, регистрирующих гражданское состояние. Важность для личности понятия о собственном возрасте постоянно входила в наш быт по мере того, как религиозные и светские реформаторы все с большей настойчивостью вводили его в документы, начиная с наиболее образованных слоев населения, то есть в XVI веке, с тех, кто проходил через коллеж. В мемуарах XVI—XVII веков, к которым я обращался, чтобы восстановить несколько примеров из школьной жизни¹, нередко в начале каждого фрагмента стоит возраст или дата и место рождения автора. Случается даже, что возраст становится объектом особого внимания. Его пишут на портретах как дополнительное свидетельство точности, индивидуальности и подлинности. На многочисленных портретах XVI века встречаются надписи такого рода: *Aetatis suae 29* — на его 29 году и дата написания картины — *ANDNI 1551*² (портрет Яна Фернагута кисти Поурбуса, Брюгге)³. На изображениях выдающихся личностей, на дворцовых портретах, ссылки на возраст и время в основном отсутствуют; но они есть на самом полотне или на раме семейных портретов, связанных с фамильной историей. Возможно, среди самых ранних — восхитительный портрет Маргариты ван Эйк*. Вверху — *co(n)iux m(eu)s Joh(ann)es me c(om)plevit an(n)o 1439, 17 Junii* (с какой точностью отмечено: мой муж написал меня 17 июня 1439 года); внизу — *Aetas mea triginta trium an(n)orum* (в возрасте 33 лет). В XVI веке такие портреты часто пишут парами — на одном жена, на другом муж. На том и другом стоит одно и то же число, повторенное перед датой рождения каждого супруга. Так, на обоих

¹ См. часть II, гл. 4.

² Год от рождества Христова 1551.

³ Exposition Orangerie, le portrait dans l'art flamand. Paris, 1952, n° 67, n° 18.

* Работы Яна ван Эйка (ок. 1390—1441).

полотнах Поурбуса, изображающих Яна Фернагута и его супругу Адриану де Бюк⁴, присутствует одна и та же надпись: Anno domini 1551, далее на портрете мужчины следует — Aetatis suae 29, а на портрете женщины — 19. Бывает, что женский и мужской портреты помещаются на одном полотне, как в случае с портретом супругов Ван Гиндертален, приписываемом Поурбусу. Супруги изображены с двумя малолетними детьми. Муж держит одну руку на бедре, а другой опирается на плечо жены. Двое детей играют у их ног. Дата — 1559 год, со стороны мужа — его герб с надписью aetas an. 27, а со стороны жены — герб ее семьи и надпись: Aetatis, мес. 20⁵. Эти своего рода данные о гражданском состоянии иногда приобретают настоящий мемориальный размах, как на картине Мартина де Воса^{*}, датированной 1572 годом, на которой изображен Антуан Ансельм, антверпенский эшевен[†] с женой и двумя детьми⁶. Супруги сидят каждый со своей стороны стола, один держит сына, другой дочь. Между их головами простирается прекрасный, тщательно расписанный картуш[‡] со следующей надписью: Concordi ae antonii anselmi et johannae Hoofmans feliciq: propagini, Martino de Vos pictore, DD natus est ille ann MDXXXVI die IX febr uxor ann MDLV D XVI decembr liberi ä Aegidius ann MDLXXV XXI Augusti Johanna ann MDLXVI XXVI septembr⁷. Мотив этого монументального текста, видимо, связан с чувством семьи и его развитием в этот период.

Семейные портреты с датами являются такими же документами истории семьи, какими три-четыре века спустя станут альбомы фотографий. Тем же духом пронизаны и учетные книги, где кроме счетов отмечались домашние события — рождения и смерти. Забота о точности хронологии постепенно сливается с чувством семьи. Речь идет не столько о личных данных отдельного человека, сколько о данных членов семейства. У людей возникает потребность писать историю семейной жизни, датируя ее. Это любознательное стремление ставить дату проявляется не только на портретах, но и на предметах быта и мебели. В XVII веке привычка гравировать или писать дату на кроватях, кофрах, сундуках, ложках, шкафах и праздничных бокалах становится повсеместной. Обычно она соответствует какому-нибудь волнующему моменту в жизни семьи, в основном дню свадьбы. В некоторых областях: Эльзасе, Швейцарии, Австрии, Центральной Европе — мебель XVII—XIX века, в частности мебель с росписью, снабжена датой, а также именами двух владельцев. В музее Туна я обнаружил среди прочих и такую надпись на сундуке: Ханс Бишоф — 1709 — Элизабет Мислер. Иногда даритель или мастер ограничивается инициалами, расположенными с обеих сторон даты свадьбы. Обычай этот будет очень распространен во Франции и исчезнет лишь в конце XIX века. Вот, например, какую надпись

⁴ *Op. cit.*, n° 67, 68.

⁵ *Op. cit.*, n° 71.

^{*} *Мартин де Вос (1531/32—1603)* — нидерландский художник, путешествовал по Италии, с 1558 — член гильдии св. Луки в Антверпене, с 1572 — ее декан, писал картины на религиозные, мифологические и аллегорические сюжеты, создал многочисленные образцы для гравюр.

[†] *Эшевен* — выборный член городского магистрата, старшина.

⁶ *Op. cit.*, n° 93.

[‡] *Картуш* — украшение в виде щита или полуразвернутого свитка, на котором помещается герб, эмблема, надпись, маска; особенно широко были распространены в XVI—XVIII вв.

⁷ Согласно Антония Ансельма и Иоганны Хофтманс в счастье: увековечено, Мартин де Вос художник, принесено в дар, рожден же он года 1536 дня 9 февр. жена года 1555 дня 16 декабря дети же Эгидий года 1575 21 августа Иоганна года 1566 26 сентября (лат.).

обнаружил служащий Музея народных промыслов⁸ Верхней Луары: 1873 LT JV. Обозначение возраста или какой-либо иной даты на портрете или предмете быта соответствует одному и тому же ощущению, побуждающему пополнять содержанием семейную историю.

Пристрастие к хронологическим надписям, просуществовавшее до середины XIX века у людей среднего состояния, довольно быстро исчезло в городской среде и при королевском дворе, где к нему, по-видимому, отнеслись как к проявлению наивности и провинциальности. Начиная с середины XVII века надписи на картинах постепенно становятся все более редкими (они еще встречаются, но по большей части у провинциальных художников или художников, имитирующих провинциальный стиль). На прекрасной мебели тех лет обычно стоит подпись, если же на ней есть и дата, то она почти незаметна.

Несмотря на то что в XVI веке в семейной эпиграфии возрасту придается все большее значение, в повседневной практике еще встречаются любопытные случаи пережитков прошлых времен, когда редкий человек мог легко вспомнить и точно назвать свой возраст. Выше я отмечал, что наш маленький Поль знает свой возраст, едва начав говорить. Санчо Панса не может назвать точного возраста своей дочери, и тем не менее он ее очень любит: «Ей около пятнадцати, может, года на два старше или младше, во всяком случае она большая, ростом с копьё, свежа, как апрельское утро»⁹. Санчо — человек из народа. В XVI веке даже среди прошедших школу, где современная привычка к точности уже наблюдалась и дети, безусловно, знали собственный возраст, любопытное представление о приличиях требует не называть его однозначно и прибегать к оговоркам. Когда Томас Платтер из Вале, гуманист и педагог, рассказывает о своей жизни¹⁰, он, конечно, указывает время и место своего рождения, однако ему кажется необходимым сопроводить это осторожным комментарием: «Прежде всего, я ни в чем так мало не уверен, как в дате своего рождения. Когда мне пришла в голову мысль справиться о дне, когда я родился, мне ответили, что я появился на свет в год 1499 на сыропуст¹¹... как раз, когда звонили к мессе». Удивительная смесь неуверенности и точности. На самом деле не стоит воспринимать буквально эту странную оговорку — речь здесь идет о принятых тогда канонах поведения, последних отголосках времен, когда не знали точных дат. Поражает, что внешнее незнание превратилось в правило хорошего тона: именно так следовало отвечать собеседнику на вопрос о возрасте. В диалогах Кордые два школяра на перемене спрашивают друг друга: «Сколько вам лет? — Тринадцать, как я слышал от моей матери»^{12*}. Даже когда навыки личной хронологии распространяются повсеместно, они не становятся положительным знанием и не рассеивают предше-

⁸ Musée des Arts et Traditions populaires. Exposition 1953, часть II, гл. XIII, n° 778.

⁹ *Сервантес М. Дон Кихот*, часть II, гл. XIII.

¹⁰ *Vie de Thomas Platter [l'ancien]*. Lausanne, 1895.

¹¹ Сыропуст — последний день Масляной недели.

¹² *Mathurin Cordier. Les Colloques*. Paris, 1586.

* «Беседы» Кордые, опубликованные в 1564 г. — одно из подражаний очень популярным в свое время «Домашним беседам» Эразма (1518, при жизни автора выдержали 100 переизданий, несмотря на то, что в 1526 г. книга была осуждена Сорбонной, а позже Лютером).

Ступени возрастов жизни

ствовавший мрак вокруг возраста, еще какое-то время существующий в хороших манерах.

*
* *

Тема возрастов жизни, возрастных периодов занимает большое место в псевдонаучных трактатах Средневековья. Используемая их авторами терминология может показаться чисто вербальной: детство и отрочество, юность и молодость, старость и дряхлость — каждое слово обозначает отдельный период жизни. Мы заимствовали некоторые из них для обозначения довольно абстрактных понятий (юность, старость), но эти значения не присутствовали в них изначально. На самом деле в те времена речь шла о научных терминах, ставших впоследствии общеупотребительными. «Возраст», «человеческий возраст», «возраст жизни» относились в сознании наших предков к понятиям положительным, настолько общеизвестным, повторяемым и употребляемым, что они перешли в конце концов из области науки в повседневность. Сейчас невозможно представить себе важность возраста как понятия в представлениях о мире. Возрастной период был научной категорией того же порядка, что вес и скорость для наших современников: это понятие принадлежало к системе описания и объяснения физических явлений, идущей от ионийской философской школы VI века до н. э., которую средневековые компиляторы обнаружили в позднеримских текстах и которая вдохновляла еще первые печатные книги, популяризирующие науку в XVI веке. Нашей целью не является ее точная формулировка и определение ее места в истории науки, нам важно только понять, до какой степени наука о возрасте становится общедоступной, как ее концепты проникают в повседневную интеллектуальную практику и что она представляет собой в обыденной жизни. Лучше понять существо проблемы нам поможет издание «Большого собрания всякого рода вещей»¹³. Речь идет о латинской компиляции XIII века, которая сама использовала тексты позднеримских авторов. Ее сочли необходимым перевести на французский язык, и она широко распространилась благодаря книгопечатанию: этот антично-средневековый трактат был, следовательно, объектом популяризации еще в середине XVI века. «Большое собрание всякого рода вещей» — это энциклопедия примитивных знаний, священных и мирских, своего рода Большой Лярусс, правда, не рассматривающий понятия аналитически, а, скорее, дающий представление о сущностном единстве природы и Бога. Сведенные в единое целое физика, метафизика, естественная история, физиология и анатомия человека, медицина и гигиена, астрономия и теология. Двадцать томов о Боге, ангелах, первоэлементах, человеке, человеческом теле, болезнях, небе,

¹³ Le Grand Propriétaire de toutes les choses, très utile et profitable pour tenir le corps en santé. Traduit par Jean Corbichon, 1556.

времени, материи, воздухе, воде, огне, птицах и т. д. Последний том посвящен числам и мерам. Там же можно найти и некоторые практические советы. Одна научная мысль, ставшая впоследствии всеобщим достоянием, прослеживается на протяжении всего труда — мысль о единстве природы, тесной зависимости, существующей между природными явлениями, неотделимыми от явлений сверхъестественных. Идея об отсутствии противоречий между естественным и сверхъестественным была свойственна одновременно и народным верованиям, унаследованным от язычества, и физической науке, бывшей вместе с тем теологией. Я склонен полагать, что задержкой научного прогресса мы обязаны этой строгой теории единства природы в гораздо большей степени, чем авторитету античной традиции или Писания. Мы воздействуем на какой-либо элемент природы только тогда, когда считаем, что его можно изолировать. Начиная с определенного уровня взаимосвязи между элементами любое вмешательство вызывает цепную реакцию и может перевернуть мироздание: ни одна из космических категорий не обладает достаточной автономией, нельзя сделать ничего вне всеобщего детерминизма. И познание природы ограничивается изучением связей между явлениями на основе одной и той же причинности — знанием, которое предвидит, но не изменяет. Иного выхода, кроме магии или чуда, из этой каузальности не существует. Один и тот же строгий закон регулирует сразу движение планет, жизненный цикл растений, отношение между стихиями, физиологию человека и его настроения и человеческую судьбу, благодаря чему астрология позволяет объяснить те или иные события в жизни человека в контексте всеобщего детерминизма. Еще в XVII веке люди настолько часто прибегают к астрологии, что Мольер, этот яркий ум, избирает ее целью своих насмешек в «Блистательных любовниках»^{*}.

Числовое соответствие представлялось тогда одним из ключей к глубинному единству: привычной была символика чисел — ее можно обнаружить как в теологических рассуждениях, так и в описаниях, сделанных с точки зрения физической науки, естественной истории и магической практики. Например, соответствие между числом стихий, человеческих темпераментов и времен года — 4. Нам трудно представить себе этот образ огромного мира, в котором можно выделить лишь несколько соответствий. Наука позволяла сформулировать эти соответствия и определить сущности, ими связанные. Однако эти самые соответствия за несколько столетий успели перейти из области науки в область народных верований. Концепции, созданные в Ионии VI века, со временем были восприняты повседневным сознанием, и именно так люди представляли себе мир. Категории антично-средневековой науки вошли в обиход: стихии, типы темперамента, планеты и их астрологический смысл, символика чисел.

^{*} Мольер Жан-Батист (настоящее имя — Жан-Батист Поклен) (1622–1673) — французский комедиограф и актер, сын обойщика, выпускник Клермонского коллежа. Насмешки Мольера над астрологией в «Блистательных любовниках» в монологе Сострата: «Принципса, не все умы наделены качествами...» (Мольер Ж.-Б. Собр. соч. М., 1994. Т. 3. С. 645–646).

Возрасты жизни служили также распространенным приемом описания биологии человека через скрытые связи внутри природы. Сама эта концепция, столь популярная, безусловно, восходит не ко временам расцвета античной науки, а к позднеримским драматическим спекуляциям — к VI веку¹⁴. Фульгенций обнаружил ее в «Энеиде»: в крушении, которое терпит Эней, он увидел символ рождения человека посреди бури существования. Он толкует песни II и III как образ детства, падкого на сказочные истории и т. д. Арабская фреска восьмого века также уже изображает возрасты жизни¹⁵.

Существует очень много средневековых текстов на эту тему. «Большое собрание всякого рода вещей» говорит о возрастах в VI томе. Здесь они соответствуют планетам, их 7: «Первый возраст — детство (*enfance*), которое сажает зубы, и начинается этот возраст с рождением ребенка и продолжается до семи лет, и в этом возрасте всякое существо называется дитя, что то же самое, что и не говорящее, — потому что в этом возрасте оно не умеет говорить, ни составлять в совершенстве фразы, так как зубы его еще не окрепли и не заняли своих мест, как говорят Исидор* и Константин. За детством следует второй возраст, называемый *pueritia*, и называют его так, потому что человек в этом возрасте подобен главному зрачку, как говорит Исидор, и продолжается этот возраст до четырнадцати лет».

«Потом наступает очередь третьего возраста, его называют отрочеством (*adolescence*), которое длится, по Константину в его поучении, до 21 года, а согласно Исидору, оно длится до 28 лет, доходя до 30 и 35 лет. Возраст этот называют так из-за того, что человек становится способным родить себе подобного, говорит Исидор. В этом возрасте члены гибки и могут еще расти, получая силу и мощь от природного тепла. И вследствие этого человек в этом возрасте достигает размеров и силы, данных ему природой». (Между тем рост прекращается не только до 30 или 35 лет, но и до 28. Прекращение роста, несомненно, происходило еще раньше в эпоху, когда раннее приобщение к физическому труду отвлекало ресурсы организма.)

«После наступает молодость (*jeunesse*) — она находится в середине меж всеми возрастами, и человек в этот период достигает своей самой большой силы. Молодость продолжается до 45 лет, по Исидору, или до 50, если отталкиваться от других авторов. Возраст этот зовут молодостью из-за силы, которая есть в нем, чтобы помочь себе и другим, говорит Аристотель. Потом, как учит Исидор, наступает зрелость (*senecté*) — возраст, расположенный между молодостью и старостью. Исидор называет его тяжестью, потому что человек в этом возрасте очень тяжел в поступках и манерах; в этом возрасте человек еще не старый, но уже прошел молодость, как говорит Исидор. После этого возвра-

¹⁴ *Comparetti. Virgile nel m.e., tome I, p. 144–155.*

¹⁵ *Van Marle. Iconographie de l'art profane. 1932, t. II, p. 144 et sq.*

* *Исидор Севильский (ум. 636)* — латинский автор энциклопедии «Этимологии, или Начала в 20 книгах», компиляции самых разных сведений, ставшей образцом стиля и композиции подобных сочинений в средневековой Европе.

Греза Ж.-Б.
Паралитик, или Плоды
хорошего воспитания.
1763.
Петербург, Эрмитаж

ста приходит старость (*vieillesse*) — одни утверждают, что она длится до 70 лет, другие — что она не кончается до самой смерти. Согласно Исидору, старость называется так, потому что старики превращаются в младенцев — они не понимают здравого смысла и на старости лишаются разума... Последняя стадия старости по латыни называется *senies*, а по-французски не имеет другого названия, только старость... Старик весь полон кашлем, харканьем и нечистотами (мы еще далеки от благородного старца Греза* и от романтизма) ...до тех пор, пока не возвращается в пыль и прах, из которых был сделан».

Сегодня подобные рассуждения нам могут показаться просто словесным мусором — они имели смысл для своего читателя, близкий к смыслу астрологии: они говорят об отношениях, связывающих судьбу человека с судьбами планет. Подобное же универсальное соотношение вдохновило еще одну периодизацию, связанную с двенадцатью знаками зодиака, таким образом возрасты жизни прямо соотносятся с одной из самых популярных тем Средневековья, особенно готического, — календарными картинками. Одно из стихотворений XIV века, многократно воспроизводимое в XV и в XVI веках, так развивает тему возрастного календаря¹⁶:

Шесть первых лет человеческой жизни
Подобны январю,
Когда все слабо и бессильно,
Как и ребенок до шести годов.

Или в другой версии XIV века:

В следующие шесть лет сил становится больше...
Назовем это февралем,
За которым наконец наступит весна...

.....
И когда человеку исполняется восемнадцать,
Он думает, что ему не страшна тысяча смертей,
Март становится жарким,
Вслед за ним приходит красота...
Месяц, который следует за сентябрем,
Называется октябрь,
Когда же исполняется шестьдесят лет,
Человек становится седым стариком,
И ему пора вспомнить,
Что пришло время умирать.

И еще одно стихотворение XIII века¹⁷:

У января два лица¹⁸.
Если на них посмотреть одновременно,
Можно увидеть прошлое и будущее.
Так и ребенок, не достигший
Шестилетнего возраста,
Мало чего стоит,

* Греза Жан-Батист (1725—1805) — французский художник-сентименталист, с 1767 г. — член Парижской академии со званием «художник жанра», автор портретов, бытовых сцен, часто с моралистическим содержанием, а также аллегорических и мифологических картин. Изображения старцев: «Паралитик, или Плоды хорошего воспитания», 1763; «Деревенская помолвка», 1761; «Отец, читающий детям Священное писание», 1761.

¹⁶ Grant *Kalendrier et compost des bergiers*. d. de 1500. См.: *Morawski J. Les douze mois figurez // Archivum romanicum*, 1926, p. 351—363.

¹⁷ *Morawski J. Op. cit.*

¹⁸ В календарях изображается как *Janus bifrons* (двулицый Янус).

Потому что мало что умеет и знает.
 Так пусть же его хорошо кормят,
 Так как тот, кто плохо начинает,
 Ничего не достигнет позже...
 В октябре, что приходит после,
 Человек должен посеять хлеб,
 Которым будет он кормиться весь год.
 Так должен поступать мудрый человек,
 Достигший шестидесяти лет:
 Он должен сеять в молодых добрые слова для примера
 И, как мне кажется, подавать милостыню.

Того же рода и соотнесение возрастов с другой четверкой понятий: *consensus quatuor elementorum, quatuor humorum, quatuor anni temporum et quatuor vitae aetatum*¹⁹. Примерно в 1265 году Филипп Новарский* говорит о «III temz d' aage d' ome»²⁰ — о четырех периодах человеческой жизни, в 20 лет каждый. Похожие рассуждения будут повторяться в текстах вплоть до XVI века²¹.

Нужно хорошо отдавать себе отчет в том, что вся эта терминология, кажущаяся нам сегодня надуманной, в те времена отражала научные понятия, а также соответствовала общераспространенному пониманию жизни. Здесь мы снова сталкиваемся с трудностями адекватной интерпретации, поскольку сегодня у нас уже нет этого восприятия жизни: жизнь — как явление биологическое, жизнь — как социальная ситуация, но не более того. И все же мы говорим «такова жизнь», чтобы выразить одновременно и наше смирение с чем-то непреодолимым и убеждение, что существует нечто вне биологического и вне социального, не имеющее названия, но волнующее, то, что мы ищем в хрониках скандалов или преступлений или о чем говорим: «да, это жизнь». Жизнь выходит тогда из скучных рамок повседневности и превращается в драму. Для человека прошлого, напротив, речь шла о неизбежном, непрерывном и цикличном чередовании возрастов жизни, — изображаемые то с юмором, то с грустью, они скорее отвечали общему и абстрактному порядку вещей, чем повседневному опыту, так как редко кому удавалось пройти все возрастные периоды в те времена высокой смертности.

Популярность темы «возрастов жизни» объясняет частое обращение к ней светского народного искусства. Тему эту можно найти в сюжетах капителей† XII века в Пармском баптистерии²². Художник решил одновременно изобразить притчу о виноградаре, рабочих 11-го часа и символику возрастов жизни. На первой картине виден виноградарь, возложивший руку на голову ребенка. Внизу надпись объясняет аллегорию детского образа: *prima aetas saeculi: primum humane: infancia*²³. Далее: *hora tertia: puericia secunda aetas*²⁴, рука хозяина на плече молодого человека, который держит топор и животное. Последний работник отды- хает в стороне: *senectus, sexta aetas*²⁵.

¹⁹ Четыре элемента, четыре темперамента, четыре времени года и четыре возраста жизни (лат.).

* Филипп Новарский (1195—?) — участник пятого крестового похода, поэт, дипломат, юрист (автор одного из трактатов, вошедших в состав «Иерусалимских ассиз» — законодательного свода Иерусалимского королевства), автор трактата «Четыре возраста жизни».

²⁰ *Langlois Ch. V. La Vie en France au Moyen Age. 1908, p. 184.*

²¹ 1568 г.

† Капитель — венчающая часть вертикальной опоры (колонны или пилястры).

²² *Didron, La Vie humaine // Annales archéologiques, XV, p. 413.*

²³ Первый возраст века первого человеческого: детство (лат.).

²⁴ Час третий: молодость — второй возраст (лат.).

²⁵ Старик, возраст шестой (лат.).

Но именно в XIV веке эта иконографическая традиция формирует основные черты, остающиеся неизменными почти до XVIII века; они легко узнаются как на капителях дворца Дожей²⁶, так и на одной из фресок Эремитани в Падуе²⁷. Сначала возраст игрушек: дети играют с деревянной лошадкой, в куклы, с вертушкой и птицей на привязи. Затем школьный возраст: мальчики учатся читать или держать в руках книгу и письменные принадлежности; девочки учатся прясть. После наступает черед возраста любви или куртуазных и рыцарских игр: прогуливающиеся вместе юноши и девушки, ухаживания, свадьбы или охота на картинках мая в календарях. Затем возраст войны и рыцарства: вооруженный мужчина. И наконец, возраст домоседства — возраст ученого человека или законника: старый бородатый ученый, одетый по устаревшей моде, перед своим пюпитром у огня. Каждый возраст соответствует не только определенному биологическому этапу, но и определенной социальной функции. Мы можем привести немало примеров очень молодых законников, но знание — в распространенных представлениях — удел стариков.

Те же черты искусства XIV века мы обнаруживаем и на гравюрах более народного, более лубочного характера — с XVI до начала XIX века там почти ничего не меняется. Эти картинки назывались «Возрастными ступенями», потому что на них изображались люди, соответствовавшие всем возрастам от рождения до смерти, один над другим. Они довольно часто стояли каждый на своей ступеньке лестницы — слева восходящей и нисходящей справа. В центре этой двойной лесенки, как под пролетом моста, стоит смерть в виде скелета с косою в руке. Здесь тема возраста пересекается с темой смерти, и совершенно не случайно: обе эти темы были среди самых популярных, гравюры с возрастными ступенями и плясками смерти повторяют вплоть до начала XIX века канонические черты, установившиеся в XIV—XV веках. Но, в отличие от персонажей плясок смерти, чьи костюмы остаются без изменений и относятся к XV—XVI векам, даже если гравюра датируется XIX веком, персонажи возрастных ступеней одеты по моде своего времени: на последних гравюрах XIX века появляются костюмы, в которых принимают первое причастие. Постоянство одних и тех же атрибутов тем более примечательно — это все те же ребенок верхом на деревянной лошадке, школьник с книгой и письменными принадлежностями, красивая молодая пара (юноша иногда держит в руках майское дерево — напоминание о праздниках юности и весны), военный в офицерском поясе либо с флагом в руках, — на нисходящей стороне люди одеты по моде прежних лет; там можно увидеть законника с сумкой для бумаг, ученых с книгами и астролябией, богомольцев — самое любопытное — с их четками²⁸.

²⁶ *Annales archéologiques*, XVII, p. 69, 193.

²⁷ *Venturi A. La Fonte di una composizione del guariento // Arte*, 1914, XVII, p. 49.

²⁸ Этот сюжет не являлся исключительно народным. В других формах он встречается в изобразительном искусстве и скульптуре: у Тициана и Ван Дейка и на версальском фронтоне Людовика XIV.

Повторяемость этих картин, которые помещали на стене рядом с календарями среди привычных предметов, поддерживала представление о жизни как череде этапов, каждый из которых соответствует определенному роду занятий, физическому типу, обязанностям и определенной моде. Периодизация жизни была столь же устойчива, как и структура общества или природные циклы. Несмотря на постоянное упоминание в сюжетах о старости и смерти, возрастные ступени остаются наивными и живописными картинками, довольно смешными характерными зарисовками.

*
* *

От античных и средневековых философских изысканий осталась довольно богатая возрастная терминология. Когда в XVI веке эту терминологию решили перевести на французский язык, то оказалось, что наш язык не располагает таким огромным запасом слов, как латынь, по крайней мере латынь научных трактатов. В 1556 году переводчик «Большого собрания» без околочностей признает эту трудность: «По-французски это гораздо труднее, чем на латыни, так как в латыни семи возрастам (по количеству планет) дано семь разных имен, из которых во французском можно найти лишь три, а именно детство, молодость и старость».

Надо отметить, что молодость означала зрелые годы, и таким образом для юности не оставалось места. Подростковый период и юность до XVIII века попадали под понятие детство. В латыни коллежей слова *puer* и *adolescens* употреблялись как синонимы и не имели особых оттенков. В Национальной библиотеке сохранились архивы коллежа иезуитов города Кана, среди них — список учащихся с оценкой их характера²⁹. Напротив имени мальчика 15 лет надпись *bonus puer*³⁰, а его тринадцатилетний соученик отмечен как *optimus adolescens*³¹. Байе в своей книге посвященной одаренным детям, признает, что во французском языке не существует терминов, чтобы различить *puer* и *adolescens*³². Есть лишь слово ребенок (*enfant*).

В конце Средних веков его смысл был весьма расплывчатым. Это слово означает и путти³³ (в XIV веке говорили «комната с детьми», когда речь шла о помещении, украшенном фресками с путти), и подростка, выросшее чадо с трудным характером, хулигана. В «Чудесах Богоматери» слово «ребенок» употребляется как синоним таких слов, как *valets*, *valeton*, *garçon* (парень, парнишка), *filis*, *beau-fils* (сын, пасынок)³⁴. «Парнишка» — так можно сказать и о ребенке («еще недавно был забавным парнишкой... сейчас вырос, стал большим»), и о молодом человеке — «красивый парнишка». Единственное слово, сохранившее эту очень старую неопределенность, это слово «gars», которое пришло в совре-

²⁹ Bibliothèque Nationale. Manuscripts. Fonds latin n° 10990 et 10991.

³⁰ Хороший мальчик (лат.).

³¹ Лучший юноша (лат.).

³² *Baillet*. Les Enfants devenus célèbres par leurs études. 1688.

³³ Излюбленный декоративный мотив Возрождения, скульптурное или живописное изображение маленьких детей.

³⁴ *Miracles de Notre-Dame*. Éd. G. F. Warner, Westminster, 1885.

менный разговорный язык прямо из старофранцузского, сохранив свое значение. Своеобразный был ребенок, «столь ленивый и столь бесчестный, что не желает ни узнать ремесло, ни вести себя как достойный ребенок... Охотно же бывает в компаниях обжор и людей досужих, которые часто устраивают драки в кабаках и борделях, и не найдется одинокой женщины, которой бы он не учинил насилие». А вот другой пятнадцатилетний ребенок. «Несмотря на то что он был красив и грациозен», он отказывает себе в удовольствиях — в верховой езде и посещении барышень. Отец его видит причину в робости: «Он еще совсем ребенок». На самом деле он посвятил себя Деве Марии. Отец понуждает его жениться: «Ребенок был наказан и насильно поведен». Он пытается сбежать, но получает смертельную травму на лестнице. Дева приходит за ним и говорит: «Милый брат, иди к своей суженой». «И ребенок испустил дух».

По календарю возрастов XVI века в 24 года человек «сильный и добродетельный ребенок»³⁵. «Ребенком становятся в семнадцать лет».

Дело обстоит также еще и в XVII веке: в донесении епископу 1667 года говорится, что в одном приходе «молодой ребенок около 14 лет от роду вот уже целый год по договоренности с жителями вышеназванного места учит читать и писать детей обоих полов и проживает в этом месте»³⁶.

К концу XVII века в старом значении слово «ребенок» употребляется лишь среди самых зависимых классов общества. Буржуазия его употребляет уже иначе, в современном ограниченном значении. Очень большая продолжительность детства, какой она представляется в повседневном словоупотреблении, происходит от безразличия, с которым тогда относились к чисто биологическим явлениям: никому и не приходит в голову провести границу детства после наступления половой зрелости. Понятие детства связано с идеей зависимости: слова сын, парень, гарсон принадлежат еще и к словарю феодальных или сеньориальных отношений зависимости. Детство кончалось тогда, когда кончалась или становилась меньшей зависимость. Вот почему относящиеся к детям слова еще долго будут в разговорном языке фамильярным обозначением для людей низших сословий, находящихся в полном подчинении у других: лакеев, солдат, подмастерьев. «Мальш», это вовсе не обязательно ребенок, но молодой слуга (подобно тому как сегодня мастер или начальник скажет о 20–25-летнем рабочем: это славный малый или, наоборот, никчемный).

Так, в 1549 году принципал коллежа, учебного заведения, Бадюель напишет отцу одного из своих учеников по поводу повседневного обихода: «Для всего, что связано с повседневным услужением, ему достаточно одного мальчишка»³⁷.

³⁵ См. прим. 16.

³⁶ Charmasse A. de. État de l'instruction publique dans l'ancien diocèse d'Autun. 1878.

³⁷ Causfrès J. Claude Baduel et la Réforme des études au XVIe siècle // Bull. Soc. H. du protestantisme français, 1880, XXV, p. 499–505.

В начале XVIII века словарь Фюретьера* уточняет словоупотребление: «Ребенок является еще и дружеским обращением, когда хотят приветствовать, приласкать или уговорить сделать что-нибудь. Также, когда пожилой особе говорят „до свидания, матушка“ („салют, бабуля!“ — в современном Париже), она отвечает „до свидания, дитя мое“ („пока, малыш“). Или же эта особа скажет лакею: „Малый, принеси мне то-то“. Хозяин скажет рабочим: „Давайте за работу, ребята“. Капитан скажет своим солдатам: „Смелей, ребята, держитесь стойко“». Солдат первого ряда, наиболее уязвимых, называли «отпетыми ребятами».

В ту же эпоху в высокородных семьях, где зависимость является следствием лишь физической неполноценности, относящаяся к детству слова употребляются только применительно к раннему возрасту. В XVII веке их употребляют все чаще: слово «малыш» (*petit enfant*) постепенно приобретает смысл, который мы ему придаем сегодня. В старину предпочитали говорить «малое дитя» (*jeune fille*), так еще продолжают иногда говорить и теперь. Это выражение можно найти в лафонтеновском переводе Эразма† (1714). Речь идет о девочке, которой еще нет и пяти лет: «Малое дитя едва начинает говорить»³⁸. Слово «маленький» (*petit*) тоже приобретает особое значение в конце XVI века: так называют учеников «малых школ», даже тех, кто уже вышел из детского возраста. В английском слово *petty*³⁹ имеет тот же смысл, что и во французском. В одном из текстов 1627 года можно встретить выражение *little petties*⁴⁰ — самые младшие ученики⁴¹.

С началом Пор-Рояля‡ и появлением вдохновленной им богатейшей педагогической и морализаторской литературы (которая, скорее, выразила общую потребность в моральном порядке, свидетелем которой явился Пор-Рояль) лексические термины, относящиеся к детству, становятся более многочисленными и более современными: ученики Жаклины Паскаль^{42§} разделены на «младших», «средних» и «старших». «Для малых детей, — все еще в соответствии с традицией пишет Жаклина, — нужно еще больше стараться, чем для других, особенно, чтобы их накормить и приручить. В этом они похожи на маленьких голубков». Устав малых школ Пор-Рояля предписывает: «только младшим следует каждый день ходить на мессу»^{43**}. Появляются новые интонации для слов «душка, ангелочек»⁴⁴. С ними начинается новое мироощущение XVIII века и эпохи романтизма. Мадемуазель Леритье⁴⁵ адресует свои сказки «молодым умам», «молодым особам»: «Эти образы подталкивают молодых особ к размышлениям, совершенствующим их разум». Выясняется, что век, который, как кажется, не уделяет никакого внимания детству, подарил нам выражения и словесные обороты, до сих пор часто употребляемые нами: в своем словаре на слове «ребенок» Фюретьер цитирует идиомы, знакомые нам с малых лет: «Испорченный ре-

* Словарь Фюретьера — «Универсальный словарь», изданный в 1690 г. в Амстердаме.

† Эразм (Дезидерий, Дидье) Роттердамский (настоящее имя — Херт Хертсен) (1466 или 1469–1536) — гуманист, родом из Нидерландов, автор многочисленных философских произведений: «Диатриба, или Рассуждение о свободе воли», «Оружие христианского воина», «Апология глупости» и др.

³⁸ *Érasme. Le Mariage chrétien.*

³⁹ Маленький (англ.).

⁴⁰ Младшие маленьки (англ.).

⁴¹ *Brinsley J. Ludus litterarius.* 1917.

‡ Пор-Рояль — парижское аббатство, оплот яansenизма (течения во французском и нидерландском католицизме, идейно близкого к протестантизму и названного по имени основателя — голландского теолога Корнелия Янсена) во второй половине XVII в.

⁴² *Jacqueline Pascal.*

Règlement pour les enfants (appendice aux Constitutions de Port-Royal, 1721).

[§] Паскаль Жаклина (1625–1661) — сестра французского философа, математика и физика Блеза Паскаля, монахиня цистерцианского монастыря Пор-Рояль.

⁴³ *Règlement du collège du Chesnay, in: Wallon de Beauvais. Suite des amis de Port-Royal. 1751, tome I,* p. 175.

§ Школы, организованные педагогами-янсенистами, которые отличались от иезуитских школ прежде всего тем, что в них старались избежать духа состязательности у детей; педагоги Пор-Рояля не хвалили и не брали детей и не раздавали наград.

⁴⁴ *Jacqueline Pascal. Op. cit.*

⁴⁵ *Storer M. E. La Mode des contes de fées.* 1928.

Грез Ж.-Б.
Балованное дитя.
1705.

Петербург, Эрмитаж

* Лили Джон (1553/1554—1606) — английский романист и драматург, его стиль оказал большое влияние на современников, в том числе на Шекспира; окончила Оксфордский университет, с 1575 г. — магистр искусств.

⁴⁶ Всем маленьким ребятам, всем маленьким детям (англ.).

⁴⁷ Miracles de Notre-Dame.

[†] Арго — особый язык ограниченной профессиональной или социальной группы, состоящий из произвольно избираемых видоизмененных элементов одного или нескольких естественных языков, употребляется с целью сокрытия предмета коммуникации, а также как средство обособления группы от общества.

[‡] Севинье Мария де Рабуотен-Шанталь (1626—1696) — автор знаменитых писем дочери, Франсуазе де Гриньян, в которых изображались нравы и события Версальского двора начиная с 60-х гг. XVII в.; письма эти стали образом светского эпитолярного красноречия.

⁴⁸ «Вы ошибаетесь, полагая, что я больше люблю малышей, чем этого карапуза (pichon)». Mme de Sévigné. Lettres. 12 juin 1675; 5 oct. 1673.

⁴⁹ Coulanges. Chansons choisies. 1694.

⁵⁰ Bouzonnet-Stella Cl. Jeux de l'enfance. 1657.

бенок, который рос, как хотел, без опеки. Собственно, мы скажем, что это уже и не ребенок — хитрость и расчет возникают весьма рано». «Невинен, как младенец». Не казалось ли нам, что эти выражения появились не раньше XIX века?

Однако язык XVII века все еще довольно сильно заплетается, когда речь идет о детях: ему не хватает слов, которые в достаточной мере отделяют маленьких детей от более взрослых. Впрочем, такая же ситуация и в английском — слово baby применяется и к большим детям. Латинская грамматика на английском языке, изданная Лили* (ей пользовались с начала XVI века до 1866 года), адресована all lyttell babes, all lyttell children⁴⁶.

Во французском языке существуют выражения, обозначающие, скорее всего, совсем маленьких. Таково слово roupart. В одном из «Чудес Богоматери» есть персонаж — «малыш». Он хочет накормить нарисованного младенца Иисуса. «Добрый Иисус, видя упорство и добродетель малыша, заговорил с ним и сказал ему: „Не плачь, чадо (roupart), через три дня ты будешь вкушать со мной“». На самом деле roupart — совсем не то, что мы называли бы малюткой, «bébé». Его еще зовут «служкой» (clergeon)⁴⁷, он носит стихарь и прислуживает в церкви: «Это был один из тех детей малых, которые еще не знают букв и охотнее сосали бы грудь матери своей, чем были на божественной службе!» В языке XVII—XVIII веков roupart уже не означает «ребенок» — оно означает то, что мы сегодня, изменив слово, называем куклой (roupée).

Таким образом, французский язык вынужден заимствовать из других языков или из школьного и профессионального арго[†] слова, означающие по-французски само понятие «маленький ребенок», на которое теперь обращают внимание: так было в случае с итальянским bambino, превратившемся во французское bambin. Мадам де Севинье[‡] употребляет его провансальский синоним pitchou — несомненно, она слышала его во время своего пребывания у Гриньянов⁴⁸. Ее двоюродный брат де Куланж, не любящий детей, но, тем не менее, постоянно рассуждающий о них⁴⁹, особенно настороженно относится к «трехлетним карапузам» (marmusets) — это очень старое слово, ставшее теперь в современном просторечии marmots, — «соплякам с запачканными подбородками, сующим руки в тарелки». Точно так же употребляются слова из арго — латинского коллежа, спортивной или военной академии: «братец», «кадет», а когда детей много — rorulo, или «мелюзга»⁵⁰. Наконец, входит в привычку употребление уменьшительных имен и суффиксов: слово «дитяtko» (fan fan) есть как у мадам де Севинье, так и у Фенелона[§].

Со временем эти слова поменяют смысл и будут означать ребенка маленького, но уже не совсем младенца. Останется еще одна лагуна — ребенок первых месяцев жизни; этот язык-

[§] Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ламот (1651–1715) — с 1683 г. — член Французской академии; с 1689 по 1695 гг. — воспитатель герцога Бургундского, автор романа «Приключения Телемаха», написанного в назидание внуку короля, за этот роман, вызвавший неодобрение Людовика XVI, был сослан.

* Керубино — юный паж, герой пьесы П. Бомарше «Женитьба Фигаро» (1784).

^{§1} Affiche de recrutement pour le régiment du Royal Piémont à Nevers, 1789. Exposition: l'affiche, Bibliothèque Nationale, 1953, n° 25.

ковой пробел заполнится лишь в XIX веке с заимствованием из английского языка слова *baby*, означавшего в XVI–XVII веках ребенка школьного возраста. И это завершающий этап данной истории — с французским *bébé* самые маленькие обрели, наконец, имя.

*
* *

Если словарный запас, относящийся к раннему детству, расширяется и все более специализируется, то по-прежнему остаются размытыми границы между детством и отрочеством, с одной стороны, и категорией, называемой молодостью — с другой. Представления о том, что мы называем подростковым периодом, или юностью, еще не было, и оно долго не появится. Оно угадывается в XVIII веке в двух персонажах: один социальный — новобранец, а другой литературный — Керубино*. В образе Керубино преобладает неопределенность периода полового созревания, акцент сделан на женоподобных чертах юноши, выходящего из состояния детства. Сам образ не нов: учитывая, что люди рано начинали самостоятельную жизнь, полные и гладкие формы мальчика перед вступлением в период половой зрелости придавали ему некую женственность. Этот факт объясняет легкость, с которой героини романов барокко начала XVII века передеваются из мужчины в женщину и наоборот: например, завязывается дружба между двумя юношами или девушками, но один из них оказывается ряженым и т. п. Как бы ни были легковверны в любую эпоху читатели авантюрных романов, должен был существовать хотя бы минимум сходства между девочкой и безбородым еще мальчиком (я полагаю, что и брились тогда не слишком чисто). Тем не менее это сходство не осознается в качестве отличительной черты определенного возраста — подросткового периода. Мужчины без бороды и усов с неоформившейся внешностью — не подростки; они ведут себя уже как взрослые, они командуют другими людьми и сражаются. В случае с Керубино все наоборот — его женственность увязана с переходным возрастом, когда ребенок становится взрослым: она является символом определенного состояния на данном отрезке времени, времени, когда зарождается любовь.

У Керубино не будет наследников. Напротив, проявлением подросткового периода у мальчиков станет мужская сила, и подросток символизируется в XVIII веке новобранцем. Прочитаем афишу о наборе на военную службу конца XVIII века^{§1}. Она адресована «блестящей молодежи»: «молодые люди, желающие той же репутации, что и этот славный полк, могут обратиться к господину д'Амбруну. Они (вербовщики) вознаградят тех, кто доставит к ним стройных парней».

Тициан.
Три возраста жизни.
Мадрид. Прадо

Самый первый тип современного юноши — это вагнеровский Зигфрид: тема Зигфрида впервые выражает смешение чистоты (временной), физической силы, естественности, спонтанности, радости жить, которая сделает из юноши героя нашего XX века, века тинейджеров. То, что появляется в вагнеровской Германии, появится во Франции чуть позже — в 1900-х годах. «Юность», тогдашнее отрочество, станет литературной темой и объектом пристального внимания моралистов и политиков. Люди начинают всерьез задаваться вопросом, о чем думает молодежь, и публиковать многочисленные исследования о молодом поколении, например труды Масси и Анрио. Молодость выступает в качестве пристанища новых ценностей, способных оживить старое, больное общество. Нечто подобное наблюдалось уже в романтическую эпоху, но без четкой связи с возрастной группой, да и предназначалось это лишь для читающей публики, оставаясь сугубо книжной темой. И наоборот, понятие юности и самих молодых лет становится общепринятым и довольно банальным после войны 1914 года, когда фронтовики в массе своей оказались противопоставлены старым поколениям, оставшимся в тылу. Сначала юность обретает возрастной смысл у ветеранов: его можно обнаружить во всех воевавших странах, даже в Америке Дос Пассоса*. Затем юность расширит свои границы — отодвинет детство назад, а зрелость вперед. Отныне даже брак, который уже не означает степенности, не прекращает пору юности: женатый юноша — один из наиболее специфических типов нашего времени; он выдвигает свои ценности, запросы и нравы. Так, мы переходим от времен без юности к временам, в которых юность самая привилегированная возрастная категория. Юным стараются стать как можно раньше и оставаться им как можно дольше.

Эта эволюция сопровождается параллельной, но направленной в противоположную сторону эволюцией старости. Известно, что в прежнем обществе старость наступала рано. Примеров много — мольеровские старикашки молоды по нашим меркам[†]. Однако в иконографии старость не всегда предстает в виде немощного старца: старость начинается с выпадением волос и постоянным ношением бороды, живописный образ старика — просто лысый мужчина. Такой старик фигурирует на картине Тициана, изображающей возрастную категорию. В XVIII веке бытует общее мнение, что старик смешон сам по себе. Ротру[‡] хочет выдать свою дочь за пятидесятилетнего: «Ему всего 50. Да еще — ни зуба!»

Нет в природе человека, что бы его не осудил
С Сатурнова века или со времен Потопа;

* Дос Пассос Джон (1896—1970) — американский писатель, автор трилогии «США» («42 параллель», «1919», «Большие деньги»), романов «Три солдата», «Манхэттен» и др.

† Действительно, Журден («Мещанин во дворянстве»), Гарпагон («Скупой»), Жорж Данден («Жорж Данден, или Одураченный муж»), Арган («Мнимый больной») и другие мольеровские старики «вынуждены» были нести на себе печать ампулы, «жанрового клейма» дряхлых стариков, однако, с другой стороны, они ведут активную жизнь, а Арган имеет совсем маленькую дочь.

‡ Ротру Жан (1609—1650) — французский драматург и поэт, один из литературных секретарей Ришелье, автор многочисленных пьес («Ипохондрик», «Диана» и др.), испытал влияние Лопе де Веги и, в свою очередь, оказал влияние на Расина и Мольера.

Антуан Ватто.
Сатира на врачей.
Москва, ГМИИ

⁵² Rotrou. La Sœur.

⁵³ Rotrou. La Mère coquette.

* *Нестор* — в греческой мифологии сын Нелея, старейший среди осаждавших Троию, снискал славу красноречием и мудростью.

† *Ретиф де ля Бретон* (1734—1806) — французский писатель, один из наиболее демократических, плебейских писателей XVIII в., автор романов «Добродетельная семья», «Совращенный поселянин» и мн. др., является также автором трактатов с предложением реформ и нововведений в разных областях жизни, в частности «Глоссограф» — предложение коренной реформы орфографии французского языка.

Грез Ж.-Б.
Обманутый слепец.
Москва, ГМИИ

Из трех ног, что служат ему опорой, две едва держат,
Он спотыкается от старости на каждом шагу,
И беспрестанно его надо поддерживать иль поднимать⁵².

Когда ему станет на десяток лет больше, он будет походить на старца Кино:

Над палкой, скрюченный, своей наш бравый старичок
Харкает, кашляет, сморкается — смотреть потеха —
И кормит старыми рассказами Изабель до отупения⁵³.

В старой Франции старость нисколько не уважают:

это возраст ухода от дел, возраст чтения книг, молитв и глупого брюзжания. В XVI—XVII веках образ полноценного человека — человека молодого: военный в офицерском поясе на вершине возрастной пирамиды. Сегодня его назвали бы юным. Но в те времена он принадлежит ко второй возрастной категории, которую в XVII веке называют молодостью и которая находится между детством и старостью. Фюретьер, все еще воспринимающий все-речь архаические проблемы периодизации человеческой жизни, склоняется к промежуточному понятию зрелости, однако признает, что оно не вошло в повседневный обиход: «Юристы объединяют в одну категорию молодость и зрелость». XVII век узнает себя в этой командующей молодости, подобно тому как век XX — в своих юношах.

Сегодня же старость исчезла, по крайней мере, из языковой нормы, где слово старик — «старикан» — еще существует с каким-то жаргонным налетом, с оттенком презрения или покровительственного отношения. Эволюция произошла в два этапа; сначала был уважаемый старец, седовласый старейшина, Нестор*, дающий мудрые советы, патриарх, обладающий ценным опытом: старик Греза, Ретифа де ля Бретона† и всего XIX века. Он еще не жизнедеятелен, но это уже и не развалина XVI—XVII веков. И сегодня среди прописных истин фигурирует то же почтение к старости. Однако это почтение, по правде говоря, лишено объекта, так как в наше время — и это второй этап — понятие «старик» ушло из нашей жизни. Его заменили «человек в возрасте» и «дама или мужчина, хорошо сохранившиеся». Пока еще буржуазное представление, но постепенно приобретающее признание народа. Технологическая идея консервации вытесняет биологическое и нравственное понятие старости.

*
* *

Все происходит так, будто у каждой эпохи есть своя привилегированная возрастная группа и собственные правила периодизации человеческой жизни: «молодость» — привилегированный возраст XVII века, детство — века XIX, подростковый период — XX столетия.

Эти вариации от века к веку связаны с демографической ситуацией. Они свидетельствуют о наивном толковании общественным мнением той или иной эпохи демографической структуры, о которой оно не может составить объективного суждения. Так, отсутствие юности, презрение к старости или, наоборот, исчезновение понятия «старость», по крайней мере, в значении деградации и появление юности можно рассматривать как реакцию общества на изменение продолжительности жизни. Ее увеличение вызвало из небытия временные отрезки, уже поименованные учеными поздней империи и Средних веков, пусть и не существовавшие в повседневной жизни, а современный язык заимствовал древнюю терминологию, имевшую сугубо теоретическое происхождение, чтобы обозначить новые реалии: последняя перипетия столь долгое время популярной, а ныне забытой темы «возрастов жизни».

В эпохи краткой жизни понятие «привилегированный возраст» имеет большее значение, чем в наши дни долгой жизни. В следующих главах мы будем особенно внимательны к признакам детства. Нам не следует забывать, насколько относительно представление о детстве по отношению к значению, признанному за «молодостью». Это время не принадлежит ни детям, ни юным, ни старикам: это будет время людей молодых.

¹ Évangélaire d'Otton III.
Munich.

² Малье (лат.).

* Однажды, когда свирепствовал голод, Николай Мирликийский оказался на одном постоялом дворе, хозяин которого убил троих подростков, чтобы кормить ими своих постояльцев. Николай воскресил их. Воскрешение св. Николаем трех детей — весьма распространенный сюжет в европейской христианской иконографии: дети обычно стоят на кадке, а святой осеняет их крестным знаменем.

³ Vie et Miracle de saint Nicolas. Bibl. Nat.

⁴ Psautier de saint Louis de Leyde.

⁵ Ср. сцену «Пустите ко мне малых детей» в четвероевангелии Оттона и в Bible moralisée de saint Louis, f° 505.

[†] Людовик IX Святой (1214–1270) — король

Избиение младенцев.
Кодекс Эгберта. XI век.
Райхенау

Средневековое искусство примерно до XII века не касалось темы детства и не пыталось его изобразить. Трудно было бы представить, что пробел этот существует по причине отсутствия опыта или художественного мастерства. Скорее, в том мире не было места для детства. Миниатюра оттоновского времени (XI век) дает впечатляющее представление о том, насколько художник искажает — с позиций нашего видения и ощущения — детскую фигуру и лицо¹. Сюжет: сцена из Евангелия, где Иисус просит пустить к нему малых детей. В латинском тексте сказано ясно: *parvuli*². Однако миниатюрист собирает вокруг Христа восемь настоящих мужчин без единой детской черты, они изображены лишь в меньшем масштабе. Только рост отличает их от взрослых. На французской миниатюре конца XI века три ребенка, воскрешенные св. Николаем*, тоже изображены в меньшем масштабе, чем взрослые, никакая другая черта, хотя бы в выражении лиц, не отличает одних от других³. В очень редких случаях, когда художник рисует обнаженную детскую натуру, он изображает мускулатуру взрослого человека. В Псалтыри св. Людовика Лейденского, датированной концом XIII века, у Измаила вскоре после его рождения мышцы груди и живота, как у взрослого мужчины⁴. Несмотря на то что XIII век относится с большим вниманием к изображению детства⁵, прием остается тем же. В нравоучительной Библии св. Людовика[†] дети появляются чаще, но понять, что это дети, можно только по их размерам. Эпизод из жизни Иакова: Исаак сидит в окружении двух жен и двух десятков низкорослых людей, достающих до пояса взрослого, это их дети⁶. Иов в награду за непоколебимую веру становится богатым, и иллюстратор, подчеркивая его богатство, помещает Иова между огромным стадом домашних животных (справа) и столь же многочисленной толпой детей (слева) — традиционный образ неразделимости богат-

Мадонна с младенцем.
Санта Мария Тагул. 1123.
Барселона, Каталонский
музей искусств

Франции (с 1226 г.) из династии Капетингов, проводил реформы, имевшие целью централизацию государства, возглавил 7 и 8 крестовые походы, канонизирован.

⁶ Bible moralisée de saint Louis, t. 5. Laborde A. de. Bibles moralisées illustrées. 1911—1921, 4 vol. de planches.

⁷ Évangélaire de la Sainte-Chapelle; см.: Martin H. La Miniature française. Pl. VII.

⁸ Exposition des bronzes sardes. Bibl. Nat., 1954, n° 25, pl. XI.

⁹ Colombier P. du. L'Enfant au Moyen Age. 1951.

Nativita.
Ок. 1123.
Барселона,
Музей епископства

ства и плодovitости. На другой иллюстрации к книге Иова дети изображены построенными по росту.

В другом месте — в иллюстрированных евангелиях из Сент-Шапель XIII века⁷ — в момент раздачи хлебов Христос и один из апостолов стоят рядом с маленьким человеком, который им по пояс. Несомненно, речь идет о ребенке, несущем рыбу. В мире романских художественных форм до конца XIII века просто нет детей со свойственными им чертами — там люди уменьшенного роста. Отказ принять в искусстве детскую морфологию свойствен для большинства древних цивилизаций. Прекрасная сардская скульптурная композиция из бронзы IX века до рождества Христового представляет собой что-то вроде умиления богоматери: мать держит на руках тело достаточно большого сына⁸. Однако в каталоге говорится, что, возможно, имеется в виду ребенок: «Маленькая мужская фигурка может быть также и ребенком, который, следуя традиции, принятой другими народами в древние времена, изображался как взрослый человек». Все выглядит так, будто реалистическое изображение ребенка или идеализация детства — детской грации и форм — является уделом греческого искусства. Невозможно сосчитать маленьких Эротов в эллинистическую эпоху. Детство полностью исчезает из иконографии вместе с другими эллинистическими мотивами, и римская традиция возвращается к отказу от специфических черт детства, характерному для еще более древних, доэллинистических, времен. Здесь не только простое совпадение. Мы отталкиваемся от мира представлений, которому детство не знакомо: историки литературы (монсеньор Кольве) делают то же замечание по поводу героико-эпической литературы, где чудо-дети ведут себя столь же бесстрашно и обладают той же физической силой, что и настоящие герои. Это, безусловно, означает, что люди X—XI веков не задерживают своего внимания на детстве, не представлявшем для них интереса и даже не являвшемся частью реальности. Это наводит еще и на ту мысль, что в области нравов и привычек, а не только в эстетическом выражении детство считалось переходным периодом, быстро проходящим, о котором скоро забывали.

Такова наша отправная точка. Каким же образом человечество пришло к версальским карапузам и к детским фотографиям всех возрастов в наших семейных альбомах?

К XIII веку появляется несколько детских типов, близких современному восприятию.

Первый — ангел, изображаемый в виде очень молодого человека, подростка; служка, как его называет дю Коломбье⁹. Но сколько лет служке? Более или менее подросшие дети, воспитанные для того, чтобы помогать во время службы, предназначенные к принятию сана, — что-то вроде семинаристов в эпоху, когда еще не существует семинарий и когда только латинская школа

Ангел.
Собор в Реймсе

¹⁰ Miracles de Notre-Dame.

* Анджелико, Фра Джованни да Фьезоле (Гвидо ди Пьетро), прозванный Фра Беато (ок. 1400—1455) — итальянский живописец флорентийской школы, писал картины и фрески на религиозные сюжеты, после 1420—1422 гг. — монах доминиканского ордена. *Боттичелли* Сандро (ок. 1445—1510) — итальянский живописец флорентийской школы, работал во Флоренции и Риме, писал картины на религиозные, мифологические, аллегорические и литературные сюжеты, а также портреты.

Гирландайо Доменико (1447—1494) — итальянский

Доменико Гирландайо.
Мадонна с младенцем, ангелами и святыми. Фрагмент.
Флоренция. Уффици

готовила клириков. «Здесь, — говорится в одном из „Чудес Богоматери“¹⁰ — дети малого возраста, не знающие грамоты, которые с большим удовольствием сосали бы грудь (однако их отнимали от груди очень поздно, шекспировскую Джульетту в три года все еще кормят грудью), чем исполняли божественную службу». Например, реймский ангел будет уже, скорее, юношей, чем ребенком, но художник отметит с любовью некоторые плавные и округлые, немного женственные черты, свойственные очень молодым людям. Взрослые уменьшенных размеров с миниатюры периода правления Оттона уже далеко позади. Этот тип ангела-подростка очень часто встречается с XIV века и существует до конца итальянского кватроченто: ангелы Фра Анджелико, Боттичелли и Гирландайо* принадлежат к этому типу.

Второй детский тип станет моделью для всех детских изображений в истории изобразительного искусства: младенец Иисус или Богоматерь с сыном, так как детство связано здесь еще и с тайной материнства и культом Девы Марии. Сначала Иисус остается, как на изображениях других детей, уменьшенной копией взрослого человека: маленький Бог-Отец во всем величии, представленный Сыном Божиим. Переход к более эмоциональному и реалистичному изображению ребенка начинается в живописи очень рано: на одной из миниатюр второй половины XII века на Иисусе легкая, почти прозрачная рубашка, он обнимает за шею мать и прижимается к ней, щекой к щеке¹¹. С материнством Девы Марии раннее детство проникает в мир художественных образов. В XIII веке оно вдохновляет художников на другие семейные сцены. В Библии с комментариями св. Людовика¹² можно найти сюжеты, где родители изображены в окружении детей с тем же оттенком нежности, что и на хорах в Шартре; такова семья Моисея: супруги держатся за руки, а дети (уменьшенные взрослые) тянут свои руки к матери. Однако такие сюжеты редки: очарование раннего детства ограничивается младенцем Иисусом, и так продолжается до XIV века, когда, как известно, итальянское искусство даст толчок развитию этой темы, связав ее с материнской нежностью.

Третий детский тип появляется в эпоху готики: обнаженный ребенок. Маленького Христа почти никогда не изображают обнаженным. Чаще всего он, как и другие дети его возраста, предстает целомудренно завернутым в пеленки либо одетым в рубашку или платье. Он обнажится лишь в конце Средних веков. На тех нескольких миниатюрах Библии с комментариями, где есть детские сцены, обнажены только невинные младенцы и мертвые дети на суде Соломона. Образ юной наготы вошел в изобразительное искусство как аллегория смерти и души. Уже в довизантийской иконографии V века, обозначившей первые черты будущего романского искусства, мертвые тела уменьшали в размерах.

Пьеро делла Франческо.
Ангел.
Арrezzo. Церковь Сан Франческо

живописец флорентийской школы, работал при дворе Медичи, писал картины на религиозные и мифологические сюжеты, а также портреты; учитель Микеланджело.

¹¹ Manuscrits à peinture du VIIe au XIIe siècle. Exposition Bibl. Nat., 1954, n° 330, pl. XXX.

¹² См. прим. 6.

¹³ Iliade, de l'Ambrosienne de Milan.

¹⁴ См. прим. 6.

¹⁵ Miroir d'humilité.

Valenciennes, f° 18, начало XV века.

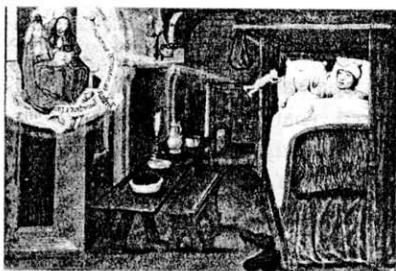
Доменико Гирландайо.
Старик с ребенком.
Париж. Лувр

Трупы меньше, чем живые тела. В Амброзианской «Илиаде» погибшие воины вполтину меньше живых¹³. В традициях нашего средневекового искусства душа изображается в виде обнаженного бесполого ребенка. На картинах Страшного суда именно так выглядят души праведников, отправляющихся в лоно Авраама. Маленькая фигурка выходит изо рта умирающего — символ ухода души. Точно таким же образом символизируется и приход души в этот мир, идет ли речь о чудесном, непорочном зачатии — ангел, принесший Благоую весть, передает в руки Девы Марии душу Христа, маленького обнаженного ребенка¹⁴, — или о зачатии естественном — супружеская пара лежит на кровати, внешне все выглядит пристойно, но между ними уже что-то произошло, так как маленький обнаженный ребенок спускается с небес и входит в рот женщины¹⁵: «сотворение человеческой души природным путем».

На протяжении XIV и особенно XV веков эти средневековые типы развиваются в направлении, обозначившемся уже в XIII веке. Мы уже отметили, что ангел-служба будет вдохновлять религиозную живопись и в XV веке, не претерпев значительных изменений. Напротив, тема младенца Христа начиная с XIV века будет становиться богаче и разнообразнее: ее успех и богатство воплощений свидетельствуют о развитии в коллективном сознании особого восприятия детства, присутствие которого в XIII веке можно выделить только при очень внимательном рассмотрении и которого вовсе не существовало в XI веке. В композиции с Иисусом и его матерью художники будут подчеркивать грациозные наивность и нежность, характерные для раннего детства: ребенок, ищущий грудь или собирающийся поцеловать или обнять свою мать; ребенок, играющий в детские игры, — с привязанной за лапку птицей, с яблоком; ребенок, которого кормят кашей; пленение ребенка. Каждое действие, связанное с темой, присутствует на картинах, и тот, кто хочет, без труда может его разглядеть. Эти черты эмоционального реализма довольно поздно выходят за пределы религиозной иконографии, впрочем, это и неудивительно — то же происходит с пейзажем и с жанровыми сценами. Как бы то ни было, композиция Девы с Ребенком меняется и становится более мирской, становится сценой из повседневной жизни.

Сначала очень робко, а потом все чаще и чаще религиозное изображение детства перестает ограничиваться маленьким Иисусом; начинает изображаться детство Девы Марии, внесшее по меньшей мере две новые и часто встречающиеся темы; первая — тема рождения Марии: оживление царит в комнате у роженицы, новорожденную купают, пленают и показывают матери; вторая — тема воспитания Марии: Дева учится читать по книге, которую держит св. Анна. Затем появляется детство и других свя-

Зачатие ребенка и творение его души.
Миниатюра из фламандского календаря нач. XVI века

тых: Иоанна Предтечи, товарища Иисуса по детским играм, св. Иакова и детей святых жен: Марии Саломии, Марии Зеведеевой. Возникает совершенно новая иконография, со множеством детских сцен и с явным стремлением изобразить вместе всех этих святых детей, с матерями или без них.

Появление этой иконографии, восходящей в основном к XIV веку, совпадает с расцветом детских историй в легендах и рассказах духовного содержания, таких как «Чудеса Богоматери». Она продержалась до XVII века в живописи, на шпалерах и в скульптуре. У нас еще будет случай к ней вернуться, когда мы будем говорить о духовной практике детей.

И наконец, от этой религиозной иконографии детства отделится в XV—XVI веках светская иконография. Ребенок еще не появляется на изображениях один. Жанровая сцена развивается через преобразование аллегорической условной иконографии, навеянной антично-средневековым представлением о природе: возрасты жизни, времена года, основные чувства, стихии. Бытовые сцены и жизненные зарисовки вытесняют статические изображения символических персонажей. Ниже мы остановимся более подробно на особенностях этого процесса¹⁶. А пока отметим, что ребенок становится одним из самых частых героев маленьких историй: ребенок в семейном кругу; ребенок и его товарищи по игре, часто взрослые; ребенок в толпе, но не сливающийся с ней, — сидит на руках у матери или держит ее за руку; играет или пишет, присутствует при чуде, стоит рядом со святыми мучениками, внимает проповеди, участвует в праздничной службе, например Сретения или Обрезания Господня); ребенок — подмастерье художника, ювелира и т. д.; ребенок в школе — тема столь же частая, сколь и старая, она восходит к XIV веку и будет лежать в основе жанровых сцен вплоть до XIX столетия.

Еще раз оговоримся: жанровые сцены не посвящены исключительно описанию детства, но часто в образе главных или второстепенных персонажей присутствуют дети. Из этого можно сделать два вывода: во-первых, дети в повседневной жизни смешивались со взрослыми, и всякое скопление народа, будь то полевые и другие работы, массовые гуляния или игры, собирало вместе и детей и взрослых; во-вторых, внимание художников намеренно задерживается на изображении ребенка из-за его грации и живописности (вкус ко всему забавному развился в XV—XVI веках и совпадает по времени с первым проявлением чувств по отношению к раннему детству), художнику нравится выделять ребенка в общей толпе или группе. Две позиции, одна из которых представляется нам архаической, — сегодня, как и в конце XIX века, существует тенденция разделять мир детей и мир взрослых, — тогда как другая предвосхищает современное восприятие детства.

¹⁶ См. часть III, гл. 2.

Бернардино Фунгаи.
Мадонна с младенцем.
Начало XVI века.
Петербург, Эрмитаж

Детские надгробия.
Копия Гэньвер

*
* *

Если корни образов ангелов, святых детей и их последующего иконографического развития находятся где-то в XIII веке, то именно в XV веке появляются два новых типа изображения ребенка: портрет и путти. Как мы уже заметили, в Средние века, по крайней мере начиная с XIII века, ребенок присутствует на многих картинах, но не существует ни одного портрета того времени, — портрета реального ребенка таким, каким он был в определенный момент своей жизни.

В надгробных барельефах (фигурках), описание которых сохранилось в каталоге Гэньвер, ребенок начинает фигурировать очень поздно, в XVI веке¹⁷. Любопытная деталь — он появляется сперва вовсе не на детской могиле или могиле родителей, а на могиле учителя. На надгробиях болонских профессоров изображается урок, который дает учитель в окружении учеников¹⁸. Начиная с 1378 года кардинал де ла Гранж, амьенский епископ, заказывает изображение двух принцев, чьим опекуном он является, десяти и семи лет, на портале своего собора¹⁹. Мысль о сохранении образа ребенка не возникала, если ребенок выжил и стал взрослым или если он умер в младенчестве. В первом случае детство — всего лишь переходный период, память о котором не стоит фиксировать; во втором случае, в случае смерти ребенка, ранний конец чего-то столь маленького не заслуживал запоминания — детей много и далеко не все переживут критический возраст! Это отношение преобладало довольно долгое время и люди старались родить побольше детей, дабы сохранить из них хотя бы нескольких. Еще в XVII веке одна соседка, жена судейского чиновника, так успокаивает жалующуюся роженицу, мать пятерых «сволочат»: «Прежде чем они станут способны доставить тебе немало хлопот, ты потеряешь половину, если не всех». Странное утешение²⁰! Люди не могли слишком сильно привязаться к тому, что считалось возможной скорой потерей. Это объясняет слова Монтеня, немного странно звучащие для нашей чувствительности: «Я потерял двоих или троих в грудном возрасте, не то чтоб я не сожалел о них, но не роптал»²¹; или мольеровскую фразу относительно Луизон из «Мнимого больного»: «Мальшка не в счет». Общественное мнение, видимо, как и Монтень*, «не различает в малых детях ни душевных движений, ни узнаваемых телесных черт». Мадам де Севинье приводит без тени удивления подобное выражение мадам де Коткен, упавшей в обморок при вести о смерти маленькой дочери: «Она была потрясена и сказала, что у нее никогда уже не будет такой милашки»²².

Никто не думал, что ребенок уже заключал в себе человеческую личность, как мы полагаем сегодня. Слишком многие умирали: «У меня они все умирали во младенчестве», — отмечает Мон-

¹⁷ Caignières. Les Tombeaux.

¹⁸ Zaccagnini C. La vita dei maestri e degli scolari nella studio di Bologna. Genève, 1926, pl. IX, X...

¹⁹ До этого изображения детей на надгробиях встречались в исключительных случаях.

²⁰ Le Caquet de l'accouchée. 1622.

²¹ Монтень, Опыты. II, 8.

* Монтень Мишель де (1533–1592) — французский философ и писатель, автор знаменитых «Опытов» (1580–1588), сборника эссе, пронизанных своеобразным гуманистическим скептицизмом.

²² Mme de Sévigné. Lettres. 19 août 1671.

Гюго ван дер Гус.

Обрезание. Левая створка триптиха «Поклонение волхвов». XV век. Петербург, Эрмитаж

ть. Такое безразличие — прямое и неизбежное следствие демографической ситуации в ту эпоху. В деревенской глубинке оно сохранялось вплоть до XIX века, конечно, с поправкой на христианство, уважающее у крещеного ребенка бессмертную душу. Известный факт — в Стране Басков очень долго держался обычай хоронить в доме, под порогом или в саду умерших некрещеными детей. Может быть, это отголоски очень древнего обряда принесения жертвенных даров. Но хоронили рано умершего ребенка просто где придется, как закапывают сегодня какое-нибудь домашнее животное, кошку или собаку. Младенец столь мало значил и был связан с жизнью столь тонкими нитями, что никто не боялся, что он будет возвращаться после смерти, чтобы доучать живым. Отметим, что на гравюре, открывающей *Tabula Sebetis*²³, Мериан поместил маленьких детей в некую маргинальную зону между землей, откуда они выходят, и жизнью, куда они еще не вошли и от которой их отделяет портик с надписью: *Introitus ad vitam*²⁴. Не говорим ли мы еще сегодня «войти в жизнь» в смысле «покинуть детство»? Это довольно безразличное отношение к детству, как к хрупкому материалу, из которого лишь немного сохраняется в целости, недалеко ушло от «бесчувственности» китайского или римского общества, где существовала практика детских базаров. Пропасть, пролегающая между нашим пониманием детства и его восприятием до демографической революции и появления ее предпосылок, очевидна. Она не должна нас удивлять, так как выглядит совершенно естественно в демографическом контексте той эпохи. Напротив, поразительно раннее развитие особого восприятия детства, когда демографическая ситуация еще не была благоприятной. Объективно, с точки зрения статистики оно должно было появиться гораздо позже. Можно допустить, что дело в любви ко всему забавному и милому в маленьком существе, в ощущении «игрушечности» детства — веселое подтрунивание над глупостями и наивностью малышки, «детские нелепицы», которые забавляют нас, взрослых, на которые смотрят, чтобы развлечься, как на «проделки мартышки»²⁵. Это чувство вполне совместимо с безразличием по отношению к главной и определяющей части личности ребенка — его бессмертной душе. Новое увлечение портретом показывает, что дети выходят из анонимности, в которой они находились из-за малых шансов выжить. Примечательно появление в эпоху демографического расточительства самой потребности сохранить, зафиксировать черты ребенка, впоследствии выжившего или умершего. Портрет умершего ребенка, в частности, доказывает своим существованием, что к ребенку уже не относятся как к неизбежному побочному продукту. Эта позиция не исключает противоположной установки, как у Монтеня, жалующейся роженицы и Мольера, — они сосуществуют до XVIII века. Лишь в конце XVIII века с появлением маль-

²³ Merian. *Tabula Sebetis*. 1655. См.: *Lebègue R. Le Tableau de Cehes // Arts*, 1952, p. 167—171.

²⁴ Вхождение в жизнь (лат.). * Термин «демографическая революция» был введен французским демографом А. Ландри в 1934 г. и обозначает коренные изменения в воспроизводстве населения в процессе исторического развития — в Европе демографическая революция имела место в сер. XIX—нач. XX вв., хотя уже в кон. XIX в. во Франции намечалась тенденция к снижению темпов роста населения.

²⁵ Монтень, *Опыты*. II, 8.

Антонис ван Дейк.
Портрет Клелии Каттанео.
1623. Вашингтон, Национальная галерея

тузианства* и распространением контрацепции исчезнет мысль о неизбежности такого расточительства.

Появление в XVI веке портрета умершего ребенка отмечает очень важный момент в истории чувств. Сначала этот портрет — просто надгробное изображение. Ребенок изображается на могиле своих родителей. На репродукциях в каталогах Гэньер очень маленький ребенок часто рядом с матерью или же в ногах покоящихся²⁶. Все могилы XVI века: 1503, 1530, 1560 годы. Среди столь же любопытных могил Вестминстерского аббатства отметим могилу маркизы Винчестерской, умершей в 1586 году²⁷. Сама маркиза изображена лежащей в натуральную величину, на передней стенке надгробия фигурирует маленькая статуэтка ее супруга, преклонившего колени, и крошечная могила ребенка. В том же Вестминстере граф и графиня Шрусбери изображены на надгробии (1615—1620) лежащими, их дочь стоит у них в ногах на коленях, молитвенно сложив руки. Отметим, что дети, окружающие усопших, не всегда изображают умерших: просто вся семья собирается вокруг главы, как если бы это было в момент последнего вздоха. Однако рядом с живыми — изображение уже умерших детей. Их различает одна деталь — последние меньше первых и держат в руках крест (могила Джона Коука в Холкхэме, 1639) или же череп: на могиле Коупа Эйли в Хамблдоне (1633) четыре мальчика и три девочки окружают усопших. Один из мальчиков и одна из девочек держат в руках череп.

В тулузском музее августинцев есть любопытный триптих из кабинета Дю Межа²⁸. Две крайние картины датированы 1610 годом. С каждой стороны от изображения снятия с креста — коленопреклоненные дарители, муж и жена. Им по шестьдесят три года. Рядом с мужчиной виден ребенок, он одет в костюм, который носят дети до пяти лет, — платье и фартук девочки²⁹, на голове — большой колпак, украшенный перьями. Яркая одежда ребенка, зеленое с золотым, подчеркивает строгость черных костюмов дарителей. У этой 63-летней женщины не может быть сына пяти лет. Речь идет об умершем ребенке, несомненно единственном, о котором пожилая чета хранила память: они захотели видеть его рядом с собою в его самом прекрасном наряде.

Дарить церквям картины или витраж было благочестивой традицией, в XVI веке даритель изображался там со всей семьей. В немецких церквях можно до сих пор увидеть множество такого рода картин, размещенных на стенах или колоннах, которые являются семейными портретами. На одной из них, относящейся ко второй половине XVI века и находящейся в церкви св. Себастьяна в Нюрнберге, видно стоящего рядом с двумя уже большими сыновьями отца и шестерых мальчиков, которых трудно отделить друг от друга, так как один стоит за спиной у другого и они почти сливаются. Не умершие ли это дети?

* Теория, названная по имени Томаса Роберта Мальтуса (1766—1834) — английского демографа, автора «Опыта о законе народонаселения» (1789), в котором он утверждал, что репродуктивная способность людей превышает репродуктивную способность земли, вследствие чего условия жизни людей не могут быть улучшены за счет увеличения численности населения, поэтому прирост населения сдерживается при помощи разрушительных (голод, болезнь, война) или предохранительных (поздний брак и целомудрие) средств.

²⁶ Caignières. Tombeaux.

²⁷ Fr. Bond. Westminster Abbey. London, 1909.

²⁸ Musée des Augustins, n° 465 du catalogue.

²⁹ Van Dyck, K. der K., pl. CXXIV.

Ж. Нокре.
Королевская семья.
Музей Версаля

* Гольбейн Ганс Младший (1497/98–1543) — немецкий живописец, работал в Базеле и Лондоне, писал портреты, картины на исторические и религиозные сюжеты, делал рисунки для витражей и гравюр, исполнял декоративные росписи.

† Людовик XIV (1638–1715) — король Франции с 1643 г., чье правление является вершиной французского абсолютизма.

‡ Яков I (1566–1625) — английский король с 1603 г. из династии Стюартов (с 1567 г. — шотландский король под именем Якова VI), сын Марии Стюарт, автор трактата «Истинный закон свободных монархий» (1598).

³⁰ Королевская розочка скоропостижно скончалась, вырвана у родителей, да расцветет в розарии Христа (лат.).

** Карл Орланд (1492–1495) — дофин, сын французского короля Карла VIII.

Ганс Гольбейн Младший.
Мадонна бургомистра Мее-ра. 1526. Дармштадт

Похожая картина, датированная 1560 годом и хранящаяся в музее Брегенца, снабжена надписями с указанием возраста детей: три мальчика — одного, двух, трех лет, пять девочек — одного, двух, трех, четырех и пяти лет. Самая старшая — пяти лет — изображена в одежде младшей, годовалой, то же можно сказать и о ее росте. В семейной сцене ей оставили ее место, как если бы она была жива, но изобразили ее в том возрасте, в котором она умерла.

Выстроившиеся таким образом семьи являются произведениями наивными, монотонными, неумелыми и лишенными стилия: авторы и модели в основном неизвестны. Совсем другое дело, если даритель обращается к известному живописцу, — тогда истории искусства предпримут все необходимые шаги для идентификации персонажей со знаменитого полотна. Так было в случае с семьей Меер, изображенной Гольбейном* в 1526 году у ног Девы Марии. Мы знаем, что из шести персонажей композиции трое умерли в 1526 году: первая жена Якоба Меера и два сына от нее, один умер в десять лет, другой в более юном возрасте, младший нарисован обнаженным.

Речь идет об обычае, ставшем с XVI до середины XVII века повсеместным. В Версальском музее хранится картина Нокре (1615–1672) с изображением семей Людовика XIV† и его брата. Полотно знаменито тем, что король и принццы наполовину обнажены, как боги Олимпа. Обратим внимание на одну деталь: у ног Людовика XIV Нокре расположил картину, на которой видны два ребенка, умерших в грудном возрасте. Ребенок сначала появляется рядом с родителями на семейных портретах.

Каталоги Гэньер упоминают о надгробиях с изображением ребенка без взрослых уже с конца XVI века: одно — 1584 года, другое — 1608-го. На ребенке одежда, свойственная его возрасту — платье, и колпак, похожий на головной убор на картине «Снятие с креста» из Тулузы. Когда Яков I‡ за два года (в 1606 и 1607 годах) потерял двух дочерей (одну в возрасте трех дней, другую — двух лет), он приказал изобразить их на вестминстерских надгробиях в праздничных нарядах, а младшую — в колыбельке из алебаstra, где все аксессуары, от кружев на белье до чепца, были воспроизведены с точностью, чтобы создать иллюзию реальности. Надпись указывает на религиозное чувство, придающее этому трехдневному ребенку личностный характер: *Rosula Regia prae-propero Fato decerpta, parentibus erepta, ut in Christi Rosario reflorescat*³⁰.

Кроме надгробий, детские портреты без родителей до конца XVI века довольно редки: дофин Карл Орланд** кисти Муленского мастера (еще одно свидетельство почтения к детям, раню

Антонис ван Дейк.
Пятеро детей Карла I.
1637. Королевское собрание,
Виндзорский замок

* Рубенс Питер Пауль (1577–1640) — фламандский живописец, был придворным живописцем герцога Магюанского, испанских правителей Нидерландов — инфанты Изабеллы и эрцгерцога Альберта; в его мастерской в Антверпене учились А. ван Дейк, Ф. Снейдерс, Я. Иорданс и др., писал картины на религиозные, мифологические, аллегорические и исторические сюжеты, сцены охот, сражений, пейзажи, портреты, оставил целую галерею детских образов. Ван Дейк Антонис (1599–1641) — фламандский живописец, работал в Италии, Антверпене, с 1632 г. — в Лондоне в качестве придворного художника Карла I, известен как мастер портрета, писал картины на религиозные и мифологические сюжеты, а также исполнял офорты. Хальс Франс (между 1581 и 1585–1666) — голландский художник-портретист, жил и работал в Харлеме. Ленен Луи (1593–1648) — французский художник, писал, главным образом, картины с изображением крестьян, портреты, а также мифологические сцены, с 1648 г. — член Парижской академии. Шампень Филипп де (1602–1674) — французский художник. Фламандец по происхождению, с 1648 г. — член академии, с 1655 г. — профессор, потом ректор; известен как портретист, писал также картины на религиозные и исторические сюжеты, пейзажи.

† Карл I (1600–1649) — английский король (1625–1649) из династии Стюартов, свергнут и казнен в 1649 г.

ушедшим из жизни). В начале же XVII века они становятся весьма многочисленны, чувствуется, что наконец появляется привычка с помощью искусства художника фиксировать преходящие черты детства. На портретах ребенок отделяется от семьи, подобно тому как веком раньше, в начале XVI века, семья отделяется от религиозной части на картинах с дарителями. Отныне ребенок изображается один и ради себя самого: это огромное нововведение XVII века. Он станет любимой моделью. Примеров тому множество; среди известных мастеров — Рубенс, Ван Дейк, Франс Хальс, Ленен, Ф. де Шампень*. Одни портреты изображают малолетних принцев, например детей Карла I† (Ван Дейк) или Якова II‡ (Ларжильер§), другие — детей знатных сеньоров, как три мальчика, старший из которых со шпагой, у Ван Дейка. У Ленена и Шампеня можно найти изображения обеспеченных буржуа. Иногда на картине ставят имя и возраст, как того требовал обычай в отношении знатных людей. То ребенок один (Ф. Шампень, Гренобль), то живописец собирает нескольких детей из одной и той же семьи. Здесь речь идет о стилистически банальных портретах многочисленных неизвестных художников, чьи картины часто встречаются в провинциальных музеях или в антикварных лавках. Каждая семья теперь хочет обзавестись портретом своих чад, причем пока они еще дети. Этот обычай зародился в XVII веке, и никогда не прекращался — фотография в XIX веке приняла эстафету у живописи, отношение к детству не изменилось.

Прежде чем закончить с портретом, важно отметить детские изображения *ex-voto*³¹, появляющиеся то здесь, то там. Есть они и в музее при кафедральном соборе в Пуи, а на выставке 1958 года, посвященной XVII веку, был удивительный портрет больного ребенка, что тоже можно отнести к *ex-voto*.

Таким образом, несмотря на то, что демографические условия не претерпевают больших изменений с XIII по XVII век, и то, что детская смертность остается на очень высоком уровне, эти хрупкие существа воспринимаются по-новому и за ними признается право быть чем-то особенным, право, в котором отказывали раньше, — как если бы общественное сознание лишь сейчас открыло для себя, что душа ребенка тоже бессмертна. Совершенно очевидно, что новое значение, придаваемое личности ребенка, связано с более глубокой христианизацией нравов.

Появление интереса к ребенку на целый век опережает перелом в демографической ситуации, который можно отнести примерно ко времени открытия оспопрививания: частная переписка, как, например, письма генерала Мартанжа³², показывает, насколько семьи торопились поставить прививки своим детям; эта забота о предупреждении оспы способствует становлению образа мыслей, благоприятствующего практической гигиене и позволяюще-

Питер Пауль Рубенс.
Путти

‡ Яков II (1633—1701) — английский король (1685—1688) из династии Стюартов, свергнут в результате «Славной революции» в 1688 г.

§ Ларжильер Никола де (1656—1746) — французский художник, писал портреты, картины на исторические сюжеты и натюрморты; работал в Лондоне и Париже, с 1686 г. — член Парижской академии, с 1728 г. — директор.

³¹ По обету (лат.). Картина, выражающая благодарность, вывешиваемая в церкви.

³² Correspondance inédite du général de Martange. 1893.

³³ Van Marle. Op. cit., I, p. 71.

³⁴ Baldovinetti, Vierge à l'Enfant, Louvre.

³⁵ Colombier P. du. Op. cit.

Тициан.
Триумф Венеры.
Мадрид, Прадо

го уменьшить смертность среди населения, частично уже компенсированную все более широким контролем за рождаемостью.

*
* *

Другой неизвестный для Средних веков вид изображения ребенка — путти, маленький обнаженный мальчик. Он появляется в конце XIV века, и в нем узнается воскрешенный эллинистический Эрот. Тема обнаженной детской натуры принимается с восторгом даже во Франции, где ита-

льянизмы встречают осязаемое сопротивление. У герцога Беррийского, судя по инвентарным книгам, была «детская комната», то есть комната, украшенная шпалерами с изображением путти³³. Ван Марль задается вопросом, «не называют ли иногда писари, составляющие инвентарную опись, детьми этих полуязыческих ангелочков — „путти“, столь часто украшающих настенную роспись второй половины XV века?»

В XVI веке — и это хорошо известно — путти заполняют живопись, станут декоративным мотивом, повторяющимся повсюду до навязчивости. Тициан употреблял или, скорее, злоупотреблял им: достаточно упомянуть «Триумф Венеры» из Прадо.

XVII век, кажется, не пресытился путти ни в Риме, ни в Неаполе, ни в Версале, где эти создания сохраняют еще старое название — «карапузы» (marmousets). Не осталась в стороне и религиозная живопись: средневековый ангел-служка превращается в путти. Отныне ангел (за исключением ангела-хранителя) уже не будет являться в образе прекрасного юноши (как еще случается на полотнах Боттичелли), он станет тоже маленьким голеньким амуром, даже если иногда его нагота слегка прикрыта облаком, клубами пара или тканью, — чтобы не ранить строгую постридендентскую мораль. Нагота в стиле путти настаивает и младенца Иисуса и других святых детей. Если полная нагота кажется неуместной, достаточно ее сделать лишь менее откровенной, нужно лишь избежать надевать на Иисуса слишком много одежды или слишком туго заворачивать: его можно увидеть в момент, когда мать начинает его распеленывать³⁴, либо ему обнажают плечи и ноги. Дю Коломбье уже отмечал по поводу работ Луки дельа Роббиа в Воспитательном доме, что невозможно представить себе детство без обнаженной натуры³⁵. Это пристрастие к детской наготе связано, очевидно, с модой на наготу вообще, в античной манере, наблюдающейся даже в портрете. Оно распространяется и вскоре охватывает все виды изобразительного искусства: достаточно вспомнить Версаль или плафон виллы Боргезе в Риме. Вкус к путти имеет более глубокие корни, чем мода на античную наготу, он соответствует появлению широкого интереса к детям и детству.

Как и детский средневековый образ — ребенок Святого семейства, аллегория души или ангел, путти не были ни в XV, ни в

Веронезе.
Мадонна Куччина.
Фрагмент. 1571. Дрезден,
Картинная галерея

³⁶ *Vierge au Trône*, предполагаемый портрет Беатрисы д'Эсте, 1496 г.

* *Мария-Терезия* — австрийская императрица (1740–1780) из династии Габсбургов, известна активной реформаторской деятельностью, до 1765 г. правила вместе со своим мужем Францем I, с 1765 г. сопровителем был ее сын Иосиф II.

† *Тициан (Тициано Вечеллио)* (1485/90–1576) — итальянский живописец венецианской школы, работал в Венеции, Падуе, Ферраре, Мантуе, Урбино, Риме, Аугсбурге, автор картин на религиозные, мифологические и аллегорические сюжеты, а также пейзажей и портретов.

³⁷ Prado, Victoire de Léopante.

‡ *Филипп II* (1527–1598) — испанский король (с 1556 г.) из династии Габсбургов, покровитель инквизиции, вел войны с Францией, Англией, восставшими Нидерландами, после него начался закат испанского могущества; был поклонником живописи Тициана.

[§] *Веронезе Паоло (Паоло Кальвари)* (1528–1588) — венецианский художник, работал в Вероне, Венеции, Мантуе, Тревизо, Виченце, Падуе, автор росписей, картин на религиозные, мифологические и аллегорические сюжеты, портретов.

** *Артсен Питер* (1508–1575) — нидерландский художник, в 1535–1536 гг. жил в Антверпене, писал картины на религиозные и бытовые сюжеты.

³⁹ См.: Gerson H. De nederlandse Schilderkunst. 1952, tome I, p. 145.

†† Возлюбленная Рубенса.

даже если стоят на коленях³⁶, или на них одежда, соответствующая возрасту и происхождению. Люди не представляли себе настоящего реального ребенка, пусть и очень маленького, в наготе ребенка мифологического и декоративного, и это различие сохраняется довольно долго.

Последним эпизодом в истории детской иконографии станет наложение декоративной наготы путти на детский портрет, это явление нужно также отнести к XVII веку. Конечно, отдельные портреты обнаженных детей встречаются и в XVI веке. Они довольно редки: возможно, один из самых старых портретов — умерший в раннем возрасте ребенок семьи Мееров на картине Гольбейна, он сразу напоминает о средневековой аллегории души; в одном из залов дворца в Инсбруке есть фреска, на которой Мария-Терезия* решила собрать всех своих детей: рядом с живыми в слегка прикрытой наготе изображена умершая принцесса.

На полотне Тициана†, написанном между 1571 и 1575 годами³⁷, Филипп II‡ вручает аллегорической Победе своего сына, инфанта Фердинанда. Фердинанд совершенно обнажен, он напоминает многочисленных тициановских путти, и, похоже, его забавляет ситуация — путти часто изображаются во время игр.

В 1560 году Веронезе[§] пишет семью Куччина-Фиакко, поклоняющейся Мадонне с младенцем: согласно традиции, трое мужчин, в том числе отец, одна женщина — мать, шестеро детей. С правого края — женщина, часть ее тела не видна, на руках у нее обнаженный ребенок, она его держит точно так же, как Мадонна, сходство подчеркивается еще и ее одеждой, не соответствующей эпохе. Женщина эта явно не мать — она как бы отдалена от центра полотна и изображена не полностью. Кормилица недавно родившегося младенца? На картине голландского художника середины XVI века П. Артсена** — семья: отец, сын лет пяти, четырехлетняя девочка, мать сидит и держит на коленях маленького обнаженного мальчика³⁸.

Существуют, безусловно, и другие примеры, которые можно обнаружить в результате более подробных изысканий — они встречаются еще не часто, чтобы продиктовать новую моду.

В XVII веке они становятся более многочисленными и более эмоциональными: Елена Фурман†† держит на руках обнаженное

Л. Ленен.
Посещение бабушки.
1640-е годы.
Петербург. Эрмитаж

* Лебрен Шарль (1619—1690) — французский художник, один из основателей Парижской академии, с 1662 г. — «первый художник короля», автор картин на религиозные, исторические и мифологические сюжеты, портретов, декоративных работ.

† Ябах Эверард — французский банкир и коллекционер, продавший Людовику XIV в 1662 г. коллекцию картин и скульптур, а в 1671 г. — примерно пять тысяч рисунков, составивших основу луврской коллекции.

³⁹ *Hautesœur L. Les Peintres de la vie familiale. 1945, p. 40.*

‡ Миньяр Пьер (1612—1695) — французский художник, работал в Париже и Италии (1636—1658), с 1690 г. — директор Парижской академии, автор картин на религиозные и исторические сюжеты, портретов, исполнял декоративных работ.

Никола Ларжильер.
Людовик XIV в кругу семьи.
Лондон. Коллекция Уоллес

дителя, отличающееся от банального путти, конечно, прежде всего сходством с матерью, но еще и тем, что на голове у него колпак с пером — детский головной убор того времени. Младший из детей Карла I, кисти Ван Дейка (1637), изображен обнаженным рядом со своими братьями и сестрами — он слегка прикрыт простыней, на которой лежит.

«Когда Лебрен* пишет в 1647 году портрет банкира и коллекционера Ябаха† у него дома на улице Сен-Мери, — пишет Л. Откер, — он показывает этого сильного челове-

ка, одетого в повседневное, со сбившимися чулками, в момент, когда он комментирует жене и сыну свое последнее приобретение... другие его дети тоже присутствуют, самый младший гол, как младенец Иисус, — он лежит на подушке, и одна из сестер играет с ним»³⁹. Маленький Ябах больше, чем обнаженные дети Гольбейна, Веронезе, Тициана, Ван Дейка и даже Рубенса, похож на современного младенца перед объективом фотокамеры. С тех пор образ обнаженного младенца войдет в норму, станет необходимым условием жанра и все маленькие дети, которых так старательно одевали в эпоху Ленена и Филиппа де Шампenea, будут изображаться обнаженными. Эту норму можно наблюдать как у Ларжильера, художника богатых буржуа, так и у Миньяра‡, придворного живописца: младший сын великого дофина§ на портрете кисти Миньяра (Лувр) лежит обнаженным на подушке, рядом сидит его мать. Чем не маленький Ябах?

Ребенок или совсем гол, как на портрете графа Тулузского работы Миньяра⁴⁰, или его наготу едва прикрывает бант с развязанным на всякий случай узлом — как ребенок с серпом Ларжильера⁴¹, или он одет, но его одежда не очень походит на ту, что носят повседневно, это скорее некое неглиже, из-под которого проглядывает обнаженное тело, — таковы портреты детей де Белля — там открыты ноги и ступни, — и портрет герцога Бургундского**, написанный Миньяром, где на герцоге нет ничего, кроме легкой рубашки. Не стоит дальше следовать за этим мотивом, ставшим общепринятым. Его логическое завершение находится в семейных фотоальбомах, с обложками «фотохудожников» рубежа веков: дети, выставяющие для снимка напоказ свои хорошенькие попки — в другое время они у них надежно прикры-

ты штанишками или пеленками, маленькие девочки и мальчики, одетые по случаю в легкие прозрачные рубашки. Не было такого ребенка, которого не запечатлели бы нами, в образе, напрямую унаследованном от путти эпохи Возрождения, — удивительна живучесть декоративного, по сути, мотива во вкусах обывателя как из буржуазной среды, так и из простонародья; античный Эрот, вновь обретенный в XV веке, и теперь служит моделью для «художественных портретов» XIX и XX веков.

Франс Хальс.
Мальчик-рыбак.
1630. Антверпен, Музей
изящных искусств

§ Карл Французский (1686—1714), герцог Беррийский, третий сын Людовика Французского, внук Людовика XIV.

⁴⁰ Musée de Versailles.

⁴¹ Rouches. Largillière, peintre d'enfants. Revue de l'Art ancien et moderne. 1923, p. 253.

⁴² Людовик Французский (1682—1712), герцог Бургундский, дофин с 1711 г., отец Людовика XV.

⁴³ Около 1609 г.

⁴⁴ Чистилище, XI, 103—105. Пер. М. Лозинского.

Якоб Иорданс.
Автопортрет с родителями,
братьями и сестрами.
Ок. 1615.
Петербург, Эрмитаж

*
* *

Читатель не мог не заметить, насколько важен XVII век для развития отношения к раннему детству. Именно в XVII веке одиночные портреты детей становятся многочисленными и банальными. Также именно в XVII веке семейные портреты имеют тенденцию группироваться вокруг ребенка, который становится центром композиции. Это особенно поражает на семейном портрете Рубенса⁴², где рука матери лежит на плече ребенка, а рука отца сжимает детскую руку, или на портретах Франса Хальса, Ван Дейка, Лебрена, где образы целующихся, обнимающихся и играющих детей своей нежностью оттеняют важность собравшихся вокруг них взрослых. Художники барокко придают таким образом групповому портрету отсутствующий в нем динамизм. В XVII веке ребенок занимал привилегированное место в жанровых сценах. Огромно количество общепринятых детских сцен: урок чтения — светский вариант обучения Богоматери из религиозной иконографии XIV и XV веков, урок музыки или просто читающие, рисующие и играющие девочки или мальчики. Невозможно перечислить все эти темы, во множестве существовавшие в живописи, особенно в первой половине века, а затем и в гравюре. Далее, мы видели, что во второй половине XVII века нагота становится неотъемлемым атрибутом детского портрета. Собственно, открытие детства начинается именно в XIII веке, и мы можем проследить, как это происходило, по векам в истории изобразительного искусства, по иконографии XV—XVI веков. Однако свидетельства становятся особенно многочисленными и показательными с конца XVI и в XVII веках.

Доказательство — ярко выраженное пристрастие в тот период к маленьким детям, их манерам, «жаргону». Мы уже отмечали в предыдущей главе, что именно тогда у детей появились новые имена — бамбино, карапуз, фанфан. Взрослые также находили забавным запоминать детские выражения и употреблять их слова, то есть слова, которые употребляли кормилицы, общаясь с детьми. Очень редки случаи, когда до этого периода в литературном произведении, даже для домашнего чтения, как-то отражается детский язык. Тем более удивительно найти его примеры в «Божественной комедии»: «В тысячелетье также сгинет слава / И тех, кто тело ветхое совлек, / И тех, кто смолк, / Сказав „ням-ням“ и „вава“»⁴³. «Ням-ням» (rarin) означает хлеб. Это слово существовало в современном Данте французском языке — rarin. Его можно встретить в одном из «Чудес Богоматери», в чуде о ребенке, пытавшемся накормить изображение Иисуса на руках Мадонны. «Он приложил хлеб (rarin) к его устам со словами: „Откушайте, милый добрый младенец, пожалуйста“». И когда вкушена была малая толика того хлеба, то служка ска-

Франс Хальс.
Дети с кружкой.
1626—1627.
Роттердам, Музей
Бойманс ван Бейнинген

зал: „Откушайте же, младенчик, Бог в помощь. Вижу, умираешь ты с голоду. Ням-ням немножко моего пирога или лепешки“». Так что совершенно неясно, свойственно ли это слово только детям или оно принадлежит повседневной норме. Как бы там ни было, «Чудеса Богоматери» и многие другие тексты XIV века свидетельствуют об определенном пристрастии к детству. Хотя можно говорить о редких случаях обращения литературы к детскому жаргону до XVII века. Но в XVII веке их множество. Несколько примеров. Пояснительные надписи из сборника гравюр Бузонне и Стеллы, датированного 1657 годом⁴⁴. Этот сборник содержит серию изображений играющих путти. Рисунки не отличаются оригинальностью, но комментарии в ужасных доморощенных стихах употребляют жаргон маленьких детей, перемешивая его с аргом молодых школяров, так как границы раннего детства все еще остаются очень размытыми. Путти играет с деревянной лошадкой, под картинкой надпись *le dada* — конек на детском языке.

Играют путти в кости, одного не взяв,
А тот, обидевшись,
Возится с щенком (*toutou* у детей).

«Ням-ням» XIV—XV веков вышло из употребления, по крайней мере среди детей из буржуазных семей, должно быть потому, что не было специфически «детским» словом. Появились другие детские слова, остающиеся в употреблении и поныне: *dada*, *toutou*.

⁴⁴ Bouzonnet Cl. *Jeux de l'enfance*. 1657 (d'après Stella).

Кроме этого языка кормилиц путти употребляют еще и школярский арг или арг военных академий. Игра в повозку:

А мелюзга, как царь, катится
В роскошной быстрой колеснице.

Мелюзга (*porulo*) — это школьная латынь. В таком же детском значении мадам де Севинье скажет о детях г-жи Гриньян: «Эта мелочь».

Маленький игрок выделится благодаря своей изобретательности: «Этот кадет, кажется, рисковый». Кадет (*cadet*) — термин, употреблявшийся в академии, заведении, где в начале XVII века молодые дворяне учились обращению с оружием, верховой езде и военным искусствам. Слово осталось в застывшем выражении «кадетское училище».

Во время игры в мяч:

Раздевшись, легкие и свободные,
Дети, едва в отпуску,
Соревнуются на ракетках...

Быть в отпуску (*ont campos*) — выражение, употреблявшееся в военной академии и означавшее получение увольнительной. Оно входит в повседневную языковую норму, и его можно встретить у мадам де Севинье.

Якоб Иорданс.
Три детские головки.
Ок. 1618.
Петербург, Эрмитаж

П. Линьяр.
Девочка, надувающая мыльные
пузыри.
Версаль, Национальный музей

В бане. Пока некоторые плещутся:

Другие ж пьют, не закусив,
Все за здоровье товарищей...

Товарищ (*samarades*) тоже новый термин, скорее всего, его корни в военном жаргоне (может быть, его переняли от немецких наемников²), а впоследствии это слово попало в академии. Его, по большей части, употребляют в разговорном языке в буржуазных семьях — и народный язык его не использует, предпочитая «приятель», «другок» (*сорайн*).

Но вернемся к жаргону раннего детства. В «Проученном педанте» Сирано де Бержерак* Гранже называет своего сына «toutou». Слово *bonbon*, «конфетка», которое, я думаю, пришло из языка кормилиц, вошло в повседневную норму вместе с выражениями «ну просто ая:елочек» и «вот такая кроха», которые употребляет мадам де Севинье.

Мадам де Севинье фиксирует даже звукоподражания у своей внучки, еще не умеющей говорить, которая живет с ней, и пишет мадам де Гриньян в Прованс: «Она очень забавно разговаривает: титота, тетита или тотата»⁴⁵.

Уже в начале XVII века Эроар, личный врач будущего Людовика XIII[†], старательно заносит в свой дневник все высказывания своего подопечного, его манеру произносить — «сто, посему».

Мадам де Севинье, описывая поведение своей внучки (она ее называет «моя крошка», «мое пузико»), рисует жанровые сцены в духе Ленена или Босса[‡], более жеманные, чем у граверов конца века и живописцев XVIII столетия. «Наша девочка — темноволосая красавица, у нее все есть — вот она подходит ко мне, целует меня — я вся в ее слюне! Но она никогда не кричит». «Меня целуют, меня узнают, и при виде меня она смеется, она называет меня просто мамой» (а не доброй матушкой, как обычно называют бабушек). «Я ее очень люблю. Мы ее подстригли: сейчас у нее чудная прическа, она ей изумительно подходит. У нее прекрасный цвет лица, совершенное тельце и грудка. Она делает тысячу мелочей — ласкается ко мне, крестится, просит прощения, приседает, целует мне руку, пожимает плечиками, танцует, поднимает подбородок — и всегда прекрасна во всех отношениях. Я могу заниматься ею часами»⁴⁶. Множество матерей и кормилиц разделяют чувства мадам де Севинье. Но ни одна из них еще не считает их достойными подобного описания. Эти «литературные» сцены из жизни ребенка полностью соответствуют сюжетам живописцев и граверов того времени: открытие детства, детского тела, детских манер и речи.

* Сирано де Бержерак Савинен (1619—1655) — французский писатель, окончил иезуитский коллеж, был близок с фронтдерами, автор многочисленных поэтических сочинений, драматических произведений («Проученный педант», «Смерть Агриппины»), сборника памфлетов «Письма», утопического произведения «Иной свет, или Государства и империи Луны».

⁴⁵ *Mme de Sévigné. Lettres.* 8 janvier 1672.

[†] Людовик XIII (1601—1643) — король Франции (с 1610) из династии Бурбонов, политик, проводимая его первым министром кардиналом Ришелье, способствовала укреплению королевской власти и усилению Франции.

[‡] Босс Абрахам (1605—1678) — французский гравер, последователь Ж. Калло, его гравюры в основном посвящены бытовым сценам.

⁴⁶ *Mme de Sévigné. Lettres.* 18 sept. 1671, 22 déc. 1671, 20 mai 1672.

Арну.
Герцог Анжуйский в детстве

Полное безразличие — если, конечно, речь не шла о ребенке Девы Марии, — вплоть до XIII века к чертам, свойственным детству, проявляется не только в изобразительном искусстве: костюм тех времен в полной мере доказывает, насколько в реальной жизни не придавалось значения отличиям детства от взрослого состояния. Как только ребенок вырастал из пеленок (то есть его переставали заворачивать в кусок ткани), его одевали как женщину или мужчину его сословия. Нам, столь долго носившим короткие штаны (символ раннего детства), трудно представить себе этот подход. Люди моего поколения переставали носить короткие штаны в конце второго класса, и то приходилось очень сильно давить на родителей. Мои проповедовали терпение и приводили мне в пример дядю, который пришел на экзамены в Политехническую школу в коротких штанах. Сегодня юность раздвинула свои границы и вперед, и назад, и спортивный стиль, принятый как детьми, так и юношами, имеет тенденцию полностью вытеснить различия в одежде, характерные для детства в XIX и начале XX веков. Как бы там ни было, если эпоха 1900—1920-х слишком долго сохраняла у подростка и юноши особенности детского костюма, то Средние века одевали с одинаковым безразличием все возрастные категории. Единственное, что требовалось подчеркнуть — это место, занимаемое в социальной иерархии. Ничто в костюме не отличало ребенка от взрослого. Трудно представить себе более противоположные установки в отношении детства.

Однако в XVII веке, по меньшей мере, ребенок из высшей среды — дворянской или богатых буржуа — уже не одевается, как взрослый. Основное отличие: он отныне одет в соответствии со своим возрастом, что выделяет его. Деталь, уже в начале XVII века заметная с первого взгляда на картинах, изображающих детей.

Филипп де Шампень.
Дети Анри-Луи Абера де
Монмора.
Музей Реймса

Взглянем на чудесное полотно Филиппа де Шампеня из музея Реймса. Восемь детей из семьи Абер; самому старшему десять лет, самому младшему — восемь месяцев. Эта картина очень ценна для нас тем, что художник старательно вписал точный возраст каждого, включая количество месяцев. Старший, десяти лет, одет как маленький мужчина — он закутан в плащ, и внешне он уже принадлежит миру взрослых. Правда, только внешне. На самом деле он посещает коллеж — учеба в коллеже, таким образом, удлиняет период детства, но пройдет совсем немного времени, и он присоединится к другим мужчинам, чей костюм он уже носит теперь и чьи дела он разделит в военных лагерях, в торговле или в другой деятельности. Но двум близнецам, трогательно держащимся за руки, обнявшимся за плечи, по четыре года девять месяцев; они одеты уже не как взрослые — в длинное платье, которое отличает от женского открытый перед и застежки то в виде пуговиц, то в виде булавки: оно напоминает сутану священнослужителя. Точно такое же платье обнаруживаем в «*Tabula Sebetis*» при изображении человеческой жизни¹. Самый ранний возраст едва отделен от небытия — голое тельце. Два последующих возраста определены пеленками. Третий соответствует примерно двум годам — ребенок только встал на ноги, но на нем уже платье, и мы знаем, что это мальчик. Четвертый — верхом на деревянной лошадке, в том же самом длинном платье с пуговицами в средней части, что и близнецы Абер Филиппа де Шампеня, оно застегивается спереди и напоминает сутану. Это же платье можно видеть на Людовике XIII, на многочисленных детских портретах французских, английских и голландских мастеров, и даже в начале XVIII века, например на молодом Бетизи, написанном Беллем около 1710 года². На его картине платье для мальчиков уже не застегивается спереди, но все же отличается от платья для девочек и лишено вставок и аксессуаров. Оно чаще бывает простым, как детское платье мальчика на деревянной лошадке с гравюры Мериана. Однако оно может быть шикарным и заканчиваться шейфом, как платье герцога Анжуйского на гравюре Арну³.

Платье, похожее на сутану, не было первой после пеленок детской одеждой. Вернемся к портрету детей Абер Филиппа де Шампеня. Двадцатитрехмесячный Франсуа и самый младший восьмимесячный ребенок одеты в точности, как их сестра, то есть как маленькие женщины: юбка, платье и фартук. Вот одежда самых младших мальчиков: в XVI веке стало привычным их одевать, как девочек, которые, впрочем, носили костюм взрослых женщин. Женщины все еще не разделяются на детей и взрослых. Эразм в «Христианском браке» дает описание такого костюма⁴. У его издателя в 1714 году не возникло проблем с переводом, так

¹ См. стр. 50, прим. 23.

² Musée de Versailles, Catherine de Bethisy et son frère.

³ Arnould. Le duc d'Anjou enfant. Cabinet des Estampes, in-8°, éd. 101, t. I, f° 51.

⁴ Érasme. Le mariage chrétien.

как речь шла о вещах, свойственных и его эпохе: «Им (детям) прибавили к тому рубашку, очень теплые чулки, огромную нижнюю юбку и верхнюю одежду, покрывающую плечи и бедра большим количеством материи и складок, после им сказали, что выглядят они замечательно». Эразм протестует против этой новой моды, он выступает за большую свободу для молодого тела; его мнение не стало мнением большинства, и нужно было ждать конца XVIII века, чтобы детский костюм стал легче, проще и удобнее. На рисунке Рубенса⁵ опять видим детский костюм наподобие того, что описал Эразм: платье на пуговицах, из-под которого выглядывает юбка. Ребенок начал ходить, и его поддерживают за лямки-помочи. В дневнике Эроара, описывающем день за днем детство Людовика XIII, читаем (страница датирована 28 июня 1602 года, Людовику девять месяцев): «Ему к платью приделали помочи, чтобы начать учить ходить»⁶. Людовик XIII не любил когда его сестра носила похожее платье: «Пришла Мадам, одетая в точно такое же платье, и он прогоняет ее из ревности». Пока мальчики носили женское платье, про них говорили «мальчики в слянявчиках». Это продолжалось до четырех-пяти лет. Жан Ру (род. в 1638 году) рассказывает в своих мемуарах, что его очень рано отправили в коллеж. Он пошел туда в сопровождении служанки: «Тогда я был еще в слянявчике, то есть у меня не было еще этого длинного платья с воротником, которое позже меняют на одежду со штанами, я был единственным, одетым в такой манере (то есть как девочка), и это было нечто вроде нового явления в местечке, где ничего подобного раньше не видели»⁷. Воротник на платье был мужским воротником. Манера одеваться определяла для каждого возраста свой костюм: слянявчик и платье девочки, затем длинное платье с воротником, называвшееся еще *жакетом*. В правилах приходской школы 1654 года сказано, что по воскресеньям ведут детей в церковь, они остаются на мессу после занятий: приказано не смешивать маленьких и больших, то есть длинные и короткие платья, следовало «посадить малышей в жакетах с себе подобными»⁸.

Дневник Эроара о детстве Людовика XIII показывает всю серьезность, с которой отныне относятся к детскому костюму: по нему можно было проследить все этапы взросления и превращения ребенка во взрослого человека. Эти стадии, когда-то почти незаметные, стали частью ритуала, требующего неукоснительного соблюдения, — Эроар тщательно отмечает их, как вещи особой важности. Так, 17 июля 1602 года к платью дофина пришивают лямки. Он будет их носить более двух лет; в три года и два месяца ему дадут «первое платье без помочей». Ребенок счастлив. Он говорит капитану гвардейцев: «Гля (отметим, Эроар подражает детскому говору дофина), у меня нет лямок. Я хожу сам». Несколькими месяцами раньше его переложили из колыбели в

⁵ Рисунок из Лувра. Воспроизведен в: Michel A. Histoire de l'Art. VI¹, p. 301, fig. 194.

⁶ Héroard. Journal sur l'enfance et la jeunesse de Louis XIII. Publié par E. Soulié et E. de Bartélemy, 2 vol., 1868.

⁷ Mémoires de Jean Rou 1638—1711. Publié par F. Waddington, 1857.

⁸ Ecole paroissiale ou la manière de bien instruire les enfants dans les petites écoles.

большую кровать — это тоже этап. На свой день рождения в четыре года он носит чулки под платьем, а еще через год с него снимают детский чепчик и дают шляпу взрослого. Это тоже дата: «Теперь, когда с вас сняли чепец, вы перестали быть ребенком, вы становитесь взрослым» (7 августа 1606 года). Однако неделю спустя королева вновь велит надеть на него чепчик.

8 января 1607 года дофин «спрашивает, когда он будет носить штаны (вместо платья). Мадам де Монгла отвечает — когда ему исполнится восемь лет».

6 июня 1608 года, ему семь лет и восемь месяцев, Эроар отмечает с некоторой торжественностью: он одет в штаны и куртку — никакой детской одежды (то есть платья), примеряет плащи, цепляет шпагу (как старший из детей Абер с картины Ф. де Шампenea). Нередко на него надевают еще чепчик и платье, но ему они противны: когда он в штанах и куртке, «он вероятно доволен и ни в какую не хочет надевать платье». Следовательно, вид одежды уже что-то значит в то время! Связь между костюмом и ощущением того, что он символизирует, здесь совершенно очевидна.

В коллежах полупансионеры носят штаны под платьем. В «Диалогах» Кордые описывается пробуждение пансионера: «После того как я проснулся, я встал с кровати, надел мою куртку и сорочку, я сел на табурет, я взял мои чулки и штаны и надел их, я пристегнул булавками штаны к куртке, я закрепил чулки подвязками выше колен, надел пояс, расчесал голову и надел платье», потом «вышел из комнаты»⁹.

В Париже в начале XVII века: «Представьте себе входящего в класс Франсиона, кальсоны торчат из-под штанов до самых ботинок, платье надето шиворот навыворот, с портфелем под мышкой, он раздает тому пощечину, а тому подзатыльник»¹⁰. В XVIII веке в циркуляре интерната Флеш указывается, что нужно иметь в гардеробе «платье пансионера», рассчитанное на два года¹¹.

У девочек же подобной дифференциации костюмов не наблюдается. Они, как некогда и мальчики, сразу же, выйдя из пеленок, одеты как маленькие женщины. Однако при более близком рассмотрении рисунков на платьях маленьких мальчиков и девочек мы видим особое украшение, не встречающееся в костюме женщин: это две широкие ленты, прикрепленные сзади к плечам и свисающие со спины. Эти ленты видны сбоку у третьего слева ребенка Абера, на изображении четвертого возраста в «*Tabula Sebetis*» (ребенок, играющий с деревянной лошадкой), на девочке десяти лет с картины возрастной лестницы начала XVIII века «Тщета человеческая, или Страсти души во всех возрастах» — ограничимся примерами с изображений, уже процитированных здесь; их часто можно наблюдать на детских портретах вплоть до

⁹ Mathurin Cordier. Colloques. 1586.

¹⁰ Коллеж Лизье. Сорель Ж. Франсион.

¹¹ Rochemonteix C. de. Le Collège Henri IV de La Flèche. 1889.

Ланкре и Буше*. Ленты исчезают к концу XVIII века, когда детский костюм претерпевает изменения. Может быть, последний портрет ребенка с лентами за спиной написан Габриель Гийар для Мадам Аделаиды и Виктории в 1788 году¹². На нем она изобразила их сестру, инфанту, умершую тридцать лет назад. Сама инфанта прожила 32 года. Мадам Габриель, однако, изобразила ее еще ребенком рядом с кормилицей, и эта попытка представить тридцатилетнюю женщину в детском облике выявляет совсем новое чувство. На ней хорошо видны ленты, которые носили в 1730 году и которые вышли из моды ко времени создания портрета.

Таким образом, в XVII и в начале XVIII веков ленты становятся признаком детского костюма как для девочек, так и для мальчиков. Наши современники обратили внимание на эту деталь детской одежды. Они часто ее путали с «*lisières*» (помочами на одежде совсем маленьких, которые еще плохо ходили)¹³. В музее Вестминстерского аббатства как-то выставили посмертные изображения из воска — раньше их клали поверх гроба во время церемонии похорон, довольно распространенная в Средневековье практика, продержавшаяся в Англии примерно до 1740 года. Одно из этих изображений представляет маленького маркиза де Норманби, умершего в возрасте трех лет: он одет в юбку желтого шелка под бархатным детским платьем, сзади ленты, которые в каталоге названы *lisières*. На самом деле помочи делались из веревок и не имели ничего общего с лентами; на гравюре Герара, иллюстрирующей «возраст возмужания», изображен ребенок (девочка или мальчик) в платье, на голове шляпа на манер Фонтанжа, он стоит к нам спиной: между двумя лентами, ниспадающими с плеч, видны те самые ляжки, за которые поддерживали малыша, когда учили ходить¹⁴.

Этот анализ позволил нам выделить свойственный детям костюм, принятый в конце XVI века и оставшийся в употреблении вплоть до середины XVIII. Эта традиция, позволившая отличать детскую одежду от взрослой, свидетельствует о новом подходе, неизвестном в Средние века, о желании отделить детей с помощью своего рода униформы. Но каковы истоки этой детской униформы?

Детское платье есть не что иное, как длиннополая одежда Средних веков, XII—XIII столетий, до того, как у мужчин появилась короткая верхняя одежда и штаны стали видимой деталью, то есть до появления прототипа современной мужской одежды. До XIV века все носили платья или длинные рубахи, причем мужские отличались от женских тем, что это была либо более короткая туника, либо она застегивалась спереди; у крестьян с календарей XIII века платье до колена. У важных, значительных людей платье доходит до щиколоток. В общем, в течение долгого

* Ланкре Никола (1690—1743) — французский живописец и рисовальщик, испытал влияние А. Ватто, работал в Париже, с 1719 г. — член Парижской академии, писал преимущественно галантные сцены, картины на бытовые сюжеты и из театральной жизни, иллюстрировал пьесы французских драматургов. Буше Франсуа (1703—1770) — французский живописец, рисовальщик и гравер, с 1734 г. — член Парижской академии, с 1765 г. — ее директор и королевский живописец, автор картин на мифологические сюжеты, пасторальных и бытовых сцен, пейзажей, портретов, выполнял декоративные панно и плафоны, театральные декорации и костюмы, картоны для gobelens, иллюстрировал книги.
¹² Portrait de Madame Infante pour Mesdames, 1788, musée de Versailles.

¹³ Louis XV en 1715 tenu en «*lisière*» par Mme de Ventadour. Gravure. Cabinet des Estampes, pet. fol. E c 3 a.
¹⁴ L'âge viril, gravure de Guerdard, vers 1700.

периода мужчины носили длиннополюю приталенную одежду, в противоположность свободно ниспадающей ткани у греков и римлян: она продолжает старую варварскую традицию — галльскую или восточную, проникшую в римскую моду в первые века нашей эры. Такая одежда была распространена в одинаковой степени на Западе и на Востоке империи, от нее же происходит и турецкий костюм.

Начиная с XIV века у мужчин короткая одежда и даже вытягивающие штаны вытесняют платье, к большому неудовольствию моралистов и проповедников, которые обличают бесстыдство этой моды и видят в ней признак аморальности наступившей эпохи. И действительно, наиболее почтенные люди: почтенные по возрасту (старики вплоть до начала XVII века изображаются в платье), по социальному положению (государственные деятели, духовенство, магистраты) — продолжают носить платье. Некоторые из них и сегодня носят длинную одежду, во всяком случае в определенных обстоятельствах, — адвокаты, судьи, профессора, священнослужители. Последние едва было не сменили ее на короткую, когда та стала в XVII веке общепринятой, и все забыли скандал, связанный с ее введением, — сутана воспринималась чрезмерно связанной с церковным служением, чтобы соответствовать хорошему тону. Священник снимал свою сутану, если ему предстояло появиться в обществе или даже перед своим епископом, подобно офицеру, который снимал мундир, чтобы предстать при дворе¹⁵.

Дети, по крайней мере из высшего сословия, тоже сохранили длинное платье. На миниатюре из «Чудес Богоматери» XV века изображена семья, собравшаяся вокруг постели роженицы: отец в короткой одежде, на нем облегающие штаны и куртка, зато трое детей в длинном платье¹⁶. На миниатюре той же серии ребенок, дающий есть младенцу Христу, одет в платье с боковым разрезом.

В Италии, напротив, большинство детей, изображенных художниками кватроченто, носят облегающие штаны взрослых. Во Франции и Германии, кажется, не очень хорошо отнеслись к этой моде и оставили за детьми длиннополюю одежду. Привычка становится общим правилом в начале XVI века: дети непременно одеты в платье. Рисунки на немецких шпалерах той эпохи изображают детей четырех лет в застегивающемся спереди длинном платье¹⁷. Сюжет французских гравюр Жана Леклерка — детские игры: «в битую, в лунку» и крокет¹⁸. Поверх облегающих штанов они носят платье, застегивающееся спереди. Это платье становится своеобразной униформой их возраста.

Плоские ленты сзади, также характерные для детской одежды в XVII веке, имеют то же происхождение, что и платье. У плащей и платьев XVI века были рукава, в которые можно про-

¹⁵ *Mme de Sévigné. Lettres.* 1 avr. 1672.

¹⁶ *Miracles Notre-Dame, t. I,* p. 58.

¹⁷ *Cöbel H. Wandteppiche.* 1923, t. I, pl. CLXXXII.

¹⁸ *Jean Leclerc. Les Trente-six figures contenant tous les jeux.* 1587.

С. Леклерк.
Игра в битю. Фрагмент из
«Тридцати шести игр».
1587

деть руки или же оставить висеть пустыми. На гравюре Леклерка «Игра в битю» можно видеть подобные рукава, пришитые на несколько стежков. Модникам и особенно модницам очень понравился эффект пустого рукава, вскоре он превратился в украшение, а в конечном итоге атрофировался, подобно органу, который больше не используется. Рукава потеряли полость и стали плоскими, приобретая сходство с лентами, привязанными к плечам: детские ленты XVII и XVIII века — это то, что осталось от ложных рукавов XVI века. Впрочем, такие рукава можно увидеть и на других видах одежды — народной или, напротив, церемониальной: крестьянский плащ, который братья-игнорантинцы* сделали церковным одеянием в XVIII веке, первая собственно военная форма, как, например, мушкетерская, лакейская ливрея и, наконец, одежда паж, то есть парадный костюм детей и молодых людей знатного происхождения, отданных в семьи, где они прислуживали при торжествах. Эти пажи времен Людовика XIII носили пышные штаны XVI века и ложные свисающие рукава. Пажеский костюм стал понемногу церемониальной одеждой, надеваемой в знак почтения и торжественности: на гравюре Лепотра¹⁹ мальчики в стилизованном под старину костюме паж прислуживают во время мессы. Хотя, надо сказать, подобный костюм встречается редко, ленты же можно увидеть на плечах всех девочек и мальчиков из богатых семей — как знатных, так и среди буржуа.

Итак, чтобы выделить ребенка, который ранее одевался как взрослый, для него, и только для него, одежда сохраняет некоторые черты старинного костюма, иногда довольно давно вышедшего из употребления взрослыми. Утверждение справедливо для платья, или длиннополой одежды, и для ложных рукавов. То же можно отнести и к головному убору детей в пеленках: такой чепец носили мужчины в XIII веке, под ним прятали волосы во время работы, что можно видеть на календарях Амьенской Богоматери и др.

Первым собственно детским костюмом стал костюм, который носили все примерно столетием раньше и в котором отныне ходили только дети. Очевидно, невозможно было придумать до последней детали детскую одежду, однако была потребность выделить детей через костюм, сделать отличие видимым. И тогда выбор падает на одежду, традиционно используемую в особых случаях, но которую больше не носят каждый день. Появление особого детского костюма, общепринятого в высших социальных слоях с конца XVI века, стало поворотным моментом в формировании отношения к детству, отношения, выделяющего детей в сообщество, отдельное от сообщества взрослых (на манер разнообразных ритуалов инициации). Необходимо вспомнить о зна-

* Игнорантинцы — братья христианского учения и школы, духовная конгрегация, учрежденная каноником Жаном Батистом де Ла Салем и признанная папой в 1725 г. для преобразования народной школы в духе католической церкви; до 1764 г. были тесно связаны с иезуитами, в годы Великой французской революции изгнаны из страны, возвращены Наполеоном и окончательно отстранены от школьного образования в 1882 г.

¹⁹ Lepautre, gravure. Cabinet des Estampes, Éd. 43 fol., p. 11.

Огюст Ренуар.
Ребенок с кнутиком.
1885.
Петербург, Эрмитаж

чении, которое придавалось костюму в старой Франции. Одежда часто была знаком высоких доходов. Люди тратили на нее большие средства и тщательно составляли списки одежды, оставшейся после умершего, — сегодня делают такие же списки только для мехов и шуб. Одежда стоила дорого, и поэтому издавалось множество ограничивающих законов о роскоши в одежде*, которая разоряла одних, а другим позволяла мошенничать, скрывая таким образом свое истинное состояние и происхождение. Больше, чем в современном обществе, где женские наряды все еще являются признаком процветания семьи и социального положения, костюм точно указывал на место, которое занимал его хозяин в сложной иерархии. Каждый носил костюм своего сословия: руководства о правилах поведения в обществе заостряют внимание на том, что было бы непристойным одеваться иначе, чем положено в данном возрасте и при данном происхождении. Каждая деталь социального статуса соответствовала детали одежды. В конце XVI века обычай требовал, чтобы детство, отныне получившее признание, также получило и свой костюм.

*
* *

У истоков детского костюма обнаруживается архаичная длинная одежда; эта тяга к архаизму проявляется и дальше: в конце XVIII века, в эпоху Людовика XVI†, можно увидеть маленьких мальчиков с воротниками времен Людовика XIII или эпохи Возрождения. У Ланкре и Буше молодые люди часто изображаются одетыми по моде предыдущего века.

Однако начиная с XVII века две другие тенденции направляют эволюцию костюма. Первая акцентирует женоподобный вид малолетнего мальчика. Мы уже видели мальчика в «слонявчике» — до платья «с воротником» он носит платье и юбку девочек. Некая женственность у мальчиковой одежды, встречающаяся с середины XVI века, была сперва чем-то новым и проявлялась лишь в некоторых деталях. Например, верх платья сохраняет черты мужского костюма, но вскоре у мальчиков появляется кружевной воротник, точно такой же носят девочки и взрослые женщины. Становится практически невозможно отличить девочку от мальчика до четырех-пяти лет, и эта манера утверждается примерно на два века. К 1770 году мальчики старше четырех лет перестанут носить платье с воротничком, но младшие сохраняют эту особенность своего гардероба, и так будет продолжаться вплоть до XIX века — привычка внешне приближать мальчика к женщине окончательно исчезнет только после войны 1914 года вместе с исчезновением женского корсета, так как революция в одежде лишь отражение перемены нравов. Любопытно, что желание выделить ребенка в особую категорию касается именно мальчиков: девочек внешне отделяют от взрослых женщин лишь лож-

* Карлом IX (1561, 1563, 1565, 1566, 1573), Генрихом III (1576, 1577, 1583), Генрихом IV (1589, 1601). Последний в одном из законов указывал: «Мы запрещаем всем нашим подданным носить на себе итальянские кружева, золото, жемчуг и бриллианты, исключая публичных женщин и мошенников, которых мы считаем слишком низкими для того, чтобы удостоить их чести нашего внимания». Такое обилие законов свидетельствует об их малой эффективности.

† Людовик XVI (1754—1793) — король Франции (1774—1792) из династии Бурбонов, свергнут революцией и гильотинирован по приговору Конвента.

Калло Ж.
Грубяны

ные рукава, вышедшие из моды в XVIII веке, как если бы возраст в меньшей степени разделял женщин, чем мужчин. Костюм является одним из признаков этого настроения, мальчики — первые дети, выделенные в отдельную категорию. Они начинают в массе своей посещать коллеж с конца XVI — начала XVII века. Образование девочек начинается лишь во времена Фенелона и мадам де Ментенон*, оно развивается позже и медленнее. Не имея школьного периода, девочки рано смешиваются с взрослыми женщинами, как когда-то мальчики со взрослыми мужчинами. И никому не приходит в голову по костюму сделать видимой разницу — начинающую существовать у мальчиков — между ребенком женского пола и взрослой женщиной.

Почему же, чтобы отделить мальчика от мужчин, его делают похожим на девочку, не отличающуюся по манере одеваться от взрослых женщин? Почему эта манера одевать детей, — столь новая и непонятная в обществе, где рано начинают самостоятельную жизнь, — сохранилась почти до наших дней, во всяком случае до начала этого века, несмотря на перемены нравов и значительное увеличение продолжительности детства? Здесь мы затрагиваем еще неисследованную область осознания обществом самого себя через пол и возраст — пока повсюду говорят лишь о классовом сознании!

Другая тенденция, идущая от страсти к переодеванию, так же как архаизм и уподобление женщине, заставляет придавать костюмам детей из семей буржуа черты простонародной или рабочей одежды. Здесь ребенок опережает мужскую моду. Он будет носить штаны современного типа со времени правления Людовика XVI, прежде эры санкюлотов. Детский костюм эпохи Людовика XVI одновременно архаичен (воротничок эпохи Возрождения), народен (прямые штаны), также в нем присутствуют элементы военного мундира (куртка с пуговицами).

Еще в XVII веке не было собственно народного и тем более регионального костюма. Бедные носили пожертвованную или купленную у старьевщика одежду. Народ одевался в подержанную одежду, как сегодня покупают подержанный автомобиль (сравнение автомобиля и одежды вовсе не риторическое, как это может показаться на первый взгляд, — автомобиль унаследовал от одежды социальный знаковый смысл, который она практически потеряла). Таким образом, человек из народа был одет так же, как человек из высшего общества несколькими десятилетиями раньше. На улицах Парижа Людовика XIII народ носил шапочки с перьями XVI века, женщины — шляпки той же поры. Случалось, что величина разрыва не была одинаковой в разных регионах, она зависела от быстроты, с которой местная знать реагировала на изменения в моде. В начале XVIII века в некоторых регионах (например, на берегах Рейна) женщины еще носили головные

* Ментенон Франсуаза де (1635—1719), урожденная д'Обинье — вдова писателя Скаррона, умершего в 1660 г., став воспитательницей побочных детей Людовика XIV, получила от него в дар поместье Ментенон и титул маркизы, с 1684 г. — морганатическая супруга короля. Основала в Сен-Сире Дом св. Людовика, предназначенный для воспитания молодых благородных девиц, не имеющих состояния; составила устав, осуществляла регулярные инспекции.

уборы XV века. В течение XVIII века процесс остановился благодаря моральному разрыву, обозначившемуся между богатыми и бедными, а затем и их физическому отдалению, которое сменило тысячелетнее сосуществование. Региональный костюм появился одновременно из новой склонности к регионализму (это эпоха написания фундаментальных трудов по истории Прованса, Бретани и т. д.^{*}, эпоха возобновления интереса к языкам, превратившимся в диалекты в процессе развития французского языка) и из действительного разнообразия костюмов, удаленности от королевского двора и различной степени запаздывания моды в тех или иных регионах.

В рабочих кварталах больших городов в конце XVIII века начинают носить особый вид одежды — длинные штаны. Они играют ту же роль, что и рабочие блузы XIX века или сегодняшние комбинезоны — признак рода деятельности и социального положения. Примечательно, что нищенское одеяние XVII века — безобразные лохмотья, смесь эпох и стилей, одежда, купленная с рук или у старьевщика, — перестает быть народной формой одежды больших городов в XVIII веке. В этом надо видеть спонтанное проявление коллективного самосознания, нечто вроде классового сознания. Таким образом, существует типичная одежда ремесленника — длинные штаны. Штаны же, порой доходящие до щиколоток, долгое время были частью одежды моряков. В классической итальянской комедии их носят моряки или жители морского побережья — фламандцы, рейнцы, датчане и скандинавы. Последние носили штаны еще в XVII веке, если верить коллекциям одежды того времени. Англичане отказались от штанов, но носили их в XII веке²⁰. Штаны стали частью униформы военных моряков, когда наиболее организованные государства унифицировали одежду своих армий и флота. Оттуда штаны распространились среди небогатого люда пригородов, который стал испытывать неприязнь к нищенским лохмотьям, и среди юных выходцев из обеспеченных слоев.

Единая, недавно созданная форма одежды была быстро принята детьми из семей буржуа, прежде всего в частных пансионатах, все более многочисленных после изгнания иезуитов[†]. Пансионаты часто готовили к военным школам или к военной карьере: стало модным подчеркивать фигуру, и взрослые повсеместно одели своих детей в костюм, напоминающий военную или морскую форму, — так появился детский матросский костюм, просуществовавший с конца XVIII века до наших дней.

Появление штанов у детей явилось частично последствием этого нового пристрастия к униформе[‡]. Взрослые были покорены ей в XIX веке, когда униформа становится одеждой парадной и церемониальной, чего никогда не было до Революции. Оно было продиктовано также необходимостью освободить ребенка от тес-

^{*} Именно в XVIII в. происходит становление «бретонистики», науки, изучающей историю, обычаи и язык этой провинции, довольно поздно присоединенной к Франции. Так, например, в 1752 г.

Ле Пелетье издает «Словарь бретонского языка».

²⁰ *Évangélique de saint Edmond, in: Millar. La Miniature anglaise. 1926, pl. XXXV.*

[†] В 1761 г. в ходе судебного разбирательства иезуитов обвинили в том, что в своих трудах и учебных заведениях они распространяют пагубные для Франции идеи, был вынесен приговор о запрете преподавательской деятельности иезуитов, в 1764 г. король Людовик XV подписал эдикт о запрете «Общества Иисуса» во Франции.

[‡] Военизацию образования в эпоху Реставрации подчеркивают и другие явления: расширение школ «взаимного обучения», с порядками и дисциплиной на военный манер; многочисленные дискуссии о необходимости духа соревнования в школе; введение гимнастики в школах, преподававшейся поначалу офицерами, уволенными из армии в 1815 г.

* Красный колпак, прозванный фригийским по аналогии с головным убором жителей Фригии, страны в Малой Азии, появляется в 1791 г. и становится символом обретенной народом свободы, эмблемой Революции, в эпоху Консульта исчезает.

²¹ Cabinet des Estampes, O a 50 pet. fol. f° 137.

ноты его традиционного костюма — дать ему более свободную одежду, и эту свободу в одежде простонародье подчеркивает теперь с некоторой гордостью. Детей избегают одевать в платье, вышедшее из моды, или слишком детское, или в короткие штаны, слишком торжественные, и все это благодаря штанам моряков и простого люда. Более того, находили особую пикантность в том, чтобы придать костюму детей знати некоторые черты народности, как, например, колпак — прежде часть одежды рабочих, затем крестьян, а потом и каторжников, тот самый, что мы называем неаполитанским, а революционеры с их страстью к античности называли фригийским*: на гравюре Боннара ребенок изображен в таком колпаке²¹. В наши дни мы наблюдаем распространение одежды одного типа, близко напоминающее переход к штанам мальчиков эпохи Людовика XVI, — синяя спецодежда рабочего, штаны из грубой ткани стали джинсами, и молодежь носит их с особой гордостью как знак молодости.

*
* *

Так, мы перешли от XIV века, когда ребенок одет как взрослый, к специальному детскому костюму, привычному нам. Мы уже заметили, что эти изменения задевают в большей степени мальчиков. Восприятие детства как отдельного мира проявляется сначала в пользу мальчиков, в то время как девочки еще долго остаются в рамках традиционного образа жизни, смешивающего их со взрослыми. Мы еще не раз увидим опоздание, с которым женщины принимают внешние формы современной, в основном мужской цивилизации.

Что касается истории костюма, обособление детства долгое время ограничивается мальчиками. Совершенно очевидно, что это относится лишь к семьям знати и буржуазии. Дети из простонародья — крестьянские, дети ремесленников, играющие на сельской околице, на улицах, в лавках, в общих залах увеселительных заведений, на кухнях, — одеты как взрослые, на картинах с их изображением никогда не увидишь ни платья, ни ложных рукавов. У них сохраняется прежний образ жизни, ребенок не выделяется среди взрослых — ни костюмом, ни работой, ни игрой.

* Генрих IV (1553–1610) — в молодости гугенот и активный участник Религиозных войн, стал королем Франции в 1589 г. после пресечения династии Валуа, основатель династии Бурбонов; проводя политику веротерпимости, добился прекращения многолетних гражданских войн; убит католиком-фанатиком.

† Плювинель Антуан дю — первый шталмейстер при дворе Генриха III, ректор академии для дворянской молодежи, воспитатель Людовика XIII.

¹ Héroard. Journal...

² Кубарь — волчок, обхватываемый во время запуска веревкой. Его возвращение поддерживали,

Иероним Босх.

Мальчик с вертушкой.

Кон. XV века.

Вена, Художественно-исторический музей

Благодаря дневнику доктора Эроара мы можем представить себе жизнь ребенка в начале XVII века, его игры и этапы умственно-го и физического развития, которым соответствовала каждая из этих игр. Хотя речь идет о дофине Франции, будущем Людовике XIII, можно не бояться обобщений, так как при дворе Генриха IV* королевские дети, законные и незаконные, получили то же воспитание, что и другие отпрыски дворянских семей, и еще не было абсолютного различия между королевским дворцом и замками знати. Итак, маленького Людовика XIII воспитывали точно так же, как и его товарищей, — ему давал уроки фехтования и верховой езды тот самый учитель, что преподавал военные искусства в Академии для дворянской молодежи, господин де Плювинель†; на замечательных гравюрах к учебнику верховой езды де Плювинеля, сделанных Криспеном де По, можно видеть молодого короля во время занятий в манеже. Единственное отличие — будущий монарх никогда не ходил в коллеж, который посещала уже в те времена часть детей знати. Во второй половине XVII века ситуация меняется: культ королевской власти с самого детства отделил молодого принца от других смертных, пусть даже самых знатных фамилий.

Людовик XIII родился 27 сентября 1601 года. Его личный врач Эроар оставил нам подробный дневник с детальным описанием каждого шага маленького дофина¹. В год и пять месяцев, отмечает Эроар, «он играет на скрипке и при этом подпевает себе». Раньше он довольствовался более подходящими для этого возраста игрушками: деревянная лошадка, вертушка, «он пытается играть с кубарем»². В полтора года ему уже дают скрипку, тогда это еще не благородный инструмент, а «брэнчалка» (crin-crin), под которую пляшут на свадьбах и деревенских праздниках. Здесь невольно замечаешь, какое значение придают в ту эпоху музыке и пению.

подхлестывая кубарь кнутиком или треххвостной плетью. Подробнее о состязаниях и играх в культуре средневековья см.: Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. М., 1988, с. 127–151. — Ред.

³ Игра, напоминающая крикет. — Ред.

* Сюлли Максимилиан Пьер Франсуа де Бетюн, герцог де (1560–1641) — французский государственный деятель, министр короля Генриха IV, сумевший восстановить разрушенную гражданскими войнами финансовую систему и начавший проведение относительно последовательной меркантилистской политики.

В том же возрасте он начинает играть в шары³. «Дофин во время игры в молот промахнулся и поранил господина де Лонгвиля». Это все равно, что в сегодняшней Англии полуторагодовалый младенец начал бы играть в гольф или крикет. В год и десять месяцев мы узнаем, что он «продолжает выбивать на барабане все марши»: каждая рота имела свой барабан и свой строевой шаг. Его начинают учить говорить: «Сперва его заставляют произносить отдельные слоги, чтобы потом было легче произносить целые слова». Тот же август 1603 года: «Королева собирается обедать, по ее приказу его сажают рядом с ней за большой стол». Гравюры и картины XVI и XVII веков часто изображают маленького ребенка, который сидит за столом на высоком стульчике со специальным приспособлением, не позволяющим ему оттуда упасть. Именно на таком, должно быть, сидел Людовик XIII во время обеда своей матери, как множество его сверстников из других семей. Этому маленькому человеку едва исполнилось два года, а его уже «ведут в кабинет короля, и он под аккомпанемент скрипки танцует разные фигуры». Можно отметить, насколько рано начинали в те времена учить танцам и музыке. Это легко объясняет явление, называемое сегодня вундеркиндами, столь частое в ту эпоху в семьях профессиональных музыкантов, юный Моцарт например. Впоследствии случаи раннего проявления таланта станут более редкими, а оттого будут казаться более необычными — постепенно всеобщее приобщение к музыкальной грамоте, даже в самых элементарных и популярных формах, отойдет на второй план или вовсе отомрет. Дофин начинает говорить; Эроар записывает в фонетической транскрипции его первые слова: «казу папе» — скажу папе; «наису» — нарисуй. Его часто порют: «...кричит, был выпорот (за то, что отказывался есть); успокаивается, потом снова кричит, потом ест». «С громкими криками ушел в комнату. Высечен. Секли долго». Несмотря на то что он полностью разделяет жизнь взрослых — развлекается, танцует и поет с ними, — он продолжает играть в детские игры. Ему два года и семь месяцев. Сюлли* дарит ему «игрушечную карету, полную кукол». «Красивая кукла тете (?)», — говорит он на своем языке.

Матье Ленен.
Танцующие дети.
Париж. Частное собрание

Он любит общество солдат. «Его всегда любили солдаты». «Он возится с игрушечной пушкой». «Со своими солдатами он устраивает маленькую войну. Господин де Марсан надевает ему впервые в жизни высокий воротник. Он в восторге». «Они играют в войну». Мы узнаем также, что он ходит в зал для игры в мяч, будто взрослый, однако спит он еще в колыбели. 19 июля 1604-го ему два года девять месяцев, «чрезвычайно возбужден — ему ставят кровать, первый раз в жизни он будет спать не в колыбели». Он знает уже основы своей религии, на причастии ему показывают облатку* —

«Боженька», говорит он. Остановимся мимоходом на этом слове (*le bon Dieu*), которое все время повторяют сегодня священники и верующие, но которое невозможно найти в религиозной литературе Старого порядка. Как видно из сказанного выше, в начале XVII века и, видимо, много раньше оно употреблялось в детской речи, его произносили родители и няни, обращаясь к маленьким. Оно заразило язык взрослых в XIX веке, и Бог Иакова стал Боженькой малых детей.

Наконец, дофин умеет хорошо говорить. Он произносит дерзкие слова, забавляющие взрослых. «Король спрашивает его (показывая розги): „Сын мой, для кого это?“ Тот сердится и отвечает — для вас. Король невольно рассмеялся».

В Сочельник 1604 года он в полной мере участвует в празднествах: ему три года, «перед праздничным ужином приносят рождественский пень, на котором он будет танцевать и петь в честь приближающегося Рождества». Ему дарят подарки: мяч и хитроумные безделушки из Италии, механического голубя, предназначенного также и для королевы. Зимними вечерами, сидя в четырех стенах, — это в эпоху, когда большую часть времени проводили на открытом воздухе, — «он забавляется тем, что вырезает ножницами разные фигурки из бумаги». Музыка и танцы по-прежнему занимают большое место в его жизни. Эроар не без гордости отмечает, что «дофин умеет танцевать все известные танцы», он хорошо помнит виденные им балеты, позже он будет сам принимать в них участие, если уже не принимает: «...вдруг вспомнил спектакль, который видел год назад (ему было два года) и спрашивает, почему маленький Белье был совсем голый? — Потому что он играл Купидона». Он танцует гальярду, сарабанду и бурре[†]. Ему нравится петь и играть на мандоре (разновидность лютни) Буало. Он поет песню Робена: «Робен едет в Тур / Купить себе велюр, / Чтоб сшить себе колпак, / Я тоже хочу так...». «Потом он принялся петь себе колыбельную: „Кто хочет послушать песню? / Дочь короля Луи / Бурбон так полюбил, / Что даже обрюхатил“». Замечательная колыбельная для маленьких детей! Через несколько дней ему исполнится четыре, а он уже знает, как называются струны лютни, а лютня — инструмент знати: «Играет кончиком пальца на губе и говорит: как контрабаса» (Эроар использует фонетическую транскрипцию и записывает все, даже заикания, когда они имеют место). Ранние занятия на лютне не мешают, однако, ему с удовольствием слушать скрипку, играющую самые народные мелодии на свадьбе у одного из королевских поваров, или вольтничка — одного из каменщиков, «починяющих его камин»: «Он может их слушать часами». В этот же период его учат читать. В три года пять месяцев «ему нравится листать Библию с картинками, кормилица ему показывает буквы — он знает весь алфавит». Затем приходит

[†] *Облатка (гостия)* — употреблялась для причастия с XII в., делалась из пресного пшеничного теста, с изображением агнца и креста.

[†] *Гальярда* — парный, реже сольный, танец, распространенный в Европе с кон. XV до XVII вв. *Сарабанда* — темпераментный испанский танец, упоминается с 1569 г., в 1583 г. запрещен в Испании, исполнялся под аккомпанемент барабана, кастаньет, гитары, сопровождался пением; позже становится торжественным придворным танцем. *Бурре* — французский сельский танец, возник около сер. XVI в., с XVII в. стал придворным танцем с быстрым темпом и четким ритмом.

очередь четверостиший Пибрака*, правил поведения в обществе, морали. Дети должны знать это наизусть. Начиная с четырех лет ему преподают письмо: его учитель — причетник дворцовой часовни Дюмон. «Ему приносят письменный прибор в столовую. Дюмон собирается вести урок, он говорит: я кладу пример и ухожу к моим ученикам». (Примером называли образец, который надо было скопировать.) «Он переписывает пример, точно копируя каждую букву. Очень доволен». Он начинает знакомиться с латинскими словами. В шесть лет профессиональный каллиграф заменит клирика из часовни. «Он переписывает пример, Богран, королевский каллиграф, показывает ему, как надо писать».

Все еще играет в куклы. «Ему нравится возиться с маленькими игрушками и с немецкой комнатой (миниатюрная мебель и сама комната, которую изготовляли мастера из Нюрнберга). Господин де Ломени дарит ему куклу, одетую как дворянин, с высоким воротником и надушенную. Он ее расчесывает и говорит: „Я женю его на кукле Мадам (сестры)“». Также ему очень нравится вырезать из бумаги. Ему рассказывают различные истории: «Он попросил кормилицу рассказать о куме Лисе, о злом богаче и о Лазаре». «На ночь ему рассказывают сказки Мелюзини†. Я говорю ему, что это сказки, а не правдивые истории». (Неправда ли, современно?) Сказки предназначались тогда не только для детей — их по вечерам слушали и взрослые.

Одновременно с игрой в куклы этот четырех- пятилетний ребенок стреляет из лука и играет в карты, шахматы (в шесть лет) и предается таким взрослым развлечениям, как мяч с ракеткой и многочисленные салонные игры. В три года он играет в «что положишь ты в корзинку». Нужно было отвечать — дофинку, принцеснку и т. д., забава детей и молодых людей. С королевскими пажамы, которые старше его, — в «нравится ли вам компания?», он ведет, и когда не знает, что нужно сделать или ответить, он спрашивает; а вот уже забавы пятнадцатилетних — например, «зажечь свечу с завязанными глазами». Если не с пажамы, то с солдатами: «Он участвует в самых разных забавах — „мне нравится ваше место“, „кто ударил“, прятки, играет на волынке с солдатами». В шесть начинаются игры в профессии, ролевые и групповые игры, когда ведущий что-либо изображает и нужно догадаться, о чем идет речь. Так развлекаются и взрослые и подростки.

Постепенно дофин все больше приближается к взрослому миру и присутствует на разного рода зрелищах. Ему пять лет, «повели на лужайку за псарней (Фонтенбло‡), чтобы показать, как будут бороться бретонцы, работающие при королевском дворе». «Отвели в большой зал на бой догов с медведями и быком». «Пошел в зал для игры в мяч, посмотреть на барсучьи бега». Кроме того, он участвует в балетах. В четыре с половиной года «ему надева-

* Пибрак (Ги лю Фор) (1529–1584) — французский государственный деятель, государственный советник и знаменитый оратор, автор популярных эпиграмм.

† Мелюзина — героиня романа в прозе Жана из Арраса (XIV в.), возлюбленная и жена одного из представителей рода Лузиньянов, по субботам она превращалась в змею.

‡ Фонтенбло — королевская резиденция недалеко от Парижа, первые упоминания относятся к XII в., с XIV в. становится одной из самых посещаемых резиденций королей.

ют маску, идет к королю, танцует свою роль и ни за что не хочет расстаться с маской, не желая быть узнанным». Часто переодевается в пикардийскую горничную, в пастушку, в девочку (он носит еще детскую тунику). «После ужина смотрит, как танцуют под песни некоего Лафореста» — солдат-хореограф и автор фарсов. В пять лет «со сдержанным удовольствием посмотрел фарс, в котором Лафорест играет глупого мужа, барон де Монгла — ветреную жену, а Индре — любовника, который ее соблазнил». «Танцует в балете мужскую роль — штаны поверх туники (ему шесть)». «Смотрит балет о колдуньях и чертях в исполнении солдат господина де Марсана, сочиненный пьемонтцем Жаном-Батистом (еще один солдат-хореограф)». Он способен показать не только дворцовые и бальные танцы — ему их преподают одновременно с письмом и чтением. Он знает и умеет танцевать то, что теперь назвали бы народными танцами, и то, что напоминает мне тирольские танцы, которые мальчишки в коротких кожаных штанах отплясывали в инсбрукских кафе. Королевские пажы «танцуют бранль⁴, разыгрывают из себя деревенских дурачков, поддавая друг другу под зад. Он делает то же самое, что и они (в пять лет)!». В другой раз его переодевают девочкой для небольшой комедии: «Когда фарс закончился, с него сняли бальное платье и он пустился в пляс: все вокруг деревенские дурачки, можно пинать под зад стоящих рядом. Ему очень нравится этот танец».

Наконец, традиционные праздники: Рождество, праздник Королей, Иванов день — он проводит вместе со взрослыми, именно он зажигает костер в Иванов день во дворе замка Сен-Жермен. В ночь на праздник Королей «он в первый раз выбран королем. Все кричат: Пьет король! Оставляют кусок, предназначенный Богу, — кто его съест, подает милостыню». «Отвели к королеве. Наблюдает из ее окна, как ставят майское дерево⁵».

Все меняется к семи годам — он больше не носит детской одежды, отныне его воспитание в руках мужчин. Он прощается с «маманга» — мадам де Монгла — и попадает в ведение господина де Субиза. Всеми силами его стараются отвести от игр детей малого возраста, особенно от кукол: «Вам не следует более играть с такими игрушками (имеется в виду немецкая комната), как не следует играть в извозчика, вы уже большой, вы больше не ребенок». Он начинает всерьез обучаться верховой езде, стрельбе из различных видов оружия, его берут на охоту. Он играет в азартные игры: «Играет в кости, выигрывает бирюзовую безделушку». Создается впечатление, что этот возраст обозначает какой-то важный этап — именно семь лет в педагогической и воспитательной литературе XVII века упоминается как возраст, когда можно отдавать детей в школу или отпускать в самостоятельную жизнь⁵. Не будем преувеличивать. Пусть даже юный дофин не играет больше в куклы, в остальном его нынешняя жизнь

⁴ Бранль — старинный французский танец.

⁵ Майское дерево — атрибут праздника майского короля, символ жизненной силы в природе.

⁶ См. ниже, часть II, гл. 4 и часть III, гл. 2.

не отличается от прежней: его по-прежнему порют, он участвует в тех же развлечениях. Правда, он будет все чаще ходить в театр, и вскоре он будет туда ходить каждый день — отметим, какое значение придавали наши предки, проводившие большую часть времени под открытым небом, частым зрелищам в закрытых помещениях! «Пошел в главную галерею, где король гоняет обруч». «Очень нравятся неприличные сказки Ла Клаветта и других». «В своей комнате играл в крестик и решку (мы говорим — „орел и решка“) и, как Король, — в кости». «Играл в прятки с лейтенантом рейтар». «Ушел поиграть в мяч, оттуда перешел в главную галерею гоняя обруч». «Переделся, танцует Панталоне». Теперь ему уже девять: «После ужина идет к королеве, играет в жмурки, заставляет играть придворных дам, принцесс и королеву». Играет в игры, требующие общества. «После ужина кормилица короля рассказывает ему сказки. Слушает с большим удовольствием». Ему давно исполнилось тринадцать, а он все еще играет в прятки.

До семи лет преобладают игры в куклы и в немецкие домики, после — охота, верховая езда, упражнения с оружием, театр: переход едва заметен в череде детских развлечений, позаимствованных у взрослых или происходящих с их участием. В два года Людовик XIII начал играть в шары, в мяч, в четыре он стреляет из лука — игры, заменяющие физические упражнения, в которые играли все; мадам де Севинье поздравляет своего зятя по поводу его ловкости при игре в шары. Романист и историк Сорель напишет трактат о групповых играх, предназначенный для взрослых. Однако уже в три года Людовик XIII будет играть в корзиночку, в шесть — в «ремесла» и в «театр», то есть в игры, занимающие почетное место в «Доме игр» Сореля*. В пять дофин играет в карты. В восемь он выигрывает в «бланк», азартную карточную игру, где удача переходит из рук в руки.

То же самое касается музыкальных и драматических спектаклей: в три Людовик XIII танцует гальярду и сарабанду, получает свою роль в придворных балетах. С пяти смотрит фарсы, с семи — комедии. Он поет, играет на лютне и скрипке. Он в первых рядах зрителей на выступлениях канатоходца, на боях быков, на состязаниях борцов. Наконец, он участвует в торжествах по поводу сезонных и религиозных праздников — Рождество, Май†, Иванов день... Мы видим, что в те времена нет еще четкой границы между детскими и взрослыми играми. Они были общими для тех и других.

*
* *

В начале XVII века эта универсальность больше не распространяется на самых маленьких. Мы хорошо знаем их игры, так как начиная с XV века, то есть с появления путти в иконографии,

* Сорель Шарль (1602—1674) — французский писатель, автор знаменитого авантюриного романа «Правдивое комичное жизнеописание Франсиона», посвященного осмеянию педантов и адептов схоластики, автор романов «Экстравагантный пастух», «Дворец Алижели», трактата «Универсальная наука» и др.
† Май — праздник, имевший место иногда 1 мая, иногда в четвертое воскресенье Великого поста, был внецерковным фольклорным праздником; связан с идеями обновления мира, брачной символикой, ритуалом ухаживания.

художники все чаще обращаются к образу ребенка и сценам, изображающим играющих детей. Там можно узнать деревянную лошадку, ветряную вертушку, птицу, привязанную за лапку, и иногда, реже — куклу. Совершенно ясно, что все это предназначалось для самого младшего возраста. Однако невольно задаешься вопросом: было ли так всегда или когда-то все перечисленные здесь игрушки принадлежали миру взрослых? Некоторые из них появились благодаря детской потребности подражать взрослым, уменьшался масштаб до их размеров, как, например, деревянная лошадка в эпоху господства гужевого транспорта. Ветряная вертушка — эти вращающиеся на конце палочки крылья есть не что иное, как имитация более современного технического достижения, чем лошадиная тяга, — силу ветра начали использовать в Средние века. Тот же рефлекс, который заставляет сегодняшних детей играть с игрушечным грузовиком или автомобилем. Хотя, впрочем, ветряные мельницы давно исчезли из наших деревень, вертушки на палочках все еще продаются на ярмарках и на детских площадках общественных парков. Дети — это наиболее консервативная часть общества.

Перейдем к другим детским забавам, в основе которых, кажется, лежит что-то другое, нежели стремление подражать взрослым. Так, очень часто можно видеть изображение ребенка, играющего с птицей: у Людовика XIII была сорока, и он ей очень дорожил. Быть может, это напомнит некоторым читателям полуручную ворону с подрезанными крыльями из их собственного раннего детства. Птица на картинах в большинстве случаев привязана, а ребенок дергает ее за нить. Встречается вариант с деревянной птицей. В целом, судя по иконографии, птица на привязи, кажется, является самой распространенной игрушкой тех лет. Между тем историк греческой религии Нильсон говорит, что в древней, как, впрочем, и в современной Греции в первых числах марта мальчики, как требует обычай, делают деревянных ласточек, насаживают их, как флюгер, на палочки и украшают цветами⁶. После дети, каждый со своей птичкой, обходят дом за домом и получают подарки. Здесь птица, настоящая или деревянная, является не индивидуальной игрушкой, а элементом коллективного сезонного праздника, в котором молодежь играет роль, отведенную ей в соответствии с возрастом участников; в дальнейшем мы еще встретимся с подобными праздниками. Итак, то, что становится впоследствии индивидуальной игрушкой, не несущей никакого социального, религиозного и календарного содержания, было, по-видимому, изначально связано с церемониями, собиравшими вместе детей, молодежь (не выделяемых еще в особые возрастные категории) и взрослых. У того же Нильсона можно увидеть, насколько общим для всех возрастов было качание на качелях — от простых, похожих на весы, до под-

⁶ Nilsson. La Religion populaire dans la Grèce antique.

Качели.
Английская гравюра
XVIII века

вешенных на веревках, часто встречающихся в иконографии даже XVIII века. На античной керамике можно видеть сцены, в которых мальчики прыгают на мехах с вином и качают девочек на качелях во время праздника юности. Нильсон интерпретирует эти сцены как ритуал плодородия. Между религиозной церемонией и ее основной составляющей — обрядом существовала тесная связь. Впоследствии игра утратила религиозный смысл, вышла за рамки общины и стала доступна каждому непосвященному. И становясь таковой, игра переходит в разряд детских забав, которые представляют собой как бы в чистом, законсервированном виде весь репертуар архаических обрядов, уже давно позабытых взрослыми.

Изучая проблему кукол и других миниатюрных игрушек, мы приходим к такому же выводу. Специалисты по истории игрушки и коллекционеры кукол и миниатюрных фигурок почти не могут отличить куклу — детскую игрушку от других статуэток и изображений, в огромном количестве поставляемых археологическими раскопками. Чаще всего они несут религиозную нагрузку: культ домашнего очага, обряды погребения, изображения паломников и т. д. А сколько раз археологи принимали за игрушки миниатюрные копии предметов быта, положенные в могилу? Я далек от заключения, что маленькие дети не играли тогда с куклами или с игрушками — маленькими копиями предметов из обихода взрослых, просто ими пользовались не только дети, сегодня ставшие монополистами в этой области. В древности они были принадлежностью, по крайней мере, умерших. Подобное же соседство кукол и обрядовых фигурок наблюдается и в Средние века, а в деревенском быту встречается и того позже — кукла является грозным орудием в руках колдуна и ворожеи. Страсть воспроизводить в миниатюре людей и окружающие их предметы повседневной жизни проявляется в народном искусстве, предназначенном в одинаковой степени для развлечения детей и взрослых. Знаменитые неаполитанские ясли являются наиболее ярким тому примером. Европейские музеи, особенно немецкие и швейцарские, полны сложных конструкций, представляющих собой кукольные домики, мебель и миниатюрные интерьеры, воспроизводящие в уменьшенном виде каждую деталь знакомых всем настоящих предметов. Делалось ли это, чтобы продемонстрировать мастерство? Как сказать, эти забавные штучки, столь популярные среди взрослой публики, не оставляют равнодушными и детей. «Немецкие игрушки» идут во Франции нарасхват. По мере того как они переходят в сферу сугубо детских развлечений, их называют одним общим для всех возрастов словом — безделушки. Когда это слово было синонимом игрушки. Эволюция языка отделила его от первоначального значения, а эволюция чувств, наоборот, закрепила за детьми употребление игрушек и миниатюрных ко-

О. Фрагонар.
Качели.
1768. Лондон. Коллекция
Уоллес

пий настоящих объектов. В XIX веке безделушка перебирается на витрины и в салоны, но остается все еще уменьшенной копией какого-либо предмета: миниатюрный портшез, мебель, крошечная посуда — с ними не играют, на них смотрят. Здесь проявляется былая страсть обывателя к неаполитанским яслям и другим поделкам этого жанра. При Старом порядке общество сохраняло привязанность к подобным забавам, которые сегодня назвали бы ребячеством, поскольку теперь они уже окончательно отошли в область детства.

Еще в 1747 году Барбье пишет: «В Париже придумали куклы, именуемые марионетками... Есть кукла Арлекин, есть Скарамуш (из итальянской комедии), есть куклы, изображающие пекарей, есть также маленькие пастух и пастушка (из пасторали). И эта безделка настолько покорила весь Париж, что нельзя прийти ни в один дом, чтобы не наткнуться на камин с подвешенными на нем куклами. Их дарят всем без разбора, женщинам и девочкам, и фурор настолько сногшибательный, что в начале этого года все прилавки были забиты ими в качестве новогодних подарков... Герцогиня Шартрская заплатила за одну такую, расписанную Буше, 1500 ливров». Замечательный библиофил Жакоб, приводя эту цитату, отмечает, что в его время никому бы и в голову не пришло заниматься подобным ребячеством: «Люди светские слишком заняты своими делами (интересно, что он сказал бы, если бы жил в наше время) и не могут уже себе позволить вести себя, как в эти старые добрые праздные времена, — времена процветания бильбоке* и кукол на нитках; теперь это удел детей».

А вот другое проявление популярного искусства миниатюризации, породившего немецкие безделушки и неаполитанские ясли, — театр марионеток. Он претерпел ту же эволюцию. Лионский Гиньоль начала XIX века — персонаж народного театра для взрослых. Сегодня гиньоль — общее название кукольного детского театра.

Эта столь долго существующая неопределенность детских игр объясняет, почему с XVI по начало XIX века одетая кукла служила модникам и модницам вместо манекена и являлась часто объектом коллекционирования. Герцогиня Лотарингская хочет сделать подарок роженице (1571): «Она просит вас передать пять-шесть не очень больших кукол в самой роскошной одежде, какую только можно найти, чтобы послать их прелестному дитя герцогини Баварской, недавно родившей». Подарок предназначается матери, пусть и под видом подарка ребенку! Коллекционные куклы в большинстве своем не были детскими игрушками, которые были сделаны довольно грубо и с которыми не очень бережно обращались. Коллекционные куклы были модными куклами. Впоследствии модные куклы исчезнут, благодаря изобретению литографии† их заменят гравюры⁷.

* Бильбоке — игра, состоявшая в том, чтобы шариком, привязанным на шнуре к стержню, попасть в чашечку, прикрепленную к тому же стержню.

† Литография — писание, черчение и художественное рисование на камне чернилами, карандашом особого состава или иглой и производство на бумаге отпечатков. Была изобретена в 1796 г. Алоизом Зенфельдером в Мюнхене.

⁷ Fournier. Histoire des jouets et jeux d'enfants. 1889.

Ленен.
Игроки в карты

⁸ Cabinet des Estampes, Oa 52
pet. fol. n° 164.

⁹ Vouzonnnet Cl. Jeux de
l'enfance. 1657.

* Бурдон Себастьян (1616—
1671) — французский худож-
ник, работал в Париже, Ита-
лии, Швеции, с 1648 г. —
член Парижской академии,
затем профессор и ректор, ав-
тор картин на мифологические,
религиозные сюжеты, портре-
тов, пейзажей, батальных и
бытовых сцен.

¹⁰ Musée de Genève.

¹¹ Fierens P. Le Nain. 1933,
р. XX.

Валантен.
Шулера.
1615/18.
Дрезден

Неопределенная граница между предметами, именуемыми игрушками для маленьких и их первоначальным назначением, исчезает в эпоху, с которой начинается эта глава, — к 1600-м годам. Они отныне предназначаются детям. Лишь маленькая деталь отличает их тогдашнее предназначение от сегодняшнего. Как уже отмечалось на примере детства Людовика XIII, в куклы играли и мальчики. В раннем возрасте к детям того и другого пола относились практически одинаково: и те и другие носили одинаковые костюмы, одинаковые платья. Вполне возможно, что благодаря одежде и иконографии обнаруживается взаимосвязь между детской специализацией игрушки и значением раннего детства начиная с конца Средних веков. Детство становится хранителем обычаев и обрядов, позабытых взрослыми.

*
* *

Сугубо детская специализация игр к 1600 году касается только раннего детства — после четырех лет она стирается и исчезает вовсе. Начиная с этого возраста ребенок играет в те же игры, что и взрослые, то с детьми, то с теми же взрослыми. Мы это знаем в основном благодаря богатой иконографии, так как с эпохи Средневековья до XVIII века игры становятся любимым сюжетом художников; это указывает на место, которое занимали развлечения в жизни общества при Старом порядке. Мы уже видели Людовика XIII, играющим одновременно и в куклы, и в мяч, ранний вариант современного тенниса, и в шары, и в «хоккей» (игра с мячом и клюшками) — три последние игры нам кажутся скорее играми для подростков и взрослых. На гравюре Арну конца XVII века изображены дети с колодой карт — дети знатных фамилий, о чем говорят манжеты на руках девочки⁸. Никто не видит ничего возмутительного в том, что они играют в азартные игры, причем на деньги. Сюжет одной из гравюр Стеллы, посвященных забавам путти: проигравшийся в пух ребенок; видно, что художник сочувствует его горю⁹. Художники-караважисты (XVII век) часто пишут солдат, увлеченных игрой в тавернах: рядом со старыми служаками сидят мальчики, едва достигшие двенадцати лет, и с не меньшей страстью следят за тем, что происходит на карточном столе. На полотне Бурдона* можно видеть группу бродяг, наблюдающих за двумя малолетними игроками в кости¹⁰. Тема азартных игр на деньги среди детей не шокирует еще общественное мнение, так как часто на картинах фигурируют не наемники и бродяги, но и знатные персонажи Ленена¹¹. Взрослые же, наоборот, находят удовольствие в забавах, которые мы сегодня называем детскими. Резьба на кости XIV века из Лувра изображает игру в «лягуш-

Игра в «вязанки».
Часослов герцогини
Бургундской.
Музей Шантйи

¹² Victoria and Albert Museum, London.

¹³ Berndt, n° 509 (Corneil de Man), n° 544 (Molinar).

¹⁴ Fournier. Op. cit.

¹⁵ Cabinet des Estampes, Éd. 73 in-f° p. 104.

¹⁶ Van Marle. Op. cit., tome I, p. 71.

Караважо.

Игроки.
1595–1596.
Форт-Уэрт, Музей
искусств Кимбалла

ку посредине»: молодой человек сидит на земле, его толкают со всех сторон, а он старается поймать одного из играющих. Часослов Аделанды Савойской (конец XV века) содержит календарь, полный иллюстраций, с изображением игр, и в большинстве своем игр не рыцарских. (Сначала календари иллюстрировались сценами ремесел, за исключением мая — май посвящался любовным ухаживаниям. Потом на иллюстрациях появились игры, занимающая все более важное место — игры рыцарские, та-

кие как охота с гончими, а также народные.) Одна из них — игра «в вязанки»: ведущий изображает свечу в центре круга, остальные попарно становятся в круг — дама позади кавалера, обнимая его за талию. Через несколько страниц — деревня, все ее жители: мужчины, женщины, маленькие и большие — вышли на улицу и перекидываются снежками. Шпалера начала XVI века — крестьяне и дворяне, последние в одежде пасторальных пастушков, забавляются борьбой¹². Среди играющих нет ни одного ребенка. Картины голландских мастеров XVII века (второй половины!) — те же развлечения. На одной из них можно различить нескольких детей, но они в толпе взрослых всех возрастов: женщина закрывает лицо передником, ее рука выставлена за спиной¹³. Людовик XIII и его мать забавлялись игрой в прятки. В отеле Рамбуэе можно было поиграть в жмурки¹⁴. Эта игра отражена на гравюре Лепотра — играющие крестьяне, дети попеременно со взрослыми¹⁵.

Теперь можно понять, почему, изучая иконографию игр, современный историк Ван Марль так прокомментировал это явление: «Что касается развлечений взрослых, невозможно точно сказать, чем же они отличались от развлечений маленьких детей»¹⁶. Боже мой, да ни чем!

*
* *

Дети также принимали участие — каждая возрастная категория в своей роли — в сезонных праздниках, собиравших, как правило, все сообщество. Нам трудно представить, какое значение придавалось играм и праздникам в тогдашнем обществе. В сознании сегодняшнего человека, городского или сельского жи-

теля, для них остается лишь малый зазор между профессиональной жизнью, утомительной, с преувеличенным к ней отношением, семейными делами, настоятельными и исключаящими что-то другое. Вся социально-политическая литература — отражение современного общественного мнения — говорит об условиях жизни и труда. О защите реальных заработков заботятся профсоюзы, система страхования облегчает ситуацию на случай болезни или безработицы — таковы основные завоева-

Питер Брейгель.
Детские игры.
1560. Вена, Художественно-исторический музей

ния народа, по крайней мере, наиболее заметные в глазах общественного мнения и наиболее аргументированные в политической литературе. Даже пенсия стала не заслуженным отдыхом, а скорее фондом, который дает чуть ли не единственную возможность значительных накоплений. Развлечения, став как бы постыдным занятием, допускаются лишь в редких случаях — в положенное время, с легким налетом запретности. «Легально» можно развлекаться только раз в году, в период лет-

них отпусков, в августе, когда многочисленная разношерстная толпа, растущая с каждым годом, в том числе и в смысле количества автомобилей, устремляется к морским пляжам, воде и солнцу или к горным курортам.

В средневековом обществе работа не занимала столько времени и не имела такого большого значения, тогда как мы вот уже более столетия возводим ее в ранг первой человеческой ценности. Огромной натяжкой было бы сказать, что она имела тогда примерно тот же смысл, что и сейчас. Зато игры и развлечения далеко выходили за рамки нынешних представлений. Они были одной из возможностей общества почувствовать себя единым целым. Это утверждение справедливо для всех видов игр, но наиболее ярко их социальная роль проявляется во время больших сезонных и обрядовых празднеств. Каждому празднику соответствовал свой день в календаре и своя традиционная программа. До сих пор их изучали только фольклористы и специалисты по народным обычаям, притом только в деревенской среде, тогда как на самом деле все общество принимало в них активное участие. И дети — маленькие и большие — участвуют в событиях на правах любого другого члена общества, играя свою, отведенную им обычаями роль. Конечно, мы не будем здесь рассматривать историю этих праздников — тема огромна, хотя и несомненно интересна для истории общества, — нам хватит всего нескольких примеров, чтобы понять, какое место занимали дети в этой сфере жизни. Впрочем, недостатка в материале по этой теме мы не испытываем, даже если не прибегать к фольклорной литературе. В нашем распоряжении имеется богатейшая иконография — многочисленные картины из буржуазной и городской жизни. Эти картины сами по себе уже свидетельствуют о значении праздников для памяти и умонстроения; их рисуют снова и снова, пытаясь сохранить как можно дольше воспоминание о коротком моменте, в течение которого они длились.

Излюбленный сюжет художников и их заказчиков — праздник Королей, по-видимому, самый большой в году. В Испании он до сих пор сохранил приоритет, потерянный им во Франции в пользу Рождества. Когда мадам де Севинье, будучи в своем замке Шато-де-Роше, узнала о рождении внука, ей захотелось при-

Г. Метсю.
Праздник бобового короля

общить к своей радости прислугу. Она пишет, как хорошо все устроила: «Я угостила их вином и ужином — ужин в честь праздника Королей, ни больше ни меньше»¹⁷. На одной из миниатюр в часослове Аделаиды Савойской изображен первый эпизод праздника. Действие разворачивается в конце XV века, однако ритуал долго оставался неизменным. Женщины, мужчины, родственники собираются вокруг стола. Один из гостей держит почти вертикально королевский пирог. Пяти-шестилетний ребенок прячется под столом, миниатюрист вручает ему что-то вроде свитка. Надпись начинается на Ph... Значок подан, наступает момент, когда по обычаю ребенок тянет, как жребий, куски королевского пирога. Церемония происходит таким образом: ребенок прячется под стол, один из гостей отрезает кусок и зовет: «Phaëbe, Domine...» (отсюда Ph на миниатюре), — ребенок отвечает и называет имя гостя, которому нужно отдать этот кусок и так далее. Одна из частей пирога предназначалась бедным, то есть Богу, и тот, кому она доставалась, откупался милостыней. Милостыня, теряя религиозный характер, видимо, постепенно превратилась в обязанность Короля заплатить выкуп или предоставить другой пирог, но уже не для бедных, а для гостей. Так ли это? Возможно. Нас интересует только роль, отведенная протоколом ребенку. Процедура проведения официальных лотерей в XVII веке несомненно перенимает этот обычай: на фронтисписе книги «Критика лотерей» — ребенок, тянущий номер¹⁸. Традиция сохранилась до наших дней — номера вытягиваются наподобие кусков королевского пирога. Роль ведущего объясняет обязательное присутствие ребенка во время долгих ночных праздничных бдений.

Второй эпизод, кульминационная точка действия, — священный обычай сотрапезников счастливого, возглавляющего праздник, надлежащим образом коронованного: «Король пьет». Это любимый сюжет фламандских и голландских мастеров. Не говоря уже о знаменитом полотне Иорданса* в Лувре, его можно найти у многих художников Севера Европы. Взглянем на картину Метсю†, выполненную в более реалистичной и менее бурлескной манере¹⁹. Вот присутствующие собрались вокруг Короля праздника. Гости всех возрастов и сословий, прислуга рядом с хозяевами. В центре стол. Король, старик, пьет. Его приветствует ребенок, приподняв шляпу. Можно не сомневаться, это тот самый ребенок, что тянул жребий (говорил, кому какой кусок). Рядом видно еще одного ребенка. Он еще слишком мал для роли ведущего — сидит на одном из специальных высоких стульчиков, привязанный к сиденью; такие стульчики еще повсеместно в ходу. Малыш едва умеет держаться на ногах, но уже должен принимать участие в празднике. Один из гостей одет шутом. В XVII веке

¹⁷ *Mme de Sévigné. Lettres.* 1671.

¹⁸ Воспроизведено в: *d'Allemagne H. Récréations et passe-temps.* 1906, p. 107.

* Иорданс Якоб (1593–1678) — фламандский живописец, писал картины на религиозные, мифологические, исторические и аллегорические сюжеты, автор портретов и бытовых сцен.

† Метсю Габриел (1629–1667) — голландский художник, работал в Ейсдене и Амстердаме, автор жанровых композиций.

¹⁹ *Metsu, La fête des Rois.* см.: *Berndt, n° 515.*

Якоб Иорданс.
Бобовый король.
Ок. 1638.

Петербург, Эрмитаж

Ян Стен.
Праздник бобового короля.
Кон. 1650-х — нач. 1660-х.
Галерея Касселя

безумно любят переодеваться и самые невероятные наряды здесь были к месту. Однако шута можно увидеть и на других картинах с изображением этой знакомой всем сцены — королевский шут является частью церемонии.

Случалось, что кусок с бобом доставался ребенку. Так, Эроар пишет 5 января 1607 года (праздник отмечали накануне Богоявления) — будущий Людовик XIII стал «Королем в первый раз». Полотно Стена* 1688 года посвящено «коронации» самого младшего сына художника²⁰.

На него надевают бумажную диадему, усаживают на скамью, как на трон, а пожилая женщина из гостей осторожно дает ему попить вина из бокала.

На этом праздник не заканчивался, наступала очередь третьего эпизода, продолжавшегося до утра. Заметим, что некоторые из присутствующих — ряженые, иногда на их головных уборах прикреплены таблички с отведенной им ролью в представлении. Дурак становится во главе небольшой процессии в составе нескольких масок, музыканта (чаще всего скрипача) и опять же ребенка. По обычаю он имеет весьма конкретную функцию — несет Королевскую Свечу. В Голландии эта свеча черного цвета, во Франции она разноцветная. Мадам де Севинье сказала как-то по поводу одной дамы: «Разодета, как Королевская Свеча». Под предводительством шута процессия «певцов звезды» (так их называли во Франции) ходила по соседям, собирая с них дань в виде дров, продуктов или заставляя хозяев сыграть в кости. На гравюре Ф. Мазо «Ночь» (1641) певцы звезды: двое мужчин, женщина с гитарой и ребенок с Королевской Свечой.

Благодаря расписанному гуашью вееру начала XVIII века мы можем проследить движение кортежа до момента его встречи в соседнем доме²¹. Прихожая изображена в разрезе, как в декорации для мистерии — характерный прием живописцев XV века, таким образом одновременно видны улица и помещение, точнее часть последнего. В прихожей пьют за здоровье короля и выбирают королеву. На улице ряженые стучат в дверь, им собираются открыть. Чем больше дураков, тем веселее — не отсюда ли это выражение?

Итак, можно констатировать постоянное активное участие детей в церемониях на протяжении всего праздника. То же самое происходит в Сочельник. Эроар пишет: Людовику три года, «увидел рождественский пень, на котором он танцевал и пел в честь Рождества». Может быть, именно он бросал соль или кропил вином рождественское полено, как требовал ритуал конца XVI века, описание которого делал германоязычный швейцарец Томас Платтер, изучавший медицину в Монпелье. Он наблюдал этот обычай в Юзесе²². На подставках в камине стоит полено, весь дом собирается вокруг. Самый младший берет в правую руку ста-

* Стен Ян (1625/26—1679) — голландский художник, автор многочисленных жанровых композиций из жизни «среднего класса» Голландии.

²⁰ Steen, Cassel, воспроизведено в: Schmidt-Degener F., Van Gelder. Jan Steen. 1928, p. 82.

²¹ Éventails gouachés, exposition Paris, galerie Charpentier, 1954, n° 70 (provenant du cabinet Duchesne).

²² Thomas Platter à Montpellier, 1595—1599, p. 346.

Шарль Лебрэн.
Портрет канцлера Селье.
1661. Париж. Лувр

кан вина, хлебные крошки или щепотку соли, в левой руке у него горящая свеча. Все снимают шапки, ребенок делает крестное знамение: «Во имя Отца...» — кидает соль в один угол очага... — «и Сына...» — в другой угол и т. д. После того как полено сгорало, угли не выбрасывались — они имели чудесную силу и защищали дом от лукавого. Ребенок играет здесь роль, отведенную ему традицией в сообществе. Подобную же роль, впрочем, он выполняет и на собраниях по менее значимым случаям, роль все того же социального характера — во время семейных торжеств, сопровождающихся праздничным угощением. Так, обычай требовал, чтобы предобеденные молитвы читали самые младшие, а прислуживали за столом все дети без исключения. Они подавали напитки, меняли блюда, нарезали мясо. Мы познакомимся поближе со смыслом этих обычаев, рассматривая структуру семьи²³. Отметим, насколько в XIV—XVII веках распространена практика доверять детям особую функцию в церемониях общественного и семейного характера, повседневных и праздничных.

Следует сказать, что существовали и другие праздники, которые, хотя и отмечались всем обществом в целом, оставляли за молодыми монополию на главную роль, отводя другим роль зрителей. Эти праздники уже проявляли себя как дни детства и юности: мы видели, насколько граница между двумя этими возрастными состояниями была размыта, в отличие от четкой линии, проведенной между ними сегодня.

В Средние века, в день Невинных Младенцев*, дети занимали церковь и выбирали из своих рядов епископа²⁴, который руководил церемонией, заканчивающейся крестным ходом, или сбором пожертвований, или просто обедом. По традиции, которой следовали еще в XVI веке, молодые люди утром в день Невинных Младенцев ходили по домам и давали плетей тем своим товарищам, что все еще не встали с постели, приговаривая: «Получай младенцев».

«Жирный вторник» предстает праздником школяров и молодежи. Фитц-Стефен описывает, как выглядел этот праздник в XII веке в Лондоне, где проводит юные годы его герой Фома Беккет†, ученик школы при соборе св. Павла: «Все ученики принесли учителю своих боевых петухов»²⁵. Петушиные бои, где они еще существуют — во Фландрии и в Латинской Америке, — и теперь очень популярны, но они — развлечение взрослых. Петушиные бои в Средние века прямо связывают с молодежью и даже со школой. Один дьеппский текст XVI века еще содержит отзвуки этой традиции, перечисляя то, что идет в уплату паромщику: «От учителя, что держит школу в Дьеппе, — один петух, когда есть бои в школе или в другом месте в городе, и от этого свободны на означенном судне все другие школяры Дьеппа»²⁶.

²³ См. ниже, часть III, гл. 2.
* День поминовения невинноубиенных младенцев происходил 28 декабря, в этот день устраивалась процессия детей, во главе которой ехал молодой клирик, переодетый женщиной, что символизировало бегство Святого семейства в Египет.

²⁴ Jarman T. L. Landmarks in the history of education. 1951.
† Фома Беккет (ок. 1118—1170) — английский церковный и политический деятель, был убит по приказу Генриха II, в 1173 г. канонизирован.

²⁵ Jarman. Op. cit.

²⁶ Robillard de Beurepaire Ch. de. Recherches sur l'instruction publique dans le diocèse de Rouen avant 1789. 3 vol., 1872, tome II, p. 284.

В Лондоне, как пишет Стефен, жирный вторник начинался с пушинных боев, продолжавшихся целое утро. «После полудня вся окрестная молодежь выходила поиграть в знаменитую игру в мяч... Взрослые — родители и городская знать — седлали коней и верхом ехали к месту, где веселились молодые, и вместе с ними они вновь обретали свою собственную молодость». Игра в мяч обычно собирала несколько групп, противопоставляя друг другу то два разных прихода, то две разные возрастные категории: «Игра в мяч или же в шар привычна в день Рождества меж товарищами из места Керак в Оверни (и в других местах тоже), разделяются же игроки таким образом, что по одну сторону оказываются холостые, а по другую — женатые, и переносят они мяч или шар с места на место, пытаясь каждый отнять его у другого, дабы получить приз, и тот, кто лучше всего это делает, получает награду в означенный день»²⁷.

Еще в XVI веке в Авиньоне карнавал организовывал и вел «настоятель братства», председатель содружества клерков, работавших у нотариусов и прокуроров²⁸, такие лидеры молодежи встречаются повсюду, по крайней мере на Юге, «предводители удовольствий», как их назвал один современный эрудит: князья любви, короли братств, аббаты или капитаны юности, аббаты подмастерьев или детей города. В Авиньоне в день карнавала студенты имели право избивать евреев и проституток, если те не заплатят выкупа²⁹. В истории Авиньонского университета отмечен такой факт: 20 января 1660 года вице-легат установил размер выкупа в один экю с проститутки.

Большими молодежными торжествами были майские и ноябрьские праздники. Благодаря Эроару мы знаем, что Людовик XIII, будучи ребенком, выходил на балкон смотреть, как водружают майское дерево. Май — второй по популярности, после Королей, праздник среди художников народного быта. Он вдохновил на создание множества картин, гравюр, шпалер. А Вараньяк разглядел эту тему в «Весне» Боттичелли³⁰. На других изображениях традиционные церемонии представлены более реалистично. Шпалера 1642 года позволяет нам представить себе, как выглядел поселок или деревня первого мая³¹. Перед нами улица. Почтенная пара и старик вышли из своих домов и ждут на пороге. Они готовятся встретить группу девушек, идущих по направлению к ним. Одна из девушек, та, что впереди, несет корзину с фруктами и пирогами. Так они ходят от двери к двери, и каждый дает им что-нибудь из продуктов в ответ на пожелания: хождение от двери к двери есть основной элемент молодежных праздников. На первом плане — совсем маленькие дети в платьицах, девочки и мальчики, на их головах венки из цветов, сплетенные для них матерями. На других изображениях детская процессия выстраивается около мальчика, несущего майское дерево: в этом

²⁷ Jusserand J.-J. Les Sports et jeux d'exercice dans l'ancienne France. 1901.

²⁸ Achard P. Les Chefs des plaisirs // Annuaire administratif du département du Vaucluse. 1869.

²⁹ Право бороды и пинка, см.: Laval. Université d'Avignon, p. 44–45.

³⁰ Varagnac A. Civilisations traditionnelles. 1948.

³¹ Les saisons, Florence. См.: Cöbbel H. Wandteppiche. 1923, tome II, p. 409.

Ян Стен.
Майская королева.
1660-е. Париж. Музей
Пти-Пале

порядке дети идут на одной голландской картине 1700 года³². Детские стайки проходят по всей деревне вслед за майским деревом, самые маленькие идут с венками на голове. Взрослые стоят на порогах своих домов, готовые принять процессию. Майское дерево иногда представляют в виде жерди, увитой цветами и листвой³³. Но нас не очень интересуют эпизоды с майским деревом. Отметим лишь факт, что дети собирают со взрослых своеобразную дань, и обычай украшать детей венками из цветов, который следует связать с идеей о возрождении растительности, символизированной также деревом, которое носят повсюду и в конце концов сажают³⁴. Эти венки из цветов стали обычными для детей, как естественный атрибут их возраста, в сценах игр, изображаемых художниками. На индивидуальных или семейных портретах дети обязательно либо плетут, либо имеют на голове такой венок из цветов или листьев. Посмотрим на портрет двух маленьких дочерей Николаса Маса* в Тулузском музее: первая надевает венок из листьев, свободной рукой вынимая цветы из корзины сестры³⁵. Невозможно удержаться от соблазна поставить рядом майские церемонии и обычай связывать восприятие детства с жизнью растений.

Другая группа детских и молодежных праздников приходилась на начало ноября. «4 и 8 (ноября), — писал студент Томас Платтер в конце XVI века, — был маскарад Херувимов. Я тоже надел маску и отправился в дом доктора Сапота, где проходил бал»³⁶. Речь идет о маскараде для молодых людей, а не только для детей. Он исчез из обихода наших дней, вытесненный всемогущим соседством Дня поминовения. Общественное мнение больше не допускает слишком тесного соседства с ним веселого праздника детских переодеваний. Однако в Северной Америке он до сих пор жив и известен как Хэллоуин. Позже день св. Мартина† становится особым днем для детей, или, точнее, для школьников: «Завтра день св. Мартина, — читаем в школьном диалоге начала XVI века, повествующем о жизни школ в Лейпциге. — Мы, школьники, собираем огромное подаяние... по обычаю, когда бедные (школьники) ходили от двери к двери, получая деньги»³⁷. Здесь мы снова встречаем хождение по домам, о котором мы говорили, рассказывая о майских праздниках; специфическая особенность детских праздников — подаяние — означало либо жест гостеприимства, либо было связано с самым обычным попрошайничеством. Ощущение такое, что мы прикоснулись к последним остаткам очень древней структуры разделения общества на возрастные категории. Впрочем, от них осталось лишь легкое воспоминание, отдающее молодым главную роль в коллективных торжествах. Следует подчеркнуть, что сама церемония почти не различает собственно детей и молодых людей. Этот пережиток времен, когда их вообще не различали, уже не совсем соответство-

³² Brokenburgh (1650—1702), воспроизведено: Berndt, n° 131.

³³ Tapisserie de Tournai, см.: Göbbel H. Op. cit., tome II, p. 24.

³⁴ I. Mariette, Cabinet des Estampes, Éd. 82 in-f°; Merian, Cabinet des Estampes, Éc 11 in-f°, p. 58. * Мас Николас (1634—1693) — голландский художник, ученик Рембрандта, работал в основном в Амстердаме, писал картины на религиозные сюжеты, жанровые сцены и портреты.

³⁵ Musée des Augustins, Toulouse.

³⁶ Felix et Thomas Platter [le Jeune] à Montpellier., Montpellier, 1892, p. 142.

³⁷ День св. Мартина Турского (336—397) отмечается 11 ноября.

³⁸ Massebieau L. Les Colloques scolaires. 1878.

Валантен.
Концерт.
Париж, Лувр

³⁸ Lamén (1606—1652).

Сцена музицирования воспроизведена в: *Berndt*, п. 472.

³⁹ Цит. по: *Watson F.* The English grammar schools to 1660. 1907, p. 216.

* Время правления английской королевы Елизаветы I (1558—1603); озаменовано важнейшими для истории Англии событиями: окончательной победой Реформации «сверху», утверждением абсолютизма, разгромом «Непобедимой армады», казнью Марии Стюарт, расцветом драматургии, становлением светской образовательной системы и т. д.

Франс Хальс.
Музицирующие мальчики.
1627.

Кассель, Картинная галерея

вал реалиям жизни; вспомним возникшую в XVII веке привычку украшать цветами головы лишь самых маленьких детей, еще носивших платья. На средневековых календарях можно видеть в цветочных и лиственных венках юношей, достигших возраста любви.

Какова бы ни была роль, отведенная детству и молодости, — основная в мае, эпизодическая на празднике Королей, — роль эта была подчинена определенному обычаю и соответствовала правилам коллективной игры, собиравшей вместе в одну социальную группу людей всех возрастов.

*
* *

Были и другие обстоятельства, требующие участия всех возрастов в общем празднестве. С XV по XVIII век, а иногда и в начале XIX века (в Германии) многочисленные жанровые сцены — в живописи, гравюре, на шпалерах — изображают семью, где дети и родители собираются в камерный оркестр, аккомпанирующий певцу. Происходило это, главным образом, за едой. Иногда со стола было уже убрано, иногда музыкальная интермедия разыгрывалась прямо посреди обеда, как это показано на голландском полотне 1640 года: компания сидит за столом, но блюда больше не меняют — мальчик, чья обязанность приносить тарелки и подавать вино, остановился; один из гостей, прислонившись спиной к камину и подняв бокал, поет, скорее всего, застольную песню; другой гость держит лютню и аккомпанирует³⁸.

Сегодня мы уже не представляем в полной мере, какое место в повседневной жизни занимали тогда музыка и танец. Томас Морли, автор книги «Introduction to practical music», вышедшей в 1597 году, рассказывает, как обстоятельства сделали из него музыканта³⁹. Он обедал в компании, «когда обед закончился и по обычаю принесли ноты, хозяйка дома показала мне мою партию и совершенно серьезно попросила меня спеть. Мне пришлось долго извиняться и объяснять, что не умею петь; все были удивлены, и многие стали даже шепотом спрашивать друг у друга, где же я был воспитан». Если привычная и популярная практика игры на том или ином музыкальном инструменте или просто пения повсеместна в елизаветинской Англии*, она была достаточно распространена и во Франции, Италии, Испании, Германии, в согласии со старинными средневековыми обычаями, изменяясь вместе с музыкальными вкусами и совершенствуясь технически до XVIII—XIX веков, продержавшись где-то меньше, где-то больше. В настоящее время она сохранилась лишь в Германии, Центральной Европе и России. Так было в среде знати или буржуа, где любили камерные концерты, так было и в менее высокородных кругах. Крестьяне и даже нищие играли на волынках, виел-

Якоб Иорданс.
Семейный концерт.
Антверпен. Королевский
музей изящных искусств

⁴⁰ Franz Hals, *Enfants musiciens*, Kassel, *Cerson H.* Op. cit., tome I, p. 167.
⁴¹ Franz Hals, Berlin. Le Nain, Detroit.

⁴² См.: *Berndl*, n° 942.
⁴³ Винкбонс Давид (1576—1632) — голландский художник, с 1591 г. работал в Амстердаме, пейзажист и жанрист.

⁴⁴ Le Nain, см.: *Fierens P.* Le Nain. 1933, pl. XCIII.
⁴⁵ N. Guérard, gravure, Cabinet des Estampes, Ee 3 in-f°.

Ян Стен.
Семейный праздник.
Будапешт. Музей изобра-
зительных искусств

лах и *сгип-сгип* — несовершенных прообразах современных скрипок. Дети рано начинали заниматься музыкой. Людовик XIII с самых первых лет жизни пел народные или сатирические песни, ни в чем не походившие на детские хороводные двух последних веков; он знал, как называлась каждая струна лютни — благородного инструмента. Дети исполняли свои партии в камерных концертах — образ, растиражированный старинной иконографией. Они

также играли и со сверстниками — художники часто изображают группу детей с инструментами в руках; вот, например, холст Франса Хальса: два мальчика, один играет на лютне, другой — брат или просто товарищ — поет под его аккомпанемент⁴⁰. Масса примеров детей, играющих на флейте у того же Хальса и Лене-на⁴¹. На улице дети простолюдинов жадно слушают виеллу слепого, явившегося из трущоб. Тема нищенства очень распространена в XVII веке. Голландское полотно Винкбонса^{42*} заслуживает, в частности, пристального внимания из-за показательной детали, свидетельствующей о новом отношении к детству (сюжет общий для множества подобных картин): музыкант играет в окружении детей, на полотне запечатлен момент, когда дети сбегаются на звук инструмента. Один из них, самый маленький, не успевает за всеми. И тогда отец берет его на руки и быстро присоединяется к остальным слушателям, чтобы ребенок ничего не пропустил. Тот радостно протягивает ручонки к музыканту.

Можно наблюдать такое же раннее развитие и в практике танца: мы уже видели, что Людовик XIII в свои три года танцевал гальярду, сарабанду и бурре. Сравним полотно Лене-на⁴³ и гравюру Герара⁴⁴. Их разделяет примерно полвека, но за пятьдесят лет нравы не успели сильно измениться, к тому же гравюра — довольно консервативный вид искусства. У Лене-на мы видим хоровод девочек и маленьких мальчиков, один из последних одет в платье с воротником. Две девочки мостиком поднимают сплетенные руки, чтобы пропустить под ними хоровод. На гравюре также изображен хоровод, но в нем участвуют взрослые, и одна из молодых женщин подпрыгивает высоко вверх, совсем как девочка, прыгающая через скакалку. Нет никакой разницы между детским или взрослым танцем. Позже танец взрослых изменится и с появлением вальса окончательно ограничится парой танцоров. Забытые городскими жителями и двором, знатью и буржуазией, старые коллективные танцы останутся еще в деревенской среде, где современные фольклористы их откроют в виде детских хороводов XIX века. Последние сегодня, впрочем, как и парные танцы, находятся в стадии исчезновения.

Танец неотделим от игр-представлений, в те времена он был коллективным и находился гораздо ближе к балету, чем современные парные танцы. Мы уже заметили по дневнику Эроара пристрастие современников Людовика XIII к танцевальному искусству — балет и комедия не были еще выделены в отдельные жанры. Роль в балете исполняли так же, как роль на бале-маскараде (показательна языковая близость этих слов — значение одного слова разделилось, и балет стал профессиональным понятием, а бал — любительским). В комедиях были балетные эпизоды — они есть даже в школьном театре коллежа иезуитов. При дворе Людовика XIII авторов и актеров набирали тут же из числа дворян, а равно из прислуги и солдат, дети играли в спектаклях и присутствовали на них в качестве зрителей.

Привилегия королевского двора? Нет, всеобщая практика. Один из текстов Сореля дает тому доказательство — в деревнях никогда не прекращали устраивать драматические представления, сравнимые с античными мистериями⁴⁵. «Я думаю, что он (Арист, которому профессиональные артисты были скучны) получил бы огромное удовольствие, если бы увидел, как и я всех мальчиков деревни (без девочек?), играющих трагедию о злом богаче на вздымающихся выше крыши подмостках, где все персонажи проходили по 7—8 кругов по двое перед началом спектакля — совсем как фигурки часов с боем». «Я был счастлив увидеть еще раз историю о блудном сыне, и историю о Навуходоносоре, и потом историю любви Медора и Анжелики, и Радамона*, спускающегося в ад, в исполнении артистов подобного пошиба». Герой, чьи устами говорит Сорель, иронизирует: ему вовсе не нравятся народные представления. Почти повсюду тексты и мизансцены почерпнуты из устной традиции. В Стране Басков эта традиция существовала вплоть до исчезновения игр-представлений. В конце XVIII и в начале XIX веков было написано и опубликовано немало «басконских пасторалей» с сюжетами, заимствованными одновременно из рыцарских романов и пасторалей эпохи Возрождения⁴⁶.

Как музыка и танцы, игры собирали вместе все сообщество, не различая возраста актеров и зрителей.

*
* *

Зададимся теперь вопросом: каким было отношение к этим играм, занимавшим столь значительное место в жизни тогдашнего общества? Мы увидим две противоположные тенденции. С одной стороны, все виды игр допускаются и принимаются, без каких-либо ограничений и оговорок, подавляющим большинством. В то же время влиятельное и просвещенное ригористическое меньшинство клеймит столь же безоговорочно едва ли не каждую игру, подчеркивая ее аморальный характер. Полное безразличие к нрав-

⁴⁵ Sorel Ch. *Maison des Jeux*. 2 vol., 1642, tome I, pp. 469—471.

* Медор, Анжелика, Радамон — герои поэмы Людовико Ариосто «Неистовый Роланд».

⁴⁶ Larché de Languis. *Pastorales basques*. 1769.

ственной стороне дела абсолютного большинства и нетерпимость педагогической элиты сосуществовали очень долго — компромисс был найден лишь в течение XVII—XVIII веков, компромисс, совпадающий с современным отношением к играм, фундаментально отличающимся от древнего отношения к играм. Он интересует нас, так как свидетельствует о новом восприятии детства: незнакомая доселе забота о сохранении детской нравственности, а также о правильном воспитании, состоящем в том, чтобы запретить игры, считающиеся теперь плохими, и рекомендовать те, что признаны хорошими.

Уважение, которое питали еще в XVII веке к азартным играм, позволяет нам судить о степени безразличия к нравственным проблемам. Сегодня мы относим азартные игры к подозрительным и опасным занятиям, выигрыш — к самому постыдному источнику доходов. Мы продолжаем в них играть, но с неким чувством вины. Иначе обстояло дело в XVII веке — присущее нам чувство вины явилось результатом глубокого обновления морали, которое превратило общество XIX века в общество «благонамеренных людей».

«Фортуна знатных людей и благородных частных лиц»⁴⁷ — это сборник советов о том, как молодому дворянину сделать карьеру. Конечно, автор его, маршал де Кайе, не какой-нибудь авантюрист, ему мы обязаны назидательной биографией Анжа де Жуаеза, святого, монаха и легиста; кроме того, маршал очень набожен, почти фанатик, и начисто лишен оригинальности. Его высказывания отражают общее мнение благовоспитанных людей в 1661 году (дата выхода книги). Он постоянно предупреждает молодых людей об опасности разврата: если разврат враг добродетели, он еще и враг успеха, так как без добродетели успех невозможен. «Развращенный молодой человек всякий раз упускает возможность понравиться своему наставнику — счастливый случай ускользает от него через окно борделя или кабака». Читатель XX века, пробегаая усталым взглядом общие места, будет очень удивлен, наткнувшись на рассуждения этого дотошного поборника нравственности об общественной пользе азартных игр. «Должно ли частное лицо (имеется в виду „благородное частное лицо“, то есть мелкий дворянин, постоянно нуждающийся, в противоположность „знатному человеку“) играть в карты, а если да — то как?» — так называется одна из глав. Ответ не прост. Маршал признает, что профессиональные моралисты и церковные деятели строго-настрога запрещают игры вообще. Этот факт, по-видимому, несколько смутил нашего автора и, во всяком случае, вынудил его к пространным объяснениям. Он придерживается иных взглядов, оставаясь верным старым светским представлениям, которые и пытается оправдать: «Будет нетрудно доказать, что игра в определенных обстоятельствах может принести боль-

⁴⁷ *Maréchal de Caillière. La Fortune des gens de qualité et des gentilshommes particuliers. 1661.*

ше пользы, нежели вреда. Я хочу сказать, что насколько она опасна для знатного человека (то есть для знатного дворянина), настолько она полезна для частного лица (то есть бедного дворянина). Один рискует многим, потому что богат, а другой не рискует ничем, потому что беден, и в то же время частное лицо может рассчитывать на удачу в игре в той же степени, что и богатый сеньор». Один может все потерять, а другой все выиграть. Странная мораль!

Однако игра, по Кайе, имеет ряд иных преимуществ, кроме выигрыша: «Я всегда полагал, что любовь к игре — это дар природы, полезность которого я признаю... Я основываюсь на том, что наша любовь к игре естественна... Игры, где требуется сноровка, которые мы сегодня больше склонны советовать, красиво смотрятся, но в них нельзя выиграть деньги». И он уточняет: «Прежде всего я подразумеваю карты и кости... Один мудрый игрок, выигравший значительное состояние, поделился со мной секретом, как превратить игру в искусство, — надо научиться управлять своими страстями и относиться к игре, как к средству заработать... Настоящему игроку не надо беспокоиться о своих ставках — ему одолжат быстрее, чем удачливому торговцу... Кроме того, игра позволяет войти в общество, и сообразительный человек сможет извлечь из этого выгоду, главное — знать как это сделать... Я лично знаком с людьми, живущими на доходы от карточной игры, и по меньшей мере трое из них живут в большем великолепии, чем господа, обладающие огромными владениями в провинциях, но не наличными деньгами».

И неподражаемый маршал заключает так свои рассуждения о пользе игры: «Я советую рискнуть человеку, любящему и умеющему играть, так как он рискует малым, а выиграть может много». Для биографа отца Анжа игра становится не только развлечением, но образом жизни, способом приумножать состояние и средством поддерживать связи, — заметим, средством вполне достойным.

Кайе не одинок в своем мнении. Шевалье де Мере, которого часто называют типичным представителем высшего света и притом достойным человеком, согласно системе ценностей того времени, выражает точно такую же мысль в своем труде «Как преуспеть в свете»: «Я все больше убеждаюсь в том, что игра приносит хорошие плоды, если играет опытный и честный человек. Именно так можно получить доступ всюду, где играют, — скукающим принцам было бы с таким человеком интересно»⁴⁸. Он приводит в пример августейших особ: Людовика XIII (который выиграл однажды в кости, будучи еще ребенком), Ришелье, «который отдыхал за партией в приму», Мазарини*, Людовика XIV и его королеву-мать, «которую занимали лишь карты да молитвы». «Какими бы достоинствами ни обладал человек, ему было

⁴⁸ *Méré. Œuvres. Éd. Ch. Boudhors, 3 vol., 1930.*

* *Ришелье Арман Жан дю Плесси (1585–1642)* — кардинал, министр короля Людовика XIII, определявший всю внешнюю и внутреннюю политику Франции. *Мазарини Джулио (1602–1661)* — доверенное лицо Ришелье, кардинал с 1641 г., в 1643 г. назначен Анной Австрийской, с которой состоял в тайном браке, первым министром, возглавив борьбу против Фроицды, добился больших внешнеполитических успехов (Вестфальский мир 1648 г., Пиренейский мир 1659 г.).

бы непросто приобрести хорошую репутацию, не выходя в большой свет, а игра легко открывает туда все двери. Можно даже сказать, что это верный способ быть всегда в подобающем окружении, не произнося ни слова, особенно если вести себя с достоинством, то есть избегая „странностей“, „причуд“ и суеверий. Нужно играть честным образом и быть готовым как к выигрышу, так и к проигрышу, и чтобы один соперник не мог ничего прочесть на лице у другого, и не выдал бы при этом свою манеру игры». Но остерегайтесь по-крупному выигрывать у друзей, можно найти какое угодно оправдание, но «у нас всегда остается на сердце что-то необъяснимое против тех, кто нас разорил».

Итак, если азартные игры не противоречили морали, не было причин запрещать их детям. Отсюда множество сцен, донесенных до нас живописцами, где дети играют в карты, кости, триктрак и т. д. В учебных диалогах, которые служили для школяров одновременно и пособием по правилам поведения в свете, и латинским словарем, об азартных играх говорится порой если не с воодушевлением, то, по крайней мере, как о весьма распространенной практике. Испанец Вивес* ограничивается тем, что дает несколько правил, как избежать эксцессов⁴⁹. Он рекомендует, с кем и когда нужно играть (следует сторониться сомнительных личностей), какой игре отдать предпочтение и при каких ставках: «Ставка не должна быть слишком маленькой — это глупо и пьянит игрока, она также не должна быть слишком высокой — во всяком случае, не настолько, чтобы можно было потерять рассудок». Он дает советы и о том, какой должна быть манера игры и ее продолжительность.

Даже в коллежах, где внедрение требований морали дает наибольший эффект, игры на деньги продолжают существовать, несмотря на крайне отрицательное отношение к ним педагогов. В начале XVIII века свод правил поведения коллежа ораторианцев[†] в Труа гласит: «Ни в коем случае не играть на деньги. Разве что очень редко и по специальному дозволению». Университетский преподаватель, комментируя в 1880 году этот текст, с некоторым недоумением — настолько далека была подобная практика от принципов воспитания его времени — добавляет: «Это же на деле разрешить азартные игры!» Во всяком случае, смириться с ними⁵⁰.

Еще в 1830 году в английских public schools⁵¹ открыто устраивали лотереи и заключали крупные пари. Автор «Школьных дней Тома Брауна» описывает лихорадку пари и игр, произведенную в то время скачками среди учеников в Регби. Позже реформа доктора Арнольда навсегда исключит из школьной жизни занятия, которым мораль попустительствовала на протяжении нескольких столетий, а теперь посчитала порочными и аморальными⁵².

* Вивес Луис Хуан (1492—1540) — испанский гуманист, философ-мистик, друг Эразма, был приглашен Генрихом VIII в качестве наставника английской принцессы, преподавал в Оксфорде, автор педагогических сочинений.

⁴⁹ Vivès. Dialogues. Фр. перевод 1571 г.

[†] Ораторианцы — сообщество не принеших монашеских обетов духовных лиц, возникшее в 1558 г. в Риме для чтения и толкования духовных книг, известно достижениями в области философии, науки и образования.

⁵⁰ Carré G. Les Élèves de l'ancien collège de Troyes // Mémoires de la Société académique de l'Aube, 1881.

⁵¹ Общественные школы (англ.).

⁵² Hughes T. Tom Brown's school days. 1857.

Ян Моленар.
Игроки в мяч.
1631.
Нидерланды. Частное собрание

С XVII века и до наших дней отношение общества к азартным играм претерпело сложную эволюцию. Если чувство, что азартные игры являются пагубной страстью и серьезным грехом, начинает преобладать, то практика лишает некоторые игры значительной доли случайности, увеличивая значение интеллектуальных усилий игроков, притом настолько успешно, что отдельные виды карточных и других игр все меньше и меньше подпадают под категорию безоговорочно осуждаемых азартных игр. Другое развлечение — танец — получило совсем иное развитие. Мы уже видели, какое огромное место в повседневной жизни занимал танец, объединяющий детей и взрослых. Этот факт меньше задевает наше моральное чувство, нежели повсеместная практика азартных игр. Известно, что даже монахи не упускали случая потанцевать, не рискуя дискредитировать себя в глазах общественного мнения, — по крайней мере, до начала движения за очищение церковных нравов в XVII веке. Нам знакома жизнь аббатства Мобюиссон на момент назначения туда матери Анжелики Арно в начале XVII века с целью проведения реформы. Нравы были не слишком примерными, но и не особенно скандальными, скорее чрезмерно светскими. «Летними днями, — пишет господин Конье, цитируя мать Анжелику де Сен-Жан, биографа своей сестры, — после вечерней службы, если была хорошая погода, настоятельница уводила общину далеко от аббатства, они гуляли на озерах, что вдоль дороги на Париж, и куда частенько приходили монахи из обители Сен-Мартен де Понтуаза, чтобы потанцевать с монашками»⁵³. Совсем как в миру, где танцы самая безобидная вещь на свете. Хороводы монахов и монашек возмущали мать Анжелику де Сен-Жан. Согласен, это занятие не соответствовало духу монастырской жизни, однако оно не производило на общественное мнение столь же шокирующего эффекта, какой произвел бы сегодня вид танцующих парами монахов и монашек — крепко обнявшись, как этого требует современный стиль медленного танца. Можно предположить, что сами монахи не видели в том греха. Традиции в некоторых случаях допускали танцы в среде клириков. В Осере каждый новый каноник по случаю назначения дарил прихожанам мяч для игры⁵⁴. Игра в мяч — большая коллективная игра на две команды, холостые против женатых или приход против прихода. В Осере праздник начинался с пения *Victimae laudes Pacshali* и заканчивался хороводом, в котором танцевали все священники. Историки говорят, что этот обычай, восходящий к XIV веку, наблюдается и в XVIII веке. Скорее всего, сторонники тридентской контрреформы* смотрели на эти пляски столь же враждебно, что и мать Анжелика на танцы сестер из Мобюиссона и братьев из Понтуаза, — другие времена, другое понимание мирского. Общепринятые в XVII веке

⁵³ *Cognet L. La Mère Angélique et saint François de Sales. 1951, p. 28.*

⁵⁴ *Jusserand J.-J. Op. cit.*
* Тридентская контрреформа — XIX Вселенский собор (1545—1563 гг., Тридент) идейно обосновал Контрреформацию, отверг компромисс с протестантизмом и подтвердил основные догмы и каноны католицизма: чистилище, индугенции, семь таинств, непорочное зачатие Девы Марии, главенство папы, использование латинского языка при богослужении; собор укрепил дисциплину клира и способствовал повышению эффективности католической пропаганды.

танцы не имели сексуального подтекста, который они приобрели позже в XIX и XX века. Существовали даже танцы представителей определенных профессий и ремесел: в Бискайе известен танец кормилиц, они танцевали его с младенцами на руках⁵⁵.

Танец сам по себе более нейтрален, чем практика азартных игр, и в меньшей степени служит наглядным примером равнодушия прежнего общества к нравственной оценке развлечений. Однако он в полной мере раскрывает нетерпимость реформаторской элиты.

При Старом порядке игры в любой форме — подвижные, групповые, азартные — занимали огромное место, утраченное в нашем техническом обществе, но даже сегодня можно еще найти примитивный или архаический уклад общественной жизни⁵⁶. Надо сказать, что эту страсть, будоражившую людей всех возрастов и сословий, церковь предавала абсолютному осуждению, и вместе с церковью светские сторонники строгости и порядка тоже всеми силами пытались приручить еще дикие массы и сделать более цивилизованными нравы, близкие к примитивным.

Средневековая церковь осуждала всякую форму игры, без исключений и оговорок, в частности в общинах клириков-стипендиатов (предшественников коллегий и университетов Старого порядка). О церковной нетерпимости можно судить по уставам этих заведений. Английский историк Рэшдол, специалист по университетам Средневековья, столкнувшись с подобным уставом, был ошеломлен жестокими проскрипциями всякого досуга, отказом признать существование невинных удовольствий в школах, куда набирали мальчиков 10—15 лет⁵⁷. Азартные игры были объявлены аморальными, групповые и игры-представления — неприличными, а подвижные, на самом деле смахивавшие на драку, — грубыми. Уложения для коллегий были придуманы, чтобы свести к минимуму повод для развлечений и уменьшить вероятность совершения серьезного проступка. Особенно категорично запрет звучал по отношению к священнослужителям, которым собор в Сансе в 1485 году* запретил играть в мяч, особенно в рубашках и на публике: в XV веке играли, сняв рясу и облегающие штаны — почти все мужское достоинство было видно. Создается впечатление, что не имея возможности прибрать к рукам мирян, погрязших в буйных играх, церковь решила оградить своих служителей, полностью запрещая им игру, — невероятный контраст двух образов жизни, если, конечно, запрет действительно соблюдался. Вот, например, как внутренний устав Нарбоннского коллежа оценивает игры среди своих стипендиатов — устав приведен в редакции 1379 года: «В стенах коллежа никто не имеет права играть в мяч или в клюшки (игра, предшествовавшая хоккею) или в другие опасные игры (*insultuosos*) под угрозой штрафа в шесть денье, ни в кости, ни в другие игры на деньги или где

⁵⁵ Этот танец называли *Karrik-danza*.

⁵⁶ *Caillois R. Quatre essais de sociologie contemporaine. 1951.*

⁵⁷ *Rashdall H. The Universities of Europe in the middle ages. 3 vol., 1895.*

* Местный собор прелатов Парижа, Орлеана, Санса и Ниверне, подтвердивший приверженность идее примата соборов над властью папы, выступивший с критикой вмешательства монархии в церковные дела, принявший решение о восстановлении правового иммунитета духовенства, ужесточении контроля прелатов за сбором десятины.

Бартоломе Мурильо.
Мальчики, играющие в кости.
Ок. 1670—1675.
Мюнхен. Старая Пинако-
тека

ставкой является совместная пирушка — под угрозой штрафа в 10 су»^{58*}. Игра и обжорство ставятся на одну ступень. Значит, нельзя ни на минуту расслабиться? «Можно лишь иногда и не часто (какая осторожность и как все быстро улечивается, по сути, это приоткрытая дверь для всех осуждаемых излишеств) предаваться благородным играм (трудно определить каким именно, потому как даже игра в мяч запрещена; может быть, речь идет о командных играх?) со ставкой в пинту или кварту вина или на фрукты, но без шума и не постоянно (*sine mora*)».

В коллеже Сеез, 1477 год: «Мы приказываем, чтобы никто не смел играть в кости, равно как и в другие неприличные и запрещенные, как игра в мяч, особенно в присутственных местах (то есть на школьном дворе и в общем зале, служившем столовой), если же речь идет об иных местах, пусть это происходит не часто (*non nimis continue*)»⁵⁹. В булле кардинала Амбуазского† об основании коллежа в Монтегю в 1501 году есть глава под заголовком: *de exercitio corporali*⁶⁰. Что он имел в виду? Текст начинается с общего довольно противоречивого высказывания: «Телесные упражнения по сравнению с упражнениями духовными кажутся мало полезными. Они приносят большую пользу для здоровья, если их чередуют с занятиями научными и теоретическими». В действительности под «телесными упражнениями» понимаются не столько игры, сколько физический труд, противопоставленный труду умственному и в плане физической работы кардинал отдает предпочтение работе по домашнему хозяйству, выполняющей, по его мнению, функцию разрядки: кухня, уборка, прислуживание за столом: «Выполняя упражнения, перечисленные выше (то есть касающиеся домашнего хозяйства), должно всегда помнить, что нужно быть насколько можно быстрым и крепким». Собственно игры идут после работ — и с какими оговорками! «Когда отче (глава сообщества) посчитает, что умы, уставшие от работы и учебы должны получить отдых, он терпеливо отнесется к ним (*indulgebit*)». Некоторые виды игр, относящиеся к «достойным», то есть неустойчивым и безопасным, позволяются и в общественных местах. В Монтегю были группы студентов-стипендиатов, именуемых «пауперами», как и в других учебных заведениях, а были и интерны, платившие за пансион. Эти две категории жили раздельно. Стипендиатам предписывалось играть меньше и реже, чем их товарищам, потому что им вменялось в обязанность быть лучше и, следовательно, собраннее. Реформа Парижского университета 1452 года, вызванная уже современным подходом к проблеме дисциплины, непоколебима в своей строгости: «Преподаватели (коллежей) не должны позволять своим ученикам на праздниках ремесел и других празднествах принимать участие в аморальных или же недостойных танцах, носить неприличную одежду, в том числе светскую (короткую без пла-

⁵⁸ *Félibien*, V, p. 662.

* *Su* — французская денежная единица, 1/20 ливра.

⁵⁹ *Félibien*, V, p. 689.

† Жорж Амбуазский — французский церковный деятель, кандидат на папский престол, выдвинутый во время Итальянских войн королем Людовиком XII в 1503 г., но отвергнутый конклавом.

⁶⁰ О телесных упражнениях.

См.: *Félibien*. *Op. cit.*, p. 721.

Лука Лейденский.
Игра в шахматы.
Ок. 1508—1510.
Браншвейг, Музей герцога
Антон Ульриха

тья). Учителям следует скорее приучать их к благородным играм для отдохновения от трудов и для праведного отдыха»⁶¹. «Они никогда не позволят им во время праздников петь в городе или ходить от дома к дому». Таким образом, реформаторский запрет направлен против хождения от двери к двери, сопровождаемого сбором своеобразной дани, который по традиции является привилегией молодежи во время сезонных праздников. В одном из уже упомянутых нами учебных диалогов Вивес таким образом обрисовывает ситуацию в Париже XVI века: «Между школярами никакой другой игры, кроме мяча, по приказу учителей не практикуется, но иногда тайно они играют в карты и в шахматы, малыши в *гариньон* (*garignons*), а самые отпетые — в кости»⁶². И действительно, школяры, как и другие мальчишки, не стесняясь, посещают таверну, где танцуют, и игорные дома, где играют в кости. Запреты строги, но неэффективны — и это никого не смущает. Удивительная устойчивость бездействующих правил в глазах современного человека, больше озабоченного эффективностью, чем принципами!

Полицейские и судебные чины, юристы, влюбленные в порядок, дисциплину, авторитет и эффективное управление, всячески поддерживали школьных учителей и церковных деятелей. В течение многих веков один за другим выходили предписания, закрывающие школярам доступ в места для игр. Обычно в качестве примера приводят предписание XVIII века, изданное генерал-лейтенантом полиции Мулена 27 марта 1752 года. В Музее народных искусств и традиций до сих пор хранится доска, предназначенная для вывешивания афиш: «Хозяевам залов для игры в мяч и бильярд запрещается позволять играть во время занятий. Тем же, кто содержит залы для игры в кегли, запрещается допускать к игре школяров и прислугу в любое время суток». Отметим: прислуга и школяры ставятся на одну ступень, так как часто они были сверстниками. Их не допускали к игре из страха, что они будут себя шумно вести и не смогут долго сохранять самообладание.

Кегельбан сегодня — безобидное развлечение, а в те времена в игровых залах случались такие драки, что магистрат, бывало, их полностью закрывал (в XVI—XVII веках), пытаясь распространить на все общество ограничения, наложенные церковными деятелями. Таким образом, защитники нравственности относили игры к деяниям квазипреступным, таким как пьянство и проституция, которые допускают в определенных пределах, но которые следует ограничить. Эта абсолютная нетерпимость изменится в течение XVII века под влиянием иезуитов. Гуманисты эпохи Возрождения с их отрицательным отношением к схоластике уже отмечали воспитательные возможности игры. Однако

⁶¹ См.: *Thery, Histoire de l'éducation en France. 1858, 2 vol., tome II.*

⁶² *Vivès. Dialogues.*

именно иезуиты в своих коллежах привили благовоспитанным людям менее радикальное мнение об играх. Они сразу поняли, что было бы невозможным и нежелательным запрещение игр или сведение их к какому-то стыдливому минимуму. Наоборот, игры были официально введены иезуитами в программу и уложены, конечно, они оставляли за собой право выбора и должного контроля. Таким образом, вошедшие в норму, признанные хорошим развлечением попали в список рекомендуемых и полезных действий наряду с самой учебой. Так произошло, например, с танцами — об их аморальности не только перестали говорить, их начали при подавать в коллежах, потому что танец не только положительным сказывался на гармоничности движений, но и служил неплохим упражнением для развития ловкости и манеры держаться. То же можно сказать и о комедии, вызывавшей гром негодования у моралистов XVII века, — при иезуитах она стала частью жизни коллежа. Сначала это были диалоги на латыни на священные темы, после дошла очередь и до мирских сюжетов. Был терпел даже балет, несмотря на сопротивление «Общества Иисуса». «Страсть к танцам, — пишет отец де Дэнвиль, — была столь сильна у современников Короля-Солнца, создавшего в 1669 году Академию танца, что указы отцов-генералов были бессильны. После 1650 года нет больше ни одной трагедии, которая бы обходилась без балетных сцен»⁶³.

В альбоме гравюр Криспена де По, датированном 1602 годом, изображены сцены из школьной жизни коллежа «у батавов». Там легко узнаются учебные классы, библиотека, а кроме того можно найти изображение урока танца, партии игры в мяч⁶⁴. Такое отношение совершенно ново: система приняла на вооружение еще один воспитательный прием — игры, которые она раньше либо запрещала, либо терпела как неизбежное зло. Иезуиты издали на латыни гимнастические трактаты, где описывались правила рекомендуемых игр. Фенелон пишет: «Они (дети) отдадут предпочтение играм движения; есть возможность подвигаться, и они уже довольны». Медики XVIII века на основе старых «игр и упражнений» и латинской гимнастики иезуитов выводят новую технику гигиены тела — физическую культуру⁶⁵. Вот что можно прочитать в «Трактате о воспитании детей» Крузе, преподавателя философии и математики из Лозанны, 1722 года издания: «Очень важно, чтобы человеческое тело в период роста много двигалось... Я полагаю, что по важности физические упражнения превосходят все другие». В своей «Медицинской и хирургической гимнастике» Тиссо* называет «спортивные» игры лучшими из всех видов упражнений: «Мало того, что тренируются все части тела... так еще и работа легких становится все более интенсивной, потому как игра сопровождается громкими криками партнеров». В конце XVIII века спортивные игры получают еще одну

⁶³ Dainville F. de. Entre Nous. 1958, 2.

⁶⁴ Academia sive speculum vitae scolasticae. 1602.

⁶⁵ Jusserand J.-J. Op. cit. * Тиссо Симон-Андре (1727—1797) — французский доктор, друг и соратник Руссо, автор трактатов «Здоровье литераторов», «Здоровье светских людей», «Опанизм» и др., очень популярных в свое время (три трактата Тиссо находились в библиотеке Джефферсона).

Лотерея.
Часослов герцогини
Бургундской.
Музей Шантвей

* Понятие «физическое воспитание» «вошло в моду около 1760 г.; непосредственно связано с такими идеями, как отечество, доблесть и борьба с вырождением, оно привлекало к себе внимание „философов“. Именно решимость обновить тела ради укрепления нации заставляет Руссо утверждать, что „важнейшая составная часть образования“, наряду с национальными идеями, — физическое воспитание» (Пюльж Ж. Шовен, солдат-землепашец. М., 1999. С. 242).

† Консулат — период в истории Франции, начавшийся переворотом 18 брюмера VIII года (9 ноября 1799 г.), в результате которого к власти пришел Бонапарт, получивший звание консула, и закончившийся 18 мая 1804 г. провозглашением Наполеона императором.

‡ XI год — период с 22 сентября 1802 г. по 22 сентября 1803 г.

§ Морне Даниель (1878—1954) — французский литературовед и историк культуры, 1919—1948 гг. — профессор Сорбонны, редактор «Журнала истории литературы Франции», автор работ «Интеллектуальные предпосылки французской революции (1715—1787)», «Французская мысль в XVIII в.».

¶ Mornet D. Histoire de la littérature classique. 1940, p. 120.

окраску — их одобряют с патриотической точки зрения, так как они готовят человека к военным испытаниям. Люди неожиданно поняли, какую услугу физическое воспитание* может оказать военному образованию. Это была эпоха, когда подготовка солдат превращается в сложную, почти научную систему, тогда же происходит и зарождение современного национализма. Устанавливается тесная взаимосвязь между воспитательными играми иезуитов, гимнастикой медиков, воинской подго-

товкой и необходимостью воспитания патриотических чувств. При Консулате† выходит «Гимнастика для молодых людей, или Элементарный трактат о спортивных играх с точки зрения их пользы для физического и нравственного развития». Авторы, Дювивье и Жоффре, так прямо и пишут: «Воинские упражнения есть основа гимнастики во все времена и особенно в наше время (в XI год по революционному календарю‡) в стране, где были написаны эти строки... Предназначенные по духу и природе нашей Конституции для защиты Отечества, наши дети, не успев родиться, уже становятся солдатами. Все, что имеет отношение к военному делу, пронизано благородством и величием, поднимающим высоко человека».

Итак, под влиянием сначала педагогов-гуманистов, потом медиков эпохи Просвещения и первых националистов мы переходим от грубых и подозрительных игр старой традиции к гимнастике и военному воспитанию, от народных кулачных боев — к обществу физической культуры.

* * *

Эта эволюция была порождена заботой о физическом и моральном здоровье человека и об общем благе. Параллельно происходит специализация, в соответствии с возрастом и социальным положением, игр, бывших ранее общими для всех.

Вот что сказал Даниель Морне§ об играх в обществе в своем классическом труде: «Когда дети буржуа моего поколения (он родился в 1878 году) играли в свои игры во время „танцевальных утренников“, устроенных родителями, они и не подозревали, что эти игры, отличаясь большим разнообразием и требуя определенных навыков, двести пятьдесят лет назад были любимым занятием высшего общества»⁶⁶. Гораздо раньше! Судя по рисункам в часослове герцогини Бургундской, уже с XV века мы имеем дело со своего рода лотерей: дама сидит на стуле и держит на коленях корзинку, куда молодые люди бросают свои фанты. В конце Средневековья такие игры с билетиками, фантами, были очень модными. «Дама говорила дворянину или дворянин даме название цветка или какого-либо предмета, и тот, к кому обращались, должен был тотчас ответить комплиментом или риф-

мованной эпиграммой». Так современный издатель Кристины Пизанской* поясняет правила игры — Кристина автор более 70 подобных экспромтов⁶⁷. Например:

Пусть эта роза Вас найдет,
Не смею я сказать словами,
Сколь сильно к Вам Амур влечет.
Поймите же, красотка, сами.

Естественно, подобные стихотворные приемы принадлежали к куртуазной традиции. Затем они перешли в народные песни и детские игры — как мы знаем, игра в корзинку очень нравилась трехлетнему Людовику XIII. Однако еще очень долго взрослые и молодые люди, давно вышедшие из детского возраста, продолжали играть в них. На лубочных картинках XIX века изображены все те же игры, но картинки подписаны: «игры прошлых лет», что свидетельствует о их выходе из моды. Становятся провинциальными, если не детскими или народными: горячая рука, игра в свисток, нож в кувшине, прятки, голубок летит, любезный кавалер, жмурки, несмеянка, любовный горшочек, злючка, любовная беседка, поцелуй над свечкой, любовная колыбелька. Одни из них станут детскими, другие сохранят некую неопределенность жанра, превратившись в несколько фривольную забаву, чем навлекут на себя осуждение моралистов, даже и не очень строгих как, например, Эразм⁶⁸.

Книга Сореля «Дом игр» позволяет ухватить очень интересный момент в истории явления — речь идет о первой половине XVII века⁶⁹. Сорель разделяет игры на игры в обществе, спортивные и азартные. Последние являются «общими для всех, в них играют и слуги, и хозяева... они одинаково доступны как невежественным, грубым людям, так и людям ученым и тонким». Игры в обществе, напротив, являются «игрой ума и слова». Они в принципе «могут нравиться лишь людям высоких сословий, цивилизованным и галантным, свободно владеющим речью, обладающим рассудительностью и знаниями. Такие игры не доступны другим». Таково, по крайней мере, мнение Сореля о том, какими они должны быть. В действительности же в ту эпоху они были свойственны и детям, и простолюдинам, «невежественным и грубым». Сорель вынужден это признать: «Отнесем игры детей к первым играм... Среди них есть спортивные (клюшки, башмак, кубари, волчок, лесенки, мяч, воланы, „когда стараются поймать друг друга с открытыми или завязанными глазами“), однако есть и такие, что больше требуют участия ума», и он приводит примеры «рифмованных диалогов» и игр уже знакомой нам Кристины Пизанской — все еще любимого развлечения детей и взрослых. Сорель догадывается о древнем происхождении этих игр: «Эти детские игры, где присутствуют несколько рифмованных слов (например, игра в корзинку), обычно основаны на язы-

* Кристина Пизанская (1363—ок. 1431) — одна из первых во Франции писательниц, зарабатывавших на жизнь литературным трудом, писала любовные рондо, баллады для богатых заказчиков, ратовала за женское образование, откликнулась на подвиги Жанны д'Арк — «Слово о Жанне д'Арк» (1429).

⁶⁷ Christine de Pisan, Œuvres poétiques. 1886, pp. 34, 188, 196, 205.

⁶⁸ Érasme. Le Mariage chrétien.

⁶⁹ Sorel Ch. La Maison des Jeux.

ке простом и наивном, все это взято из какой-нибудь старой истории или романа, и мы можем судить, как тогда забавлялись простолюдины, представляя себе, что могло приключиться с благородными дамами и рыцарями».

Наконец, Сорель отмечает, что эти детские игры были свойственны еще и взрослым из народа, и его замечание имеет для нас большое значение: «Будучи детскими играми, они служат еще и взрослым из деревенской среды, разум которых находится примерно на таком же уровне развития». Между тем Сорель вынужден признать, что в начале XVII века иногда и людям «из высшего общества случается в них поиграть, чтобы развлечься». И общественное мнение никак не осуждает «смешанные», то есть общие для всех возрастов и сословий, игры — они «остаются рекомендуемыми из-за хороших результатов, что они всегда приносили... Есть среди них некоторые виды игр, которые настолько не требуют слишком большого ума, что могут быть доступны молодежи низкого происхождения, хотя иногда в них играют и люди старшего возраста, более серьезные». Однако такое положение вещей уже принимается не всеми. Персонаж книги «Дом игр» Арист считает детские и народные развлечения недостойными приличного человека. Но он все-таки не может объявить их полностью вне закона: «Даже те из них, что находятся на самой низкой ступени, могут подняться выше, если им дать новое назначение, отличное от прежнего, которое я привел лишь в качестве примера». И он пытается поднять интеллектуальный уровень «словесных игр», в которые обычно играют дома. На самом деле современному читателю мало понятно, чем по сложности и духовности игра «мур», где ведущий показывает то один, то два, то три пальца и участники должны в точности повторить его жест, отличается от игры в корзинку, к тому времени ставшей безоговорочно детской, но таково мнение Ариста, точка зрения которого уже совпадает с нынешней. Однако сегодняшнего читателя еще больше удивит тот факт, что такой романист и историк, как Сорель, посвятил огромный труд развлечениям и их переоценке — еще одно доказательство того, насколько большое значение придавалось в прежнем обществе играм.

Таким образом, в XVII веке различают следующие типы игр: игры для взрослых и дворян, игры для детей и черни. Само по себе это разделение не ново и восходит к Средним векам. Но начиная с XII века оно затрагивает лишь некоторые игры, — очень специфические, которых насчитывается немного, — игры рыцарские. Прежде чем окончательно сформировалось представление о благородстве происхождения и о высшем сословии вообще, игры были общими для всех независимо от социального положения. Некоторые игры, в свою очередь, еще долго и после этого сохраняли всеобщий характер. Франциск I и Генрих II* не считали за-

* Генрих II (1519–1559) — французский король (1547–1559) из династии Валуа, сын Франциска I, боролся с кальвинистами, вел активную внешнюю политику, погиб в 1559 г. на рыцарском турнире в честь окончания Итальянских войн, был женат на Екатерине Медичи, из 10 его детей трое стали королями — Франциск II, Карл IX, Генрих III.

зорным поучаствовать в борьбе, Генрих II играл в мяч — в следующем веке это было уже недопустимо. Ришелье принимается прыгать в галерее, как Тристан при дворе короля Марка, Людовик XIV играет в мяч с ракеткой. Но и эти традиционные игры, в свою очередь, в XVIII веке перестают занимать людей высшего общества.

С XII века часть игр предназначалась только рыцарям⁷⁰ и только взрослым. Наряду с борьбой, развлечением всеобщим, турнир и кольцо были занятиями рыцарей. Простолюдинам было запрещено присутствовать на турнирах, так же как и детям, пусть даже знатного происхождения, — впервые обычай запрещал детям, как и простолюдинам, принимать участие в коллективной игре. Но дети забавлялись тем, что подражали закрытым для них турнирам. В календаре молитвенника Гримани можно найти сцены с изображением пародийных детских турниров, дети сидят верхом на бочках, а среди играющих можно признать и будущего Карла Пятого*.

Тенденция разделения появляется в тот момент, когда знать начинает избегать контакта с низшим сословием, пытается как-то отмежеваться от него, однако эта тенденция так и не стала повсеместной и всеобщей, пока дворянство не потеряло своей социальной функции и его начиная с XVIII века не вытеснила буржуазия. Что же касается XVI и начала XVII веков, многочисленные иконографические документы свидетельствуют о смешении сословий во время сезонных праздников. В одном из диалогов «Придворного» Бальдассаре Кастильоне†, — а это классика XVI века, переводившаяся на все языки, — приводится спор, и спорщики никак не могут прийти к согласию: «В нашем краю, в Ломбардии, — сказал тотчас сеньор Паллавичино, — совсем другой взгляд на вещи (то есть там не считают, что дворянин должен играть лишь с дворянином). Многие дворяне на праздниках целый день танцуют вместе с крестьянами, меряются силами — кто дальше бросит копье, выше прыгнет, борются, — и я не вижу в том ничего дурного»⁷¹. Тут же находится несколько оппонентов; допускается, что в принципе дворянин может играть с крестьянами, но при условии, что обязательно выиграет без особых усилий — он заранее должен быть уверен в своем успехе: «Отвратительно и недопустимо видеть, как дворянин проиграл крестьянину, особенно в борьбе». Спортивный дух присутствовал тогда лишь на рыцарских состязаниях и в иной форме — речь шла о чести феодала.

С конца XVI века турниры больше не проводятся. Их заменяют другие спортивные игры дворян — при королевском дворе, в военных классах Академии, где молодые дворяне первой половины XVII века обучаются фехтованию и верховой езде. Квинтана (то есть «чучело») — игра, в которой необходимо пе-

⁷⁰ *De Vriès, Marpago. Le Bréviaire Grimani. 12 vol., 1904–1910.*

* *Карл V (1500–1558)* — испанский король (1516–1556) и император Священной римской империи германской нации (1519–1556), объединивший под своей властью Испанию и многочисленные владения Империи, активный противник Реформации.

† *Кастильоне Бальдассаре (1478–1529)* — итальянский гуманист, долгое время состоявший при различных государях Италии, на службе у папы Климента VII в 1524 г. был направлен в качестве апостольского нунция к императору Карлу V в Толедо, автор знаменитейшего трактата «Придворный» (1528) и др.

⁷¹ *Castiglione B. Le Courtisan.*

шим или конным с ходу поразить копьём кусок дерева, заменивший живую мишень турниров и изображавший голову турка. «Кольцо» — на всем скаку сорвать кольцо. В книге Плювинеля, директора одной из таких академий, есть гравюра Криспена де По, на которой изображен ребенок, будущий Людовик XIII, играющий в квинтану⁷². Автор пишет, что эта игра обладает «яростью лобового столкновения (турнир) и изысканностью игры в кольцо». В 1550-х годах в Монпелье, пишет студент-медик Томас Платтер, «7 июня дворяне собирались на игру в кольцо. Их кони были богато украшены и покрыты дорогими коврами»⁷³. Эроар в своем дневнике отмечает частоту, с которой играют в кольцо в Лувре и в Сен-Жермене: «В кольцо играют каждый день». «В камзоле, а не в военном снаряжении», — как специалист предписывает Плювинель. Квинтана и кольцо стали наследниками турниров, то есть рыцарских игр Средневековья, и предназначались лишь для дворян. Что же произошло? И сегодня, как ни странно, они не исчезли полностью, как это может показаться на первый взгляд. Однако ничто похожее не найти близ теннисных кортов и площадок для гольфа, то есть в богатых районах. Нужно идти на деревенские праздники, где до сих пор стучат молотом по голове турка и бегают за кольцом. Вот и все, что осталось от рыцарских турниров Средневековья: детская и народная забава.

Можно привести и другие примеры процесса, в результате которого прежде значительные игры переходят в разряд детских забав и развлечений на народных гуляниях. Обруч — в конце Средних веков в него играли не дети, точнее не только дети. На шпалере XVI века подростки забавляются обручем, один из них крутит обруч на палке⁷⁴. На рисунке на дереве работы Жана Леклерка конца XVI века уже достаточно взрослые ребята не только бросают обруч, но и прыгают через него как через скакалку: «Кто лучше, — гласит надпись, — прыгнет в обруч»⁷⁵. Обруч позволял выполнить иногда довольно сложные акробатические фигуры. С ним также танцевали довольно взрослые молодые люди, и это были традиционные танцы, как тот, что описал швейцарский студент Томас Платтер в 1596 году, будучи в Авиньоне: в «жирный вторник» множество молодых людей в масках «и в различных костюмах — паломников, крестьян, моряков, в итальянских и испанских одеждах», переодетых в женщин, сопровождаемых музыкантами, собралось на площади. «Вечером они танцевали на улицах танец с обручем. В нем приняли участие многие молодые люди и девушки благородных кровей, одетые в белое и увешанные драгоценностями. У каждого танцора в руках был золотой с белым обруч. Потом они зашли в таверну, куда пошел и я, чтобы рассмотреть их поближе. Приятно видеть, как под музыку они проходят через свои обручи, выгибаясь

⁷² Pluvinel, avec gravures de Crispin de Pos. Cabinet des Estampes, Ec 35e, in-f° fig. 47.

⁷³ Félix et Thomas Platter à Montpellier, p. 132.

⁷⁴ Göbbel. Op. cit., II, 196.

⁷⁵ Leclerc. Op. cit.

и сгибаясь в такт инструментам». Подобного рода танцы можно найти в репертуаре крестьян Страны Басков и до сей поры.

Начиная с конца XVII века в городах обруч уже перешел, по видимому, в распоряжение детей. На гравюре Мериана изображен маленький мальчик, толкающий свой обруч точно так же, как это делают повсюду дети в XIX и отчасти в XX веках⁷⁶. Общая игрушка, из разряда танцевальных и акробатических аксессуаров, обруч становится достоянием детей все более младшего возраста — и так до полного своего исчезновения из повседневной практики. Справедливо утверждение: чтобы игрушка привлекала детское внимание, необходимо, чтобы она напоминала нечто, принадлежащее миру взрослых.

В начале этой главы мы говорили, что Людовику XIII в детстве читали сказки Мелюзины, то есть волшебные сказки. Однако в то время сказки рассказывали и взрослым. «Мадам де Севинье, — отмечает Сторер, специально изучавшая «моду на волшебные сказки» в конце XVII века, — просто напичкана суевериями»⁷⁷. Она не смеет пошутить в ответ на шутку мадам Куланж по поводу некоей Кювердон «из страха, что в отместку на ее лицо может прыгнуть жаба». Она намекает на историю трубадура Готье де Куэнси*, которую она знала, как того требовала традиция.

Та же дама пишет 6 августа 1677 года: «Мадам де Куланж... любезно поделилась с нами сказками, что забавляют версальских дам: это называется „потчевать“. Значит, потчевали нас сказкой о зеленом острове, где растет принцесса прекраснее света белого. Феи постоянно согревают ее своим дыханием и т. д. Сказка продолжалась целый час».

Нам также известно, что и Кольбер† «в свободные часы специально призывал к себе людей (курсив мой. — Ф. А.), чтобы те рассказывали ему сказки, вроде сказки об ослиной шкуре»⁷⁸.

В то же время во второй половине XVII века люди начинают находить эти сказки слишком простенькими и, продолжая интересоваться ими, пытаются придать им новый оттенок — это похоже на попытку превратить в литературный жанр рассказы, принадлежащие устной и наивной народной традиции. Это проявляется в появлении изданий в принципе детских, как, например, сказки Шарля Перро, где еще слишком силен привкус старинных историй, и в появлении более серьезных публикаций, предназначенных не для детского чтения и не для народа. Все это очень напоминает то, что происходит с играми в обществе и о чем сказано выше. Мадам де Мюрат обращается к современным феям: «Феям прежних времен не сравниться с вами. Все, чем они занимались, — повседневная черная работа служанок и кормилиц. Их труды: подмести дом, приготовить поесть, уложить ребенка, постирать белье, подоить коров, взбить масло и тысяча других дел,

⁷⁶ Cabinet des Estampes, Éc 11 in-f°, p. 58.

⁷⁷ Storer M. E. La Mode des contes de fées (1685–1700). 1928.

* Готье де Куэнси (ок. 1175–1226) — французский поэт, создатель обширного стихотворного цикла «Чудеса Богоматери».

† Кольбер Жан-Батист (1619–1683) — французский государственный деятель, с 1665 г. — генеральный контролер финансов, государственный секретарь по делам королевского дома, морским делам и торговле, один из величайших министров в истории Франции, в ряду Сюлли, Ришелье, Тюро.

⁷⁸ Цит. по: Storer M. E. Op. cit.

сопутствующих бедности. А потому сегодня память о них осталась лишь в сказках Матушки Гусыни... Они просто нищенки... А вы, сударыни, вы пошли по другому пути. Вы заняты лишь достойными вас делами, из которых самое незначительное — дать разум тому, у кого его нет, красоту тем, чья внешность невзрачна, красноречие косноязычным, богатство беднякам».

Другие авторы, наоборот, остаются чувствительны и сентиментальны по отношению к старинным сказкам, которые они когда-то услышали от своих бабушек и теперь всеми силами стараются сохранить. Мадемуазель Леритье таким образом представляет свой сборник сказок:

Сто раз моя кормилица и мама
Рассказывали мне под вечер у огня
Историю чудес, что лишь украшу я.

«Вас, конечно, удивит... что эти сказки невероятным образом дошли до нас из глубины веков и при этом ни разу их никто не записал».

Не так легко сейчас поверить в них,
Но до тех пор, пока на свете дети есть,
И бабушек, и матерей не счесть,
Что будут долго-долго помнить их.

Итак, устная традиция, наконец, начинает переходить в письменную: «Некоторые сказки, что мне рассказывали еще в детстве... только недавно были переложены на бумагу, и довольно удачно». Мадемуазель Леритье полагает, что корни надо искать где-то в средневековье: «Я уверена, трубадуры или прованские сказочники придумали Финетту* гораздо раньше, чем Абеляр† или знаменитый граф Тибо Шампанский‡ написали свои романы». Так сказка становится литературным жанром, переходя в философскую сказку или сказку в старом стиле, как у мадемуазель Леритье: «Признайтесь, лучшие наши сказки — те, что больше всего напоминают волшебные рассказы нянек».

В то время как сказка становится в конце XVII века новым серьезным литературным жанром письменной традиции (не важно, идет речь о философских сказках или о стилизованных под старинные), устная сказочная традиция забывается теми, кому мода адресует сказки, воспроизведенные на бумаге. Кольбер и мадам де Севинье слушали сказки, никому и не приходила в голову мысль подчеркнуть этот факт как нечто необычное — развлечение того же порядка, как сегодня чтение детективов. В 1771 году дело обстоит иначе — в приличном обществе среди взрослых случается, что старые полузабытые сказки устной традиции вызывают любопытство, свойственное археологам или этнологам, — прообраз современного интереса к фольклору и аргю. Герцогиня де Шуазель пишет мадам Дюдефан§, что Шуазелью** «читают по его просьбе волшебные сказки — он их слушает дни

* *Финетта* — одна из дам, вдохновлявших трубадуров.

† *Абеляр Пьер* (1079–1142) — французский теолог и поэт, в 1113 г. открыл свою школу, завоевавшую широкую известность, в 1119 г. ушел в монастырь; один из основателей схоластического метода, его учение было осуждено на соборах в Суассоне (1121) и Сансе (1140); автор знаменитой исповеди «История моих бедствий».

‡ *Тибо Шампанский* (1201–1253) — граф, король Наварры (с 1234 г.), французский трувер, автор песен (в том числе о крестовом походе), религиозных поэм и пр.

§ *Дюдефан Мари де Виши* (1697–1780) — французская писательница, салон которой посещали Вольтер, Монтескье, Дидро, Г. Уолпол и др.
* *Шуазель Этьен Франсуа* (1719–1785) — французский государственный деятель, с 1758 г. — министр иностранных дел, с 1761 г. — военный и морской министр.

напролет. Мы все к ним пристрастились и воспринимаем их как рассказы о настоящей истории наших дней». Как если бы один из политиков нашего времени вдруг после политического провала или оказавшись в отставке, принялся бы читать Бекассена или Тинтина*, приговаривая: совсем как в жизни! Герцогиня не устояла перед соблазном и сама написала две сказки, похожие по тону на философские, если судить по началу «Очарованного Принца»: «Милая Марго, ты, находясь подле меня, можешь навеять сон или заставить открыть глаза, стоит только тебе начать чудесную сказку Матушки Гусыни или друга моего барашка. Расскажи мне какую-нибудь возвышенную историю, которая могла бы порадовать моих друзей. Нет, ответила Марго шепотом, людям нужны лишь детские сказки».

И еще один эпизод того времени. Одна дама, когда ей стало особенно скучно, испытала точно такое же любопытство, как и семья Шуазель. Она вызвала служанку и потребовала принести историю Пьера Прованского и Прекрасной Магелоны, которую мы бы сегодня забыли, не напиши Брамс† свои изумительные песни. «Субретка очень удивилась, переспросила три раза и все же получила этот нелепый приказ; надо было его выполнять. Она спустилась на кухню и, вся красная от стыда, принесла нужную книгу».

Действительно, в XVIII веке некоторые издатели, особенно в Труа, специализировались на иллюстрированных изданиях сказок для сельских жителей, среди которых стала распространяться грамотность. Но эти издания — их называли «Синей библиотекой»‡, потому что они издавались на синей бумаге, — не имели никакого отношения к литературной моде конца XVII века. Они точно, насколько это было возможно в контексте эволюции вкуса, передавали старые сказки устной традиции. Издание «Синей библиотеки» 1784 года включает, наряду с историей о Пьере Прованском и Прекрасной Магелоне, Робере Дьяволе и братьях Эмон, сказки Перро, мадемуазель де ля Форс и мадам д'Онуа.

Никуда не исчезли случайные рассказчики старинных историй и профессиональные сказочники, наследники сказителей и певцов Средневековья — на картинах и гравюрах XVII–XVIII веков, как и на литографии XIX века, тема рассказчика историй и балаганщика встречается очень часто⁷⁹. Зазывала стоит на эстраде, он рассказывает свою историю и тычет указкой в написанный текст, прикрепленный на доску, которую держит компаньон; таким образом, публика может одновременно и читать, и слушать. В некоторых провинциальных городках в среде мелких буржуа еще сохраняется некоторое время этот способ времяпрепровождения. Один из мемуаристов упоминает, что в Труа в конце XVIII века люди собирались вместе за едой, зимой в таверне, летом «в саду, где можно было, сняв парик, отдохнуть от

* Бекассен, Тинтин — герои комиксов.

† Брамс Иоганнес (1833–1897) — немецкий композитор, пианист, дирижер, в 1861–1868 гг. пишет 15 романсов на темы из «Магелоны» Е. Тика.

‡ «Синяя библиотека» — произведения, включавшиеся в «Синюю библиотеку», разбивались на максимальное количество коротеньких главков и параграфов, тексты часто сокращались и упрощались, произведения очищались от непристойностей; тексты из «Синей библиотеки» имели мощный дидактический потенциал.

⁷⁹ Guardi, см.: *Fiocco. Venetian painting*, pl. LXXIV, *Magnasco*; *Geiger. Magnasco*, pl. XXV; *G. Dou*, *Munich, K. de K.*, pl. LXXXI.

него в простом домашнем колпаке»⁸⁰. Называлось это собрание кружком. «В таком кружке был свой рассказчик, которому в меру своего таланта подражали все». Мемуарист вспоминает об одном из них — это был старый мясник. «Я (будучи ребенком) прожил у него два дня, и ни одного не прошло без историй и сказок, которые вряд ли затронули бы нынешнее поколение, настолько они были просты и наивны».

Таким образом, старые сказания, которые слушали все в эпоху Кольбера и мадам де Севинье, постепенно выходят из обихода знатных людей, а затем и буржуа, переходя в разряд детских и народных историй. Простой народ, впрочем, тоже скоро отказался от них, когда «Синюю библиотеку» сменили иллюстрированные журналы. И дети остались — опять же на достаточно короткое время — единственной публикой, слушающей или читающей эти сказки; сегодняшняя детская литература претерпела такие же перемены, как нравы и игры.

Мяч с ракеткой был самой распространенной игрой; из всех спортивных игр именно к этой моралисты конца Средневековья относились более или менее терпимо и с наименьшим отвращением, в течение нескольких веков она оставалась самой популярной и была общей для всех сословий — и для королей, и для простолюдинов. Положение изменилось в конце XVII века. Отныне отмечается некая неприязнь у людей высшего сословия к игре в мяч с ракеткой. В Париже в 1657 году насчитывалось 114 залов для игры, в 1700 году, несмотря на значительный прирост населения, их число падает до десяти, в XIX веке их остается только два — один на улице Мазарини, другой на террасе Тюильри, где он действует и в 1900 году⁸¹. Уже Людовик XIV, говорит историк Жюссеран, играл в мяч с ракеткой без энтузиазма. Однако если взрослые образованные люди оставляют эту игру, дети даже из хороших семей сохраняют ей верность в разнообразных формах игры с мячиком, воланом или в пелоту⁸².

На гравюре Мериана конца XVII века изображена партия в мяч, собравшая детей и взрослых, в момент, когда надувают мяч⁸³. Но это игра в ту эпоху уже казалась подозрительной специалистам по воспитанию хороших манер. Томас Элиот и Шекспир советовали не играть в нее людям благородного происхождения. Английский монарх Яков I запрещал играть в нее своему сыну. Дю Канж* считает ее крестьянской забавой: «Нечто вроде мяча, который каждый игрок должен с силой пнуть, еще встречается у наших крестьян из провинции». Игру с мячом еще можно встретить и в XIX веке, например в Бретани: «Сеньор или сельский дворянин, — читаем в тексте VIII года†, — бросает в толпу мяч, набитый соломой, люди из двух разных местечек пытаются им завладеть... В детстве (автор родился в 1749 году) я видел, как один из играющих сломал ногу, прыгнув через отдушину погре-

⁸⁰ Vie de M. Grosley. 1787.

⁸¹ Jusserand J.-J. Op. cit.

⁸² Игра, напоминающая лапту. — Ред.

⁸³ Merian, gravure, Cabinet des Estampes, Ec 10 in f°.

* Дю Канж Шарль дю Френ (1610—1688) — французский историк, филолог, эрудит, выдающийся византист, автор колоссального труда

«Glossarium ad scriptores mediae et intimae latinitatis»

(1678) в трех томах, где знакомила читателей с полнотой бытом и учреждениями Средних веков, над этим словарем он работал 50 лет, словарь состоял из 14000 слов.

† VIII год — период с 22 сентября 1799 по 22 сентября 1800 гг.

Мартин ван Клеве.
Детские игры.
Петербург. Эрмитаж

⁸⁴ *Mme de Sévigné. Lettres.*
13 juin 1685.

ба, чтобы поймать мяч. Подобные игры развивали силу и смелость, но, повторяю, были опасны». То же самое чувство лежит в основе поговорки «игра с кулаками — домой с синяками». Мы знаем, что дети, как и крестьяне, еще долго продолжают играть в мяч.

Немало и других спортивных игр перешло в область детских и народных забав. Скажем, игра в шары, о котором мадам де Севинье говорит в письме своему зятю в 1685 году: «Я два раза сыграла в шары с игроками из Роше. Ах, мой дорогой граф, я все время думаю о Вас, с какой ловкостью вы били по мячу. Мне бы хотелось, чтобы и у вас в Гриньяне была такая же красивая площадка для игры»⁸⁴. Все эти игры с мячиками, шариками, кеглями были когда-то забыты дворянством и буржуазией и полностью отошли к взрослым в деревнях и к детям на детских площадках.

Еще один вид забав, в прошлом всеобщих, а потом исключительно детских и народных, — переодевание. Романы XVI–XVIII веков полны историй с переодеваниями: мальчики переодеваются девочками, принцессы — пастушками и т. д. Эта литература отражает обычаи, проявлявшиеся во время праздников — сезонных или по случаю: праздника Королей, «жирного вторника», ноябрьских торжеств... Долгое время, выходя на улицу, люди, и особенно женщины, надевали маску (как теперь надевают перчатки). Им хотелось казаться красивее и загадочнее. Это относилось к дворянам. С XVIII века праздники с переодеванием становятся все более редкими и скромными в приличном обществе, карнавал становится чисто народным развлечением и даже пересекает океан, проникая в среду черных рабов Америки. Ну а дети теперь надевают маски и переодеваются для собственного удовольствия.

*
* *

В каждом случае до мелочей повторяется один и тот же процесс. И это наталкивает на одну важную мысль.

Мы начали с общества, где одни и те же игры были свойственны всем возрастам и сословиям. Подчеркнем главное: игры эти были оставлены взрослыми высшего сословия и в то же время продолжали долго существовать среди детей того же высшего сословия и среди простого народа. Правда, в Англии джентльмены, в отличие от французских дворян, остались приверженцами старых игр, но изменили их до неузнаваемости. В таком виде, в виде «спорта», они и заполнили XIX век.

Надо также отметить, что разделение игр происходит одновременно с разделением взрослых и детей, народа и буржуа. Это совпадение позволяет нам уже здесь разглядеть связь между восприятием детства и классовым самосознанием.

¹ *Héroard. Journal...*

Один из неписанных, но строго соблюдаемых законов современной морали требует от взрослых воздерживаться в присутствии детей от всякого намека, особенно шуточного, на темы половых отношений. Явление, совершенно чуждое средневековому обществу. Сегодняшний человек, взявшийся читать дневник королевского врача Эроара, куда тот заносил малейшие подробности жизни молодого Людовика XIII, почувствует себя весьма неловко, натолкнувшись на вольности, которые допускаются в обращении с детьми, на грубые шутки и неприличные жесты, которые никого не смущали и казались совершенно естественными¹. Ничто не даст нам лучшего представления о различии восприятия детства в конце XVI — начале XVII веков и восприятия детства сегодня.

Людовик XIII еще не достиг возраста одного года. «Смеется в полную силу легких — нянька двумя пальцами ему возбуждает петушок». Замечательная шутка — ребенок тут же усваивает ее и окликает пажу, «задирает рубашку и показывает петушок».

Ему год. «Дофину очень весело, — отмечает не без удовольствия Эроар, — заставляет каждого теревить свой петушок». Он уверен — всем это нравится. Та же игра при гостях, их двое — господин де Боньер с дочерью: «со смехом задирает рубашку и показывает петушок, особенно девочке, затем прижимается к ней и начинает тереться всем телом». Все находят эту выходку столь забавной, что ребенок не упускает случая ее повторить, перед «маленькой дамой он снимает рубашку и демонстрирует свое достоинство с невероятным пылом. Он очень возбужден. Ложится на спину, чтобы девочке было лучше видно».

В возрасте около двух лет он уже жених, его невеста — испанская инфанта. Окружающие разъясняют, что это значит, и он,

по-видимому, все хорошо понял. Его спрашивают: «Где живет дружок инфанты? Он кладет руку на петушок».

В течение первых трех лет его жизни никто не видит ничего плохого в том, чтобы шутя прикоснуться к половым органам ребенка: «Маркиза де Верней часто запускала свою руку ему под платье; он хотел, чтобы его укладывали в кровать кормилицы и она играла с ним таким образом». «Мадам де Верней, желая поиграть с дофином, взяла его за соски. Он отталкивает ее со словами: „Не надо, не надо, оставьте, подите прочь“. Он не хочет более позволять маркизе трогать его соски. Ему нашептала кормилица: „Мсье, ни за что не позволяйте трогать ваши сиси или петушок, а то отрежут“. Он это запомнил».

«Встает после сна и не хочет надевать рубашку: „Но-но рубашку, сначала хочу дать молочка из моего краника“; взрослые по очереди подставляют ладонь, он произносит пс-пс, делает вид, будто оттуда что-то льется и, оделив всех присутствующих, позволяет себя одеть».

Или классическая шутка, довольно часто повторяющаяся, — ему говорят: «Мсье, пропал ваш петушок! Он отвечает: „Да от она“, — и приподнимает его пальцем». Подобные шутки исходили не от слуг, не от безмозглой молодежи и не от женщин легкого поведения, как, например, любовница короля. Королева, мать Людовика XIII, «взяв его за петушок, говорит: сын мой, я поймала вас за клювик». Дальше — больше. «Раздетые догола, они и Мадам (его сестра*) ложатся в кровать к королю. Они возятся, целуясь и щебеча, королю очень нравится. Он спрашивает сына: сын мой, где приданое маленькой инфанты? Тот показывает и говорит: оно совсем без костей, папа. Потом когда пенис напрягается, он добавляет: а бывает с костями».

И действительно, взрослые забавляются, наблюдая его первые эрекции. «Проснулся в 8 утра, позвал мадемуазель Бетузе и говорит: „Зезе, мой петушок, как подъемный мост; вот он поднялся, а вот опустился“, — он его оттягивал то вверх, то вниз».

В четыре года его половое воспитание достигает кульминации. «Отвели в покои королевы. Мадам де Гиз показывает ему кровать: вот, говорит она, на этой кровати вас сделали. Он в ответ: с мамой?» «Обращается к мужу кормилицы: что это? — Это, говорит тот, мой шелковый чулок. — А это? (была такая игра) — Это мои тапочки. — Из чего они? — Из велюра. — А это? — Это гульфик. — А что там внутри? — Не знаю, мсье. — Э, да там петушок! Для кого он? — Не знаю, мсье. — Да для мадам Дундун (кормилицы)».

«Становится между ног мадам де Монгла (гувернантки, весьма почтенной женщины, которая, кажется не более шокированной, чем сам Эроар, подобными проказами, недопустимыми по сегодняшним меркам). Король говорит: смотрите, мадам де Мон-

* Генриетта-Мария (ум. 1669), Генриетта Французская — сестра Людовика XIII, будущая жена Карла I, королева Англии.

гла только что родила сына. Дофин бежит к королеве и становится у нее между ног».

Начиная с пяти лет окружающие перестают играть с его половыми органами. Теперь он играет с половыми органами других. Мадемуазель Мерсье, одна из горничных, присматривавшая за ним ночью, еще не встала с постели — ее кровать находится рядом с кроватью маленького Людовика (прислуга часто спала в той же комнате, что и дофин, и не очень стеснялась его присутствия, даже если речь шла о супружеских парах). «Он полез к ней играть», просит ее пошевелить поочередно пальцами ног, она поднимает по его просьбе ноги вверх, он «говорит кормилице, чтобы та принесла розги, так как он хочет пошлепать служанку по ягодицам. Добивается исполнения... Кормилица спрашивает: Мсье, что вы видели у Мерсье? Отвечает холодно: Я видел попку. Что вы видели еще? Отвечает серьезно, без эмоций, что видел ее писюку». В другой раз «играет с мадемуазель Мерсье, зовет меня (Эроара) и сообщает, что у Мерсье писюка вот такая (показывает — в два его кулака) и что там сыро».

Начиная с 1608 года подобные шутки исчезают, принц становится — в семь лет — маленьким мужчиной, пришла пора учиться прилично себя вести и говорить. Когда его спрашивают, откуда появляются дети, он ответит совсем как мольеровская Агнесса* — из уха. Мадам де Монгла, гувернантка, останавливает его, когда «ему вздумалось показать пенис маленькой Вентле». Если гувернантке случается положить его утром в свою кровать, между ней и ее супругом, Эроар возмущен. *Insignis imprudentia*² — отмечает он на полях своего дневника. Десятилетнему мальчику внушали такую сдержанность, которой и в голову никому не приходило требовать от него же в возрасте пяти лет. Таким образом, собственно воспитание начиналось лишь после семи лет. И еще — похоже, что эта запоздалая забота о приличии обязана своим появлением начавшейся реформе нравов, первой ласточке реформаторского обновления XVII века. Как будто воспитанию поддаются только те, кто приблизился к возрасту без пяти минут взрослого человека! К четырнадцати годам Людовик XIII уже знал все, так как в четырнадцать лет и два месяца его, можно сказать, насильно уложили с его женой. После церемонии венчания «он прилег и потом отужинал в постели без четверти семь. Господин де Граммон в компании других молодых сеньоров рассказывает ему различные истории, это укрепляет молодого. Он просит принести ему туфли и идет в покои королевы матери, затем в 8 часов его укладывают с королевой, его супругой, в присутствии королевы-матери; в десять пятнадцать он выходит из спальни, утверждая, что поспал часа два после двух раз. Похоже, что так: и член у него красный».

* Из пьесы «Урок женам»: «Так молода еще, и вот — хитрить не прочь! Давно ль она, полна невиннейшего духа, не знала, точно ли детей родят из уха» (Мольер Ж. Б. Собр. соч. Т. 2. С. 103).

² Признаки бесстыдства (лат.).

По-видимому, к тому времени четырнадцатилетних мальчиков все реже можно было видеть в роли новобрачных, девочек же еще долго отдавали замуж в тринадцать лет.

Моральный климат в других семьях — дворянских и простых — вряд ли сильно отличался от морального климата королевской семьи. Эта манера приобщать детей к шуткам взрослых на половую тему не противоречила нравам и не шокировала «общественное» мнение. В семье Паскаль двенадцатилетняя Жаклина Паскаль писала стихи, посвященные беременности королевы.

Томас Платтер в своих воспоминаниях студента-медика (конец XVI века) пишет: «Я знал мальчишку, который это сделал (на свадьбе служанки своих родителей он завязал узелок на швейной игле, чтобы муж был не в состоянии выполнить супружеский долг). Невеста с трудом упростила его снять заклятие — он в конце концов согласился и развязал узелок. Молодой супруг снова обрел свои силы и полностью выздоровел». Отец де Дэнвиль, специалист по истории иезуитов и педагогики эпохи гуманизма, констатирует: «В те времена (XVI век) никто не стеснялся присутствия детей. При них могли сказать все, что угодно, выкинуть какую-нибудь неприличную шутку; дети все видели и все слышали»³.

Абсолютное отсутствие сдержанности по отношению к детям, эта манера приобщения их к шуткам вокруг половых отношений поражает нас: свобода выражений, еще больше выходов, эти прикосновения — можно себе представить, что сказал бы современный психоаналитик! И он был бы не прав в своих оценках. Отношение к половой жизни и, без сомнения, сама половая жизнь меняются сообразно эпохе и образу мыслей. Сегодня поведение взрослых, описанное Эроаром, показалось бы последней стадией сексуального расстройства и никто не решился бы на такое открыто. Все обстояло иначе еще в начале XVII века. На гравюре Бальдунга Грина* (1511) изображено Святое семейство. Станным кажется положение руки св. Анны — она раздвигает ляжки ребенка, как будто хочет высвободить и погладить его половой орган. Неверно было бы усматривать в этом хоть какой-то намек на разврат⁴.

Пристрастие играть с половыми органами детей принадлежит давней, очень распространенной традиции, следы которой можно найти и в наши дни в мусульманских странах. Мусульманский мир остался в стороне как от научно-технического прогресса, так и от великой реформы моральных устоев, сперва церковно-христианской, а потом и светской, которая дисциплинировала обуржуазившееся общество Англии и Франции XVIII и особенно XIX века. До сих пор мы встречаем в мусульманских странах черты поведения, поражающие нас своей странностью, но которые несколько не удивили бы достопочтенного Эроара. Об этом

³ Dainville F. de. La Naissance de l'humanisme moderne. 1940, p. 201. Mechin. Annales du collège royal de Bourbon Aix. 2 vol., 1892.

* Грин Бальдунг (1484 или 1485—1545) — немецкий живописец, один из крупнейших представителей немецкой ренессансной живописи, работал в Страсбурге, автор картин на религиозные, мифологические сюжеты, портретов.

⁴ Curjel H. Baldun Grien. Pl. XLVIII.

можно судить по отрывку из романа «Статуя из соли». Автор — тунисский еврей Альбер Мемми*, и его книга является довольно любопытным свидетельством о тунисском традиционном обществе и молодых тунисцах с полузападным мышлением. Герой рассказывает сцену, которую он наблюдал в трамвае по дороге в лицей (действие происходит в столице Туниса): «Передо мной мусульманин с сыном, совсем маленьким мальчиком, шапочка на макушке и руки, измазанные хной; слева — продавец пряностей с Джербы, он едет за покупками, зажав сумку между ног и положив карандаш за ухо. В вагоне жарко и продавец начинает ерзать. Он улыбнулся мальчику, тот, сверкнув глазами, устремляет взгляд на своего отца. Отец явно польщен вниманием, он успокоил сына и улыбнулся джербийцу. — Сколько тебе лет? — спросил торговец малыша. — Два с половиной, — ответил отец (возраст маленького Людовика XIII). — А что, кошка у тебя это уже съела? — продолжает торговец, обращаясь к ребенку. — Нет, — говорит отец, — он еще не обрезан, но недолго осталось ждать. — Вот как! — воскликнул продавец пряностей, он нашел тему для разговора с мальчиком. — Ты мне продашь свою маленькую штучку? — Нет! — почти выкрикнул ребенок. Очевидно, ему знакома эта игра — с ним уже не раз торговались и раньше. Как, впрочем, и со мной (еврейским мальчиком) тоже. Меня окружали другие люди, но было то же чувство одновременно стыда, странного любопытства и желания продолжать игру. Глаза ребенка сверкали от удовольствия ощущения зарождающейся мужественности (современное ощущение — Мемми, дитя нынешнего времени, наблюдал у детей раннее пробуждение интереса к половым отношениям; наши предки, напротив, думали, что ребенок полностью лишен понятия о своей принадлежности к тому или иному полу) и от возмущения этой полной намеков дерзостью. Он посмотрел на своего отца. Тот улыбался, это была дозволенная игра. Пассажиры вокруг одобрительно зашумели — их внимание было сосредоточено на *традиционной сцене*. — Я тебе дам за нее 10 франков, предложил джербиец. — Нет, — ответил мальчик. — Ну, продай мне свою п..., — не унимался торговец. — Нет! — А за 50 франков? — Нет! — Ну хорошо, уговорил — тысяча! — Нет! — В глазах джербийца мелькнул алчный огонек. — Тысяча и к ней мешок конфет! — Нет, нет! — Ты отказываешься? Это твое последнее слово? — Торговец сделал вид, что он вне себя от ярости. — Последний раз спрашиваю, продашь? — Нет! — Вдруг этот взрослый человек вскакивает и сделал страшное лицо, запускает руку в детские штанишки. Мальчишка колотит его изо всех сил кулачками. Отец громко хохочет, джербиец корчится, как будто ему очень больно, а пассажиры с улыбкой одобрительно кивают».

* Мемми Альбер (р. 1920) — тунисский франкоязычный писатель, автор романов «Статуя из соли» (1953), «Агарь» (1955), «Скорпион» (1969), «Пустыня» (1971), эссе, составитель антологии магрибских литератур.

Не правда ли, этот эпизод из жизни XX века как нельзя лучше помогает нам понять век XVII до реформы морали? Оставим анахронизмы, вроде попытки объяснить через инцест странную чрезмерность материнской любви мадам де Севинье, согласно одному ее издателю. Здесь речь идет об игре, в которой не больше злого умысла, чем в сегодняшних анекдотах, которые рассказывают друг другу мужчины.

Эта полуневинность, кажущаяся нам развратной или наивной, объясняет популярность с XV века темы писающего ребенка. Он занимает свое место среди изображений, помещенных в часословах и на картинах религиозного содержания. В религиозном календаре Хеннеси⁵ и в требнике Гримани⁶ один из зимних месяцев изображен так: деревня, занесенная снегом; одна из дверей открыта, внутри можно разглядеть женщину за пряжей, мужчину, греющегося у огня; на пороге стоит ребенок и пишет в снег.

На картине «Esse homo»^{*} кисти фламандца П. Петерса⁷, предназначенной, без сомнения, для храма, в толпе зевак можно увидеть и детей: мать подняла мальчика над толпой, чтобы он лучше видел происходящее. Озорные дети забираются на портики. Внизу пишет мальчик, держась за руку своей матери. Магистраты Тулузского парламента[†] могли наблюдать подобные сцены во время службы в часовне парламентского дворца. Большой триптих о жизни Иоанна Крестителя⁸. Центральная часть — пророчество. Есть и дети. В толпе: женщина, кормящая грудью, мальчик, забравшийся на дерево, немного в стороне другой мальчик, поднимая полы одежды, пишет прямо под носом у членов парламента.

Обилие детских образов в массовых сценах, с неизменным повторением некоторых тем (младенец, сосущий грудь, писающий ребенок) в XV и особенно XVI веках являются признаком раннее неизвестного интереса к детству.

Нужно, впрочем, отметить еще одну сцену, часто повторяющуюся в иконографии той эпохи — обрезание. Процесс изображен с почти хирургической точностью. Не надо искать в этом какой-либо подвох. По-видимому, праздники Обрезания Господня и Введения Богородицы во Храм считались в XVI и в XVII веках детскими праздниками, единственными до первого причастия. В парижской церкви Св. Николая можно увидеть полотно начала XVII века, привезенное из аббатства Сен-Мартен де Шан. Обрезание происходит при большом стечении народа, в основном детей. Одни в сопровождении родителей, другие сами по себе, взобравшиеся на колонны, чтобы было лучше видно. Сегодня кажется странным, что для детского праздника выбор пал на Обрезание. Удивимся мы, но не мусульманин нынешнего столетия, ни европеец XVI или начала XVII века.

⁵ Destrée J. Les Heures de Notre-Dame dites de Hennessy. 1895.

⁶ De Vriès, Marpago. Le Bréviaire Grimani.

^{*} «Esse homo» («Се человек») — слова Поппия Пилата, произнесенные после того, как Христос был бит плетью и затем осмеян воинами; начиная с Возрождения данный сюжет становится очень популярным в европейской живописи.

⁷ Gerson H. Von Geertgen tot Fr. Halz. 1950, I, p. 95.

[†] Во Франции парламент являлся прежде всего судебным органом; кроме парижского парламента, в юрисдикцию которого входила треть Франции, парламенты существовали в Тулузе, Эксе, Бордо, Гренобле, Ренне, Руане, Дижоне; помимо судебных функций парламенты осуществляли надзор за муниципальным управлением, имели право на регистрацию королевских указов, проверяя их соответствие предшествующему законодательству и привилегиям провинций, без этой регистрации указы не имели силы; парламенты имели и право ремонстрации — письменных протестов против незаконных распоряжений.

⁸ Musée des Augustins, Toulouse.

Таким образом, взрослые не только без тени смущения общались детей к хирургической операции, пусть даже религиозного характера, на половом органе, но и позволяли себе при всех и будучи в полном сознании шутки, становившиеся совершенно непозволительными, как только ребенок достигал возраста полового созревания, то есть возраста, когда он считался почти взрослым. Этому есть две причины. Прежде всего, считалось, что ребенок, не достигший подросткового возраста, был безразличен к разнице полов, и подобные шутки и намеки для него проходили без последствий, они ничего не значили, теряли свою половую направленность и становились полностью нейтральными. И еще не появилось сознание того, что всякое обращение к вещам, касающимся половых отношений, даже без задних мыслей и какого-то конкретного контекста, может повредить детской невинности. В те времена особо не задумывались, существует ли вообще понятие детской невинности.

*
* *

Таким, по крайней мере, было общественное мнение. Его уже не разделяли моралисты и воспитатели, во всяком случае, лучшие из них — новаторы, к которым, впрочем, мало прислушивались. Однако, оглядываясь назад, можно с уверенностью сказать, что именно благодаря их заслугам новая концепция, принятая нами, в конце концов победила.

Эти веяния восходят к XV веку, к эпохе, когда они оказались уже достаточно сильны, чтобы положить начало переменам в воспитательной практике школ⁹. Главным представителем новых идей является Жерсон*. Для своего времени он — самый наблюдательный из бытописателей детства, и в частности сексуальной стороны жизни детей. Это новый оценочный подход к поведению, свойственному только детям, о чем можно судить по написанному Жерсоном трактату *De confessione mollicei*¹⁰, посвященному этой проблеме. Попробуем разобрать его в контексте первых признаков иного отношения к детству, обнаруженных нами в иконографии и в эволюции детского костюма.

Итак, Жерсон изучал сексуальное поведение ребенка. Его труд предназначался для исповедников, чтобы те пробудили в маленьких кающихся грешниках — от 10 до 12 лет — чувство вины. Ему известно, что мастурбация и эрекция без последующей эякуляции — явление повсеместное. Любой, кому бы ни задали вопрос по поводу онанизма или самопроизвольной эрекции, отвечает отрицательно, то есть врет в полном сознании того, что делает. С точки зрения Жерсона — случай очень серьезный. *Rescatum mollicei*¹¹, «даже если из-за малого возраста не сопровождается семяизвержением... лишает ребенка невинности в

⁹ Ср. часть II, гл. 5.

* Жерсон Жан (1363–1429) — французский теолог, церковный деятель, выходец из многодетной крестьянской семьи, в 1395 г. — канцлер Парижского университета, стал известен благодаря проповедям перед королем и двором; один из первых поверил в миссию Жанны д'Арк и благословил ее; реформатор образования.

¹⁰ Об исповедании младших. *Gerson. De confessione mollicei. Opera 1706, tome II, p. 309.*

¹¹ Младенческий грех (лат.).

большей степени, чем его сверстника, уже бывшего с женщиной». Более того, он часто ведет к содомии.

Здесь точка зрения Жерсона почти совпадает с современной точкой зрения на мастурбацию, являющуюся, впрочем, неизбежной стадией раннего полового созревания, в отличие от саркастических выводов романиста Сореля — герой «Франсиона» видит первопричину онанизма в долгом безвылазном пребывании в четырех стенах школьного интерната.

Действительно, изначально ребенок не осознает свою вину, *sentiant ibi quemdam prurimum incognitum tum stat erectio*¹², думая, что это позволено, *se fricent ibi et se palpent et se tractent sicut in aliis locis dum pruritus inest*¹³. Причина в первородной развращенности людей — *ex corruptione naturae*¹⁴. Мы еще очень далеки от понятия детской невинности, но уже очень близки к объективной оценке поведения ребенка в свете сказанного выше. Как уберечь ребенка от опасности? Добрым советом исповедника, и еще — меняя методы воспитания и изменив наше собственное поведение с детьми. Не стоит с ними ни говорить обо всем, ни употреблять при них слишком откровенные слова. Следует избегать игр, при которых дети прикасаются к друг другу, целуются и рассматривают части тела — *«figerent oculi in eorum decore»*¹⁵. Следует окончательно разделить детей и взрослых, по крайней мере в постели: *pueri caraces doli, puellae, juvenes*¹⁶ не должны спать в той же постели, что и взрослые, пусть даже того же пола; в те времена сон в одной кровати со взрослыми был обычным делом во всех сословиях. Мы знаем, что такая практика существовала в конце XVI века даже при королевском дворе Франции — Генрих IV играет со своими разнополыми детьми у себя в постели; Жерсон опередил свое время почти на два столетия. Он отвергает всякое, даже шутовское, прикосновение *in nudo*¹⁷ и призывает остерегаться *«a societaliatibus perversis ubi colloquia prava et gestus impudici fiunt in lecto absque dormitione»*¹⁸.

Жерсон вновь возвращается к этому вопросу в своей проповеди против сластолюбия, прочитанной в четвертое воскресенье рождественского поста: ребенок не должен позволять себя целовать или прикасаться к себе, если же он поступает иначе — он должен сказать об этом на исповеди, *in omnibus casibus*¹⁹, подчеркиваю, поскольку в большинстве случаев в этом никто не видел ничего плохого. Ниже он говорит, что «было бы хорошо» укладывать разнополых детей спать раздельно, аргументируя это примером о девятилетнем мальчике, сделавшем ребенка, приводимым св. Иеронимом*; он употребляет сослагательное наклонение — «было бы хорошо», не решаясь идти дальше, настолько явление было распространено²⁰.

В написанном им своде правил поведения для школы Собора Парижской Богородицы, он пытается всеми силами разделить

¹² Чувствует там некий непонятный зуд, когда происходит эрекция (лат.).

¹³ Трут там и гладят, и потягивают так, как и в других местах, где начинается зуд (лат.).

¹⁴ От природной развращенности (лат.).

¹⁵ Направляли бы взор туда, куда прилично (лат.).

¹⁶ Младенцы, маленькие, старшие (лат.).

¹⁷ Обнаженные (лат.).

¹⁸ От развратного общения, где порочные речи и бесстыдные жесты совершаются в постели, вместо сна (лат.).

¹⁹ Во всех случаях (лат.). * Св. Иероним (347–419 или 420) — один из учителей Западной христианской церкви, автор Вульгаты (латинского перевода Библии), советник папы Дамасия, создатель первой христианской истории литературы.

²⁰ *Gerson. Doctrina pro pueris ecclesiae parisiensis*. Opera, 1706, I, p. 717.

Ланье.
Ребенок, играющий с
молодым слугой.
Из «Пословиц»

детей, отдать их на постоянное попечение учителя. Новому духу дисциплины мы посвятили ниже отдельную главу²¹. Учитель пеня не должен обучать своих подопечных *cantilenas dissolutas impudicasque*²², ученик имеет право донести на своего товарища, если тот вел себя недостойно (среди прочих проступков: говорить *gallicum*²³, а не на латыни, ругаться, произносить грубые слова, долго валяться в постели, пропускать молитвы, болтать в церкви). Ночью в дортуаре должен гореть ночник: «Как в знак почитания образа Девы Марии, так и по естественной необходимости, для того чтобы дети могли делать только то, что не стыдно делать при свете». Никто не имел права перебраться в другую кровать — ребенок должен был оставаться рядом с тем, кого ему определили в соседи. *Conventicula, vel societates ad partem extra alias*²⁴ не дозволяются ни днем ни ночью. Сколько усилий, чтобы избежать тесной дружбы между детьми, а заодно и вредных визитов, в данном случае со стороны слуг: «Всякое близкое общение с детьми запрещается, не исключая слуг, клириков, служащих церкви и проповедников (Жерсон не доверял буквально никому), они должны заговаривать с ребенком только в присутствии учителя».

Общение с детьми, не являющимися подопечными данного учреждения, тоже запрещено, не допускается даже совместное обучение (разве что по специальному высокому разрешению), «чтобы дети (*pueri nostri*) не заразились от других дурными привычками».

Все это внове, однако из этого не следует, что в реальности все так и происходило в школе. Во второй части настоящего издания мы увидим, сколько времени и усилий потребовалось, чтобы утвердить строгую дисциплину в коллежах. Это произошло много позже, в XVIII веке. Жерсон был далеко впереди учебных заведений своего времени. Его правила поведения интересны из-за морального идеала, провозглашенного им, который раньше не был столь четко сформулирован и как бы не существовал, но стал впоследствии идеалом иезуитов, Пор-Рояля, братьев христианских школ²⁵ и всех строгих моралистов и воспитателей XVII века.

В XVI веке воспитатели более терпимы, не переступают некоторых границ. Мы можем судить об этом по книгам, написанным для школьников, по которым те учились читать, писать, изучали латынь, наконец по урокам «цивильности» — в трактатах о хорошем тоне и в сборниках диалогов для придания живости излагаемому действующими лицами обычно были несколько школьников или ученик и учитель. Эти диалоги являются прекрасным свидетельством школьных нравов того времени. В диалогах Вивеса можно найти мысли, не свойственные Жерсону, однако традиционные для того времени: «Какая часть (тела) самая постыдная — передняя (отметим что он избегает ее назвать) или же от-

²¹ См. часть II, гл. 5.

²² Распутным и бесстыдным песнопениям (лат.).

²³ Т. е. по-французски (лат.).

²⁴ Сходки, а также сборища особняком в любых местах (лат.).

²⁵ Братья христианских школ — католическая конгрегация, основанная в 1680 году Ж.-Б. де Ла Салем для обучения мальчиков.

верстие в заднице? — Обе очень неприличны, зад из-за нечистот, а перед — из-за развратности и бесстыдства»²⁶.

Как видим, в грубоватых шутках недостатка нет, хватает также и сюжетов далеко не воспитательного характера. В диалогах английского автора Ч. Хула одна из сцен происходит в таверне, а таверны имели репутацию куда хуже, чем нынешние кафе²⁷. Долгий спор завязывается о том, в каком кабаке подают лучшее пиво. Однако даже Вивес соблюдает некоторые приличия: «Третий палец называют бесстыжим. Почему? — Учитель сказал, что знает, но не хочет об этом говорить, так как тема эта низкая и грязная, да и тебе лучше не задавать таких вопросов, потому что ребенок из хорошей семьи не должен спрашивать о столь неприличных вещах». Удивительная для той эпохи точка зрения. Полная свобода говорить в любых выражениях и на любую тему была столь естественна, что даже у самых строгих реформаторов в их проповедях, обращенных к детям, проскакивают сравнения, которые шокировали бы современного человека. Так, иезуит Лебрэн в 1653 году призывает пансионеров благородных кровей Клермонского коллежа избегать обжорства: «Они капризны в еде *tanquam praegnantes mulierculae*»²⁸.

Как бы то ни было, в конце XVI века ситуация окончательно изменится. Некоторые воспитатели, добившиеся наибольшего авторитета и полного принятия своих концепций, больше не допускают, чтобы в руки детей попадали книги сомнительного содержания. Именно тогда появилась идея классического произведения, подправленного для чтения детьми. Это очень важный этап, именно здесь начинается особое уважение детства. Это новшество можно найти как у католиков, так и у протестантов в Англии и Франции. До того детям предлагали для чтения Теренция как одного из классиков. Иезуиты изъяли его из программ²⁹. В Англии пользовались адаптированным изданием Корнелия Скоinea, вышедшим в 1592-м и переизданным в 1674 году. Бринсли рекомендует его в своем пособии для учителей³⁰.

В протестантских академиях Франции вместо диалогов Эразма, Вивеса, Мозеллануса[†] и прочих стали использовать диалоги Кордые (1564). В этом надо видеть неведомую доселе заботу о стыдливости и приличии в нравах и в повседневной речи. Шутка по поводу употребления бумаги еще терпима. Дети играют в слова: «школьная бумага», «бумага для конвертов», «бумага промокательная». В конце концов один из играющих мальчиков сдаётся, другой находит решение: «Бумага, которой вытирают зад — однако вы проиграли»³¹. Невинная поблажка традиционным шуткам. Кордые действительно «можно дать в любые руки», современное выражение без какого-либо привкуса анахронизма. Впрочем, Кордые дополняют диалогами религиозного содержания, написанными С. Кастельоном[‡].

²⁶ Vivès. Dialogues.

²⁷ Цит. по: Watson F. The English grammar school to 1660. P. 112.

²⁸ Как бабы беременные (лат.). Schimberg A. Éducation morale dans les colleges de Jésuites. 1913. p. 227.

²⁹ Dainville F. de. Op. cit. * Теренций Публий Афр (Африканец) (190 г. до н. э. — 159 г. до н. э.) — наряду с Плавтом, величайший римский комедиограф, автор 6 комедий, более аристократичных и пристойных, чем комедии Плавта.

³⁰ Watson F. Op. cit.

[†] Мозелланус Петер (1493—1524) — немецкий гуманист, профессор греческого и латинского языков в Лейпциге, корреспондент Рейхлина, Эразма, Гуттена, относился отрицательно к Реформации.

³¹ Cordier. Colloques. 1586.

[‡] Кастельон Себастьян (1515—1563) — французский гуманист, сын крестьянина, преподавал как сподвижник Кальвина в Женевском коллеже, противник Кальвина после сожжения Сервета, последователь Эразма, напечатал книгу оракулов с комментарием, в 1551 г. издал перевод Евангелия на французский язык с комментариями и предисловием.

В свою очередь Пор-Рояль издаст Теренция с большими купюрами — «Комедии Теренция с небольшими изменениями, сделавшими их очень приличными».

Что же касается самой стыдливости, в коллежах иезуитов принимают необычные меры предосторожности, подробно описанные в «Правилах о применении телесных наказаний». Особо подчеркивалось, что не следует снимать штаны с наказуемых «*adolescens*³² какого бы возраста или сословия они не были (мне нравится здесь ссылка на сословие), надо открыть небольшой участок кожи достаточного размера, чтобы применить наказание, но не больше: *non amplius*»³³.

Значительные перемены в нравах происходят в XVII веке. В отношении королевских детей, даже незаконных, мадам де Ментенон не позволит самой безобидной вольности, допустимой при дворе Генриха IV. Та же строгость, впрочем, повсюду, за исключением домов либертенов*. Речь идет уже не об отдельной кучке моралистов вроде Жерсона, а о целом движении, проявляющемся во всем — как в богатой назидательной и педагогической литературе, так и в духовной практике и новой религиозной иконографии.

Обрело свой смысл базовое понятие — детская невинность. Его можно найти уже у Монтеня, не питавшего, однако, иллюзий по поводу нравственной чистоты молодых школяров: «Сотни школяров заражаются сифилисом прежде, чем дойдут до того урока из Аристотеля, который посвящен воздержанию»³⁴. В то же время он приводит и другую историю, с иным знаком: «Когда кораблю, на котором он (Альбукерк†) находился, стала угрожать близкая гибель, он посадил себе на плечи мальчика с той единственной целью, чтобы этот невинный ребенок, судьбу которого он связал со своей, помог бы ему снискать и обеспечить милость Всевышнего и тем самым спасти их от гибели»³⁵. Веком позже мысль о невинности детства становится общепризнанной. Например, в пояснении к гравюре Герара, где речь идет о детских игрушках (куклы, барабан)³⁶:

Вот возраст невинности,
Куда все мы должны вернуться,
Чтобы насладиться грядущими благами,
Надеждой на которые живем.
Возраст, когда все прощают,
Возраст, когда не знают ненависти,
Когда ничто нас не печалит.
Золотой век в человеческой жизни,
Возраст, не боящийся ада,
Возраст, когда жизнь легка,
Возраст, когда смерть не страшна,
И для которого открыты небеса.
Да преисполнится к сим оплотам церкви
Нежного и ласкового почтения —

³² Отроков (лат.).

³³ Не более (лат.). Цит. по: Dainville F. de. *Op. cit.*

* *Либертены* — так называли в XVII–XVIII вв. сторонников свободной, гедонистической морали, эти, как правило, представители высшей знати и их клиентеллы, создавали тайные сети дружеских связей, основанных на общности эротических вкусов, во Франции существовала особая либертенская субкультура.

³⁴ Монтень. *Опыты*, I, 26.

† *Альбукерк Афонсу д'* (1453–1515) — португальский мореплаватель, вице-король Индии с 1509 г., основатель португальской колониальной империи на Востоке.

³⁵ Монтень. *Опыты*, I, 39.

³⁶ F. Guérard, *Cabinet des Estampes*, Ee 3 a, pet. in f°.

Фра Филиппо Липпи.
Видение блаженного
Августина.
Кон. 1450-х — нач. 1660-х.
Петербург, Эрмитаж

³⁷ Grenaille M. de.
L'Honneste garçon. 1642.
³⁸ Farel. L'Honnête homme.
1630. Именно его имя Буало
рифмовал с cabaret (кабак).
* Квинтилиан Марк Фабий
(ок. 35—ок. 100) — римский
оратор, первый учитель риторики,
получивший в Риме государственное
содержание, автор «Наставлений
оратору» в 12 книгах, превозносивших
Цицерона; оказал большое
влияние на европейских гуманистов.
Плутарх (ок. 46—
позже 119) — древнегреческий
писатель, верховный жрец
Аполлона Пифийского в
Дельфах, из преподавания
своим детям, а также детям
своих сограждан возникла его
частная академия; автор знаменитых
«Сравнительных жизнеописаний»,
«Застольных бесед» и др.
† Августин Аврелий (354—
430) — христианский теолог
и церковный деятель, епископ
Гиппона (Сев. Африка), один
из отцов (великих учителей)
церкви, автор «О граде Божьем»,
«Исповеди» и др. произведений.
Блаженный Августин,
размышляя о догмате
Троицы, увидел младенца, черпавшего
воду из моря ложкой и переливавшего
ее в маленькую ямку. На вопрос
святого, не бесполезное ли это
занятие, ребенок ответил, что оно
полезно в той же мере, в какой
сам Августин скромным умом
своим пытается постичь тайну
Троицы. После чего младенец
исчез.

Небо полнится гневом
Против тех, кто их обидит.

Сколько потребовалось времени, чтобы достичь, наконец, такого положения вещей! Можно проследить весь путь по богатейшей литературе тех лет.

«Благородный юноша, или Искусство воспитания добродетели у детей дворянского сословия, а также обучение их наукам и всем под-

ходящим их положению занятиям», достаточно типичный труд М. де Гренаяя, конюшего сеньора де Шатонье³⁷. Автор ранее уже написал «Благородную девицу». Интерес к воспитанию и «обучению молодежи» знаменателен. Автор знает, что он не единственный, кто занимается этой темой, и как бы извиняется в предисловии: «Ни в коем случае я здесь не хотел перейти дорогу господину Фаре³⁸, занявшись темой, которой он касается лишь мимоходом, говоря о людях, достигших совершенства... Я показываю путь благородного юноши с раннего детства до начала юности. Сначала речь идет о его рождении, потом о воспитании; я отточил его нравственные качества и разум; я научил его почитанию божественного и умению вести себя в обществе, чтобы он не был ни безбожником, ни суеверным». Воспитательные трактаты существовали и раньше, но они были лишь пособием по хорошему манерам и правилам поведения. Их очень ценили вплоть до начала XIX века. Но наряду с правилами поведения, адресованным детям, с начала XVII века существует педагогическая литература для родителей и воспитателей. И напрасно ее авторы ссылаются на Квинтилиана, Плутарха* и Эразма — это совершенно новое явление, настолько новое, что господин Гренай вынужден защищаться против тех, кто видит в «воспитании молодежи» лишь практическую сторону, а не сюжет для книги. Есть, конечно, Квинтилиан и другие, но есть и еще кое-что, весьма важное в христианстве: «Несомненно, если Господь берет под свою защиту невинных младенцев, то не думаю, что хоть один из рабов его имеет право их обойти и что люди должны иметь неприязнь к их воспитанию, ибо, делая это, они лишь подражают ангелам». Сближение образов ангела и ребенка становится общепринятой поучительной темой. «Говорят, ангел в виде маленького мальчика открыл св. Августина† Истину, и тот любил просвещать и учить детей; мы находим в его трудах множество трактатов, благосклонно говорящих о детях, кроме тех, что предназначены великим теологам». Он приводит в пример Людовика Святого, сочинившего поучение для своего сына. «Кардинал Беллармино† написал детский катехизис». Ришелье, «великий князь церкви, написал Поучения для самых маленьких и том советов для более взрослых». Монтень, которого никак не ожидаешь встретить в

[†] *Беллармино Роберто Франческо Ромоло* (1542—1621) — итальянский богослов, иезуит, автор «Рассуждений о спорных вопросах христианской веры против еретиков нашего времени», в 1599 г. — кардинал, в 1602 г. — архиепископ Капуи, пересмотрел в 1592 г. Вульгату, участвовал в процессе Галилея.

^{*} *Св. Бернар Клервосский* (1090—1153) — выходец из знатной бургундской семьи, основатель цистерцианского монастыря Клерво, проповедник монашеской бедности, сторонник клюнийской реформы, боролся против Абеяляра и Арнольда Брешианского, автор многочисленных богословских сочинений.

[†] *Григорий Турский* (ок. 540—ок. 594) — франкский религиозный деятель, епископ Тура (с 573 г.), автор «Истории франков» — главного источника политической истории Франкского государства V—VI вв.

такой благочестивой компании, очень беспокоился по поводу плохих воспитателей, в частности педантов.

«Не следует думать, что, говоря о детстве, мы ведем речь о чем-то незначительном; наоборот, и я покажу это здесь, что состояние, которое многие считают недостойным внимания, на самом деле восхитительно». Действительно, в эпоху Монтеня детство ассоциируется со слабостью и глупостью. Еще раньше о нем даже не упоминали — как о коротком и, следовательно, неважном переходном этапе. Акцент на слабой стороне детства, вероятнее всего, идет от классического духа, от его требования здравомыслия, но более всего это реакция на значение, которое начинают придавать ребенку в семье, в восприятии семьи. Мы вернемся к этому пункту в заключении к первой части нашей книги. Отметим только, что взрослые, независимо от сословия, начали находить удовольствие в игре с маленькими детьми. Конечно, началось это очень давно, однако теперь явление распространилось до такой степени, что стало многих раздражать. Так возникает чувство раздражения по отношению к «сюсюканью» — обратная сторона современного отношения к детству. Туда же примешивалось презрение людей, проводящих большую часть своего времени на открытом воздухе, к преподавателям и регентам коллежей, «педантам» — в эпоху, когда коллежей становилось все больше и когда детство стало связываться в сознании взрослых со школьной порой. В действительности же враждебное отношение к детству со стороны серьезных умов свидетельствует о слишком большом, в их глазах, внимании к нему.

Для автора «Благородного юноши» детство — знаменательная пора прежде всего потому, что Христос тоже был ребенком. Впрочем, сам факт, что Иисус опустил до состояния человека, приняв не только его природу, но и побывав ребенком, интерпретировался как символ уничтожения, которого, согласно св. Бернару^{*}, избежал Адам. Напротив, в христианстве есть святые дети: невинные младенцы, дети-мученики, отказавшиеся поклоняться идолам, маленький еврей св. Григория Турского[†], сожженный в печи своим собственным отцом за то, что принял христианскую веру. «Я могу привести еще много примеров тому, что и в наши дни истинная Вера находит мучеников среди детей точно так же, как и в прошлые века. В истории Японии фигурирует некий мальчик Луи, в возрасте 12 лет превзошедший намного благочестивостью лучших людей». В одном костре с доном Карло Спинолой погибла женщина «со своим маленьким ребенком», это только лишний раз показывает, что «Бог охотнее всего принимает хвалу из уст младенца». Далее автор перечисляет один за другим примеры из Ветхого и Нового завета, не забыв добавить еще один, неожиданный для классической литературы, пример из истории нашего Средневековья: «Не могу не упомянуть о добродетели

славных маленьких французов, коих воспел Ноклерус, — тех, что собрались числом 20000 во времена папы Иннокентия III и пошли на Иерусалим, дабы освободить его из-под власти неверных» — детский крестовый поход*.

Нам известно, что дети — персонажи героического эпоса и рыцарских романов — вели себя как настоящие рыцари. Для господина де Гренаяя это служит доказательством доброты и разума у детей. Он приводит случай, когда ребенок встал на защиту императрицы, жены императора Конрада, на судебной дуэли† — и сражался «против знаменитого гладиатора». «А почитайте, что делают в „Амадисе“ Рено, Танкред и множество других рыцарей: ни в одном сражении сказка не может придать им столько величия, сколько настоящая история этому маленькому Ахиллу».

«По-моему, после всего сказанного можно смело утверждать, что ранний возраст не может сравниться, а чаще всего даже предпочтительней всех других возрастов... Кто посмеет отрицать, что Бог покровительствует детям больше, чем старикам?» Он им покровительствует из-за их невинности, «близкой к его совершенству». У них нет ни страсти, ни пороков, «их жизнь кажется совершенно осмысленной в то время, как сами они кажутся наименее способными использовать силу разума». Очевидно, речь идет не о *rescatum mollicei*³⁹ — дворянин образца 1642 года предстает в наших глазах, с учетом современных познаний в психоанализе, большим ретроградом, чем Жерсон. Дело в том, что сама мысль о порочности и телесном грехе у ребенка его сильно смущает, особенно в качестве аргумента тех, кто относится к детству как к объекту грубых и порочных шуток.

Эти новые веяния вновь обнаруживаются в Пор-Рояле и прежде всего у Сен-Сирана‡, его янсенистские биографы говорят о его исключительном отношении к детству и об осознании морального долга перед детьми: «Он восхищался Сыном Божиим, который, выполняя свою высокую миссию не хотел, чтобы детям мешали приблизиться к нему. Он их целовал и благословлял. Он завещал нам не презирать и не забывать их, наконец, он находил для них столь изумительные слова, что они заглушали тех, кто плохо относился к маленьким. И господин де Сен-Сиран всегда дарил детям свою доброту, сравнимую с его преклонением перед детской невинностью и Святым Духом, живущим в детях»⁴⁰. Господин де Сен-Сиран — «очень просвещенный, далекий от предрассудков света (презрения к воспитателям) и, поскольку он понимал важность заботы о воспитании молодого поколения, он смотрел на него по-другому. Как бы трудна и унижительна ни была в глазах людей эта профессия, он допускал преподавать только тех, кто считал своим долгом противостоять такому отношению».

* Детский крестовый поход имел место в 1212 г.: «В эту экспедицию отправились дети обоого пола, отроки и отроковицы, да не только малые дети, но и взрослые, замужние женщины и девицы — все они шли толпами с пустыми кошельками, наводнив не только всю Германию, но и страну Галлов и Бургундию... Некоторые, как говорят, добрались до моря и там, доверившись корабельщикам, дали увести себя в другие заморские страны. Те же, кто продолжил поход, дойдя до Рима, обнаружили, что дальше идти им не было возможно, поскольку они не имели поддержки от каких-либо властей, и им пришлось наконец признать, что трата сил их была пустой и напрасной...» (Дюби Ж. Европа в Средние века. Смоленск, 1994. С. 68–69).

† Судебная дуэль — институт обычного права у германских народов, зафиксирован в многочисленных варварских правдах (Аллемандской, Саксонском Зерцале и др.).³⁹ Младенческом грехе (лат.).

‡ Сен-Сиран (Жан Дювержье де Оран) (ум. 1643) — французский теолог, друг Янсения, один из главных пропагандистов Пор-Рояля, автор «Теологии для всех», «Христианского наставления» (1671), «Размышлений о воскресных днях и праздниках» (1670).

⁴⁰ Cadet F. L'Éducation à Port-Royal. 1887.

И тогда формируется другая нравственная концепция детства, с акцентом скорее на его беззащитности и слабости, нежели на «знаменательности», по Гренайю, — но его беззащитность и слабость соседствуют с невинностью, верным отражением божественной чистоты, что превращает воспитание ребенка в одну из первых обязанностей человека. Эта концепция в одно и то же время является реакцией как против безразличного и слишком нежного, эгоистического отношения к детям, которое делает из ребенка игрушку для взрослых и поощряет его капризы, так и против противоположного этому типу отношений чувства — презрения здравомыслящего человека. Эта концепция завоевывает педагогическую литературу конца века. Вот что пишет в 1687 году Кустель в своих «Правилах воспитания детей»⁴¹: необходимо любить детей и превозмочь всякое отвращение, что испытывает к ним здравомыслящий человек; «если судить ребенка по внешнему виду, оставляющему впечатление слабости и неполноценности, идет ли речь о теле или уме, то, несомненно, в суждении нашем не будет места малейшему уважению. Но впечатление меняется, когда мы смотрим в будущее и опираемся в деяниях наших на веру». Присмотревшись, в ребенке замечаешь будущего «хорошего магистрата, священника или большого сеньора». Однако следует помнить, что детские души, еще полные крещенской невинности, остаются пристанищем Иисуса Христа. «Бог подает нам пример, приказав ангелам всюду следовать за детьми, не оставляя их ни на минуту».

Вот почему, пишет Варе в книге «О христианском воспитании детей», «воспитание есть одна из важнейших забот в мире»⁴². И Жаклина Паскаль в уложениях пансионеров Пор-Рояля: «Забота о детях настолько важна, что мы должны предпочесть этот долг всем другим встающим перед нами обязанностям, даже если они касаются чего-то духовного»⁴³.

Речь идет не об отдельных высказываниях, а о настоящей доктрине восторжествовавшей повсюду — как у иезуитов, так и у ораторианцев и янсенистов, чем частично объясняется бурный расцвет учебных заведений, коллежей, малых школ, частного образования и эволюция школьных нравов в сторону строгой дисциплины.

Из этой доктрины вытекает несколько принципов, становящихся общим местом в литературе эпохи. Дети больше не предоставлены сами себе — эта идея восходит к XV веку и обязана своим появлением монастырскому опыту. Однако ее начинают воплощать по-настоящему лишь в XVII веке, когда необходимость в этом становится очевидна широкой публике, а не только горстке священнослужителей и «педантов»: «Нужно, насколько это возможно, закрыть все ходы и выходы клетки... (Будут оставлены) несколько отверстий, чтобы жить и хорошо себя чув-

⁴¹ Coustel. Règles de l'éducation des enfants. 1687.

⁴² Varet. De l'éducation chrétienne des enfants. 1666.

⁴³ Jacqueline Pascal. Règlement pour les enfants.

ствовать; так делают с соловьями, дабы они пели, и с попугаями, когда хотят их научить говорить»⁴⁴. Процесс не лишен своих тонкостей, так как и иезуиты, и учителя коллежа Пор-Рояля научились лучше понимать детскую психологию. В правилах поведения для детей в Пор-Рояле, написанных Жаколиной Паскаль, читаем: «Надо хорошо следить за детьми и никогда и нигде не оставлять их одних, здоровы они или больны... (однако) необходимо, чтобы такой непрерывный надзор был деликатным и чтобы некоторое доверие со стороны воспитателей давало бы им понять, что их любят и что с ними находятся рядом просто из удовольствия быть с ними. В результате они будут не бояться, а скорее любить свою старую воспитательницу»⁴⁵.

Этот принцип станет всеобщим, но буквально он будет применяться лишь в интернатах иезуитов, в школах Пор-Рояля, в частных пансионах, то есть действие его охватывало только небольшое число детей очень богатых родителей. Их хотели уберечь от скученности в коллежах, которые долгое время имели дурную репутацию, развеявшуюся во Франции благодаря иезуитам быстрее, чем в Англии. «Как только нога молодого человека, — пишет Кустель, — переступает порог такого места („слишком большая численность школяров в коллежах“), он скоро теряет невинность, простоту и скромность, которые прежде делали его столь угодным Богу и людям»⁴⁶. Сомнительным казалось доверять их единственному наставнику, этому противилась господствовавшая в нравах общительность. Считалось полезным, чтобы ребенок рано научился знакомиться и общаться с людьми, это было очень важно и являлось большей необходимостью, чем знание латыни. Лучше было бы «поместить 5—6 детей с одним или двумя порядочными людьми в частном доме» — эту мысль можно найти уже у Эразма.

Второй принцип — избегать слишком часто ласкать детей и сзымальства приучать их к некоторой строгости. «Не говорите мне, что они еще дети и нужно терпение; последствия развращенности ума очень сильно проявляются в этом возрасте» — реакция против «сюсюканья» с детьми младше восьми лет, против мнения, что они еще маленькие, чтобы их воспитывать. Учебник civility Куртена 1671 года издания изъясняется на этот счет довольно длинно: «С этими неокрепшими умами просто проводят время, не заостряя внимания на том, что хорошо, а что плохо, — им позволяется все, никаких запретов: они смеются, когда следует плакать, говорят, когда следует помолчать и немеют, когда приличия требуют от них ответа (например, „спасибо, мсье“ наших маленьких французов, так режущее слух американским отцам семейств). Было бы жестоко по отношению к ним позволять им жить так и дальше. Родители утверждают, что когда их

дети подрастут, они их исправят. Но было бы лучше уже сейчас поступать так, чтобы потом нечего было исправлять»⁴⁷.

Третий принцип — сдержанность. «Большая скромность» в манере держаться. В Пор-Рояле «сразу же после отхода ко сну воспитатели подходят к каждой кровати, чтобы посмотреть, нет ли чего неприличного в позах и поведении учениц, а зимой — чтобы проверить, хорошо ли они укрыты»⁴⁸. Разворачивается настоящая пропаганда в целях искоренить давнюю привычку ложиться по несколько человек в одну постель. Совет не делать так повторяется в течение всего XVII века. Его можно встретить в «Правилах поведения христианина» Жана-Батиста де Ла Салья*, впервые увидевших свет в 1713 году: «Не следует, исключая, конечно, помолвленных и состоящих в браке (вот оговорка, которую сегодня ни у кого и мысли бы не возникло поместить в книгу, предназначенную для детей; однако, по правде говоря, книги для детей не ограничивались тогда своим непосредственным адресатом, а эволюция нравов в сторону большей чистоты и приличия не мешала вольностям, которые вскоре никто уже не позволит), ложиться в присутствии особы противоположного пола — это было бы против всяких приличий и чести. Еще менее позволительно особам разного пола спать в одной кровати, если речь идет не о совсем маленьких детях, ибо неприлично спать вместе даже особам одного пола». Таковы рекомендации св. Франциска Сальского† госпоже де Шанталь по поводу воспитания детей: «Родители должны внушить своим детям, что нельзя показывать друг другу голое тело, когда ложишься спать».

Эта же забота о приличии проявляется и в выборе книг и тем для беседы: «Сделайте так, чтоб их учили по книгам, где сочетались бы чистота языка и допустимость сюжетов. Когда же они начнут учиться писать, не позволяйте учителям давать им образцы, полные плохих слов»⁴⁹. Мы уже далеко ушли от свободы выражений будущего Людовика XIII, которая забавляла даже почтенного Эроара. Естественно, следует избегать романов, балов, комедий — рекомендации касаются и взрослых. Нужно быть внимательным к песням — еще одна важная рекомендация в обществе, где музыка доступна практически всем, — «особенно позаботьтесь о том, чтобы ваши дети не учили современных песен»⁵⁰. Однако старинные ничуть не лучше: «Песни, известные в свете, которым учат детей, едва те начинают говорить... Из них нет ни одной, не содержащей хулу и самую неприкрытую клевету на все и вся или же жестокою сатиру, не щадящую ни самых невинных, ни самых набожных... (они выражают) разнузданные страсти... (и) полны непристойных намеков»⁵¹.

Де Ла Саль и в начале XVIII века поддерживает опасливое отношение к зрелищам: «Для христианина присутствовать на кукольном представлении столь же неприлично (как и на пред-

⁴⁷ La Civilité nouvelle. Bâle, 1671.

⁴⁸ Jacqueline Pascal, op. cit.

* Ла Саль Жан-Батист де (1651–1719) — французский педагог и религиозный деятель, основатель конгрегации братьев христианских школ, его «Правила поведения христианина» не только приобщали к религиозной практике, но и учили хорошим манерам; канонизирован католической церковью.

† Франциск Сальский (1567–1622) — французский религиозный деятель, основатель ордена салезианок, епископ Женевский, автор дидактических сочинений.

⁴⁹ Varel. Op. cit.

⁵⁰ Op. cit.

⁵¹ Op. cit.

ставлении комедии). Мудрый человек должен с презрением относиться к подобным зрелищам... Родители не должны позволять своим детям на них ходить»⁵². Комедии, балы, танцы, «более простые представления — танцоры на веревках, фокусники, бродячие актеры и т. д. — запрещены». Допустимо только играть в поучительные, то есть ставшие частью процесса образования игры — все остальные игры подозрительны.

Другая рекомендация тоже часто встречается в педагогической литературе, чрезвычайно озабоченной проблемой «скромности» — нельзя оставлять детей в обществе слуг. Эта рекомендация идет вразрез с самым распространенным обычаем: «Оставляйте их как можно меньше один на один со слугами, особенно с лакеями (у слова „прислуга“ был более широкий смысл, чем теперь: сюда включались и „сотрудники, служащие“, как мы сказали бы сегодня, и приживальщики). Эти люди, чтобы снискать расположение детей, рассказывают им чаще всего глупости и прививают им любовь к игре, развлечениям и праздности»⁵³.

Еще в первой половине XVIII века будущий кардинал де Берни, вспоминая свое детство (он родился в 1715 году), говорил: «Нет ничего более опасного для нравственного и даже физического здоровья, чем надолго оставлять детей под опекой людей из прислуги... С ребенком ведут себя так, как не позволили бы себя вести с молодым человеком»⁵⁴. Последняя фраза осуждает поведение и образ мышления, характерные для двора Генриха IV и тунисского трамвая XX века, проанализированные нами выше. Оно долго было преобладающим в народе, но его уже не терпели в высших слоях общества. Настойчивость, с которой моралисты старались оградить ребенка от мира прислуги, показывает, насколько они осознавали опасность такого тесного сосуществования детей и слуг, тоже часто очень молодых. Моралисты хотели изолировать ребенка, чтобы уберечь его от шуток и выходов, считавшихся отныне непристойными.

Четвертый принцип представляет собой всего лишь еще одно проявление заботы о приличиях и скромности — свести на нет старинную фамильярность и заменить ее на скромные манеры и воздержанную речь даже в повседневной жизни. Эта политика проявлялась в основном в борьбе с «тыканьем». В небольшом янсенистском коллеже в Шесне «их (учеников) так приучили к предупредительности друг к другу, что они меж собой никогда не говорили на „ты“, а также никто никогда не слышал, чтобы кто-то из них сказал товарищу какое-нибудь неприятное для того слово»⁵⁵.

Учебник цивильности 1671 года издания признает, что приличия требуют обращения на «вы», однако там есть ряд уступок старинным французским обычаям, видно, что авторы в некотором затруднении: «Обычно говорят „вы“ всем без исключения,

⁵² Jean-Baptiste de La Salle. Le Règles de la bienséance et de la civilité chrétienne.

⁵³ Varet. Op. cit.

⁵⁴ Mémoires du cardinal de Bernis. 2 vol., 1878.

⁵⁵ Règlement du collège de Chesnay // Wallon de Beaupuis. Suite des vies des amis de Port-Royal. 1751, tome I, p. 175.

если только это не маленький ребенок, а вы его намного старше или если обычай требует употребления „ты“ даже между самыми воспитанными людьми. Отцы, обращаясь к детям до определенного возраста, как во Франции — до их совершеннолетия, и учителя, обращаясь к младшим ученикам, могут говорить „ты“. Также и между близкими друзьями, как принято в некоторых местах, общение может быть на „ты“. В остальных же случаях люди должны проявлять больше сдержанности и воспитанности»⁵⁶.

Даже в малых школах, где дети еще младше, св. Жан-Батист де Ла Саль запрещает учителям обращаться к ним на «ты»: «С детьми надобно говорить сдержанно и никогда не обращаться к ним на „ты“ во избежание излишней фамильярности». Несомненно, под таким давлением область применения «вы» расширилась. Когда читаешь воспоминания полковника Жерара, поражает тот факт, что в конце XVIII века некоторые солдаты обращались друг к другу на «вы» — одному из них 25, а другому 23 года! По крайней мере, сам полковник мог употреблять обращение «вы» без боязни показаться смешным.

В Сен-Сире мадам де Ментенон воспитанницы обязаны «избегать „тыканья“ и манер, противоречащих приличиям... Никогда нельзя подстраиваться под них (детей), используя их нелепую речь и детские манеры; напротив, их надо поднимать до себя, говоря, как со взрослыми»⁵⁷.

Уже школяры из диалогов Кордые во второй половине XVI века во французском тексте говорят друг другу «вы», тогда как в латинском варианте они «тыкают».

Но анализируемая нами забота о серьезном отношении к детям окончательно возьмет верх только начиная с XIX века, несмотря на появление прямо противоположного движения — развития гигиены грудных детей и более либеральной и натуралистической педагогики. Один американский преподаватель французского языка, Л. Уайли, провел 1950/51 учебный год на стажировке в одном из селений юга Франции, полностью погрузившись в местный быт. Его удивляет серьезность, с которой относятся во Франции учителя начальной школы к своим ученикам, а родители — крестьяне — к своим детям. По американским меркам контраст огромен: «Каждый шаг в развитии ребенка, кажется, зависит от развития того, что люди называют *рассудительностью*... Ребенок признается отныне *рассудительным*, и от него ждут, чтобы он *рассудительным* и оставался». Эти *рассудительность*, самоконтроль, серьезность, которые требуются от ребенка очень рано для получения аттестата об образовании, уже отсутствуют в Соединенных Штатах и являются последним этапом развития деревни, втянутой моралистами с XVI века в реформаторское движение. Подобный настрой начинает посте-

⁵⁶ La Civilité nouvelle. Bâle, 1571.

⁵⁷ Lavallée Th. Histoire de la maison royale de Saint-Cyr. 1862.

пенно исчезать из наших городов — он сохраняется еще кое-где в наших деревнях, где его и наблюдал американец⁵⁸.

Чувство детской невинности приводит, таким образом, к двойственности нравственной позиции по отношению к детям: оградить их от грязных сторон жизни, в частности от секса, терпимого или даже допустимого у взрослых, и закалить их, воспитывая характер и рассудительность. В этой позиции есть противоречие. С одной стороны, желают сохранить детство, а с другой — ребенка как бы старят. Однако это противоречие заметно только нам, людям XX века. Увязывание детства, примитивизма и иррационализма характеризует наше современное понимание детства. Оно появилось у Руссо, но принадлежит истории XX века. Совсем недавно, выйдя из теоретических построений психологов, педагогов, психиатров, психоаналитиков, оно стало отражать общественное мнение; именно с этой точки зрения американский преподаватель Уайли оценивает другой подход, с которым он сталкивается в деревне в Воклюзе и в котором мы узнаем следы более старого типа отношения к детству, зародившегося в XV и XVI веках и ставшего всеобщим и популярным начиная с XVII века.

В этой старой по отношению к нашему современному мышлению и новой по отношению к Средневековой концепции понятия невинности и разума не противопоставлялись друг другу — выражение *si puer prout decet, vixit*⁵⁹ переведено в «Учебнике цивилизности» 1671 года так: «Если ребенок прожил, как взрослый»⁶⁰.

*
* *

Под влиянием нового морального климата появляется новая детская назидательная литература, отличающаяся от литературы для взрослых⁶¹. Очень трудно в массе книг по правилам хорошего тона, «цивилности», изданных с XVI века, разобраться, какие из них обращены к взрослым, а какие к детям. Это смешение объясняется причинами, лежащими в основе структуры семьи, отношений семьи и общества, которым я посвятил последнюю часть моего исследования.

Оно несколько смягчается в течение XVII века. Отцы-иезуиты публикуют книги о правилах поведения или адаптируют их для общего пользования, так же как они «чистят» древних авторов или издают под своим патронажем трактаты, например «Приличия в общении между людьми»⁶², отпечатанные в 1617 году для пансионеров «Общества Иисуса» в Понт-а-Муссоне и Флеше. «Правила поведения христианина» для христианских мужских школ Ж.-Б. де Ла Саля, вышедшие в 1713 году, будут переиздаваться в течение всего XVIII и в начале XIX веков — книга, долгое время считавшаяся классикой, чье влияние на нравы, не-

⁵⁸ Wylie L. Village in the Vaucluse. Cambridge (USA), 1957.

⁵⁹ Если ребенок прожил так, как подобает (лат.).

⁶⁰ La Civilité nouvelle. Bâle, 1671.

⁶¹ О книгах по «цивилности» см. ниже, часть II, гл. 2.

⁶² Bienséance de la conversation entre hommes. Pont-à-Mousson, 1617.

сомненно, очень велико. Однако даже «Правила поведения христианина» еще не обращаются прямо к детям. Некоторые советы адресуются скорее родителям (и, тем не менее, это книга, по которой дети учатся читать, откуда они берут примеры для письма и заучивают наизусть) или вообще к взрослым, плохо представляющим себе, что такое хорошие манеры. Положение меняется в изданиях «Учебников цивилиности» второй половины XVIII века. Вот такой учебник 1761 года: «Для воспитания детей, начиная с манеры обучения их письму, чтению и произношению, вновь исправленной (так как все эти труды представляют собой переиздания старых „Правил“ Кордые, Эразма или „Галатео“, и все новое будет сказано на основе старой канвы — откуда и живучесть некоторых прежних представлений, давно вышедших из моды) и дополненной замечательным трактатом о том, как обучить их орфографии. Сочинение миссионера и его наставников для обучения молодежи»⁶³. Тон совершенно нов, автор обращается непосредственно к детям уже в заглавии и призывает к чувствам: «Чтение этой книги не будет для вас бесполезным, дорогие дети. Эта книга вас научит... Заметьте, дорогие дети...» и т. д. «Милый ребенок, — я считаю любого ребенка сыном Божиим и братом Христа, — полюбите добро с раннего возраста... Я хочу вам преподнести правила поведения хорошего христианина»; «Как только вы подниметесь с постели, прежде всего перекреститесь»; «Если вы в комнате ваших родителей, поздоровайтесь с ними»; в школе: «Не причиняйте неудобств вашим товарищам...»; «Не болтайте во время уроков»; «Подумайте, прежде чем сказать кому-нибудь „ты“...». Однако эта нежность и мягкость, очень свойственные XVIII веку, ничуть не умаляет идеала сильного характера, ума и достоинства, которые нужно пробудить в ребенке: «Мои дорогие дети, не будьте в числе тех, кто говорит без умолку, не давая вставить слова другому»; «Держите свои обещания — это дело человека чести». Здесь все еще проявляется дух XVII века, но манера уже XIX: «Мои дорогие дети». Детская сфера отделяется наконец от мира взрослых.

Можно наблюдать еще странные пережитки прежнего безразличия к возрасту. Долгое время латынь и даже древнегреческий преподавали по двуступицам, ложно приписываемым Катону*. Псевдо-Катона цитирует автор в «Романе о Розе»[†]. Так продолжалось в течение всего XVII века, и в последний раз Катон издается в таком виде в 1802 году. Однако дух очень откровенных советов восходит к поздней античности и Средним векам, когда была неизвестна деликатность Жерсона, Кордые, иезуитов и преподавателей Пор-Рояля⁶⁴. Дети долгое время переводили на уроках высказывания наподобие следующего: «Не верь своей жене, когда она жалуется на слуг, часто в действительности жена ненавидит того, кто любит мужа»⁶⁵. Или еще: «Не пытайся с

⁶³ *Civilité puérile et honnête pour l'instruction des enfants...*, 1753.

* Сборник стихотворных поучений морально-дидактического характера «Дистихи Катона» был широко распространен в Средневековье; составленный в III или IV вв. неким Дионисием Катонном, он дополнялся и позднее.

† «Роман о Розе» — памятник французской средневековой литературы, первая часть которого (4658 стихов) была написана в 20-е гг. XIII в. Гильомом де Лорисом, вторая часть (18000) была написана через 40 лет Жаном де Меном; роман был очень популярен в XIV—XVI вв.

⁶⁴ См. ниже, часть II, гл. 2.

⁶⁵ *Disticha de moribus ad filium*. Traduit en vers français par François Hubert (1559).

помощью гадания выведать намерения Бога»; «Беги жены, подавляющей тебя, ссылаясь на свое приданое; не удерживай ее, если она становится невыносимой» и т. д.

В конце XVI века такую мораль посчитали недостаточной, вот почему детям предложили четверостишия Пибрака, написанные в более христианском, поучительном и современном духе. Однако четверостишия Пибрака не заменили Псевдо-Катона, а просто дополнили его в начале XIX века — последние школьные издания содержали оба текста. И Псевдо-Катон, и Пибрак будут забыты одновременно.

*
* *

Эволюции отношения к детству в XVII веке в полной мере соответствует новая тенденция благочестия и религиозной иконографии. Ребенок и там занимает почти центральное место.

Живопись, гравюра и религиозная скульптура с начала XVII века придают огромное значение изображению ребенка Иисуса отдельно от Марии и всего Святого семейства. Как видно на дрезденском полотне Ван Дейка, младенец Иисус обычно изображается в одной и той же символической позе — придавив ногой голову змеи, он опирается на земной шар, в левой руке он держит крест, а правой благословляет нас. Этот ребенок-властелин возвышается на церковных порталах (в церкви Нотр-Дам-де-Дальбад в Тулузе). Особое поклонение обращено теперь к Святому Детству. Место ему было уже давно подготовлено, по меньшей мере иконографически, изображениями Святого семейства, сценами обрезания XV—XVI веков. Однако в XVII веке явление приобретает иной характер. Сюжет хорошо изучен. Но появляется желание подчеркнуть связь, установившуюся между поклонением святому ребенку, проснувшимся огромным интересом к детству вообще, созданием малых школ, коллежей и появлением заботы о детском образовании. Коллеж Жюлли был посвящен кардиналом Берюлем Тайне детства Иисусова⁶⁶. В правила поведения для маленьких учениц Пор-Рояля Жаклина Паскаль вставляет две молитвы, одна из которых, «уподобимся младенцам», тоже посвящена «тайне Христа-ребенка». Она стоит того, чтобы ее процитировать. «Господи, сделай так, чтобы мы всегда были детьми по простоте своей и невинности, подобно тому как люди этого мира невинны по невежеству и слабости. (Здесь видны два аспекта понимания детства в XVIII веке — невинность, которую надо поддерживать, и невежество, или слабость, которые надо искоренить или урезонить). Подари нам святое детство, которое не могли бы у нас отнять годы, и чтобы никогда не наступила старость праотца Адама или смерть во грехе; но чтобы оно воскресило нас во Христе, который примет нас в своей бессмертной славе»⁶⁷.

* Берюль Пьер де (ум. 1629) — французский церковный деятель, кардинал, основатель ордена ораторианцев.

⁶⁶ Bremond H. Histoire littéraire du Sentiment religieux. Tome III, 1921, p. 512 et sqs.

⁶⁷ Jacqueline Pascal. Op. cit.

Монахиня-кармелитка из Бона, Маргарита дю Сен-Сакреман*, была известна своим благоговением перед Святым Дитя. Никола Роллан†, основатель малых школ конца XVII века, совершил паломничество на ее могилу. По этому случаю он получил в дар от одной из послушниц изображение «младенца Иисуса, которому молилась сама сестра Маргарита»⁶⁸. Создание учебных заведений начало проводится под знаком Святого Детства, как, например, коллежи ораторианцев, основанные кардиналом Берюлем; отец Барре‡ готовит в 1685 году «Уложения и правила для христианских школ имени святого Младенца Иисуса». Дамы из Сен-Мор — образцовое преподавательское объединение — официально именуется «Институт во имя святого Ребенка Иисуса». На первой печати института Братьев христианских школ, братьев-игнорантинцев, изображен младенец Иисус, которого ведет святой Иосиф.

В педагогической и морализаторской литературе XVII века часто приводятся места из Евангелия, где Иисус так или иначе говорит о детях; в «Благородном юноше», цитированном выше: «Раз отец мой призывает к себе невинных младенцев, никто из вас не имеет права их отталкивать»⁶⁹. Молитва Жаклины Паскаль перефразирует следующие слова Христа: «Будьте как дети, если вы не будете как дети, то не войдете в царствие небесное». Сразу после молитвы Жаклина приводит евангельский эпизод, получивший в XVII веке новое значение: «Господи, смилуйся, причисли нас к тем детям, что Ты приблизил к Себе, которым Ты позволяешь Себя касаться и из чьих уст Ты слушаешь хвалу».

Сцена, на которую она намекает, — Иисус просит, чтобы к нему допустили детей, — присутствует в старинной иконографии; у нас уже был случай упомянуть миниатюру времен Оттона, изображающую детей, подобных маленьким взрослым, вокруг Христа⁷⁰. Можно также обнаружить подобные сцены в Библии с комментариями XIII века, однако они достаточно редки и к ним относятся как к банальным книжным иллюстрациям, не несущим особого смысла. Начиная же с конца XVI века сюжет «дети и Иисус» часто повторяется, особенно на гравюрах, и становится очевидным, что он соответствует теперь новому и совершенно отличному от других христианскому культу. Достаточно взглянуть на чудный эстамп Страдано, чьи гравюры вдохновляли многих художников эпохи⁷¹. Сюжет соответствует легенде: *Jesus parvulis oblati imposuit manus et benedixit eis*⁷² (Мф. 19; Мр. 10; Лк. 18). Иисус сидит. Одна женщина представляет ему своих детей — обнаженных путти. Другие женщины и дети ждут своей очереди. Нужно отметить, что ребенок здесь изображен в сопровождении матери; в средневековой иконографии, более соответствующей букве Писания, дети были вокруг Христа одни, поскольку текст не вдохновлял на приукрашивания. Здесь же ребенок неотделим

* *Маргарита Париго* (1619–1648) — монахиня-кармелитка из Бона (Бургундия), известна тем, что в 13 лет она видела Иисуса Христа в образе младенца, который приказал ей молиться о рождении у Людовика XIII наследника.

† *Ролан Никола* († 1678) — каноник из Реймса, продолжателем дела которого в области образования стал Ж.-Б. де Ла Саль, причастен к созданию народных школ для девочек Реймской епархии.

⁶⁸ *Rigault. Histoire générale des Frères des Écoles chrétiennes. 1937, t. I.*

‡ *Барре Никола* († 1686) — французский каноник, новатор в области образования, в частности девочек, автор «Учительниц христианских и благотворительных школ».

⁶⁹ *De Grenaille. Op. cit.*

⁷⁰ См. выше, часть I, гл. 2.

⁷¹ *Stradan (1523–1605), gravure. Cabinet des Estampes*

Ce9 in f°, p. 239.
⁷² Иисус возложил руки на приведенных детей и благословил их (лат.).

от семьи — признак значения, которое приобрела семья в системе ценностей. Голландская картина 1620 года возвращает нас к той же самой сцене⁷³. Христос сидит на полу на корточках среди толпы детей. Некоторые из них на руках у матерей. Другие, обнаженные, играют — борются друг с другом (тема борьбы пути очень часто встречается в то время) — или кричат и плачут. Дети побольше ведут себя более скромно: они стоят, сложив руки. Выражение лица Христа приветливо и внимательно, на нем читается та смесь нежности и добродушной иронии, с которыми взрослые говорят с детьми в эпоху новой истории, в XIX веке. Христос держит одну руку над детскими головами, а другую поднимает вверх, чтобы благословить следующего ребенка. Этот сюжет становится популярен, очень возможно, что гравюры с его изображением дарили детям в качестве святого образа, перед которым они молились; чуть позже его заменила картинка с первым причастием. Выставка 1947 года в Туре, посвященная образу ребенка, упоминает в каталоге гравюру XVIII века с такой сценой.

Отныне существует детская религия и новая духовная практика, предназначенная детям, — поклонение ангелу-хранителю. «Хочу добавить, — читаем в „Благородном юноше“, — что хотя всех людей сопровождают блаженные души, помогающие унаследовать спасение и Царство Божие, именно детям Иисус Христос подарил преимущество иметь ангелов-хранителей. Не скажу, что мы совсем лишены такой милости, но взрослый человек наследует ее из своего детства»⁷⁴. Ангелы, со своей стороны, отдают предпочтение скорее мягкости ребенка, чем «роптанию человеческого». И Флери* в своем «Трактате об Учении» подчеркивает, что «Евангелие запрещает нам их (детей) презирать, памятуя о том, что у них есть защитники — блаженные ангелы небесные»⁷⁵. Детская фигурка, символизирующая душу, ведомая ангелом, становится привычным явлением в иконографии XVI–XVII веков. Тому есть множество примеров, например Доменикино† из неаполитанской пинакотекки: маленький ребенок в рубашке, изорванной в лохмотья, которого ангел, женственный юноша 13–14 лет, защищает от подстерегающего его демона в образе взрослого человека. Он держит щит между ребенком и взрослым человеком. Сама картина является неожиданной иллюстрацией следующей фразы из «Благородного юноши»: «Богу принадлежит ранний возраст, а во власти дьявола старость многих людей, и также возраст, что Апостол называет зрелым».

Старинная тема — Товия‡, ведомый ангелом, — символизирует отныне пару: душа-ребенок и ее проводник, ангел-хранитель. На эту тему написал прекрасное полотно Турньер§, выставленное в Лондоне и Париже (1958), она же представлена и на гра-

⁷³ Volckert (1585–1627), см.: Berndt, n° 871.

⁷⁴ Grenaille M. de. Op. cit.

* Флери Андре-Эркуль де — французский церковный деятель, кардинал.

⁷⁵ Fleury. Traité du choix et de la méthode des études. 1686.

† Доменикино (Доменико Цампьеро) (1581–1641) — итальянский художник, представитель Болонской академической школы, расписывал палатцо Фарнезе в Риме, работал в Болонье, Риме, Неаполе, автор картин и фресок на религиозные и мифологические сюжеты, портретов и пейзажей.

‡ Товия — персонаж ветхозаветного предания, в своем путешествии за серебром в Мидию был ведом архангелом Рафаилом, сюжет был весьма популярен в европейской иконографии (Поллайоло, Боттичелли, Тициан, Рафаэль, Бугро и др.).

§ Турньер Никола (между 1579 и 1600–1657) — французский художник, крупнейший тулузский живописец XVII в., автор жанровых сцен, портретов, картин на мифологические и религиозные сюжеты.

виоре Абрахама Босса⁷⁶. На гравюре Мариетта ангел показывает ребенку крест в небе, который несут другие ангелы⁷⁷.

Тема ангела-хранителя и ребенка-души служила декоративным мотивом для купелей, я увидел это в одной из церквей, построенных в стиле барокко в южной Германии — в церкви Животворящего Креста в Доневорте. На крышке, закрывающей купель, возвышается шар, вокруг которого обвилась змея. На шаре ангел, молодой человек с немного женственными чертами лица, ведет душу — ребенка. Здесь речь идет не только о символическом изображении души в виде ребенка (кстати, любопытная и зародившаяся в Средневековье традиция), но и об особом преклонении перед детством, берущим истоки в таинстве крещения — образ Ангела-Хранителя.

Этот период — XVI—XVII века — еще и время «образцовых детей». Историк коллежа иезуитов Флеш* рассказывает, ссылаясь на анналы Конгрегации Флеш 1722 года (то есть около 50 лет после события), поучительную историю о жизни Гийома Руффена, родившегося 19 января 1657 года; в 1671 году он был в третьем классе и ему было 14 лет⁷⁸. Разумеется, он состоял в Конгрегации (благочестивая ассоциация для хороших учеников под покровительством Девы Марии, которая существует, полагаю, и по сей день в иезуитских коллежах), посещал болящих и подавал милостыню бедным. В 1674 году он закончил первый год философии (ее изучали два года) и заболел. Дева Мария приходила к нему два раза. Она открыла ему день его смерти — «в день праздника моей милой матушки» — в день Успения Богородицы. Признаюсь, читая этот текст, я не мог не припомнить один забавный эпизод из моего собственного детства: когда в коллеже иезуитов, где я учился, несколько учеников устроили целую кампанию за канонизацию ученика младших классов, умершего за несколько лет до этого в полной святости и чистоте, как говорила его семья. Можно было без особого труда достичь святости за короткую жизнь школьника — не совершая особых чудес, не имея каких-то выдающихся ранних способностей, — на вас сами собой распространялись детская добродетель и невинность раннего возраста. Так было в случае со св. Луи де Гонзаго, чье имя часто цитируют в литературе XVII века, посвященной вопросам воспитания.

Кроме жития маленьких святых, школьникам даются в качестве примера жизнеописания великих святых — их молодость или угрызения совести по поводу безумно проведенных молодых лет. В Анналах коллежа иезуитов в Эксе за 1634 год можно прочитать следующее: «Наша молодежь слушала проповедь два раза в неделю во время поста. Сам ректор, господин де Барри, вдохновлял детей, приводя примеры героических поступков из молодости святых... (Во время предыдущего поста 1633 года) он рас-

⁷⁶ Tournier, l'Ange gardien, Narbonne, 1656—1657. Exposition Petit Palais 1958, n° 139. Abraham Bosse, gravure, Cabinet des Estampes, Éd. 30 a in f°, GD 127.

⁷⁷ Mariette, gravure, Cabinet des Estampes, Éd. 82 in f°.

* Коллеж Флеш был основан Генрихом IV, располагался в замке Флеш в Анжу; король приказал похоронить в церкви Флеш свое сердце.

⁷⁸ *Rochemonteix C. de. Le Collège Henri IV de La Flèche.*

сказывал о переживаниях святого Августина, вспоминавшего свою юность»⁷⁹.

В Средние века не было больших детских праздников, если не считать праздники сезонные, по характеру больше напоминающие языческие, чем христианские. Начиная с XV века, как мы уже успели заметить, некоторые эпизоды, например Введение во Храм и Обрезание, не обходились без толпы детей, собиравшейся вокруг, — более значительной, чем на средневековых изображениях и картинах эпохи Возрождения. Но эти ветхозаветные праздники, даже если они и стали детскими в иконографии, не могли уже играть роль таковых в реальной практике, особенно в несколько выхолащенной духовной практике XVII века во Франции. Первое причастие постепенно становится наибольшим религиозным праздником детства — каким оно является даже сегодня, когда христианские обряды отправляются не столь регулярно. Первое причастие нашло в наши дни свое место среди старинных забытых фольклорных праздников. Возможно, оно обязано долгим существованием, несмотря на дехристианизацию общества, тому факту, что это индивидуальный праздник ребенка, отмечаемый в церкви и в кругу семьи, — быстрее всего из жизненной практики исчезли самые коллективные праздники.

Особо торжественное празднование первого причастия — следствие гораздо большего внимания, которое начинают уделять, особенно в Пор-Рояле, условиям, в которых дети принимают евхаристию*. Речь шла не о том, чтобы сделать причастие более редким, а чтобы лучше подготовить к нему и разум и душу ребенка. Вполне вероятно, что прежде дети получали причастие без особой подготовки — как все, если судить по средневековой привычке рано начинать самостоятельную жизнь и ничем не выделять детей, допуская их тесное сосуществование со взрослыми. Жаклина Паскаль в своих уложениях для детей Пор-Рояля предписывает хорошо оценить духовное и нравственное состояние ребенка, прежде чем допустить его к причастию, к которому его нужно прежде заранее подготовить: «Не следует причащать очень маленьких детей, особенно же проказливых, легкомысленных или имеющих какой-либо значительный изъян. Нужно подождать, пока Бог не переменит их характер. Затем в течение года или по меньшей мере шести месяцев надобно наблюдать, произошло ли что-нибудь в душе ребенка. Я никогда не жалела, что томлю таким образом ребенка — чем дольше их готовить, тем больше продвинутся в добродетели те, кто к ней предрасположен от рождения, и тем лучше познают себя те, кому необходимо эту добродетель в себе открыть. Никакая предосторожность не может быть лишней при первом причащении — от него зависят и все последующие»⁸⁰.

⁷⁹ *Mechin*. Annales du collège royal Bourbon Aix. 2 vol., 1892, tome 1, p. 89.

* *Евхаристия* — причастие, одно из семи таинств, состоящее в том, что во время богослужения верующие вкушают хлеб и вино, в которых воплощены «тело и кровь» Христа: «Сия чаша есть Новый завет в моей крови, которая за вас проливается» (Лк., 22:20).

⁸⁰ *Jacqueline Pascal*. Op. cit.

⁴ *Конфирмация* — миропомазание, христианское таинство, которое у католиков совершается епископом над детьми и подростками 7–12 лет, ритуал состоит в смазывании лба, глаз, ушей верующих ароматическим маслом — миром.

⁵¹ Les Cahiers du colonel Gérard (1766–1846). 1951.

¹ *Викарий* — заместитель духовного лица, в католицизме — всякий заместитель, викарии есть у пап (римская курия, легаты, нуции), у епископов, приходских священников, сам папа — викарий Иисуса Христа.

² *Франциск Ассизский* (1182–1226) — учредитель монашеского ордена францисканцев, один из популярнейших католических святых.

⁸² Exposition «Enfants d'autrefois», Versailles, 1931.

В Пор-Рояле первое причастие проходит после конфирмации⁴: «Когда к нам приводят детей, не прошедших конфирмацию... пусть даже они ни разу не причащались, мы обычно откладываем причастие на более позднее время — когда они пройдут конфирмацию, чтобы их души наполнились духом Христа и они были бы готовы вкусить его тело».

В XVIII веке в монастырях и коллежах первое причастие становится организованной церемонией. Полковник Жерар⁵¹ вспоминает в своих мемуарах, что получить первое причастие было трудно. Он родился в 1766 году в бедной семье, где уже было шестеро детей. Осиротев, он работал с 10 лет в качестве слуги и тогда же викарий¹ местного прихода проявляет к нему интерес и отправляет его в аббатство Сент-Авит, где он становится причетником. Своему первому священнику, который был иезуитом, он очень не понравился. Мальчику было примерно 15 лет, когда его начали готовить к первому причастию: «Решили, что я получу его *вместе с еще несколькими пансионерами*. Накануне того дня я играл с собакой. Господин N, иезуит, увидел меня и закричал: „Вы забыли, что завтра вы должны получить тело и кровь Господа нашего!“ Потом аббатисса призвала меня к себе и сказала, что я не буду участвовать в завтрашней церемонии... Три месяца спустя, после покаяния... я, наконец, получил свое первое причастие. После второго мне велели причащаться каждое воскресенье и по праздникам».

Первое причастие стало таким, какое оно сейчас. С середины XVIII века появилась традиция вручать картинку со святым в память о первом причастии. В 1931 году в Версале была выставлена гравюра с изображением св. Франциска Ассизского², на обороте которой было написано: «В память о первом причастии, принятом Франсуа Бертраном 26 апреля 1767 года, в первое воскресенье после Пасхи в церкви св. Себастьяна. Барай, священник храма св. Себастьяна»⁸². Здесь речь шла не только о религиозной традиции, но и о своего рода сертификате, официально подтверждающем один из актов католической церкви. В XIX веке для большей торжественности добавится еще и специальный костюм, который надевают только в этот день.

Церемония принятия первого причастия стала самым ярким проявлением восприятия детства в период между XVII и концом XIX века; в ней сталкиваются две противоречащие друг другу особенности восприятия детства: представление о детской невинности и благоразумное приобщение детей к святым таинствам.

Заключение Два восприятия детства

¹ Michault P. Doctrinal du temps présent. Éd. Th. Walton, 1931, p. 119.

«И в довершении всего толстая женщина с двумя младенцами на руках».

Картина Van Laer (1592—1642), см.: Berndt, n° 468.

В средневековом обществе, которое служит нам отправной точкой, детство не осознавалось как нечто особенное. Это не означает, что на детей не обращали никакого внимания и они были предоставлены сами себе. Не следует путать восприятие детства с любовью к детям: первое соответствует осознанию особенности этого периода жизни, того, что отличает детей от взрослых, пусть даже и молодых. Подобного осознания не существовало. Вот почему, как только ребенок выходил из-под постоянной опеки матери, кормилицы, няни, он оказывался в обществе взрослых людей и к нему относились столь же серьезно. Конечно, сегодня взрослые того времени часто кажутся нам скорее детьми; без сомнения, это вопрос не только сознательного возраста, но и возраста физического — слишком много детей и очень молодых людей. Слово «ребенок» не имело строгого языкового значения: его употребляли так, как мы сегодня говорим «парень». Эта возрастная неопределенность распространяется на все виды общественной деятельности: игры, ремесла, военные искусства. Не существует ни одного группового портрета, где не было бы детей, больших и маленьких: на руках у матери¹, или писающих в сторонке, или выполняющих свою роль на традиционных праздниках, или ученика в мастерской, или пажа какого-нибудь кавалера и т. д.

Слишком маленький ребенок, который не в состоянии еще войти в жизнь взрослых, — не в счет, это говорит Мольер, свидетельствуя о силе древней традиции в XVII веке. У Аргана из «Мнимого больного» две дочери: одна на выданье и другая, Луизон, едва начавшая говорить и ходить. Известно, что он грозит отдать старшую в монастырь, если та не откажется от своей любовной привязанности. Брат Аргана так ему говорит: «Объясните мне, братец, как это при вашем богатстве, имея только одну дочь, — потому что маленькую Луизон я не считаю, — как вы

дошли до такой мысли, чтобы отдать ее в монастырь?»² Младшая была не в счет, потому что она могла умереть. «Я потерял двух или трех детей, когда они были в грудном возрасте. Мне было жаль их, но я не сильно роптал», — признается Монтень³. Как только ребенок выходил из возрастного периода высокой смертности, то есть периода, когда было неизвестно, выживет он или нет, — он сразу смешивался со взрослыми.

*
* *

Слова Монтеня и Мольера свидетельствуют о живучести архаического отношения к детству. Оно устойчиво, но поколеблено. Начиная с XIV века новый подход стремится выразить в искусстве, в иконографии, в культе умерших личность, которую признают в ребенке, поэтический и повседневный смысл особенностей детского возраста. Мы проследили эволюцию путти, детского портрета и даже портрета рано умершего ребенка. В конце концов у ребенка и даже маленького ребенка — там, где проявляется ощущение детства, то есть в высших слоях общества — в XVI и XVII веках появляется собственный костюм, который выделяет его среди взрослых. Эта специализация детского костюма и особенно костюма самых маленьких в обществе, где внешние формы одежды имели очень большое значение, свидетельствует о переменах в отношении к детям. С ними считаются больше, чем представляет себе брат Мнимого больного. И действительно, в этой пьесе, на первый взгляд столь же суровой к маленьким детям, что и некоторые афоризмы Лафонтена*, существует целый диалог между Арганом и маленькой Луизон: «— Посмотри на меня. Ну? — Что, папочка? — Да ну же! — Что? — Ты ничего мне не имеешь сказать? — Если вам угодно, чтобы вас позабавили, я расскажу вам сказку про ослиную кожу или прочту басню о вороне и лисице, которую я недавно выучила». Здесь мы видим совершенно новое отношение к детству. Благодаря своей наивности, милому поведению и забавности, ребенок становится источником радости для взрослого — это называют «сюсюканьем». Естественно, такое отношение исходит прежде всего от женщин, которые занимаются детьми, — матерей или кормилиц. Читаем в «Большом собрании всякого рода вещей» по поводу кормилицы: «Она радуется, когда радуется ребенок; ей жалко его, когда он болеет; она поднимает его, если он падает; она связывает его, если он сильно возится во время мытья или когда она его подмывает. Она воспитывает дитя, учит говорить и произносит слова по слогам, как если бы она заикалась, чтобы ребенок раньше и лучше усвоил родную речь... Если он плачет, она берет его на руки и качает или сажает себе на плечи, она пережевывает для него мясо, дабы он смог его проглотить, не подавившись, она укачивает его, крепко спеленав перед сном,

²Мнимый больной, акт III, сцена III.

³Монтень. Опыты, II, 8.

*Лафонтен Жан (1621—1695) — французский поэт, с 1684 г. — член Французской академии, автор знаменитых «Басен» (1678—1679).

Ганс Гольбейн Младший.
Семейный портрет Томаса
Мора.
Базель. Кабинет гравюр

следя за тем, чтобы его члены были не согнуты и чтобы он не мог их повредить во сне»⁴. Перо Томаса Мора задерживается на картинах из детства школьника, которого мать отправляет в школу: «Если мальчик не встал вовремя и долго валялся в постели, а затем, все-таки встав, начинал реветь, так как знал, что учитель его побьет, мать говорила ему, что бьют только в первые дни, что ему хватит времени прийти к урочному часу. „Иди, сын мой, я обещаю предупредить учителя: не забудь хлеб с маслом, тебя не будут бить“»⁵. Таким образом, он уходил совершенно успокоенный матерью, причин для слез больше не было, хотя проблема оставалась неразрешенной — опоздавшего мальчика, несомненно, высекут в школе.

Детские забавы всегда, должно быть, казались притягательными матерям, кормилицам, сиделкам, но эти чувства оставались без выражения. Отныне с детьми сюсюкают и забавляются с нескрываемым удовольствием — это становится нормой. Мадам де Севинье эмоционально рассказывает о времени, которое она проводит со своей внучкой: «Я читаю сейчас об открытии Западной Индии Христофором Колумбом. Чтение развлекает меня невероятно, но ваша дочь — еще больше. Я ее люблю... она так гладит ваш портрет и хвалит ваш вид, что я не могу удержаться и тут же ее целую»⁶. «Вот уже целый час я играю с вашей дочерью, она прелесть». Ее подстригли и необычно причесали. «Эта прическа будто специально для нее придумана. Меня восхищает цвет ее лица и кожи. Что бы она не делала: говорит, ласкается, крестится, просит прощения, делает реверанс, целует руку — она прелесть во всем. Я забавляюсь с нею часами». А так как она очень боится заразных болезней, мадам де Севинье добавляет с легкостью, которая поразила бы современного человека, для которого смерть ребенка очень страшная вещь и не может быть темой для шуток: «Я не хочу, чтобы все это умерло». Даже при новом отношении сохранилось, как мы это уже видели у Мольера, определенное традиционное безразличие. Та же мадам де Севинье таким образом описывает траур матери, только что потерявшей ребенка: «Мадам де Коткен, получив известие о смерти маленькой дочери, упала в обморок. Она была потрясена и сказала, что у нее никогда уже не будет такой милашки». Однако мадам де Севинье считает мать несколько бессердечной и добавляет: «Но ее муж просто безутешен»⁷.

Еще лучше мы узнаем о восприятии детства по критической реакции на него в XVI и особенно XVII века. Наиболее сварливые нашли совершенно недопустимым повышенное внимание к детям, что тоже ново и является как бы оборотной стороной «сюсюканья». Монтень по этой причине настроен достаточно враждебно: «Я, например, не могу проникнуться той страстью, в силу

⁴ Le Grand Propriétaire de toutes choses.

⁵ Мор Томас (1478–1535) — английский гуманист, писатель, историк, государственный деятель, друг Эразма, 1529 г. — лорд-канцлер Англии, автор «Истории Ричарда III», «Золотой книжечки о наилучшем устройстве государства или о новом острове Утопия» (1516), повлияла на становление европейского утопического романа.

⁶ Цит. по: Jarman. Landmarks in the history of education. London, 1944.

⁷ Mme de Sévigné. Lettres. 1 avril 1672.

⁸ Mme de Sévigné. Lettres. 19 août 1671.

которой мы целуем новорожденных детей, еще лишенных душевных или определенных физических качеств, которыми они способны были бы внушить нам любовь к себе. Я поэтому не особенно любил, чтобы их выхаживали около меня»⁸. Он не допускает мысли, что можно любить детей так просто, «как любят играть с обезьяной», что можно с удовольствием наблюдать за их «выкрутасами и детскими глупостями». И все оттого, что окружающие уделяли детям слишком много внимания.

А вот еще один сторонник подобного образа мысли, двоюродный брат мадам де Севинье, через сто лет после Монтеня⁹. Чувствуется, насколько сюсюканье друзей и родственников выводит его из себя. Эту песню он посвятил «отцам семейства»:

Чтобы воспитать хорошо ваших детей,
 Не щадите ни учителя, ни няньку;
 Но, пока они не вырастут,
 Пусть в обществе они молчат,
 Поскольку нет печали хуже,
 Чем слушать чужого ребенка.
 Ослепленный отец всегда думает,
 Что его сын говорит изысканные вещи,
 Другие же готовы оглохнуть,
 Слыша лишь глупости.
 Но обязательно приходится
 Хлопать избалованному ребенку.
 Когда Вам сказали, как и положено,
 Что он красив, что он умен,
 Когда ему дали конфетку —
 Не требуйте большего,
 Отправьте его прислуживать за столом,
 Как и его учителя.
 Кто поверит, что, оставаясь в своем уме,
 Можно писать письма
 Трехлетним младенцам,
 Которые научатся читать не раньше четырех?
 Совсем недавно видел я
 Подобную забаву одного отца.
 Знайте также, любезные мои,
 Что нет ничего более невыносимого,
 Чем видеть ваших детишек
 Торчащих, как луковицы, за столом,
 Сопливых, с жирным подбородком,
 Сующих пальцы во все блюда.
 Пусть они едят в стороне,
 Под надзором гувернера,
 Который бы не потакал им,
 Поскольку учиться есть опрятно
 Никогда не бывает рано.

Или эта записка отцу семьи, куда г-н де Куланж был приглашен обедать:

⁸ Монтень. Опыты. II, 8.
⁹ Coulanges. Chansons choisies. 1694.

Уберите вашего сына
 И не ведите себя как нянька.
 И пусть малявки едят
 Вместе со своим учителем на кухне,
 Поскольку сегодня здесь обедает
 Бич маленьких детей.

Следует подчеркнуть — отрицательная реакция настолько же нова, как и «сюсюканье», она еще дальше от безразличного смешения возрастов средневекового общества. Монтень и Куланж, как и мадам де Севинье, реагируют на присутствие детей; нужно заметить, что первые даже более современные, если посмотреть, насколько необходимым они считают отделение детей от взрослых. Дети не могут больше всюду находиться со взрослыми, в частности за столом; причина, безусловно, в том, что иначе детей слишком балуют, в итоге они становятся плохо воспитанными.

В то же время моралисты и воспитатели XVII века разделяют отрицательное отношение Монтеня и Куланжа к «сюсюканью». Известный своей строгостью Флери говорит в своем «Трактате об учении» почти так же, как Монтень: «Стоит им (маленьким детям) на чем-нибудь попасться, сказать какую-нибудь глупость, пользуясь тем, что им все позволено, как взрослые заливаются смехом, торжествуя ловкий обман, бросаются их целовать, ласкать, будто только что встретились (это и есть сюсюканье). И кажется, будто бедные дети созданы только для развлечения взрослых, как маленькие собачки или обезьянки (мартышки Монтеня)»¹⁰.

Автор «Галатео», учебника хороших манер, распространенного в лучших коллежах, находившихся под патронажем иезуитов, говорит в один голос с Куланжем: «Весьма дурно все время распространяться только о своей жене, малых детях и их кормилице. Мой мальчик меня так позабавил! Подумать только!»¹¹

Д'Аргон, автор трактата о воспитании де Монкада (1690), тоже жалуется на то, что интерес вызывают лишь самые маленькие дети за их «ласки и глупости»; слишком многие родители «замечают своих детей, только пока те могут их позабавить»¹².

Важное замечание: в конце XVII века «сюсюканье» не является уделом только знатных семей, наоборот, под влиянием моралистов они начинают от него избавляться. «Сюсюканье» обличают и как явление в народе. Ж.-Б. де Ла Саль констатирует в своей книге «Поведение в христианских школах», что дети бедняков особенно плохо воспитаны, потому что «они делают лишь то, что им хочется, будучи предоставлены самим себе (не в смысле брошенными), как маленькие идолы — что хотят чада, того хотят родители»¹³.

¹⁰ Fleury. Op. cit.

¹¹ C. della Casa. Galatée. Traduction française 1609, p. 162–168.

¹² D'Argonne. L'éducation de Monsieur de Moncade. 1690.

¹³ J.-B. de La Salle. Conduite des écoles chrétiennes. 1720.

Уже у моралистов и воспитателей XVII века можно наблюдать формирование иного понимания детства, которому мы посвятили предыдущую главу — оно вдохновляло воспитание вплоть до XX века как в городской среде, так и в деревенской, как среди буржуа, так и в среде простого сословия. Особый интерес к детству и всему тому, что свойственно раннему возрасту, проявляется больше не в «сюсюканьи» и баловстве, а в заботе о здоровье ребенка, физическом и моральном. Ребенок уже не занятая и приятная игрушка: «Всякому знакома приторность детства, противная здравому уму; этот неприятный привкус зеленой молодости, которая насыщается лишь чувственными вещами, являя грубый набросок будущего разумного человека, — так говорится в „Благоразумном“, трактате о воспитании Бальтасара Грасиана* 1646 года, переведенном на французский в 1723 году отцом-иезуитом. — Только время в силах излечить от детства и юности, во всех отношениях являющихся несовершенными возрастaми»¹⁴. Чтобы понять это высказывание, надо рассматривать его рядом с другими текстами того времени, в контексте эпохи. Исследователи истолковали их как невежество в отношении детства. Однако их следует рассматривать скорее как начало серьезного и верного понимания проблемы. Не следует приспособляться к этой легковесности детства, это было бы повторением старой ошибки. Необходимо сначала изучить его, потом поправить — и тексты конца XVI и XVII веков полны заметок по детской психологии¹⁵. Делаются попытки проникнуть в образ мысли детей, чтобы лучше адаптировать к их уровню методику воспитания. Детям уделяется громадное внимание — они сама невинность, похожие на ангелов, близкие к Иисусу, который их так любил. Этот интерес толкает воспитывать в них рассудок, пусть еще хрупкий, готовить из детей здравомыслящих людей, добрых христиан. Часто тон достаточно суров — акцент поставлен на строгости в противовес свободе нравов, но не всегда. Место для юмора и преданной нежности находится даже у Жаклины Паскаль. К концу века люди пытаются соединить вместе нежность и разум. Вот как пишет об этом аббат Гуссо, советник Парламента, в своем труде «Портрет достойной женщины»: «Близкое общение со своими детьми, долгие разговоры на разные темы, отношение к ним как людям разумным, ласковое обращение с ними — вот необходимый секрет того, как получить желаемый результат. Дети подобны молодым растениям, за которыми надо ухаживать, которые надо поливать — добрый совет, пришедшийся кстати, несколько ласковых дружеских слов расположат по-доброму ребенка. Приласкайте его, дарите небольшие подарки, говорите с ним доверительно, это производит сильное впечатление на детскую душу, и вы увидите — ничто не сможет противостоять этим простым нежным средствам вырастить из дитя порядочного и достойного человека»¹⁶.

* Грасиан Бальтасар (1601–1658) — испанский писатель, сын лекаря, иезуит, автор трактатов «Герой», «Политик», «Остроумие», сборника оригинальных афоризмов «Карманный оркул», философского романа «Критикон». «Благоразумный» (El Discreto), этический трактат Грасиана делает акцент на спасительной роли напряженного внимания и осторожного недоверия — к себе, своим страстям и окружающему миру.

¹⁴ Gratien B. El Discreto. Huesca, 1646.

¹⁵ Как можно это видеть в Ratio иезуитов и в Règlement Жаклины Паскаль для маленьких девочек, воспитываемых в Пор-Рояле.

¹⁶ Coussault. Le Portrait d'une honnête femme. 1693.

¹⁷ Correspondance inédite du général de Martange, 1756—1782. 1898.

Несомненно, так как конечная цель остается прежней — сделать из ребенка человека порядочного и здравомыслящего.

*
* *

Итак, первое восприятие детства — «сюсюканье» — появилось в узком семейном кругу по отношению к совсем маленьким. Второе, напротив, исходило из внешнего источника — от церковных деятелей, от редких до XVI века и все более многочисленных в XVII веке моралистов, озабоченных здоровыми и цивилизованными нравами. Моралисты тоже с чувством относятся к явлению, прежде малозначительному, то есть к детям, но они против отношения к ребенку как к милой игрушке, так как видят в нем хрупкое творение Бога, которое необходимо и воспитывать, и оберегать. Второй подход, в свою очередь, стал доминирующим и в семьях.

В XVIII веке наблюдается соединение двух этих старых элементов с третьим, совершенно новым — заботой о гигиене и физическом здоровье. Забота о теле не была неизвестна моралистам и воспитателям XVII века. За больными ухаживали с большой тщательностью (и предосторожностью, чтобы выявить симулянтов), но здоровое тело никого не интересовало, разве что в плане моральном, ведь незакаленное тело располагало к излишней мягкости, лени, сладострастию, ко всем тяжким грехам.

Переписка генерала де Мартанжа со своей женой может дать представление о том, что занимало супружескую чету примерно век спустя после мадам де Севинье¹⁷. Мартанж родился в 1722 году. Женился в 1754 году. У нас еще будет возможность вернуться к его переписке. Мартанжа занимает все, что касается жизни его детей — от «сюсюканья» до воспитания. Он добавляет к этому заботу об их здоровье, даже о гигиене. Все, что связано хоть как-то с детьми, с семьей, становится серьезным и достойным внимания. Ребенок занял центральное место в семье не только с точки зрения продолжения рода, но и потому, что он просто есть.

сферу которой не допускает-ся университет. — *Ред.*

² Halphen L. Les Universités au XIIIe siècle // *Revue historique*, 1931.

³ Marrou H. I. Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. 1948.

⁴ Marrou Анри-Ирене — известный французский историк, автор исследований по истории античного образования, книги «Св. Августин и августинианство» и др.

⁵ О юности в ней вскормленной, — в лоне святой матери церкви в годах отроков взрослых (лат). См.: Clerval A. Les Écoles de Chartres au Moyen Age. 1895.

⁶ Marrou. *Op. cit.*; Delhayе Ph. L'Organisation scolaire au XIIe siècle // *Traditio*, vol. V, 1947.

⁷ Во французской исторической науке под «новой историей» понимается период между Столетней войной и Революцией (1453—1789). — *Ред.*

поздней империи исчезли. Мы не принимаем во внимание те труды латинских авторов, которые не были известны в Средние века, но впоследствии снова вошли в учебные программы, поскольку они не имели влияния на содержание образования. В этом срезе мы констатируем полный разрыв между средневековой и античной школами. Средневековая школа вышла из необходимости подготовки к принятию духовного сана. Когда-то церковь доверяла светской школе эллинистического типа гуманитарное образование своих учеников. Это образование было необходимо для получения ими света божественного знания в условиях книжной, ученой религии, религии Писания и патристических комментариев, какой очень скоро стало христианство. Начиная с V века церковь, однако, уже не может прибегать к помощи этой традиционной системы, уходящей в прошлое вместе с античной культурой и деградирующей с упадком городского образа жизни, — античная школа принадлежала городу и не прижилась в деревне. Однако церковная служба все равно требует минимума знаний, одни можно назвать литературными — знание церковно-служебных текстов, другие научными — вычисление плавающих дат священных праздников, третьи художественными — церковное пение. Без этого невозможно было бы служить мессе и совершать таинства — и церковная жизнь заглохла бы. Возникла потребность в том, чтобы само духовенство, прежде всего епископы (иногда в таких странах, как Ирландия и Англия, — монастыри), обеспечило бы образование молодых клириков. В противоположность античной традиции это образование давалось непосредственно в самой церкви, и еще долгое время говорили: *a juventute in ista ecclesia nutritus*, — *in gremio sancte matris ecclesie ab annis puerilibus enutritus*⁴, где церковь понимается не только как сообщество, но и как место — церковный двор или придел.

Таким образом, церковное образование по своему характеру являлось профессиональным или специализированным⁵. Господин Марру скажет: «Школа для певчих». В церкви изучали то, что было необходимо для службы и пения — Псалтырь, канонические молитвы, разумеется, на латыни, и, конечно, латынь рукописей, где содержались эти тексты. Также нужно добавить, что преподавание было устным и обращалось к памяти учащихся, как сегодня в школах Корана в мусульманских странах: кто присутствовал хоть раз на чтении стихов Корана в мечети, может легко представить урок в средневековой школе. Такой она была при своем зарождении в VI веке, такой же она оставалась до начала новой истории⁶ и даже позже. Ученики хором повторяли предложенную учителем фразу — до тех пор, пока не запомнили наизусть. Священники могли на память прочесть почти все молитвы, используемые во время службы. Так умение читать перестало быть обязательным инструментом обучения. Оно служило

Глава I Младшие и старшие школяры Средневековья

¹ Здесь и далее необходимо иметь в виду структуру образования в современной Франции, на которую постоянно ссылается Ф. Арьес, поскольку она отличается от российской рядом особенностей. Во-первых, начальная школа, первая ступень средней (коллежи) и вторая ступень средней (лицей) отличаются друг от друга как по содержанию программ и списку предметов, так и организационно, формируя совершенно отдельные и в чем-то независимые системы. Во-вторых, во французской школе нумерация классов идет от старших к младшим, причем в нее не включаются ни начальная школа, ни старший класс лицей. Наконец, лишь в последней трети XX в. было введено обязательное среднее образование (уровень коллежа, до этого обязательным было лишь начальное) и традиционные «философия» и «математика» были заменены в старших классах лицей пятью специализированными классами. Кроме того, высшее образование также внутренне сегментировано на самостоятельные уровни (три последовательных, но организационно мало связанных «цикла» обучения) и по дисциплинам: существует система «высших школ», специализированных в какой-то отрасли и имеющих на нее фактическую монополию, в

Невозможно правильно понять особенности прежних школьных нравов, даже в самом конце Старого порядка, не имея понятия о том, что представляло собой образование в Средние века¹. Несомненно, гуманистические идеи Возрождения оказали большее влияние на программы и культуру получения и передачи знаний, чем Средние века. Однако жизнь школяра в стенах школы и вне ее очень долго, до начала XIX века, зависела от традиций, сформировавшихся в Средневековье. Традиции эти сформировались в мире, который современному человеку не так просто себе представить, поскольку медиевисты, довольно тщательно изучив корпоративную организацию университетов, развитие философских идей в университетском сообществе, не уделили никакого внимания условиям существования школы и школьной среде².

Чтобы сформулировать особенности средневековой школы, следует сначала выяснить историю ее происхождения, а потом попытаться понять, чем она стала в ходе истории, поскольку явление отчетливее характеризуется последовательностью других порожденных им явлений, нежели своими истоками. Мы приоткроем завесу над некоторыми сторонами жизни средневековой школы, что поможет нам в освещении нашего сюжета.

*
* *

Истоки хорошо известны. Неоспоримо, что в Италии некоторые юридические и частные школы ведут происхождение непосредственно из римской древности. Известно также, что в Византии старая, античная система образования продолжала свое существование и развитие. Система эта, как показал Марру³, сохранила свой светский характер даже в теократической христианизированной Византии. Продолжая эллинистическую традицию, образование делилось на уровни, соотносимые с нашим начальным, средним и высшим образованием. Однако в галло-римских областях учебные заведения и методика преподавания

лишь в помощь памяти в том случае, когда забыт текст или допущена неточность. Чтение давало возможность «признать»⁷ то, что уже знали, а не открыть что-то новое, поэтому значение самого навыка чтения сильно уменьшилось.

Это специализированное образование давалось, главным образом, в кафедральных соборах под руководством епископов и для клириков подвластных им приходо́в. Вскоре преподавание перешло в руки их помощников, ставших впоследствии соперниками, — каноников капитула*. Однако соборы позднего Средневековья предписывали настоятелям новых деревенских церквей самим заботиться об образовании преемников, то есть обучать их каноническому пению, Псалтыри и службам. Действительно, священники в тот или иной храм назначались в те времена не епископом, как сегодня, а господами, и сельский причт не обязательно обучался в соборной школе. Здесь просматриваются корни деревенской школы, неизвестной античному миру.

В той мере, в какой деревенская школа существовала во времена раннего Средневековья, она не поднималась выше элементарных знаний. Однако кафедральная школа в эпоху Каролингов претерпевает изменения и становится в конечном итоге зерном, из которого выросла западная система образования. Обучение Псалтыри и пению будет занимать не последнее место — черты «школы для певчих» сохраняются, и часто отвечающий за школу каноник капитула, «схоласт», одновременно является кантором[†]. Между тем в программе появляются новые дисциплины — не что иное, как *свободные искусства* латинской культуры, наследницы культуры эллинистической, — вернувшиеся в Галлию из Италии, где их, по-видимому, никогда не забывали в частных школах, а также из Англии или Ирландии, где эта традиция сохранялась в монастырях. Отныне в средневековых школах обучение Псалтыри и пению будет дополнено изучением искусств, *тривиума* (грамматики, риторики, диалектики) и *квадривиума* (геометрии, арифметики, астрономии, музыки), а также, наконец, теологии, то есть Писания и канонического права. Случается также, что священника-преподавателя («схоласта») часто заменяют его подчиненные, один на начальном уровне (Псалтырь), представляя собой что-то вроде учителя начальных классов, другие — читая разные разделы искусств, теологии или права. Эта специализация еще не установилась повсеместно и наблюдается только в тех школах, которые достигли определенной известности, а потому привлекали учителей и учеников даже из дальних мест, как это было в Шартре или Париже. Скорее всего, большинство кафедральных школ долго существовали, имея всего двух-трех учителей, которые преподавали большую часть предметов, по крайней мере искусства. Но с XII века этих школ становится недостаточно. Капитулы вынуждены позволить всем

⁷ *Marrou, op. cit.*

* *Капитул* — в данном случае — совет при епископе, состоящий из лиц духовного звания, участвующий в управлении епархией.

† *Кантор* — руководитель церковного хора.

остальным церквям иметь собственную школу. Им приходится допустить частное преподавание, и недовольство, с которым они шли на это, вызывает реакцию в виде возникновения направленной против них ассоциации учеников и учителей — университета. Мало-помалу в XII веке создается разветвленная сеть школ, некоторые из них перерастают позднее в университеты, другие остаются на более скромном уровне.

Последнее, что придало средневековой школе ее окончательный вид, — специализация в области теологии и права. Теологию перестали преподавать в одной школе с искусствами. Так появился принцип, на котором основывалась специализация образования вплоть до XIX века. С XIII века искусства, давшие в университетских городах название факультету, стали своего рода подготовительными курсами, дающими доступ к высшему образованию — теологии, праву каноническому и праву гражданскому (позже это назовут законоведением) и медицине. Университеты XIII века окончательно закрепят эту иерархию знаний. Обычно в университете было, как минимум, два факультета: факультет искусств и один или несколько факультетов более высокого уровня (в Париже — теология и каноническое право). Больше никогда уже университет не сводился к одному только факультету искусств. Искусства не были уже самостоятельными, а только готовили к следующему этапу образования. Влияние университетов нас интересует здесь прежде всего в той мере, в какой оно способствовало окончательному отделению искусств от теологии и права. Специализированное высшее образование было сконцентрировано в университетских городах, куда стекались выдающиеся преподаватели и ученики, привлеченные престижем университетов. Искусства же, избавленные от предметов-паразитов — теологии и права, — даже если и преподавались дипломированными университетскими мэтрами, не всегда были поглощены университетами. Школы искусств сохранились повсюду, даже если там, где они существовали, не возникли университеты, количество этих школ значительно увеличилось к концу Средних веков.

Итак, преподавание искусств в университетских стенах или вне их распространилось по всей стране, здесь под эгидой капитула, а там — епископа или аббата. Оно включало латынь (в том числе Псалтырь), но исключало теологию, оба вида права и медицину. Именно искусства интересуют нас в качестве предмета преподавания в XIII веке.

*
* *

Если античную и средневековую школы разделяет большой промежуток, то переход от средневековой школы к современному способу обучения плавный и почти незаметный. Сравнение двух систем кажется поначалу чудовищным анахронизмом, однако

следует признать, это на самом деле неизбежно. Читая тексты и документы, касающиеся средневекового преподавания, мы всегда поддаемся соблазну сравнить средневековые нравы с нашими, так как другого способа представить себе первые нет.

Прежде всего бросаются в глаза различия. Средневековая школа предназначалась только обладателям тонзуры¹ — клирикам и монахам. В конце Средних веков она открывается и для мирян, с этого времени постепенно становясь доступной все более широким слоям населения. Однако вплоть до середины XVIII века она остается латинской. Когда же, наконец, она становится французской и учеников перестают наказывать за общение по-французски, латынь остается в центре учебных программ. Такое привилегированное положение латыни чаще всего объясняют классицистскими корнями нашей культуры. На деле они уходят ко временам еще более далеким, нежели эпоха торжества культуры римской античности, — к тому средневековому периоду, когда латынь была языком клириков и их профессиональных школ. В течение долгих веков ее преподавали как живой язык, а не только как язык определенной культуры, необходимый священнослужителям, законникам и государственным людям. И только в начале XVIII века латынь стала преподаваться для общего образования. Долгим пребыванием латыни в школьных программах мы обязаны в основном средневековым корням нашей школьной традиции.

Вторым отличием является отсутствие начального образования. Начальное образование, как мы его понимаем сегодня, не относится ни к специальному, ни к общему образованию. В начальной школе учатся писать, читать, правильно говорить, то есть всему необходимому, чтобы не потеряться в жизни, независимо от профессии и социального положения. Однако в Средние века и в начале новой истории эти начальные знания и навыки не преподавались в школах, их приобретали дома и в процессе обучения ремеслу². Школа начиналась с изучения латыни и заканчивалась на том уровне знаний, который был необходим для той или иной профессиональной карьеры. Сельскому священнику было достаточно знать наизусть литургические тексты, будущему прокурору требовалось больше. Конечно, в средневековой школе преподавали элементарные знания латыни (Псалтырь, например; по ней учились читать), и несомненно, элементарная латынь стоит у истоков (начало XVII века) современной начальной школы, как мы это увидим далее³. Но Псалтырь — всего лишь рудимент латинской школы, свойственной ей системы. С переносом Псалтыри во французскую систему «малых школ» изменился сам дух этого предмета — это стало уже нечто совершенно другое.

Третье отличие — отсутствие гуманитарного и естественнонаучного высшего образования. Конечно, были факультеты тео-

¹ Тонзура — выбритое место на макушке, знак принадлежности к духовенству в католицизме.

² См. ниже, часть III, гл. 2.

³ См. ниже, часть II, гл. 7.

логии, права и медицины, существующие и по сей день. Однако в средневековой Франции не было ничего похожего ни на высшие учебные заведения Древней Греции с естественнонаучными, риторическими и философскими классами*, ни на гуманитарные и естественнонаучные факультеты, появившиеся в начале XIX века, в эпоху Наполеона. Наличие такого пробела кажется особенно странным, когда думаешь о большом значении философии в средневековой жизни. Открытие неизвестных трудов Аристотеля, великий томистский синтез должны были способствовать раздельному преподаванию свободных искусств и теологии. Действительно, мораль и метафизика заняли в программах столь значительное место, что часть свободных искусств была просто поглощена философией. Таким образом, существовавшая ранее диалектика тривиума исчезла, освободив место «логике», заменившей ее в школьной терминологии, логика же становится синонимом философии. Возник вопрос, будет ли философия сосуществовать с грамматикой, даже с элементарными формами грамматики, или она отделится от них, чтобы стать основой высшего образования? Во Франции и в Англии это происходило по-разному.

В Англии латинские школы, вошедшие в состав университетов, — то есть Оксфордский и Кембриджский колледжи, — отличались от других, неуниверситетских, латинских школ. Появилась традиция начинать изучение искусств в ближайшей латинской школе, наподобие существовавшей при соборе св. Павла в Лондоне, — в ней учились до четырнадцати лет. Такие школы, очень похожие на французские латинские школы, позже стали называть *grammar school*¹⁰. Лишь по окончании к четырнадцати годам *grammar school* молодого человека посылали учиться в Оксфорд или Кембридж. Разнице возрастов соответствует и разница в программах. Философия и науки изучались лишь в стенах университетов — таков был, по крайней мере, принцип, так как никто не настаивал на строгом разграничении функций учебных заведений вплоть до XVIII века. В реальности границы были довольно размытыми. В университетских колледжах заново проходили предметы и авторов, изучаемых в *grammar school*, следуя принципу повторения, столь дорогому педагогике Средних веков, а в *grammar school* в XV—XVI веках, случалось, читали логику. Место многих предметов, как, например, риторики, остается долгое время спорным. Бринсли, вопреки тому, что она долгое время входила в программы *grammar school*, считал, что риторика уместнее в университетской программе. В начале XVII века дискуссии еще продолжаются, однако положение вещей закрепилось в соответствии со сложившимся обычаем — *grammar school* готовит к университету, а университет имеет монополию на философское образование, считавшееся необходимым дополнением к

* Одним из высших учебных заведений эллинистической Греции можно считать Александрийский музей, дававший научное образование: «Избавленные от налогов и всяких повинностей, на царском содержании, „пансионеры музея“, они жили сообществом под сенью дворца в роскошной обстановке: располагали местами для прогулок, экседрой для споров, обширной столовой, где они питались вместе» (Мару А.-И. История воспитания в античности (Греция). М., 1998. С. 264).

¹⁰ Грамматическая школа (англ.).

обычному образованию, и только потом уже начинается специализированное образование — правовое, теологическое и медицинское. Философский факультет становится фактически зародышем высшего гуманитарного образования в современном смысле этого слова. Кроме Англии, так развивалась образовательная система и в Германии¹¹.

Во Франции же, напротив, школы искусств, привязанные к университетам, ничем не отличались — ни программой, ни составом учащихся — от школ искусств других городов, где так и не образовалось университета. Конечно, в XIII веке в Париже святого Фомы все могло пойти по пути Оксфорда и Кембриджа. Парижские школы собирали со всей страны студентов, уже получивших знания в других школах. Уже в XII веке отмечается, что лучшие ученики, достигнув подросткового возраста, продолжают учиться в Шартре, Турне, Орлеане или Болонье¹². Однако и там, в знаменитых школах, все равно продолжают учиться начинающие — в противоположность тому, что происходит в Оксфорде и Кембридже. Традиции принимать только школяров, уже получивших какое-то образование, не сложилось. Может быть, причина в Париже — в большом приросте местного населения, более многочисленного, чем в небольших английских городках. Разница велика, так что французские школы должны были принимать и всех желающих из других областей, как сегодня наши университеты, и местных, как наши сегодняшние лицеи и коллежи. Во всяком случае, в таких школах философия не отделена от грамматики и ее начатков, вследствие чего школьные программы в университетских городах не отличаются от программ городов без университета, если, конечно, речь шла о городах достаточно крупных.

Последствия такого уклада заметны и сегодня. Философия остается в программе грамматических школ, и когда начиная с XIV века система образования разбивается на уровни, когда допускается разделение предметов в зависимости от их сложности и от возраста учащихся, философию относят к концу латинского цикла. Ее изучают в двух последних классах в качестве логики и физики, это соответствует современному классу философии. Логика и физика XVI века соответствуют одновременно университетским колледжам Англии и нашим современным гуманитарным и естественнонаучным факультетам. Сохранение в сегодняшней Франции деления на две части экзамена на степень бакалавра объясняется тем, что философия так и не отделилась от искусств. В Англии же нет второго экзамена, так как в *grammar school* не преподавали философию, то есть логику и физику.

То, что становится в Англии высшим образованием, во Франции было поглощено тем, что стало образованием средним. Наполеон, создавая историко-филологический факультет, не опирал-

¹¹ *Brinsley J. Ludus Litterarius*. 1612. В Англии не существует факультет права. В Германии новым путем высшего образования станут академии, чуждые средневековой традиции преподавания искусств. Там обучали новым наукам на основе уже современных методов.
¹² *Delhaye Ph.* Op. cit.

ся ни на какую французскую традицию, в основу были положены заграничные образцы, в основном немецкие. Вот почему высшее гуманитарное и естественнонаучное образование не становится у нас необходимым дополнением хорошего образования вообще. Еще в конце XIX века социальным эквивалентом Оксфорда или Кембриджа во Франции была не Сорбонна, а коллеж Людовика Великого, коллеж Станислава или коллеж иезуитов. Сегодня это Высшая школа политических наук. Насколько же консервативна история образования, если ее нынешние особенности объясняются столь давними причинами, почти так же консервативна, как история церкви.

До сих пор сравнение средневекового и сегодняшнего образования обнажало в основном различия между ними. Под различиями я понимаю невозможность найти в одном истоки другого. Ни наша начальная, ни наша высшая школы не восходят прямо к средневековой системе. Как мы смогли догадаться по анализу происхождения второго экзамена, совершенно иначе обстоит дело со средним образованием. В классической системе нашего среднего образования с XIX и до начала XX века угадывается естественное развитие преподавания свободных искусств Средних веков. Предметы эти подвергаются значительным изменениям, причем в два этапа — первый раз в XVI веке под влиянием гуманистов, когда классическая латинская культура пришла на смену авторам поздней империи, а второй раз в XVIII веке, когда в школах вводится употребление французского языка и несколько новых естественнонаучных доктрин. Однако почти всегда можно понять, о чем идет речь, традиционная терминология сохраняется. Несомненно, само слово «artiste», в применении к школярам, в этом значении выходит из употребления с XVI века, оставаясь в разговорном административном языке, когда говорится о факультете искусств, чтобы как-то выделить его среди других факультетов. Но выражения, до нашего времени служившие для обозначения уровней среднего образования, принадлежат традиционному словарю эпохи преподавания свободных искусств. В течение двух последних веков Старого порядка и в начале XIX века нормальный учебный цикл имел такой вид: до четырех грамматических классов, потом второй класс, гуманитарный, затем первый, риторический, далее шла логика и, наконец, физика. Но все эти термины, кроме слова «гуманитарный», относятся к свободным искусствам. Грамматика и риторика являются двумя ответвлениями тривиума. Логика — это та же диалектика, возведенная от ораторского искусства эпохи средневекового аристотелевского ренессанса до уровня философской дисциплины. Физика есть не что иное, как прежний квадравиум. Гуманитарные дисциплины — вклад гуманистов XVI века, использованный, в частности, иезуитами. В XIX веке логика и физика были

заменены нашими философским и математическим классами. Простым перечислением названий классов с XVI века по наши дни можно точно резюмировать историю латинской школы: тривиум и квадравиум в начале, философия в Средние века, гуманизм в эпоху Возрождения и преобразование прежних логики и физики в современные философию и математику. Этапы видны так ясно, как если бы они были этапами одной и той же эволюции. Незаметно для себя мы возвращаемся от нынешнего лицея — до реформ, сблизивших начальное образование со средним, а высшее со специальным, — к коллежу Старого порядка, а от него — к средневековой латинской школе, где преподавали «грамматику и искусства». Из этого вовсе не следует, что искусства, преподававшиеся в Средние века, соответствуют теперешнему среднему образованию, но сложилось так, что их эволюция привела к появлению последнего.

*
* *

Мы попытались как-то определить положение средневековой школы, отталкиваясь как от ее начал, так и от того, чем она стала. Теперь, когда мы познакомились с ней поближе, мы пробуем выделить несколько основных черт, интересных для нашего исследования отношений между возрастами: отсутствие дифференциации программ, одновременное преподавание предметов разного уровня, смешение возрастов и школярские свободы.

Отсутствие дифференциации

Не существовало представления об образовании, разделенном на несколько уровней, соответствующих трудности предметов, от простого к сложному. Наиболее удивительный пример полного отсутствия такой дифференциации дает нам грамматика. Начиная с XV века грамматика относится к элементарным предметам, и чем далее, тем элементарнее она становится. В античности же, напротив, грамматика является наукой, и наукой сложной, соответствующей сегодняшней филологии. Средние века унаследовали от античности эту концепцию грамматики, одной из составляющих тривиума, и даже старшие студенты относились к ней достаточно серьезно. Так, Иоанн Солсберийский* в XII веке посещает уроки грамматики в возрасте между семнадцатью и двадцатью годами. На них читались и перечитывались *Commentarium grammaticorum libri XVII*¹³ Присциана, латинского грамматика V века. В 1215 году устав Парижского университета предписывает школам искусств изучение книг Присциана в течение по меньшей мере двух лет¹⁴. Позже Присциана заменит *Doctrinale riegorum*¹⁵ Александра де Вильдье (XIII век), состоящее из 12 глав: склонения, исключения из правил, степени сравнения, ар-

* Иоанн Солсберийский (ок. 1115–1180) — английский религиозный деятель, сподвижник Фомы Бекета, в конце жизни стал епископом в Шартре (Франция). Автор известного педагогического сочинения «Металогик».

¹³ Грамматические комментарии в XVII книгах (лат.).

¹⁴ Цит. по: *Théry A. F. Histoire de l'éducation en France. 1858, 2 vol., tome I.*

¹⁵ Обучение детей (лат.).

тики или определители рода, претериты и супины, глаголы-исключения, четыре глагольные формы, переходные, непереходные и взаимные конструкции, долгие и краткие гласные, ударение, синтаксис. «Доктринал» будет общим учебником грамматики вплоть до конца XV века*, когда во Франции его заменит Деспотер¹⁶, не менее сложный, но демонстрирующий — впервые — педагогический подход, а не просто сумму научных знаний.

Эту научную грамматику изучали сразу после чтения Псалтыри или даже одновременно с ней дети примерно десяти лет. Естественно, учение начиналось не с Присциана или «Доктринала». Первой книгой был Донат[†], то есть *De octo partibus orationis*¹⁷ Доната, грамматика IV века. Эту книгу называли еще *Donatus minor*¹⁸, чтобы отличить от других книг Доната, или *Agg minor*¹⁹, и это наталкивает на мысль, что речь идет об элементарном образовании, входившем, однако, в состав искусств. Позже «Донат» станет синонимом базовых знаний: если выучил Доната, то уже не пропадешь. Некоторые частные учителя получили право преподавать Доната, но только его одного.

Во многих рукописях Донат дополняется цитатами из Присциана, которого можно считать автором для старших студентов. В начале XI века англосаксонский автор Эльфрик[‡] пишет диалог на латыни, предназначенный начинающим школярам на уровне Доната; он дополняет его *Excerptiones de Prisciano minore vel majore*²⁰, получается нечто вроде дайджеста или антологии Доната и Присциана. С другой стороны, в 1393 году книгу Доната находят среди описания вещей ограбленного болонского студента, она соседствует там с «Доктриналом» и трактатами Боэция[§] по диалектике, музыке и квадривиуму, — как если бы сегодня мы обнаружили в сумке студента философского класса среди прочих учебник грамматики французского языка. Значит, грамматика являлась одновременно и наукой, и начальным знанием, она занимала в одинаковой степени и пятнадцати-двадцатилетнего клирика, и десятилетнего послушника. Это была та же грамматика и те же авторы поздней империи²¹.

Другой пример отсутствия разделения на уровни — школьный цикл Иоанна Солсберийского. Он родился примерно в 1137 году. Приехал в Париж в четырнадцать лет. К этому возрасту он получает первое образование: Псалтырь, Донат, начатки свободных искусств. Он прибывает в Париж, чтобы пополнить свои знания у знаменитых учителей. Они, как и в XIII веке, могли специализироваться на той или иной составляющей свободных искусств: один учитель мог преподавать грамматику, другой — риторику, третий — диалектику или логику, еще кто-то квадривиум, но правилом такое разделение не являлось. Чаще один и тот же человек преподавал все искусства, более подробно останавливаясь на любимом предмете. Так, в XVI веке Одон де Турне, у

* Изложение грамматических правил в стихотворной форме облегчало их заучивание, что, видимо, объясняет его большую популярность.

¹⁶ Деспотер Иоанн (1460–1520) — фламандский автор латинской грамматики. — *Ред.*

[†] Донат Элий — известный римский грамматик и ритор, жил в сер. IV в., учитель св. Иеронима.

¹⁷ О восьми частях речи (лат.).

¹⁸ Малый Донат (лат.).

¹⁹ Малое искусство (лат.).

[‡] Эльфрик Грамматик (ок. 955–ок. 1010) — англосаксонский клирик, в 1105 г. — аббат монастыря в Эйншаме, автор педагогических сочинений («Беседа для упражнения мальчиков в латинской речи»), «Глоссария» — латинской грамматики для говорящих на англосаксонском языке.

²⁰ Отрывки из Присциана малого и большого (лат.).

[§] Боэций Аниций Манлий Северин (ок. 480–524) — римский философ и государственный деятель, автор многочисленных книг, самая известная из которых «Утешение философией», канонизирован под именем св. Северина.

²¹ Adamson J. W. A guide to the history of education. Cambridge, 1920; *idem*. A short history of education. Cambridge, 1919; *idem*. English education. Cambridge, 1930.

которого было 200 учеников, преподавал все искусства, несмотря на то, что «*graecisq[ue] tamen in dialectica eminebat*»²². И в XII—XIII веках в Париже и университетских городах у учителей специализация все еще столь же относительна. Итак, по прибытии в Париж наш школяр первым делом обращается не к преподавателю грамматики. Он ходит на уроки диалектики, то есть изучает Бозция и Порфирия и их комментарии к «Органону» Аристотеля*. Он проводит там два года, и когда после длительной отлучки возвращается в Париж, то находит у того же учителя прежних товарищей, занимающихся все теми же диалектическими упражнениями, бесполезными в его глазах, но представляющими достаточный интерес, чтобы долгое время удерживать внимание учащихся. В XIII веке люди часто задерживаются на изучении того или иного предмета из разряда свободных искусств. Тем временем диалектика несколько не отвращает внимания Иоанна от грамматики, он не намерен ее пропускать, хотя и начал учебу в Париже с диалектики. В течение трех лет он возвращается к грамматике еще несколько раз — ему уже почти двадцать. Чем не пример двойственного положения грамматики — одновременно и науки, и элементарного знания. В двадцать лет Иоанн не расстается с жизнью школяра. Он записывается на занятия к учителю, где снова проходит тот же цикл *ob eo cuncta relegi*²³, с добавлением квадривиума, которого он еще не касался, то есть наук (*et inaudita quaedam ad quadrivium pertinentia*). Затем он принимается за риторику, уже им изученную (*relegi quoque rhetoricam*²⁴) и заканчивает учебу логикой, где вновь встречается с «Органомом». После он сам начинает преподавать искусства, зарабатывая этим на жизнь, и вернется к школярству лишь на высшем факультете, изучая теологию. Пока в течение долгих лет Иоанн Солсберийский изучает искусства, он не следует никакому учебному плану и в его занятиях нельзя установить никакой последовательности: диалектика, грамматика, повторение тривиума, квадривиум, риторика, логика. Порядок мог быть и иным. Традиции — что в какой последовательности должно следовать — не существовало. Каждый учитель составлял программу так, как считал нужным, и преподавал в одно время предметы, которые, по общему мнению, стояли на одной ступени по степени трудности и важности²⁵.

Однако «Реформа 1366 года Парижского университета» кардиналов Сен-Марка и Сен-Мартена намечает кое-какие пути дифференциации по уровням — такая тенденция чужда реформе Робера де Куркона 1215 года²⁶. Этот текст дает программу университетских экзаменов. Прежде всего, чтобы сдать *determinatio* — в будущем экзамен на степень бакалавра[†] — требуется: 1) грамматика, *sint in grammatica edocti, et Doctrinale et Graecismum audiverint*²⁷, 2) логика, *veterem artem totam*²⁸, или же

²² Преимущественно, однако, блистал в диалектике (лат.).

* Бозций перевел «Органон» на латинский, использовал и отчасти развил аристотелевский категориальный аппарат. Порфирий (ок. 233—ок.

300) — греческий философ, ученик и биограф Платона, неоплатоник, его «Введение» (в учение о категориях Аристотеля) в переводе Бозция дало толчок средневековым спорам об универсалиях.

²³ С того же, чтобы изучить снова (лат.).

²⁴ Снова изучил также и риторику (лат.).

²⁵ Delhaye Ph. Op. cit.

²⁶ Théry A. Op. cit.

[†] Бакалавр — низшая ученая степень, присваивалась коллегией магистров по результатам диспута, давала право преподавать вне стен университета.

²⁷ Были бы грамматике обучены... Доктринал и греческий знали бы (лат.).

²⁸ Старым всем искусствам (лат.).

«Органон», а также «О душе» Аристотеля. Чтобы далее сдать на *licencia docendi* — физика и научные трактаты Аристотеля, *de generatione et corruptione, de caelo et mundo, parva naturalia*²⁹. Для степени магистра искусств — «Этика» и «Метеорология» того же Аристотеля. В этой схеме угадываются элементы дифференциации: грамматика и логика, занимающие вместе больше всего места в программах классов искусств, квадривиум и философия морали. Однако это деление остается неточным, так как оставляет в одной плоскости грамматику и логику; здесь, скорее, речь идет о классификации, соответствующей более упорядоченному, нежели ранее, школьному процессу, лучшей организации экзаменов, имеющей целью установить для лиценциатов* и получающих степень магистра предметы, которые не требуется сдавать, чтобы получить звание бакалавра. Впрочем, такое распределение предметов между тремя видами экзаменов диктуется не степенью трудности — «Органон» и «О душе» несколько не легче «Физики» или «Этики», — и не последовательностью, в которой их преподают, поскольку время получения степени бакалавра, лиценциата или магистра сближается, и все три экзамена к началу новой истории фактически сливаются, становясь формальными этапами одного и того же испытания³⁰.

Одновременность преподавания

Среди предметов, именуемых «искусствами», не существовало никакой иерархии — по крайней мере, между грамматикой и логикой. Однако даже если система образования не разделена на уровни, она могла бы быть разделена на периоды. Такое разделение стало неизбежным в XII—XIII веках в школах, которые выполняли роль высших школ искусств — как те, что посещал Иоанн Солсберийский. Однако мы знаем, во Франции иерархия школ не получила развития. Причиной тому послужили слишком малое число городских детей, посещавших занятия, а также тенденция к сокращению срока обучения. Университетский цикл Иоанна Солсберийского длился двенадцать лет, туда же следует добавить еще предшествовавшие пять-шесть лет его первой школы. Тем временем начиная с этой эпохи существует и обратная тенденция, о которой свидетельствует трактат все того же Иоанна Солсберийского *Metalogicon*, направленный против тех, кто хотел сократить продолжительность учебы и даже, как утверждает автор, свести ее к трем-четырем годам³¹. Три года вместо десяти или двенадцати. Иоанн Солсберийский выливает на них весь запас своего презрения. Однако именно они в конце концов побеждают, а Корнифузиус, персонаж из трактата, мишень едких насмешек автора, оказывается предтечей модернизированной системы образования, характеризующейся с XV века более ко-

²⁹ О возникновении, о небе и мире, малые о природе (лат.).

* *Лиценциат* — ученая степень, присваивалась канцлером университета после подтверждения коллегией магистров, предоставляла право на преподавание в университете.

³⁰ Ferté H. Des grades universitaires de l'ancienne faculté des Arts.

³¹ Delhaye Ph. Op. cit.

ротким циклом обучения, чем средневековая. Но тогда это оказалось лишь предвидением грядущих перемен, и Средневековье предпочитало долгий цикл обучения, поскольку образование являлось монополией клириков, зачастую уже получавших содержание и не связанных необходимостью поиска заработка. Цикл значительно сократился, когда в латинскую школу пошли миряне. Но и после этого долгий цикл остается образцом, о котором вспоминают с ностальгией. Гуманисты, достаточно, впрочем, враждебные средневековой педагогике, считали идеальным продолжение образования как можно дольше за пределами детства и подросткового возраста, чьих границ и сущностных особенностей они не различали.

Сокращение учебного цикла лишало университетские школы, уже посещаемые начинающими учениками из города, их функции дополнительного образования для учителей, более или менее специалистов в своих областях. Школы были сокращены наверху и перегружены внизу. Не оттого ли университетские школы быстро становятся многопрофильными, какими были всегда не-университетские школы искусств? Один и тот же учитель преподавал все искусства (как сегодня учителя младших классов преподают все предметы), по меньшей мере, грамматику, логику, квадривиум. Некоторые из предметов, не входившие в основной логико-грамматический цикл, долгое время были в Париже темами специальных курсов. Например, этика преподавалась отдельно в конце XV века, когда Стандонку* поручили ею заняться. Впрочем, он жаловался на то, что бакалавры не понимали его. Между 1492 и 1517 годами такой курс окончательно отменили³².

Даже если принимать во внимание предметы, преподававшиеся отдельно, образование остается одновременным, по традиции, изложенной «Реформой Парижского университета» Робера де Куркона (1215), — традиции, полностью соответствующей духу средневековой педагогике. Из этого текста мы узнаем, что искусства делятся на два цикла. Одни проходят в *scolae ordinarie*³³ — грамматику и логику, скажем Присциана и «Органон». Другие *ad cursum*, на этих *cursariae*³⁴ читают «Риторику», *quadrivilia* («Физику» Аристотеля, музыку по Боэцию† и т. д.), но также еще и грамматический трактат Доната *Barbarismum* (тогда как *De octo partibus* входит в обычный цикл). Наконец, что-то похожее на факультативный курс — *ethicam, si placet*³⁵. К первому циклу относились базовые дисциплины, и реформатор 1215 года следит за тем, чтобы его не слишком затягивали. Второй цикл — это дополнительные занятия. Но два этих цикла не последовательны, а одновременны, поскольку обычные занятия проходят в будние дни, а *cursariae* — только в праздники, впрочем, довольно частые. Все происходит так, будто расписанием предусмотрено, чтобы одни и те же ученики могли одновременно изучать оба цик-

* Стандонк Жан (1453—1504) — французский теолог, приор коллежа Монтегю во время обучения Эразма в Париже, предписывал строгую физическую аскезу, что было осуждено Эразмом в «Формулах обыденных разговоров» (1498).

³² Théry A. Op. cit.

³³ Обычное учение (лат.).

³⁴ [Ha] курсах (лат.).

³⁵ Имеется в виду трактат «Наставления к музыке» (ок. 500 г.), очень популярный в средневековой Европе. Помимо него Боэций написал учебники арифметики, геометрии и астрономии (два последних не сохранились).

³⁶ Этика, если поместится (лат.).

ла. Это и объясняет тот факт, что у болонского школяра находят в вещах и Доната, и Боэция. Предметы разделялись по темам, но не располагались друг за другом во времени. Старшие школяры отличались от новичков не изучаемыми темами — они были одинаковы, — а тем, сколько раз они их проходили. Впрочем, редкость рукописных книг и необходимость прибегать к помощи памяти вынуждала снова и снова возвращаться к уже пройденному материалу.

Смешение возрастов и школярские свободы

Отсутствие дифференциации в программах, одновременность преподавания предметов, методика устного повторения — эти черты средневековой педагогики необходимо постоянно иметь в виду, если мы хотим попытаться понять удивительную возрастную структуру этой школы.

В каком возрасте поступали в школу? Мнения историков по этому поводу различны, поскольку, когда речь идет о французских авторах, невозможно понять, говорят ли они о начальной школе или о высшей в том виде, в каком последняя существовала лишь в XII и XIII веках. С английскими авторами, напротив, все ясно, поскольку разделение начальных школ и высших школ искусств пережило XIII век и сохранилось до наших дней. Но даже в самых очевидных, на первый взгляд, случаях присутствует элемент неопределенности.

В XIV веке Чосер выводит образ маленького школяра в «Кентерберийских рассказах»³⁶: «А среди детей был сын вдовы, маленький херувимчик, которому едва исполнилось семь лет и который привычно каждый день ходил в школу». Ранний возраст для того времени. В парижском коллеже Девы Марии в 1339 году самые маленькие были в возрасте восьми-девяти лет³⁶. Также и в Винчестер-колледж поступали между восемью и семнадцатью годами³⁷. Наиболее распространенным кажется возраст, указанный английским историком образования Адамсоном, — от восьми до девяти лет. Мы можем считать, что в среднем маленький служка брался за Псалтырь лет около десяти. Стоит отметить, что сегодня в этом возрасте он поступил бы уже в шестой класс, если бы не пошел в школу раньше обычного, и за спиной у него было бы уже четыре-пять лет начальной школы, а иногда и больше, если он был в дошкольных учреждениях. Средневековый служка на четыре или пять лет отстает от сегодняшнего мальчика, а тогда эти четыре-пять лет относительно средней продолжительности жизни были гораздо более долгими, чем сегодня.

Итак, в школу поступали поздно. Сколько времени продолжалась учеба? Здесь также необходимо иметь в виду различия. Где-то до XII века ученики не должны были быть существенно

³⁶ Chaucer C. The Canterbury Tales. 1383. Чосер Джеффри (1340—1400) — английский поэт, родоначальник английской национальной литературы, автор знаменитых «Кентерберийских рассказов» и других поэтических сочинений, переводов из Овидия и Боэция.

³⁶ Du Boulay. IV, 261.

³⁷ Adamson J. W. A short history of education.

старше тринадцати-четырнадцати лет, возраста половой зрелости. Позже, в XII и XIII веках, с развитием университетов устанавливается традиция долгого цикла: студент переходил из начальной школы в университет в возрасте тринадцати-четырнадцати лет и заканчивал его около двадцати, чуть раньше или чуть позже. Такова будет английская система: до четырнадцати лет — элементарная школа, или, как станут говорить позже, *grammar school*; с четырнадцати до восемнадцати лет — университетский колледж, после чего наступала специализация в теологии или практическая стажировка по праву. Мы говорили уже, что во Франции преподавание искусств в два этапа не пошло дальше XIII века. В парижских университетских школах средний возраст был, скорее всего, несколько завышен за счет большой доли студентов старше четырнадцати лет, которых привлекала слава парижских профессоров. Но те же школы, безусловно, принимали и более юных начинающих, так как не сумели приобрести статус учреждений дополнительного образования, куда поступают лишь получив начальные знания. (В этом их огромное отличие от английских школ.) Студенты в XII и XIII веках там задерживаются, закрепляется традиция долгого, до двадцатилетнего возраста и далее, цикла. Есть много признаков того, что преподавание искусств привлекало преподавателей: знаменитые профессора предпочитали его праву и теологии, поскольку получали за него бóльшую плату, поскольку искусства изучало большее количество людей, и изучало их дольше, причем это были взрослые. Напротив, мы знаем, что в XIV веке регенты преподавали свободные искусства лишь за отсутствием лучших перспектив. Вместо авторитетов, таких как Абеляр или Ансельм*, это случайные преподаватели, обучавшие искусствам параллельно с подготовкой к получению степени высших факультетов — теологии, права или медицины. Так было, пока иезуиты не вернули преподавательскому составу его престиж, весьма, впрочем, относительный — как правило, регентами были студенты высших факультетов, зарабатывавшие таким образом себе на жизнь, так сегодня студенты-гуманитарии и естественники занимаются репетиторством или дают частные уроки. Это снижение уровня учителей, занимающихся преподаванием, повлекло за собой изменение состава аудитории и совпало с переходом к более короткому циклу обучения и сокращению его времени. По мере того как возраст учеников становится все более юным, магистр искусств перестает быть ученым или мыслителем, диалектиком или логиком, знаменитым благодаря оригинальности своего мышления, чтобы стать просто педагогом, педантом, мало уважаемым поденщиком. Эта эволюция завершилась к концу Средних веков за счет распространения более короткого цикла обучения, который завершался около четырнадцати лет.

* Ансельм Кентерберийский (1033–1109) — английский теолог, представитель схоластики, с 1093 г. — архиепископ Кентерберийский; долго жил во Франции и Бургундии, в тамошних школах преподавал тривиум, предпочитал диалектику.

Однако не следует уделять этому рассуждению о возрастах больше внимания, чем оно того заслуживает. Мы, безусловно, вносим в наше исследование современный интерес к соответствию возраста обучению. На самом деле в Средние века он полностью отсутствовал. В текстах крайне редко встречаются точные упоминания о возрасте школяров. Когда, несмотря на сопротивление капитулов, частные школы стали множиться и угрожать монополии кафедральных школ, каноники попытались в целях самозащиты ограничить деятельность конкурентов. Однако эти ограничения никогда не были возрастными, капитулы довольствовались запрещением для частных школ преподавать что-либо, кроме Доната, синонима элементарных знаний. Это отсутствие ссылки на возраст будет продолжаться еще очень долго, мы еще можем его видеть у моралистов XVII века. Контракты о пансионе, разновидности контрактов о принятии в учение, в которых семьи фиксировали условия пансиона их сына-школяра, столь редко упоминают возраст последнего, как если бы он не имел значения. Основной психологической составляющей этой возрастной структуры является безразличие к возрасту тех, кто входит в нее, тогда как эта озабоченность возрастными границами будет преобладать в XIX веке и в наши дни. Но современники не обращали на это внимания и находили вполне естественным, что взрослый, желающий учиться, присоединяется к детской аудитории. Важен был преподаваемый предмет, а не возраст школяров. Взрослый человек мог слушать чтение Доната, в то время как рано начавший учебу мальчик повторял «Органон» — в этом не видели ничего странного.

Если мы примем во внимание это безразличие к возрасту, если мы вспомним то, что было сказано выше об использовавшихся методах преподавания — параллельности и повторении, то мы ничуть не удивимся тому, что в средневековой школе представители всех возрастов находились в одной аудитории вперемешку. Это наблюдение крайне важно для нашего сюжета. Школа тогда не располагала обширными помещениями. Учитель располагался во внутреннем дворе, освобожденном от хлама, либо в церкви или у ее дверей. Однако позже с увеличением числа разрешенных школ он довольствовался порой углом улицы, если у него не было достаточных средств, и св. Фома при случае не скрывает своего презрения к этим жалким людям, которые вещают *coqum rueris in angulis*³⁸. Как правило, преподаватель снимал помещение (*schola*) по цене, обычно регламентированной в университетских городах; в Париже такие школы находились на одной улице, на улице Фуарр: *vicus straminis*³⁹. Разумеется, эти школы не зависели одна от другой. Пол покрывали соломой, и ученики сидели прямо на полу. (Позже, в XIV веке, появились скамьи, хотя поначалу к ним относились с недоверием.) Потом учитель ждал сту-

³⁸ Перед детьми на углах (лат.). *De unitate intellectus contra Averrioistos* (LXIX, p. 252).

³⁹ Соломенный квартал (лат.).

дентов, как торговец ждет постоянных покупателей. Время от времени переманивали соседских. В этом помещении собирались мальчики и мужчины всех возрастов, от десяти до двадцати лет и старше. «В школе же вижу студиозусов, — пишет в XII веке Роберт Солсберийский⁴⁰. — Число их велико (оно могло достигать двух сотен и больше). Вижу людей различного возраста: *pueros, adolescentes, juvenes, senes*»⁴¹, то есть представителей всех возрастов, поскольку не существовало слова для обозначения взрослых и от *juvenes* сразу же переходили к *senes*.

Еще в XV веке регенты из «Доктринала» Пьера Мишо обращаются к старым и малым, составляющим их аудиторию:

Внимайте же, любезные школяры,
Будь вы стары или молоды, зрелы или зелены...⁴²

«Сия же (аллегория Алчности, представленная регентом в школе Порока) имеет школяров во множестве неисчислимом, юных и старых» (из «Доктринала» Александра де Вильдье, наследника Присциана). Могло ли быть иначе, когда отсутствовала дифференциация программ и старшие лишь повторяли большее количество раз то, что молодые выслушивали лишь один, без каких бы то ни было других различий между ними!

Это смешение возрастов продолжалось и за стенами школы. Школа тогда не управляла всеми сторонами жизни ученика. Один учитель, иногда имевший помощника, не обладал в своем единственном помещении организационными возможностями для того, чтобы контролировать повседневную жизнь своих школяров. С концом урока они выходили из сферы его влияния. Но они изначально не признавали никакого другого влияния, кроме учительского, кроме преподавательского престижа. «Старые или молодые», они были предоставлены самим себе. Некоторые, крайне немногочисленные, жили с родителями. Другие же жили на пансионе либо у самого учителя, либо у какого-нибудь священника или каноника на условиях, зафиксированных в контракте, похожем на контракт о принятии в учение. За ними смотрели или, по крайней мере, присматривали. Они принадлежали к дому каноника, которому их доверили, и это являлось своего рода компромиссом между образованием подмастерья, о котором мы будем говорить дальше⁴³, и школьным образованием современного типа. Это была единственная известная форма интерната. Но большая часть студентов жила там, где могла, у горожан, по несколько человек в комнате. И мы должны допустить, что и там старшие перемешивались с младшими, их отношения должны были опираться не на возрастные границы, а на своего рода традиции инициации, тесно привязывающие младших к старшим. Мы вернемся к этому вопросу в разделе, посвященном истории школьной дисциплины⁴⁴.

⁴⁰ *Salisbury R. de. De vanitate mundi. P. L., 176, col. 709.*

⁴¹ Мальчики, отроки, молодые, старые (лат.).

⁴² *Michault R. Doctrinal du temps présent. Éd. Th. Walton, 1931.*

⁴³ См. ниже, часть III, гл. 2.

⁴⁴ См. ниже, часть II, гл. 5.

Это постоянное совместное пребывание людей разных возрастов сегодня кажется нам удивительным, если не скандальным. Современники же были настолько привычны к нему, что не замечали, как это бывает со многими повседневными вещами. Не могли ли они быть восприимчивы к смешению возрастов, когда существовало такое безразличие к возрасту как таковому?

С самого поступления в школу ребенок сразу же оказывался в мире взрослых. Такое смешение, настолько органичное, что на него не обращают внимания, является одной из наиболее характерных и самых стойких черт старинных воззрений на общество, соответствуя чему-то глубоко укорененному в самой жизни. Это восприятие будет меняться. Начиная с позднего Средневековья мы замечаем элементы обратной эволюции, которая приведет к нашему нынешнему дифференцированному восприятию разных возрастов. Но, по крайней мере, до конца Старого порядка остается что-то от этого средневекового духа. Его сопротивление другим тенденциям в изменении сознания доказывает, что речь идет о глубинной установке отношения к жизни, укоренившейся в череде поколений.

Глава II Новое учреждение: коллеж

В текстах папских реформаторов Парижского университета 1215 и 1366 годов, которые мы использовали в предыдущей главе, речь идет только о школе — о помещении, где снявший его учитель собирал своих учеников, дважды в день для обычных уроков, в свободные дни для занятий вне программы, когда он читал или комментировал авторов, предписанных традицией. Вмешательство реформаторов ограничивалось введением обязательного следования программе и заслуживающих доверия экзаменов. Новой реформой 1452 года, после изменений 1215 и 1366 годов, мы обязаны кардиналу д'Эстутвиль*, и это последний текст, где понтифик выступает при посредничестве своего легата¹. Следующая реформа Парижского университета, 1598 года, будет делом рук Генриха IV и его чиновников и определит условия преподавания вплоть до середины XVIII века. Дух реформы 1452 года совершенно иной, чем в эпоху расцвета Средневековья. В этом тексте появляются новые выражения: *collegium*, *pedagogium*, *domus artistorum*². На место учителя приходят новые фигуры: *magister principalis*, *pedagogus*, *regens*³. И речь не идет об эпизодических упоминаниях: согласно этому документу, факультет искусств состоит отныне из *collegia*, *paedagogia*, *domus artistorum*, которые в более старых текстах неизвестны или не упоминаются. Обозначенные таким образом учреждения поглощают целиком преподавание искусств, кардинал издает только им предназначенные распоряжения и обращается непосредственно к *magistri principales*, ставшими ключевыми фигурами новой организации преподавания, которая родилась в между реформами XIII—XIV веков и реформой 1452 года. На смену школе старого типа, кафедральной или школе улицы Фуарр, пришли коллеж или педагогия. Кардинал д'Эстутвиль говорит о них как о настолько привычных учреждениях, что ему не приходит мысль объяснить их возникновение, явно недавнее, или противопоставить их существовавшей ранее

* Гийом д'Эстутвиль — кардинал, папский легат на переговорах о заключении мира между Англией и Францией по окончании Столетней войны, принял участие в реабилитации Жанны д'Арк; в его полномочия входила реформа Парижского университета, который поддерживал партию бургиньонов, английских союзников, реформа началась 1 июня 1452 г.

¹ Цит. по: *Théry A. F. Histoire de l'éducation en France. 1858, t. I.*

² Коллеж, педагогия, дом искусств (лат.).

³ Первый магистр, педагог, регент (лат.).

системе. Однако современники осознавали значение коллежа в жизни университета и при случае на это указывали. В 1445 году Парижский университет в послании королю признает, что отныне он состоит почти исключительно — *quasi tota* — из коллежей; университет допускает, что мог бы без этого исчезнуть во время недавних волнений (то есть во время Столетней войны)⁴.

В XVI веке Этьен Паскье* с полным пониманием описывает это изменение, произошедшее всего за век до того. Сначала он представляет себе, «в каких местах школярам уроки их давались до установления коллежей», и беспорядочность средневекового преподавания вызывает его негодование. В те времена «учеба была при столпотворении», «комнаты же сдавались для школяров, с одной стороны, для непотребных девиц — с другой, и были вместе под одной крышей именная школа и школа распутства»⁵. Паскье изумляется, что «только такой порядок и был в то время и, однако ж, Парижский университет имел столь громкую славу». Это свидетельство демонстрирует, насколько уже не понимали и не принимали тогда средневековую свободу — свободу имеющего степень магистра читать по желанию как угодно и где угодно, свободу ученика жить без контроля вне учебных часов. В ней видели уже лишь анархию и развращенность. Это неприятие вызвало «установление коллежей, кои и создано новое лицо». Согласно Паскье, это нововведение осуществлялось в два этапа. Сначала «новая благочестивая забота явилась у сеньоров и особенно духовных лиц, кои строили дома на земле университета (названные коллежами), назначенные для бедных, которых они поселяли там жить под именем стипендиатов, и их кормили и учили из денег, особо для того предназначенных». Потом у зажиточных семей появилась привычка посылать своих сыновей в эти коллежи для стипендиатов, ценимые за порядок, и тем самым прорезалось «столпотворение» улицы Фуарр. «Дисциплина, наблюдаемая среди бедных школяров-стипендиатов, живших взаперти, столь хорошей почиталась, что многие отцы и матери, детей своих отправлявшие в Париж на учебу, пожелали также поместить их на жительство в коллежи, дабы избежать разврата». Итак, у истоков коллежа мы имеем дело с новым ощущением, не известным в Средние века и постоянно развивающимся вплоть до конца XIX века: неприятие смешения возрастов, вследствие которого отныне школяров стремятся отделить от общества взрослых, подчиняя их особой дисциплине, предполагающейся их статусом, — хорошая репутация бедных стипендиатов основывалась на их жизни «взаперти». Необходимо правильно понимать это слово. Жившие «взаперти» школяры Паскье были достаточно независимы, чтобы вызвать тревогу у современных родителей! Тем не менее они вынуждены были считаться с контролем или, точнее, со стремлением контролировать, не известным их предшествен-

⁴ *Du Boulay*. V, 536.

* Паскье Этьен (1529–1615) — французский юрист, сформулировавший идею народного суверенитета.

⁵ *Étienne Pasquier*. *Recherches sur la France*. 1621, p. 820.

никам в XIII веке. Переход от вольной средневековой школы к регламентированному коллежу XV века высвечивает параллельное движение в мире чувств — он выражает новую установку по отношению к детству и юности.

*
* *

Коллеж происходит от приютов для бедных студентов, возникших с конца XII века в местах общественного призрения. Так, в 1180 году один англичанин, вернувшись из Иерусалима, приобретает большое помещение в Отель-Дье*, чтобы разместить там восемнадцать бедных студентов, живущих за счет субсидии⁶. Это начало коллежа Восемнадцати, который разместился в отдельном здании в 1231 году во время разрушения старого здания Отель-Дье. Впоследствии коллеж Восемнадцати войдет в состав коллежа Людовика Великого.

Из больничного приюта коллеж быстро превращается в учреждение стипендиатов. Прелат или аббат может выделить постоянную субсидию для содержания в университете нескольких бедных школяров из его диоцеза или из его родных мест, оговорив способ управления этим денежным фондом. Эта субсидия является устойчивым финансовым ресурсом; она позволяет, в частности, надолго устроиться в более просторном помещении, чем это требуется, с нашей точки зрения, для столь небольшого количества стипендиатов. Благодаря этому постоянству и наличию недвижимости стипендиальные учреждения поглотят все преподавание свободных искусств, которое будет в них осуществляться вплоть до Революции. Но эти приюты стипендиатов еще очень далеки от коллежей Старого порядка. Мы постепенно приближаемся к ним на протяжении XIII века, когда нищенствующие ордена создают для своих членов специальные учреждения при университетах. По-видимому, орденские коллежи, пишет английский историк Рэшдол, немало сделали для формирования идеи более естественных открытых учреждений, которые начинают появляться в середине XIII века. В области искусств они множатся в начале XIV века. Отныне речь уже не идет о том лишь, чтобы обеспечить бедных студентов ресурсами, необходимыми для жизни в университетском городе, возникает стремление определить им особый образ жизни, который защищал бы от мирских искушений, стремление сформировать особое сообщество, строящееся по примеру орденской практики и подчиненное постоянно действующему уставу. Их обязывают, например, к общим трапезам, иногда к молчанию за столом, к молитвенным и духовным упражнениям. Согласно этим всегда очень точным и подробным уставам, во всяком случае в отношении организации управления, моральных и социальных норм поведения, эти сообщества самостоятельно функционируют под далеким и малоэффективным контролем

* Отель-Дье — «Божий дом» — парижская больница на острове Сите.

⁶ Rashdall H. The Universities of Europa in the middle ages. 1895, tome I, pp. 497—539.

основателя или человека, назначенного им в преемники. Очень демократичное руководство осуществляется одним из старших стипендиатов, избранным своими товарищами, как правило — из числа изучающих теологию. Эти денежные фонды таким образом вытягивают бедных студентов из нищеты и жизни за счет чужей милости, из тесноты больничных приютов и случайных ночлежек, помещая их в организованную группу, обладающую своими средствами, своими правилами и своей иерархией.

Мы без труда узнаем в этих сообществах истоки того типа организации, которая будет характерна позже для школьной среды. Однако им не хватает еще трех черт коллежа нового времени. Во-первых, это пока только пансионы или интернаты, в которых не осуществляется преподавание. Стипендиаты ходили на занятия в традиционные школы на улице Фуарр. Во-вторых, эти сообщества объединяют незначительное число стипендиатов, тогда как коллежи XVI—XVIII веков набирали значительное число школяров — должен произойти переход от нескольких десятков стипендиатов к сотням и даже тысячам учеников. Наконец, система самоуправления этих сообществ очень далека от авторитарной дисциплины, господствующей с XV века. Посмотрим теперь, как преодолевались этапы, отделяющие коллеж стипендиатов XIII—XIV веков от коллежа «полной нагрузки» XVI—XVIII веков, то есть такого, где преподаватели ведут занятия.

*
* *

На протяжении XIV и XV веков процесс преподавания перемещается из традиционных школ улицы Фуарр в коллежи, бывшие первоначально лишь простыми сообществами стипендиатов. Это перемещение началось с самых маленьких и стало возможным благодаря началу дифференциации среди свободных искусств, захватившей в первую очередь грамматику. Грамматика начинает рассматриваться как предмет для начинающих, который нужно закончить прежде изучения философии, и эта позиция, пусть робко, проявляется с конца XIII века. Подобная определенность не сформировалась сразу. Еще долгое время школьный язык, используя стереотипные формулы, будет ставить рядом с грамматикой логику. В преподавательском уставе Нотр-Дам Жерсон предусматривает, что дети должны быть обучены *in grammaticalibus et logicalibus*⁷, несмотря на то, что речь идет, как мы знаем, о грамматической школе нового образца⁸. Впрочем, чаще будут говорить о *parva logicalia*⁹. Так, устав коллежа Сеез предписывает в 1450 году, что стипендиаты должны быть обучены *in grammaticalibus et in summulis et parvis logicalibus*¹⁰. Можно предположить, насколько серьезна была психологическая трудность восприятия последствий отсутствовавшего ранее разделения. Однако это только пережитки — грамматика неумолимо

⁷ Грамматике и логике (лат.).

⁸ Cerson. Opera, IV, 718.
Règlement pour les enfants de l'école de l'Église de Paris.

⁹ Малой логике (лат.).

¹⁰ Грамматике и общей и малой логике (лат.). *Félibien*. Histoire de Paris. t. V, p. 689.

отделяется. Согласно тексту об основании в 1315 году, Наваррский коллеж — самый крупный парижский коллеж до возникновения коллежа Людовика Великого — делится на три потока под руководством трех разных магистров¹¹. Первый состоит из изучающих теологию, второй — из изучающих логику, третий — из изучающих грамматику. Последний возглавляется добропорядочным *grammaticus*, ему помогает *submagister*, которому поручено учить детей *in primitivis scientiae grammaticae*¹². Грамматика рассматривается здесь в качестве базовых знаний, а не как дисциплина, равная другим искусствам. Иными словами, в начале XIV века в Наваррском коллеже существует отдельная школа грамматики. Так и в Англии, в Винчестере (1379), наряду с колледжами права, искусств (то есть логики) и теологии Вильям Уайкхемский основал *grammar school* на 70 стипендий¹³.

В тексте реформы кардинала д'Эстувилья 1452 года специализация грамматиков и их место в новой иерархии программ указаны очень точно. Реформатор запрещает учителям давать ученикам *logicales lectiones*¹⁴, если те еще в недостаточной степени изучили грамматику и просодию* (*in arte metrificandi*) — позже будут говорить «гуманитарные науки». Выделение грамматики ведет к образованию школы для начинающих — латинской грамматической школы. В аллегорической иконографии XV века грамматика изображается первой среди других искусств перед более юными детьми, в руке у нее хлыст или розги.

Вполне вероятно, что поначалу уроки элементарной грамматики давались в частных школах, в стороне от университетов и кафедральных школ, теми самыми учителями, которым каноники и университеты позволяли преподавать Доната. Устав Парижского университета 1276 года запрещает преподавание *in locis privatis*¹⁵, если только речь не идет о *in grammaticalibus et logicalibus* (имеется в виду — *parvis logicalibus*)¹⁶. Эти школы будут развиваться и не останутся на начальном уровне базовых знаний. Они будут включены в систему Парижского университета, превратившись в педагогию или домусы, которые кардинал д'Эстувилья отличает от коллежей или стипендиальных фондов. Такова педагогия Гийома Верле, где *parvi scholares, tanquam in collegio, aluntur*¹⁷. Отсюда мы видим, что эти педагоги были частными грамматическими школами, не субсидируемыми со стороны и состоящими из учителя, его помощников и приходящих учеников. Однако эти учреждения не обладали уставом.

В течение века слово «педагогия» изменит значение и станет в XVI веке названием не школы или заведения для преподавания, а пансиона без преподавательской деятельности, посылающего своих подопечных на занятия в другой коллеж. Это произошло, поскольку педагогия XIV века, объединившись с существую-

¹¹ *Du Boulay*. IV, p. 261.
Lainoi, I, pp. 8, 9, 11, 17, 25.
¹² Основам науки грамматики (лат.).

¹³ *Adamson J. W.* Op. cit.

¹⁴ Уроки логики (лат.).

* Просодия — в широком смысле учение о стихотворном метре.

¹⁵ В частных местах (лат.).

¹⁶ *Du Boulay*. III, p. 430.

¹⁷ Маленькие школяры, как и в коллеже, взращивались (лат.). *Rashdall*. Op. cit.

ющим за счет фонда коллежем, опять ввела там «полную нагрузку» и растворилась в коллеже.

Введение преподавания грамматики в коллежах осуществлялось по-разному. Как правило, учителя частных педагогий были старшими стипендиатами коллежей и проживали в коллежах. Грамматическая школа оказывалась в этом случае своего рода дополнением к коллежу, не предусмотренным уставом. В коллеже кардинала Лемуана, основанном в 1315 году, один стипендиат снимал часть помещений, где он держал свою школу¹⁸. Следовательно, происходило наложение коллежа без преподавания и педагогики, где велись занятия, которая располагалась в том же коллеже. Принципал педагогики стал столь значительной фигурой в жизни коллежа, что претендовал на должность главного магистра, не останавливаясь перед открытием судебного процесса, чтобы добиться своего признания в этом качестве. Лишь в 1647 году судебное решение окончательно закрепило за главным магистром коллежа «пожизненно» «главенство и руководство педагогией коллежа». Это один пример слияния частной педагогики с коллежем, созданным на основе фонда, который стал, таким образом, образовательным учреждением полного цикла.

Другой близкий пример дает коллеж д'Аркур¹⁹. Различные документы XVII века указывают на наличие курса грамматики в XIV веке. Согласно бухгалтерскому отчету за 1434—1450 годы, одно из зданий коллежа было отведено для школы «грамматистов». Старшие стипендиаты коллежа держали в нем грамматическую школу.

Случалось, что свободная педагогия, то есть лишенная уставных средств, превращалась в коллеж за счет субсидирования или учреждения стипендии — так возник Сент-Барб. Около 1450 года регент грамматики Наваррского коллежа г-н Ленорман основывает вместе со своим братом педагогию в купленном им здании (еще один пример стипендиата коллежа, содержащего частную школу, поскольку учителя, принципалы, экономы и пр. являлись стипендиатами в той же мере, что и ученики)²⁰. Однако Наваррский коллеж был обеспокоен конкуренцией, и возглавляющие сообщество теологи стали чинить препятствия. Они хотели принудить братьев Ленорман ночевать в коллеже, согласно уставу, чтобы лишить их возможности присматривать за учениками, — это доказывает, между прочим, что педагогики были также и пансионатами. Однако братьям Ленорман удалось сохранить свою независимость. Педагогия будет влачить жалкое существование, как и сегодняшние независимые школы, вплоть до 1576 года, когда субсидия в 50 стипендий от короля Португалии обеспечит ей ту же стабильность, что и какому-нибудь созданному фондом коллежу.

¹⁸ Jourdain C. Le Collège du cardinal Lemoine // Mémoires de la Société de l'histoire de Paris. 1876, t. III, p. 42—81.

¹⁹ Vouquet H. L. Le Collège d'Harcourt-Saint-Louis. 1891.

²⁰ Quicherat. Histoire de Sainte-Barbe. 1860.

* Себастьян I, король с 1557 по 1578 гг.

Далеко не всегда «полная нагрузка» вводилась в коллежи педагогиями. Некоторые фонды XIV века включают это положение в свой устав²¹. Так, в уставе Наваррского коллежа уточняется, что *grammaticus* и *submagister* будут учить *juniores in primitivis scientiae grammaticae*²². Точно так же в коллеже Дорман-Бове, основанном в 1370 году для стипендиатов из края Дорман (двадцать школяров в 1370 году, двадцать четыре в 1373-м) магистр и его помощник должны «преподать детям, по меньшей мере, основы грамматики»²³.

Итак, преподавание было введено в сообществах стипендиатов-грамматистов, то есть *parvi scholares*. Совмещение преподавания и проживания вызвано градацией программ, которая, в свою очередь, связана с возрастной дифференциацией. Младший школьник первым выделяется из разнородной массы школяров средневекового университета.

*
* *

Преподавание философии и естественных наук переселилось в коллежи значительно позднее преподавания грамматики. Еще в 1456 году мы встречаем регентов логики, преподающих своим ученикам на улице Фуарр: *regens habens proprios scolares quos continue ducat ad vicum straminis et quibus legat libros logicales*²⁴. По всей вероятности, был целый период в конце XIV — начале XV века, когда преподавание логики происходило в земляческих школах (*écoles des Nations*) на улице Фуарр, тогда как грамматике учили уже только в коллежах и педагогиях. Подобная ситуация, как мы знаем, надолго утвердилась в Англии, где первый цикл проходили в грамматических школах, а второй — в университетских колледжах. Во Франции же, напротив, логики присоединились к малолетним грамматикам в коллежах, где постепенно занятия дополняются повторением уроков логики, пройденных в традиционных школах, имевших пока исключительное право на квадривиум, а вскоре лишь на преподавание морали.

В коллеже кардинала Лемуана мы видим элементы преподавания логики²⁵. В уставе 1320 года, где не упоминается о грамматистах — учениках частной педагогики при коллеже, предусматривается, что два стипендиата, имеющих степень магистра искусств, будут давать уроки логики, а два стипендиата, не имеющих магистерской степени, — уроки, выходящие за пределы программы. Разница в положении между учителями представляет несомненный интерес. Имеющий высшую степень преподает логику, что указывает на более общий характер его предмета; тот же, кто читает физику и мораль, не обязательно должен быть магистром — потому, несомненно, что он преподавал ученикам, уже учившимся у «остепененных» преподавателей с улицы Фуарр. Можно уже заметить предпосылки для полного курса искусств.

²¹ *Du Boulay*. IV, p. 88.

²² Юных основам науки грамматики (лат.).

²³ *Chapotin*. Le Collège de Dormans-Beauvais. 1870.

²⁴ Регенты имеют собственных школяров, которых продолжают учить и которым читают свободные логические [искусства] (лат.). *Du Boulay*. V, p. 616.

²⁵ *Jourdain* C. Op. cit.

В Наваррском коллеже логики были объединены в отдельную группу, курируемую *magister in artibus*²⁶: в этот период *in logico* и *in artibus* становятся синонимами. Однако устав уточняет, что никакой логик не может учиться в школах улицы Фуарр, прежде чем сдаст «детерминацию». Должно быть, в самом коллеже давали уроки логики вплоть до экзамена, а уроки физики и морали оставались в ведении улицы Фуарр, где занимались бакалавры и кандидаты на степень магистра. Другой пример, более поздний, — коллеж Сеез, маленький фонд на шесть стипендиатов, основанный в 1427 году²⁷. Он предназначался для мальчиков старше пятнадцати лет, окончивших грамматическую школу: *nullus recipiatur nisi sufficienter fuerit in grammaticalibus eruditus, et in summulis et parvis logicalibus*²⁸. Речь здесь идет о пережитках системы, когда малолетние грамматисты и великовозрастные логики обучались отдельно. Для столь малого числа стипендиатов не могли быть организованы занятия на месте. Посещали ли они занятия на улице Фуарр? Не совсем. Сначала они будут ходить каждый день в ближайший коллеж: *adeat paedagogium satis prope*²⁹ (в этом тексте педагогия является синонимом коллежа, и учредитель употребляет оба слова в одном значении). Однако такой коллеж, более или менее заполненный учениками, не вытесняет школы улицы Фуарр. Существует лишь условие: чтобы стипендиаты могли ходить в школы улицы Фуарр, они должны иметь необходимое для этого образование: *adeo quod ad vicum straminis eumdem ad audiendum libros sufficienter sit doctus*³⁰. Но если они идут *ad vicum*³¹, то не поодиночке и свободно, а с товарищами, *cum sociis pedagogii*³², и под присмотром принципала, в соответствии с обычаями коллежа: *juxta morem bursariorum dicti collegii*³³. Они будут параллельно посещать обычные уроки, моральные наставления в праздничные дни и диспуты. Несомненно, репетиционные занятия и диспуты происходили и в стенах коллежа.

Приведенные нами здесь примеры помогают понять, каким образом логика перебралась в коллеж. Вначале были только репетиционные занятия, не заменяющие посещения курсов, куда ученики ходили в сопровождении регентов; потом уроки логики начинают давать непосредственно в самом коллеже. Для участия в некоторых диспутах и для того, чтобы прослушать курс морали, исчезнувший, в свою очередь, в начале XVI века, надо было ходить на улицу Фуарр.

Переход прошел очень легко, так как старшие стипендиаты коллежей тоже читали свои лекции на улице Фуарр. В 1452 году кардинал д'Эстувиль предписывает регентам коллежей ходить на улицу Фуарр давать уроки в определенные дни и часы, как того требует обычай. В тексте 1456 года говорится о регентах, которые одновременно и учат школяров на улице Фуарр, и читают им книги по логике³⁴. После наступил момент, когда, несмотря на

²⁶ Магистр искусств. *Du Boulay*. IV, p. 88.

²⁷ *Félibien*. V, p. 689...

²⁸ Никто не может быть принят, если недостаточно будет в грамматике знать, и в общей, и малой логике (лат.).

²⁹ Будут ходить в расположенную рядом педагогию (лат.).

³⁰ Которые будут ходить в тот соломенный квартал слушать [лекции], должны быть достаточно образованны (лат.).

³¹ В город (лат.).

³² С товарищами из педагогии (лат.).

³³ Согласно обычаям стипендиатов, именуемых коллежскими (лат.).

³⁴ *Du Boulay*. V, p. 616.

сопротивление традиционалистов, регенты решили, что проще будет преподавать все курсы, не выводя учеников из коллежа и избегая таким образом лишнего повода для беспорядков и шума.

Этьен Паскье резюмировал историю установления в парижских коллежах программы полной нагрузки, начиная с грамматики и кончая появлением философии. Он вспоминает, что при возникновении коллежей стипендиаты учились в традиционной школе: «Их основное место встречи было в высших школах улицы Фуарр». Затем он говорит, что если преподавание и переходит в коллежи, на улице Фуарр сохраняется еще какая-то деятельность: «Ни тогда (правление Карла V), ни долгое время после запятия на улице Фуарр не прекращались, особенно по философии, для подготовки к степени магистра искусств». Он признает, что переход начался с самых младших классов и предметов, которые теперь называются гуманитарными: «Когда гуманитарные уроки постепенно переместились в коллежи, наступила очередь и философии, чем во время реформы нашего университета был недоволен кардинал д'Эстувиль... и от того, что было в старые времена, не осталось почти ничего, разве только право раздавать магистерские шапочки»³⁵.

Грамматисты, то есть самые молодые школяры от восьми до пятнадцати лет, недолго были отделены во Франции от студентов философии пятнадцати лет и старше. Последних очень скоро отправили в коллеж к грамматистам. С точки зрения возрастов ситуация XII—XIII веков, кажется, воспроизводит, по крайней мере в рамках самого короткого учебного цикла, учебный цикл Корнифуциуса Иоанна Солсберийского. Впрочем, если она и повторяется, то в перевернутом виде. Я хочу этим сказать, что в XII—XIII веках дети десяти лет и подростки четырнадцати лет учились вперемешку со взрослыми, тогда как начиная с XIV века и особенно в XV веке ученики разного возраста пусть и остаются перемешанными между собой, несмотря на попытку разделения, провалившуюся во Франции, но вместе они все отделены от взрослых стеной коллежа.

Подобное разделение возрастов не выходит за пределы коллежа. В обществе того же периода четырнадцати-пятнадцатилетний мальчик считался уже сформировавшимся мужчиной и разделял все заботы старших, не вызывая удивления. Так продолжалось довольно долго. Коллеж оказывается несколько обособленным от остального общества и слегка опережает его. Через учебные заведения проявляется новая, более современная установка, носители которой вряд ли вполне это понимали; она на долгое время останется без поддержки, но под ее влиянием в обществе зародится новая система чувств.

Это ограниченное коллежем разделение возрастов включает в одну группу десятилетних детей и пятнадцатилетних подрост-

ков. Кардинал д'Эстутвиль объединяет всех, изучающих искусства, в *regimen puegum*³⁶, как будто для того, чтобы лучше отделить школяров от взрослых, нужно было подчеркнуть детскость их характера, даже если речь идет о самых старших. Здесь мы столкнулись с самым началом тенденции, ставшей общей у всех воспитателей, — она будет одной из основных черт их профессиональной психологии. Она распространится, но не ранее XIX века и на родителей. Конечно, в XIX веке, когда эта тенденция восторжествует, она будет отвечать тайному желанию отодвинуть окончание периода полового созревания. Такая забота о сексуальной морали совершенно чужда реформаторам XV–XVI веков. Однако желание уподобить учащихся малым детям не обязательно порождается сексуальными табу или пуританскими требованиями. Оно проявилось гораздо раньше — так можно истолковать проявление потребности разделить возрастные категории в обществе, где они были смешаны.

*
* *

Преподавание перебирается в заведения, которые были организованы изначально как пансионаты, их доходы складывались из отчислений специальных фондов или платы за пансион, что обеспечивало им стабильность. С другой стороны, режим пансионата более соответствовал жизни в общине, с дисциплиной по примеру монашеских орденов. Коллежи и педагогии обязаны своим успехом именно своему происхождению — от пансионатов. Однако, и мы вернемся подробнее к этому вопросу, если интернат как система мог быть применен к небольшой группе клириков, он не отвечал социальным условиям эпохи. Историки образования придают ему чересчур большое значение, будучи введенны в заблуждение тем, что письменные документы, дошедшие до нас, — уставы коллежей — описывают в основном структуру типа интерната и что единственные жизнеспособные заведения восходят своими корнями к интернатам — коллежи стипендиатов. В действительности же интернат послужил лишь финансовой и организационной базой для учебных заведений. Число пансионеров до смешного мало, особенно стипендиатов, в отношении которых можно называть точные цифры. В Наваррском коллеже в 1304 году предусматривается всего 20 стипендий грамматических, 30 — по искусствам, 20 — теологических. В Дорман-Бовэ в 1373 году — 24 грамматических. В коллеже д'Аркур в 1311 году — 28 по искусствам и 12 теологических. В Винчестере в 1375 году — 70 грамматических. В других коллежах насчитывалось всего по десять стипендий, а то и меньше. Принципалы и регенты имели своих частных пансионеров, однако не могли содержать больше, чем позволяли возможности проживания, —

³⁶ Детская группа (лат.).

максимум двадцать человек. Эти цифры теряются в общей массе парижских студентов.

Можно ли допустить, что экстерны остались верны учителям с улицы Фуарр? Ни в коем случае. Они тоже отправились по коллежам и педагогиям с полной нагрузкой, значительно превосходя численностью интернов-стипендиатов и пансионеров принципала. Коллежи, будучи изначально пансионатами, превратились в огромные экстернаты, где регенты преподавали многочисленной школярской публике, жившей где придется и по отношению к которой интерны составляли незначительное привилегированное меньшинство.

Читая устав коллежа Дорман-Бовэ³⁷, можно составить представление о соотношении положения интернов и экстернов. Фонд предоставлял 25 стипендий, к которым постепенно добавились и другие. Часто случалось, что стипендии, предназначенные бедным учащимся, выкупались состоятельными школярами, которые устраивались там, не посещая учебных занятий. Однако уставом предусматривалось существование и других пансионеров, не стипендиатов: «Если же какие-нибудь честные и хорошие школяры, не имеющие отношения к коллежу, желают жить там за свой счет вместе со стипендиатами, в подчинении учителей (отметим — речь не идет об образовании)... по обычаю, установившемуся в некоторых коллежах Парижа, мы позволим их принять при условии, что их появление не навредит стипендиатам — не лишит их комнаты, не стеснит их обычный режим и не нарушит общего порядка в жилище». Дорман-Бовэ — это коллеж грамматистов. Тем не менее такие пансионеры могли изучать право и теологию. От них требуют лишь, чтобы они были школярами, причем это не распространяется на священнослужителей: «Сторонние школяры должны изучать теологию, право, логику или грамматику или же они должны быть священнослужителями, и в этом случае они должны время от времени служить мессу в часовне». Устав фиксирует общую сумму их пансиона и уточняет, как они должны себя вести в коллеже (в частности, они обязаны есть за общим столом). Следовательно, здесь не обязательно идет речь о мальчиках, желающих ходить на уроки грамматики, пользуясь материальными и моральными преимуществами сообщества стипендиатов. Такие случаи даже редкость, пансионеры в основном были из уже давно учившихся студентов или из сторонних стипендиатов, живших в коллеже подобно тому, как наши современные студенты живут в студенческих городках. Оттуда они ходили, например, в Сорбонну, то есть на факультет теологии. Они никогда не были многочисленны — в 1496 году их насчитывалось восемнадцать человек, из которых один — бенедиктинский монах.

Итак, коллеж стал учреждением, где преподают, и в то же время он еще долго остается сообществом, подчиненным опреде-

³⁷ Chapotin. Op. cit.

ленным правилам — именно так к нему относятся в начале XVI века в *familia pauperum studentium*³⁸ Стандонка в Монтегю³⁹. Необходимо было определенное время, чтобы эта изначальная псевдомонастырская черта наконец полностью исчезла.

Однако другая статья того же устава Дорман-Бовэ разрешает обучение в коллеже и для экстернов. Речь не идет о том, чтобы основатель фонда имел своей целью создать систему образования, доступную всем, как это попробуют сделать иезуиты в конце XVI века. Просто он таким образом позволяет учителям младших стипендиатов, тоже стипендиатам, но старшим, давать в коллеже уроки для пришлых школяров и платить за право преподавания: «Мы также с радостью позволяем учителям и их помощникам, нынешним и будущим (и занимающимся преподаванием в коллеже) заниматься обучением детей, желающих учиться, и допустить их на уроки для наших стипендиатов, при условии, что эти дети не останутся в коллеже на ночь и не повредят чистоте заведения». Таким образом, этим экстернам было запрещено жить в коллеже. Далекое от мысли создать пансионат грамматистов, учителя старались скорее свести число пансионеров к числу стипендиатов, удалить экстернов из жизни коллежа, не позволяя им там проживать. Такая странная позиция, безусловно, объясняется причинами дисциплинарного характера — она отвечает желанию сохранить замкнутый и организованный характер сообщества. На самом же деле на этот запрет мало кто обращал внимание. Некоторое число учеников жило у регента, а сами регенты тоже жили в коллеже. Таким образом, совместное проживание учителей, пансионеров и стипендиатов было неизбежным. Такое же смешение царит и в Наваррском коллеже, где некоторые экстерны питались в коллеже — это были полупансионеры. В 1459 году в результате многочисленных инцидентов, сопровождавших жизнь этих молодежных сообществ, королевская комиссия решила, что намерения основателей больше не выполняются и что нормальная жизнь сообщества нарушена. Члены комиссии рассуждают по поводу этого учебного заведения подобно религиозным реформаторам — это последствия двойственной природы коллежа. Члены комиссии решили удалить из коллежа учеников регентов, запрещая им селиться рядом со стипендиатами. Это означает, что раньше они жили вместе. Также и число полупансионеров было ограничено теми, кто уже жил в коллеже и в доме по соседству, который был, видимо, арендован кем-то из учителей для своих пансионеров. Такое желание отделить стипендиатов от других учеников, которое можно обнаружить еще в уставе бедных студентов Стандонка в Монтегю, по большей части отступило во Франции перед огромным наплывом экстернов. Они исчислялись уже не десятками, а сотнями и впоследствии тысячами. Поначалу лишь допускаемые к учебе как слушатели реген-

³⁸ Семье бедных студентов (лат.).

³⁹ *Félibien*. V, p. 721.

тов — старших стипендиатов, они вскоре *составили основную массу школяров*, они заполнили коллежи, с XV века являющиеся крупными экстернатами. Именно экстернат вместе с полным циклом преподавания придает коллежу, бывшему фонду стипендиатов, вид современного учебного заведения.

Отныне коллеж собирает всех школяров, изучающих искусства. Там, где коллежа не было, в неуниверситетских городах, кафедральные школы средневекового типа начинают меняться по его примеру, городские магистраты копируют его систему, основывая в XV—XVI веках стипендиальные фонды. В этот период образование перестает быть привилегией грамотных клириков, многие семьи взяли обычай посылать своих детей на несколько лет в школу. С развитием экстерната коллеж потерял многие черты монашеского духа, присущие ему изначально и вытесненные впоследствии более авторитарной дисциплиной.

*
* *

Эта толпа экстернов могла слушать уроки регентов и оставаться в стороне от жизни коллежа и от существовавшего там образа жизни. Экстерны имели в стенах коллежа ту же свободу, какой пользовались их предшественники в стенах школ. До конца XVI века раздаются жалобы на этих «стрижей», «топтунов», которые, как говорит Паскье, «слушают лишь те уроки и тех регентов, что им нравятся». Бюшанан так описывает их шумное появление в классе, «пока преподаватель надрывает горло»: «Вот появляется банда гуляк из города; их слышно по цокоту подбитых железом башмаков. Они входят и слушают с видом ничуть не более понимающим, чем у Марса, слушающего Аполлона. Они недовольны тем, что не видели расписания уроков, повешенного на улице (еще в XIII—XIV веках это была реакция старого студента; иное дело в XV—XVI веках, когда такие старые студенты почти в том же возрасте становятся мальыми школьниками), разгневанные тем, что «Доктринал» Александра (Александра де Вильдьё) не удостоен урока, возмущенные, что учитель читает не по большой книге, полной заметок на полях (эти старшие школяры, прозываемые «башмаками», дорожат традициями и не принимают новых методов регентов-гуманистов). Они разворачиваются и с шумом отправляются в Монтегию или в какое-либо из тех заведений, откуда разит запахом лука»⁴⁰. Эти кочующие от коллежа к коллежу школяры полностью исчезнут лишь в начале XVII века. Тем не менее, если в XV и XVI веках они и существовали во множестве, общественное мнение их уже не воспринимает. Университетские власти стараются либо их исключить, либо подчинить дисциплине, — или контролируя их квартирного хозяина, или запрещая им в течение года менять преподавателей. Безусловно, подобные запреты не новы и то, что они снова и снова

⁴⁰ Buchanan. Œuvres complètes, t. II, 2e p., p. 31, cit. no: Quicherat. Op. cit.

появляются в уставах, скорее доказывает их неэффективность. Для того чтобы им начали подчиняться, необходимо было, чтобы они совпали с распространенными нравами, чтобы общественное мнение перестало терпимо относиться к независимости школяров. Тогда появился обычай обязывать учеников, то есть экстернов, не только посещать занятия, но и участвовать во всех сторонах жизни коллежа.

Мы видели, что стипендиаты из Сеез ходили в ближайший колледж⁴¹. Они могли туда ходить лишь на уроки и репетиционные занятия. Устав же требовал от них присутствия на всех мероприятиях коллежа в течение целого дня — *omni die*. И этот обычай установился повсюду, потому что своим высоким престижем в глазах семей и воспитателей колледж был обязан прежде всего уставу, который им управлял. Так, Жерсон, один из первых учителей современного типа, в момент реорганизации грамматической школы при Нотр-Дам уточняет: «Прежде всего мы хотим, чтобы у детей были правила *sicut habent communiter in domibus paedagogum*»⁴², то есть не только в колледже, но и в грамматической школе. Подчинение общему правилу стало основным принципом воспитания. Отныне предписания, сформулированные к началу XIV века основателями коммун стипендиатов, не отвечают жестким требованиям педагогов XV века, подобных Жерсону. Самые старые уставы, множество раз воспроизводившиеся и скопированные, определяли организацию управления, число и продолжительность стипендий (в колледже Лемуана восемь — для студентов искусств, десять — для теологов), назначение руководящего совета (в Наваррском колледже это были три преподавателя — грамматики, теологии и логики, избранные электоральной коллегией, состоящей из делегатов школяров: три грамматиста, шесть от искусств и шесть теологов; в Сеезе прокурор выбирался на три года всем сообществом), организацию службы в часовне, внутренней службы, в частности интендантской службы, которая не была доверена какому-то постоянному человеку, но которую выполнял каждый член сообщества по очереди в течение недели (его называли *graepositus*) и передавал ключи и отчеты сменявшему его товарищу. В этих уставах видна попытка регламентировать образ жизни и ввести систему запретов и наказаний. Запрещалось пить в кабаках и посещать непотребные места, играть в шумные игры, петь, начинать потасовки, приводить женщин, «разве что, — уточняет устав д'Аркура, — они будут так хорошо сопровождаться, дабы наставник и стипендиаты были уверены, что не возникнет ни одного дурного подозрения».

В Сеезе даже прямо запрещено плотски познавать женщину, которая могла бы проникнуть в колледж под предлогом разноса воды или дров. Запрещено выходить без уважительной при-

⁴¹ *Félibien*. V, p. 689.

⁴² Какие имеют сообщества в заведениях педагогов (лат.).

чины: nisi causa lectionis, sermonis⁴³ (молитва, как и урок, была средством образования, особенно для теологов). Запрещено портить кухонную утварь и вещи, принадлежащие общине, в частности манускрипты из библиотеки. В д'Аркуре «никто не смеет испражняться у стен дома, но в местах, для того предназначенных». В Нарбонне запрещается кидать солому или овес в туалетные отверстия. Рекомендуется «всем тем, кто принадлежит к коллежу», одеваться прилично, в особенности выходя к столу, не следует появляться босым, в лохмотьях, короткой или нескромной одежде. Следовало — и это был основной принцип морали — жить в дружбе и согласии, amicaliter, и, следовательно, уважать правила общинного быта, в первую очередь не опаздывать к обеду (правда, опоздавшему оставляли его часть), не приводить слишком часто посторонних гостей, особенно запрещалось приводить женщин, даже приличного поведения. В Нарбонне: «Запрещается иметь отдельные столы, все должны есть за одним столом». Приказано избегать издевательств над товарищами и относиться к старшим с уважением. Все эти положения не касались собственно школьной стороны жизни стипендиата, разве что иногда встречалось упоминание о том, что надо говорить за столом полатыни — если не предусматривалось полного молчания. Ни одно из этих предписаний не касалось учебы — впрочем, они вдохновлялись орденскими уставами, предназначенными для взрослых. Таким образом, по природе своей устав не разделял учеников на взрослых и детей. Если в XIII—XIV веках он представлял довольно значительный прогресс в области ограничения непомерных свобод школяров, сближая в известной мере их положение с положением монахов, то в XV веке эти положения выглядели слишком уравнительными, недостаточно иерархичными. И устав был переделан в сторону более авторитарных норм — установилась власть школьного начальства. Вначале lectores воспринимались как товарищи, которых, несомненно, устав обязывал уважать, однако для них устраивали пирушки или хотя бы угощали бокалом вина — дружеским бокалом, rotum amicabilem, — так это называлось в официальной хартии коллежа д'Аркур. Теперь же между преподавателями и учениками дистанция начала увеличиваться. Бывший старший товарищ станет регентом, действительно управляющим своим школьным народом с помощью плетей и розог. Да и сам коллеж будет теперь в подчинении не только у эконома, выбранного среди равных — primus inter pares. Им будет неограниченно править принципал, имеющий полную власть. Новый начальник сам назначает регентов, находящихся под его контролем. Регенты, в свою очередь, следят за учениками и при надобности наказывают их.

Новые правила, как, скажем, в familia pauperum studentium в Монтегю в 1501 году, не останавливаются на определении общих

⁴³ Без причины занятия, молитвы (лат.).

норм поведения⁴⁴. Они расписывают в мельчайших деталях ежедневный распорядок и фиксируют расписание уроков и служб. У Стандонка идут еще дальше. Там предписывается, как нужно проводить каждый день, с подъема до отхода ко сну, с максимумом точности, какая была возможна в то время. Все эти уточнения и детали, в наших глазах достаточно расплывчатые, для своей эпохи являются нововведениями почти революционными. Впервые ведется учет времени, впервые у учеников появляется круг обязанностей и сводится к минимуму собственная инициатива. Подъем назначен в четвертом часу. Затем идет урок вплоть до шестичасовой службы — в тексте говорится, что все происходит по удару колокола — *pulsu*. Стандонк описывает порядок сбора студентов: с ударом колокола школяры спускаются *ad publica loca*, в учебный зал. Входит регент. Помощники отмечают отсутствующих и выявляют нарушителей. Все предусмотрено со строгостью, не известной прежним уставам, которые, впрочем, никогда не касались организации учебы и труда. После службы в восемь часов — большой утренний урок, продолжающийся до десяти (согласно традиции, существовало два больших урока — утренний и полуденный). В одиннадцать все собираются в столовой на завтрак. Примерно в три часа — большой полуденный урок. Он заканчивается в шестом часу.

Похожее расписание существует в тот же период и в коллеже Сент-Барб. В коллежах Старого порядка подобные правила с небольшими изменениями будут действовать до самой Революции.

Так осуществляется переход от норм, указывающих лишь основные принципы морали и образа жизни, к строгим правилам на каждый день, от коллегиального типа управления к единоличному, от сообщества учеников и учителей к жесткому правлению последних.

Увеличение дистанции между учениками и учителями и прогресс авторитарного духа наталкивались на сопротивление старых традиций, зафиксированных в старых уставах. Однако сама по себе эволюция школьных нравов соответствовала продвижению общества к политическим формам абсолютизма, появляющимся в XV веке при Людовике XI, в эпоху Коммина и Макиавелли*. Эта эволюция завершится, когда профессора будут рекрутироваться из религиозной конгрегации и тем самым естественным образом отдалятся от своих учеников, когда руководство коллежа будет совмещено с руководством преподавательского религиозного сообщества, а *fortiori*⁴⁵ если преподавательская конгрегация особо озабочена насаждением духа повинования и придает традиционным принципам дисциплины новый характер почти военной эффективности. Это произойдет в конце XVI века с появлением коллежей иезуитов. В их *ratio studiorum*⁴⁶, уложениях для

⁴⁴ *Félibien*, V, p. 721.

* Людовик XI (1423–1483) — французский король с 1461 г. из династии Валуа, жестоко подавлял мятежи феодалов, в ходе Бургундских войн (1474–1477) присоединил Бургундию, Пикардию, Прованс, Анжу. Покровительствовал ремеслам, торговле, был в союзе с городами.

Коммин Филипп де (1447–1511) — французский историк и политический деятель, служил при дворе бургундского герцога Карла Смелого, потом перешел на службу к Людовику XI.

Макиавелли Никколо (1469–1527) — итальянский писатель и гуманист, служил флорентийской республике, автор исторических сочинений и знаменитого трактата «Государь».

⁴⁵ Тем более (лат.).

⁴⁶ Организация обучения (лат.).

коллежей, ясно просматривается логическое завершение эволюции нравов в сторону авторитарного руководства и отделения юношей, впрочем, достаточно относительного, если сравнивать его с нормами XIX — начала XX веков, однако весьма значительного по отношению к XI—XIII векам. Последние годы XVI века являются этапными — иезуитские коллежи достигают успеха по тем же причинам, что и коллежи стипендиатов начала XIV века: нормы иезуитов оказались наиболее строгими и эффективными. Как первые коллежи поглотили традиционное школьное образование, так и коллежи иезуитов стали переманивать контингент из буржуазной и даже народной среды, а их успех, которым они обязаны точности дисциплинарных уложений, подрывал популярность университетских коллежей, где уважение к старым уставам, пусть даже и улучшенным, оставляло достаточно места для слишком большой свободы, к которой теперь относились, как к потворству. И чтобы противостоять мощной конкуренции иезуитов, Парижский университет начинает реформироваться в первых годах XVII века⁴⁷. Реформа задалась целью дать старым университетским коллегам ту же систему жестких упорядоченных установлений, которая пользовалась такой популярностью у семей благодаря иезуитам и которая отсутствовала в виде, отвечающем новым нравам, — в университете. Потому *Leges et instituta in usum academiae et Universitatis parisiensis*⁴⁸ копирует предписания, принятые в коллегиях иезуитов, а те, в свою очередь, представляют собой завершающую стадию эволюции, одним из этапов которой является устав Стандонка в Монтегю или устав Братьев общей жизни из Льежа*. С новым уставом парижские коллежи приобрели то, на что они долгое время не обращали внимания: учебный регламент, «дисциплинарный регламент» — это новое и очень показательное выражение появляется в XVII веке, мы можем его найти в документах Бургундского коллежа, датированных 1680 годом. Предыдущая редакция датирована 1624 годом. В тексте 1624 года некоторые параграфы еще полны духом партикуляризма старых уставов XIV века, например там говорится, что принципал не имеет права назначать привратника — для этого ему нужно получить согласие первого каноника, «его соуправляющего», или даже всего сообщества стипендиатов (в коллеже тогда были только высшие классы — логики и физики)⁴⁹. Не просто было изжить традиции, унаследованные от XIII века, и потребовалось какое-то время, прежде чем реформа 1598 года проникла в коллежи старой формации, где укоренилось немало злоупотреблений, как, например, привычка перекупать стипендии — так покупалось право пансиона. Примерно столько же времени потребовалось духу Тридентского собора, дабы проникнуть в монастырские сообщества, произведя почти революционное вмешательство во внутренние дела последних. Тем не менее необходимо рассмат-

⁴⁷ Jourdain C. Histoire de l'Université de Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles. 1862—1866. Annexes, p. 3.

* Законы и установления, используемые парижскими академиями и университетом (лат.).

* Братия общей жизни — возникшее в XIV в. объединение последователей *devotio moderna*, предреформационного духовного течения в Нидерландах, превознесшего внутреннее религиозное чувство перед церковной обрядностью; в него входили как клирики, так и миряне, формальных обетов не приносились и выход из общины не возбранялся, единое руководство отсутствовало; практиковались совместные жизнь и труд, общность имущества.

⁴⁸ Félibien. V, p. 812.

ривать текст 1624 года как реформу отдельного коллежа, как процедуру введения туда духа *leges et statuta* 1598 года Парижского университета и способ преодоления сопротивления. Его целью было навести порядок и устранить злоупотребления. Безусловно, реформа удалась, поскольку за ней последовали, но только лишь в 1680 году, составители «дисциплинарного регламента», давшего пансионерам строгий распорядок, впрочем, мало отличавшийся от распорядка в Монтегю или в коллеже кардинала Лемуана, или того, что применялся в конце XVI века в коллежах иезуитов. Надо отметить, что по поводу расписания уроков дисциплинарный регламент ограничивается ссылкой на порядок, принятый в 1598 году в коллежах Парижского университета — доказательство того, что порядок внедрен уже повсеместно: «В класс следует входить в часы, предусмотренные в университете». И действительно, реформа 1598 года предписывала коллегам, какого бы они ни были происхождения и какого бы устава они ни придерживались, определенные правила поведения и определенное расписание. Реформа не отменяла прежних уставов, оставшихся в силе, невзирая на их устарелость, поскольку они были недостаточно подробны, а именно в мелочи начинали вмешиваться университетские власти, как и *ratio studiorum* иезуитов. Реформа дополнила уставы, добавив дисциплинарный регламент. Текст 1598 года кратко, не вдаваясь в подробности, перечисляет традиционные предписания: запрещается ругаться, драться, шуметь, обязательная еда за общим столом. Затем он тут же переходит к вопросам собственно дисциплинарного плана: режим наказаний, закрепление школяра за одним учителем, чтобы лишить ученика возможности избежать наказания. Особое внимание уделяется организации учебного процесса: переходные экзамены, время перемен, контроль за учениками во время и вне занятий, контроль за посещаемостью, роль принципала и расписание уроков — шесть часов занятий каждый день, три утром и три вечером. Кроме того, ежедневно в десять утра и в пять вечера занятия по стихосложению и обсуждения. Каждую субботу — подведение итогов и еженедельная проверка оценок принципалом.

Отныне, будь то в коллежах иезуитов или в реформированных коллежах Парижского университета, на целых два века устанавливается новая система — ее копируют в других учебных заведениях, например в коллежах ораторианцев. Это и есть коллеж Старого порядка, более далекий от первых коллежей стипендиатов XIV века, чем от наших сегодняшних лицеев и коллежей, предшественником которых он является, несмотря на существенные различия, в частности отсутствие интерната. Окончательным установлением дисциплины заканчивается эволюция, которая превращает средневековую школу, простой зал для занятий, в

современный коллеж, сложную структуру не только преподавания, но и дисциплинарного контроля и воспитания молодежи.

*
* *

Эта эволюция учебных заведений напрямую связана с параллельной эволюцией отношения к возрастам и детству. Вначале общественное мнение принимало смешение возрастов. Потом наступил момент, когда оно выделяет хотя бы самых маленьких. Это касается прежде всего младших грамматических классов — они первыми были выделены в отдельную группу. Но процесс не останавливается на них. Наступает очередь более взрослых — логиков и физиков, всех изучающих искусства, хотя возраст некоторых из них позволил бы им вне стен школы заниматься взрослыми делами. Надо сказать, что если такое разделение и началось с самых молодых, то вовсе не потому, что они были детьми, а скорее потому, что они были школьниками и даже сначала школярами-клириками, почти все они носили тонзуру. Вот почему их не выделили в отдельную чисто детскую возрастную категорию, о которой, впрочем, не имели ясного понятия. Их всего-навсего хотели оградить от соблазнов светской жизни, которую вели многие клирики, и сохранить нетронутой их нравственность. Моделью послужили монашеские фонды XIII века, созданные доминиканцами и францисканцами, где поддерживались монашеские принципы, однако вне монастырских келий. Школяры не были связаны каким-либо обетом. Однако они были подчинены на время своей учебы определенному образу жизни, принятому в новых сообществах. Благодаря этому образу жизни молодые школяры были ограждены от остальной части общества, в котором сохранялось смешение возрастов, полов и сословий. Такова была ситуация на протяжении всего XIV века.

Позже цель такой полусветской-полумонашеской организации жизни изменилась. Первоначально она состояла в том, чтобы обеспечить молодому клирику условия для непорочной жизни. Затем это становится обязательным для любого хорошего воспитания, даже светского. В начале XIV века понятие «воспитание» не находит никакого отражения в концепциях того времени. Но уже в 1452 году кардинал д'Эстувиль говорит о *regimen puegum*⁵⁰ и о моральной ответственности учителей, на попечении которых находятся молодые души. Речь идет и об образовании, и о воспитании, вот почему необходимо подчинить детей строжайшей дисциплине: традиционной дисциплине коллежей, но видоизмененной, в некотором смысле более авторитарной и иерархической. И тогда коллеж становится инструментом воспитания детей и юношества.

В то же время, в XV и особенно в XVI веках, коллеж открывает свои двери для более широких слоев населения. Когда-

⁵⁰ О детях (как отдельной группе) (лат.).

то контингент набирался из меньшинства — грамотных клириков, затем возрастает число мирян, дворян и буржуа, есть также и доля детей из простых семей, как мы это увидим в дальнейшем. И коллеж становится основным учебным заведением общества. Это коллеж с преподавательским составом, отделенным от учеников, коллеж со строгой дисциплиной, многочисленными классами, через который пройдут все поколения образованных людей того времени. Понятие «коллеж» объединяет, если не в реальности, несколько отличающейся от представлений о нем, то, по крайней мере, в представлениях родителей, преподавателей, магистратов, священников, — возрастную группу от восьми-девяти лет до пятнадцати и старше, живущую по законам, отличным от законов взрослых людей.

Глава III Происхождение школьных классов

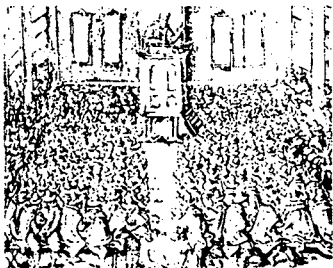
- ¹ Распределить мальчиков на классы (лат.).
² Étienne Pasquier. Recherches sur la France. 1621.
^{*} См.: Марру А. История античного воспитания в Античности (Греция). М., 1998.

Понятие школьного класса является одним из основных при характеристике ребенка или молодого человека для современника, по крайней мере связанного со средним образованием, государственным или частным. Почти не говорят «мой сын учится в лицее», это слишком абстрактно, но говорят «пошел в пятый». Дети и сами обозначают свое место в повседневном мире, называя свой класс. Трудно найти определение более естественное, оно стало привычным настолько, что вместе с коллежем и средним образованием кажется пришедшим из самого древнего прошлого. Однако структура эта, без которой, на первый взгляд, невозможна жизнедеятельность учебного заведения, появилась не ранее XVI или последних лет XV века. Окончательно она утвердилась лишь в начале XVII века.

Безусловно, в прошлом существовали элементы разделения на школьные классы. Само слово, появившееся, по крайней мере во Франции, в сфере влияния иезуитов, было заимствовано гуманистами у Квинтилиана — *pueros in classes distribuere*¹, и авторы, его употребляющие, такие, как Этьен Паскье, знают, откуда оно взялось. В своей истории школы он упоминает о возникновении классов: «Это слово применительно к школярам использовал Квинтилиан в первой книге своего трактата о преподавании»².

В любом случае, в античной школе к делению на классы относились как к простой воспитательной мере, которой можно пренебречь. А. И. Марру, посвятивший истории античного образования толстый том^{*}, смог обойтись без упоминания о классах — достаточное доказательство того, что им не придавали значения в школьной структуре. Впрочем, и то малое, что существовало в эпоху Квинтилиана, исчезло в Средние века, когда принцип одновременности и повторения порождал постоянное перемешивание и закрывал

Криспен де По.
Класс.
Иллюстрация из «*Academia sine vita scholastica*»
(Арнхайм, 1602)

двери всякой попытке разделить людей по возрастным категориям или по способностям.

Сегодня класс, базовый элемент школьной системы, является строго определенной и привычной структурой, каждый класс соответствует определенному этапу постепенного приобретения знаний, определенной программе, определенному возрасту, от которого стараются не отклоняться, определенным физическими пространственным границам (поскольку каждая группа, сформированная по возрастному принципу и на основе программы, занимает свое помещение, и одно и то же слово «класс» обозначает и содержание, и содержащее), определенному времени — году, в конце которого класс меняет состав.

Тесная связь между возрастом учеников и органично привязанной к ним программой придает каждому возрасту, каждому году свои черты, возраст можно обозначить классом, и каждый класс обучения, благодаря своей программе, учителю и помещению, имеет свой облик. Отсюда вытекает дифференциация весьма близких друг другу возрастов. Возраст, как и класс, меняется с каждым годом, — но это новое явление! Раньше один и тот же возраст продолжался гораздо дольше и продолжительность жизни, как и детства, не делилась на столь тонкое ломтики. Школьный класс, таким образом, стал решающим фактором внутренней дифференциации детского и юношеского периода человеческой жизни. Там, где ее не существует, где она сведена к проведению примерной границы без какого-либо структурного основания, как часто случается в наше время на уровне начального образования и соответственно в простом народе, возрастные границы остаются по-прежнему размытыми.

Отсюда значение школьного класса для нашего исследования. Нам необходимо задаться вопросом: каким образом был осуществлен переход от средневековой неопределенности к четкости современной концепции, каким образом и когда школьный класс принимает современный облик класса возрастного?

*
* *

Реформа Парижского университета 1452 года, столь важная для изучения коллегий и педагогий, не упоминает еще о классах: не упоминается ни само слово, ни явление. Это умолчание не означает, однако, что их не существовало, но педагоги столь сведущие, как кардинал д'Эстувиль, прекрасно осведомленный о новой организации школы, например о коллежах, не считали нужным упоминать о педагогической кухне, а тем более навязывать какую-то практику или кодифицировать ее.

Напротив, менее века спустя слово «класс» употребляется в современном значении — и не с 1539 года, как говорят историки, следуя Тюрю*, а с 1519 года в письме Эразма к Юстасу Иона-

* Тюрю Жан-Франсуа (1768—1832) — французский философ и эллинист, преподавал философию и греческий язык в Коллеж де Франс.

су, в котором гуманист описывает школу св. Павла в Лондоне: в каждом классе (*quaeque classis*) по 17 учеников; первый в своем классе (*qui in sua classe*) занимает самый высокий стул³. Понятие появилось раньше самого слова, и к нему уже привыкли к тому моменту, когда термин утвердился в жизни. В конце XVI века в *Ratio studiorum* иезуитов и в *Leges et Statuta* Парижского университета учебный цикл приобретает некоторую периодичность. Эволюция происходила, следовательно, в течение XV и в начале XVI веков в коллежах полной нагрузки.

Как и преподавание полного цикла, класс зародился в грамматических школах. Вот почему порядковый номер классов начинается с риторики, или с первого класса во Франции, седьмого в Англии, в то время как классы философии, логики и физики остались без порядкового номера.

*
* *

В начале XV века *grammaticus* и его помощник, если таковой был, вместе занимались повторением с дюжиной учеников всех возрастов, никого не выделяя. В течение XV века появился новый принцип разделения учащихся. Разношерстное собрание школяров по-прежнему остается в общем зале под общим присмотром учителей, но отныне оно разделено на группы в зависимости от уровня знаний и среди учителей появляется привычка заниматься с каждой группой в отдельности. Этот способ обучения является последствием перехода — впрочем, неполного — от одновременного средневекового преподавания к новому прогрессивному методу, который впоследствии и утвердится.

Принцип такого разделения, будучи еще в зачаточном состоянии, диктуется последовательностью глав Доната или «Доктринала» Александра де Вильдье, на которых основывается обучение грамматике. Итальянский документ 1444 года показывает, как работает школа того времени⁴. Контракт между коммуной Тревизо и преподавателем — хозяином школы — фиксирует плату за обучение, и можно заметить, что сумма меняется в зависимости от уровня образования того или иного ученика. Документом предусматриваются следующие категории. Первая — от алфавита до начальных глав Доната, это элементарные знания, за них надо платить полдуката. Вторая категория — от первых глав Доната или грамматики до начала «Артиклей», это четыре первые главы «Доктринала»: склонения, степени сравнения, род, указательные и притяжательные местоимения... Все это стоит один дукат. Третья категория, приносящая учителю полтора дуката, завершает грамматику. Четвертая категория, стоимостью в два дуката, посвящена второму уровню латыни или упражнениям стиля и риторики. Этот текст упоминает о разделении на категории потому только, что он устанавливает плату за преподавание. Молчание

³ *Érasme. Lettres à Justin Jonas. n° 435 de l'édition de Leyde, tome III, 1706.*

⁴ *Serena A. Cultura umanistica a Treviso. 1912, p. 330—333.*

кардинала д'Эстувияля по поводу классов также объясняется тем, что в общем дисциплинарном уложении не могла идти речь о зарплатах учителей.

В подобном способе разбиения на категории, уже, должно быть, ставшем привычным, и надо видеть истоки разделения на классы. Существует некая связь между четырьмя категориями Тревизо и известными нам школьными программами, хотя бы программой Меланхтона в Базеле^{5*} или Бадюеля в Ниме⁶ в первой четверти XVI века или же в конце того же века — программой парижского Нарбоннского коллежа, когда в нем появляется полный цикл обучения в 1599 году⁷.

Первая категория Тревизо соответствует самому первому из четырех классов Меланхтона или шестому в Ниме. В 1599 году в Нарбоннском коллеже начинающие уже знали основы, по крайней мере с них это требовали.

Вторая категория Тревизо соответствует пятому классу в Ниме, шестому в Нарбоннском коллеже — за полвека начальное образование было отодвинуто на год.

Третья категория в Тревизо соответствует двум промежуточным классам Меланхтона, четвертому и третьему в Ниме и одновременно пятому, четвертому и третьему в Нарбоннском коллеже.

Наконец, последняя, высшая категория Тревизо соответствует высшему классу Меланхтона, второму и первому в Ниме и первому Нарбоннского коллежа, где, как ни странно, отсутствует второй класс.

В то же время существует разница между разделением на уровни в Тревизо и классами, которые из этого получаются. Разделение на практике остается эмпирическим и зависит от учителя, несмотря на некоторые уже установившиеся традиции. Очень долго эта неопределенность будет оставаться в силе — программы и порядок классов будут во всех коллежах разными. В Гиенском и Наваррском коллежах будет отдано предпочтение начальным классам, в Нарбоннском не существует второго класса. В последние годы XVI века студент из Монпелье, будучи проездом в Турноне, напишет о тамошнем коллеже: «В нем примерно восемь классов». Примерно!⁸ Лишь постепенно, эмпирическим путем класс окончательно становится элементом строго регламентированного цикла обучения, общего для всех типов образования в рамках западной цивилизации. Прежде всего нужно было время, чтобы он получил название. В 1466 году Мишо описывает в своем «Доктринале настоящего времени» школу, — быть может, слишком аллегорично, но опираясь на подлинные наблюдения. Еще нет французского названия для того, чтобы обозначить «место (*parquet*) маленьких лавочек, где устраиваются школяры» вокруг кафедры каждого регента⁹, — но это «место» обозначает

⁵ Bourchemin P. D. Les Académies protestantes. 1882.

* Меланхтон Филипп (1497—1560) — немецкий филолог и гуманист, друг и сподвижник Лютера, теоретик лютеранства, с 1518 г. — профессор греческого языка в Виттенбергском университете, способствовал распространению в Германии классического образования, за что был прозван «Учитель Германии», автор многих педагогических сочинений и учебников.

⁶ Caufrès J. Claude Baduel. 1880.

⁷ Félibien. V, p. 799.

⁸ Thomas Platter [le Jeune] à Montpellier, visite de collège de Tournon, op. cit., p. 490.

⁹ Michault P. Le Doctrinal du temps présent. Éd. Th. Walton, 1931. См. также изображение школьного зала с двумя кафедрами, одна напротив другой, вокруг которых ученики распределены на две группы (Statutenbuch des Collegium Sapientiae. P. Morgan Library).

класс: «на этом месте склоняют по падежам», «регент этого второго места». Однако в 1477 году можно найти латинское выражение — слово *lectio* в некотором смысле могло относиться к школьному разделению на уровни: *in praeo clericorum ubi lectio contra lectionem insurgere solebat*¹⁰. Кажется, здесь речь идет не о коллеже, противопоставляемом другому коллежу, и не о школе, противопоставляемой другой школе.

В 1501 году слово *lectio* вошло в употребление в Париже. В уставе нового коллежа в Монтегю оно обозначает уже некую органическую единицу¹¹. В нем говорится, что на каждой *lectio*, один из самых послушных будет следить за *caeteros suae*¹² *lectionis*, старший над ними избирается *suprema artium lectione*, что указывает на то, что логика, физика и искусства разбиты на *lectiones*. Особо подчеркивается, что на каждой *lectio* есть свой *excitator*¹³. Колледж в Монтегю делит учебный процесс на *lectiones*, однако в положениях, фиксирующих расписание достаточно подробно, не уточняется их число. Авторы положений уже говорят о разделении на *lectiones*, они ссылаются на них как на что-то общеизвестное и давно знакомое.

Вскоре на смену слову *lectio* во Франции пришло современное слово «класс». Его мы уже встречали у Эразма в его переписке 1519 года. Слово «класс» было введено гуманистами, которые любили заимствовать у древних, в данном случае у Квинтилиана, слова, неизвестные средневековой латыни. Гуманисты времен Реформации, такие как Бадюель и Штурм*, создатели образцовых коллежей, тоже будут употреблять это слово, и их тексты 1538 и 1539 годов, собственно, являются первыми письменными свидетельствами употребления слова «класс» в современном значении школьного класса. Иезуиты и Парижский университет, в свою очередь, тоже примут его на вооружение. Так *lectio* XV века стало классом в конце XVI века.

Отныне, получив свое название, класс признается теоретиками педагогики основным элементом школьной структуры. Бадюель — один из таких теоретиков. Его биограф анализирует объявление, которое тот выпустил в 1538 году, где говорилось о создании в Ниме «коллежа, школы и университета с факультетами грамматики и искусств»¹⁴. Он прямо указывает, что разделение на классы необходимо для хорошей школьной организации; раньше «там было все перемешано и перепутано». Отныне же, напротив, «школа будет разделена на классы в зависимости от возраста и уровня учеников». Это уже не просто некое эмпирическое обобщение, но нечто фундаментальное и обоснованное. В то же самое время Штурм переносит в Страсбург, как Бадюель в Ним, эту систему, уже используемую в коллежах Парижа, в домах Братьев общей жизни в Леже, оттуда же ведет происхождение коллеж Стандонка в Монтегю.

¹⁰ На церковном лугу там имелся обыкновение восвать *lectio* против *lectio* (лат.).

Thurot. Organisation de l'Université de Paris. 1850.

¹¹ *Félibien. V, p. 721.*

¹² Другими своими (лат.).

¹³ Контролер (лат.).

* Штурм Иоганн (1507—1589) — немецкий гуманист, преподавал классические языки в Париже, ректор знаменитой на всю Европу гимназии в Страсбурге, его школа основывалась на идеях Меланхтона и стала образцом для многих школ XVI—XVII вв.

¹⁴ *Caufrès. Op. cit.*

Однако Бадюель не предполагал, что эта система должна выходить за рамки грамматики. После риторики ученик «посещает публичные уроки и приобщается к высоким наукам и искусствам», согласно гуманистической концепции учебы, которая предназначена не только для молодых, — учиться можно продолжать всю свою жизнь и вне школы. Таким образом все, что выходит за рамки грамматики, «менее регламентировано и не делится на разные классы». Такое же разделение между обучением в классах и свободным обучением мы обнаруживаем в программах Штурма в Страсбурге: шесть классов соответствуют четырем грамматическим, гуманитарному курсу и риторике (Бадюель теоретически все себе представляет точно так же, но на деле ученики сразу попадают в четвертый класс)¹⁵. Затем, пишет Штурм, «второй класс предназначается для публичных уроков (курсы и лекции по моде гуманистов), а первый — для теологии». Следует отметить: Штурм не считает классы после риторики, как это уже делается в Париже и будет делаться до наших дней.

Как Бадюель и гуманисты, Штурм противопоставляет собственно школьную учебу в классах для молодых — примерно до пятнадцати лет — и высшее образование в форме публичных лекций, которые можно прослушать и в зрелом возрасте. Если бы ситуация не изменилась, то, возможно, единственной формой классного образования, как в Англии, осталась бы именно эта, где все заканчивалось седьмым уровнем, то есть риторикой. Отец де Дэнвиль не без основания утверждает, что распространение системы классов на логику, физику и даже иногда на теологию — дело рук французских иезуитов, желавших вдохнуть жизнь в схоластику, обновленную их испанскими братьями, и таким образом спасти ее от критики гуманистов.

Таким образом, во второй половине XVI века наш современный цикл — от шестого к первому, завершаемый философией, — окончательно утвердился. Эволюция продолжалась примерно 150 лет.

*
* *

В Италии школа очень долгое время сохраняет форму, описанную в контракте Тревизо в середине XV века. Еще в XVI веке Рапиний в своих советах о том, как лучше устроить коллеж в Венеции, довольствуется тем, что указывает отдельные места для детей, подростков и взрослых¹⁶. Если в других местах класс из простого деления одной и той же аудитории становится отдельной органической единицей, он обязан этим конкретному преподавателю, прикрепленному к нему.

Изначально, как мы это уже видели на примере Наваррского коллежа, в грамматических школах были по одному или два учителя. Если их было двое, то один из них на латыни именовал-

¹⁵ *Caufrès. Histoire du plan d'études protestant // V. Histoire du protestantisme, XXXV, p. 481.*

¹⁶ *Recueil de Bechins, p. 690.*

ся *grammaticus*, а другой *submagister*, по-английски *high master* и *usher*, во французском же существует лишь понятие «регент», поскольку такая коллегиальная система двух преподавателей долго не просуществовала. Часто в задачу *submagister* входила работа с самыми маленькими и самыми невежественными, тогда как *grammaticus* занимался на более высоком уровне. Тем не менее эта специализация не зашла далеко и не охватила полностью функции каждого. В XV веке в кафедральной школе Парижа Жерсон, несмотря на то, что признает за обоими учителями разные специальности, грамматику и пение, возлагает на них совместную миссию: *ambo taliter ordinent horas diurnas et nocturnas*¹⁷.

Школа Джона Колета в соборе св. Павла, кафедральном соборе Лондона, — неплохой пример того, каким образом учитель и его помощник пришли к решению разделить учеников на классы. Эта школа упоминается во многих текстах, в частности в письме Эразма Юстасу Ионасу, процитированном нами выше. У этой школы была еще одна особенность — в ней бесплатно учились 153 ученика. Если верить Эразму, они все были распределены между тремя классами. Первый — новички, их еще нельзя вполне считать учениками, и ими занимался капеллан. Известны и другие случаи, когда элементарные знания дает причетник, так происходит в Грее в 1583 году¹⁸. Над вторым классом начальствует *usher*, Эразм его называет *hypodidascalus*. Слово это он позаимствовал у Цицерона, из его писем. Третий класс находится в распоряжении *master'a*, Эразм его называет *superior*. Так два преподавателя, с XIV века стоявшие у истоков грамматической школы, получают по классу. Капеллану тоже досталась преподавательская роль — он уже издавна служил при школе, и таким образом, не пришлось создавать должность третьего регента.

Действительно, в Англии долго не решались увеличить количество преподавателей в школе. Еще в 1560 году в Итоне их число не превышало двух, каждый из которых отвечал не за два отдельных класса, а за две группы из нескольких классов. *Lower school*¹⁹, под началом *usher'a*, состояла из трех первых классов. *Upper school*²⁰, под началом *master'a*, объединяла пятый, шестой и седьмой классы — пережиток первого периода истории школьного цикла с его делением на два, который сменяет система со множественным количеством классов XVI века. Четвертый — последний грамматический класс — соответствует нашему третьему, уроки в нем в одном зале проводил то *master*, то *usher*. В каждом классе учитель выбирал помощника из числа учеников.

Во Франции специализация регентов и увеличение их числа начались гораздо раньше, по крайней мере в крупных школах. На такое заключение наталкивает «Доктрина настоящего времени» П. Мишо, датированный 1466 годом²¹. Известно, что *Doctrinale*

¹⁷ Оба также отправляют [службу] в дневные и ночные часы (лат.). *Cerson. Doctrina pro pueris ecclesiae parisiensis. Opera*, 1706, tome IV, p. 717—719; *Adamson J. W.* Op. cit.

¹⁸ *Codard Ch. L'Ancien collège de Gray (1557—1792)*. 1887.

¹⁹ Низшая школа (англ.).

²⁰ Высшая школа (англ.).

²¹ *Michault P.* Op. cit.

риегогит играл роль средневекового учебника грамматики. Начиная с XIII века моралисты придали классическую форму «Доктринала» разного рода аллегорическим руководствам, «бrevиариям»^{*} куртуазности, «мудрой жизни» или просто дидактическим трактатам, таким как, например, «Доктринал природы», «Доктринал простых людей», мессы, «Доктринал дворянского звания». Donatus moralisatus Жерсона и т. д.

Мишо описывает две воображаемые школы — школу Порока, или Лжи, и школу Добродетели, где преподают «Доктринал жизни». Школа Порока имеет двенадцать регентов — столько же, сколько глав в «Доктринале» Александра Вильдье по числу месяцев в году. Каждый регент олицетворяет какой-либо порок — хвастовство, тщеславие, жадность... Следует допустить наличие какого-то сходства с реальностью, без которого ни одна аллегория не будет понята.

В этой школе «было тринадцать магистров, то есть это был главный ректор и двенадцать его подчиненных». Совершенно очевидно, что дюжина здесь фигурирует лишь для того, чтобы позволить развить двенадцать морализаторских рассуждений. Впрочем, школа Добродетели насчитывает самое обычное число учителей — четыре. Здесь особо надо отметить иерархию ректор — регенты, уже отмечавшуюся в документе того времени, на который мы неоднократно ссылались, а именно в тексте реформы кардинала д'Эстутвиля. Речь шла о коллеже или педагогии с авторитарной иерархией.

Текст 1539 года, программа обучения Страсбургской гимназии Штурма, рассказывает, как в Сен-Жероме в Льеже пришлось назначить ректора над двумя прежде независимыми преподавателями²². Прежде «каждый регент привлекал учеников и преподавал не то, что было необходимо, а то, что ему нравилось, следуя не разумности, а скорее вкусам учеников». Эти регенты «читали авторов, недоступных по возрасту их ученикам, даже тогда, когда эти уроки могли навредить нравственности учеников и правильности суждений». Естественно, следовало ограничить слишком большую свободу этих регентов: «Чтобы положить конец всем этим несообразностям, была введена должность ректора, который мог бы контролировать уроки, упражнения и все занятия». Однако в школе Порока уже в 1466 году имелся ректор.

В этой школе у каждого регента был свой класс, или lectio. «На входе стоял привратник по имени Высокомерие, он едва удостоивал своих учеников взглядом... У подножия каждой колонны имелось по ряду скамей, где сидели школяры. А наверху была прикреплена грифельная доска, на которой было написано, какой предмет изучается».

^{*} *Бrevиарий* — молитвенник, предназначенный прежде всего для клира.

²² *Caufrès. Op. cit.*

В более скромных школах один и тот же регент собирал несколько классов, как, например, в XVI веке в Итоне. Еще в XVII веке, когда существование классов уже стало привычно, в школе небольшого городка Белли три регента делили между собой шесть традиционных классов, каждый по два — одному риторика и гуманитарный, другому четвертый и третий, последнему пятый и шестой²³. Самое удивительное, все трое не зависели от высшего авторитета и представляли вместе со своими классами как бы три школы, следующие одна за другой, имевших три разных источника содержания — наставническую пребенду*, городской магистрат, провинциальные штаты†.

Однако во Франции в конце XVI века установился принцип закрепления за одним классом определенного регента, иногда ценой отсутствия в недостаточно крупных коллежах всех классов. Принцип был настолько признан всеми в конце XVI века, что власти были вынуждены положить конец практике, которая начала тогда входить в моду, — уже не один регент на несколько классов, а два регента на каждый класс, то есть один ведет все утренние уроки, другой вечерние²⁴. Уже в 1539 году Штурм в своей программе уточняет, что первые шесть классов в коллеже Страсбурга, соответствующие циклу от шестого до риторического, должны обеспечиваться одним учителем. Напротив, для публичных занятий по философии и теологии допускалась возможность прибегать к нескольким специалистам.

*
* *

Класс получил своего преподавателя. Не хватает еще одной маленькой детали, которая бы приблизила его к классу наших современных учебных заведений, — специального помещения.

Очень долго регенты размещались со своими учениками в одном и том же зале, который назывался *schola*. У каждой школы было единственное помещение — учебный зал, и одним и тем же словом обозначалось и учреждение, и зал, как потом будет со словом «класс». Так происходило со школой Порока по Мишо: «Школа была просторной, в ней было двенадцать колонн. У подножия каждой ученики окружали своего учителя». Школа добродетели была круглая, такой позже будет школа Колета при соборе св. Павла. «Там было четыре большие кафедры, стоявшие как бы по углам четырехугольника, вписанного в круг».

В Лондоне школа св. Павла предстает нам по описанию Эразма так: единственный круглый зал со ступенчатым полом, где сидят ученики. Эразм объясняет такое расположение по кругу стремлением избежать того, чтобы по углам не поставили бы кровати и обеденные столы — обычная практика тех лет. Зал делился на четыре сектора, то есть на три класса и часовню с алтарем, с помощью занавесок, которые можно было открывать и закрывать:

²³ *Rochet. Collège séminaire de Belley (1697—1897)*. Lyon, 1898.

* *Пребенда* — доход с церковного имущества, предоставляемый за исполнение обязанностей, связанных с занимаемой должностью.

† *Провинциальные штаты* — местные сословно-представительные органы, утверждавшие налоги, к сер. XVII в. еще существовали в Бретани, Лангедоке, Провансе, Бургундии и некоторых более мелких провинциях, активно защищали фискальные привилегии своих провинций, являлись символом самостоятельности провинций.

²⁴ *Jourdain C. Histoire de l'Université de Paris...* Annexes, p. 3.

признак первой попытки по-настоящему отделить классы друг от друга, правда без полной изоляции. Заметим мимоходом, что обычай устраивать алтарь в классном помещении существовал еще долго — его можно наблюдать и в XVIII веке, например в коллеже Мориака, описанном Мармонтелем*. В Итоне в 1517 году — все еще единственный учебный зал на всю школу. Примерно в ту же эпоху швейцарец Томас Платтер вел в Германии бродячую жизнь нищенствующего школяра и задержался на некоторое время в грамматической школе в Бреслау — на каждый приход была одна такая. Он спал в зале с самыми младшими из своих товарищей, именно этого хотел избежать Колет в школе св. Павла. Платтер дает следующее описание школы св. Елизаветы: «Девять бакалавров давали свои уроки одновременно в одной и той же комнате». Девять бакалавров — мы недалеко от двенадцати регентов школы Порока, можно себе представить, какой там был шум²⁵.

В Англии школа долгое время будет выглядеть именно так. В 1612 году Джон Брисли в своем *Ludus Literarius* (что-то вроде пособия для школьного учителя) оставляет за учителем право наказания²⁶. Usher не может наказывать сам, разве что он преподает в месте, отдельном от учителя, что бывало редко²⁷. Макс Леклерк еще в 1894 году видел в Англии школы с одним учебным залом, где возвышалась кафедра учителя и по углам четыре помоста для ассистентов — почти таких же, как в школе Добродетели Мишо образца 1466 года.

В Париже и Льеже, напротив, школу стараются устроить так, чтобы каждому классу досталось отдельное помещение. Вполне вероятно, что с 1501 года каждый из *lectiones* в Монтегию имел свое собственное помещение. Устав 1501 года напоминает, что после еды в общем зале каждый должен вернуться в свою «школу» (*scholae*), и даже слово это употребляет во множественном числе — речь об учебных залах.

Заметки Штурма 1538 года о проекте организации гимназии в Страсбурге говорят о разделении помещений учебных классов, и его забавные замечания свидетельствуют о том, что вопрос этот, по крайней мере, ставится, и сам он, невзирая на свои теоретические убеждения, отвечает на него в том ключе, который возобладает в будущем²⁸.

«Было бы лучше, — признает он, — собирать классы в одном месте, нежели их рассеивать на несколько мест. Было бы немислимо к каждой из десяти овец приставить пастуха и отвести отдельное пастбище, когда одного поля достаточно. Так же будет, если мы доверим наших детей множеству учителей, в то время как одного хватает. Собранные вместе ученики будут больше расположены к приобретению знаний, а приводимые примеры будут иметь больший отзвук. *Исключая случаи, когда слы-*

* Мармонтель Жан Франсуа (1723—1799) — французский писатель, сын сельского портного, с 1763 г. — член Французской академии, принимал участие в Энциклопедии, автор «Нравоучительных рассказов» (1761), пьес в духе Вольтера, романов, либретто комических опер, с 1771 г. — историограф короля, в годы Великой французской революции защищал королевскую власть.

²⁵ Thomas Platter [l'Ancien]. Op. cit.

²⁶ Brinsley J. Ludus Literarius. Éd. de 1917.

²⁷ Leclerc M. L'Éducation des classes moyennes et dirigeantes en Angleterre. 1894.

²⁸ Bourchemin P. D. Op. cit.; Caufrès. Op. cit.

ком большое количество детей требует дополнительного помещения, их надо собирать в одном учебном зале». И он приводит в пример Парижский университет: «То, что число студентов является для учебы важной проблемой, можно заключить из того, что происходит в Парижском университете. Великое множество студентов собирается там, что породило создание большого числа коллежей. И тем не менее в коллежах, где насчитывается меньше всего учеников, успех невелик, там же, где число студентов велико, активность и успехи учащихся налицо, ибо и ученики, и учителя находят там возможности для соревнования».

В заведениях Братьев общей жизни «в Льеже, Девентере, Цволле, Везеле учреждается по традиции одно помещение для всех классов». «Когда я был в Льеже, — продолжает Штурм, — между преподавателями возник конфликт и некоторые из них стали преподавать отдельно. Если бы такая практика продолжалась, со знаменитой гимназией Сен-Жером было бы покончено». И в самом деле, такая независимость привела к тому, что правильный порядок классов, ставший уже обычным, был нарушен желанием регентов во что бы то ни стало блеснуть и привлечь более грамотную аудиторию. «Кончилось дело тем, что старый порядок был восстановлен», — мы так и не знаем, идет ли речь о программах или просто классы опять были собраны в одном помещении. С другой стороны, мы знаем, что вопреки собственным воззрениям Штурм был вынужден в Страсбурге разгородить залы. В 1540 году Томасу Платтеру поручили создать школу в Базеле. Он оправляется в Страсбург, чтобы изучить, каким образом действует школа Штурма, служившая образцом для многих: «По возвращению в Базель я разделил школяров на четыре отделенных класса (речь идет о четырех классах Меланхтона), тогда как раньше, из-за небольшого их числа, всех держали в нижнем зале, единственном, который топили».

Разделение учебных помещений на классы, таким образом, назревает как необходимость — вынужденная мера, следствие увеличения числа школяров. Классы в Сен-Жером насчитывали каждый по 200 учеников, а классы больших коллежей, как коллеж Людовика Великого, останутся на этом уровне вплоть до конца XVIII века. Поначалу с таким положением просто мирились: впрочем, концентрация власти в руках ректора — естественная тенденция коллежа современного типа — должна была облегчить процесс. Авторитета принципала и его власти над регентами было достаточно, чтобы контролировать общее число учеников. Постепенно дисциплинарные преимущества менее населенного класса становятся очевидны, но о них почти не говорят — теоретические тексты обходят их молчанием, пока, наконец, обычай не закрепляется в XVII веке. В конце XVI века в диалогах Кордые ученик обращается к ректору: «Учитель, в шес-

том классе никого нет. — Как так, где магистр Филипп? — Он лежит больной в постели. — Скажите регенту второго класса, чтобы он послал в шестой кого-нибудь из своих» — имеется в виду из старших учеников²⁹. Маленький диалог, уже свидетельствующий о разделении классов. В эпоху Франсиона* уже говорили «поступить в такой-то класс». У ораторианцев учебный зал называли «chambre» (палата), более привлекательным и сочным, чем «класс», словом, все также смешивая в одной вокабуле место, curriculum и учеников: шестая или вторая chambre³⁰. В коллежах иезуитов или Парижском университете в то время уже предпринималось разделять классы.

*
* *

Миновав этот этап, мы проделали путь от смешанной аудитории средневековой школы к современному классу. По меньшей мере, с начала XV века под началом одного учителя и в рамках одного помещения ученики разделяются на равные группы, и Италия долгое время сохранит верность этой переходной формуле. Затем в течение XV века каждому преподавателю будет дан свой класс внутри общего помещения — схема, существовавшая в Англии до второй половины XIX века.

Наконец классы вместе с преподавателями полностью изолируются друг от друга в специальных помещениях — сначала это фламандская и парижская инициатива, давшая жизнь современной структуре классов. Теперь мы присутствуем при процессе дифференциации школьной массы, которая была неорганизованной до конца XV века. Этот процесс соответствует новой еще необходимости связать уровень преподавания с уровнем учеников. Это самое главное. Такая постановка магистра на службу ученикам противопоставляется средневековым методам одновременности или зубрежки, а равно педагогике гуманистов, которая не отличала ребенка от взрослого и не различала школьное образование — подготовку к жизни и культуру — дело самой жизни. Это разделение на классы свидетельствует о направлении внимания на особенности детей и юношества, о понимании того, что существуют возрастные различия внутри группы детей и подростков. Учреждение иерархически структурированного коллежа с XIV века покончило с беспорядочностью школьного детства, его «коммунальностью», в которой все возрасты были перемешаны. Установление классов в XVI веке определило разделение внутри школьной массы.

Были ли эти подразделения, созданные часто по воле случая и не отвечавшие еще тем требованиям порядка, дисциплины, педагогической эффективности, которые будут предъявляться к ним позднее возрастными категориями? Без сомнения. Бадюель видел в 1538 году в упорядочении классов средство разделить уче-

²⁹ Cordier M. Colloques. 1586.

* Эпоха Франсиона — последние годы XVI — начало XVII вв. Роман «Правдивое комическое жизнеописание Франсиона» Ш. Сорель первоначально задумывал как «документальный», исследователи отмечают необыкновенную точность изображения нравов.

³⁰ Hamel. Histoire de Juilly. 1868.

³¹ Учеников (лат.).

ников «по возрасту и развитию». В первой трети XVI века Томас Платтер оказался по окончании своего бродяжничества в Шлезштадской школе, которую посещали одновременно 900 *discipuli*³¹, и он уже не считал нормальным, несмотря на свою необразованность, что его, восемнадцатилетнего, поместили среди детей, и отмечает это как аномалию: «Когда я пришел в школу, я ничего не знал, даже Доната, а мне было уже восемнадцать. Я занял место среди маленьких детей, как наследка среди цыплят».

Но не будем задерживаться на этих примерах, роль которых легко преувеличить, если рассматривать их изолированно. Совпадения между возрастом и уровнем знаний случались часто, но не всегда, и когда обнаруживались противоречия, им удивлялись мало либо не удивлялись вовсе. В действительности всегда обращали больше внимания на уровень знаний, чем на возраст. В начале XVII века класс не был столь же демографически однороден, как с конца XIX века, однако попытки упорядочения предпринимались постоянно. Школьные классы, сформированные первоначально независимо от соображений возраста, понемногу начинают соответствовать возрастным категориям. Существовала, следовательно, еще незамеченная связь между способностями и возрастом, незамеченная, потому что была чужда наиболее распространенным взглядам. Новая потребность анализировать и разделять, характеризующая рождение нового сознания в наиболее интеллектуальной сфере, в формировании педагогики, вызвала, в свою очередь, новые потребности и методы как в организации работы — разделение труда, так и в представлении возрастов — нежелание смешивать различные типы мышления и, следовательно, возрасты. Но эта попытка разделить возрасты еще долго не была теоретически признана и обоснована, пока ее не продиктовала практика после долгих эмпирических проб и ошибок. И это ставит перед нами задачу более подробного изучения проблемы школьных возрастов и их соответствия классам.

¹ Vie de Thomas Platter [l'Ancien], Éd. Ed. Fick, Lausanne, 1895.

* Кантональные власти получали пенсии за погибших солдат от европейских монархов.

В этой главе мы попробуем понять, каков был школьный возраст, какое значение ему придавали и как он менялся в течение последних веков Старого порядка. По собственному опыту, вспоминая годы учебы, мы можем судить о значении даже немногих лет разницы в наши собственные детские и юношеские годы. Мы все сами в прошлом — ученики средней школы и прекрасно помним, как мы судили о возрасте товарищей, принимая за точку отсчета возраст, соответствующий тому классу, в котором учились. Наше восприятие детства, отрочества и юношества опиралось на школьную иерархию, сперва иерархию классов, потом курсов университета или другой высшей школы. Именно такое понимание возрастных категорий было у меня в голове, когда я собирал материал для настоящей главы: прежде всего я рассматривал детские и школьные воспоминания мемуаристов, в которых они могли быть наиболее откровенны. Но возможно, они исключение из правил и их случаи не типичны? Некоторые статистические данные позволят нам расставить все по местам и проследить общую тенденцию.

*
* *

Томас Платтер родился в 1499 году «в сыропустное воскресенье, как раз когда звонили к мессе» в деревне кантона Вале¹. Он был выходцем из многодетной семьи. (Классический вариант швейцарских семей, своеобразных поставщиков солдат в наемные армии европейских стран. Два его брата погибли на войне*.) Мать его — вдова без средств к существованию, и дети рано покидают родительский дом. С шести лет Томас пасет коз, принадлежащих одному из его родственников. В восемь он все еще пастух: «...спать на соломе летом, а зимой — на подстилке, полной клопов и блох, — вот участь маленьких пастухов, которых крестьяне отправляли на горные пастбища в полном одиночестве». Из отдаления сегодняшнего дня мы представляем его среди неграмот-

ных поденщиков, занимающихся несложным трудом. Тем не менее в девять с половиной лет его мать, желавшая сделать своего сына священником, отдает Томаса одному из родственников, священнику по роду занятий; он и обучает мальчика азам. Даже тем, кто не оставлял надежды получить образование, вовсе не обязательно было поступать сразу в школу, едва научившись, с пяти-шести лет, обходиться без матери и няньки. Допускался длинный дошкольный период, а первоначальные знания можно было приобрести в десять и больше лет. Школа не считалась еще необходимой подготовительной ступенькой к жизни, а смешивалась со способом существования, с тем, что мы выделяем теперь как профессиональное образование. Таким образом, школьный возраст долго не имеет четких границ.

Томас ушел от своего жестокого учителя: «Мой учитель бил меня совершенно диким способом, он поднимал меня за уши над полом». Двоюродный брат Томаса проезжал через деревню. Он уже посещал школы Ульма и Мюнхена, ведя бродячую жизнь средневекового студента. В свое очередное школярское путешествие он взял с собой и нашего Томаса, которому исполнилось десять, и единственное, чему он научился у своего священника — это петь *Salve*². Для Томаса начался почти десятилетний период бродяжничества по школам Германии, Швейцарии, Эльзаса, продолжавшийся до его двадцатилетия. Никогда подолгу не задерживаясь на месте, он прошел всю Силезию, Саксонию, останавливался в Галле, Дрездене, Бреслау. В Бреслау «мы сначала ходили в школу при соборе Сен-Круа, но узнав, что среди прихожан св. Елизаветы есть несколько швейцарцев, мы перебрались туда». Естественно, речь идет о латинских школах. В св. Елизавете, где, как это уже было сказано в предыдущей главе, девять бакалавров читали лекции в одном и том же зале, и лишь *praesceptor* (преподаватель или ментор, выбранный среди школяров) имел печатное издание Теренция. Другие переписывали его под диктовку, потом «разбирали», «составляли» и, наконец, «излагали». Томас и его двоюродный брат покидают Бреслау и возвращаются в Дрезден, потом устраиваются в Мюнхене. После пяти лет бродяжничества его двоюродному брату пришла в голову мысль «вернуться в край, где мы не были пять лет, и мы отправились в Вале». После они вместе добрались до Мюнхена, там пятнадцатилетний Томас, приобретший уже кое-какие навыки самостоятельной жизни, оставил своего кузена. Через Пассау, Ульм, Констанц он дошел до Цюриха и в течение нескольких месяцев пытался получить уроки от старых школяров — тщетно, «никто не учил». Он снова отправился странствовать и оказался в Шлезштатте, где все становится более серьезным. Иоанн Сапидус³ принял его в свою школу, процветающую школу, в которой «было до девятисот *discipuli* (без разделения на классы)». За все долгие годы шко-

² Спаси (лат.).

³ Сапидус Иоанн (настоящее имя — Иоганн Витц) (1490—1550) — родом из Эльзаса, латинский поэт, педагог, яркий представитель северного Возрождения.

лярских странствий он почти ничему не научился: в восемнадцать лет он еще не умеет читать! «Когда я пришел в школу (Сапиду-са), я ничего не знал, даже Доната, а мне было уже восемнадцать. Я занял место среди маленьких детей, как наследка среди цыплят». Однако он не задержался надолго в Шлезштадте, скорее всего из-за отсутствия средств — голод погнал его дальше.

Тогда он вернулся на родину, в родной Вале, где приступил к тому, с чего должен был бы начать свою учебу десятью годами раньше, то есть поступил в начальную школу. «Я нашел священника, который научил меня письму и прочим премудростям... С сыном моей тетки я за один день выучил алфавит». Таким образом, лишь в конце своего долгого школярства — в возрасте восемнадцати лет — он научился читать и писать. Разумеется, долго до того, как он освоил грамоту, Томас знал Доната наизусть — это последние отголоски времен, когда устная традиция была сильнее письменной.

Он вернулся в Цюрих, куда «по слухам недавно приехал новый учитель — суровый, но невероятно ученый». Речь идет о Микониусе, «отце Микониусе». Томас становится его учеником, пансионером и даже последователем. Итак, отныне Томас Платтер, в восемнадцать лет освоивший грамоту, принадлежит идеям гуманизма; его неуемная жажда знаний поражает. За каких-то два-три года он выучил латынь, древнееврейский и греческий. Теперь он может после долгой практики частных уроков открыть собственную школу в Вале. В сорок лет ему предлагают место ректора в одной очень значительной школе в Базеле. Там он вводит новую систему — разделение на классы.

Школярская жизнь в германоязычных странах начала XVI века на примере Томаса Платтера возвращает нас в Средние века, когда годы учебы могли длиться бесконечно, когда не важен был результат и не существовало еще ежегодного цикла учебных программ, слитых в единый образовательный процесс. Основные реальные знания приобретаются за два последних года более чем десятилетнего школярства, между восемнадцатью и двадцатью годами, после восьми лет, проведенных совершенно бесполезно с современной точки зрения, но в течение которых неграмотный ученик все время соприкасается с преподаваемыми устно дисциплинами тривиума, как требует старая традиция. Следует особо отметить, что Томас Платтер начал самостоятельную жизнь не со школы — до девяти лет он пастух — и что его всегда окружали товарищи всех возрастов от более молодых до старших. Гуманизм легко прижился на этой средневековой почве. Как многократно уже замечено, несмотря на обновление методов, эрудицию, новых авторов, гуманизм продолжает традицию долгого и параллельного преподавания, свойственную Средним векам.

Однако этот пример, подчеркивающий архаизм немецкой школьной жизни, не типичен больше для Франции.

Оливье Лефевр д'Ормессон принадлежит к следующему поколению, он родился в 1525 году в семье судебного чиновника и дочери прокурора счетной палаты³. Из двух его братьев и трех сестер выжил только один — Николя. Его отец умер, когда Оливье было пять лет. В восемь он поступает в Наваррский коллеж. Во Франции средневековые школы германского типа, как в случае Томаса Платтера, существовали только в небольших провинциальных городах и ограничивались преподаванием азов латинской традиции. Более дифференцированная система коллежей вскоре вытеснила их полностью, с каждым годом все больше привлекая в свои стены желающих учиться. В Париже, например, Наваррский коллеж вплоть до основания лицея Людовика Великого посещали дети благородной и даже королевской крови.

В семье мелкого чиновника деньги появляются редко, и вдова не смогла долго платить за учение детей в коллеже. Они вынуждены были рано начать активную жизнь; «проучившись три года, они оба оставили коллеж из-за нехватки средств на обучение». Значит, Оливье проучился в коллеже с восьми до одиннадцати лет. В одиннадцать «его определили к прокурору счетной палаты, чтобы тот научил его писать (то есть научил быстрому письму — для записи актов и протоколов, нечто вроде машинистки сегодня) и зарабатывать на жизнь». Потом он стал чиновником при казначее дофина, будущего Генриха II, и именно благодаря этой профессии сделал карьеру для себя и своей семьи.

В школьной биографии Томаса Платтера узнается долгий цикл средневекового школяра — по сути клирика-профессионала, а после гуманиста; он полагал, что учеба должна занимать значительную часть активной жизни, а не сводиться к образованию как подготовке к вхождению в активную жизнь — он не отделял ребенка от взрослого.

В случае Оливье Лефевра учебный цикл имеет другой смысл. Становится ясно, что коллеж более не предназначается для долгого обучения клириков и гуманистов, он становится инструментом образования, готовящим к активной жизни и предшествующим ей. В то же время он еще не вытеснил другой способ обучения, распространенный до того, как миряне начали посещать коллеж, когда-то доступный лишь для клириков, — я говорю об «отдаче в учение», или в подмастерья.

До конца Средних веков и даже позже, чтобы приобрести к профессии, какой бы она ни была, от солдата до придворного или чиновника, от торговца до мастерового, необходимые знания не приобретались до начала трудовой деятельности — в профессию входили сразу и по ходу приобретали эти знания в результате каждодневной практики, благодаря тесному общению с уже опыт-

³ *Lefèvre d'Ormesson*.
Journal. Éd. Chenuel, 2 vol.

ными специалистами. Так, и Оливье отдали «прокурору счетной палаты, чтобы тот научил его писать» и, несомненно, считать. Такой способ обучения был общепринятым и распространялся на все общество — шла ли речь о благородных профессиях или о «механических» ремеслах. Когда школьное образование перестало быть привилегией священнослужителей, постепенно исчезает практика «отдачи в учение» применительно к «благородным» специальностям, и обучение «в людях» становится особенностью ремесел и профессий, связанных с ручным трудом. Так продолжается до тех пор, пока, уже в наши дни, техническое и профессиональное образование практически полностью не вытеснили этот способ обучения, о котором теперь напоминает лишь стажировка. Однако далеко не сразу высшие сословия, включая буржуа, отдали предпочтение школе. Долгое время считалось достаточным закончить лишь начальные классы коллежа — старшие предназначались для тех, кто собирался продолжить так называемое латинское образование, необходимое для карьеры священника или государственного чиновника. Победа коллежа как формы обучения не избавила школяров от обучения «в людях» (примерно между двенадцатью и четырнадцатью годами), особенно в тех профессиях, где требовались навыки письма. Окончив начальные классы, можно было стать мелким служащим. Со временем школьный цикл удлиняется за счет практического обучения. Дольше всего среди «благородных» профессий, связанных с практическим обучением, остается профессия военного. На картинах военной тематики XVII века часто можно видеть совсем юных персонажей (мы бы сказали детей) в компании старых вояк — излюбленная тема караванджистов. Еще в конце XVII века молодой дворянин, готовящийся к военной карьере, часто проводил в коллеже всего лишь два-три года. Так, Клод де Боневаль, родившийся в 1675 году, поступил в коллеж иезуитов в возрасте девяти лет⁴. В одиннадцать — совсем как Оливье Лефевр веком раньше — он уходит из коллежа и поступает гардемаринном на королевский флот. В тринадцать он получает звание. То же самое происходит и с Шевером* (родившимся в 1695 году) — он тоже поступает на службу в одиннадцать лет — так написано на его надгробии в Сент-Эсташ. С возникновением в XVII веке академий и особенно военных школ в XVIII веке[†] одиннадцати-двенадцатилетние солдаты, полностью разделяющие полевую службу взрослых, исчезают как явление. В XIX веке высшие школы и университеты сделают учебный процесс еще более длинным.

Другая (менее благородная) профессия, находящаяся сегодня между коммерцией и частной практикой, еще дольше, вплоть до начала XIX века, начиналась с подмастерья. Речь идет о фармакологии и фармацевтике. В XVIII веке ученик фармацевта начинал свою деятельность в возрасте четырнадцать лет. Он под-

⁴ Corceix S. Bonneval Pacha. 1953.

* Шевер Франсуа де (1695—1769) — генерал Людовика XV, участник Семилетней войны, победитель пруссаков при Гастембеке (1757).

[†] Военная школа была основана Людовиком XV в 1753 г., просуществовала до 1793 г.

писывал контракт на четыре года. Однако прежде чем поступить к фармацевту, он должен был закончить грамматический класс — иначе он не смог бы прочитать рецепт на латыни. Так он оказывался в начальных классах коллежа или латинской школы. Несколько лет школы отделяли его детство от положения подмастерья, то есть начала взрослой жизни. Институт подмастерьев существует и в XIX веке. Клод Бернар* стал таковым в тринадцать лет.

Тем не менее в целом увеличение школьного цикла в XVIII веке привело к почти полному вытеснению практического обучения. Отныне таким способом осваивают ремесло исключительно люди трудовых сословий, для которых коллежи, куда они могли попасть еще перед самой Революцией, становятся недоступны.

Школьный цикл Анри Месма также очень короток⁵. Однако это обусловлено другими причинами, нежели в случае Оливье Лефевра, где соединяются оба способа обучения — Анри Месм никогда не будет подмастерьем, но его пример типичен для многих детей с ранним развитием.

Он родился в 1532 году в семье чиновника. «Мой отец дал мне в качестве наставника Ж. Малюдана, ученика Дора. Это был ученый человек. Выбор пал на него из-за его целомудренного образа жизни и потому, что он был в возрасте, подходящем для того, чтобы направлять меня, юного, пока не наступит время, когда я сам смогу управлять собой, как он теперь... он останется при мне, пока я не поступлю на службу...». Таким образом, наставник оставался при Анри до его восемнадцатилетия. В те времена наставнику не вменялось в обязанность заниматься полным образованием подопечного — он не заменял собой коллеж. Первые годы, с пяти до девяти лет, он обучал чтению и азам грамматики. Однако его роль не кончалась с поступлением подопечного в коллеж. Наставник сопровождал его и там, становясь его личным регентом и проходя ту же самую программу, возможно, в их компании был еще и слуга молодого школяра. В уставе коллежа Флеш подчеркивалось, что *fatuli*⁶ школяра должны иметь подходящий возраст и знания для поступления в четвертый класс коллежа⁷.

Итак, де Месм поступает в коллеж со своим гувернером и братом. «Меня отдали в Бургундский коллеж в 1542 году». Де Месму было около десяти лет. Тем не менее в свои десять он сразу переходит в третий, последний, грамматический класс, пропуская все предыдущие. После третьего он пропускает второй и попадает в первый: «Затем я не менее года проучился в первом». В те времена такой скачок не удивлял никого, то же характерно для школьной биографии Николя де Бове-Нанжи⁸. Родившись в 1582 году, он в двенадцать лет (в начале 1595 года) поступает в Наваррский коллеж. «Я поступил в третий класс, где проучился до дня святого Реми (2 октября того же года), и перешел в пер-

* Бернар Клод (1813—1878) — французский естествоиспытатель, физиолог и патолог, автор фундаментального труда «Введение в метод экспериментальной медицины» (1865).

⁵ *Président de Mesme. Mémoires. S. H. F.*

⁶ *Слуги* (лат.).

⁷ *Rochemonteix C. de. Le Collège Henri IV de La Flèche. 1889.*

⁸ *Mémoires de Beauvais-Nangis. Publiées par Monmerqué et Taillandier. S. H. F., 1862.*

вый, где учился до мая 1596 года, когда в коллеж пришла чума. Тогда меня забрали в Нанжи, где я прошел курс философии под наблюдением домашнего учителя».

Для Анри де Месма учеба в коллеже заканчивается в конце первого класса — всего он провел в стенах учебного заведения восемнадцать месяцев. В двенадцать лет он уже заканчивает изучать искусства. Если он и совершает такой скачок, то вовсе не для того, чтобы сократить свой цикл до минимума, позволяющего стать прокурором. Причина его успехов кроется в раннем развитии де Месма и уроках наставника. Такой чудо-ребенок — явление довольно частое в XV—XVII веках. Вспомним Анжа де Жуаеза: он поступил в риторический класс в возрасте десяти лет⁹. «Учителя очень удивлялись», — пишет его биограф Кайе. Байе в своей книге «Дети, ставшие знаменитыми» (1688) рассказывает о детях «с удивительной быстротой прошедших полный курс коллежа к двенадцати-тринадцати годам»¹⁰.

Такое опережение в развитии позволяло не задерживать обычное начало активной жизни, и очень скоро вундеркинды присоединялись к своим сверстникам, не ходившим в коллеж. Но в XVI и в начале XVII века оно давало возможность подольше поучиться в высших классах. Именно так поступил Анри де Месм. В двенадцать лет, окончив коллеж за восемнадцать месяцев, он вместе с наставником и братом отправляется в Тулузу на юридический факультет (в Париже гражданское право не преподавали). Там они провели шесть лет в напряженной работе. «После, получив звания докторов гражданского и канонического права, мы вернулись домой». В восемнадцать де Месму дают должность советника при Палате клерков (*Cour des Aides*), «ибо я был слишком молод, чтобы быть принятым в других местах». Итак, из восьми лет учебы два года посвящены грамматике и искусствам, остальные — гражданскому праву. В XVII веке подобные явления встречаются уже значительно реже, и не только потому, что, как мы увидим, раннее развитие будет восприниматься обществом как нечто аномальное, но и потому, что продолжительность обучения в высших классах сократится в пользу коллежа, который, сосредоточив на себе весь цикл образования, значительно удлинит его и будет подводить молодого человека к началу его профессиональной деятельности. В середине XVI века правовые факультеты находятся еще в зените славы, можно сказать, что это их эпоха, и строгое соблюдение последовательности школьного цикла не является еще жизненной необходимостью, можно легко перескочить через класс или проучиться в нем не более полугодя. И действительно, с точки зрения изучаемых предметов (но не авторов) программа заканчивалась с концом семестра. Перевод в следующий класс происходил или на Пасху, или в день святого Реми, то есть в конце каждого полугодия. Таким образом, суще-

⁹ Callière J. *Le Courtisan prédestiné*, p. 32–34.

¹⁰ Baillet. *Les Enfants devenus célèbres par leurs études*. 1688.

ствовало два дня начала учебы — Пасха и день св. Реми, тогда как начиная с XIX века существует лишь одно время начала занятий — с октября. Обычай делить учебные программы по семестрам сохранился до самой Революции¹¹. Этот принцип был предусмотрен еще реформой Парижского университета, проведенной Генрихом IV. В Англии он сохраняется до середины XIX века. Автор «Школьных дней Тома Брауна» разбивает учебное время на полугодия, подобно тому как мы — на годы по классам. Даже в XIX веке деление на семестры способствует проявлению раннего развития у некоторых учеников, однако явление не достигает размаха XVI века, что объясняется тем же самым дошкольным настроем, о котором я говорил, касаясь обучения «в людях». Не будем забывать, что в середине XVI века школа еще только начала входить в повседневную жизнь и для многих школяров ограничивалась лишь несколькими классами, а кому и вообще не была нужна. За пределами коллежа — в военных лагерях, в кабинетах юристов, важных чиновников и сеньоров, там, где делалась большая политика, велись дипломатические игры, равно как и в ремесленных мастерских, — десяти-четырнадцатилетние мальчишки, осваивая профессию, каждую минуту находились в тесном контакте со взрослыми, с которыми их объединяло общее дело. Некоторые из мальчишек, несомненно, могли проявить недюжинную сноровку, однако этот факт не удивлял никого в технической среде, где люди привыкли культивировать профессиональные качества, не обращая внимания на возраст, быстрые успехи подмастерья удивляли ничуть не больше, чем другие примеры естественного неравенства, как, например, особый талант взрослого мастера. В данных условиях с точки зрения тогдашней психологии опережающий своих сверстников школяр вызывал ту же реакцию, что и сноровистый маленький ремесленник, или проявивший себя на полях сражений малолетний солдат, или же юный музыкант-виртуоз. Ученика коллежа еще мало что отличало от других детей. Подобные проявления раннего детского развития перестанут быть допустимыми, как только появится чувство того, что они не свойственны детям. Первоначально это чувство коснется лишь посещающих школу детей буржуа и лишь позже распространится и на детей простонародья.

*
* *

Обозрев школьные годы будущего маршала Бассомпьера* (конец XVI века), мы увидим приближение к привычному для нас современному циклу¹².

Бассомпьер родился в 1579 году. До двенадцати лет он находился дома — исключая период, когда в течение пяти месяцев он жил у своей тетки-аббатиссы. Дома он научился сначала читать и писать, а затем приобрел «начальные знания», которые ему

¹¹ Dainville F. de. Op. cit.

¹² Бассомпьер Франсуа (1579—1646) — французский военачальник и дипломат, при Ришелье был заключен в Бастилию.

¹³ Maréchal de Bassompierre. Journal. S. H. F., 4 vol.

преподавал наставник (самому Бассомпьеру было тогда девять лет), а в 1588 году к ним присоединились еще «два молодых человека — Кленшан и де Ламотт. Первый учил нас письму (то есть „совершенному письму“, Кленшан был „каллиграфом“, профессиональным „писцом“), а второй — танцам, игре на лютне и музыке». Домашнее воспитание до возраста двенадцати лет было тогда очень распространено, тем не менее моралисты XVI и XVII веков не одобряли этот способ образования из-за тесного контакта ребенка с прислугой, среди которой наставник почти ничем не выделялся, а особенно если ребенок оставался среди женщин. «Самого строгого осуждения, — пишет янсенист Кустель в 1687 году, — заслуживают излишне мягкие родители, обрекающие своих чад до 13–14 лет оставаться дома в руках гувернеров и кормилиц, доходящих в своем обращении с детьми до неприличных ласк». И все же никому и в голову не пришла бы мысль продолжить домашнее воспитание после тринадцати лет, далее все, исключая королевских детей, отправлялись в коллеж.

В двенадцать Бассомпьер поступил в коллеж иезуитов во Фрибурге. Он поступил туда не один — вместе с ним был его брат, наставник, учитель танцев и учитель письма. «Нас поместили в третий класс». Для выходцев из хорошей семьи в двенадцать лет попасть в третий класс было совершенно нормально. Нелепое происшествие (убийство наставником учителя танцев) сокращает пребывание в третьем до пяти месяцев. Братья Бассомпьер возвращаются домой, откуда в том же году (1592) в сопровождении матери они отправляются в Понт-а-Муссон к иезуитам и продолжают учебу. «Впрочем, там мы провели лишь шесть недель в третьем классе (они прошли полную программу семестра третьего класса, и, таким образом, его можно было считать законченным), а затем с семьей уехали на каникулы в Гаруель. По возвращении в коллеж мы перешли во второй и проучились в нем год». В 1593 году их перевели в первый. Еще через год они снова пошли в первый. Довольно часто ученикам случалось оставаться по два года в одном и том же классе, в частности в первом, — не столько из-за их неспособности, сколько затем, чтобы продлить обучение. Это совершенно иной настрой, сильно отличающийся и от настроения времен долгого средневекового цикла Томаса Платтера, и от настроения короткого «промежуточного» цикла Оливье Лефевра и Анри де Месма, — родители стараются как можно дольше оставить своих детей в стенах коллежа, независимо от разделения на классы. Их мало волновало, как и за какое время ученики проходят эти классы, впрочем, уже сильно отличающиеся по программам друг от друга, лишь бы дети подольше оставались в учебном заведении.

Второй год обучения в первом классе прерывается «накануне поста» путешествием молодых братьев Бассомпьер в Германию

и Австрию. В те времена путешествиям за границу, особенно в Германию и Италию, придавалось очень большое значение с точки зрения воспитания. Юных дворян принимали у себя зарубежные знакомые родителей. Живя в семье, юноши изучали иностранные языки и приобщались к жизни людей большого света — придворных, дипломатов и военных. Это явление можно рассматривать как одну из форм обучения «в людях». В начале XVII века путешествия за границу в воспитательных целях прекратятся — по выходе из коллежа школяров будут ждать академии.

Когда Бассомпьер вернулся из Германии, ему было около шестнадцати лет. «Мы снова пошли учиться (в Понт-а-Муссон) и закончили физический класс к октябрю. Потом приступили к *De anima* — перешли в философский». Философский класс предназначался в основном для тех, кто собирался стать законником или служителем церкви, и большинство школяров на этом этапе расставались с коллежем. Окончив философский, Бассомпьер проходит то, что он называет «стажем» — мне не вполне ясно, какой смысл придавался этому слову. В любом случае, «стаж» имел непосредственное отношение к высшим курсам права и медицины: «Так как впереди еще было шесть месяцев стажа, я начал одновременно (с наставником) изучать право — по часу на правовые институты (Юстиниан*), час на случаи решения по совести (странный предмет для будущего солдата), час на афоризмы Гиппократ[†] и, наконец, час на этику и политику Аристотеля». Таким образом, кроме схоластической философии он приобрел какие-то познания в праве и медицине. «Я продолжал до конца 1595 года и в начале 1596 года. Мой стаж закончился на Пасху».

Итак, мы получаем (приблизительно):

1591/92, третий класс, 12—13 лет;

1592/93, второй класс, 13—14 лет;

1593/94, первый класс, 14—15 лет;

1594/95, первый класс, 15—16 лет;

1595/96, физика, логика, 16—17 лет.

Отметим позднее поступление в третий, непрерывное и последовательное чередование классов, двойной первый. Возрастные категории в классах близки к норме XVII века, доказательство тому — один из персонажей Сореля, Дорила, прouchившийся с четырнадцати до пятнадцати лет в риторическом классе¹³.

Если мы рассмотрим учебный цикл Андре Лефевра д'Ормессона, сына Оливье, о котором говорилось выше¹⁴, мы обнаружим похожий цикл и все те же возрастные категории. «В год семьдесят шестой (1586, ему десять лет) меня поместили в коллеж кардинала Лемуана, под начало господина Ле Дье, по происхождению пикардийца, учителя моего класса, где уже были семеро моих двоюродных братьев». Далее говорится, что во время осады Парижа «наш учитель господин Ле Дье» не имел

* Кодекс Юстиниана, свод законов, составленный в 528 г. византийским императором Юстинианом.

† Гиппократ из Коса (ок. 460—ок. 370 до н. э.) — греческий врач, основатель научной медицины, его учение о телесных соках (крови, мокроте, желтой и черной желчи) было актуальным вплоть до XIX в., разработчик врачебной этики.

¹³ Sorrel Ch. *Maison des Jeux*. 1642, 2 vol.

¹⁴ André Lefèvre d'Ormesson. *Mémoires des leçons que j'ay apprises en ma jeunesse // Cheruel. De l'administration de Louis XIV*. 1850, p. 204.

средств «на наше содержание». Таким образом, Лефевры не были пансионерами коллежа, однако они были на пансионе у одного из регентов, возможно, жившего при коллеже. Интернат, зависимый от администрации, был редким явлением. Те, кто жил отдельно от родителей, столовались у одного из учителей, даже если семья школяра жила в городе, где находился коллеж.

В 1586 году Андре поступает в седьмой класс. Его регент господин Жар следует за ним по обычаю, царившему тогда в шестом и пятом классах: возможно, седьмой был всего лишь подразделением шестого, также вероятно, что седьмой и шестой собирались на занятия одновременно в том же зале, что и пятый.

Дойдя до четвертого, Андре меняет регента: он поступает под начало «господина Сегена, потом врача королевы Анны Австрийской». Господин Сеген был регентом в коллеже, пока учился на медицинском факультете. Как мы уже видели в предыдущей главе, регенты для грамматических классов часто набирались среди студентов высших факультетов — правового, философского, медицинского. В 1589 году Андре был в четвертом. Из чего следует, что он тратит год на каждый класс, начиная с седьмого. «Когда началась осада Парижа... отец забрал нас из коллежа», потому что хозяин пансиона не имел возможности их кормить, отвез обоих сыновей домой, где они пробыли до октября 1590 года. После «мы с братом отправились под присмотром господина Ракена в Наваррский коллеж, где поступили в первый класс». Создается впечатление, что они пропустили, таким образом, третий и второй. В действительности же они пропустили только третий, так как в Наваррском коллеже не было второго. Это довольно любопытная аномалия, нарушающая строгую последовательность классов. Ничего подобного, кажется, больше нигде не наблюдается. Однако если второго класса просто нет, то, по-видимому, существует два первых. Иначе как понимать следующую фразу: «Учебный год 1591 начался в октябре. Господин Готье, потом доктор теологии (та же ремарка, что и относительно господина Сегена, будущего доктора медицины), был назначен в первый и в последний первый классы». Здесь мы имеем дело с двумя первыми классами, соответствующими, видимо, риторическому и гуманитарному в других коллежах. Во всяком случае, можно сказать совершенно точно: Андре два раза прошел первый класс, и это было предусмотрено программами. «В октябре 1592 года я поступил к иезуитам (это уже другой коллеж) в логический класс, под присмотр отца Гаспара Сегирана, после ставшего духовником Людовика XIII». Вместе с логикой для Андре закончился цикл искусств. Ему было шестнадцать—семнадцать лет. И с этого момента для него, как для Анри де Месма, начинаются долгие годы обучения праву. Сначала «институты (Юстиниан) с господином Марсибусом в качестве наставника (речь идет, несомненно, о

частных уроках), а затем в университете Орлеана под началом доктора Люилье, декана факультета, самого ученого из всех докторов города. После, начиная с сентября 1595 года, у господина Леклерка, доктора права, где я учился вплоть до моего поступления в Большой Совет, состоявшегося 17 декабря 1598 года». Итак, шесть лет на факультете права — в точности как Анри де Месм.

Можно так резюмировать этот школьный цикл:

1586, 10 лет, седьмой;

1587, 11 лет, шестой;

1588, 12 лет, пятый;

1589, 13 лет, четвертый;

1590, 14 лет, первый;

1591, 15 лет, первый;

1592, 16 лет, логика;

1593–1598, с 17 до 22 лет, право.

Если не принимать во внимание перерыв на третьем, перед нами полный цикл обучения. В одиннадцать лет — шестой класс, в пятнадцать — риторический, семь лет коллежа и шесть на факультете права, и все это — до начала профессиональной деятельности.

Начиная с XVII века прохождение образовательного цикла организуется строже и с некоторым опережением своего времени приближается к классической системе, установившейся в XIX веке.

Задержимся на случае Декарта*, так как он характеризует явление, которое сегодня назвали бы развитием интеллектуала. Впрочем, его образование было полностью «школьным» — классы коллежа не были в его случае дополнены высшим университетским образованием. Известно, что Декарт поступил в коллеж иезуитов Флеш в 1604 году в возрасте восьми лет и был зачислен в шестой класс. Затем, в мае 1610 года, он первый год изучает философию, а его школярская жизнь заканчивается в августе 1612 года, когда он заканчивает третий год философии. Он покидает коллеж в пятнадцать лет.

Итак, с 1604 по 1609 годы он за пять лет проходит цикл от шестого класса до философии: либо он перескочил через класс, либо закончил два класса за два семестра одного года, что, как мы уже говорили, было частым явлением. Восемь лет — довольно рано для шестого класса, однако в любом шестом или пятом классе всегда имелись ученики восьми или девяти лет. Конечно, в риторических классах ученики двенадцати лет становятся редкостью, но их мы тоже встретим в достаточном количестве.

У Декарта философия длится три года, здесь философские классы соответствуют высшим курсам университета: таким образом, становится понятно, как французский коллеж поглотил не только грамматические школы, но и школы искусств — последние

* Декарт Рене (латинизированное имя — Картезий) (1596–1650) — французский философ, физик и математик, один из родоначальников «новой философии».

в Англии положили начало высшему образованию, отличному от начального и следующему после *grammar schools*. Во Франции власть коллежа распространилась на все образование, включая иногда даже теологическое — молодые иезуиты приобретали свои знания в стенах коллежа, там же они несколько лет слушали философию и теологию (тем не менее Сорбонна, как назывался факультет теологии в Париже, будет продолжать свою деятельность до самой Революции). То большое значение, которое начинают придавать классам, следующим за риторическим, если не способствует закату высших факультетов — как в случае с искусствами, то, по крайней мере, совпадает с ним во времени. Теперь хорошее образование будущий интеллектуал будет получать в течение длительного пребывания в коллеже, в частности в философских классах; последние, впрочем, действительно предназначались для малого числа учеников, специалистов в области философии и теологии.

Довольно долгий период обучения у Декарта (восемь лет) можно разделить на две части, подобие средней школы — пять лет и подобие высшей — три года. Впоследствии к общепринятому классическому циклу, соответствующему нашему среднему образованию, добавится один класс философии. Обычный полный цикл будет заканчиваться на логике, так что на один или, реже, на два года дольше он продлится лишь для специалистов — будущих церковных деятелей, «интеллектуалов».

Оставим пока хронологическую цепочку событий из биографии Декарта и рассмотрим для сравнения другой пример, также иллюстрирующий, какое важное место занимал коллеж в образовании, даже если речь шла о законниках, вытесняя специализированные высшие факультеты — пример Шарля Перро, автора сказок¹⁵.

Шарль Перро, как и Декарт, — типичный отличник. Он родился в 1628 году. «Моя мать взяла на себя заботу научить меня читать, для чего я был отправлен в коллеж Бовэ в возрасте восьми с половиной лет (в том же возрасте и в тот же класс — шестой, — что и Декарт). Там я, как и мои братья, получил все мое образование — и ни разу за все это время ни один из нас не был наказан розгами». Редкий случай, который должен был быть исключительным. Следует также отметить современное выражение — «получил образование». «Меня отправили в шестой, когда я еще не умел читать». Итак, в этой образцовой семье, где отец после ужина занимался с сыном, заставляя его повторять за собой латинские тексты, восьмилетний мальчик не умеет читать, что, однако, не помешало ему поступить в шестой класс — посвятим этот факт сегодняшним школьникам, сдающим приемные экзамены в шестой класс! Хотя на самом деле шестой класс в ту эпоху был классом подготовительным. Иногда из-за большого чис-

¹⁵ Perrault C. Mémoires; Hallayе A. Les Perrault. 1926.

ла учащихся, поступавших туда, чтобы научиться читать, писать и приобрести начальные знания, его разделяли на два класса — таким образом, кое-где появляется седьмой класс, находящийся в том же помещении. Контраст между восьмилетними ребятами, даже отличниками, не умеющими читать, и маленькими вундеркиндами, их сверстниками, перешедшими уже в четвертый или третий класс, не удивляет современников, как, впрочем, не удивил бы их и пятнадцатилетний ученик шестого или пятого класса.

О школьном цикле Шарля Перро нам известно лишь то, когда он поступил в коллеж, в каком классе и во сколько лет он коллеж закончил — он покинул школу в семнадцать или восемнадцать лет, после второго философского класса. Если посчитать сколько классов у него было (из расчета в год по классу), то мы обнаружим один или даже два лишних класса, — у Декарта же, наоборот, не хватает одного. Видимо, Шарль Перро пробыл два года в одном или двух классах, удлинив, таким образом, учебный цикл. Ниже мы увидим, что такое удлинение практикуется довольно часто. Шарль Перро заканчивает свое образование в коллеже на втором философском классе, так как не собирается посвятить себя церковной карьере. Он хочет заниматься правом, однако ему и в голову не приходит отправиться в университетский город, слушать лекции какого-нибудь знаменитого правоведа, как это сделал де Месм, отправившись в Тулузу в 1545 году, или Ормессон, приехавший в Орлеан в 1593 году, — времена изменились. Перро в течение трех лет берет частные уроки права, как это было принято в его эпоху, — правовые факультеты вышли из моды и будущие юристы, законники и чиновники юстиции обучались дома частным порядком и появлялись на факультете лишь для того, чтобы получить диплом, так как процедура сдачи экзаменов превратилась в смешную формальность, за которую надо было лишь заплатить определенную сумму. В июле 1651 года, рассказывает Перро, «я вместе с двумя товарищами, один из которых стал впоследствии первым викарием Санса, отправился получать степень лиценциата в Орлеанский университет». Они прибыли к 10 часам вечера, и в этот довольно поздний час вполне могли получить желаемое. Они не потеряли ни минуты — едва прибыв на место, сразу постучали в дверь школы: «Слуга, высунувшийся в окно на наш стук, узнав, зачем мы пришли, тут же спросил, при нас ли деньги». И что же — три доктора наук поднялись с постелей и спустились к ним, «не сняв ночных колпаков, выглядывавших из-под квадратных докторских шапочек... Я полагаю, что звон наших монет (их пересчитывали за нашей спиной, пока мы отвечали) сыграл главную роль в том, что наши ответы были оценены гораздо выше, чем они того заслуживали». На следующий день, побродив по городу и посетив все его самые выдающиеся памятники, начиная со статуи Орлеанской

Девственницы*, дипломанты вернулись в Париж — так Шарль Перро в 23 года становится адвокатом.

Совпадение во времени заката высших факультетов и усиления престижа коллежей не случайное явление. В эпоху, когда даже специальное образование становится менее техническим, когда люди все дальше отходят от средневекового и гуманистического идеала общего охвата всех наук, коллеж становится единственным способом получения образования; в нем стремятся остаться как можно дольше, проводя по два года в одном и том же классе и дополняя цикл разве что частными уроками.

Однако еще встречаются случаи раннего и быстрого обучения, как в XVI веке. Бюсси† старше Шарля Перро всего на несколько лет¹⁶.

«Когда мне исполнилось девять лет, отец поместил меня и моего старшего брата вместе с наставником в коллеж иезуитов в Отэн». Он не уточняет, в какой класс. Под словом «наставник» следует понимать их товарища по учебе, немногим старше их самих, однако менее обеспеченного. «Какое-то время спустя (когда началась война с гугенотами Лангедока†)... отец... забрал брата (старшего) из коллежа, где он не особо блистал успехами, и сделал его знаменосцем в своем полку». Мальчику исполнилось двенадцать, в этом возрасте Бонневаль и де Шевер поступили на службу. Вот еще один пример короткого пребывания в коллеже перед непосредственным практическим обучением профессии — в данном случае военного. Собственно, старшему и не желали полного образования — его готовили к военной карьере, и его школьный цикл был сокращен. «Вместе со мной в коллеже учился один из моих младших братьев, которого хотели сделать мальтийским рыцарем. У меня была склонность к учебе, и учителя были очень мной довольны. Тем временем война вышла за пределы Лангедока и пришла в Пьемонт[§]. Старший брат (в двенадцать лет принятый на службу в полк своего отца) умер от чумы, и я стал старшим сыном в доме».

Тогда же семья была вынуждена перебраться в Париж «как для того, чтобы избежать одного судебного разбирательства, так и по другим причинам... Я и мой брат-рыцарь поселились с отцом и матерью в доме на улице де Лагарп, откуда ходили в Клермонский коллеж (иезуитов). Меня приняли во второй, несмотря на то, что мне было одиннадцать лет и я настолько преуспел в гуманитарных науках, что в двенадцать учителя сочли меня достаточно сильным для философского класса, и я пропустил риторический». В логическом он проучился лишь год. «После первого года логики отец, получив приказ развернуть свой полк, забрал меня из коллежа и отправил командовать первой ротой, а вместо того чтоб позволить мне закончить физику (второй философский класс), послал меня в 1634 году на осаду Ламотта в

* Орлеанская девственница — имя, присвоенное Жанне д'Арк, на образ которой французы переносили черты Девы-Богоматери, целомудрием спасающей Францию от бед; в 1920 г. канонизирована.

† Бюсси-Рабютен (*Роже де Рабютен, граф де Бюсси*) (1618—1693) — офицер, литератор, академик, кузен и один из корреспондентов мадам де Севинье, был узником Бастилии (1665), находился в ссылке (1665—1682), автор «Мемуаров».

¹⁶ *Vissu, Mémoires*. 1696. Он якобы родился в 1618 г. Но это не соответствует тем возрастам, которые он называет далее.

† Антигугенотская кампания началась в январе 1626 г., на Ларошельском направлении действовал Ришелье, в Лангедоке лидеру местных гугенотов Анри де Роану противостоял Конде, война закончилась с захватом Монтобана в августе 1629 г.

§ Людовик XIII и Ришелье выступили в защиту герцога Мантуанского, у которого была аннексирована территория (Монферрат), 15 января 1529 г. начался поход против герцога Савойского Карла-Эммануила, в апреле французы одержали полную победу.

Лотарингию с его полком*». Ему было тринадцать лет, большинству офицеров, его товарищей по оружию, — столько же. Однако следует заметить: он прошел уже весь школьный цикл, исключая риторику, которую он пропустил благодаря своим успехам во втором классе. Впоследствии уже никто не сможет пропустить риторический класс — он станет очень важным, а в некоторых коллежах выпускным. Здесь мы имеем дело с некоторым архаизмом.

В случае с герцогом Энгиенским, будущим великим Конде, мы обнаруживаем нормальный, хотя и ранний, школьный цикл¹⁷. Следует добавить, что появилось новое учебное заведение, следующее после школы, академия, с XVII века имевшая большое значение для отпрысков благородных кровей. Несмотря на высокое положение принца крови, Конде посещал коллеж. Полностью домашнее образование получали только королевские дети. Дети членов королевской семьи ходили в коллеж, в основном в Клермонский коллеж иезуитов, вытеснивший в XVII веке Наваррский коллеж, где раньше училась высшая знать.

Конде родился в 1621 году. В пять лет он начал изучать латынь под присмотром наставника. В восемь он поступил в коллеж иезуитов в Бурже в четвертый класс, с опозданием на три месяца, которое он с легкостью преодолел. Перро и Декарт в восемь лет были в шестом. Учителя признавали достоинства принца Конде: «Ученик второго грамматического класса (четвертого в общем), но посмотрите с каким старанием и каким неизменным чудесным успехом он выполняет упражнения, пишет сочинения, диктанта. В ежедневных обсуждениях (своего рода диспутах в классе, разделенном на два лагеря) именно за ним следуют все остальные».

Он проходит нормальный цикл обучения со скоростью один класс в год, и, таким образом, в одиннадцать лет попадает в риторический (возраст Анжа де Жуаеза в XVI веке), в тринадцать он начинает физику. Итак, шесть лет коллежа, не пропустив ни одного класса, от четвертого до второго философского.

В августе 1635 года, в четырнадцать лет, он расстается с коллежем и начинает изучать право с наставником, как Шарль Перро. Молодой принц заканчивает коллеж и заменяет высший факультет частными уроками. Одновременно с уроками права он берет уроки математики (математику почти не преподавали в коллеже) у инженера фортификации, чтобы подготовиться к поступлению в пятнадцать лет в Королевскую академию для молодых дворян господина Плювинеля[†].

Академия является отчасти военным, отчасти общеобразовательным высшим учебным заведением, характерным для XVII века, по крайней мере для его первых двух третей. Она возникает для решения новых задач.

* Речь идет о событиях, предшествовавших официальному вступлению Франции в Тридцатилетнюю войну: в 1634 г. Франция аннексирует Лотарингию.

¹⁷ Cherot H. Trois éducations princières. 1896.

[†] Алтуан дю Плювинель отворял академию, где молодых дворян обучали военному делу и давали светское воспитание, при содействии Генриха IV, выделявшего на каждого студента от 800 до 1000 экю. Среди учеников академии был Ришелье.

В XVI веке молодой человек, собирающийся посвятить себя праву, церкви или медицине, закончив полный или укороченный школьный цикл, шел в университет. Однако правовые факультеты пришли впоследствии в полный упадок. Что же касается других профессий, недавний школяр сразу после коллежа поступал или в армию, или в торговлю, или в услужение к какому-нибудь сеньору, то есть вне стен коллежа, достигшего своего апогея, и университета, отчасти пришедшего в упадок, оставался один способ получения образования — обучение на практике. Одна из традиций обучения в людях состояла в том, что мальчика из благородной семьи отправляли в другую семью — чаще всего за границу. Постепенно поездка за границу приобрела более дидактичную форму — это уже было не пребывание в другой семье, а путешествие в сопровождении наставника (как в случае Бассомпьера). Вскоре путешествие за границу начинают рассматривать как естественное продолжение учебного процесса в областях, не затрагиваемых в коллеже или на факультетах; некоторые из этих наук преподавались ранее на дому и принадлежали к традициям домашнего воспитания, какое давалось пажам: танцы (предмет, имевший несравненно большее значение в ту эпоху, чем сейчас), музыка (игра на инструментах типа лютни была более распространена, чем фортепьяно в XIX веке), спорт и верховая езда. Однако сюда добавились и другие предметы, учиться которым ездили за границу — они приобретали все большее значение и имели уже, можно сказать, научный характер, — среди них иностранные языки, итальянский и испанский, как языки великих культур, а также и немецкий, потому, я думаю, что наемные солдаты часто набирались в германоязычных странах и будущему офицеру было необходимо на нем говорить. Кроме языков, сюда же относятся география, современная история, необходимые как военачальнику, так и придворному, имеющему хоть какие-нибудь амбиции, и, наконец, математика, или, как ее называли тогда, «фортификация», также необходимая в эпоху, когда военная наука требует все больше знаний.

Поездки за рубеж обходились очень дорого, особенно в эпоху все большего сокращения доходов и наличных средств дворянства. Они уже не могли отвечать потребности, очень быстро развивавшейся, в практическом нелатинском образовании. Академия была призвана заполнить этот пробел. Ей была отведена роль учебного заведения, находящегося между школой и активной жизнью. Она предназначалась для молодых дворян, и особенно тех, кто собирался стать офицером (но не только) и чьи семьи не могли оплатить заграничное путешествие.

Академия появилась в Париже во второй половине XVI века. Николя де Бове-Нанжи так рассказывает о своем отце: «Антуан де Бришанто в возрасте одиннадцати или двенадцати (sic) лет был

отдан в коллеж Лизье в 1564 году (в какой класс, не указывается), где он проучился до смуты 1567 года, до битвы при Сен-Дени*, когда его сочли способным командовать солдатами, забрали из коллежа и отправили в Парижскую академию, в которой он прозанимался целый год». Сам Николя де Бове-Нанжи оканчивает свой школьный цикл в пятнадцать лет. Отец ни за что не хочет посылать его в войска, осаждающие Амьен. Прежде он хочет дать сыну полное образование. В пятнадцать лет обычно отправляли за границу. «В начале 1598 года отец некоторое время продержал меня при себе в Париже. Я начал привыкать постоянно видеть вокруг себя много солдат. Затем, в апреле, он отдал меня в Париже на упражнения (то есть в академию), где я пробыл до сентября... Сначала отец сказал мне, что хочет послать меня за рубеж, так как молодые люди часто учились за границей». Однако путешествие обошлось бы очень дорого, и отец заменил его учебой в академии¹⁸.

Самой знаменитой академией была академия Плювинеля, основанная в 1594 году. Один из современников так отзывался о ней: «Вся Франция чувствует себя бесконечно обязанной господину Плювинелю, с несказанной щедростью принесшему себя в дар нашей молодежи, для которой его заведение служит лестницей, ведущей к величию и славе. (Коллеж был открыт для всех без исключения. Академия же, напротив, в глазах современников являлась учебным заведением, предназначенным для дворянства, которое в тот самый момент начало осознать отведенную ему роль военной элиты, служившую оправданием дворянских привилегий перед набирающей силу буржуазией. Академия стала самым первым учебным заведением для молодых дворян, о котором мечтал Ришелье, — его мечта полностью осуществилась в XVIII веке. Оттуда же и идея создания подобного заведения для девушек, осуществленная мадам де Ментенон.) ... Он (Плювинель) избавил нас от необходимости ехать в Италию, где за очень большую цену можно приобрести лишь некий налет цивилизации, дополненный массой безобразных пороков»¹⁹. Отметим мимоходом эту новую заботу, совершенно чуждую XVI веку, о нравственной чистоте молодежи, подвергаемой множеству соблазнов во время зарубежных поездок. В академии Плювинеля занимаются в манеже или учатся «гарцевать» (он написал об этом целый трактат, изумительно иллюстрированный Криспеном де По), учатся фехтованию, танцам, изучают математику, фортификацию, изящные искусства — живопись, танец, игру на лютне. Наш автор находит у академии еще одно достоинство, неожиданное для нас и показывающее, что современная идея полного среднего образования не воспринималась еще в высших слоях общества как что-то необходимое для их статуса: «Молодые сеньоры могут быть отданы туда с десяти до двенадцати лет, им не надо будет ехать в

* Смута 1567 г., битва при Сен-Дени — сражение у парижских ворот Сен-Дени, состоявшееся 10 ноября 1567 г., было вызвано недовольством гугенотов бесконечными несправедливостями, чинимыми королевскими чиновниками и судьями, после сражения малочисленная армия протестантов, возглавляемая Коллиньи и Конде, отступила в Шампань; этот инцидент означал возобновление Религиозных войн.

¹⁸ *Beauvais-Nangis*. Op. cit.

¹⁹ *Bellerperche*. L'Académie du Roy. 1598. Цит. по: *Cherot*. Op. cit.

Италию с семнадцати до восемнадцати лет». То есть молодому дворянину было довольно окончить начальные классы коллежа и сразу же поступить в академию, чтобы получить там полное образование, тогда как прежде он был вынужден либо продолжать изучать в коллеже ненужные ему предметы, ожидая возраста заграничного путешествия, либо сразу к одиннадцати годам начать взрослую жизнь полевого офицера. Мало кому нравилось слишком рано отправлять детей в полки или в далекие поездки. Академия позволяла и вне стен коллежа контролировать детей благодаря дисциплине особого рода, основанной на дисциплине школьной и военной. Время пребывания в академии есть переходный период между школярской жизнью и жизнью взрослого человека — первый признак выделения в отдельную категорию подросткового возраста.

Академии существовали не только во Франции. В Англии академия не прижилась. Живучесть высших учебных заведений — Оксфорда и Кембриджа, куда поступали после grammar school, кажется, сыграла в этом не последнюю роль. Однако историки образования, как, например, англичанин Адамсон²⁰, приписывают большое значение немецким академиям. Благодаря своим более современным чертам они послужили прообразом некоторых высших учебных заведений, повлиявших на университетскую реформу XIX века в Англии и Франции. Французские же академии не оказали такого влияния на систему, несмотря на отсутствие конкуренции в сфере высшего образования в связи с упадком университета. Коллеж опять-таки частично поглотил их — в виде подготовительных военных школ XVIII века, в то время как другие специализированные школы — инженерные и офицерские — в ту же эпоху закладывали фундамент наших современных высших школ.

Академии занимали очень важное место в жизни французского общества в XVII веке. Не случайно аббат Мишель де Мароль находит для них место в своей книге «Париж и описание этого города», изданной в 1677 году²¹. Он посвящает академиям целую главу, написанную, как и вся книга, в стихах. Глава называется «Академии, где молодых дворян обучают верховой езде и другим благородным упражнениям»:

Существует Академия, чтобы упражнять благородную молодежь —
Там ее сажают на коней,
Там она участвует в поединках с соперниками,
Чтобы наполнить сердце мужеством и воспитать ловкость.

Она находит там достойную дисциплину
Мудрых наставников, за ней наблюдающих,
Столь добродетельных, что все могут предусмотреть,
Соединяя мораль со здоровым воспитанием.

²⁰ Adamson J. W. A short history of education. 1919.

²¹ Michel de Marolles. Paris ou description de cette ville. 1677.

Эта забота о морали засвидетельствована и в других текстах того времени. Возьмем к примеру «Новый журнал общения» Бари, 1675 года издания: «В семинариях учатся не только вести службу, но и укрощать нравы (речь идет о первых семинариях, как и о первых академиях); в академиях учатся не только хорошо управлять лошадью, но и укрощать свои страсти»²². Необходимость нравственной дисциплины стояла у истоков создания коллежей и, в частности, их строгих уставов в XV—XVI веках. Вскоре, особенно после того как иезуиты занялись образованием молодого поколения, нравственное воспитание становится одной из главных и наиболее деликатных целей школы, даже где-то опережая само обучение. Теперь же забота о нравственном воспитании распространяется и на высшие учебные заведения, такие как академии. Отныне оно касается молодых дворян, которых уже не решаются выпустить во взрослую жизнь без специальной подготовки.

Де Мароль перечисляет знаменитые академии своего времени:

Над рвами Конде
Ла Валле занимает конный манеж,
Там нет пансионеров, и все равны,
Что не препятствует многочисленному собранию.

На улице Сент-Маргерит, Фобер:

С сердцем правдивым,
Чтобы изгнать любую недозволенную распушенность.

Среди существующих академий есть и королевские: школы пажей, разделенные между двумя Конюшнями, Псарней, Королевской Опочивальней и Капеллой²³. Самая популярная и престижная для молодых дворян — школа при королевских Конюшнях. В состав Большой Конюшни входят управляющий, два помощника управляющего, наставник, священник, эконо-казначей, учителя фехтования, верховой езды, танца, военных искусств, письма (речь идет все о том же «совершенном письме», являвшемся гораздо большим, чем просто сегодняшнее умение писать), математики, рисунка. В своем перечислении Мароль путает Большую Конюшню с другими частными академиями:

Два старших Конюших возглавляют Большую Конюшню —
Дю Плесси, Бурнонвиль, или трое младших конюших —
Эно, Февр и Буазель, лучшие паездники, —
Выращивают прекрасных лошадей для кавалерии.
При них все пажи короля выполняют упражнения,
Садятся на коня и учатся всему,
Так Большая, и Малая (Конюшни), и Опочивальня
Усердствуют в воспитании нашей молодежи.

И Мароль продолжает:

На деревянных конях упражняются также с кольцом,
Как раньше упражнялись пешими в Ла Верни...

²² Bary R. Nouveau Journal de conversation. 1675.

²³ Montzey C. de. Institutions d'écoles militaires. 1866.

Заканчивает он свой труд своего рода рифмованной библиографией трудов начальников академий:

Плювинель рассуждал о манеже...

Шарнизе написал труд, нам известный...

Сеньор де ла Бросс рассуждал о войне...

В своей книге «Дом игр» Сорель рассказывает историю Дорила²⁴. Дорила заканчивает классический курс коллежа: «Я еще учился в классе, именуемом гуманитарным, когда мне пришла мысль, что преуспеть в жизни есть самое что ни на есть человеческое желание». У Дорила не наблюдается раннего развития, как у Конде, поступившего в логический класс в возрасте двенадцати лет. Ученику гуманитарного класса Дорила было четырнадцать, и в те времена четырнадцатилетний мальчик мог настоящему оценить «Искусство любви» Овидия* и других латинских авторов, которых вбивали ученикам при помощи розог: «Если мы пропускали хоть один слог, нас секли розгами». В риторическом Дорила учится искусству «убеждать красноречием», затем в шестнадцать лет он «поднимается до философии»; несомненно, большинству учеников-философов примерно шестнадцать лет, хотя выше мы разобрали немало случаев раннего развития. «Когда я закончил философский класс в возрасте семнадцати лет, мои знания сочли более чем достаточными для армейской карьеры — мой отец хотел, чтобы я стал военным, как и он». Дорила и в самом деле мог продлить на год свою учебу в коллеже, посвятив этот год физике; он хорошо знал уже всю программу, и хотя повсюду продолжают *говорить*, что будущим военным полный курс коллежа вовсе *не обязателен*, часто получается наоборот, и дети учатся там вплоть до первого философского класса.

«Меня отдали на пансион в один дом, где я учился фехтованию, танцам, игре на лютне и математике», а также иностранным языкам — вполне современное образование. Теперь понятно, почему в Германии такое образование стояло у истоков преподавания на «вульгарном языке» новых предметов, чуждых предметам традиционным. «Каждое утро я шел на конюшню, где меня учили верховой езде». В этом пансионе были учителя фехтования, музыки, военных искусств и так далее, но не было манежа. Таким образом, наряду с большими академиями, о которых упоминает Мароль, существуют «пансионы» с неполной программой, более скромные, но зато более доступные, как в случае Дорила.

Это доказывает, насколько важным было в XVII веке для юноши из хорошей семьи пройти через академию или «частный пансион». Даже Антуан Арно[†], несмотря на свое пристрастие к сочинительству и теологии, провел шесть месяцев в академии Плювинеля. Без академии не было хорошего образования. Когда мадам де Севинье говорит о перспективах одного молодого человека, она подчеркивает, что «он закончил академию»; господин

²⁴ Sorel Ch., op. cit.

* Овидий Назон Публий

(43 г. до н. э. —

18 г. до н. э.) — римский поэт, автор сочинений «Любовные элегии», «Искусство любви», «Метаморфозы», «Фасты», в Средние века считался вторым поэтом после Вергилия.

† Арно Антуан (ум. 1694) — французский теолог, принадлежал к Пор-Роялю, картезианец, корреспондент Лейбница, доктор Сорбонны, пользовался огромным престижем во Франции и Европе.

де Локмарья «может запросто поспорить с любым из придворных — у него 60 000 ливров ренты и он закончил академию»²⁵. Сегодня во Франции это была бы Высшая школа политических наук, в Англии — Оксфорд или Кембридж.

Еще один пример. Все та же мадам де Севинье описывает спор между принцем д'Аркур и Ла Фейядом, больше напоминающий глупую ссору двух больших детей: «После чего принц запустил ему в голову тарелкой, Ла Фейяд кинул в того нож, оба промахнулись. Их разняли и заставили поцеловаться в знак примирения. Вечером в Лувре они уже мирно беседовали, как будто между ними ничего не произошло». И мадам де Севинье добавляет: «Если бы вы видели, как спорят меж собой *академисты в отпуску*, вы бы нашли ссору наших молодых людей очень похожей на это». Слово «академист» вошло в ежедневную практику, как и поведение самих академистов, схожее с поведением студентов или новобранцев. Маркиза и ее корреспонденты используют также выражение «быть в отпуску» — это аргумент академии или попросту армейский жаргон, даже сегодня казарменные словечки и выражения можно услышать в речи буржуа.

Однако вернемся к карьере будущего принца Конде, на чьем примере мы смогли показать важность академии в жизни молодежи XVII века. Конде проучился у Плювинеля год и четыре месяца: «Там я начал делать мои первые шаги в фортификации, изучил масштаб и научился чертить. Также я изучил и карту мира». В семнадцать лет он покидает академию и становится наместником Бургундии; в восемнадцать женится на племяннице Ришелье, которой всего тринадцать. Итак, он прошел весь цикл обучения, начиная с четвертого класса коллежа, включая два года в философском классе, дополненные частными уроками права и годом с небольшим в академии. В первом ему было всего одиннадцать лет — пример ускоренного образования.

Протестантские академии²⁶, существовавшие в условиях Нантского эдикта, очень похожи на католические коллежи: в их стенах довольно часто (но это не было правилом) за счет философии увеличивали количество часов теологии, преподаваемой будущим пасторам. В остальном же цикл был примерно одинаков. Я приведу два примера учебного цикла в протестантской школе. Первый я взял из дневника маркиза д'Ассона — его упоминает Уоддингтон в предисловии к своему изданию «Воспоминаний» Жана Ру²⁷: «Я начал учиться, когда мне не было еще восьми лет, под внимательным надзором моего отца, ныне покойного. Несколько лет спустя меня отправили вместе с моими старшими братьями в Сомюр. Я был настолько молод (между восемью и десятью годами), что со мной послали мою гувернантку — таким образом я смог бы легче перенести разлуку, и гувернантка, как обычно, могла бы спать рядом со мной. Вскоре я перешел во вто-

²⁵ *Mme de Sévigné. Lettres.* 25 nov. 1653, 4 juin 1669.

²⁶ А не академии для знати.

²⁷ *Mémoires de Jean Rou* (1638–1711).

Éd. F. Waddington, 1857.

рой класс (несомненно, речь идет о гуманитарном классе – в протестантских академиях, видимо, по-другому считали классы), где провел три года при господине Лефевре». Мы уже встречали подобные случаи, когда ученики оставались по два года в одном классе — как если бы таким образом можно было компенсировать слишком раннее начало школьной жизни. Затем «я перешел в третий (риторический). Закончил я свою учебу очень молодым», к тринадцати-четырнадцати годам. Он не остался в философском классе, а поступил в академию для знати: «В конце 1668 года я оставил коллеж и поступил в Парижскую академию для упражнений».

Второй пример из жизни самого Жана Ру. Он также опережает своих сверстников: «Я так быстро и легко научился читать, что уже в четыре года мог после ужина читать всей семье главу из Библии. Такое счастливое и быстрое начало способствовало тому, что в пять лет меня отдали в коллеж д'Аркур, — утром меня туда отводила служанка, а вечером она приходила за мной и мы шли домой». В коллеже к нему относились как к настоящему феномену, так как одноклассники были гораздо старше его и к тому же их повсюду сопровождали наставники, а не служанки. Однако у Жана Ру никогда не было наставника, он не был столь богат, как его товарищи. Позже, став старше, он дополнил уроки д'Аркура частными занятиями, которые посещали с ним некоторые из его соучеников. Он присоединился к «трем или четырем молодым школярам», занимавшимся у одного из них, Леккока, сына парламентского советника, «репетициями» под руководством «репетитора» (вот появляется и это слово). Мы можем рассматривать этих репетиторов как предшественников основателей частных пансионов, очень распространенных в XVIII веке.

В 1652 году Жана отправляют в протестантский коллеж в Сомюре. Принципал, городской пастор, определяет его в первый класс. В четырнадцать лет в первом — он теряет свое преимущество раннего начала учебы, принц Конде поступает в первый в двенадцать лет. Теперь уже никто не поддерживает ранних учеников. Более того, его находят слишком молодым для занятия философией: «В конце года меня переводят в философский класс». Однако его попечитель добивается того, что его оставляют еще на год, «из-за... юного возраста, в котором, как он полагал, невозможно осилить серьезные науки». Между тем всего несколькими годами раньше Декарт именно в этом возрасте перешел в философский класс. Здесь наблюдается переоценка отношения к ранним ученикам — к ним относятся почти так же, как в наше время. Закончив философский класс, Жан Ру получает диплом бакалавра и звание доктора искусств (оба диплома можно было получить после одного и того же экзамена), что уже не практико-

валось, за исключением случаев, когда речь шла о подготовке к высшим факультетам, таким как теологический или медицинский.

Несмотря на то что Жан Ру поступил в коллеж в возрасте пяти лет, за время учебы там он полностью потерял свое преимущество — в первом, где остается на второй год, он оказывается в четырнадцать лет, а к философии он приступает в шестнадцать.

Благодаря одному отцу-иезуиту, который имел доступ в архивы «Общества», до нас дошли сведения о школьном цикле сына и внука принца Конде — оба учились в коллеже иезуитов^{28*}. Конде-сын, родившийся в 1643 году, начал изучать «Деспотер», то есть латинскую грамматику, в семь лет. «Он цитирует Катона (речь идет о псевдо-Катоне, авторе IV века н. э., очень популярном в Средние века, приписывавшем свои высказывания Катону Старшему) и латинские сентенции, а с тех пор как он прочитал „Галатео“ (учебник правил хорошего поведения в иезуитских коллежах), он замечает малейшее неуважение к приличиям». Это пишет его наставник отцу в отчете об успехах молодого Конде. «Особенно он преуспевает в сочинении, он вам сам будет писать иногда на латыни, а когда же я сравниваю его тексты с текстами Цицерона, то прихожу к выводу, что ваш сын очень силен в латыни». Не надо удивляться столь большим познаниям семилетнего мальчика в латыни; в те времена латынь изучали как живой язык — на нем разговаривали и нанимали ребенку латинского наставника, как еще недавно отдавали детей на попечение английской или немецкой няне. В общем это пережиток средневековой устной традиции. За сотню лет до описываемых событий Вивес в своих советах королеве Екатерине по поводу воспитания Марии Тюдор[†] писал о необходимости окружить девочку (ей было восемь лет) сверстницами, говорящими по-латыни²⁹. То же самое практикуется и в конце XVI века в кальвинистской Женеве, где преподает Кордьё³⁰. Два школяра из его пособия ведут беседу: «Так сколько лет вашему брату? — Пять. — Неужели? Но он уже говорит на латыни! (Пять — даже тогда это было удивительно.) — Что вас смущает? У нас есть дома педагог, очень знающий и умный (эквивалент английской няни). Он говорит с нами только по-латыни — ни слова по-французски. При нем мы не решаемся говорить по-французски даже с отцом (говорящему двенадцать лет). — Значит, дома вы никогда не говорите по-французски? — Только с матерью у нее в комнате. — А как же с домашними? (Имеются в виду слуги, клиенты, работники и т. д.) — С ними мы разговариваем лишь мимоходом, а то и совсем не общаемся. Впрочем, все наши слуги обращаются к нам на латыни». Несомненно, речь идет не столько о работниках, сколько о «помощниках по хозяйству», как сказали бы сегодня. Однако некоторые домашние слуги тоже посещали школу — они сопро-

²⁸ Cherot H. Op. cit.

* Сын — Анри-Жюль де Бурбон, принц Конде (1643–1709), внук — Луи III, герцог Бурбон-Конде (1668–1710).

[†] В 1523 г. Вивес был приглашен английским королем Генрихом VIII в качестве воспитателя принцессы Марии, чему посвятил собрание афоризмов «Satellitium animi» (1524). Екатерина Арагонская (ум. 1536) — английская королева, жена Генриха VIII, дочь Фердинанда Католика, была разведена с мужем и разлучена с дочерью, жила под строгим надзором. Мария Тюдор (1515–1558) — английская королева (1553–1558), ревностная католичка, прославилась жестоким преследованием протестантов.

²⁹ Massebieau L. Les Colloques scolaires. 1878.

³⁰ Cordier. Colloques. 1586.

зять по-латыни, что, впрочем, доказывает, сколь мало внимание обращали на качество познаний в этом языке. Но вернемся к беседе наших мальчиков: «А как же горничные? — Если нам случается обратиться к ним, мы говорим по-французски, как с матерью. — Как вам повезло, что вас так хорошо учат!»

Каким бы рафинированным ни казалось образование принца Конде, оно не является чем-то исключительным. Подобное же образование получили люди и из других семей, менее важных, чем семья принцев крови. Тем не менее следует заметить, что способ преподавания латыни в процессе общения как живого языка начинает постепенно выходить из моды. Он полностью исчезнет к концу XVII века.

В девять лет младший Конде поступает в четвертый класс коллежа в Бордо (это эпоха Фронды*), из которого он вскоре уходит и отправляется в ссылку в Намюр вместе с отцом. В декабре 1653 года он поступает в третий класс коллежа иезуитов в Намюре. Третий класс был самым многочисленным — 97 учеников из общего числа в 400—500 учащихся. Из 97-ми молодых Конде был седьмым по успеваемости. По сохранившимся школьным тетрадям того времени можно судить об уровне самых успевающих учеников: один из отцов-иезуитов, историограф семьи Конде, досконально изучивший жизнь этого рода, сравнивает уровень тех учеников с уровнем отличников своего времени — 80-х годов прошлого века. По его мнению, первые едва дотягивают до последних.

В 1654 году из третьего класса Конде переходит в гуманитарный, в 1655 году в риторический. Лувенский университет[†] запретил иезуитам Намюра преподавать философию в их коллеже (вот еще один пример неоднозначности философских классов, где рядом сосуществуют предметы, преподаваемые в рамках будущего среднего образования и на высших факультетах). Вскоре, однако, проблема была обойдена — курс философии стали преподавать лишь тем, кто готовился к религиозной карьере, принц тоже присоединился к ним. Ему было тринадцать лет. Два года он изучал логику и физику, так что закончил свое образование в более старшем возрасте, чем отец:

1652/53, 9 лет — четвертый класс;

1653/54, 10 лет — третий;

1654/55, 11 лет — второй;

1655/56, 12 лет — первый;

1656/57, 13 лет — логика;

1657/58, 14 лет — физика.

Можно отметить ровность ежегодных переходов из класса в класс.

Сын младшего Конде, герцог Буйонский, в семь лет был освобожден из-под опеки женщины — ему дали в наставники двух

* Эпоха Фронды — 1648—1653 гг., период противостояния Парижского парламента и высшего нобилитета королевской власти (при малолетстве Людовика XIII олицетворяемой Анной Австрийской и кардиналом Мазарини).

† Лувенский университет был основан Иоанном IV Брабантским в 1426 г., имел репутацию одного из лучших в Европе, крупнейший теологический центр.

иезуитов, «чтобы учиться в домашних условиях». Конде постоянно в выборе учителей из служителей Общества Иисуса. В восемь лет он поступает в Клермонский коллеж, в класс, который можно назвать шестым, так как он предшествует пятому (на самом деле его не обозначают порядковым номером), «комната, где учатся те, кто еще не ходит в класс». Многие из них не умели читать и писать. После герцог Буйонский следует классическому циклу — по классу в год:

- 1676/77, 8 лет — шестой;
- 1677/78, 9 лет — пятый;
- 1678/79, 10 лет — четвертый;
- 1679/80, 11 лет — третий;
- 1680/81, 12 лет — второй;
- 1681/82, 13 лет — первый;
- 1682/83, 14 лет — логика;
- 1683/84, 15 лет — физика.

В течение трех поколений каждый Конде заканчивает учебу на год позже своего отца. Конде старший переходит в риторический в одиннадцать лет, его сын в двенадцать, а его внук — в тринадцать. Даже в этой семье, где очень серьезно относились к учебе, где все были ранними учениками, наблюдается некое старение школьного возраста.

Отныне школьный цикл и последовательность классов приближаются к современному типу образования. Что касается XVIII века, ограничимся тремя примерами — аристократа, буржуа и выходца из народной среды.

Кардинал де Берни родился в 1715 году*. В своих мемуарах он описывает свое детство в самом выгодном свете с точки зрения нравственного сознания того времени: «Отличительной чертой моего разума было умение мыслить»³¹. Он жил в поместье своего отца, капитана в отставке, где тот уединился после того как ему не дали кавалерийский полк. С семи до десяти лет у Берни сменилось шесть наставников — нужно отметить прогресс, в сравнении с XVII веком, домашнего образования с участием наставника. Первый наставник был студентом-медиком. Он скоро оставил своего подопечного, «его ждало место на медицинском факультете в Париже». Студента-медика сменил семинарист, назначавший Берни неслыханные наказания-епитимьи: «...его быстро уволили, и я последовательно побывал во власти еще трех или четырех наставников — невежественных, жестоких и распущенных... Нельзя сказать, что я вел себя намного хуже других детей, тем не менее все эти три года мне часто приходилось отведывать розог». Когда же наконец ему исполняется десять, его «отправили в коллеж варнавитов†», в Бург-Сен-Андеоль в Виваре, небольшое провинциальное учебное заведение, где он проучился четыре года. В двенадцать лет там же ему выстригли тон-

* Берни Франсуа Иоахим де (1715–1794) — французский кардинал, поэт, член Французской академии, министр юстиции при Людовике XV, позднее посол Франции в Венеции и Риме.

† Mémoires du cardinal de Bernis. 2 vol., 1878.

‡ Варнавиты — монашеский орден, основанный в 1530 г. для борьбы с безнравственностью и атеизмом, получил свое название от церкви св. Варнавы в Милане.

зуру — он достиг возраста посвящения. В то же время его старший брат, которого готовили к военной карьере (ему было пятнадцать), поступает «учиться в королевские пажи» (то есть в Королевские Конюшни), по традиции академии, тогда уже прошедшей в упадок.

В четырнадцать лет Берни заканчивает грамматические или гуманитарные классы коллежа Бург-Сен-Андеоль. Или в этом коллеже не было классов, следовавших после грамматики, или семья Берни решила дать сыну парижское образование и столичные связи, но его отправляют в коллеж Людовика Великого: «Я приехал туда в августе 1729 года. Будучи очень честолюбивым, я хотел сразу после каникул поступить в риторический класс. Однако префект, устроив мне экзамены, счел меня недостойным учиться и в третьем классе (видимо, варнавиты, с точки зрения отцов-иезуитов, были не очень сильны в обучении). Мое самолюбие было задето (еще одно новое явление — раньше ученики оставались на второй год, и это им казалось естественным и никого не обижало); я принялся за учебу с таким рвением, — не досыпал, писал и читал при лунном свете, — что в конце концов через два месяца (два месяца, проведенные, безусловно, в третьем классе) меня экзаменовали и приняли на риторику без каких-либо затруднений».

«Самолюбие помогло мне в достижении и другого успеха: я приехал в Париж с лангедокским акцентом; трех месяцев постоянных шуточек моих товарищей было достаточно, чтоб я избавился от него».

Закончил он риторику речью о преимуществе красноречия над философией, произнесенной на латыни. «Речь прошла с большим успехом и даже вызвала что-то вроде раскола между риторами и философами. Последовала ответная речь. Я хотел возразить, но отец-принципал коллежа, опасаясь разрастания конфликта, не дал мне говорить. В конце концов дело закончилось дракой. Философы были крепче, однако их было меньше». Так в начале XVIII века класс становится органической школьной единицей, и школяры это вполне осознают.

Берни не уточняет, сколько времени он проучился в философском, год или два. Скорее всего два года, как все клирики. Он упоминает лишь о том, что по окончании коллежа он представил свою кандидатуру в семинарию Сент-Сюльпис, где ему отказали. Начальство становилось все более разборчивым при приеме священников благодаря распространению семинарий, которые отныне рассматриваются как необходимая ступень при подготовке к религиозной карьере.

Второй пример школьного цикла XVIII века относится к представителю провинциальной буржуазии³². Гросле родился в Труа в 1718 году в семье мелких чиновников: отец адвокат, мать —

³² Vie de M. Grosley. 1787.

дочь городского советника. Едва ребенка отняли от груди кормилицы, отец решил заняться его воспитанием, однако практически им занималась старая служанка, давно находившаяся в доме: «Она была тогда и моим наставником, и гувернером, и учителем... Несмотря на то что она не умела читать (видимо, она помнила наизусть, как звучали те или иные места Писания), именно она меня научила чтению» — по Библии.

Затем он «ходил к старому школьному учителю, у которого брал первые уроки латыни», старый учитель был в прошлом управляющим Главного приюта Парижа, перебравшись в Труа, он открыл там небольшую латинскую школу, или, как это называли, регентство. Кажется, начальные латинские школы, столь редкие в начале XVII века, стали очень многочисленными. Подобная подготовка позволяла пропустить начальные классы коллежа, которые, впрочем, имелись не во всех коллежах. Итак, «я поступил в коллеж в пятый класс в возрасте семи лет». Уточним — в коллеж ораторианцев в Труа, знакомый нам лучше других благодаря сохранившимся архивам, в частности каталогам учеников, к которым мы вернемся позже.

После учился, следуя уже установившейся последовательности: в год по классу — до риторического. Однако в риторическом, а затем и в логическом он остается на второй год (о физическом он не говорит ничего). «Я остался на второй год в риторическом (он пишет «остался на второй год» — так говорят и в сегодняшних школах) ...у меня не было никаких успехов в логике» (по вине плохих учителей). «На второй год моим учителем был отец Вердые — ему удалось подготовить меня к защите диссертации в конце года». Защита диссертации — ее не следует путать с обычными формальными экзаменами, впрочем, ставшими редкостью, на степень бакалавра или на звание доктора искусств, с этим последним пережитком средневековых «детерминаций» — диссертацией заканчивалась учеба в коллеже для прилежных учеников.

После тоже довольно ранний ученик — в 1729 году он поступает в риторический класс в том же возрасте, что и принц Конде веком раньше:

- 7 лет — пятый класс;
- 8 лет — четвертый;
- 9 лет — третий;
- 10 лет — второй;
- 11 лет — риторический;
- 12 лет — риторический;
- 13 лет — логика;
- 14 лет — логика.

Закончил он коллеж в пятнадцать лет, после восьми лет учебы — классический цикл.

Мармонтель³³. Его история переносит нас из города в сельскую местность. Он рассказывает ее не без налета сентиментальности в стиле Греза или Ретифа де ла Бретона: «Как благосклонны к нам небеса, если они дают нам хороших родителей» и еще бабушку восьмидесяти лет, «которая любила, сидя у камина с стаканчиком вина, вспоминать о днях давно минувших».

Мармонтель родился в 1723 году. Он был сыном сельского торговца средней руки. «Меня научили читать в небольшом женском монастыре — моя мать дружила с монашками... Одна дама знатного происхождения, давно укрывшаяся от сует этого мира за монастырскими стенами, любезно согласилась взяться за мое учение... После меня отправили в школу при сельской церкви. Настоятель, будучи человеком, преданным своему делу, учил детей бесплатно». Это была маленькая латинская школа типа той, что посещал в Труа молодой Гросле. Однако Мармонтель провел там гораздо больше времени — он поступил в коллеж лишь в одиннадцать лет. Отец Мармонтеля не знал латыни и не видел в ней большого прока. Зато мать «от всей души желала, чтоб ее старший сын получил образование». «Получить образование» — выражение вполне современное, как современны влияние и роль матери в воспитании и социальном росте детей — еще вчера исключительно отцовская функция.

Отец Мармонтеля уступил своей жене и на крупе своего коня отвез сына в Мориак. Мальчику было одиннадцать лет, когда он поступил в четвертый класс коллежа иезуитов, в двенадцать он в третьем, в тринадцать — во втором, в риторический он переходит в четырнадцать лет. Затем он вынужден оставить коллеж, — не складываются отношения с преподавателем, — и после некоторых перипетий оказывается в Клермонском коллеже в Париже в качестве репетитора, где заканчивает свои два года философии. Таким образом, в семнадцать лет его учеба закончена.

Серию наших биографических примеров мы закончим интересным случаем из жизни провинциальной буржуазии конца XVIII века, передающим атмосферу последних лет Старого порядка.

Жак Лябле родился между 1765 и 1772 годами в небольшом городке на берегу Луары, скорее всего, в Божанси³⁴. Его отец, в шестьдесят лет женатый на 27-летней женщине, торговал вином. Первые годы жизни Жак провел со своими братьями под присмотром гувернантки, она же научила его читать по Псалтыри. «В шесть лет меня отправили учиться латыни. А до того времени я читал лишь церковные книги». Шесть лет он провел в маленькой латинской школе, или регентстве, как ее называли тогда, этот начальный уровень образования становится всеобщим в XVIII веке.

³³ *Marmontel J. F. Mémoires d'un père. 1827.*

³⁴ *Labléc J. Mémoires d'un homme de lettres. 1824.*

В двенадцать лет его «поместили в пансион при семинарии М... находившийся в двух лье от моего родного города». Ученики этой семинарии вовсе не обязательно становились потом священниками. В 1775—1780 годах такая форма обучения, как «малые семинарии», стала набирать силу, чтобы занять важное место в системе среднего образования начала XIX века и составить немалую конкуренцию коллегам и лицам нового университета.

Лябле поступил в семинарию в четвертый класс. Имея за плечами лишь латинскую школу, он, по его словам, не боялся отстать от своих одноклассников. Тем не менее его совершенно отвращала латынь, к которой учителя «любой ценой хотели нас приобщить». Люди предпочитали уже более современное образование. Лябле даже хвастает своей некомпетентностью в предмете: «Во втором классе я переводил латинских авторов только с помощью словаря, где долго отыскивал каждое слово». (А кто-то переводил с листа?) Он уходит из семинарии после второго класса. «Мне было пятнадцать лет, когда я поступил в риторический класс в коллеж ораторианцев в Вандоме... На следующий год — в шестнадцать лет — я поступил в семинарию в О. (Орлеан?) в философский». Его выгнали оттуда за то, что он побил любимого ученика регента, — на том и закончилась его учеба.

*
* *

Все приведенные нами примеры, будучи взятыми из мемуаров, говорят о людях если не исключительных, то, по крайней мере, выше среднего уровня, — средний человек не пишет мемуаров, то есть мы имеем дело с людьми удавшейся, а в некоторых случаях блестящей карьеры.

По их жизни из поколения в поколение начиная с XVI века мы можем проследить становление регулярного школьного цикла. В Средние века в Германии во времена Томаса Платтера школа не знала ни разделения на классы, ни продвижения от младших классов к старшим. Во Франции XVI века разделение на классы существует, но его особо не придерживаются. Можно легко перескочить из третьего, или даже четвертого в первый, или поступить в коллеж позже сверстников, сразу в третий, как Баскомпьер. Коллеж еще не полностью вытеснил традиционный способ обучения «в людях».

Начиная с XVII века эти несоответствия становятся редкими, хотя их можно еще кое-где наблюдать. В целом за основу принимается регулярный цикл — один класс в год. Теперь стараются не перескакивать через класс, наоборот, в старших классах, в частности в риторическом, часто остаются на второй год, продлевая, таким образом, учебу в коллеже. Появляется новая тенденция — коллеж со своим классическим учебным циклом постепенно вытесняет, по крайней мере среди людей среднего и высо-

кого достатка, старые формы обучения через практическую деятельность. В то же время переход из класса в класс становится более последовательным и возникает иерархическая система учебных заведений: от латинской школы до грамматических классов провинциальных коллежей, от них до старших грамматических, гуманитарных, риторических классов центральных коллежей, иногда до философского, где учились два года, с оговоркой, что провинциальные коллежи старались удержать своих учеников и дать им полное образование³⁵.

Наконец, в XVII веке вместе с основанием академий появляется послешкольное образование, хотя бы только для молодых дворян. Академии исчезнут в XVIII веке, как ранее пришли в упадок факультеты права, уступив свою роль частному образованию будущих законников, и коллеж останется единственным основным коллективным учебным заведением, четко отделяющим детей и молодых людей друг от друга и от остальной части населения.

Возраст учащихся также варьируется на протяжении этих двух столетий, однако мы не наблюдаем явной тенденции ни к удлинению, ни к сокращению школьного цикла. Конечно, почти все ученики довольно ранние не только с нашей современной точки зрения, но и по отношению к средним показателям того времени, как мы это увидим ниже. Мы с вами уже видели риторов от десяти до четырнадцати лет — ни одному из них не перевалило за пятнадцать. Теоретически именно этот возраст указывается английскими писателями XVI—XVIII веков, когда речь идет об окончании грамматической школы и поступлении в университет.

*
* *

По биографическим примерам, проанализированным нами выше, хорошо просматриваются некоторые аспекты поведения детей и молодых людей того времени, настолько хорошо, что мы можем многое обобщить. Тем не менее по ним нельзя составить ни ясную картину ученического состава коллежей, ни установить точное соответствие того или иного возраста определенному классу, что очень важно. Следует делать поправку на другие источники, документы, отражающие среднестатистические показатели — «каталоги», в которые регенты вносили списки своих учеников, с указанием возраста и класса. К сожалению, такие каталоги — большая редкость. Отец де Дэнвиль в своем труде «Личный состав коллежей и учебный цикл в XVII—XVIII веках»³⁶ использует два подобных документа: каталог 1618–1620 годов коллежа иезуитов в Шалоне и каталог 1638 года коллежа ораторианцев в Труа, на который в конце прошлого века уже ссылался в своих работах Карре³⁷. Наконец, в Отделе рукописей Национальной библиотеки сохранились каталоги за 1677 и

³⁵ Dainville F. de. Effectifs des collèges et scolarité aux XVIIe et XVIIIe siècles // Populations, 1955, p. 455–488 et 1957, p. 467–494.

³⁶ Dainville F. de. Op. cit // Populations, 1955, p. 480.

³⁷ Carré C. Les Élèves de l'ancien collège de Troyes // Mémoires de la Société académique de l'Aube, 1881.

1692 годы коллежа иезуитов в Кане — о них упоминает Рошмонте в монографии о коллеже Генриха IV во Флеше³⁸. Эти образцы дают нам возможность сделать четыре выборки, охватывающие почти весь XVII век.

Возраст учащихся коллежа в Кане (конец 1692)

Класс	Возраст												Всего
	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
5-й	2	9	19	24	17	15	12	5	1	—	—	—	104
4-й	1	3	11	20	35	24	19	15	2	3	—	—	133
3-й	—	1	5	20	24	35	42	22	15	7	—	—	171
2-й	—	—	—	1	3	10	18	21	15	3	1	—	72

Возраст учащихся коллежа в Кане (1677)

Класс	Возраст												Всего
	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
5-й	2	9	24	37	23	17	14	11	2	—	—	—	139
4-й	—	1	6	12	23	15	40	22	2	4	—	—	125
3-й	—	1	3	8	15	34	37	25	28	6	2	1	160
2-й	—	—	—	—	1	4	6	11	16	4	2	1	45
1-й	—	—	—	—	1	—	12	12	39	20	4	12	100

Возьмем прежде всего стабильные для XVII века демографические показатели. С первой же цифры нас поразит огромная разница между среднестатистическим возрастом учащихся и возрастом наших мемуаристов. Все они подошли к риторическому классу между одиннадцатью и четырнадцатью годами. Остальные школяры намного старше их: в регистрах просто нет одиннадцати-двенадцатилетних риторов, двоим по тринадцать и троем четырнадцать; 91 процент учеников риторики старше четырнадцати лет. В свете этого сравнения наши мемуаристы выглядят исключительным явлением, и весьма показательным. Можно смело предположить, что раннее развитие является неотъемлемой частью любой блестящей карьеры и наблюдается у всякого, кто преуспел в обществе. Впрочем, для конца XVI века оно соответствует и представлению об идеальном школяре, так как возраст наших мемуаристов соответствует минимальному школьному возрасту по *ratio studiorum* коллежей иезуитов в редакции 1586 года³⁹: ритор в одиннадцать лет — в точности как Анж де Жуаез или принц Конде.

Во второй половине XVII века раннее развитие также основной показатель в жизни самых замечательных людей, и этот факт заставляет моралистов взяться за изучение явления. Приведу в качестве примера две книги: «Дети, ставшие знаменитыми» Байе⁴⁰ и «Выдающиеся люди» отца Нисерона⁴¹. Байе рассматривает случаи, подобные нашим; так, он пишет о Меланхтоне,

³⁸ Le collège Henri IV de La Flèche.

³⁹ Dainville F. de. La Naissance de l'humanisme moderne. P. 23.

⁴⁰ Baillet. Op. cit.

⁴¹ Nicéron. Les Hommes illustres.

Возраст учащихся в Шалоне (1618–1619) (по Ф. де Дэнвиллю)

Возраст	Класс					Всего
	5-й	4-й	3-й	2-й	1-й	
8	4	4	—	—	—	8
9	11	6	1	—	—	18
10	28	18	1	—	—	47
11	26	11	5	—	—	42
12	29	12	2	—	—	43
13	21	9	9	—	1	40
14	26	15	8	3	2	54
15	12	12	11	5	4	44
16	5	15	8	6	2	36
17	1	1	5	1	4	12
18	2	5	6	2	2	17
19	—	2	2	—	1	5
20	—	3	5	4	—	12
21	—	1	3	1	2	7
22	—	—	1	1	—	2
23	—	—	2	—	—	2
24	—	—	1	—	—	1
	165	114	70	23	18	390

Возраст учащихся в Труа (1638–1639) (по Ф. де Дэнвиллю)

Возраст	Класс					Всего
	5-й	4-й	3-й	2-й	1-й	
9	3	—	—	—	—	3
10	7	—	—	—	—	7
11	12	1	1	—	—	14
12	28	4	2	—	—	34
13	21	5	5	—	—	31
14	19	15	6	3	—	43
15	14	13	14	16	—	57
16	4	15	14	16	4	53
17	1	1	7	10	5	24
18	3	2	11	16	10	42
19	1	3	5	1	7	17
20	—	2	—	3	1	6
21	—	1	—	1	5	7
22	1	1	1	—	3	6
23	—	—	—	—	—	—
24	1	1	—	—	—	2
	115	64	66	66	35	346

который в тринадцать лет посвящает комедию Рейхлину*, «в свои четырнадцать лет он уже бакалавр, а в семнадцать доктор». Мимоходом отметим, насколько точно теперь указывается возраст. Следующий персонаж — Пьер де Ламуаньон, родившийся в 1555 году: «Отец купил ему экипаж, чтобы отправить в Италию... а было ему всего пятнадцать лет», — значит, в риториках он ходил в возрасте одиннадцать-двенадцать лет. Юстус Липсиус† в четырнадцать лет заканчивает полный курс коллежа иезуитов в Кельне; Пьереск‡ в пятнадцать выпускник такого же коллежа из философского класса, после чего он поступает в академию «учиться обращаться с оружием, ездить верхом и танцевать». А вот еще один ранний ритор (тринадцать-четырнадцать лет), студент из Тулузы, написавший трактат о всеобщей истории, — Рэймон Мерий. Он, согласно отцу Нисерону, «с такой скоростью переходит из класса в класс, что в пятнадцать лет он закончил коллеж, а в семнадцать посвятил себя праву». Франсуа де Ключни, родившийся в 1637 году, в тринадцать лет поступает в риторический, а в четырнадцать — в философский класс коллежа ораторианцев.

Следующая фраза Байе как нельзя лучше иллюстрирует отношение к ранним ученикам в 1688 году. Есть дети, которые «удивительно быстро, уже к двенадцати-тринадцати годам, прошли курс обычного коллежа». Что бы ни стояло за такими успехами — талант, как у Декарта, или тяжкий труд, как в семействе Конде, — раннее развитие дает преимущество, открывающее путь на вершину блестящей карьеры. Потому оно столь редко встречается среди основной массы учеников, и почти обязательно всякий раз, когда речь идет о выдающейся личности. Впрочем, явление легко объяснить, если вспомнить, что в начале да и во многих случаях в конце XVI века, большинство должностей при дворе занимали не бывшие школяры, прошедшие полный курс обучения, а люди, приобщившиеся к своей профессии в качестве «подмастерьев», иногда окончивших перед этим два начальных класса коллежа. В эпоху, когда старость, особенно в карьере военных, начиналась довольно рано, к сорока годам, и активная жизнь была слишком короткой, разнице в возрасте не придавалось особого значения. Единственно, кто мог соперничать с «подмастерьями» — это школяры, очень рано окончившие полный цикл обучения. И если, как мы это увидим ниже, возраст школяра становится старше, то такое «старение» затрагивает в основном более скромные слои населения, а средневековая привычка, впрочем, впоследствии забытая, как можно раньше пройти полный курс обучения, наоборот, долго еще будет достаточно сильной в высших кругах.

Если в приведенных нами каталогах довольно мало ранних учеников, то число школяров в возрасте просто удивительно. В пятом классе коллежа в Труа ученики старше восемнадцати лет

* Рейхлин Иоганн (1455–1522) — немецкий гуманист, юрист, издатель, один из основоположников научной филологии, автор знаменитых «Писем темных людей» (1515–1517), резко критичных по отношению к католической церкви, однако сам Рейхлин не поддержал Реформацию.

† Липсиус Юстус (1547–1606) — филолог, автор трудов о римских древностях и критических разборов латинских текстов, особенно славилось его издание Тацита.

‡ Пьереск Никола-Клод Фабри де (1580–1637) — французский писатель и ученый.

составляют 5 процентов от общей численности учащихся (немного больше сотни). Как странно выглядит в наших глазах класс, где молодые люди восемнадцати-двадцати лет сидят за одной партой с детьми одиннадцати-тринадцати лет. В коллеже в Шалоне доля учеников старше восемнадцати достигает 20 процентов, среди них пятеро двадцатилетних, трое — 21 и один 23 лет. семнадцати-восемнадцатилетних учеников можно найти во всех классах*. В Кане в 1677 году в четвертый ходит столько же восемнадцатилетних, сколько во второй (однако в четвертом в три раза больше учащихся, чем во втором). В Труа в четвертом и третьем восемнадцатилетних больше, чем во втором и первом*. Что же касается возраста десяти-пятнадцати лет, это в основном возраст учащихся грамматических классов. Такой значительный процент великовозрастных школяров и является той самой аномалией, отличающей коллеж эпохи Старого порядка от современного учебного заведения. Наше сегодняшнее восприятие вещей не позволяет нам ни смешивать студентов и лицейстов, ни сажать за одну парту детей и вполне уже взрослых молодых людей. В XVII веке и даже в первой половине XVIII века подобного неприятия не существовало.

Кто же такие эти великовозрастные школяры? «Самые старшие, — говорит отец де Дэнвиль, — обычно запоздавшие с учебой молодые монахи из окрестных аббатств и монастырей, приходившие учиться латыни, а затем и теологии». И великовозрастных школяров запросто помещали в классы среди детей, следовавших обычному циклу.

Однако не все двадцатилетние ученики были такими монахами. Шевалье де Мере^{42†} также является поздним учеником из-за чересчур затянувшегося школярства, что тоже случалось довольно часто. Шевалье де Мере стал при дворе и в столице в начале правления Людовика XIV судьей хороших манер, общения, искусства вести беседу и хорошего тона. Он не претендовал на блестящую карьеру, и тем не менее его нельзя назвать неудачником. Он родился в 1607 году. Устами одного из своих персонажей он так говорит о своей юности и, в частности, о недостатках слишком долгого школярства: «Я мог учиться сколько угодно, потому что мой отец никогда не учился (хотя он был дворянином — случай „учебы в людях“) и любые свои неудачи относил на счет своей неграмотности. Потому он держал меня в коллеже, пока мне не исполнилось 22 года. Когда же я, наконец, ушел оттуда, то на опыте выяснил, что все, чему меня научили, за исключением латыни, не только не пригодилось, но даже оказалось вредным». Оставим без внимания эту критику школьной программы, свойственную любому «приличному человеку» XVII века, которая не мешала ему отдавать своих детей в коллеж. Заметим лишь возраст. Мере поступает в коллеж иезуитов в Пуатье в девять или

* Это не совпадает с данными в таблице.

⁴² *Méré. Œuvres.*

Éd. Ch. Boudhors, 3 vol.,

1930, Préface.

† *Мере Антуан Гомбо, шевалье де* († 1690) — французский дворянин, автор трех книг, опубликованных в 1677 г. — «О развлечениях», «Об остроумии», «О беседе», друг Паскаля.

десять лет, а покидает учебное заведение в 22 года, проведя за партой в общей сложности двенадцать лет, с шестого или пятого класса. Таким образом он должен в среднем два года оставаться в каждом классе. Однако многие наши мемуаристы, в том числе Декарт, по два раза оставались в одном и том же классе, и это не являлось наказанием — тот же Мере говорит, что восемнадцать лет он считался хорошим учеником: «Когда мне было восемнадцать лет, я слышал, как люди вокруг меня говорили: посмотрите, вот юноша, на которого, хотелось бы мне, чтобы походил мой сын». В целом вполне допускалась средняя продолжительность цикла более восьми лет, включая пятый или шестой класс и два года философии. Байе в своей книге так определяет традицию того времени: «Вот как происходило дело в Парижском университете и других коллежах Франции до настоящего времени — курс гуманитарных наук (в широком смысле, включая грамматику и риторику) и курс философии занимают молодых людей в течение девяти-десяти лет», то есть на один, два, три года больше, чем при цикле в год по классу. Какую-то часть наших «старых» риторов двадцати лет должны составлять ученики, которых специально держали в коллеже родители, считавшие, что чем дольше учебный процесс, тем выше качество образования.

Видимо, существовала еще и третья категория старших учеников, находившаяся между двумя рассмотренными выше. Среди двадцатилетних риторов, поступивших в начальные классы в возрасте пятнадцати-шестнадцати лет, далеко не все готовили себя к религиозной карьере. До риторического они добивались обычно к двадцати годам, а то и старше. В Кане 7-ми процентам учеников пятого класса было по шестнадцать лет — в 1930-е в семнадцать сдают на аттестат зрелости. Можно без труда догадаться, к какому социальному типу принадлежали эти подростки, поступавшие в коллеж в возрасте, в котором еще вчера (а подчас и сегодня) оттуда выпускались. Отец скульптора Жиардона^{43*} был медеплавильщиком. Ему очень хотелось сделать своего сына прокурором. В данном случае мы имеем дело с амбициями того же плана, что испытывает сегодняшний дорожный строитель или шахтер, когда его сын становится учителем или инженером. В нашем сравнении нет никакого анахронизма — хоть речь идет о разных эпохах, в этом отношении времена нисколько не изменились, по крайней мере с конца XVII века: то же желание подняться вверх по социальной лестнице, получив пост, обычно занимаемый представителем буржуазии или дворянином, те же средства достижения цели — образование. Единственное, что изменилось — возрастной потолок. Сегодня такой отец постарается вовремя отдать своего ребенка в среднюю школу. Если же он будет долго раскачиваться, то просто-напросто опоздает, и мальчика-переростка в лицей не возьмут. Таким образом, в нашем

⁴³ Sicard. Les Études classiques avant la Révolution. 1887. Жиардон родился в 1625 г.

* Жиардон Франсуа (1628—1715) — придворный скульптор короля, работал в основном для королевских резиденций (Лувр, Тюильри, Версаль).

обществе существует ограничение в возрасте, определенное законом или традицией. За этой чертой двери младших классов среднего учебного заведения закрываются.

Понятие о возрастном ограничении в XVII—XVIII веках напрочь отсутствует. Отец отправляет Жиардона в шестой класс в возрасте семнадцати лет, когда в шестом все еще изучают азы, а некоторые ученики там учатся читать. Несомненно, юный Жиардон умел читать и писать — его первым учителем мог быть старый священник, преподававший в небольшой школе при местной церкви, а его первой книгой — Псалтырь, впрочем, это не имеет никакого значения. Можно также предположить, что он не сидел сложа руки в ожидании своего поступления в шестой класс, то есть до семнадцати лет, скорее всего он работал — помогал отцу или другому мастеру и таким образом обучался своему ремеслу. Статус подмастерья, который он имел до семнадцати лет, не связывал его никакими обязательствами на будущее, в семнадцать он мог заново начать жизнь с начальных классов коллежа — обычная практика для Средневековья, вспомним хотя бы Томаса Платтера (XVI век). В те времена в устройстве собственной жизни проявляется гораздо больше гибкости, чем теперь, несмотря на то, что жизнь эта была гораздо короче нынешней, а возрастные рамки были более размыты. Итак, если бы Жиардон прошел полный курс коллежа, в риторическом ему было бы двадцать. Некоторые старые школяры, фигурирующие в наших каталогах, принадлежали этой категории. Но Жиардон ушел из коллежа сразу после шестого класса — он поступил в подмастерья к плотнику. Оба варианта встречаются довольно часто — двадцатилетний ритор, как в случае если бы Жиардон остался заканчивать коллеж, и подмастерье, проучившийся один-два года до или после того, как он стал таковым, как, собственно, и поступил Жиардон на самом деле.

Впрочем, совершенно ясно, почему условия жизни не позволяли людям ремесленных профессий рано отдавать своих детей в школу — их дети должны были достигнуть возраста, когда они сами могли позаботиться о себе в чужом городе, далеко от семьи, часто не имея никаких ресурсов, за исключением корзинки с провизией, приходившей с оказией в базарные дни. Для того чтобы отправить их учиться в более нежном возрасте, потребовалось бы поместить их в специальный, а значит, и более дорогой пансион, где о них бы заботились больше, чем о взрослых пансионерах. Существование поздних школяров никак не противоречило моральным устоям того времени.

*
* *

Хотя запоздалые школяры и встречаются чаще ранних — последних, кстати, нет в наших каталогах, — они все же состав-

ляют очень малый процент от общего числа ученического состава коллежей. Рассмотрим теперь возрастные категории, близкие к средним показателям, не забывая о том, что они в меньшей степени характеризуют особенности эпохи, чем крайние случаи, приведенные нами выше.

Прежде всего поговорим об изменениях количества учеников от класса к классу. Как правило, почти всегда после пятого и третьего класса наблюдается резкое сокращение числа учащихся по причине ухода временных учеников, таких, например, как Бонневаль или Жиардон. Иногда численность первого класса несколько увеличивается (Кан, 1677 год) за счет учеников, пришедших из других школ, где нет старших классов. Количественные потери из-за ухода школяров были бы намного более чувствительными, если бы тут же частично не восполнялись — ежегодно в каждый класс приходили новенькие всех возрастов, возрастные рамки были не такими строгими, как сегодня.

В этих условиях не могло быть и речи о соответствии каждого классу определенного возраста — для каждого класса таких возрастов было несколько.

В пятом классе коллежа в Шалоне в 1618 году ни одна возрастная категория не составляет и 20 процентов от общего количества учеников этого класса. Их можно разделить на пять групп от десяти до четырнадцати лет:

- 10 лет — 16 %;
- 11 лет — 15 %;
- 12 лет — 17 %;
- 13 лет — 12 %;
- 14 лет — 15 %.

Помимо многообразия возрастов, здесь наблюдается еще и некий провал между двумя группами: количество тринадцатилетних по отношению к четырнадцати- и двенадцатилетним. Подобные особенности можно найти повсюду — в каждом классе существует не только огромная дистанция между крайними возрастными категориями (восемь и восемнадцать, девять и девятнадцать лет), но и само демографическое ядро состоит из четырех-пяти возрастных групп с разницей в один-два года. Наряду с этой невероятной возрастной разномастностью каждого класса существует очень слабое различие в возрастном отношении между самими классами. От младшего до самого старшего класса представлены все возрастные группы учеников. Опять же в Шалоне в 1618 году четырнадцатилетние составляют 15 процентов личного состава пятого, 13 процентов четвертого, 11 процентов третьего, 14 процентов второго классов, в каждом из которых держится ощутимый процент четырнадцати-, пятнадцати- и шестнадцатилетних.

Если в XVI веке класс превращается в структурную единицу коллежа, становится основным элементом, определяющим каждый год учебы, то отношение возраста и класса остается еще весьма неопределенным и зыбким.

*
* *

С начала XVII до начала XIX века демографическая структура школьных классов значительно изменилась, и мы попробуем выявить смысл этой эволюции, хотя наши выводы могут показаться слишком смелыми, если учесть, что в нашем распоряжении не так уж много документов, довольно разрозненных и с большими пробелами. К предыдущим данным коллегей в Шалоне за 1618 год, в Труа за 1638 и в Кане за 1677 и 1692 годы присоединим один неполный документ, касающийся XVIII века, — бухгалтерский регистр учеников коллежа Людовика Великого, ставшего после ухода иезуитов пансионом и учреждением для стипендиатов. Недостаток этого документа состоит в том, что в нем не всегда указывается возраст ученика и класс, в котором он начал свою учебу в коллеже; нас же интересуют данные, где имеются обе цифры. Документ этот уже использовал Дюпон-Феррье в своей монографии о коллеже Людовика Великого⁴⁴.

Второй документ, который мы собираемся сюда приложить, значительно более точен. Это «каталог» учеников Сент-Барб в Париже начала XIX века⁴⁵. После многочисленных перипетий Сент-Барб стал пансионом, откуда ученики либо ходили на уроки в другие лицеи, либо учились, не покидая стен заведения в так называемых «внутренних» классах. Документы Сент-Барб находятся в архивах департамента Сены. Там можно найти списки учеников, разделенных на классы, — по странице на каждого ученика, где есть и текущие оценки года, и копии писем для родителей, в которых учителя отчитывались о поведении своих подопечных. К сожалению, первые годы XIX столетия возраст учащихся не отмечался. Однако впоследствии на него обращают особое внимание. Я выбрал в качестве примера учебный год 1816/17.

Таблица и соответствующие ей графики позволяют проследить долю того или иного возраста в классах числом по сто человек.

Первое же наблюдение: полное исчезновение между XVII и XIX веками как слишком ранних, так и слишком поздних учеников.

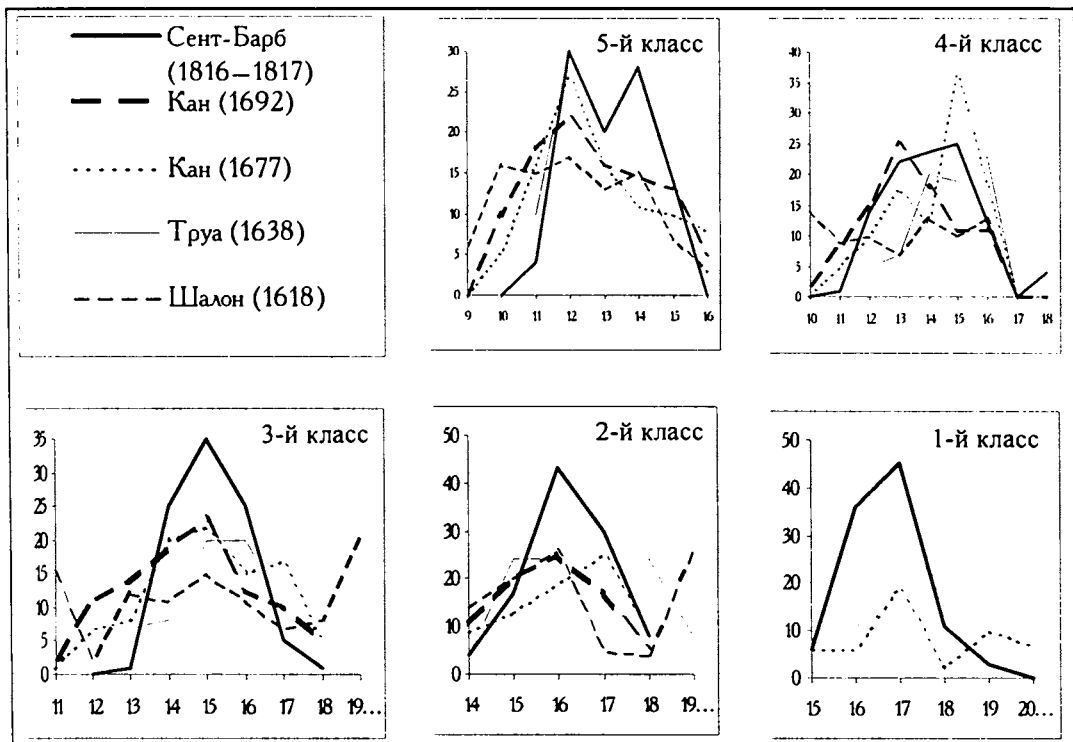
Показатели по ранним ученикам падают довольно рано и стремительно. Доля девятилетних в пятом, десятилетних в четвертом, одиннадцатилетних в третьем резко падает в первый раз между Шалоном 1618 года и Труа 1638 года. Затем она остается примерно на прежнем уровне до конца XVII века. Доля десяти-

⁴⁴ Dupont-Ferrier C. La vie quotidienne d'un collège parisien, Clermont-Louis-le-Grand. 3 vol., 1921; Registres des comptes de Louis-le-Grand pour les années 1765 à 1773. Arch. Nat. N° 2450 et la suite.

⁴⁵ Archives de la Seine. Мы благодарны г-ну Флери, ныне директору Школы высших исследований, который способствовал нашему знакомству с этими каталогами.

Возраст школьников в Сент-Барб (1816–1817)

Возраст	Класс										Всего
	8-2	8-1	7	6-2	6-1	5	4	3	2	1	
20	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
19	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
18	—	—	—	—	—	—	—	1	2	3	6
17	—	—	—	—	—	—	—	3	9	11	23
16	—	—	—	—	—	1	7	15	17	10	50
15	—	—	—	—	1	8	16	21	7	2	55
14	—	—	1	7	7	13	15	16	2	—	61
13	1	3	2	4	3	10	14	4	1	—	42
12	2	3	9	4	8	15	9	—	—	—	50
11	4	3	9	4	12	2	1	—	—	—	35
10	8	5	4	—	—	—	—	—	—	—	17
9	12	9	7	—	1	—	—	—	—	—	29
8	8	1	1	—	—	—	—	—	—	—	10
7	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
6	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	40	24	33	19	32	49	62	60	39	27	385

летних — 16 процентов — в пятом классе Шалона опускается до шести в Труа и держится на уровне 6-8 процентов в Кане по 1677 и 1692 годы. Одиннадцатилетние составляют что-то около 15 процентов в пятом на протяжении всего XVII века. В регистрах поступающих коллежа Людовика Великого за 1760-1770 годы отмечается очень малое количество ранних учеников, я обнаружил лишь один случай — ученик тринадцати с половиной лет во втором. Среди поступивших в пятый, по крайней мере среди тех, чей возраст указан, самому младшему — тринадцать. Таким образом, в XVIII веке просматривается уменьшение доли ранних учеников, что подтверждается данными по Сент-Барб за 1816/17 учебный год. Если еще в 1692 году десятилетние в пятом классе составляют 8 процентов, то в 1816 году их там нет вообще. Количество одиннадцатилетних в пятом классе опускается с 15 процентов в XVII веке до четырех в 1816 году.

Как мы видели выше, Байе находит странным в 1688 году, что «среди учеников есть закончившие к двенадцати-тринадцати годам обычный курс обучения». Странным, но достойным восхищения. В начале же XIX века, напротив, к ранним относятся с недоверием. Учителя Сент-Барб стараются избегать быстрого продвижения слишком молодых учеников. Например, вот ученик шестого класса — ему одиннадцать лет семь месяцев. Его отец желает перевода сына в пятый: «Мы полагаем, что такой скорый переход в более высокий класс может повредить его развитию. Пусть это будет лучше твердый шестой класс, чем посредственность в пятом». А этому — тринадцать с половиной, он среди младших третьего класса, где 85 процентов учеников — четырнадцати-, пятнадцати- и шестнадцатилетние (всего 7 процентов тринадцатилетних). Учителям не нравится ребячество и совершенно детское поведение ученика среди одноклассников на три-четыре года старше, а мы знаем по опыту, в тринадцать лет два-три года разницы играют большую роль: «Со всеми его замашками большого мальчика он, однако, является обязательным участником всех возникающих споров и ссор, своеобразных гражданских войн среди учеников, он лезет туда, где ничего не понимает или что его не касается. Он любит борьбу и бокс, а это недостойно поведения большого мальчика».

Тринадцатилетний школяр оказался среди учеников второго класса. «Чрезвычайное легкомыслие этого ученика... привычка говорить глупости» показывают, насколько он еще мал для этого класса; «по возрасту он должен был бы ходить в третий». Во втором он останется еще на год.

Даже в четырнадцать с половиной из третьего во второй переводят не без колебаний: «Третий класс очень серьезный класс, особенно к концу года; нужно уже иметь свое суждение, воображение начинает играть важную роль. Малый возраст этого уче-

ника не позволяет сейчас развить способности до нужного уровня». Отныне признается важность строгого соотношения между возрастом, способностями и школьным классом и кажется не целесообразным что-то менять в пользу младших.

*
* *

Если ранние чудо-дети и случаи опережения сверстников полностью исчезли к концу XVIII века, то запоздалые ученики продержались дольше. Их продолжали принимать даже тогда, когда к ранним уже относились настороженно. Категория восемнадцати-двадцатилетних риториков и второклассников просуществовала до Революции. Естественно, присутствие этого возраста в грамматическом классе может показаться более исключительным случаем — повсеместное распространение малых латинских школ во всех уголках страны разгрузило младшие классы коллежей с полной нагрузкой. Однако последние вновь получили свой контингент двадцатилетних во втором и в риторическом. Риторический класс в Кане в 1677 году насчитывает 16 процентов учеников старше девятнадцати лет. В регистрах поступления в коллеж Людовика Великого второй половины XVIII века большой разницы в цифрах не наблюдается. Взрослые ученики встречаются довольно часто: 18, 20, 23 года в риторическом, 18, 19, 20 лет во втором, 18 лет в третьем и 17 лет в четвертом. В начале XIX века, когда школьным проблемам уделяется особенное внимание по случаю реформы университета и конфессионального образования, специалисты хорошо помнили о великовозрастных учениках, наводнявших разные классы коллежей Старого порядка. Аббат Лиотар, основатель коллежа Станислава, пишет в 1829 году в своем труде, посвященном «общественному образованию во Франции»: «Коллеж — это не академия (сегодня мы бы сказали — не университет; однако тогда слово „университет“ сохраняло значение среднего учебного заведения, как это было при Старом порядке). Остерегайтесь глупости старого Парижского университета, который, чтобы более успешно конкурировать с иезуитами, нес огромные расходы на содержание двадцатилетних шестиклассников и сорокалетних риториков»⁴⁶.

Резкий тон аббата Лиотара — прекрасная иллюстрация того, насколько в начале XIX века не приветствуется смешение возрастов. Старые ученики полностью исчезли из грамматических классов Сент-Барб. Встречались одиночные случаи девятнадцати-двадцатилетних во втором и первом. Однако последнее объясняется изменением программ риторического класса. В этот период в Сент-Барб не остается и следа от философии, и именно в риторическом запоздалые ученики учат логику в дополнение к латинской или же французской риторике, готовясь одновременно к поступлению в школу права или в Политехническую школу. Как

⁴⁶ Dengs. Mémoires de l'abbé Liautard, fondateur de Stanislas. 1844.

бы там ни было, учителя Сент-Барб не терпят бородатых учеников, довольно вольных в выражениях, с которыми в стены учебного заведения проникают свободные нравы позднего подросткового периода. Вот что они думают об одном из «гуманитариев» (ученике гуманитарного класса) восемнадцати лет и трех месяцев: «Каков бы ни был его возраст, молодость его слишком ранняя (?). На школьной скамье его борода выглядит несуразно, его невоздержанный язык свидетельствует о ранней эмансипации в обществе». Он уйдет из коллежа. Мы не знаем возраста другого ученика гуманитарного класса 1807 года, однако вот что о нем говорят: «Этот ученик немного стар для своего класса». Однако и речи быть не может о том, чтобы перевести его в риторический: «Я прошу вас, — пишет учитель его отцу, — сказать мне, к какой карьере вы его готовите, ваши намерения, пожелания... В его возрасте непозволительно терять время на учебу!» Времена старых школяров прошли, скоро начнутся времена студентов университета — «школяров» Мюссе.

Теперь посмотрим, как в основном изменился возрастной состав классов. Хотя наши источники приблизительны, сравнение кривых позволяет выделить несколько интересных тенденций.

Прежде всего поражает разница между кривыми XVII века и кривой, относящейся к 1816/17 уч. году. Остановимся ненадолго на кривых XVII века — здесь мы наблюдаем явления, уже отмеченные нами. Линии графика представляют две характеристики: охват и расположение максимумов. В пятом классе пять возрастных категорий составляют более 10 процентов. Это означает, что в этих четырех пятых классах XVII века ученический состав делится между десяти-пятнадцатилетними; ученики младше десяти и старше пятнадцати лет составляют менее 10 процентов. Лишь в 1618 году кривая остается достаточно плавной, а кривые, относящиеся к другим классам, охватывают меньше возрастных категорий. В частности, в гуманитарных классах 1638 и 1677 годов три возрастные категории — вместо пяти в пятом классе — составляют более 10 процентов от общего числа гуманитариев. Можно было бы говорить об относительной концентрации школяров в старших классах, если бы другой феномен не входил иногда в противоречие с нашими выводами — большая доля поздних восемнадцати-двадцатилетних учеников.

Судя по регистрам поступающих коллежа Людовика Великого, в XVIII веке возрастной разброс еще держится на значительном уровне. В пятом и четвертом классе учатся школяры от тринадцати до семнадцати лет, в третьем — от тринадцати до восемнадцати лет, во втором — от тринадцати до девятнадцати лет и в риторическом — от пятнадцати до 23 лет.

На этих кривых большого охвата расположение максимумов очень показательно. Иногда их как бы вообще нет, таково поло-

жение в 1618 году в пятом, четвертом и третьем классах. Если максимумы ярко выражены, то только в нескольких случаях. Прежде всего, когда совпадают максимумы, относящиеся к разным годам и регионам. Так, все кривые по пятому классу достигают пика к двенадцати годам, кривые третьего — к пятнадцати. Такой статистический максимум приближается к возрастному типу для данного класса в XIX веке: таким образом, он скорее указывает на тенденцию в будущем, чем на характеристику настоящего, — не зря люди зачастую не доверяют так называемым средним показателям.

Максимумы разных кривых могут и не совпадать, как, например, кривые, относящиеся к четвертым классам, максимумы здесь перемещаются с тринадцати лет в 1692 году к семнадцати годам в 1638 (не говоря уж об очень плоской кривой 1618 года с тремя максимумами: десять, четырнадцать и шестнадцать лет). Это означает, что от эпохи к эпохе, или от региона к региону наиболее значительная доля определенной возрастной категории в четвертом классе — 20 процентов — может переходить от тринадцатилетних к семнадцатилетним.

В старших классах — третьем, втором и первом — наблюдается другое явление: раздвоение максимумов. Конечно, часто случается, что из трех последовательных возрастов представитель среднего оказывается меньше всего: нерегулярный по экономическим причинам набор учащихся, безразличие к возрастному соответствию тому или иному классу — вот объяснение такому поведению кривых. Но мы бы хотели здесь поговорить о более исключительном явлении. Мы уже отмечали, что кривые, относящиеся к третьему и к старшим классам, гораздо круче кривых, относящихся к младшим классам. Однако это справедливо лишь для части кривых, соответствующих возрастам от тринадцати-четырнадцати лет до семнадцати-восемнадцати лет. Однако другая кривая ее часто обгоняет в сторону более высоких показателей, вызывая подъем к восемнадцати, девятнадцати и двадцати годам. Этот второй максимум соответствует новому набору учеников, он отличается от ежегодного перехода из класса в класс, он более массовый — речь идет о запоздалых учениках, пришедших, например, из других латинских регентств.

Перейдем теперь к кривым Сент-Барб в 1816/17 уч. году. В какой степени отличаются они от кривых XVII века, если характеристики, которые иллюстрируют последние, продержались, как мы предполагаем, почти на протяжении всего XVIII века?

С первого же взгляда можно сказать, что кривые Сент-Барб менее пологи и поднимаются гораздо выше, то есть возрастные категории, собранные вокруг максимумов, представляют собой более значимый процент от общего состава учеников. Так, в пятом классе три возраста набирают более 20 процентов вместо

одного возраста в XVII веке. В третьем, втором, первом классах две или даже три возрастные категории набирают более 25 процентов, тогда как в XVII веке ни одна возрастная категория не достигает такого показателя. Само школьное население располагается на меньшем возрастном промежутке и концентрируется вокруг возраста, наиболее характерного для данного класса.

Тем не менее эта регуляризация кривых XIX века характерна не для всех возрастов в одинаковой степени. В пятом и четвертом классах она еще похожа на силуэт колокола, сохраняя разброс показателей при Старом порядке. В четвертом шестнадцатилетних почти столько же, что и двенадцатилетних. В пятом классе четыре возрастные категории представлены по 15 или более процентов каждая. Лишь начиная с третьего отмечается преобладание современных черт: в третьем классе более 80 процентов учащихся четырнадцати, пятнадцати или шестнадцати лет; во втором — шестнадцати или семнадцати лет.

Итак, на заре XIX века возрастное соответствие проявится в полной мере только в старших классах. Такая ситуация, по-видимому, будет продолжаться долго. Однако могу ли я утверждать, что сегодня, в 50-х годах XX века, положение полностью изменилось? Поступление в шестой класс происходит примерно в одинаковом возрасте из-за конкуренции между поступающими в среднюю школу, в то время как провалы на экзаменах между классами приводят к появлению второгодников, вызывая некоторую разницу в возрасте между учащимися средних классов.

Однако надо признать, что даже в младших классах учителя отрицательно относились к смешению возрастов, хотя и не могли еще устранить этот недостаток. В 1816 году преподаватели Сент-Барб объявляют о создании новой секции в шестом классе специально для поздних учеников, прежде не отделявшихся от своих более младших товарищей: «Мы намерены создать отделение *шестого класса для поздних*... чтобы у них был, таким образом, свой класс, отвечающий их потребностям и способностям... класс, полностью состоящий из детей старшего возраста, задержавшихся с учебой».

И последний вопрос, возникающий перед нами. Мы только что рассмотрели, как в начале XIX века состав каждого класса начинает концентрироваться вокруг определенного возраста. Установившийся типичный возраст говорит об омоложении или некоем старении контингента относительно традиций Старого порядка и более строгих правил начала XX века?

В общем кривые 1816 года контрастируют с кривыми, относящимися к периоду Старого порядка, исключая самых юных и наиболее развитых учеников. Эти кривые стремятся приблизить свои более острые максимумы к более плавным максимумам вторых. Все происходит так, будто средние показатели по возрастам

учащихся Старого порядка, которые достаточно непросто обнаружить, к началу XIX века становятся преобладающими и специфичными. Однако старые и новые максимумы не совпадают в одинаковой степени в старших и младших классах.

Мы отмечали, что в младших классах XVII века максимумы очень часто раздваивались, да и не всегда были хорошо видны на слишком пологой кривой. Кривые 1816 года более остры, но они смещены в сторону увеличения по отношению к кривым XVII века, их максимумы совпадают с наиболее поздними максимумами кривых XVII столетия. Для примера — кривые по пятому классу. Четырнадцатилетние в пятом классе XVII века составляют лишь от 12 до 16 процентов менее возрастного состава класса, в котором больше всего двенадцатилетних. В 1816 году двенадцатилетние все еще имеют большинство — их около 30 процентов, однако число четырнадцатилетних увеличивается до 28 процентов. Точно так же и относительно четвертого класса, учитывая максимум 1816 года для пятнадцатилетних. Таким образом, следует допустить, что контингент грамматических классов несколько постарел по отношению к контингенту грамматических классов при Старом порядке.

Такой демографический состав дает двенадцать-четырнадцать лет для пятиклассника, тринадцать-пятнадцать для ученика четвертого, с максимумами соответственно на четырнадцать и пятнадцать годах. Пятнадцатилетние ученики пятого класса в восемнадцать лет поступают в первый и, если все проходит хорошо, в девятнадцать лет становятся, говоря современным языком, бакалаврами, которые в двадцать закончат либо философский, либо математический класс. Такое соотношение возрастов с классами может показаться довольно запоздалым современному человеку, по крайней мере тем из современников, которые, подобно автору этой книги — увы! — закончили учебу до 1940 года, так как с тех пор наблюдается новое старение контингента, на этот раз по причине конкуренции, превратившей получение даже обесценившегося аттестата в некое подобие конкурса. Однако подобная конкуренция была неизвестна ни при Старом порядке, ни в XIX, ни в начале XX века. Итак, подробный анализ возрастного состава младших классов позволяет говорить о старении контингента учеников начала XIX века по отношению к контингенту XVII, а также конца XIX — начала XX веков.

Однако, если верить данным по Сент-Барб, тенденция старения прекращается к третьему классу. В кривых от третьего до первого классов ярко выраженные максимумы 1816 года совпадают с первыми максимумами XVII века (второстепенные максимумы XVII века исчезают со старыми школярами двадцати лет). Из этой ситуации вытекает: четырнадцать—пятнадцать—шестнадцать лет в третьем классе, шестнадцать и семнадцать

во втором, шестнадцать и *семнадцать* лет в первом — почти как в XIX—XX веках. Это очень ценные данные. Конечно, нельзя быть до конца уверенным, что они являются характерными и для школьного контингента, и для сознания того времени. Не будем забывать, Сент-Барб был пансионом, чей контингент быстро уменьшался к старшим классам. Напротив, есть немало оснований полагать, что тенденция увеличения возрастов первых классов длилась достаточно долго. Даже в Сент-Барб преподаватели говорят родителям о благотворном влиянии с психологической точки зрения относительной задержки школьного возраста. Мы знаем — они очень враждебно относились к ранним ученикам. Нам также приходилось констатировать и их типичное для наставников того времени отвращение к присутствию в их классе более развитых личностей. Они, напротив, были более благосклонны к ученикам, которых сегодня мы посчитали бы переростками. Вот что они говорят, например, о восемнадцатилетнем ученике второго класса: «Блестящие результаты в подходящем возрасте». О его товарище семнадцати с половиной лет отзываются так: «Пусть он помнит, что его поместили в класс, для которого он еще слишком молод и слаб». Слишком молод — семнадцать с половиной во втором!

А вот шестнадцатилетний ученик пятого класса; преподаватели находят, что он слишком быстро продвигается из класса в класс: «Интересный ученик... папа (sic) возжелал, чтобы он перескочил через класс (это желание можно понять), мы пошли на встречу его намерению без особого восторга, ибо у нас не любят ускоренного выпуска. И что же произошло? Когда он оказался в пятом классе, выяснилось, что он недостаточно созрел для него». Формулировка остается неясной — сегодня мы бы сказали, что это либо неспособный ученик, либо ему следует нагонять программу.

Однако учителя Сент-Барб одобряют остающихся по два года в одном классе и часто советуют оставить на второй год того или иного ученика, даже если родители не проявляют большого оптимизма по этому поводу. Вот вполне современная позиция, опережающая воззрения педагогов: «Поздравляю вас, вам удалось оставить его на второй год в риторическом». На второй год чаще всего оставались в старших классах, это даже считалось полезным. В 1807 году (когда в списках учеников еще не указывается возраст) «в риторическом классе лицезрели очень много ветеранов (отметим слово „ветеран“, перешедшее в этот период из военного в школьное аргю)». Сегодня классы, перегруженные второгодниками, служили бы показателем очень низкого уровня учебного заведения. В 1807 году думают иначе: «Таким образом, риторические классы усилены опытными учениками». Однако эти ветераны, не являющиеся пансионерами Сент-Барб, не фигурируют в нашей статистике.

В то же время некоторые из ветеранов проявляли признаки утомления учебой, и педагог вынужден был согласиться, что такая усталость может быть вполне оправдана: «Ученик не желает в третий раз оставаться в риторическом. Полагаю, что, действительно, еще один год учебы в этом классе — это потеря драгоценного времени, так как для него в этой части программы уже нет ничего нового». Присутствие таких переразвитых учеников, — а здесь их правильнее назвать задержавшимися, — объясняет неразбериху, всякий раз вызываемую военным призывом в лицеях и коллежах. Она была бы примерно такой же на сборных пунктах в военных комиссариатах сегодня, если бы студенты не имели отсрочки. Два совершенно разных понятия все еще ставятся в один ряд — студент и лицеист. Конечно, в начале XIX века университеты еще не привлекали в свои стены большого числа студентов разных слоев и возрастов, и послешкольному образованию уделялось столь же мало внимания, что и при Старом порядке. Только многим позже — в конце XIX века — подготовка к поступлению в высшие школы, к экзаменам на диплом лиценциата или докторскую степень на факультетах права и медицины, ставшими обязательным условием доступа к частной практике, вынудили учеников сократить продолжительность среднего образования.

Таким образом, если в старших классах Сент-Барб не было поздних по возрасту учеников, как этого следовало ожидать, судя по возрастному составу младших классов, то это не является заслугой преподавателей. Последние, напротив, пытались увеличить возраст учеников старших классов, что совпадало с мышлением той эпохи.

Есть и другие свидетельства, показывающие, что люди прекрасно понимали, насколько помолодел контингент второй половины XIX века по отношению к ученическому составу первой трети того же века. Откроем воспоминания Буке, куда входит и описание его школьной жизни в бытность лицеистом в Руане в 1830-х годах: «В то время в шестой поступали на два-три года позже, чем сейчас, между тринадцатью и двенадцатью годами... Полный цикл занятий завершался к девятнадцати-двадцати годам (что соответствует максимуму пятнадцатилетних в четвертом классе Сент-Барб). Никому бы и в голову не пришла возможность стать бакалавром в шестнадцать лет — это было бы невероятно»⁴⁷. Видимо, это увеличение школьного возраста объясняет огромное количество волнений, которые имели место в первой половине XIX века, тогда же происходит и ужесточение школьной дисциплины и повсеместное распространение интерната.

Таким образом, мы можем предположить, что исчезновение ранних учеников, какими мы их наблюдали в XVI и начале XVII века, а также учеников поздних (они существуют до конца XVIII века), соответствует концентрации школьного континген-

⁴⁷ Bouquet F. V. Souvenirs du collège de Rouen, par un élève de pension (1829–1835). 1895.

та вокруг возрастов более старших и по отношению к средним возрастам при Старом порядке, и по отношению к типичным возрастам конца XIX — начала XX веков.

*
* *

После проделанной работы сделаем несколько основных выводов.

Опережающее, в сравнении со сверстниками, развитие нескольких рассмотренных нами персонажей XVI и начала XVII веков проявляется как пережиток средневековых школярских традиций, а также всеобщей привычки к практическому обучению, когда все возрасты перемешаны и раннее проявление талантов никого не удивляет, как, впрочем, и исключительность особо одаренных; мы отметили, что наиболее сложившиеся с точки зрения карьеры судьбы, как судьбы наших мемуаристов, всегда начинаются с относительно ранней учебы. Тем не менее, и очень скоро — самое позднее в XVIII веке, — чудо-дети не вызывают уже всеобщего восхищения. Отрицательное отношение к ранним ученикам — первая брешь в безразличном отношении к детскому и юношескому возрасту. Школьная политика, в результате которой слишком маленькие дети, какими бы они ни были одаренными, либо не принимались в класс, либо помещались в более младшие, либо оставлялись на второй год, вводит новое ощущение разницы в возрасте между ранним детством, длящимся все дольше, и детством школьным. Вплоть до середины XVII века концом раннего детства считался возраст между пятью и шестью годами, когда мальчик расставался с матерью, няньками и служанками. В семь он мог поступить в коллеж, даже в пятый класс. Затем школьный возраст, по крайней мере возраст поступления в грамматический класс, увеличился до девяти-десяти лет. Следовательно, первые десять лет жизни оказывались в дошкольном возрасте. Раннее детство до девяти лет отделяется от школьного, которое начинается после девяти. Самое распространенное объяснение такой задержки — неспособность к учебе слишком маленьких детей, реже — риск, которому подвергалась в стенах школы их невинность; ибо эта опасность — если уж выдвигать такой аргумент — не ограничивается ранним детством.

Неприятие ранних учеников говорит о первой дифференциации детей, проведенной с помощью коллежа, — выделяется категория раннего детства, продолжающегося до десяти лет.

Однако если раннее детство и было выделено в отдельную категорию, то архаическое смешение возрастов еще наблюдается в XVII—XVIII веках в остальной части школьного населения, где дети десяти-четырнадцати лет, подростки пятнадцати-восемнадцати лет и молодые люди 19—25 лет ходят в одни и те же классы. До самого конца XVIII века никому и в голову не приходило их

* Вторая империя — время правления Наполеона III; империя была установлена плебисцитом 1852 г. и пала в 1870 г. после поражения Франции в войне с Пруссией.

разделить. Еще в начале XIX столетия «бородачам» старше двадцати отказывали в праве учиться, однако терпели на школьной скамье запоздалых подростков — смешение удаленных друг от друга возрастов никого не шокировало, лишь бы это не вредило самым младшим. Люди еще не испытывают потребности выделить второе детство, после двенадцати-тринадцати лет, и дать определение подростковому возрасту и юности. Эти возрастные категории оставались неотделимы друг от друга. Они будут разделены позднее, во второй половине XIX века, благодаря распространению в буржуазной среде высшего образования. Во времена Второй империи* даже момент призыва, от которого легко уходили дети буржуазии, не делил этот долгий период, куда современные дифференцированные понятия еще не допускались.

Нужно заметить, что отсутствие границы между вторым детством и подростковым возрастом, исчезнувшее в буржуазной среде в течение XIX века, можно обнаружить даже сегодня в народных слоях, удаленных от среднего образования. Большинство начальных школ остаются верными традиции одновременности преподавания. Получив свидетельство об образовании, молодой рабочий, если он не идет в какую-нибудь техническую школу или центр профессионального обучения, сразу попадает в мир труда, который не ведает разницы между возрастными, практикуемой школой. Он может выбрать себе товарищей в рамках большего возрастного периода, чем ученик определенного класса лицея. Окончание детства, подростковый возраст и начало зрелости не противопоставляются друг другу, как в буржуазной среде, воспитанной в системе среднего и высшего образования.

Второе детство — ребенок-подросток — было выделено благодаря постепенному и относительно позднему установлению соотношения между классом и возрастом. Очень долгое время в XVI и даже в XVII веке это соотношение оставалось зыбким. Регуляризация ежегодных переходов в более старший класс, привычка вести учеников через полный цикл обучения, а не ограничиваться лишь несколькими классами, потребность в новой педагогике, рассчитанной на менее многочисленные классы, более однородные по возрасту, привели в начале XIX века к закреплению более строгого соотношения класса и возраста. Преподаватели стали набирать свои классы в зависимости от возраста учеников. Так разные возрастные периоды, некогда смешанные, начали разделяться по годам обучения, поскольку с конца XVI века класс признается структурной единицей. Без коллежа было бы немислимо то внимание к малейшей разнице в возрасте детей, которое является частью культуры буржуазии, и она проявляла бы такое же относительное безразличие к этому, как и однородные массы.

¹ *Chavenac. Histoire d'Aix.*
P. 108. Statuts de l'Université
d'Aix.

² *Manuale scholarium.* Édité
par R. F. Seybolt, 1921.

³ *Rashdall. Op. cit., t. III,*
p. 376–385.

⁴ По заду или бедрам
желторотого (лат.).

⁵ *Félibien. V, p. 662.*

⁶ Новых поступивших (лат.).

Устав университета в Эксе начала XV века позволяет нам проследить сцену принятия (своего рода инициации) новичка; сегодня сказали бы «зеленого», в те же времена — «желторотого». Принятие новеньких было тогда важным событием: в каждом землячестве (*Nation*) ежегодно в порядке шефства назначался «попечитель». Желторотый должен был одновременно и уплатить дань за свое принятие в ряды школяров, и оплатить пир — сегодня сказали бы вечеринку — для нескольких старших товарищей и преподавателей. Церковный староста, «попечитель», ректор, — который назначался тогда из студентов, — на нем тоже присутствовали. Если новичок пытался уйти от этой обязанности, его могли подвергнуть процедуре искупления своей желторотости *in studio*, в школьном зале, «с книгой на заднице, как требуют обычай и традиции», несомненно, были какие-то еще шутки и правила, о которых документ умалчивает¹.

По окончании пира наступала очередь процедуры посвящения новичка — он становился школяром. В Германии, как пишут Сэйбот² и Рэшдол³, новичка мыли, исповедовали и одевали — он принимал что-то вроде крещения. В Эксе каждый присутствующий, по примеру «попечителя» со сковородкой, бил три раза *supra anum aut femora bejoparum*⁴; присутствующие дамы могли облегчить участь новичка. Официальный документ, по всей видимости, пытается по возможности смягчить краски — на самом деле часто посвящение в студенты сопровождалось более грубыми издевательствами и неприличными сценами. Некоторые университеты, Венский например, пойдут на запрещение той части церемонии, что были особенно аморальны и жестоки, — речь идет о дани, которую собирали с новичков, об унижительных процедурах, ранах и побоях. Уложения 1379 года Нарбоннского коллежа⁵ запрещают стипендиатам требовать от *noviter intrentibus*⁶ что-либо, не соответствующее чести или пользе коллежа, а равно пре-

даваться по случаю принятия нового ученика «какому-либо пороку или непотребству, о которых нельзя рассказать». Запрет, несомненно, остался мертвой буквой: обет молчать, который давали новички, говорит о секретном характере обряда посвящения и напоминает о других церемониях подобного плана, например у тамплиеров (если, конечно, допустить, что в вырванных у них во время процесса признания была доля правды⁶).

Уложения авиньонской корпорации студентов права 1441 года, опубликованные Фурнье, говорят одновременно об обычае посвящения, об отвращении священнослужителей по отношению к этим обрядам и об ассоциациях студентов, куда они открывали доступ⁷.

Данная ассоциация носит религиозный характер, она находится под покровительством св. Себастьяна, именно во время его праздника выбирают советников и приоров. Эта ассоциация не очень старая, должно быть, она является наследницей другого реформированного сообщества, которое, по словам высших церковных чинов Авиньона, отдалилось от своей традиционной миссии. В преамбуле документа в действительности констатируется лень и недисциплинированность учащихся Studium Generale в Авиньоне. В частности, больше никто не читает поминальных молитв, студенты считают, что voluptates corporales⁸ приносят счастье, по случаю принятия новеньких постоянно совершаются «деяния запрещенные и невообразимые». Новое братство предстает как попытка вернуть вещи в нормальное русло. Однако, во всяком случае внешне, уложения не навязываются сверху — их принимают свободно и единогласно на собрании все братья. Здесь узнается демократический принцип средневековой ассоциации и единственная возможность мирного сосуществования — принятие решения единогласно. Так было в смешанном обществе развитого Средневековья, в XV веке от прежнего уклада почти ничего не остается.

Каждый год в университетах выбирают приора и его советников, составляющих своего рода арбитражный трибунал чести, и двух «попечителей», чьей основной задачей было созывать братьев на похороны школяров и организовывать прием новичков.

Корпорация должна поддерживать мир между своими членами и следить за правильностью их поведения. Никто не должен говорить дурно о своем собрате, но каждый обязан попытаться мягкостью исправить того, о ком он знает, что тот нагрешил. Если у него ничего не выходит, он должен тайно обратиться за помощью к приору, крайняя мера — исключение паршивой овцы из братства простым большинством при голосовании. Самые главные обязанности братьев: присутствовать на похоронах школяров, умерших в университете, посещать больных товарищей, спрашивать их о состоянии духа и сопровождать corpus domini...

⁶ Имеются в виду обвинения тамплиеров в идолопоклонстве, святотатстве. 12 августа 1308 г. был выдвинут полный и систематизированный список обвинений. Им вменялось в вину то, что «несофит отрекся от Христа, а порой и от Пресвятой Девы Марии и всех святых», что «они не верили в святые таинства, а их капелланы избегали даже произносить святые слова во время мессы», что «приоры ордена целуют несофитов в губы, в лупок, в живот, в ягодицы, в спину и пониже спины и что в ордене поощряется мужеложство и подобные отношения даже навязываются новичкам» (Барбер М. Процесс тамплиеров. М., 1998. С. 296—297).

⁷ Fournier. Une corporation d'étudiants en droit // Nouvelle Revue historique du Droit français et étranger, 1887, p. 21.

⁸ Плотские вождения (лат.).

Указ приора закрепляет условия приема новичка в корпорацию: ни один новичок, именуемый в просторечии желторотым, не будет допущен *ad purgationem suae infectionis*⁹ и не сможет гордо называться *studens*, если не представит с большим почтением приору и его помощнику шесть грошей за свое вступление в братство. Богатые, то есть знатные или обеспеченные, заплатят больше, что же касается бедных, приор рассмотрит каждый отдельный случай. Заплатив, новичок получает право произнести клятву — и он принят: *volumus jocose et benigne*¹⁰. Что можно сказать об этом веселом ритуале? Длинная статья убеждает собратьев, что уплата взноса вполне заменяет традиционные пиры, которые губительны для души и тела. Деньги *superflue cene*¹¹ будут заплачены братству в честь Господа и святого покровителя. Однако все эти аргументы, кажется, не смогли переубедить школяров. Приор, хотя и с неохотой, признает, что обитатели коллежей «предпочитают брюхо разуму», но в таком случае он требует, чтобы он сам или его помощник присутствовали на банкете, дабы блюсти нравственность и избежать *viciorum macula*¹². В частности, он требует, чтобы новички не приводили с собой куртизанок — дабы собратья не превратились в сводников.

Здесь прослеживается тенденция постепенной замены ритуала посвящения с пиром и насмешками над новичком на своеобразный вступительный налог, деньгами или натурой. Однако не могло возникнуть и мысли снизить значение самой процедуры посвящения — прием новеньких был одной из основных миссий приора братства св. Себастьяна. Уложения признают важность традиции посвящения, отмечая излишние издевательства и побои. Уложения 1311 года коллежа д'Аркур предписывают: «Ни один вновь поступивший стипендиат не должен давать пир ни в обеденной зале, ни в комнате»¹³. В то же время никто не отказывается от обычая вместе выпить стаканчик вина: «Он может лишь угостить каждого *socius*¹⁴ небольшим бокалом вина, и вино это должно быть недорогим». Всегда ли дело ограничивалось разрешенным стаканом вина?

В уложениях коллежа Сеез 1427 года сказано, что «по поводу радостного вступления в коллеж не должно требовать платы более 20 су», но чаще платы «соответственно его положению»¹⁵. Клятва и правило секрета оставались, но секрет касался не суммы и подробностей обряда посвящения, а жизни сообщества, в которое вливался новичок. Он клятвенно обещал следовать нормам уложений и обязывался не выдавать посторонним внутренних секретов коллежа. Он становился *poivo gesertus*¹⁶. Клятва писалась на бумаге, и под ней новичок ставил свою подпись. После он дарил сообществу две скатерти — и как не признать в этих двух предметах символ традиционного банкета?

⁹ К очищению от своей грязи (лат.).

¹⁰ Желаем радостно и приветливо (лат.).

¹¹ Без трапезы (лат.).

¹² Порочного позора (лат.).

¹³ *Voiquet H. L. Le Collège d'Harcourt-Saint-Louis. 1891.*

¹⁴ Из своих, товарищей (лат.).

¹⁵ *Félibien. V, p. 689.*

¹⁶ Принятым (лат.).

Цитируемые нами документы, описывающие обряды посвящения, выпивки и издевательства, относятся ко времени, когда в просвещенных церковных кругах все это осуждалось (несомненно, моралисты и теологи всегда с осуждением относились к обряду, подозревая его в язычестве и грехе — правда, они были не в силах что-либо изменить), и священнослужителям удавалось уже в некоторой степени подчинить его своему контролю или вовсе избавиться от порочного явления. В то же время настойчивость, с которой вводился запрет, или, как в Авиньоне, терпимость, граничащая со смирением*, говорят о привязанности масс к обычаю, восходящему к далекому прошлому, еще в XIV—XV веках соответствовавшему морали, которую трудно сейчас представить. Было бы неверно уравнивать ритуал посвящения со злыми шутками над младшими в теперешних высших школах и мастерских изящных искусств. Тогда это было нечто глубоко связанное со структурой самого общества. А. Вараньяк† показал пережитки этого прошлого в деревенской жизни при Старом порядке, где до торжества сельскохозяйственного переворота XVIII—XIX веков сохранилась организация общественной жизни, основанная на принципе возрастных классов, — очень древняя форма, наблюдающаяся в гомеровской Греции и в Центральной Африке¹⁷. Переход во взрослый класс требовал посвящения. Если говорить в общем, то чтобы войти в какое-нибудь общество, надо пройти через определенное действие религиозного характера, иногда магического, но всегда ритуального, изменявшего само существо новичка, принимая и привязывая его к собратьям невидимыми прочными нитями. Так было в случае со школьными общинами, но также очевидно, что ассоциации, товарищества и то, что осталось от них и их обычаев в XVIII—XIX веках, восходят своими корнями к Средним векам. Действо заключалось прежде в пирушке — *potacio*, как называют ее тексты, касающиеся гильдий, цитируемые Корнером¹⁸, потом в издевательских шутках и испытаниях, сопровождавшихся иногда сексуальными бесчинствами. Шутки и испытания ломали прежнего человека и, полностью унижая его, подчиняли победителям. Он оказывался обузданным и отдавался телом и душой сообществу, которое его подавило. В то же время он становился братом своих мучителей благодаря совместному вкушению пищи; отныне общество, куда он вступил, переставало быть утилитарной ассоциацией, а становилось братством — собранием товарищей. Братство должно вновь и вновь подтверждаться своего рода причастием — совместными пирушками и возлияниями. Для школяров одним из поводов выпить была «детерминация». В своей «Реформе Парижского университета»¹⁹ в XV веке кардинал д'Эстувиль не скрывает своего раздражения этим, однако не решает запретить столь распространенные обычаи, довольствуясь несколькими рекомендация-

* О «терпимости», царившей в Авиньоне, свидетельствует, например, так называемый «папский тариф» (1319) с перечислением сумм, которые следовало уплатить в качестве штрафа тем, кто обвинялся в том или ином нарушении норм сексуального поведения.

† Вараньяк Андре — французский этнограф, автор книги «Определение фольклора», участник группы, создававшей 14 том «Французской энциклопедии» — «Цивилизация в обыденной жизни», под редакцией Л. Февра.

¹⁷ Varagnac A. *Civilisations traditionnelles...* 1948; Jeanmaire H. *Kouroi et Kourètes.*

¹⁸ Coornaert E. *Les Hildes médiévales // Revue historique*, 1948, p. 22.

¹⁹ Цит. по: Théry. *Histoire de l'éducation*. 2 vol., 1858, t. II, appendice.

ми в сдержанности: «Пусть экзаменуемые не дают пиров, если не могут быть умеренны и воздержанны, и только для socii и для своих преподавателей». Учителя и ученики, мало отличавшиеся друг от друга по возрасту, часто пили за одним столом, поскольку принадлежали одному братству.

Даже теологи снисходительно относились к традиции веселой общей пирушки. В XIII веке Роберт де Куркон в своей Реформе университета не отважился запретить пирушки²⁰. Он только настаивал, чтобы они ограничивались «несколькими товарищами и друзьями, но не собирали большое количество гостей».

Кроме таких важных событий, как посвящение и получение диплома, существовало еще много поводов если не для convivium[†], то, по крайней мере, для rotacio[†]. Важность совместно выпитого стакана вина вновь проявляется в правилах коллежей для стипендиатов. В коллеже д'Аркур обычай требует и уложения не запрещают лекторам поить аудиторию (1311): «Во имя чести коллежа мы хотим, чтобы наши ученики выражали почтение к своим лекторам... Последние могут, если захотят, по-дружески угостить своих учеников после уроков стаканом вина, при условии, что каждый из приглашенных выпьет не больше бокала»²¹.

Во многих случаях маленькие грешки повседневной коллективной жизни в коллеже наказывались оплатой выпивки для присутствующих: в Корнуэйльском коллеже в 1380 году школяры, которые во время еды смеялись, кричали, играли, оплачивали в качестве штрафа «четверть ординарного (mediocris) вина своим товарищам» (несомненно, уточнение призвано исключить постороннего гостя... или гостью). В коллеже цистерцианцев[‡] в Париже ученики, которые говорили не на латыни, были вынуждены платить штраф — пинту вина[§], «которая распределяется тотчас же (sic) меж присутствующих товарищей»²². Тот же штраф за ношение туфель с острыми носами.

Ассоциации стипендиатов, которые пытались изжить банкеты совсем или свести их количество к минимуму, обязывали socii принимать пищу вместе, запрещая им обедать отдельно в своих комнатах. Общий стол укреплял силу дружбы, которая должна связывать членов группы.

По характеру студенческие корпорации напоминают профессиональные объединения — экономические или другого плана, — представленные в замечательной статье Корнера «Средневековые гильдии»²³: значение comprotacio, дружбы и мира, клятвенно обещанных друг другу братьями, присутствия на похоронах членов общины, духовных обязанностей и самой клятвы. Наш современный взгляд на вещи ставит нас перед затруднением — мы не можем принять смешение сторон существования, сегодня строго разграниченных: интимная сторона жизни (семья или дружеские связи, частная жизнь, досуг, развлечения), религиозная сторона

²⁰ Théry. Op. cit.

^{*} Пир (лат.).

[†] Попойка (лат.).

²¹ Vouquet С., op. cit.

[‡] Цистерцианцы — ветвь бенедиктинского ордена, основан св. Робертом, в ордене состоял св. Бернар Клервосский, еще называемый «вторым основателем», именно при нем орден стал одним из самых могущественных орденов своего времени (другое название цистерцианцев — бернардинцы), монахи ходили в белом одеянии с черным наплечником, капюшоном и поясом, цистерцианцы основывали и женские монастыри, самый известный из которых Пор-Рояль.

[§] В средневековой Франции пинта составляла 0,93 литра.

²² Félibien. III, p. 173.

²³ Coornaert E. Op. cit.

(благочестивая деятельность), сторона корпоративная (объединение людей одной профессии для того, чтобы овладеть ей, использовать или защищать ее). Современный человек разделен между своей профессиональной деятельностью и семейной жизнью, очень часто конфликтующими друг с другом, все остальное второстепенно — культурная и религиозная деятельность, тем более развлечения и отдых. Дружеские собрания, совместный обед или приглашение на стакан вина — все это отнесено к простому отдыху, необходимому для организма, как и на ходу проглоченная еда, но не являющемуся основным в достойной организации жизни. Это скорее излишество, роскошь, которую, конечно, необходимо себе позволять время от времени, но которую относят если не к чему-то постыдному, то, во всяком случае, к вещам последней степени важности. В Средние века, напротив, часть жизни, посвященная отдыху и развлечениям, глубоко индивидуализированная и вытесненная сегодня, занимала важнейшее место в коллективной жизни. Для нас неважно их религиозное происхождение, коренящееся в германских или средиземноморских оргиастических культах. Важно то, что никто тогда не представлял себе общества без его социально признанной основы — дружбы, поддерживаемой едой за одним столом, *potacio*, иногда скрепленного состоянием опьянения, не только ради удовольствия — люди до сих пор ценят хорошую кухню, собирающую друзей! — но потому, что удовольствие перешло в иное качество и стало ощутимым, физическим символом духовного и юридического обязательства, своеобразного соглашения, скрепленного клятвой и являвшегося основой всей коллективной жизни, как сегодня институт гражданского и частного права. Современный образ жизни возникнет из окончательного разрыва между когда-то неразделимыми элементами человеческого бытия (дружба, религия, работа), из вытеснения некоторых из них, прежде всего дружбы и религии, и из формирования нового элемента, которому в Средние века не придавалось особого значения, — семьи. Впрочем, мы увидим, как история семьи и восприятия детства позволяет более внимательно проследить эту эволюцию.

Средневековые школьные коммуны довольно далеки от нашего понимания организации человеческого общества, особенно детского и юношеского. Они не авторитарны. Ни один глава сообщества не навязывает решения — оно чаще всего принимается большинством голосов или, иногда, единогласно. В то же время они не демократичны и не эгалитарны, так как для старших по возрасту и положению предусмотрен ряд привилегий. Они строятся скорее на основе личных отношений, дружбы между членами, чем на какой-то утилитарной цели. Идея власти или, точнее, делегирования власти, современная концепция норм дисциплины,

за соблюдением которых следят лица, наделенные властными полномочиями, остаются для них совершенно чуждыми. Тем не менее было бы неверным из отсутствия иерархии вывести, будто ученики пребывали в анархическом состоянии. Наоборот, они были заключены в рамки коммун, являвшихся основой структуры общества того времени. Так, вместо отношений преподаватель—ученик, начальник—подчиненный обнаруживаются отношения другого типа, менее юридические, более естественные, но признанные общественным мнением и весьма тесные — «старик» — новичок, или, как говорили тогда, «вакхант» — «желторотый». В нашем распоряжении есть очень полный и обстоятельный документ, на который я уже ссылался, когда речь шла о школьном возрасте — биография швейцарца Томаса Платтера²⁴. Нам возразят, что она больше повествует о нравах Германии начала XVI века, но если они и отличались от нравов во Франции, то лишь в сторону большей архаичности. Веком раньше разница, вероятно, была еще менее заметна, и таким образом, описание Платтера можно считать действительным не только для Германии XVI века, но и для части западного мира XV века. Мы видели, что в девять лет Томас Платтер учится петь *Salve* у священника деревенской церкви. Его двоюродный брат Пауль, посещавший школы Ульма и Мюнхена, приезжает погостить несколько дней дома. У Томаса хорошая репутация: «Друзья рассказали ему обо мне и подсказали мысль взять меня с собой учиться в школах Германии». Пауль соглашается, так рождается содружество «желторотого» Томаса и «вакханта» Пауля. Первый кормил второго, а тот в свою очередь его защищал. «Мы отправились в дорогу. Я вынужден был просить милостыню и отдавал моему вакханту Паулю все, что зарабатывал таким образом за день. Мне хорошо подавали». Школяры часто добывали на пропитание попрошайничеством, и желторотые просили милостыню для своих вакхантов*. Два родственника проследовали через Люцерн и оказались в Цюрихе, где Пауль встретился с товарищами, чтобы вместе с ними продолжить дорогу по немецким княжествам. «Все это время я просил милостыню и добывал достаточно денег на содержание Пауля, так как, когда я входил в таверну (не будем забывать — в ту пору таверна была недостойным местом, там все время обретались девицы легкого поведения и разного рода негодяи, однако ребенок девяти-десяти лет спокойно исполнял там свой «номер»!), людям нравилось слушать мой валийский выговор, и они охотно подавали мне что-нибудь». Но случалось и совсем противоположное: мошенник, живший в Цюрихе в том же доме, что и наша группа школяров, «дал мне монету в шесть крейцеров†, сказав, что она будет моей, если я дам себя высечь по голому телу». Дело того стоило: «...в конце концов я согласился. Он тут же

²⁴ *Thomas Platter [l'Ancien]*.
Op. cit.

* О том, как школяры могли зарабатывать на жизнь, в трактате XIII в. «О школьной науке», ошибочно приписывавшемся Боэцию, сказано: «К обрушивающемуся натиску бедности можно приноровиться, увеличивая собственный труд — занимаясь много писанием, молотбой, собиранием милостыни на площади и прислуживанием ко времени» (Антология педагогической мысли христианского Средневековья. М., 1994. Т. 2. С. 189).

† *Крейцер* — серебряная (со временем медная) монета, эквивалент гроша, в XVI в. чеканилась в Германии повсеместно; 60 крейцеров составляли 1 гульден.

схватил меня, разложил на полке и побил ужасно», а затем забрал обратно свои шесть крейцеров.

Переждав восемь или девять недель, компания отправилась в Миснию. «Нас было девять или восемь человек, включая троих желторотых (Schützen), все остальные — взрослые вакханты. Так прозывались молодые и старшие школяры. Я был самым младшим и самым молодым желторотым. Когда я не мог уже идти, мой кузен Пауль пристраивался сзади с палкой или пикой и бил меня по голым ногам — у меня не было облегающих штанов (то есть на нем была лишь рубаша или простые штаны, если не совсем голый зад!), а туфли совершенно развалились». Тем не менее он шел, и без вмешательства Пауля он бы остался на дороге; правда, в таком случае Пауль лишился бы своего хлеба насущного. Случались и небольшие инциденты. Томас слышал, как его товарищи говорили о легкости, с какой в Миснии можно поймать гуся. Он попробовал на первом же попавшемся гусе — убил его, забросав камнями, — и едва сумел отделаться от преследований крестьян. «Придя в деревню, крестьяне нашли в трактире вакхантов и стали требовать заплатить за гуся». Все, однако, обошлось. «Когда вакханты вернулись (желторотые не имели права останавливаться в трактире), они, смеясь, рассказали нам, что произошло. Я извинился, ведь я полагал, что забить гуся мне позволяет местный обычай, они же ответили, что я слишком поторопился». Ночью вакханты вместе спали в зале постоялого двора, а желторотые — на конюшне.

Историю своих скитаний Томас Платтер — во время ее написания он уже школьный учитель и уважаемый гуманист — рассказывает с почти нескрываемым удовольствием. В Нейбурге «те из желторотых, что умели петь, ходили по городу, я же просил милостыню». Они добрались таким образом до Галле в Саксонии: «Там мы пошли в школу св. Ульриха. Однако наши вакханты отнеслись к нам столь жестко, что мы с Паулем и еще несколькими из наших решились бежать». Речь идет, несомненно, о вакхантах из св. Ульриха, которые издевались над новенькими, старыми и молодыми — над маленьким Томасом и над большим Паулем. Так они ушли оттуда в направлении Дрездена. В Дрездене проучились недолго: «Здание было полно насекомых, они просто кишели в соломе». И учителя, кажется, были не очень хороши; школяры отправились в Бреслау. Дорога была чрезвычайно тяжелой — никто не хотел пускать странствующих студентов на ночлег, и хозяева спускали на них собак.

В Бреслау было семь школ, относящихся к семи городским приходам, и каждый приход был закрыт для чужаков: «Ни один ученик не решился бы покинуть пределы своего прихода, чтобы петь на улице, так как тогда желторотые окружили бы его с криками *ad idem, ad idem*²⁵, затем последовала бы жуткая драка».

²⁵ Ату, ату (лат.).

Говорят, временами в Бреслау насчитывалось несколько тысяч желторотых, которые жили подаянием; добавляют, что некоторые из них оставались в школе по двадцать-тридцать лет и более благодаря новым желторотым, которые их кормили. «По вечерам я бывало, делал по пять или шесть ходок в школу к моим вакхантам, чтобы отнести им мой дневной заработок».

«Зимой желторотые спали на полу в зале, а вакханты в кельях». Но паразиты были везде: «Я бы мог поспорить, что сколько угодно раз подряд мог бы поймать на моей груди сразу трех насекомых». Летом же и вакханты и желторотые спали под открытым небом на кладбище. Если начинался дождь, они возвращались в школу. Проучившись некоторое время в Бреслау, товарищи в восьмером вернулись в Дрезден. В дороге они разделились на две группы, одна добывала гусей, другая — свеклу и лук. «Как самых молодых, нас отправили в Неймах, ближайший город, выпросить хлеба и соли. Мы должны были встретиться вечером у городских ворот, где решено было заночевать. Но жители, заметив костер, принялись по нам стрелять. К счастью, никто не был ранен».

Тем не менее маленький отряд все же добрался до Дрездена. Там вакханты нашли общий язык со школьным учителем — они были сверстниками — и совместно эксплуатировали учеников. Регент выглядел не как начальник над учениками, а как один из них. «В Дрездене учитель и вакханты послали нас однажды за гусями... Мы поймали двух гусей, и учитель с вакхантами готовили из них прощальный ужин». Томас Платтер не говорит, имели ли желторотые право на остатки этого ужина.

Группа оставила Дрезден и направилась в Нюрнберг, а после в Мюнхен, где они повеселели и устроились. «Мы поселились, Пауль и я, у мыловара... которому я помогал в его ремесле больше, чем учился... Мой кузен ходил в приходскую школу Богоматери, я тоже, но очень редко, будучи вынужденным петь на улицах, чтобы было на что содержать Пауля». Так продолжалось, пока их обоих не выгнали, потому что Пауль слишком крепко обнял служанку. Тогда, после пяти лет бродяжничества по школам Германии, Пауль почувствовал тоску по родине: «Моему вакханту взбрело в голову вернуться в край, где мы не были пять лет, и мы отправились в Вале». Томасу исполнилось пятнадцать, а его кузену пошел третий десяток. Они ненадолго задержались в деревне, а отправились, уведя с собой, как это было пятью годами раньше с Томасом, другого мальчика — Гильдебранда, «сына священника», по рождению предназначенного для учебы! Все трое под предводительством Пауля отправились в Ульм. Томас приобрел большую сноровку в попрошайничестве, «вакханты не оставляли мне достаточно времени на посещение школы — они предпочитали использовать меня для своей выгоды, и я даже не умел

читать». Гильдебранд и он должны были отдавать вакхантам все, что добыли днем. Гильдебранду случалось съесть какую-то часть: «Вакханты шли за ним по улице, чтобы застать его, когда он ел; или же они заставляли его полоскать рот и сплевывать в тарелку с водой — они сразу определяли, ел ли он какую-нибудь пищу. Если его вина была доказана, его бросали на кровать, накрывали одеялом, чтобы заглушить крики, и жестоко били, пока не уставали».

Таким образом, «старик» предстает главарем банды, распоряжающимся по своему усмотрению молодежью, которая его кормит и которую он эксплуатирует и в то же время защищает или, точнее, силой удерживает ее в сообществе пусть жестоком, но самым фактом своего существования оберегающим младших от испытания одиночеством. Подобное строение юношеского коллектива, где более молодые признают верховенство старших товарищей, несмотря на грубое обхождение или благодаря ему, существует и в современном обществе, явление было, в частности, изучено в Соединенных Штатах²⁶. Однако в средневековых сообществах желторотых и вакхантов существует нечто большее: семья не бросала на произвол судьбы ребенка десяти-двенадцати лет, отправив его странствовать по дорогам и чужим городам, она доверяла его более взрослому, а значит, более опытному школяру, лучше подготовленному к опасностям жизни. Этому старшему и передавалась родительская власть. И несмотря на перегибы, его авторитет признавался не только подопечным — или жертвой, — но и общественным мнением. Общество не допускало и мысли о том, что связь между желторотым и вакхантом могла быть разорвана, особенно со стороны первого. Кажется, действительно существовал только один способ, позволявший ребенку избежать анархии, бродяжничества, физической и моральной деградации.

К такому выводу можно прийти, прочитав о двух попытках Томаса Платтера стать самостоятельным. Первая проваливается. Она относится к периоду его пребывания в Бреслау. Один из членов семьи Фуггеров* заинтересовался маленьким уличным попрошайкой. Он предлагает ему жить в их семье. Соглашается ли Томас сразу? Нет, он не свободен. Он идет спросить разрешения у Пауля. Тот отказывает: «Я тебя увел из дома, я тебя должен вернуть твоим», — говорит он ему, и, по-видимому, так и выглядело чувство ответственности у этих грубых животных по отношению к их мальчикам для битья.

Вторая попытка успешна — Томас повзрослел, ему уже минуло пятнадцать, и послушание ему становится в тягость. Это происходит в Мюнхене. Томас не живет больше со своим вакхантом. Он поселяется у бравой хозяйки мясной лавки, она-то и советует ему покинуть кузена. Но однажды в воскресенье Пауль

²⁶ Это было написано до того, как заговорили о «черных куртках» (хулиганствующей молодежи 1950—1960 гг. — *Ред.*).

* Фуггеры — крупнейший южногерманский купеческий и банкирский дом, достигший расцвета в XVI в., занимались торговлей ткацкими изделиями, разработками серебряных рудников в Тироле, торговлей металлами, с 1488 г. ссужают Габсбургов, финансовая империя Фуггеров рухнула после государственного банкротства Испании в 70-х гг. XVI в.

подходит к нему на улице: «Желторотик, ты больше не приходишь ко мне, — говорит он, — смотри, я тебя поколочу». В возрасте, когда ломался голос и способности уличного певца пропали, Томас не представлял более материальной ценности для «старика». Однако последний защищал свой авторитет, приниженный уходом желторотого. Испугавшись угрозы, Томас решает бежать. Совершенно естественно было бы открыться своей хозяйке — она, возможно, помогла бы ему бежать. Но он не делает этого: «Я не осмеливался открыть мои планы — она могла бы на меня донести». И она донесла бы на него, хотя и не одобряла перегибы Пауля, только потому, что ей могло показаться аморальным рвать так резко связь, признанную законной и необходимой. «Я ушел из Мюнхена с тяжелым сердцем — то ли из-за кузена, с которым я немало побродил по свету, хотя он и был всегда со мной груб, то ли от грусти, что пришлось покинуть хозяйку, столь добрую ко мне». Со своей стороны Пауль часто говорил ему и его товарищам, что если кто-нибудь из них удерет, он найдет способ их настичь, где бы те ни были. И на самом деле, во Фрейзингене его предупреждают о прибытии туда Пауля, который шел по его следам: «Твой вакхант из Мюнхена здесь, и он ищет тебя, сказали мне желторотые (в школе)». Томас бежит в Ульм, где кузен его догоняет: «Он преследовал меня на протяжении восемнадцати миль». В Цюрихе, куда он скрылся, Томас принимает посланника Пауля, своего земляка Гильдебранда, того самого, который получал тумачи за то, что съедал часть подавания: «Несколько месяцев прошло (в Цюрихе), когда кузен прислал ко мне своего желторотого Гильдебранда, чтобы сказать мне, что он меня прощает и я могу вернуться в Мюнхен. Я отказался и остался в Цюрихе». Вакхант перестал его требовать и признал его независимость! Томас продолжил одну жизнь бродячего школяра, если бы подвернулся случай, он сам мог бы прибегнуть к услугам нескольких желторотых...

*
* *

Таким образом, студент вплоть до XV века не подчинялся никакой власти, кроме корпоративной, не существовало никакой школьной иерархии. При всем том он не был предоставлен самому себе. Он или жил в своей собственной семье недалеко от школы, или чаще в чужой семье, которой его доверяли по контракту об ученичестве, когда в этом контракте предусматривалось посещение школы — латинской, конечно. И тогда он входил в эти ассоциации, корпорации и братства, поддерживавшие с помощью игр, религиозной практики, выпивки и пиров чувство общности их жизни. Или же младший школяр шел за более старшим, деля с ним все трудности положения бродяги, и этот старший в награду очень часто издевался над ним и нещадно эксплуатировал. Во

всех случаях школяр принадлежал некому сообществу или компании друзей, где товарищество, иногда грубое, но реальное, регулировало повседневную жизнь лучше школы и учителя, и так как такой способ существования был признан общественным мнением, он имел свою нравственную ценность.

Начиная с позднего Средневековья эта система товарищества встречается во мнении наиболее влиятельных слоев общества все возрастающую неприязнь и постепенно деградирует, воспринимаясь впоследствии как одна из форм анархии и беспорядка^{*}. С ее упадком школьная молодежь будет организована по новым принципам подчинения и авторитарной иерархии. Конечно, эта эволюция касается не только детей, она распространяется на все общество, и установление абсолютизма является одним из ее аспектов. Однако в школе она одновременно вызывает изменение восприятия детства (или следует за ним), что нас и занимает.

*
* *

Теперь проследим развитие новых принципов дисциплины.

Они проявляются прежде всего в неприятии традиции товарищества и самоуправления школяров. И действительно, в текстах конца Средневековья они либо подвергаются жесткой критике, либо о них упоминают, как о чем-то, что нельзя полностью запретить, но необходимо ограничить хотя бы внешне. В церковных кругах отрицательное отношение к этому явлению выражается довольно рано: в XIII веке оно усматривается у Робера де Куркона в его реформе Парижского университета, хотя, надо сказать, реформатор сильно опережает свое время. Очень интересно наблюдать в трудах религиозных деятелей ростки (еще не соответствующие своему времени) эволюции, которая впоследствии привела людей к современному пониманию жизни; они были провозвестниками менталитета, совершенно чуждого их эпохе, но именно это мышление возобладало с XV века, несмотря на сопротивление, пережитки и инерцию старых представлений. Полностью оно победило в умах большинства лишь к XVIII—XIX векам, но мы уже видим механический и технократический подход, картезианский дух, озабоченность порядком, регулярностью, ранжированием, иерархией, организацией. Их первое проявление в том, что общинные обычаи, имевшие столь огромное значение в Средние века, попали в разряд недостойных развлечений. Еще в начале XVII века можно наблюдать некоторые пережитки средневековой традиции, враждебно воспринимаемой воспитателями и, собственно, любимыми сторонниками порядка. Власти города Флеш должны были считаться с большим числом школяров, привлеченных коллежем иезуитов; были приняты специальные меры (как сегодня в городах, где есть воинские гарнизоны), среди которых фигурировали некоторые запреты: про-

^{*} Меланхтон говорил, что школяры «рыщут целые ночи по улицам с шумом и гамом, как циклопы и центавры, наполняя все диким криком, нападая на мирных безоружных людей, осыпая их бранью и камнями, бросаясь на них с оружием, даже осаждая дома граждан, выбивая двери и окна, лишая сна роженцев, больных и престарелых, опрокидывая прилавки и возы на рынке» (цит. по: Суворов Н. Средневековые университеты. М., 1898. С. 223).

ститутки не имели права работать и жить в городе, содержателям харчевен запрещалось сдавать свои комнаты студентам, студентам же запрещалось ношение оружия и т. д. И среди этих запретов был еще один — «студентам запрещается выбирать герцога, прокуратора или главу Наций*». Дижонский парламент† в 1623 году «категорически запрещает школярам создавать меж собой ассамблеи и монополии, а также выбирать аббатов, приоров и других вождей разврата»²⁷. Таким образом создание любой традиционной студенческой корпорации, даже еще легитимных Наций, здесь осуждается²⁸. В тот же период реформа Парижского университета Генрихом IV запрещает пиры и любые *comptacio*.

С XV века сторонники порядка, эти просвещенные организаторы, не только борются с корпоративной традицией школяров, но и распространяют новые понятия о детстве и детском воспитании. Наиболее яркими представителями этого движения являются Жерсон и кардинал д'Эстувиль. В представлении кардинала д'Эстувилья ничем не ограниченная свобода детей представляет для них большую опасность²⁹. Дети находятся в *etas infirma*³⁰, требующем «подчинения более строгой дисциплине, основанной на более жестких принципах». Кардинал считал, что школьные учителя — *principales* — не могут больше быть товарищами учеников. Их миссия состоит не только в том, чтобы передать младшим элементы знаний, они должны, кроме всего прочего и в первую очередь, формировать здравые суждения, воспитывать добродетель — словом, учить и воспитывать одновременно. Эта озабоченность отсутствует в столь явном виде в более ранних текстах.

Изменился ориентир деятельности воспитателей: *monemus omnes et singulos pedagogos presentes et futuros... ut sic intendant regimini suorum domesticorum puerorum et scholarium*³¹. Забота о том, чтобы правильно подобрать сотрудников, регентов и *submonitores* — *viros bonos, graves et doctos*³², — становится для них делом совести; так же интерпретируется и право применять всю полноту власти, наказывая виновных без снисхождения, преступного, поскольку речь идет о спасении душ, за которые они ответственны перед Богом: *ne eorum damnationem*[†].

Сразу два новых понятия появляются одновременно: понятие о недееспособности ребенка и о моральной ответственности учителей за своих учеников. Дисциплинарная система, основанная на этих понятиях, не могла зародиться в прежней средневековой школе, где учителей мало интересовало поведение учеников за ее стенами — в корпорации или на общем традиционном празднике учителя выступали скорее в роли «стариков», а не руководителей. В начале XIII века, когда студента задерживали в Париже, об этом тут же сообщалось его преподавателю, последний подтверждал личность школяра, и тот выходил из-под

* *Нация* — объединение школяров по земляческому принципу. В Парижском университете XVII в. были «славная нация французская», «верная нация пикардийская», «достопочтенная нация нормандская» и «всепостоянная нация германская».

† Юрисдикция которого как судебного органа распространялась на Бургундию.

²⁷ *Mulleau Ch. Les Écoles et collèges en province. Dijon, 1882.*

²⁸ *Rochemonteix P. de. Le Collège Henri IV de La Flèche. 1889.*

²⁹ *Théry. Op. cit.*

³⁰ Неполноценном состоянии (лат.).

³¹ Побуждением всех и каждого педагога, нынешних и будущих... чтобы посвящать себя руководству своими домашними детьми и школярами (лат.).

³² Мужей добрых, серьезных и ученых (лат.).

† Без снисхождения (лат.).

юрисдикции прево в соответствии с привилегиями, которыми пользовался университет³³. В 1289 году регистрация в *Matricula* * становится обязательной для всех школьных учителей. Затем, в XIV веке, становится обязательной принадлежность к Нации. Такое сообщество — первая попытка привести в систему студенческую жизнь. Однако надо сказать, что Нация больше походит на спонтанно образованную ассоциацию школяров, да и структура остается прежней — корпоративной. Несомненно, поначалу сообщество и являлось ни чем иным, как корпорацией; общность школяров, прибывших из одного места, была очень ощутима, а в уложениях коллежей предусматривалось разделение земляков — из страха перед враждой между этническими группами. Прокурор Нации выбирался подобно принципалу в ассоциациях стипендиатов. И тем не менее, он постепенно становится более авторитарным руководителем. В начале XV века его, по крайней мере теоретически, наделяют дисциплинарной властью над его Национаей. Реформа 1452 года подтверждает право прокуроров Наций инспектировать и наказывать своих подопечных в коллежах и педагогиях Парижского университета: они были чем-то вроде генеральных инспекторов. Тем не менее, несмотря на усилия реформаторов, корпоративная природа Наций мало способствовала концентрации власти в руках избранных прокуроров. Новая дисциплина будет установлена уже посредством современной организации жизни коллежа и педагогий с полным обучением, где принципал и регент перестанут быть *primi inter pares*, но станут представителями высшей власти. Именно авторитарный и иерархический способ управления коллежем позволит начиная с XV века постепенно установить все более и более жесткую дисциплину.

*
* *

Новую дисциплинарную систему определяют три основные черты: постоянные контроль и надзор, доносительство, возведенное в принцип управления и институцию и широкое применение телесных наказаний.

Уже в 1315 году в уложениях грамматической школы Наваррского коллежа³⁴ является принципиальное положение, согласно которому ни один *puer* (речь, несомненно, идет о детях примерно десяти лет) не должен выходить за пределы коллежа один. При необходимости (*lectio* или проповедь вне стен учебного заведения), если оба учителя заняты и не могут его сопровождать, они должны определить ему в качестве проводника надежного товарища (*bonum puerum socium*), чье поведение безупречно. К тому же сопровождающих будут часто менять, чтобы исключить возможность всякого *turfactum*³⁵ между сопровождающим и подопечным. Ту же озабоченность разделяет Жерсон в *Doctrina*

³³ *Rashdall H.* Op. cit., tome I.

* Регистр (лат.).

³⁴ *De Boulay.* IV, p. 88.

³⁵ Постыдного сговора (лат.).

pro pueris ecclesiae parisiensis³⁶, регламентирующей получение магистерской степени. Один из учителей должен всегда находиться рядом с учениками и смотреть за ними, «дома и на улице, везде, куда ученику нужно пойти»³⁷.

Режим строгого контроля, безусловно, берет свое начало в монастырях. В XIV—XV веках он, должно быть, распространялся только на грамматические школы, на учащихся младшего возраста. Традиции школярской свободы защищали от него более старших. Однако в XVI—XVII веках этот режим становится одним из основных принципов школьного образования вообще. Иезуиты особенно настаивали, что видно, в частности, по правилам их пансионатов, на обязанности классных надзирателей (*préfet*) быть бдительными. В коллеже Флеш при отправлении естественных надобностей «один из надзирателей должен находиться на входе в эти места до тех пор, пока все пансионарии не выйдут»³⁸. Разумеется, никогда ранее принцип постоянного контроля не применялся столь систематично, и дисциплинарные правила пытаются найти ему оправдание: «Не сочтите слишком тяжким для вас бременем, господа, если большое количество префектов и других людей, приставленных наблюдать за вами, всегда будут рядом... Эта постоянная бдительность обременительна, но необходима»³⁹. Конечно, ничего подобного невозможно было осуществить в переполненных (до сотни учащихся) классах экстерната XVI—XVIII веков, что и послужило основной причиной критики педагогов Пор-Рояля в адрес больших коллежей — они предпочли небольшие школы, где преподаватели имели меньше учеников и могли эффективнее следить за ними. Все малые школы Пор-Рояля были исключением, и исключением дорогостоящим — за пансион там взималась весьма высокая плата. В основном же на класс приходился лишь один регент, он не мог все время контролировать учеников даже в стенах коллежа, если только не набирал помощников среди учащихся своего класса. Отсюда значение доносительства, неизвестного в Средние века, — оно стало необходимостью, позволяя малому числу регентов контролировать относительно большое число школяров. Оно также позволяло сломать старую корпоративную солидарность, которая, тем не менее, втайне продолжала существовать.

В школе Нотр-Дам Жерсон вменяет в обязанность ученику грамматического класса донести о поведении товарища (*suum socium*), если тот говорит по-французски (*gallicum*), а не по-латыни, лжет, ругается, недостойно или нескромно себя ведет, встает по утрам в кровати, пропускает молитвы, болтает во время службы⁴⁰. Если учащийся не доносил, его наказывали так же, как и за сам проступок. Доносительство было возведено в принцип, поскольку казалось единственным способом, позволяющим учителям контролировать каждое мгновение жизни школяров,

³⁶ Указание для парижских детей церкви (лат.).

³⁷ *Gerson Opera*, t. IV, p. 717—719.

³⁸ *Rochemonteix P. de. Op. cit.*

³⁹ *Rochemonteix P. de. Op. cit.*

⁴⁰ *Gerson. Op. cit.*

считавшихся теперь неспособными к самостоятельному поведению. Однако к выводу, что далеко не всем можно поручать следить и доносить на товарищей, школьные авторитеты пришли довольно быстро. Начиная с XVI века эта обязанность вменялась лишь некоторым ученикам, выбранным учителями в качестве помощников. Раньше школярами управляли ими же избранные товарищи. Они и теперь имеют свой круг обязанностей, материальных и моральных, однако отныне все исходит от высшего авторитета — учителя, чьи интересы они представляют.

Их собственная власть осуществляется через право доносить — наказывать могут только учителя. Это система надзирателей-мониторов, которая существует в Англии до наших дней в *public schools*.

В Монтегю такой монитор назывался эксцитатором (*excitator*)⁴¹. На все заведение приходился один *excitator publicus*⁴², выбранный среди учащихся последних классов искусств, он будил пансионеров и инспектировал жилые комнаты, а также столько *excitatores particulares*⁴³, сколько было классов, то есть главный инспектор и надзиратели, по одному на класс.

В других местах мониторов называют *custos* или *asinus*. Томас Платтер был *custos* в школе Микониуса в Цюрихе⁴⁴. «В Англии это довольно стойкий обычай — назначать *custos* для наблюдения за учениками»⁴⁵. В Итоне в 1560 году каждый класс имел своего *custos*, аналогичного *excitator particular* из Монтегю. Кроме того, учителя подбирали из числа самых старших восемнадцать ответственных (*praepositores*): четверо отвечали за единственный учебный зал и докладывали об отсутствующих, четверо других смотрели за играми, еще четверо следили за всем происходящим в спальнях, двое на службах в часовне, один в вестибюле, еще двое отвечали за сотрапезников (*orpidani*), то есть тех кто не оплачивал пансион, нестипендиатов, был также один ответственный за чистоту и порядок в помещениях⁴⁶.

В коллеже Кордые в Женеве это «наблюдатели»⁴⁷. И прилежный ученик, которого Кордые преподносит в своих диалогах в качестве образца для подражания, облегчая задачу наблюдателей, доносит им на тех, кто плохо себя ведет: «Мы завтракали в столовой в тишине, не произнося ни звука. Я сделал очень вежливое замечание тем, кто глупо смеялся, говорил или шумел за столом; некоторые не прислушались к моим словам, и я донес на них наблюдателю, чтобы он занес их в список нарушителей... Помощник учителя ходил в середине зала, в руках он держал книгу и часто указывал наблюдателю на тех, кто дурачился. <...>

В то время как мы заканчивали завтрак, прозвенел последний звонок; мы взяли книги и пошли в общий зал, там, как всегда, зачитали списки каждого класса, присутствующие откликнулись на свою фамилию, откликнулся и я, когда до меня дошла очередь,

⁴¹ *Félibien*. V, p. 721.

⁴² Общественный эксцитатор (лат.).

⁴³ Частные эксцитаторы.

⁴⁴ *Thomas Platter*. *Op. cit.*

⁴⁵ *Brinsley*. *Ludus Litterarius*. 1612.

⁴⁶ *Lyle H. C. M.* *History of Eton College*. 1889.

⁴⁷ *Cordier M.* *Les Colloques*. 1586.

отсутствующих отмечали в особом списке». В конце недели наблюдатели передавали списки нарушителей учителю, который выносил приговор и осуществлял наказание — монитор не мог наказывать сам.

В XVIII веке в коллеже иезуитов Морнака, где учился Мармонтель, первый ученик в классе был «цензором», в частности он присматривал за классом в отсутствие регента в часы, которые назовут после часами самостоятельной работы.

Принцип доносительства и сама мониторинговая система признавались столь эффективными, что в начале XVIII века св. Жан-Батист де Ла Саль пользуется ими без колебаний и оговорок, несмотря на его неприятие других приемов, распространенных в ту эпоху, скажем телесных наказаний. В разработанном им «Уставе для христианских школ» дисциплина строится на доносительстве. «Так как учитель не может видеть то, что происходит на улице, брат-директор приказывает нескольким ученикам следить за тем, что происходит на соседних улицах и в точности передавать ему увиденное. Однако ни в коем случае ученики не должны говорить об этом другим, если же они ослушаются, то должно последовать наказание»⁴⁸. Внутри самой школы «инспектора» обязаны докладывать учителю на ухо «шепотом». За инспектором, в свою очередь, наблюдают два соглядатая, о которых он не знает: «Нужно иметь по соглядатая на каждый квартал и на каждую значительную улицу, чтобы те следили за происходящим и немедленно в частном порядке докладывали обо всем учителю».

Здесь далеко еще до современного отвращения к доносительству, заразившему учителей и учеников! И тем не менее, многие учащиеся ненавидели эту обязанность, противопоставлявшую их товарищам, но их мнение нисколько не интересовало педагогов. В диалогах Кордые есть такая сценка: преподаватель зовет ученика: «Эй, Мартэн! — Я здесь, учитель. — Позови мне пятерых наблюдателей, выбранных мной вчера» (их меняли ежемесячно). Когда они приходят, он читает им небольшую проповедь: «Хотя гордецы и невежды находят должность наблюдателя низкой и недостойной, вам следует верить, что эта миссия — долг чести и святая обязанность»⁴⁹.

*
* *

Слежке и доносительству соответствовала все более строгая система наказаний, основанная на телесных карах. В средневековых ассоциациях и коллежах еще в XIV веке (порой и позже, но уже редко) уставами предусматривались наказания для нарушителей или тех, чей образ жизни оставлял желать лучшего. Наказуемый должен был или угостить всех вином, или заплатить штраф (тоже действенное наказание). В уставах был разработан тариф. Мы видели уже с вами примеры таких санкций. Случаи денеж-

⁴⁸ Conduite des Écoles chrétiennes. 1720.

⁴⁹ Cordier M. Op. cit.

Ганс Гольбейн Младший.
Учитель, порюющий ученика
розгами.
Из рисунков на полях
«Похвалы глупости»
Эразма Роттердамского.
Базель, Кабинет гравюр

ного штрафа также нередки: в Сеез в 1425 году младшим ученикам (*juvenes*) с некоторыми оговорками запрещено выходить без сопровождения — за ослушание штраф 4 денье^{50*}. В Наваррском коллеже за ночь, проведенную вне учебного заведения, — штраф 2,5 су. В коллежде д'Аркур (1311) запрещено пить в кабаках, нарушителям — штраф 6 денье⁵¹. Высшая мера — исключение из коллежа.

В течение XV—XVI веков в результате серьезной эволюции нравов телесные наказания вытесняют штрафы. Параллельно с этим в коллеже устанавливается абсолютная власть принципала, который вводит доносительство, ставшее основой режима постоянного соглядатайства.

К телесным наказаниям относилось заключение в карцер. Так было, например, в Монтегю, но это происходило довольно редко. В основном наказывали розгами, они стали эмблемой школьного учителя, по крайней мере в грамматических школах, символом зависимости, в которой находятся учащиеся, и, следовательно, символом подчинения ребенка: *infirmus*⁵². До самого конца XIV века намеки на порку очень редки: сам факт такого наказания еще не имеет ничего унижительного, потому что подается в контексте монастырских строгостей, отраженных в Библиях с комментариями или в житиях святых, как, например, сцена из жизни св. Людовика, где наказывают самого короля. С XV века плеть приобретает совсем иной характер, более грубый и унижающий, а к порке прибегают все более часто.

Сначала телесные наказания касаются лишь *parvuli*, младших грамматистов. В понимании Жерсона «учитель должен принуждать учеников при помощи розог»; «пусть знают, что за каждое прегрешение они будут биты розгами», но только розгами, «никаких палок или иных инструментов для битья, которыми можно серьезно поранить»⁵³. На одной из миниатюр начала XV века изображена сцена наказания⁵⁴: наказуемый, примерно двенадцати-тринадцати лет, с приспущенными ровно настолько, насколько необходимо, штанами, лежит на спине своего товарища, другой ученик держит его за ноги, учитель поднял розги — в следующую секунду он ударит. В некоторых уставах начала XVI века уточняется, что денежные штрафы не могут быть применены к *parvuli*: «Не думаем, что денежные наказания касаются младших; вместо штрафа за тот же проступок они будут наказаны розгами, но бить их следует осторожно, не причиняя сильной боли» (коллеж де Тур, 1540 год)⁵⁵. Веком раньше эта оговорка была невозможна. Точно таким же образом штраф заменяется на розги и для бедных школяров, пусть даже и вышедших из возраста *parvuli*, в то время как их более обеспеченные товарищи отделяются денежным взысканием. Среди бедных могли быть работники, обслуживающие коллеж, — их долгое время набирали из учеников,

* *Félibien*. V, p. 689.

Денье — французская серебряная (позже медная) монета, бывшая в обращении в Европе со времен Меровингов, в XVIII в. 12 денье составляли 1 су.

⁵⁰ *Vouquet L.* Op. cit.

⁵¹ Слабый, зависимый (лат.).

⁵² *Gerson*. Op. cit.

⁵³ *Zaccagnini C.* La vita dei maestri et degli scolari nella studio di Bologna. Genève, 1926, pl. XXII.

⁵⁴ *Félibien*. III, p. 421.

не имевших средств к существованию, например лишь в XVII веке привратника коллежа Бовэ⁵⁶ нанимают со стороны. Туда же относятся и слуги, сопровождавшие своих юных хозяев. По Рэшдолу, уставы Венского университета и Квинс-колледж предназначали розги для бедных студентов — относили ли их к низшей категории учащихся или просто рассматривали как неплатежеспособных?⁵⁷ Монахи наказывали плетью своих светских слуг. Впрочем, в Средние века «подлый народ» наказывали кнутом только в частной жизни — в законах не было и намека на телесные наказания. Еще в XVII веке моралисты призывают хозяев пороть своих слуг, а благодаря Мольеру и Лафонтену мы знаем, что служило орудием наказания — палка. Возникает ощущение, что вхождение плети в школу и уголовное право является результатом одной и той же эволюции: при Старом порядке это основной вид наказания, к которому приговаривают бедноту.

В течение всего XV века розги используют лишь для пресечения насилия. В Монтегю в начале XVI века за легкие проступки взимается штраф или же нарушителя отправляют на хлеб и воду, однако если речь идет о нанесении телесных повреждений или порче имущества, виновный наказывается розгами, или отправляется в карцер, или же его исключают⁵⁸. Изначально школяры, вышедшие из возраста *ragvuli* и не являющиеся бедными, наказывались плетью лишь за ругательства, насилие и побои.

Но скоро все ограничения исчезают. В XVI веке розги полностью заменяют устаревшие денежные взыскания, о которых упоминается лишь из уважения к старым текстам. Порка становится самым характерным «школьным наказанием»: именно этот эвфемизм используется для ее обозначения. Теперь розги предназначаются не только для младших, бедных и совершивших акт насилия. Отныне выпорот может быть каждый, независимо от возраста, вплоть до самых старших. В этом и состоит основное изменение. Английский историк Рэшдол особо отмечает: «Таким образом, в начале XIV века существует учащийся старших классов, на которого власть коллежа не распространяется, — свободный дворянин. К концу XV века он превращается в простого школяра — в меньшей степени в Германии, чем в Париже или Оксфорде». Этот школяр подчиняется тому же режиму, что и грамматист. «Именно развитие коллежей, — добавляет Рэшдол, — вызвало эту великую революцию в области университетской дисциплины, апогей которой приходится на XVI век». И опять же, если верить этому автору⁵⁹, в уставе колледжа Брейзноуз (1509) впервые в истории английских учебных заведений ученики старших классов искусств уравниваются с грамматистами; в университетских колледжах старших школяров пороли по воле преподавателя, как и грамматистов в низших школах. По уставу доктора Кэйуса в Кембридже возраст, когда розги заменялись

⁵⁶ *Chapotin M. D. Collège de Dorman-Beauvais. 1870.*

⁵⁷ *Rashdall H. Op. cit., t. III.*

⁵⁸ *Félibien. V, p. 721.*

⁵⁹ *Rashdall. Op. cit.*

штрафом, был установлен в восемнадцать лет. Устав Уолси в Кардинал-Колледж отодвигает границу к двадцати годам.

Что же касается Франции, то с начала XVI века розги применяются направо и налево, далеко выходя за рамки, предусмотренные уставами. По крайней мере, так происходит в коллеже Стандонка в Монтегю, в чьем уставе применение *susceptio disciplinae*⁶⁰ предусмотрено лишь для пресечения насилия⁶¹. Однако современники свидетельствуют, что Стандонк «порол за любую провинность всех без разбора, в самых же тяжелых случаях виновников выставляли нагишом перед всем сообществом и секли до крови».

В XVI веке часто воспоминания о детстве очень горьки. Мы хорошо знаем тексты Монтеня, которые сходны с тем, что известно о коллеже Монтегю. Примерно в 1560 году Томас Туссер пишет:

Я пришел из Поулесса в Итон,
Чтобы выучить латынь,
Там мне дали за один раз 53 удара плетьюми⁶².

Английские тексты того же периода изображают школу местом истязаний (*place of execution*), почти буквально повторив выражение Монтеня⁶³. Впрочем, такая жестокость распространялась не только на школяров. Л'Эстуаль рассказывает, как однажды в 1583 году «король приказал высечь в Лувре сразу 10—20 человек — пажей и лакеев (обратите внимание, пажи — дети придворных — и прислуга поставлены рядом), которые в нижнем дворе Лувра передразнивали процессию кающихся»⁶⁴.

В XVII веке страсти по розгам улеглись. Однако публичная порка, по крайней мере в коллежах иезуитов, где наказывал специально назначенный на эту должность ученик старших классов, *corrector*, уставы не позволяли отцам-иезуитам делать это самим, — осталась классическим школьным наказанием и применялась к учащимся всех возрастов. В анналах того времени можно найти множество примеров, когда молодых людей семнадцати-двадцати лет приговаривают к наказанию розгами, и это с учетом того, что мы знаем лишь о случаях самой вопиющей непокорности. В Экс-ан-Провансе в 1646 году высекли одного философа и одного гуманитария⁶⁵. В Орлеане в 1672 году ритор, подбивший весь класс на выступление против регента, получил три удара розгами — не так уж много! В 1634 году в Дижоне ученики логического класса подвергаются телесным наказаниям⁶⁶. *Ratio* иезуитов уточняет, каким образом следует сечь виновных. Уложение 1624 года Бургундского коллежа, написанные для стипендиатов, «уже прошедших грамматику... способных учиться в логическом и философском», предусматривают «лишение еды» (это все, что осталось от прежних штрафов) или розги. Еще в

⁶⁰ Дисциплинарного наказания (лат.).

⁶¹ *Codet M.* Montaigu. 1912.

⁶² *Lyle H. C. M.* Op. cit.

⁶³ *Watson F.* The English grammar schools to 1660. 1908.

⁶⁴ *L'Estoile.* Journal. Éd.

R. L. Lefèvre, 1943, t.

1, p. 294.

⁶⁵ *Mechien.* Annales du Collège royal Bourbon-Aix. 2 vol., 1892.

⁶⁶ *Mulleau Ch.* Op. cit.

XVIII веке Мармонтель уходит из риторического класса коллежа в Мориаке, чтобы избежать порки⁶⁷.

* *
* *

Эта история развития дисциплины с XIV по XVII век позволяет сделать два очень важных вывода.

Прежде всего, унижительный дисциплинарный режим — плеть на усмотрение учителя, тотальная слежка друг за другом в пользу преподавателя — сменяет корпоративную форму самоуправления, общую как для младших, так и для старших школяров. Эта эволюция касается не только детей — в XV—XVI века телесные наказания получают повсеместное распространение одновременно с авторитарным, иерархическим, абсолютистским взглядом на общество. Но даже учитывая это, надо отметить существенную разницу между правилами поведения детей и взрослых, — разницу, которой не было в Средние века. Далеко не все взрослые могли быть наказаны плетью. Закон различал людей по социальному положению. Что же касается детей и молодых людей, они, напротив, все до единого подчинялись общему режиму и получали розги. Однако это отнюдь не означает, что в школе социального разделения не существовало. Оно не только присутствовало, но и достаточно акцентировалось. Тем не менее унижительная для взрослых дворян порка распространялась в полной степени на их детей. Она стала отличительной чертой нового отношения к детству.

Второе явление, обнаруженное в ходе нашего анализа, — это раздвижение возрастных границ, в пределах которых школяров могут наказывать розгами. Первоначально розгами наказывали лишь учеников младших классов, затем, с XVI века, наказание распространяется на всех, включая двадцатилетних, а иногда и старше. Проглядывается тенденция смещения подросткового возраста с детским, оттеснения подростков в категорию детей через подчинение их единому дисциплинарному режиму. Внутри школы — утверждение справедливо лишь для школьного мира и дело обстоит иначе с биографиями людей, школой не затронутыми либо затронутыми незначительно, — подросток удален от взрослого и рассматривается в качестве ребенка, с которым он делит унижение телесных наказаний — наказаний низших сословий.

Таким образом детство, удлинившееся за счет подросткового периода, характеризуется желанием унижить ребенка. К какому бы сословию он ни принадлежал, ребенок подчиняется тому же режиму, что и люди низшего сословия. Понятие об отличии ребенка от взрослого началось с самого элементарного — чувства его недееспособности, соответствующей низшим ступеням социальной лестницы.

⁶⁷ *Marmontel. Mémoires d'un père. 1827.*

*
* *

Забота о принижении детей с благим намерением их выделить и обособить постепенно ослабевает в течение XVIII века, а история школьной дисциплины позволяет проследить изменения в общественном сознании по отношению к детям. Было бы интересно сравнить, как происходили события в Англии и Франции. Точка отсчета общая — XVI—XVII века, абсолютная власть учителя, доносительство, телесные наказания. С XVIII века ситуация по-разному будет развиваться в двух странах, несмотря на близость моральных устоев.

Во Франции общественное мнение относится со столь сильным отвращением к школьному режиму, что к 1763 году он будет отменен — предлогом для реформы школы послужит процесс над иезуитами.

Историограф Братства христианских школ Г. Риго цитирует устав одной из первых малых школ — прообраза школ св. Жана-Батиста де Ла Салья — в Мулене в начале XVIII века⁶⁸. Устав уточняет некоторые детали применения телесных наказаний — так, наказание ужесточается, если ребенок кричит под ударами. Причина? На его крики собирается весь квартал, «это доставляло детям удовольствие, и они старались кричать как можно громче в надежде избавиться от наказания, из-за чего среди соседей и людей на улице поднимается шум, они полагают, что наказуемых слишком сильно бьют». Г. Риго показывает тем самым, что «уже в начале XVIII века у существовавшей репрессивной системы было много противников». Св. Жан-Батист де Ла Саль был одним из них. Он не запрещает розги, но не советует их применять: «Побои — это признание собственного дурного настроения или бессилия. Порка есть постыдное наказание, унижающее душу, если даже она исправляет, что сомнительно, самый распространенный результат ее применения — черствость»⁶⁹. Таким образом, унижительный характер телесных наказаний больше не признается необходимостью, продиктованной недееспособностью детей. Наоборот, розги встречают все большее возмущение, и постепенно люди приходят к выводу, что ребенок вовсе не низшее существо и не должен подвергаться методичному унижению.

Возмущенные голоса, поднятые против наказания младших учеников, становятся еще громче, когда речь заходит о старших. Постепенно устанавливается обычай не применять розги к риторам. В 1748 году в Шлезштадте в Эльзасе восемь учеников освободили еврейское кладбище. По требованию мэра ректор приговорил их к *roepa scholastica*. Не захотев быть по обычаю публично выпоротыми, виновные ушли из коллежа. Веком раньше ученики, освобожденные от телесных наказаний, силой привели

⁶⁸ Rigault H. Histoire générale de l'Institution des Frères des Écoles chrétiennes. 1937.

⁶⁹ Conduite des Écoles chrétiennes, op. cit.

бы их обратно, здесь же вмешался мэр и добился смягчения наказания — их не стали пороть. Примерно в тот же период в коллеже Мориака, в том самом, где учился Мармонтель, классный надзиратель все еще отправляет учеников под плети корректора, однако регенты уже воздерживаются от подобной практики⁷⁰. Один из них берет за правило не трогать риторов.

Таково же было мнение Роллена. Когда после изгнания в 1762 году иезуитов коллеж Людовика Великого превращается в показательное учебное заведение, там отменяются телесные наказания. Устав 1769 года объясняет причину, она та же, что и у Жана-Батиста де Ла Саля: «Они унижают, но не исправляют»⁷¹. Постепенно по всей Франции учителя отказываются от традиционной *roena scholastica* и никогда больше к ней не возвращаются. В Вандомском коллеже в 1770 году «уволнили регента за то, что он высек риторов»⁷².

В то же самое время исчезает и практика всеобщего доноительства. Уже в малых школах Пор-Рояля по янсенистской традиции, опережающей свою эпоху, розги не применяют. К 1700 году новый коллеж Сент-Барб перенимает методы Пор-Рояля⁷³. Его уложения отменяют и телесные наказания, и институт наблюдателей, характерный для ненавистных иезуитов. Скажу больше — на еженедельных собраниях учительского состава, где ставились вопросы и о взысканиях, обязательно присутствовал «трибун» от учеников, защищавший своих товарищей. Здесь все пронизано совсем иным духом, воцарившимся с 1763 года в коллеже Людовика Великого, а после — и в нашей современной школьной системе.

Отмена института наблюдателей привела к реформе корпуса регентов. Лишившись своих помощников, они не могли остаться столь малочисленными. Если янсенистские школы обходились без шпионов, то потому только, что они приняли на вооружение дорогостоящую систему малых школ Пор-Рояля: 8—10 учеников на одного учителя. В других коллежах было решено увеличить преподавательский состав и сделать его более иерархизированным. С этой целью в 1766 году учреждается конкурс на право преподавания — педагоги нижнего уровня заменили мониторов. Вот откуда появляется школьный надзиратель — его уже называют репетитором (*répétiteur*), а также «учителем поведения»⁷⁴.

Не является ли эта реформа всего лишь отражением в мире детей новых либеральных веяний, охвативших все общество? Это было бы слишком простым и слишком общим объяснением. Так, если розги отменены в школе, они проникают в войска — по примеру Фридриха II, а также Георгов английских*, эта практика становится систематической. Надо полагать, что в первых заводс-

⁷⁰ *Marmontel*. *Op. cit.*

⁷¹ *Dupont-Ferrier* G. *Du collège de Clermont*.

⁷² *Lablée* J. *Mémoires d'un homme de lettres*. 1824.

⁷³ *Quicherat*. *Histoire de Sainte-Barbe*. 1860.

⁷⁴ *Lacroix* L. *Notice historique sur l'Institut Savouré*. 1853.

* *Фридрих II (1712—1786)*, прозванный Великим — прусский король с 1740 г. из династии Гогенцоллернов, покровительствовал наукам и искусствам, реорганизовал армию и поддерживал в ней жестокую дисциплину, проводил агрессивную внешнюю политику и развязал несколько войн. В XVIII в. Англией правили — Георг I (1714—1727), Георг II (1727—1760) и Георг III (1760—1811).

ких цехах была установлена не менее суровая дисциплина, хотя и без телесных наказаний.

Ослабление школьной дисциплины имеет другую причину — новое отношение к детству, которое не ассоциируется больше с неполноценностью ребенка и не требует его принижения. Теперь воспитание заключается в том, чтобы пробудить в нем ответственность взрослого человека и чувство собственного достоинства. Детство — уже не антитеза, а подготовка к взрослой жизни. Эта подготовка может проходить лишь постепенно и без насилия. Она должна быть тщательной и поэтапной. Это новая концепция воспитания, возобладавшая в XIX веке.

*
* *

В Англии подобное отношение к детям проявилось позже. В школьных анналах XVIII век английских школ представляется эпохой жестокости и насилия. Порка (flogging) встречается все более часто. Как пишет историк Винчестер-колледжа Кук, в XVII веке секли только по субботам, в кровавый день (bloody day)⁷⁵. Затем стали сечь каждый день. Георг III, прогуливаясь в окрестностях Виндзора, встречает школяра из Итона: «Well, well, my boy, when were you flogged last eh eh?»⁷⁶ Рассказывают, что Китс, старший учитель из Итона, однажды в день порки перепутал списки и отправил под розги учеников, пришедших на первое причастие! Надо сказать, что тяжелые на руку учителя имели дело с довольно опасными учениками, готовыми взбунтоваться. По рассказам того времени создается впечатление, что речь идет об исправительных колониях, где с помощью самых жестоких репрессий не удастся ни призвать молодых людей к порядку, ни подавить в них самые низкие пороки. Подобное явление наблюдалось и во французских коллежах XVI века, однако преобразования иезуитов, ораторианцев, университетская реформа позволили принять более скромные репрессивные меры, укоренившиеся в течение XVII века. Ничего подобного не произошло в Англии: описания из «Школьных дней Тома Брауна» дают представление о нравах, царивших в Регби в начале XIX века. Назревала необходимость реформы, она пришла на конец первой четверти XIX века, и ее вождем стал Томас Арнольд, учитель колледжа Регби.

Эта реформа вдохновляется теми же принципами, что реформа во Франции 1760-х годов — воспитать человека в ребенке. Однако средства для этого находятся другие. В английских школах дисциплинарный режим останется прежним — телесные наказания и доносительство, от которых отказались во Франции, однако дух совершенно изменится. Например, если розги и применяются, то служат теперь не только средством наказания, но и инструментом воспитания — мальчик под розгами воспитывает

⁷⁵ Cook H. Winchester College. 1917.

⁷⁶ Ну, ну, мальчик мой, когда вас секли в последний раз, а? (англ.).

в себе самообладание, первое качество джентльмена. Реформаторам также удалось разделить традиционную практику доношительства и систему согладатаев. В противоположность мнению некоторых английских историков, старающихся любой ценой подчеркнуть новизну в реформах 30-х годов XIX столетия, мониторы XIX века ничем не отличаются от *graepositores* XVI-XVII веков. Тем не менее в их задачу больше не входит доносить на своих товарищей. Это не по-джентльменски. Удивительная вещь — в частных школах, всегда следовавших за общественными (*public schools*), и во времена Тома Брауна продолжают поощрять доношительство, уже исчезнувшее в Регби. Однако если мониторы теперь и не доносят, они продолжают играть роль помощников учителей во все еще малочисленных классах. Таким образом воспитывались качества будущего руководителя. Однако каким образом он подчинял себе своих товарищей, если не мог донести на них учителю? Ему дали право наказывать самому — право, не признаваемое старыми обычаями. Раньше *graepositor* докладывал учителю, и тот наказывал виновного. Отныне же монитор сам мог на законных основаниях побить соученика за какую-либо провинность.

Дальше можно не продолжать. Самое главное — мы поняли, что как в Англии, так и во Франции, несмотря на разницу в подходах, перемены в школьной дисциплине означают рождение нового отношения к детям.

*
* *

Я попытался показать, насколько либерализация школьного режима является следствием нового отношения к детям. Этот либерализм, особенно в случае Роллена, можно было бы отнести на счет общих настроений эпохи, а значит, он должен был крепнуть и развиваться. Однако этого не произошло: с начала XIX века школьная дисциплина отдаляется от либеральных традиций предреволюционной Франции и даже периода Революции, устанавливается своего рода казарменный режим, и надолго — почти до конца столетия. Нет нужды напоминать здесь об особом внимании к средней школе Наполеона I, разбившего ее на коллеж и лицей*, где он установил почти военные порядки, в лицеях этим принципам следовали больше, чем в самой армии. Бытовало мнение, что воинская дисциплина сама по себе воспитывает и образовывает, — мнение это, трансформации которого описаны Раулем Жирарде, вновь воскресло во Франции в среде правых в конце XIX века, в тот самый момент, когда официальная педагогика от него отказалась. «Без военной дисциплины, — говорил Наполеон, — очень трудно осуществлять управление и контроль в учреждении». Так в нашу жизнь вошла школьная практика (Англия ее избежала), которая не ограничилась созданием напо-

* В 1802 г. был принят закон о народном образовании, среднее образование давали лицеи и средние школы, лицеев было немного (по одному на каждый округ апелляционного суда), в их программах преобладали точные науки, словесность была на втором плане; средние школы были не казенными, как лицеи, а общественными или частными школами, программа их была сходна с лицейской. 17 марта 1808 г. был учрежден императорский университет, «гражданская педагогическая корпорация», охватывавшая все учебные заведения как общественные, так и частные и включавшая специальные школы высшего уровня, лицеи и коллежи среднего и начальные школы, многие из которых были поручены монахам конгрегации «Братьев христианских школ», во главе университета стояли великий магистр и университетский совет. Для подготовки преподавателей был создан в Париже Нормальный пансион (300 воспитанников), из которого позднее возникнет Высшая нормальная школа.

леоновского университета. Несмотря на отвращение церковных авторитетов к этой милитаризации, учебные заведения религиозного происхождения тоже приняли на вооружение некоторые приемы казарменной дисциплины: хождение строем, применение свистка, общее построение, карцер (правда, он применялся не очень часто, так как никто не решался вернуться к телесным наказаниям, существовавшим до 1763 года).

В коллеже Людовика Великого казарменный режим устоял перед всеми политическими переменами и переменами общественного мнения; не помогли и протесты лицейстов, едва не превратившиеся в восстание. Лишь в 1890 году по новому уложению был отменен карцер и все то, что было введено Наполеоном, — таким образом, система просуществовала почти столетие. Все вернулось, как отмечает историк коллежа Людовика Великого Дюпон-Феррье, на круги своя, то есть к ситуации XVIII века, во времена Роллена.

Итак, либерализм XVIII века попал под каток противоположных настроений, на какое-то время восторжествовавших и придавших учащейся молодежи чуть ли не статус военнослужащих.

Стоит ли приписывать такую ситуацию только действиям Наполеона? На самом деле ее корни гораздо глубже: всю вторую половину XVIII столетия внутри учебных заведений наблюдается подъем милитаристских идей — одновременно со взлетом идей либеральных. Явление совершенно новое — до сих пор на школу оказывали влияние лишь религиозные учреждения, преимущественно монастырского типа. Военные не рвались закончить полный курс среднего образования, в XVII веке для них пришлось создать академии, чтобы заполнить пробелы, образовавшиеся в результате этого. И вот после изгнания иезуитов, часть реорганизованных учебных заведений была переориентирована на подготовку офицерских кадров — военные школы были созданы в тот самый момент, когда учебные заведения приняли на вооружение казарменный режим.

Коллеж иезуитов в Турноне становится военной школой (как и Флеш) под патронажем ордена ораторианцев. Там можно наблюдать странную смесь либерализма Роллена и капральства Бонапарта. Учащиеся разделены на взводы; провинившиеся носят что-то вроде униформы из грубой ткани. Ученикам, принятым в конце года в военную школу (прообраз нашего Сен-Сира) выдаются шляпы с кокардами и военная форма. Некоторых могут отправить непосредственно в войска. Эта тенденция охватывает не только публичные заведения, находящиеся, как Турнон, на содержании особых фондов. После 1762 года открываются новые частные пансионы, в Руане⁷⁷ например, где ученикам выдается форма наподобие церковного одевания бедных стипендиатов XVII века,

⁷⁷ Massip M. Le Collège de Tourmon.

Франс Хальс.
Групповой портрет стрелков
гильдии св. Георгия.
1639. Харлем. Музей
Франса Хальса

⁷⁸ Robillard de Beaulrepaire
Ch. de. Recherches sur
l'instruction publique dans le
diocèse de Lyon. 1872.
* Ватто Антуан (1684—
1721) — французский живо-
писец, рисовальщик и гравер,
с 1717 г. член Парижской
академии, автор военных, те-
атральных сцен, галантных
празднеств, картин на быто-
вые сюжеты и портретов.

а по типу офицерской. Латыни там уделяется очень мало времени, зато сколько внимания более современным наукам — истории, географии, математике! Старые учителя недовольны этими изменениями. Один из них, цитирую по Бореперу, полагает, что «такое помпезное образование сводится, однако, к тому, чтобы надеть на детей военную форму, отправить их под армейские

знамена и заставить всех этих малышей заниматься по единой мерке военными упражнениями»⁷⁸.

Таким образом, задолго до наполеоновского лицея, школа, по крайней мере та, что соответствует нашей средней, постепенно милитаризируется. Это, несомненно, вызвано тем, что армия начинает занимать в обществе особое место, которое она потеряла во время Реставрации, вновь обрела через полвека в эпоху Второй империи и никогда не теряла в Центральной Европе. Звание офицера начинает сливаться с понятием о благородстве: военный мундир, как это показал Леонар, становится парадной одеждой королей и принцев. В таких условиях то, что образование молодых людей из хорошего общества принимает милитаристский оттенок, — совершенно нормальное явление. Даже английские public schools не остались в стороне от этого движения — мониторы теперь получают звания: капитан, капрал и т. д., по-видимому, речь идет об общей тенденции того времени. И еще одно замечание, относящееся к восприятию возраста. Новый интерес к офицерам и солдатам приводит к сближению двух понятий: подросток и солдат. Последний больше не предстает развязным солдафоном, часто преждевременно постаревшим, как это видно на картинах испанских, голландских художников XVII века и караваджистов, — новобранец становится молодым солдатом в стиле Ватто*, образцом молодого красавца.

В средневековой школе не делали различия между взрослыми и детьми, в коллеже начала новой истории путали детей и подростков, подчиняя их одному и тому же школьному режиму. В XVIII веке посредством образа офицера и солдата в общественном сознании утвердился еще одно новое понятие — юноша. Херувим в униформе, но херувим возмужавший.

Введение нового понятия изменит характер педагогического действия, отныне воспитатели признают нравственную ценность военной формы. Отождествление «юноши» и «солдата» в школе привело к акцентированию качеств, прежде пренебрегавшихся, суровость и мужественность отныне становятся предпочтительными. Возникло новое чувство, пусть пока только в зародыше, чувство юношества, отличающееся от чувства детства. Впрочем, это мы уже отмечали, когда вели речь о новобранце.

* Эразм все-таки отдавал предпочтение публичной школе, находящейся под контролем и на обеспечении магистратов и церковных властей. Однако при отсутствии надлежащим образом устроенной общественной школы мальчика следует необходимо рано поручить ученому, добродетельному и бдительному наставнику, причем не старому, а цветущего возраста, чтобы ему легче было завоевать привязанность ребенка. Руссо полагал, что идеально иметь отдельного руководителя для каждого воспитанника, посвящающего всего себя ученику и его развитию: «Каждый ум имеет свой собственный склад, сообразно с которым и следует управлять им. Осторожный наставник должен долго наблюдать природу ребенка, хорошо следить за ним прежде, чем скажет ему первое слово». Ему же принадлежит весьма красноречивое высказывание: «Не существует коллегий для девочек? Ужасное несчастье! О! Дал бы Господь, чтобы не существовало коллегий и для мальчиков. Тогда они воспитывались бы гораздо более разумно и в более честных правилах».

Сегодня мы знаем лишь три вида образования: индивидуальное с домашним учителем, особенно распространенное в буржуазную эпоху XIX века, и два вида коллективного образования — интернат и экстернат. Однако до XVIII века этих категорий не существовало или же они не совпадали с их сегодняшним значением.

На первый взгляд может показаться, что домашнее образование прекрасно подходило обществу Старого порядка, что аристократические структуры и обитатели обширных владений в провинциях должны были его поддерживать. Ничего подобного. Сама идея уже существовала, в педагогической литературе от Возрождения до XVIII века, от Эразма до Руссо*, авторы непрестанно доказывали преимущество индивидуального обучения. В теоретических дискуссиях ему часто предпочитали маленькие группы максимум из десятка учеников, то есть индивидуальное образование для нескольких детей — формула, применявшаяся какое-то (довольно короткое) время в малых школах Пор-Рояля, воспринятая позже в Сент-Барб.

В реальности эта, хотя и богатая, литература не оказала никакого влияния ни на мораль, ни на институты государства и общества. Современным историкам случалось принимать всерьез книжные примеры, не отдавая себе отчета в том, что никакой связи между теорией и реальностью не было: именно поэтому они придают порой большее значение Эразму, Рабле или опыту Пор-Рояля, чем иезуитам и ораторианцам. При Старом порядке, по крайней мере в середине XVIII века, домашнее образование прекращалось к десяти годам, исключая королевских сыновей, единственных во Франции мальчиков, не посещавших коллежа. Даже принцы крови, такие как Конде, ходили в коллеж — он был единственным учебным заведением, общим для всех.

Криспен де По.
Уход в школу

Впрочем, слово «наставник» часто употреблялось в повседневной речи, но никто в XVI—XVII веках не видел в нем учителя, который мог бы заменить коллеж и оградить, таким образом, ученика от соседства с другими учениками и дисциплины этого учебного заведения. Это слово употреблялось в двух значениях — одно более или менее точное, другое расплывчатое. Это мог быть более старший товарищ (в отличие от слуги, который был того же возраста, а иногда и молочным братом), выбранный семьей. Он ходил с обеспеченными детьми в коллеж, где делил с ними и учебу и быт, присматривал за своим подопечным и, в частности, оберегал его от дурного влияния свободных нравов Средневековья, которые еще кое-где проявлялись в жизни школ. На гравюре Криспена де По запечатлен момент прощания: ребенок уходит в школу в сопровождении наставника, они готовы отправиться в путь, с сумками на плече, вся семья собралась на пороге дома¹. На дороге, по которой они пойдут, видны другие мальчики с наставниками или без оных — они направляются туда же.

«Мой отец, — рассказывает А. де Месм (он родился в 1532 году), — дал мне в качестве наставника Ж. Малюдана, ученика Дора. Это был ученый человек. Выбор пал на него из-за его целомудренного образа жизни и потому, что он был в возрасте, подходящем для того, чтобы направлять меня, юного, пока не наступит время, когда я сам смогу управлять собой, как он теперь... он останется при мне, пока я не поступлю на службу... вместе с ним и моим младшим братом я был помещен в Бургундский коллеж»². Точно так же будущий маршал Бассомпьер (родился в 1589 году) был отправлен в коллеж Фрибурга в сопровождении наставника, учителя танцев и учителя правописания, не считая слуг³.

Но то же имя наставника присваивали регенту коллежа, которому доверяли детей в качестве пансионеров. «В коллеже Грасенов, — говорит Ломени де Бриенн (род. в 1636 году), — мы (мой брат и я) имели в качестве классного надзирателя и наставника вместе господина Ле О, помощника начальника коллежа. Он особенно заботился о нашем образовании»⁴. В своем «Франсионе» Сорель употребляет слово «наставник» как синоним слова «регент»: «Наставники — это люди, попавшие чуть ли не от сохи да в кресло, все они чем-то похожи на привратника в коллеже (то есть прислуживают регенту), точно так же урывают что-то от урока, когда приходится помогать хозяину, чтобы попутно чему-то поучиться».

Что же касается различий между интернами и экстернами, то они также имели иной смысл, чем теперь. В общем можно сказать, что интернат, каким мы его понимаем сейчас, встречался

¹ Crispin de Pos. *Academia sive Vita scholastica*, Arnheim, 1602.

² *Président de Mesme. Mémoires.*

³ *Maréchal de Bassompierre. Journal. S. H. F., 4 vol.*

⁴ *Loménie de Brienne. S. H. F., 1919.*

редко: в коллежах иезуитов учеников, чей режим напоминал режим сегодняшних пансионеров, называли *convictores*. Понятие «экстерн» было более распространенным и точным, потому что относилось к более распространенной практике. Тем не менее в терминологии существовали разночтения: у иезуитов экстернами назывались ученики, не относящиеся к Обществу Иисуса — не *scholastici*, не пансионеры же именовались *auditores*. Однако из книги Сореля мы знаем, что в коллеже Лизье уже употребляли слово «экстерн» как синоним более старого слова «топтун»: один и тот же человек с небольшим интервалом называется «экстерн» и «топтун»⁵.

В действительности же вместо наших современных понятий — пансион, полупансион, экстернат — существовала целая гамма образов жизни, которые я постараюсь классифицировать.

Далее мы попытаемся понять, как классический интернат XIX века пришел на смену этим более ранним формам.

*
* *

Самый простой и, несомненно, довольно редкий случай — это ситуация, когда семья ученика живет недалеко от латинской школы или коллежа. В диалогах Вивеса есть набросок такой сценки: служанка помогает ребенку одеться⁶. После ребенок идет поприветствовать отца и мать и получает корзину с провизией: «Кусок хлеба, намазанный маслом, или сушеные фиги, или изюм» — это его завтрак. Затем он отправляется в школу. Иногда ему дают небольшие поручения — так, он останавливается и спрашивает попавшуюся ему навстречу старую женщину: «Мы хотели бы знать, почему вы покупаете вишню? — Покупаем по шесть денье за фунт, а почему вы спрашиваете? — Моя сестра поручила мне сегодня утром купить вишен». Он слоняется по дороге, играет в классики, в карты. Приходит с опозданием — товарищи (возможно, пансионеры учителя) уже позавтракали. «Дитя, — говорит учитель, — вы пришли, когда уже все поели».

В диалогах Кордые два мальчика переговариваются: «Я пообедал в половине девятого. — Вы обедаете так рано утром? — Таков наш обычай летом. А вы? — Мы не едим до половины одиннадцатого, иногда до одиннадцати. — А почему не раньше? — Мы ждем, когда отец вернется от Двора. — А ваша мать никогда не кормит вас обедом, пока он не вернется? — Почему же, но отцу хочется, чтобы я его ждал»⁷.

Все у того же Кордые учитель интересуется у одного из своих учеников, только что вошедшего в класс: «Здравствуйте, учитель. — И вы здравствуйте, мой маленький Стефанио. В котором часу вы встали? — Около четырех. — Вы рано встаете. Кто вас будит? — Брат. — Вы уже помолились Богу? — Как только брат причесал меня, я тотчас помолился».

⁵ Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсоана. М., 1990.

⁶ Vivès. Colloques.

⁷ Cordier M. Colloques. 1586.

*
* *

В условиях жизни при Старом порядке эта категория — ученики, жившие дома, — составляла меньшинство. Контингент школ набирался не только в городах, где существовали учебные заведения, большинство приходило из деревень, и многие сельские жители (будь они благородные, клирики или простолюдины) обитали слишком далеко, чтобы каждый вечер возвращаться домой — им не хватало дня проделать пешком путь туда и обратно.

Таким образом, многие школяры жили вдали от своих в стенах коллежа в качестве пансионеров, камердинеров, слуг или же в семьях буржуа, как экстерны, «стрижи» или «топтуны».

Среди тех, кто жил в помещениях коллежа, были те, для кого коллежи первоначально учредили стипендии: их называли *raureges* в Монтегю в XVI веке, а также в коллеже Людовика Великого в XVII веке. Но очень скоро стипендиальный фонд начинают использовать по другому назначению. В одном случае им завладели богатые семьи благодаря своему влиянию, как это произошло в английских *public schools*, где эти фонды для бедных были превращены в дворянские «питомники»; или же они выкупались, как и должности, иногда даже не студентами, а клириками, которые, таким образом, пользовались преимуществами устойчивой жизни в коллеже. В 1652 году следствие, открытое по настоянию парламента в коллеже Отен, обнаружило, что ассоциация стипендиатов стала чем-то вроде пансиона для буржуа!⁸ Стипендия покупалась за 200 ливров: «Большая часть стипендиатов не выполняют своих обязанностей ни в часовне, ни во время учебы... они годами не появляются на уроках». Многие уже закончили учиться, или считалось, что они закончили. Новенькие платили выпускающимся стипендиатам своего рода пошлину за право переступить порог учебного заведения: «Мэтр Поль, священник и стипендиат, говорил, что когда ему дали стипендию, он отдал 60 экю тому, кто получал ее раньше, — деньги были отданы в руки господину принципалу». В подобных условиях стипендиаты не могли в полной мере считаться учениками: во всяком случае, в коллежах, где не существовало полной программы обучения, они (в принципе) должны были бы посещать другой коллеж, где такая программа была. Они больше походили на равных принципалу, чем на его подчиненных, судя по степени их участия в жизни учебного заведения.

В коллеже Людовика Великого в XVII веке — это был коллеж иезуитов — первоначальные принципы были соблюдены, *raureges* подчинялись режиму пансионеров, то есть самых обеспеченных из учащих, и, таким образом, у богатых и бедных был одинаковый статус. Однако *raureges* выделяло среди других пансионеров платье — они носили скучную серую сутану.

Однако нам это мало интересно — стипендиаты составляли незначительное меньшинство. Единственное их значение заключается в том, что именно их изначально имели в виду тексты об основании коллежей. Как мы уже убедились, впоследствии коллежи привлекли в свои стены самую широкую публику, и именно это нас интересует.

Среди тех, кто жил в домах, принадлежавших коллежу, более значительное количество составляют «пансионеры», как говорит Паскье: «те, кто был на содержании учителя» или принципала, главы коллежа⁹. По текстам Кордые можно судить, насколько их положению завидовали¹⁰. «Я хочу перебраться в коллеж», — говорит школяр, который, следовательно, приходит туда лишь на уроки. «Жить там? — Не как жилец или „бродячий“ (две другие формы проживания в коллеже, о которых речь пойдет ниже), а как вы — пансионером стола у учителя». Жена учителя занимается их одеждой и гигиеной: «Я могу уйти? — Куда? — Сходить домой. — Зачем так часто ходить домой? (Значит, его дом находился не слишком далеко — ребенок мог сравнительно быстро до него дойти, что не мешает ему, однако, жить на пансионе в коллеже и не возвращаться к родителям каждый вечер.) — Мать сказала мне, что сегодня мы с братом останемся с ней, чтобы служанка могла почистить нам одежду. — Зачем? У вас есть вши? — Да, много. — Почему вы не сказали об этом моей жене? — Мы стеснялись. — Она бы вас не укусила. При ней есть служанка, специально нанятая для таких случаев, — чтобы содержать в чистоте вашу одежду. Вы это знаете. Вам нужен повод пойти домой. Вы никуда не пойдете. Завтра вам вычистят вашу одежду».

В 1549 году Бадюель, ректор и основатель коллежа в Ниме, пишет советнику Сегье из Тулузы по поводу его сына: «Если вы пришлете вашего сына ко мне, я воспитаю его вместе с моими пансионерами»¹¹. Поэтому нет необходимости в наставнике, который сопровождал бы ребенка: «Я не знаю, каких товарищей (наставник воспринимался скорее как товарищ, чем как учитель) или слуг вы к нему приставите. Что касается прислуги, то было бы достаточно какого-нибудь мальчишка (маленький слуга, часто молочный брат господина). Остальное, то есть здоровье и образование, за нами». Таким образом, он принят на полное содержание учителя.

Этот статус личного пансионера принципала будет существовать во многих коллежах, основанных в XVII веке. Однако в коллежах, основанных новыми братствами, такими как иезуиты и ора토리анцы, статус пансионера изменился. Он потерял свой характер личных отношений ученик — учитель. Теперь пансионеры были на пансионе коллежа, а не его главы, они подчинялись уложениям, которые регулировали расписание занятий, распорядок дня и перемещения плюс обязанности, общие для всех учени-

⁹ Pasquier É. Recherches... 1621, I, IX.

¹⁰ Cordier M. Op. cit.

¹¹ Caufrès J. Claude Baduel. 1880.

ков, включая экстернов. Этот режим очень похож на режим современных интернатов, с той оговоркой, что в Средние века он был предназначен для избранных. Самые богатые дети и дети самого высокого рождения не могли довольствоваться общей комнатой. В их распоряжении были квартиры. Так было у Конде. Так же было в случае с родственником архиепископа из Экса, о котором говорится в анналах местного коллежа — запись относится к 1731 году: «Монсеньор архиепископ попросил предоставить квартиру в коллеже для молодого графа Агу, сына его сестры, для его префекта (то есть наставника, выбранного среди регентов коллежа) и слуги. Господин Кашар, служащий пансиона, и будет назначен префектом. Мы не смогли уклониться от того, чтобы предоставить в распоряжение монсеньора две первые комнаты из галереи регентов. Но лишь из-за веских причин, изложенных выше, мы пошли на подобное стеснение»¹².

В учебном заведении описанном Кордые (женевский коллеж) наряду с пансионерами учителя существовали и «жилыцы» (locatifs), которые снимали иногда в коллеже комнаты на нескольких человек и там же обедали; они ходили в те же классы, но не подчинялись дисциплине пансионеров учителя. «Учитель застал нас, когда мы пили в тайне от него, — признается один из учеников Кордые. — Где это было? — В комнате Флювьо. — Почему вы вместе предавались пьянству? — Потому что эти двое не являются пансионерами нашего стола... им прислали из дома всяких сладостей, а лучше бы их потеряли по дороге, как я теперь думаю... А коли я всякий раз их учу (классы были слишком многочисленны, и некоторые ученики выступали в качестве добровольных репетиторов для своих товарищей) в свободное время, они вчера после ужина пригласили меня прийти сегодня утром на эту пирушку»¹³.

Наконец, наряду с пансионерами и жильцами в зданиях коллежа жили те, кого Этьен Паскье называет камеристами (cameristes)¹⁴, «обедающими за счет их педагогов», а Кордые — *домашними учениками*, которые жили у регентов. «Учитель, — говорит школяр, обращаясь к принципалу, — в шестом классе никого нет. — Как это? Где магистр Филипп? — Он лежит больной. — Откуда вы знаете? — Один из его *домашних учеников* приходил сказать об этом».

Регенты, жившие при коллеже, содержали собственных пансионеров — это так называемая *tutorial system*¹⁵, которая сохранилась в английских *public schools* до наших дней. Благодаря Сорелю мы знаем, как выглядел пансион у одного из регентов. Отец Франсиона хочет отправить своего сына в коллеж: «... поскольку наши местные школы (Бретани) были ему не по вкусу, то, отправляясь в Париж по делу, повез он меня туда, несмотря на сетования матушки, и поселил у одного наставника лизьеской

¹² Mechin. Op. cit.

¹³ Cordier M. Op. cit.

¹⁴ Pasquier E. Op. cit.

¹⁵ Система опеки (лат.).

школы... Моим классным наставником был молодой человек, тщеславный и наглый до крайности: он по большей части приказывал величать себя Гортензиусом, словно происходил от того древнего ритора, который жил в Риме во времена Цицерона, или мог сравняться с ним в красноречии»¹⁶. Жил он со своим слугой, или «дядькой», в павильоне, главная дверь которого выходила во двор коллежа, а другая — на улицу. Он был «регентом нескольких классов». Некоторые из постояльцев коллежа могли иметь статус стипендиатов — но это не случай Гортензиуса. Его ученики, в количестве восьми человек, жили в комнатах или аудиториях. «Нас, школяров, угнетала главным образом его скарედность, побуждавшая этого наставника прикарманивать большую часть денег, уплачиваемых за наше содержание, и кормить нас не иначе, как вприглядку... Наши завтраки и полдники зависели от милосердия злобного дядьки. Если по приказу своего начальника ему нужно было лишить нас рациона, то он отправлялся гулять в тот самый час, когда надлежало его раздавать, наводя тем экономию и предоставляя нам дожидаться обеда, каковой не мог нас насытить, ибо нам выдавали ровно столько еды, сколько эти господа почитали нужным»¹⁷.

Как и пансионеры принципала, домашние школяры подчинялись общей дисциплине заведения, и свобода их была ограничена: «...я очутился взаперти, — говорит Франсион, — хуже любого монастырского инока, и был вынужден являться на богослужение, к трапезам и на уроки по звону колокола, коему подчинялась тут вся жизнь»¹⁸.

Пансионеры, жильцы, камеристы или домашние школяры, жившие в коллеже и в зданиях, ему принадлежавших, подчинявшиеся постоянной дисциплине, составляли лишь малую часть школяров. Большая часть из них не жила ни в коллеже, ни дома — они останавливались в мещанских семьях: «Кроме них (пансионеров и камеристов), — рассказывает Паскье, — есть еще школяры, которые остаются в городе и слушают там лекции то одного, то другого регента, когда им хочется... молодые, которых мы зовем „стрижами“ или „топтунами“». Как мы видим термин «топтун» используется Сорелем как синоним экстерна, но в течение XVII века он исчезает. Кордые называет экстернов «бродячими», то есть не проживающими в коллеже. Франсион Сореля тоже говорит об одном из своих друзей, «школяре из города».

Эта категория, куда более многочисленная, наиболее характерна для школярского населения городов, ее положение более или менее соответствует положению сегодняшних экстернов, с той лишь разницей, что тогда жили не дома, а на квартире. Некоторые довольствовались маленькой комнатушкой на одного: быть может, они были самыми несчастными. Мальчик у Кордые жалуется на то, что не может вовремя проснуться, его хозяин, про-

¹⁶ Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона. С. 141–143.

¹⁷ Там же, с. 143.

¹⁸ Там же, с. 142.

давец, старый друг его отца, к тому часу уже уходит, а хозяйка «встав рано утром, занимается своими детьми и думает только о домашних делах». Он один и без товарищей. «Я не могу нормально учиться из-за торговцев, которые постоянно приходят в этот дом и целый день шумят». Его комната выходила на лестницу, и он «даже слышал, как кошка бежит на улицу». Кроме того, «там есть большой амбар, где хранят товар». Отец мальчика не понимал, на что тот жалуется, «потому что он никогда не ходил в коллеж и не представляет, что такое учиться».

В основном школяры жили по несколько человек или в комнате, или на одной и той же квартире. «В этом, 1605 году, — пишет в своих воспоминаниях каноник Жак де Бон, — в Турноне было семьсот школяров, по большей части дворянского происхождения, не только из соседних провинций, но и из самых удаленных»¹⁹. Их почти всех поселили на квартирах: «В комнате, где я жил, было еще 20 человек», 20 клириков, будущих прелатов и каноников, которых непросто прокормить. «Александр просит у меня рыбу, а я еще не ел рыбы».

Этот способ поселения школяров просуществовал до последних лет Старого порядка и кое-где пережил его. В 1734 году Мармонтель приезжает в Мориак, чтобы поступить в четвертый класс коллежа иезуитов: «По старому обычаю коллежа меня поселили с другими 50 школярами у достойного местного ремесленника»²⁰. Там была своя «полиция, состоящая из школяров разных классов, и порядок в жизни и в учебе обеспечивался авторитетом старших и наиболее одаренных... Мы работали все вместе за одним столом».

«Буржуа» предоставлял жилье и только частично кормил. В базарные дни коллеж Кордые закрывался, чтобы студенты могли запастись продуктами и получить деньги, которые передавали им их родители с оказией. «Сегодня много народу хотят выйти в город?» — спрашивает учитель. «Почти все. — Что это значит?» — Сегодня базарный день, и каждый хочет что-нибудь купить».

«Вы пойдете еще на рынок?» — спрашивает школяр у своего товарища. «Сейчас? Там такая давка у мясной лавки, что я с трудом к ней пробился. — Какое мясо вы купили на завтра?»

Мармонтель в Мориаке: «Отец... оставил меня там с моими сумками и запасом провизии на неделю»: булка ржаного хлеба, сыр, кусок сала и дюжина груш — таков был недельный запас продовольствия, привозимый родителями каждый базарный день; из этих продуктов «наша хозяйка готовила нам еду». Студенты берегли свои запасы. Хозяин квартиры, пытавшийся выкроить для себя какие-то крохи, оставался при своих — школяры хорошо знали, что сколько стоит. Один из квартирных хозяев в комедии Лариве* «Школяры» говорит так: «Большая часть школяров настолько бдительны, что невоз-

¹⁹ Цит. по: *Massip*. Op. cit., p. 56.

²⁰ *Marmontel*. Op. cit.
* *Лариве Пьер* (1540? — 1619) — французский проповедник и комедиограф итальянского происхождения, с 1618 по 1647 гг. публиковался его «Альманах с великими предсказаниями», автор многочисленных комедий.

можно и яйца стянуть. Мои прятали даже куски хлеба, оставшиеся после обеда и ужина».

И в начале XIX века в департаменте Сомма, где еще существовали деревенские латинские школы, ученики приносили с собой в котомках недельный провиант²¹. Их так и называли — «котомочники».

Таким образом, при Старом порядке существовало лишь две формы обучения — *tutorial system* или экстернат с пансионом на квартире. Единственная форма, близкая к интернату наших дней, *convicti* у иезуитов и ораторианцев, оставалась исключением и была неприемлема для преподавателей коллежей, они противились ей всеми силами, так как она могла отпугнуть аристократов, желавших оградить своих отпрысков от тесного общения с другими школярами. Иезуиты никогда не стремились увеличить число своих пансионеров: экстернат оставался их идеалом.

Впрочем, совершенно ясно, что сама атмосфера в обществе того времени не была благоприятна для полного перевода школяров на «казарменное положение»: ни должного снабжения, ни транспорта, да и существовавшие санитарные условия — все это говорило против концентрации в одном месте и принятия на полный пансион большого количества людей. Слишком велик был страх перед эпидемиями, а также беспорядками и восстаниями — в школярах ходили представители разных возрастов, и были они публикой беспокойной и подчас жестокой.

Авторитарная тенденция, которую мы уже проследили в процессе возникновения коллежей и усиления дисциплины, должна была ограничить свободу школяра и установить более строгий контроль над его личной жизнью. Примечательно то, что не наблюдается никакого сдвига после появления *convicti* — эта форма, близкая к сегодняшнему интернату, могла бы распространиться на другие учебные заведения, но этого не произошло.

*
* *

Современный интернат имеет другие корни: постепенное превращение педагогий в частные пансионы, подчиненные дисциплине коллежей.

Мы только что видели, что большая часть учеников жила на квартирах у горожан; проходит некоторое время, и экстерны уже не могут даже за пределами учебного заведения выйти из-под власти коллежа — она быстро начинает распространяться на квартирных хозяев. Мы также отмечали здесь, как в XVI веке авторитет школьного учителя постепенно становится абсолютным. Однако каким образом закрепить эту власть, если значительная часть учеников после занятий и церковных служб пользовалась неограниченной свободой? И регенты совместно с принципалами приложили все свои силы, чтобы ограничить эту свободу, в

²¹ Archives de la Somme, série II T, 1933, préface.

частности контролируя горожан, у которых квартировали их ученики. Право это было признано за учителями далеко не последними людьми в обществе, чье слово что-то значило: кардиналом, реформировавшим в XV веке Парижский университет; а в XVII веке — парламентскими или бальяжными судами городов, где имелись коллежи. Сами квартирные хозяева были не менее заинтересованы в таком контроле, так как он способствовал содержанию пансиона в большем порядке и позволял таким образом находить лучших постояльцев. Принципалы и регенты пришли к тому, что стали выделять некоторых квартирных хозяев, священников например, тех, кто не просто предоставлял жилье и стол, а тех, кто был еще и репетитором своих пансионеров и требовал от них под угрозой порки соблюдения школьной дисциплины.

Выше мы говорили, что каноник Жак де Бон в 1605 году был пансионером у «педагога» — так он называет своего квартирного хозяина²². Слово «педагог» означает не только хозяина жилья. «На квартире у нашего хозяина нас было 20 школяров, ленивых и хулиганистых, которые часто ребячились и даже буянили». Они порой не ночевали дома и, случалось, воровали одежду из гардероба педагога. Плетка была крайней мерой: «Если кто-то не хочет учиться и не понимает слов, того плеть заставит слушаться». Педагог с плетью в руках уже не просто квартирный хозяин.

В коллеже Флеш в начале XVII века за регентом и префектом признавалось право проводить инспекции у педагогов: они наносили визиты. Приказ лейтенанта сенешальства обязывал «жителей и наставников» (отметим слово «наставник») в трехдневный срок после прибытия сообщать имена их квартирантов не только судебному чиновнику, что является обычной мерой полицейского контроля приезжих, но и префекту коллежа²³. Таким образом, хозяин квартиры становился хозяином частного пансиона — педагогики, как говорили в начале XVII века, — который отправлял учеников на уроки и церковную службу, а в остальное время следил за выполнением домашних заданий и за дисциплиной. В монографии де Рошмонте о коллеже Флеш можно найти пример такой педагогики. История касается ирландца Джона Кэллахена, чья деятельность в рядах янсенистов известна благодаря некрологу Пор-Рояля. Придя из коллежа в Квимпере, он поступает во второй класс коллежа Флеш. Так как у него нет никаких средств к существованию, святые отцы платят ему небольшое жалование за то, что он подметает двор и подрабатывает экзекутором («отцом Задодером»): «18 ливров серебром за службу, сутана для выполнения указанных обязанностей экзекутора и стол вместе с другими служащими означенного коллежа». Закончив философский, он продолжает учебу в теологическом классе (1630). В коллеже ему продолжают давать хлеб и похлебку, кро-

²² Massip. Op. cit.

²³ De Rochemonteix. Op. cit.

ме того, священник, державший пансион у одной вдовы, «также давал ему поесть из сострадания и иногда делил с ним свой стол». Текст интересен тем, что раскрывает некую специализацию: владелец дома не совпадает с хозяином педагогики. Священник снял дом вдовы для того, чтобы принимать школяров, обеспечивать их едой и следить за их учебой. Некоторые из его подопечных и жили там же: «Некий Моро, школяр, который жил в том же доме, делил с ним (Кэллахеном) свою кровать». Другие жили в ином месте, но ели и занимались повторением у священника. Священник же, хоть и не был регентом коллежа, имел значение не меньше настоящего учителя. Это тоже стало профессией. Из хозяина пансиона при Флеш он становится в 1633 году регентом новичков в одном аббатстве в Мансе. Перед отъездом он предложил Кэллахену взять его учеников, таким образом «давая ему средства к существованию».

Именно здесь следует видеть корни пансионеров и институтов, развившихся в XVIII веке: интернаты, посылающие своих подопечных на уроки в коллеж. Школяр уже больше не «стриж» или «топтун» XV–XVI веков. И не редкий богатый *convictus* при коллеже иезуитов. Он становится пансионером (или иногда полупансионером, если он не в состоянии заплатить за полный пансион и довольствуется каморкой у ремесленника или торговца) педагогики, обеспечивающей дисциплину и подготовку к занятиям. Этот тип пансиона является приложением к коллежу и открыт всем возрастам.

Из «Исторического трактата о епископальных и церковных школах» Клода Жоли мы узнаем, что в XVII веке, по крайней мере в Париже, существовал иной тип частного интерната — для самых маленьких²⁴. Клод Жоли был каноником собора Парижской Богоматери и по своему положению «попечителем, судьей и директором грамматических или начальных школ в городе, предместьях и округе Парижа». В его обязанности входила защита прав капитула и кантора от тех, кто представлял для них угрозу, — от университета, приходских священников, учителей письма, религиозных орденов... Его трактат, вышедший в 1678 году, является актом обвинения и защиты одновременно. Действительно университет, то есть факультет искусств, обвинял кантора в разрушении университетской монополии. Клод Жоли признает этот факт: «Канторы церковей Парижа еще 60 лет назад (примерно к 1610 году) получили право от некоторых семейных жителей предместий, предоставивших им просторные дома, принимать на пансион детей и преподавать». «Окружные учителя (учителя начальных школ²⁵, зависевшие от кантора) не могли принять кого-либо на пансион не потому, что не имели права — они такое право имели, а потому, что не имели средств (слишком маленькие дома), вот почему они полагали, что подобное заведение было бы удоб-

²⁴ Joly Cl. *Traité historique des écoles épiscopales et ecclésiastiques*. 1678.

²⁵ О «малых школах» см. следующую главу.

но для многих состоятельных людей, имеющих малолетних детей, которые, будучи еще нежными, нуждались в присутствии женщины, из-за чего родители не могли отдать их в коллеж университета, и в то же время они очень боялись, как бы их дети не испортились в его домах, где ученики живут со слугами». «Невинность маленьких детей сохранится лучше среди сверстников, чем среди взрослых школяров университетского коллежа, какие бы меры предосторожности ни принимали регенты и принципалы».

Эти пансионаты называли «разрешенными», так как они были созданы с разрешения кантора, или «малыми коллежами», потому что факультет искусств видел в них конкурента и требовал их упразднения. Они обязаны своим появлением желанию родителей поселить своих детей десяти-тринадцати лет под более подобающим наблюдением, чем это могло быть в коллежах, где число учащихся было слишком велико. «Так как население Парижа за последние 50 лет увеличилось на треть, пришлось увеличить в той же пропорции и число разрешенных».

Таким образом, перед нами два типа интерната: педагоги, отправляющие своих подопечных на уроки в коллеж, и разрешенные пансионаты, где велось и обучение до четвертого класса. В течение XVIII века эти два типа учреждений соединятся и дополнят друг друга. Частные заведения, не имеющие никакого отношения к университету, будут принимать пансионеров всех возрастов; там можно будет получить начальное образование до четвертого класса. После четвертого ученики пойдут в коллеж полного цикла преподавания, а частные пансионаты дополняют эти занятия репетиторством. Так, в общине Жийотен, которая снимала часть зданий коллежа Сент-Барб перед разгоном за приверженность идеям янсенизма в 1730 году насчитывалось 160 учеников, все пансионеры, посещавшие коллеж Плесси²⁶. Этих учеников опекали 25 учителей — внушительное число для того времени, которое объясняется тем, что в Сент-Барб был принят пор-роялевский принцип педагогий с маленькими группами.

Такие пансионаты именовались «пансионатами», или «институтами», далее следовало имя основателя; например, институт Савуре, основанный в 1729 году двумя учителями из Сент-Барб: пансионеры ходили на уроки в коллеж Дорман-Бове, потом в Лизье под присмотром «учителя поведения»²⁷. Эта традиция сохранилась до наших дней.

Подобные частные пансионаты существовали по всей Франции. В Вандоме в 1775 году Жак Лябле, в то время пятнадцатилетний ученик класса риторики в коллеже ораторианцев, был отдан «на пансион к господину Фавэну, человеку легкого характера, любившему пропустить стаканчик. Нас было 60 пансионеров. Как и другие ученики из разных пансионатов, мы ходили на уроки в коллеж»²⁸.

²⁶ Quicherat. Op. cit.

²⁷ Chapolin. Op. cit.

²⁸ Lablée J. Op. cit.

После ухода иезуитов количество частных пансионеров значительно возросло. Регенты воспользовались неясным положением, вызванным закрытием коллежей или их переориентацией и открыли пансионаты, где уже не довольствовались ролью дополнения к коллежу, но давали полное образование современного характера, ориентированное на подготовку к учебе в недавно появившихся военных школах. Итак, в конце XVIII века существовал престижный и относительно важный вид интерната. Однако он появился в стороне от традиционных учебных заведений. Схематически можно сказать, что тогда существовало два типа дополняющих друг друга учебных заведений: с одной стороны, коллеж, куда приходили только на уроки, с другой стороны, частный пансион, специализировавшийся на предоставлении жилья студентам и, как правило, не обучавший. Эти две категории соответствуют двум противоположным концепциям: коллеж, пронизанный духом Возрождения и безразличный к интернату, и частный пансион, пронизанный новым духом, признающим моральные достоинства интерната.

*
* * *

В начале XIX века отдаление ребенка или молодого человека от остального мира и собственной семьи считалось идеальной формой воспитания, с индивидуальным наставничеством, ставшим знаменитым благодаря «Эмилю». Интернат и наставничество вместе вошли в нашу жизнь. Это кажется парадоксальным лишь внешне: и то и другое отвечает одной идее — необходимости более тесной опеки ребенка. Иезуиты и янсенисты давно рекомендовали более строго присматривать за учениками, правда, сами так и не смогли ни провести в жизнь этот принцип, ни навязать его общественному мнению, слишком еще дорожившему старой привычкой к свободе, если не анархии. Начиная с конца XVIII века, напротив, пользу отдаления ребенка от общества для его нравственности признают повсеместно. Уже Роллен пишет: «Очень мудро правило, принятое в некоторых коллежах, — не выпускать учеников в город по воскресеньям и в праздники»²⁹. После реорганизации коллежа Людовика Великого, превращения его в образцовое учебное заведение и упразднения коллежей иезуитов упраздняется и экстернат, по словам Дюпона-Феррье, — «проводник недисциплинированности»³⁰.

Письма преподавателей Сент-Барб родителям учеников дают объяснение предпочтению, отданному интернату в первых годах XIX века³¹. В 1807 году одна семья не желает отправить своего ребенка в пансион, хотя тот учится в восьмом классе Сент-Барб. Учитель не одобряет их решение: «Мы хотим показать семье, какой плохой пример подает он другим ученикам из-за неизбежных злоупотреблений положением экстерна». Лучше было бы

²⁹ Rollin. *Traité des Études*. 1728.

³⁰ Dupont-Ferrier. *Op. cit.*

³¹ Catalogue des élèves de Sainte-Barbe, Archives de la Seine.

следовать примеру другого ученика восьмого класса, «чья семья решила отдать его на полный пансион (современный смысл этого слова уже установился)». «Полное отдаление от внешнего мира и наша забота о нем принесут свои золотые плоды».

Советовалось также распространить эту изоляцию и на каникулы. В XVI и XVII веках семьи собирали всех своих домашних на летние работы, в частности на сбор винограда; в диалогах Кордье школяр рассказывает о том, как собирал дома виноград. Может быть, в этом и кроется первопричина возникновения каникул. Безразличные к усталости, довольно прагматичные, обычаи были более благосклонны к взрослым, давая им больше возможности отдыхать, чем к детям. Но коллеж 1800 года, как правило, уже не был в таких же отношениях с деревней, в каких находились с ней в XIX веке и даже позже начальные школы. Отныне каникулы означали лишь прекращение занятий, отдых и очень скоро вызвали подозрения воспитателей³². Учителя Сент-Барб всеми силами старались их сократить. Они пишут отцу ученика девяти лет (1816): «Господин Бонэр знает, что долгие каникулы не подходят этому возрасту». Отцу ученика третьего класса: «Каникулы мне кажутся преждевременными для первого года (в коллеже)... они не отвечают интересам ни коллежа, ни ученика».

Статистические данные коллежа Людовика Великого, опубликованные Дюпоном-Феррье, показывают, как развивается интернат в первой половине XIX века^{33*}.

Учащиеся	Количество учащихся по учебным годам, %				
	1817/18	1837/38	1861/62	1888/89	1908
пансионеры лицея	65	49,5	58	24	18
пансионеры пансионов	19,5	40	24	18	12
экстерны	15,5	10,5	14	35	69

Вплоть до 1870 года в интернате при лицеях и в пансионах находилось более 80 процентов лицеистов. Экстернат был сведен к минимуму в 10–15 процентов, что составляет резкий контраст с ситуацией в коллежах Старого порядка. Тэн[†] по этому поводу горько замечает: «Чтобы получить среднее образование, более половины французской молодежи вынуждена жить в интернате, религиозном или светском, с дисциплиной казармы или монастыря». Впрочем, распространение самого явления интерната является в Европе повсеместным в конце XVIII — начале XIX веков, то же самое наблюдается и в Германии Фридриха II и в Англии с ее public schools. Последние становятся исключительно интернатами, что их и отличает как от других grammar schools, контингент которых набирался в регионах, так и от коллежей во Франции.

³² Еще одно изменение. Воспитатели XX в. уже не разделяют это недоверчивое отношение к каникулам, которые превратились в корпоративную привилегию.

³³ Dupont-Ferrier. Op. cit., t. II, p. 83.

* Как можно видеть, не во всех колонках сумма равна ста процентам. Ф. Арьес это никак не комментирует.

[†] Тэн Ипполит (1828–1893) — французский философ, историк, психолог, искусствовед, автор знаменитого, но очень противоречивого, исторического сочинения «Происхождение современной Франции» (1876–1893), первая часть которого, «Старый порядок», была наиболее удачной.

*
* *

Во Франции интернат стал отмирать начиная со второй половины XIX века. Пансионеров заведений, отправлявших своих подопечных на уроки в лицей становилось все меньше и меньше. Интернат при самом лицее тоже значительно сократился. Этот спад хорошо отражен в таблице с данными по коллежу Людовика Великого, приведенной выше. Число пансионеров падает с 82 процентов в 1861 году до 30 процентов в 1908-м. Число же экстернов увеличивается с 14 процентов в 1861 году до 69 процентов в 1908 году и составляет примерно две трети от общего числа учащихся. При этом необходимо добавить, что доля пансионеров в коллеже Людовика Великого была значительно больше, чем в других местах, — из-за большого притока провинциалов в подготовительные классы высших школ. Это происходит потому, что во Франции интернат потерял всякое значение для нравственного и гуманитарного воспитания, значение, приписываемое ему воспитателями XVIII века. Если в нем возникает необходимость, она отныне диктуется другими соображениями сугубо практического характера: причиной слишком большой удаленности от дома, или затруднительного материального положения, или желания продолжать учебу дальше, то есть вынужденная мера, а не сознательный выбор. У наиболее богатых семей еще некоторое время сохранится ностальгия по интернату — не при государственном лицее, а при частном учебном заведении, как правило, религиозном. И действительно, богатым будет очень дорога концепция воспитания XVIII—XIX веков, когда считалось, что дети должны жить далеко от взрослых и подчиняться особой дисциплине. Впрочем, этот архаизм быстро исчезнет, пансионаты типа public schools во Франции так и не прижились. Отказ от интерната ни в коей мере не означает возврат к экстернату XVI—XVII веков. Разница огромна. Семьи больше не желают расставаться со своими детьми даже на время их учебы, ребенок теперь проводит гораздо больше времени дома, чем раньше.

*
* *

Вот мы и добрались до финала. Наш рассказ начался с учреждений, не знавших интерната, когда школяры жили на квартирах у горожан, не подвластные ничьему контролю — ни отцовскому, ни школьному; их жизнь мало чем отличалась от жизни взрослого холостого человека. Вскоре учителя и родители находят такую свободу излишней. В коллежах устанавливается иерархическая и авторитарная дисциплина; идея заключалась в том, чтобы дисциплина распространялась на ученика и за пределами учебного заведения — там, где он проводит большую часть своего времени. Так возник интернат вне стен коллежа, поначалу достаточно слабый. От школы требуют уже не только подготовки к

взрослой жизни, от нее требуют формирования определенного типа человека (джентльмена в public schools) — раньше это была задача всего общества, в котором не выделяли детей в особую категорию. Забота о формировании личности, столь заметная в наполеоновских лицеях, французских малых семинариях и британских public schools, была незнакома педагогам XVI—XVII веков. Последние несли христианскую и гуманистическую культуру и не пытались навязать своим ученикам черты социального идеала. Достойный человек XVII века не есть продукт школьного воспитания — наоборот, все романисты и моралисты представляют образ добропорядочного человека в качестве полной противоположности педанту из коллежа. Достойным человеком становятся *несмотря* на коллеж, по крайней мере таковы распространенные воззрения. Таким образом, у воспитателей вряд ли была нужда усилить дисциплину после того, как был достигнут достаточный минимум, чтобы управлять традиционно беспокойными школярами. Также и отдаление учащихся от остального мира несомненно не было самоцелью. Даже в педагогиях XVII века, под строгим контролем префектов и принципалов, существовало много вольностей, унаследованных из прошлых веков.

Развитие интерната с конца XVIII века свидетельствует о переменах в понимании детства и его места в обществе. Теперь прилагаются все усилия, чтобы отделить детей от людей других возрастных категорий. Становится важным, по крайней мере для буржуазии, поселить детей в особом, закрытом для остального мира — в интернате. Школа становится инструментом этой изоляции. Она заменила общество, в котором перемешаны все возрасты; от нее хотят, чтобы она воспитывала ребенка по определенной модели идеального человека.

Перемены в пользу экстерната в конце XIX века не изменили тенденции отделения ребенка от взрослых, но он не отделяется больше от семьи. Семья заняла место школы в нравственной стороне воспитания (и это происходит в момент, когда возрастает роль школы в профессиональном образовании). Образ идеального человека — во Франции он был всегда более расплывчат, чем в Англии, — тоже претерпевает изменения. Семья, строившаяся исключительно вокруг двух супругов, теперь собирается вокруг ребенка, который становится ее новым ядром, — триумф демографического мальтузианства. Отныне, если экономическое или социальное положение вызывает ослабление родительского контроля за детьми, они могут избежать изоляции, на которую их обрекала традиция, существовавшая, по меньшей мере, с XVIII века; это происходит сегодня, когда выделилась новая возрастная группа — подростки.

¹ Joly Cl. *Traité historique des écoles épiscopales et ecclésiastiques*. 1678.

² Charmasse A. *de. État de l'instruction publique dans l'ancien diocèse d'Autun*. 1871–1878.

³ Chaucer C. *The Canterbury Tales*. 1685.

Вплоть до XVII века не существовало базового образования на национальном языке, соответствующего нашему начальному. Выражение «малая школа», *petty school* по-английски, появилось не раньше XVII века. Кантор Жоли в своем трактате в защиту школьных учителей подчеркивает, что выражение это довольно позднее, восходящее примерно к XVI веку и порочное, противоречащее «старой форме»¹. По Жоли, следовало говорить «грамматическая школа». Однако нам известно, что грамматическую школу часто путали с коллежем, а Жоли, играя на неточности терминологии, желает противопоставить то, чем стали малые школы, то есть начальное образование, — университету и младшим классам коллежа, то есть среднему образованию.

В Средние века, по крайней мере до XVI века, существовала лишь латинская школа, грамматическая школа, «школа для образования молодежи»². Однако эти школы не были полными. Некоторые из них положили начало коллежам, университетам, другие, более многочисленные, остались на начальном уровне. Многие такие школы в XV веке довольствовались двумя регентами: один преподавал пение и элементарные знания, другой — свободные искусства. Некоторые ограничились одним регентом, он преподавал и пение, и начальные знания. Мы можем представить себе, как выглядела подобная малая латинская школа благодаря рассказу аббатиссы у Чосера: «В самом конце улицы была малая школа для христианских детей. Туда ходили толпы детей христианских кровей и из года в год изучали предметы, которые по обычаю состояли из обучения пению и чтению, как это делают все дети того возраста»³. Там учили читать Псалтырь или часослов, и прежде чем научиться читать (впрочем, нет никакой уверенности, что они хорошо умели это делать), ученики заучивали наизусть с голоса литургические молитвы, по много раз повторяя хором текст (как это делается до сих пор в раввинских школах или

медресе). «Среди детей, — продолжает Чосер, — был сын вдовы, которому едва исполнилось семь и который обычно приходил в школу каждый день... Однажды этот мальчик, изучая азбуку по своей книге, вдруг услышал, как другие дети запели *Alme redemptoris*, читая по молитвеннику». Вы видите картину: одни учатся читать по складам, другие — петь. Ребенок «решился подойти поближе (к поющим) и стал прислушиваться к словам и музыке — он знал первый стих на память, но он не знал еще значение латинских слов, потому как был в нежном возрасте». Он просит более старшего товарища перевести ему текст, но безуспешно. «Ничего не могу тебе объяснить (отвечают ему), я учусь пению и почти не знаю грамматики». Сегодня мы бы сказали — латыни. Таким образом, можно рассматривать эти школы не как начальные — они предназначались для будущих клириков, а как первую ступень латинской школы, школы грамматики. Между тем соборные капитулы, удерживавшие монополию на школьное образование, с XIV века относились терпимо к тому, чтобы азы и пение преподавались вне их собственных школ, обеспечивавших более полный курс грамматики. Было установлено, что обучение в таких заведениях ограничивалось Донатом. Так, в Шартре в 1325 году «Роже, ректор школы св. Жана, был предупрежден, что в силу привилегий Шартрского собора ему запрещено учить детей в своем доме или в другом месте, — за исключением высших школ Шартра (*in majoribus scholis*), попечение которых лежит на канцлере Шартра, — по книгам, выходящим за пределы программы Доната»⁴. После рецидива он был отлучен, приговорен к штрафу и «покаялся, что *in scolis suis*⁵ он будет прекращать всякое обучение в день, когда его ученики выучат Доната или его части, *sed eos ducet ad majores scholas carnutenses*⁶». Впрочем, вскоре запреты капитула перестали выполняться и частные школы стали похожи на обычные грамматические и латинские школы и на «высшие школы» капитула: в 1564 году магистрат Шартра с согласия епископа и вопреки мнению канцлера решил слить все школы в один коллеж. Однако некоторые из этих частных школ так и не пошли дальше изучения Доната и представляли собой малые латинские школы.

В 1451 году одного руанского священника преследовал кантор местного собора, оспаривавший у него право преподавать Доната, — право, принадлежавшее исключительно учителям капитулярных школ⁷.

Следовательно, в XVI веке не существовало иных школ, кроме латинских, однако последние в каждом месте развивались по-разному. Такая ситуация сохранялась до конца Старого порядка. В нашем распоряжении есть документ 1678 года о «состоянии коллежей в Нижней Гиени»⁸. Всего лишь несколько коллежей имеют полный цикл обучения: Бордо, Периге, Ажен, Кондом, Дакс. В других же преподают только философию и теологию

⁴ Clerval A. Les Écoles de Chartres au Moyen Age. 1895.

⁵ В своей школе (лат.).

⁶ Но направит их в высшие шартрские школы (лат.).

⁷ Robillard de Beaurepaire Ch. de. L'Instruction publique en Normandie. 2 vol., 1872.

⁸ Delattre P. Les Établissements des Jésuites en France. 1940, 2 vol., tome II, p. 741.

(якобинцы в Сенте*) или начала, грамматику, гуманитарные предметы, но не риторику, как в св. Макарии, или же основы знаний и грамматику двух первых уровней обучения (доктринарианцы в Кадийяке, бенедектинцы в Ла Реоль, кармелиты в Лангоне[†]). Де Дэнвиль представил эти неравномерно развитые школы на карте в виде созвездий, формирующихся вокруг коллежей с полной нагрузкой. В исторической перспективе школа, где обучают чтению на латыни и пению по Псалтыри, не представляется нам родоначальницей современной французской начальной школы, скорее она является простейшим составляющим системы латинских регентств, имевшей следующую градацию: только начала — начала и грамматика — грамматика и гуманитарные дисциплины — и, наконец, полный цикл, вплоть до риторики, морали и логики. Не менее верно и то, что с XV века существовали элементарные латинские школы, которые, не дополняясь другими классами, смешивались в дальнейшем с малыми школами, зародившимися к концу XVI века.

*
* *

Известно, что во второй половине XVII века так называемые «малые школы» существовали повсеместно. Несомненно, именно они стоят у истоков нашего начального образования. В Париже каноник-кантор собора Парижской Богоматери является «попечителем, судьей и директором малых школ города, предметий, университета и окрестностей Парижа». Он дает (или продает) письменные разрешения на открытие малых школ, налагая запрет, впрочем, редко соблюдавшийся, «учителям — принимать в свои школы девочек, а учителям — мальчиков»⁹.

Так же как регенты парижских коллежей подчинялись университету, школьные учителя были в юрисдикции кантора, который давал аудиенции каждый четверг. Его распоряжения защищали общие интересы учителей, устраняли конкуренцию, фиксируя для каждого квартала соотношение между числом школ и плотностью населения, кроме того, кантор составлял расписание занятий. В сельской местности учителя избирала община, выбор должен был быть одобрен местным епископом, а в XVIII веке — интендантом: «Большая часть школ (старейших), следы которых удалось обнаружить, — отмечает аббат Аллен, — были созданы в последней четверти XVI столетия. Они почти все современные соборам, проходившим в разных провинциях, во исполнение решений Тридента»¹⁰. Точно так же события развиваются в Англии, где законами королевы Елизаветы предусмотрено «назначить учителя для малышей (pettyes) в каждой деревне»^{11†}.

Новая система образования, новый преподавательский состав, неведомые латинскому Средневековью, устанавливаются в последние годы XVI века.

* *Якобинцы* — название доминиканцев во Франции; доминиканцы, посланные в Париж основателем ордена, получили в дар дом и капеллу св. Иакова, где останавливались паломники, здесь был устроен доминиканский монастырь.

† *Бенедиктинцы* — монашеский орден, живший по уставу Бенедикта Нурсийского, получившему с VI в. широкое распространение; в своих монастырях и школах они сохранили остатки античной культуры. *Кармелиты* — монашеский орден, получивший название по основанному в XII в. монастырю в горном массиве Кармел (Кармил) в Палестине, с 1245 г. или 1247 г. — нищенствующий орден.

⁹ *Joly Cl. Op. cit.*

¹⁰ *Allain. L'instruction primaire avant 1789. 1881.*

¹¹ *Adamson J. W. A short history of education.*

† В первые годы правления Елизаветы многие английские города не имели школ, в некоторых школах не было учителей, университеты преобладали в упадке.

В чем же состоит особенность этой системы? Сведения о ней можно почерпнуть из обширной литературы середины XVII века, зафиксировавшей школьные программы и методику. Эта литература свидетельствует об интересе общества к проблеме образования и об отсутствии прецедента, так что здесь мы имеем дело с самыми первыми учебными заведениями такого плана.

Возьмем в качестве примера книгу под заглавием «Приходская школа, или Способ хорошо обучать детей в малых школах в изложении приходского священника из Парижа» — она была опубликована в 1654 году, а в 1685-м переиздана в сокращении¹². Эти уложения, написанные по-французски (язык уставов университетских коллежей — латынь), фиксируют дисциплинарный режим, материальные условия и программы: создается впечатление, что речь идет об уже установившейся традиции, которую в начале следующего столетия реформы св. Жана-Батиста де Ла Саля только улучшат, не меняя при этом ее природы. В 1705 году выходит другая книга — «Управление христианскими школами», содержащая инструкции для религиозных школ, их использовали даже в XIX веке¹³.

По нескольким главам, обрисовывающим малые школы, можно рассмотреть разные источники этих школ. Прежде всего надо вспомнить о влиянии латинской школы, ее начального уровня — до Жана-Батиста де Ла Саля никто и не мыслил учить детей чтению сразу на французском языке. Согласно инструкциям 1654—1685 годов, ребенок прежде всего должен был научиться читать и складывать слова на латыни, классической и церковной, знать наизусть литургические тексты Magnificat, Nunc Dimittis, Salve Regina*, а также произносимые во время мессы стихи из Библии, тексты служб Богоматери, св. Распятия, св. Духа, покаянных псалмов, поминальных молитв, вечерь и гимнов диоцеза. Автор инструкций настаивает на том, что начинать надо с латыни: «... прежде чем приступить к чтению на французском» языке, школяры должны «прочитать немало книг на латыни». Следовательно, нет никакой разницы между методикой, изложенной в данной инструкции, и применяемой в школе Чосера или в шестом классе коллежа. Ученик здесь все еще будущий клирик. Лишь с реформой Жана-Батиста де Ла Саля школа отходит от традиции, связывающей книжную культуру с латинским языком — литургическим или гуманистическим, предшествующим обучению на французском. В том же «Управлении христианскими школами» после курса французского языка предусматривается углубленное изучение латыни.

Пение долгое время оставалось столь же значимым предметом, что и чтение на латыни. Причина та же — оно необходимо для того, чтобы принимать участие в литургической службе, поэтому очень часто под именем учителя музыки скрывался учитель

¹² Переиздана под названием «Методические наставления для приходской школы, особо назначенные для малых школ».

¹³ Rigault H. Histoire de l'institution des Frères des Écoles chrétiennes. Tome I, 1937.

* Magnificat anima mea Dominum — славит душа моя Господа; Nunc Dimittis Domine — ныне отпускаешь; Salve regina mundi — о царица мира.

элементарной латыни: так было в кафедральных школах Жерсона в Париже, в школе Колета в Лондоне, где было два регента — один занимался пением параллельно с начальной латынью, другой — грамматикой. В Англии малые школы называли еще *song schools*¹⁴.

Наряду с пением и начальными знаниями, доставшимися в наследство от прежней латинской школы, программа малой школы содержала еще и правила поведения в обществе. В дальнейшем мы более подробно остановимся на историческом значении учебников хорошего тона¹⁵. Здесь же поясним, что в них говорилось, как вести себя в свете, за столом и «обо всех обязанностях детей как по отношению к Богу, так и по отношению к родителям, также об учтивости и добронравии в поведении, христианских и светских»¹⁶. В программе приходской школы предусматривалось, что после изучения латыни ученики приступали к чтению на французском языке как раз по трактатам об умении держать себя в обществе. В латинских коллежах тоже изучали такие трактаты. Например, специальное издание «Галатео» предназначалось для коллежа иезуитов в Понт-а-Муссоне. Однако сам предмет, как и история, география, музыка или танцы, считался внепрограммной дисциплиной. Что же касается малых школ, там правила хорошего тона занимали центральное место, а Жан-Батист де Ла Саль даже опубликовал для своих учеников учебник хорошего тона христианина, вытеснивший все другие пособия и переживший множество переизданий в течение XVIII—XIX веков. В своей книге «Управление христианскими школами» Жан-Батист уточняет: «Когда ученики научатся хорошо читать по-французски и подойдут к третьему уровню латыни (их было всего три — чтение, речь, письмо), их следует научить писать, продолжая чтение уже по учебнику христианской цивилизации. В этой книге есть все об обязанностях детей как перед Богом, так и перед родителями, а также о христианской и светской учтивости. Издание выполнено готическим шрифтом, более трудным для чтения, чем обычный французский». В некоторых изданиях текст был разбит на колонки, и каждая имела свой шрифт — готический, прямой латинский, курсив, пропись. Таким образом, эта книга являлась одновременно учебником чтения, письма с образцами шрифтов и пособием по учтивым манерам.

Хотя сами по себе правила хорошего тона и были чуждым средневековой школьной традиции предметом, его корни уходят в очень далекое прошлое: учение о правилах поведения в обществе, преподававшееся сначала в устной, а потом в письменной форме и даже иногда в виде рифмованного текста, являлось практически единственной дисциплиной, которой ограничивалось образование несвященнослужителя, будущего рыцаря, пока он ходил в оруженосцах и осваивал светские манеры. Мы увидим, что

¹⁴ Школы пения (англ.).

¹⁵ См. ниже, часть III, гл. 2.

¹⁶ Rigault H. Op. cit.

в Средние века существовала не только школа, но и непосредственное обучение, когда ребенок покидал свою семью и шел «в люди» — в другую семью, где его учили правильному поведению в обществе (или приобщали к ремеслу). Латинская школа, предназначенная для будущих священнослужителей, не стремилась к монополии на передачу всех форм культуры. Существовала чисто светская культурная традиция, со своей моралью, правилами, восприятием жизни и тонкостями. Она называлась «куртуазностью», дети воспринимали ее, находясь в тесном контакте со взрослыми, будучи воспитанниками или подмастерьями. В этой светской, рыцарской среде и родилась литература о хороших манерах: устные советы, затем переписанные от руки до появления книгопечатания, передавались из поколения в поколение — на них воспитывались молодые пажы и оруженосцы¹⁷. Когда латинская школа стала доступна светским людям из дворянской и буржуазной среды, ее учителям очень захотелось ввести преподавание правил хорошего тона. И тем не менее и во времена Монтеня, и во времена шеваляе де Мере образование в коллеже считалось «педантичным», а значит, среди школьных предметов не было места хорошим манерам, или «цивильности», их следовало изучать в другом месте — дома, в академиях или «в людях» (исключение составляли коллежи иезуитов: в этом, может быть, кроется причина их успеха). Вот почему правил поведения долгое время не было среди обязательных дисциплин университета и коллежей. Из сферы домашнего воспитания манеры пришли в педагогическую практику малых школ, где они являлись одним из основных элементов. Итак, домашнее обучение и обучение в людях — вот еще одно начало программы начальных классов.

Согласно «Приходской школе», когда ученик научится хорошо читать по учебнику *цивильности*, он становится «писцом», то есть переходит к обучению письму. Однако здесь автор несколько колеблется. Под понятием «письмо» понималась тогда то же, что и теперь, — передача мысли через знаки, но также и техника, или искусство, письма. Однако искусства в школе не преподавали. Как мы увидим дальше, эта монополия принадлежала корпорации учителей-каллиграфов. Автор «Приходской школы» признает за ними эту монополию. Он вполне допускает, что учащиеся полностью одолеют науку письма не в стенах школы, а обратятся потом к учителям-каллиграфам, «замечательным мастерам письма». В то же время их необходимо научить практическим навыкам письма: после первых упражнений «по образцам они перейдут к копированию квитанций, обязательств, договоров об аренде, чтобы приучить их к формулам, применяемым в свете». И даже такой утилитарный подход вызвал возмущение каллиграфов непрошеными конкурентами. Он выходил за рамки не занимавшейся практическими материями программы латинской

¹⁷ *Watson F.* The English grammar schools to 1660. 1908; *Furnival.* Babees Book. 1868.

Класс каллиграфа

школы. В латинской школе никогда не обращали особого внимания на красоту почерка. Конечно, уметь писать было необходимо; впрочем, потребность в умении писать возникла не так давно, в Средние века вполне обходились светской культурой, основанной на богатой устной традиции, чтении вслух, музыке, где письменность использовалась мало и являлась почти исключительно достоянием священнослужителей. Но даже священнослужители до изобретения книго-

печатания, по причине редкости и дороговизны бумаги, чаще всего полагались на свою память. Многие тексты следовало знать наизусть, и письмо воспринималось как предлог, позволяющий увильнуть от тренировки памяти. Студент-теолог первого года обучения не имел права держать на занятиях Библию, а учителям было запрещено пользоваться какими-либо записями. В познаниях преподавателя, поставленного в такие рамки, можно было быть уверенным — это единственный верный способ приобретения знаний. Конечно, с появлением печатного станка и фабричного способа производства бумаги письменность распространилась — она позволяла работать индивидуально. В иконографии XVI века школяра часто изображают с чернильницей в руках. Но даже став необходимым и широко распространенным, письмо не сразу начинает играть одну из первых ролей в учебной практике латинской школы. Еще в 1596 году автор книги «Английский учитель» жалуется на учеников грамматической школы, которые плохо пишут: «Сколько их, этих малых, приходящих к нам в грамматический класс (то есть начинающие с шестого) едва умея читать? А сколько таких начинающих устно учить латынь, не написавших в своей жизни ни одной буквы?»¹⁸ Преподавание долгое время оставалось устным (откуда необходимость в мониторах, которые заставляли повторять урок). Тем не менее привычка делать заметки во время лекций и проповедей распространялась, случалось, что такого рода письмо приближалось к стенографии в современном понимании. Следует отметить, что в Англии в середине XVII века существовали учебники стенографии, например «Epitome of stenographic» Эверардта (1658). В любом случае, она остается лишь искажением обычного письма, со множеством вариантов: круглое письмо, косое письмо и т. д.

Напротив, в малых школах к письму перестали относиться только как к одному из вспомогательных средств, дающих доступ к литературным и юридическим знаниям; оно становится ремеслом или основой ремесла. Конечно, такую почти техническую науку вводят очень осторожно, опасаясь реакции учителей-каллиграфов, и школьные учителя были постоянно настороже. Писать учат сразу несколькими шрифтами. Мы уже видели, тексты учебников цивилиности были часто составлены в разных шриф-

¹⁸ Coote. English schoolmaster. 1596; цит. по: Watson F. Op. cit.

тах: часть обычным, часть готическим, часть прямым латинским, часть курсивом и часть прописью, которую часто называли на языке печатников «цивильным шрифтом». Далеко не все владели всеми приемами письма. Автор «Управления христианскими школами» прямо требует от учителей: «Каждый учитель, преподающий в классах письмо, должен уметь хорошо читать все виды рукописных документов». Клирики тренировали своих учеников во всех рукописных стилях: «Когда учащиеся перейдут к четвертому уровню, к круглому письму, или же начнут третий уровень, косыми буквами, их следует обучить разбирать рукописные пергаменты или бумаги, называемые регистрами». Отсюда видно, что письмо не выделялось в отдельный предмет и составляло единое целое с чтением редких или сложных рукописных стилей. В свою очередь, чтение манускриптов не смешивалось с чтением обычных текстов с типографским шрифтом. Рукописные стили будут изучаться от самых простых до самых сложных «до тех пор, пока учащиеся не смогут прочесть самые сложные из всех встречающихся рукописных стилей».

Однако Жан-Батист де Ла Саль идет еще дальше, чем его предшественники в преподавании письма. В «Приходской школе» предусматривается всего лишь приобщение к технике письма. Для того чтобы довести первоначальные навыки до совершенства, школяров отправляют к учителям-каллиграфам, этим «знаменитым мастерам письма», то есть за пределы школы, боясь вызвать раздражение последних. Жан-Батист де Ла Саль, не колеблясь, вводит полное обучение письму.

Как мы уже отмечали, образцами, по которым школяры учились писать, служили деловые бумаги: квитанции, обязательства и т. д. Смысл этого заключался в том, чтобы «приобщить их к делам и заботам века». Таким образом, письмо становилось в один ряд со счетами, по которым тогда считали: «знать цифры и уметь пользоваться счетами», «уметь слагать на бумаге и со счетами». Искусство ими пользоваться считалось основным в «делах и заботах века» — не потому ли, что денежная система эпохи была слишком сложна (как сегодня она сложна в Англии, и нам все время кажется, что англичане, пусть они и мастера этого дела, путаются в своих расчетах, если не ошибаются): в «Приходской школе» говорится, что необходимо научить учеников по счетам устанавливать связь между ливрами, су, денье*. В «Управлении христианскими школами» предлагается начинать арифметику с решения практических задач с деньгами: «Для того чтобы составить правильный счет, сложение надо начинать с денье».

Таковы три составляющих программы малых городских школ XVII века: чтение и пение, хорошие манеры, письмо и счет. Их можно найти на разных уровнях и в программах малых сельских школ, получивших большое распространение в том же столетии.

* Турский ливр — денежная единица Франции с каролингских времен по 1799 г., в 1649 г. чеканка была прекращена, с 1667 г. служил расчетной единицей. Су — $\frac{1}{20}$ ливра. Денье — $\frac{1}{12}$ су.

В местечке Кастильон, недалеко от Бордо, в 1759 году на «собрании общины по обычному порядку» ее прокурор поднял вопрос о работе местной школы. Было решено «назначить регента, который мог бы преподавать чтение, письмо, арифметику, ведение счетных книг», то есть был бы чем-то вроде преподавателя бухгалтерского учета. Был и кандидат, «господин Ларош, присяжный учитель письма, проживающий в Бордо». Самые уважаемые люди общины выяснили его отношение к католической церкви, навели справки о его жизни и моральных качествах, а также экзаменовали «на знание правил арифметики и умение писать и вести конторские книги». После экзамена его признали годным выполнять функции регента «к большому удовольствию монсеньора архиепископа и монсеньора интенданта». В 1689 году в одном из селений в Нижних Пиренеях, напротив, кандидатура регента получает отвод, потому что тот не сумел прочитать хартии местной общины. В 1737 году жители Мако в Медоке обращаются к архиепископу Бордо с просьбой заменить регента: «Каждый день к нам приходят люди, больше него смыслящие в письме, математике и чтении грамот»¹⁹.

Регент должен был быть одновременно и бухгалтером и палеографом! Подобно тому как сегодня учитель младших классов является часто секретарем мэрии, регент был прокурором или нотариусом общины, иногда даже прокурором и лейтенантом юстиции, то есть наполовину полицейским, наполовину мировым судьей.

Школьный учитель являлся одновременно и кантором при сельской церкви: отзвук пения как одного из предметов малой школы. Во время службы он получал соответствующее этой должности обхождение; церковный собор 1685 года постановил, «чтобы, облачаясь в рясу, школьные наставники превозносились бы должным образом в церквах и получали знаки уважения прежде прихожан и даже сеньоров». Пение являлось долгое время основным критерием при выборе школьного учителя. Пример тому можно найти даже в 1847 году в одной из общин Уазы²⁰. Жители деревни выбирали школьного учителя. Всего было десять кандидатов. Первый экзамен — пение в церкви. Инспектор так рассказывает о нем ректору: «Местные дамы уже сделали свой выбор, едва один из кандидатов закончил петь, они закричали — вот этого нам, вот этого! „Вот этот“, возможно, не самый образованный претендент, зато у него самый сильный голос... вот таким образом, господин ректор, все и происходит обычно»²¹.

И повсюду — и в школе, и дома — учили читать по учебнику цивилизации, в XVIII веке чаще всего это был учебник Ж.-Б. де Ла Саля.

Таким образом, в деревенской школе мы обнаруживаем три основных составляющих малой школы. Откуда пришло пение и

¹⁹ Allain. Op. cit.
²⁰ Archives de la Somme, série II T, 1933. Préface J. Estienne.

²¹ В XIX в. и ныне во Франции инспектор — начальник малого школьного округа, ректор — глава академии, то есть всех учебных заведений региона.

чение, хорошо нам известно (из латинской школы). Понятен также интерес к хорошим манерам (традиция домашнего воспитания). Но счет и письмо?

В середине XVII века существовала практика преподавания счета и письма вне системы малых и латинских школ. Это было похоже на обучение в людях — у писарей. Я уже упоминал об этом. Они не находились под юрисдикцией капитула или университета — в Париже их корпорация подчинялась Шатле*, как и другие корпорации ремесленников. Они предстают перед нами именно в качестве ремесленников. В первую очередь они были не учителями, а счетоводами маклеров и переписчиками и называли себя «призванными проверять акты, контракты и расписки»²². Часто их именовали «сверщиками», которые проверяли правильность составления документов, поскольку знали все рукописные стили, и правильность счетов, поскольку знали цифры и владели техникой счета. В Руане они носили звание «мастеров и хранителей благородного искусства письма и арифметической науки, маклеров-сверщиков в Руане и его предместьях».

Их «искусство письма» — это примерно то же, что современная машинопись: они делали текст более читабельным. Подумайте только о значении копирования от руки до появления пишущей машинки: служащие не только должны были писать, как мы, но и владеть письменностью «в совершенстве»²³. Каллиграфия была целым искусством, унаследованным от старинных цехов переписчиков, существовавших до изобретения печатного станка. Оно требовало особых навыков. Жан Ру примерно в 1643 году был учеником, лучшим среди сверстников, коллежа д'Аркур. В своих мемуарах он пишет: «У меня была столь гибкая рука, а пальцы столь податливы, что если бы учителя не поощряли мою дальнейшую учебу, из меня уже тогда мог бы получиться мастер-каллиграф»²⁴. По письму выпускались целые учебники, в конце XVI века в Англии используют «Swift writing, true writing, fair writing — The Pen's excellency or the Secretary's delight»²⁵. Secretary — письмо мелким почерком (минускул). Каллиграф использовал разные стили письма, как сегодня в печати используются разные шрифты. Хотя сами чиновники умели писать, к услугам каллиграфов прибегали всякий раз, когда речь шла о документе, где было недопустимо неверное прочтение. Искусство писать можно также сравнить с трудом современного палеографа, так как в задачу каллиграфа входило еще умение разбирать старые записи, потерявшие читабельность либо из-за изменений в начертании, либо из-за обозначений, вышедших из употребления. В данном случае речь, конечно, не шла об исторических изысканиях. Многие старые документы продолжали оставаться в силе, регламентировали общественные и частные отношения: всякого рода хартии, контракты и т. п. Мастер-каллиграф занимался

* Шатле — Парижский городской суд.

²² *Robillard de Beaurepaire Ch. de. Op. cit.*

²³ *Joly Cl. Op. cit.*

²⁴ *Mémoires de Jean Rou. Éd. F. Waddington, 1857.*

²⁵ «Быстрое письмо, правильное письмо, разборчивое письмо — Превосходство пера, или Удовольствие почерка». *Watson F. Op. cit.*

не только копированием современных документов, он также читал и «проверял» акты прошлого. Эта его функция, естественно, устарела с распространением печати («Монитор», «Журнал Оффисель», печатные бланки начиная с конца XVIII века) и с изменением политической и юридической ситуации после Революции 1789 года, когда были аннулированы все старые документы, ставшие отныне достоянием историков. Все начали с нуля, используя общепонятный рукописный стиль.

Наконец, каллиграфы были еще и бухгалтерами. Они умели «вести двойной бухгалтерский учет, пересчитывать деньги в иностранной валюте», а также владели системой мер и весов, разнообразие которых делало установление соответствий делом весьма деликатным. Они занимались также проверкой счетов и расчетов, подобно тому как они «проверяли рукописные стили». В те времена мало кто умел хорошо считать. Мадам де Севинье осталась очень довольна умениями одного аббата, ловко пользовавшегося счетами: «Сегодня утром в кабинете аббата я была приятно удивлена. Мы с ним посчитали на его необыкновенно правильных счетах, что я получила 530 000 ливров дохода»²⁶. Мастер-каллиграф также должен был передавать свое мастерство. Существовала необходимость в служащих, которые знали все рукописные стили и умели бы считать на счетах, — они требовались и для того, чтобы обучать будущих законников, и в администрации, и в конторах торговцев. Однако сфера применения такого рода знаний и навыков охватывала в XVII веке не только служебные виды деятельности. Молодой человек, готовивший себя к военной карьере или карьере придворного, мог брать уроки письма, как уроки иностранного языка, танца или искусства, не входившего в школьную программу: так, будущий маршал Бассомпьер, поступая в 1591 году в коллеж, имел в своей свите, кроме наставника и учителя танцев, учителя письма²⁷. Примерно в 1660 году Гул в своей книге преподавателя Petty School пишет, что при грамматической школе — английский эквивалент нашего коллежа — «имели обыкновение содержать почтенного и умелого писаря (penmen), с тем, чтобы он мог приходить на месяц или шесть недель в году, в течение этого времени каждый мог учиться разборчиво писать», усовершенствоваться в технике письма. Иногда появление стороннего, не принадлежащего коллежу специалиста возмущало местную публику. Бринсли утверждает, что если учителя владеют материалом, «школе ни к чему обращаться к писарям, по крайней мере к тем, кто безосновательно так себя называет и наносит большой вред повсюду, где появляется»²⁸. У бродячих писарей была очень дурная репутация.

В городах учителя-каллиграфы, организованные в официальные сообщества, держали вполне приличные школы письма и счета: они должны были вывешивать «на стенах своих домов таб-

²⁶ *Mme de Sévigné. Lettres.*
10 juin 1671.

²⁷ *Maréchal de Bassompierre.*
Mémoires.

²⁸ *Watson F.* Op. cit.

лички с указанием наук, которые они преподавали». Они также защищали свои права от посягательств конкурентов. А их конкурентами были школьные учителя, — если речь шла о Париже, — зависимые от кантора собора Парижской Богоматери. В 1661 году постановлением парламента школьным учителям было запрещено, «обучая своих школяров письму, использовать образцы более чем в три строки»²⁹, то есть они могли учить письму, но не каллиграфии. Мы уже видели, Жан-Батист де Ла Саль совершенно не обращал внимания на эту тонкость и обучал своих учеников всем способам письма, находившимся в ведении каллиграфов. Однако парижские каллиграфы подали на него в суд и выиграли процесс³⁰.

У них был еще один враг — «так называемые математики». Парламент и здесь признал их правоту, запретив любую практику под вывеской «математик».

Тем не менее раздел сфер обучения между школьными учителями и учителями-каллиграфами шел, как можно догадаться, далеко не гладко — даже органы правосудия не всегда могли разобраться. Так, одно из постановлений парламента 1661 года гласит: «Каллиграфы могут иметь рукописные тексты и печатные книги для преподавания орфографии, но они не имеют права обучать по ним чтению». Однако, как отмечает Клод Жоли, отстаивая права малой школы, «нет ни одного каллиграфа, который бы ни учил читать по своим рукописям и книгам, утверждая при этом, что они ему служат лишь для того, чтобы показать правильное написание, а не для обучения чтению». Если бы каллиграфы учили только писать, оставив чтение школьным учителям, а те, в свою очередь, учили бы только читать, не касаясь письма, можно было бы выйти из положения, однако существовал камень преткновения — орфография. Отсюда видно, что письмо и чтение, являющиеся сегодня дополняющими друг друга предметами, долгое время существовали и преподавались отдельно: чтение относилось к литературной и религиозной культуре, а письмо — к ремеслам и коммерции.

Таким образом, школа каллиграфа предстает в качестве технической, профессиональной школы, где обучали ремеслу, которое к тому же требовало определенных ручных навыков. Такие школы имеют два интересных аспекта. Во-первых, они совместные, там учатся и девочки, и мальчики. Во-вторых, обучаются не только маленькие, в возрасте учащихся младших классов, но и подростки.

На одной очень любопытной гравюре начала XVIII века изображен урок письма: на картинке несколько довольно больших учеников, некоторые из них со шпагами — кажется, там не брезговали учиться и отпрыски дворянских фамилий (либо претендующих на дворянство). В любом случае это не исключитель-

²⁹ Joly Cl. Op. cit.

³⁰ Rigault H. Op. cit.

но детское учебное заведение. Доля взрослых там гораздо выше, а смешение возрастов намного очевиднее, чем в младших классах коллежа, тоже весьма неоднородных по своему составу³¹.

Если верить канонику Клоду Жоли, известному своей строгостью, такой возрастной разброд был опасен для нравственности обучающихся там девочек. Жоли требует, чтобы каллиграфам запретили принимать в свои школы детей женского пола и публично говорит об «опасности сажать девочек за одну парту со взрослыми мальчиками, какие ходят учиться к каллиграфам».

Итак, каллиграфы обучали не только мальчиков. На выступления Жоли они отвечали: «Девочкам необходимо уметь читать, кроме того, среди них есть ученицы, способные овладеть всеми навыками письма, — мы не должны лишать их такой возможности». На что Жоли, в свою очередь, отвечал вслед за папашей Кризалем: «Не столь важно, умеет девочка писать всеми видами почерков или нет, важно, чтобы она находилась в пристойном, а не подозрительном месте».

Между тем пользу умения считать и писать разными стилями нисколько не отрицал, например, один сержант из Дижона, который в 1606 году за 40 су в месяц обучал свою дочь «письму и арифметике» у школьного учителя в Сен-Жермене в течение трех месяцев; или в том же Дижоне некий господин Лемонье, который в 1648 году нанял священника обучать свою дочь арифметике³². Раньше не существовало отдельного обучения для девочек: они сидели дома под присмотром взрослых женщин или же их отдавали в монастырь — иного образования, кроме религиозного, они получить не могли. Однако в первой половине XVII века люди стали задумываться о женском образовании; женские монашеские ордена, подобно урсулинкам*, посвятили себя этой задаче. Каллиграфы предлагали себя в качестве учителей, способных дать девочкам настоящее профессиональное образование, это могло быть либо письмо, либо бухгалтерия, очень полезная наука как в домашней жизни, так и торговых делах, — в XVII веке женщине отводилась важная роль в управлении хозяйством и некоторыми доходами (от натурального производства — птица, яйца и т. д.). Отсюда ясно, почему наиболее дальновидные родители, как этот сержант или хозяин отеля из Дижона, учили своих дочерей управляться с пером и счетами.

Однако обратим особое внимание на почти *взрослый характер* обучения у учителей-каллиграфов. В самом деле, традиция эта исходит не от латинских регенств — корни ее уходят во времена, когда еще не было малых французских школ: так ремесленники учили своих подмастерьев. В этом свете школы каллиграфов предстают частным случаем обучения в людях, довольно, правда, распространенным, по крайней мере в Англии и Германии.

³¹ «Écrivains», série Métiers, Cabinet des Estampes (B. N.).

³² *Muttau Ch. Les Écoles de Dijon.*

* Урсулинка — женский монашеский орден, основанный в Италии в 1535 г. и названный по имени св. Урсулы, занимался воспитанием девушек и работой в больницах, был закрыт во Франции в годы революции, восстановлен Наполеоном I.

ergriefft ein grundt do durch er mag von jm selbſt lernen ſin ſchul
 iſt ſchreib und löſen und wirt er nur geleſen kan so ungericht
 wirt den wil ich um nit und vrgem glet haben und gaus
 von jm zu lon nemm er lig wirt er wirt burger oder hantwerker
 ſinre ſonwru und juuchſowen wirt ſin bedarf der künſt her jm
 wirt dreiwilch girt um em zimlichm lon: aber die künſt künſt
 und nridu noch den ſonwalen wir gewohnt iſt. 1516

Г. Гольбейн Младший.
 Из школьной жизни. Урок
 для детей.
 Музей в Базеле

В английской педагогической литературе конца XVI — начала XVII веков можно обнаружить намеки на такие школы при мастерских и лавках. В 1596 году Эдмонд Кут опубликовал свою книгу *English Schoolmaster*³³. Это учебное пособие в 79 страниц, написанное на английском языке, а не на латыни, обращенное не к специалистам и даже не к образованным людям. С 1596 по 1656 год его переиздавали 26 раз. Оно состоит из следующих разделов: раздел I — 39 страниц —

алфавит, чтение по буквам; раздел II — 18 страниц — катехезис, молитвы и псалтырь; раздел III — 5 страниц — хронология; раздел IV — 2 страницы — образцы рукописных стилей; раздел V — 2 страницы — арифметика; и шестой раздел — около двадцати страниц — толковый словарь с объяснением трудных слов и выражений. Пособие предназначалось для самоучек всех возрастов — *unskilful of what age so ever*, — которые благодаря ему «смогут легко понимать встречающиеся в повседневной жизни, в Писании, проповедях или еще где трудные английские слова, а также сами смогут их правильно использовать». Оно служило и ремесленникам без образования, державшим школы: «Я обращаюсь также к женщинам и мужчинам разных профессий: портным, торговцам, швеям и прочим, — решившим обучать других». И Кут дает краткое описание ремесленных школ: «Ты можешь устроиться в своей лавке рядом со своими инструментами или книгами, и после того как ты познакомишься с моей книжкой, тебе будет легко учить своих учеников». Таким образом, частенько ремесленник, не оставляя своей трудовой деятельности, собирал вокруг себя подмастерьев — иногда это были его уже взрослые коллеги — и преподавал им элементы письма, чтения и, конечно, рисунка, так как рисунок в некоторых специальностях имел еще большее значение, чем письмо или чтение, для плотников и столяров например. Такой импровизированный учитель имел свои маленькие преимущества перед другими, и его уровень вполне отвечал требованиям начального образования, необходимого для ремесленных профессий. Иногда он бросал свою работу и посвящал себя исключительно школе. Именно для такой школы в Базеле Гольбейн написал вывеску в 1516 году³⁴, на которой, с одной стороны, были изображены вечерние занятия — учитель со взрослыми учениками, а с другой — школа для детей: слева учитель в окружении мальчиков, а справа учительница в окружении девочек. Картинку сопровождала надпись: «Все, кто хочет быстро научиться писать и читать по-немецки, но не знает ни одной буквы, узнает здесь все, что должен знать о чтении и письме. Если же найдется глупец, который за время учения не сможет научиться читать и писать, я берусь научить его просто так, бесплатно, не взяв с него ни гроша. Кто бы вы ни были, буржуа, ремесленник,

³³ Watson F. *Op. cit.*

³⁴ Музей в Базеле.

44 von im selber lernen die schuld uff schreiben und lügen und wirt
 e gelehrter kan so ungeräthliche wirt den will ich mit mir und
 den geder haben und dann mit von im zu lon nemmen er si;
 er er wirt burger oder handwerker gefallet fromen und
 schonwen wirt sin lidenff der künig hat in der wirt druw
 ort von im zamliden lon. Adre die junger knaben und er
 a noch den fromsten wir gewonhet ist. Anno mccc

Г. Гольбейн Младший.
 Из школьной жизни.
 Вечерняя школа для
 взрослых.
 Музей в Базеле

землепашец, женщина, девушка, какими бы ни были ваши нужды, — каждый, кто придет сюда, получит хорошие знания и за умеренную плату. Дети же, мальчики и девочки, согласно обычаю, будут вносить плату каждый три-месср».

Итак, среди читателей пособия Кута девочки и мальчики были лишь частью клиентуры: of what age so ever, отмечал Кут; буржуа, ремесленники, землепашцы, женщины и девушки — гласила вывеска Гольбейна. Подростки и взрослые, работавшие днем в своих мастерских, приходили

вечером учиться писать, читать или рисовать. Герард Доу изобразил такую школу^{35*}. Зал освещен свечами, дети, мальчики и девочки, старше десяти-двенадцати лет, сидят вокруг стола учителя. На переднем плане слева молодой человек рисует, рядом стоит девушка и показывает ему что-то на его рисунке — скорее всего, они оба учатся рисовать. Кроме азбуки и рисунка, в школе преподают элементы профессионального образования. В торговых городах вместо рисунка преподают счет, дабы научить управляться с бухгалтерией, — этот вид образования с XIV века очень отличается от латинской школы. В Болонье³⁶ было немало преподавателей грамматики, однако наряду с латинской традицией были еще и *scholae ruogum*³⁷, где, несомненно, на вульгарной латыни обучали практическим навыкам детей торговцев, а арифметика занимала очень важное место в программе; учителя там называли *magister de abaco* (а не *de artibus* или *grammaticae*)³⁸. Известно также, что во Флоренции в 1338 году грамматику и логику преподавали в четырех латинских школах, а алгебру и *abacus* в шести школах³⁹. Та же ситуация в немецких городах — в Гамбурге и Брауншвейге. Школы каллиграфов во Франции относятся к тому же типу школ. Видимо, в этих школах с профессиональным уклоном для взрослых и следует видеть истоки малых школ. Потом в их программы добавились предметы, пришедшие из латинских школ (пение, Псалтырь) и из домов высшего сословия (хорошие манеры). Это произошло в начале XVII века, не раньше. Впрочем, повсюду, за исключением больших городов, таких, как Париж, где кантор претендовал на университетский уровень, учителя для школ набирались из каллиграфов. Так, в Кастильоне в 1759 году учителем школы выбирают каллиграфа из Бордо⁴⁰. Понятно, впрочем, почему: школьный учитель является еще и прокурором общины, писарем, который должен уметь прочесть хартии, старинные бумаги, он же ведет протоколы судебных заседаний.

Основное отличие малых школ XVII века от ремесленных школ XVI века и школ учителей-каллиграфов заключается, тем не менее, не в программах, а в возрастном составе их учеников. Это уже не подростки и не взрослые, а дети от семи до двенадцати

³⁵ Gérard Dou, in: K. d. K., pp. 170—171, 1660—1665.

* Доу Герард (1613—1675) — голландский художник, жил и работал в Лейдене, ученик Рембрандта (1628—1631), автор жанровых композиций и портретов.
³⁶ Zaccagnini C. La vita dei maestri... nella studio di Bologna. Genève, 1926.

³⁷ Детские школы (лат.).

³⁸ Магистр абака (счета), а не искусств или грамматики (лат.).

³⁹ Adamson J. W. Op. cit.

⁴⁰ Allan. Op. cit.

ти лет. В 1833 году один инспектор делает наблюдение, справедливое для более раннего периода и для XVIII века: «Детей можно отправлять в школу лишь в семь-восемь лет. В одиннадцать-двенадцать лет их обучают ремеслу».

Сам принцип школы для взрослых просуществовал во Франции еще некоторое время не только у каллиграфов. В конце XVII века кюре из Сен-Сюльписа, господин де ла Шетарди, предложил себя в качестве учителя вечерней школы для бедных: «Будучи изобретательным во всем, что могло бы способствовать образованию бедных, он представил проект церковной школы для бедноты, занятой всю неделю трудом ради хлеба насущного, — такие люди могли учиться лишь по воскресеньям и праздникам»⁴¹. И такая школа под именем Христианской академии была в 1699 году поручена Жану-Батисту де Ла Салю и его новой конгрегации. Кроме чтения, письма и счета, там изучали геометрию, рисунок и архитектуру. Старшим не должно было быть больше двадцати лет. Однако эта академия осталась единственной в своем роде. Учебные заведения для взрослых, это подобие вечерней школы, очень распространенные в XV—XVI веках, исчезли в XVII веке — им на смену пришли детские учебные заведения, неизвестные ранее. Явление обособления возрастов и выделения детей в отдельную категорию здесь прослеживается гораздо явственнее, чем в классах латинского коллежа. Период от пяти-семи до десяти-одиннадцати лет отличается отныне от остальных детских возрастов.

*
* *

Как же осуществляется переход от ремесленного обучения для взрослых каким мы видим его у Кута, Гольбейна, каллиграфов в малой школе XVII—XVIII веков? Под влиянием двух факторов: во-первых, общей тенденции выделить в отдельную категорию самых маленьких и установить уровень начального образования; второй фактор связан с движением религиозной реформы и желанием реформаторов втянуть в образовательный процесс детей бедных.

С середины XVII века и до наших дней возраст учащихся коллежей, как мы это видели в главе, посвященной возрастным категориям, все время снижается. Так как от ученического состава каждого класса требовалось теперь большее возрастное единство, от классов пришлось отделить начинающих, таким образом, практически были созданы младшие классы, затем подготовительные и так далее — вплоть до групп сегодняшнего детского сада. Иезуиты, судя по их первоначальным планам, изложенным в *ratio studiorum* 1599 года, хотели начать с пятого: три класса грамматики. Их, как и других педагогов эпохи, не устраивала доктрина о началах. Бринсли в 1627 году в своей книге *Ludus Litterarius*

⁴¹ Rigault H. Op. cit.

высказывается в том же смысле: «Я полагаю совершенно неумным смущать грамматическую школу классом, где учат алфавит... Для всех нас (учителей) очень унижительно тратить столько сил на этих малышей (*such little petties*), обучая их подобным вещам».

Тем не менее столь желанное отделение начал от грамматических классов никогда не происходило полностью. Иезуиты почти повсеместно были вынуждены организовать шестой класс, где изучали алфавит. В конце XVII века количество шестых классов в коллежах заметно увеличилось, более слабая часть от них отделилась, став отдельными классами, седьмым и восьмым — именно они легли в основу младших классов нашего среднего образования. В коллеже Флеш, например, в те времена был седьмой класс и что-то вроде восьмого — его называли «комнатой, где учили тех, кто не способен еще начать занятия в классе»⁴². Кантор Жоли жаловался на огромное количество младших классов в коллежах — он видел в них покушение университета на права школьных учителей квартала⁴³. Особенно достается «седьмым и восьмым классам, созданным в некоторых коллежах для того, чтобы учить детей читать». Наряду с младшими классами за городом существовали пансионы для «детей нежного возраста, которые еще нуждались в женской заботе». Это были «малые коллежи», разрешенные кантором, являвшимся директором начальных учебных заведений Парижа. В самом городе, где начинающие могли слиться с многочисленным населением коллежа, особенно в начальных классах, они имели репетитора. Жоли называл школы репетиторов «лесными», то есть существовавшими без разрешения университета или кантора: они «занимаются с учениками, посещающими коллеж». Эта форма образования получила признание в XVIII веке, и мы узнаем в ней пансионы, о которых мы говорили в предыдущей главе, посвященной интернату. Наряду с интернами, часто более старшими, пансионы занимались еще и маленькими экстернами. Из одного очень интересного документа мы узнаем, что в конце XVIII века пансионы очень посещаемы — речь идет о личных делах кандидатов в военные школы 1790 года. Такие школы предназначались для детей из обедневших дворянских семей. Родители должны были заполнить формуляр, содержащий, кроме вопросов о гражданском состоянии, еще и вопросы такого плана: «Умеет ли ребенок читать и писать, чем занимается в настоящее время, воспитывался ли он дома, в пансионе или в коллеже»⁴⁴. Всем кандидатам по девять-десять лет. Приведу несколько примеров: одиннадцать лет — «в данный момент находится в Туре на полупансионе у учителя, преподающего начальную латынь, никогда не покидал родительский дом», то есть никогда не был интерном. Девять лет — «учится в коллеже Боже. Воспитывался в пансионатах». Девять лет — «воспитывался дома, каждый день ходил на уроки в пан-

⁴² *Rochemonteix P. de. Le Collège Henri IV de La Flèche.*

⁴³ *Joly Cl. Op. cit.*

⁴⁴ *École militaire. Dossier des élèves. Archives Nationales, M 255.*

сион, что находится по соседству». Одиннадцать лет — «учится в пансионе в Ретеле, где находится с 15 марта. Родители не могут его там содержать». Девять лет — «воспитывался дома, 18 месяцев как находится в частном пансионе».

В XVI веке начинающих все еще помещают в начальные грамматические классы; таким образом, шестой класс является общим для всех категорий младших школьников и не знает никаких градаций по уровню. Начиная же с конца XVI века ситуация меняется. С возникновением частных пансионов и младших классов коллежей появляется начальный уровень образования. Его рассматривают как подготовительный. То же можно сказать и о малых школах, которые, по крайней мере в городах, претендуют на роль младших классов коллежа. По мнению Клода Жоли, малые школы готовят к поступлению в пятый или четвертый класс: они предшествуют коллежу, а не стоят на одном уровне с ним, хотя и не могут избавиться полностью от своих конкурентов. Мы еще далеки от концепции начального образования XIX века, не обязательно переходящего в среднее. Мы также далеки и от современного понимания образования — общего в начале и разделяющегося затем в зависимости от призвания и способностей учеников.

*
* *

Рассмотрим теперь второй фактор, оказавший влияние на развитие малых школ. В конце XVI века появляются новые идеи, порожденные как в Англии, так и во Франции Реформацией и Контрреформацией. В западной литературе и в искусстве этого плутовского времени «нищие» занимают очень важное место — в полном соответствии с их реальным количеством или, скорее, с осознанием их существования. Эти колоритные персонажи пользуются успехом, однако возникает и другое отношение — желание бороться с этой смесью нищеты, лени, аморальности как полицейскими и административными мерами (в Англии издаются *poor laws*, малоэффективные и многочисленные законы против бродяжничества), так и через просвещение детей бедноты. В среде наиболее затронутых новой формой благочестия людей во Франции и Англии бытовало мнение, что нужно распространить на маленьких нищих религиозное воспитание, предназначавшееся в свое время будущим священникам, ученикам латинской школы, одновременно обучая их письму и чтению, которые считались теперь необходимыми даже для профессий ручного труда. Так можно было получить набожных и серьезных работников там, где обычно были одни неприятности. Очень скоро появляется обучение на национальном языке, основанное на катехизисе, алфавите, счете, обращенное к детям, которые не могли пройти латинский цикл. В Англии основатель одной подобной школы говорил о причинах,

побудивших его к этому: «В нашем приходе очень много бедного люда, который не может отправить своих детей в грамматический класс. Мы же хотим преподавать им основы христианской религии, научить читать, писать и считать, чтобы они смогли поступить в подмастерья»⁴⁵. Некоторые из основателей подобных школ обращались в латинские школы. Так, текст 1612 года гласит: «Учитель и ushers сделают все, чтобы научить школьников счету, по крайней мере тех, кто менее способен к учебе, но способен к коммерции». Эта задача легла в основу академии Диссент, где отказались от классических гуманитарных классов в пользу «современной» программы и активного движения за образование народа и против всякой аморальности и нищенства: в конце XVII века «Общество распространения христианского знания» (Society for promoting Cristian Knowledge) умножает свои благотворительные школы, где «детей бедноты учат духовной христианской практике и доктрине, как их преподают в церквях Англии, а также некоторым другим вещам, полезным людям их положения»⁴⁶, — чтению, письму, иногда арифметике, какому-нибудь ремеслу, шитью или сапожному делу.

Во Франции, несмотря на сосуществование разных конфессий, события разворачиваются в том же духе. Совет города Руана решает в 1543 году относительно бедных: «Чтобы с малого возраста приучить детей к нравственному поведению и научить их читать и писать, сделав их таким образом более пригодными к службе», следует собирать «детей бедноты, как девочек, так и мальчиков, с пяти лет и научить их принципам нравственной жизни, а также читать и писать»⁴⁷. В течение всего XVII века слышатся все более многочисленные призывы создавать «благотворительные школы» или «бесплатные школы для бедных». В Мулене и Лионе такую школу открывает Шарль Дермиа, родившийся в 1637 году и придавший школьному уставу характер устава военного: «Лекторам следует встать смиренно... каллиграфам поднять и показать свои перья»⁴⁸. В Отэне подобное желание движет тремя священниками, у них свои мотивы: «Каждый день мы встречаем на улице множество бродяг и бездельников, умеющих лишь пить, есть и плодить нищету — именно из-за них у нас столько надоедливых нищих, нас осаждающих... Христианские школы положат конец этим беспорядкам»⁴⁹.

В Париже во времена расцвета правоверного гуманизма священники создают в своих приходах бесплатные школы для бедных к большому неудовольствию Клода Жоли, поскольку они выпадали из-под его юрисдикции: «Господа парижские кюре говорят, что это их естественное право и даже обязанность учить прихожан как детей, так и их родителей, а значит, и держать собственную школу»⁵⁰. «Надо отметить, что благотворительность господ кюре по отношению к школам им ничего не стоит» — на

⁴⁵ Watson F. Op. cit., p. 150, 1560.

⁴⁶ Adamson J. W. Op. cit.
⁴⁷ Robillard de Beurepaire Ch. de. Op. cit.

⁴⁸ Rigault H. Op. cit.

⁴⁹ Charmasse A. de. Op. cit.

⁵⁰ Rigault H. Op. cit.

школы охотно жертвовали. В некоторых из таких школ учили также и профессии. В 1680 году в школах Сент-Сюльпис один колпачник обучал вязанию сразу 200 учеников. Не забыли и девочек, долго находившихся в стороне от образования. В 1646 году Луиза Белланж собрала у себя 40 девочек бедняков из прихода Сент-Эташ. Новые монашеские объединения посвящают себя этой миссии: урсулилки «держат школы для девочек с пансионом или без». В 1685 году Барре создал институт Младенца Иисуса, известный под именем сестер Сент-Мор, послуживший моделью для орденов, занимавшихся преподавательской деятельностью, и в том числе самого знаменитого среди них — Братства христианских школ. Впрочем, в Париже деятельность Жана-Батиста де Ла Саля вскоре вытеснила благотворительность священников, так возмущавших кантора собора Парижской Богоматери, так как он стал посылать учителей из своей общины в школы прихода Сент-Сюльпис. Благодаря ему в начальном образовании установились принципы, не менявшиеся вплоть до середины XIX века.

В деревнях епископы предписывали своим священникам идти тем же путем, как, например, епископ из Шалона определяет это в Синодальных инструкциях 1662 года: «Каждый год удерживайте из церковного дохода определенную сумму на помощь местному школьному учителю, ввиду бедности жителей. Способствуйте сами, если можете, собирайте пожертвования от тех, кто бескорыстен. Одним словом, не пренебрегайте ничем, что помогло бы пребыванию учителя в вашем приходе — это самый верный способ воспитать молодежь в страхе Божьем и в осознании собственных способностей, от чего зависит судьба полной реформации наших приходов»⁵¹. Отныне и надолго духовное воспитание тесно связано со светским утилитарным образованием, не из практических или политических побуждений, а потому что профессиональное светское образование признается высокой моральной ценностью.

*
* * *

В проанализированных нами случаях мы сначала выявили тенденцию отделения детей пяти-одиннадцати лет от более старших, желание поместить их в особые классы, седьмой и восьмой, ставшие ядром отделенного начального образования; затем мы проследили за религиозным движением, приведшим к созданию благотворительных школ для бедных. Из этого можно заключить, что начальное образование в современном понимании этого слова, в той форме, в какой оно существовало уже в XVII веке, появилось в результате влияния двух этих факторов и свелось к возникновению бесплатных школ для детей бедноты. Несомненно, такова была цель религиозных реформаторов включая Жана-Батиста де Ла Саля.

⁵¹ *Charmasse A. de. Op. cit.*

Велик соблазн прямо связать благотворительные корни и народный характер, который сохраняют начальные учебные заведения с XVIII века по наши дни: далеко не являясь той ступенью иерархической лестницы, которую все дети проходят вместе, они предстают как учреждения классового порядка, противопоставляющие народное образование среднему — монополии буржуазии. И все же благотворительные школы не трансформировались в учебные заведения для самых низших народных слоев. Кантор Жоли приводит тому доказательства⁵². По большому счету он допускал существование бесплатных школ, если речь шла о детях нищих. Но в конце XVII века ситуация в них была совершенно иной. По его словам, с самого их основания туда потянулась довольно обеспеченная публика: дети ремесленников, торговцев, буржуа, не попавшие в традиционные школы. Кантор имел право инспектировать все школы, даже те, что были независимы от него, — помощник кантора был чем-то вроде инспектора начальных классов. И вот ни в одной из бесплатных школ он не обнаружил «нищих детей в грязных лохмотьях, из которых, как говорят господа кюре, состоят их классы». Настоящая бедность во времена, когда одежда подчеркивает богатство владельца, может носить только лохмотья.

Нет лохмотьев, как нет и грязи: к великому возмущению кантора инспектор «в июне 1675 года в школе для девочек в предместье Сен-Жермен встретил только чистоту, в чем он упрекнул хозяйку, и та ему ответила, что он не знает истинного материального положения учениц». В другом месте он обнаружил «более 200 девочек, в большинстве своем очень хорошо одетых — не в грязные лохмотья: отсюда все соседние женские школы пустуют (они были платными и подчинялись кантору). Это стало поговоркой — туда, где что-то делается бесплатно, бежит и бедный, и богатый». Таким образом благотворительные школы, где преподавателями были учителя конгрегации, внушавшие больше доверия, чем учителя окрестных школ, привлекали как детей бедных, так и богатых. Из того же источника узнаем, что обычные школы городских кварталов рассчитывали на буржуазную и полубуржуазную клиентуру, очень хорошо изображенную на гравюрах Босса, но преподающие священники и конгрегации у них ее отбивали. Таким образом, в то время богатые не гнушались соседством с бедняками.

О том же свидетельствует и жестокая конкуренция, вылившаяся в конфликт между Братством Жана-Батиста де Ла Саля, квартальными учителями и «каллиграфами». Глава цеха каллиграфов отмечает в журнале от 7 июня 1704 года: братья «принимают не только бедных прихожан, ради которых они и создали свое братство, у них учатся и дети буржуа, торговцев и ремесленников»⁵³. И затем он добавляет (факт сам по себе показательный):

⁵² Joly Cl. Op. cit.

⁵³ Rigault H. Op. cit.

«Этих последних они сажают отдельно от бедняков». Подобное разделение бедных и богатых внутри школы возмутило бы нас, людей современных. Однако сосуществование на малой площади, в импровизированном учебном помещении на обдих лавках, нам тоже неприятно. Здесь мы коснулись той огромной разницы между обществом XVII века и нашим или, по крайней мере, обществом XIX века: первое — иерархизованное, но существующее при полном смещении сословий в одном неподготовленном для этого пространстве; второе, сегодняшнее, — общество равных возможностей, в котором представители каждого социального слоя имеют свое отдельное пространство.

Теперь мы знаем, коллеж — прародитель сегодняшней средней школы буржуазии — также набирал учеников и из народных слоев. Изначально фонды коллежа предназначались для стипендиатов. Сами стипендии впоследствии числились среди привилегий, и их покупали подобно должности. Значит, далеко не всегда благодаря стипендии бедняк мог попасть в латинскую школу — он туда попадал чаще всего благодаря бесплатному образованию и экстернату. Свободное посещение — экстернат — позволял поселиться за гораздо более скромную плату, часто за продукты сельского хозяйства, у какого-нибудь ремесленника. Всю неделю квартирант и хозяин питались продуктами, принесенными в базарный день либо родителями школяра, либо их соседями. Таким образом, учение ребенка обходилось дешевле, чем содержание с проживанием в сегодняшнем лицее-интернате.

Университетские коллежи не были в принципе бесплатными. Регент получал от учеников плату в размере, установленном обычаями. У него были и другие доходы: или стипендия, выплачиваемая фондом, если он в нем состоял как стипендиат, или пансион, за который платили проживавшие у него дома школяры. Так что традиционная довольно небольшая плата за учебу если и взималась, то довольно нерегулярно. «В обычных коллежах, — отмечает Ш. Сорель (в отличие от коллежей иезуитов), — где все школяры высокого происхождения платят в конце каждого месяца своему регенту, есть почти столько же оборванных экстернов, — они ходят на занятия к учителям, не заплатив ни су, но я не хочу отказать этим бедным мальчикам в этом праве, иначе я стал бы похож на человека, шагающего в ночи с факелом в руках, не позволяющего другим прохожим приближаться к свету»⁵⁴. В общем, к бесплатности обучения стремились. Оно уже было таковым у иезуитов. Парижский университет официально разрешил его в 1719 году⁵⁵. Ораторианцы же сохранили принцип символической платы за школу⁵⁶.

Материальное положение было меньшим препятствием, чем сегодня, для набора учеников из народа. Один из персонажей пьесы Лариве «Школяры» (1601) говорит, что если среди шко-

⁵⁴ Sorel Ch. *Maison des Jeux*. I, p. 475–476.

⁵⁵ Jourdain C. *Op. cit.*

⁵⁶ Dupont-Ferrier C. *Op. cit.*

⁵⁶ Carré C. *Les Élèves de l'ancien collège de Troyes*.

ляров (он под этим словом понимает пансионеров) и есть «личные молодые люди», то сколько же среди них «детей бедных людей ручного труда, вышедших из самой грязи, у которых от школяра одно название, а в остальном же они хуже проходимцев»⁵⁷. В регистрах школ отмечают иногда социальное положение родителей: в Мансе в 1668 году одиннадцать учеников из общего числа учащихся физического класса в 41 человек — дети ремесленников⁵⁸. Отец де Дэнвиль опубликовал результаты статистического анализа регистров 1618 и 1736 годов коллежа иезуитов в Шалон-сюр-Марн. В зависимости от обстоятельств, доля детей ремесленников и землепашцев держится между 20 и 35 процентами (ремесленников больше); «в коллеже учится в разные периоды от 48 до 62 процентов детей из народа и мелкой буржуазии»⁵⁹. Не имеет никакого значения, что речь идет о большом коллеже — в латинских регентствах, ограниченных лишь грамматическими классами, их доля, несомненно, еще больше.

Такой значительный процент народного контингента объясняется часто желанием родителей поднять своего сына по социальной лестнице: так, медеплавильщик Жирандон отправил сына, будущего скульптора, в шестой класс с целью выучить его на прокурора. Значительная доля, но не поддающаяся оценке в цифрах, приходится на выходцев из крестьян, становившихся затем младшими чиновниками юстиции, финансов, образовавших целую мелкобуржуазную прослойку. Сам факт их существования говорит о более высокой социальной мобильности, чем нам это представляется. И тем не менее множество учеников заканчивали лишь младшие классы коллежа и то далеко не всегда полностью. Судя по тексту 1789 года, «многочисленным опытом доказано, что большинство провинциальных коллежей вынуждены закрывать вторые, риторические и философские классы, если в них не оставались учиться те, кто готовился к религиозной или правовой карьере. Почти все остальные ученики, едва пройдя половину учебного цикла, навсегда уходят из школы»⁶⁰. Одни в армию, другие в торговлю, третьи к ремеслу. В регистре учеников коллежа ораторианцев в Труа указаны причины ухода некоторых школяров⁶¹. Кто-то ушел «в военные лагеря», а кто-то стал столяром. Другой «вернулся к отцовской кухне», а этот «ушел из школы и стал сапожником». Молодой Жирандон не оправдал отцовских надежд и поступил в подмастерья столяра — скульптора по дереву. Когда Мармонтель появился в коллеже Мориака, его отец рассчитывал продержат там сына всего несколько лет — он отверг идею учебы до риторического: «Хватит занятий и латыни... у меня для него есть место при богатом торговце — прилавок ему будет школой»⁶². В тот же период Гитон де Моро признает: «Так поступают почти все городские ремесленники — они отправляют детей в коллеж, изначально предполагая уже через несколько лет забрать

⁵⁷ Carré C. in: Mémoires de la Société des Sciences et Arts de Aube, 1881, p. 45.

⁵⁸ Sicard. Les Études classiques avant la Révolution, 1884, p. 520.

⁵⁹ Dainville F. de, in: Populations, 1955 et 1957.

⁶⁰ Sicard. Op. cit., p. 531.

⁶¹ Carré C. Op. cit.

⁶² Marmontel. Mémoires d'un être.

их оттуда... *Большинство уходит, не доучившись до конца, и возвращается к профессии своих отцов*»⁶³. Представьте себе пестроту классов — смешение сословий, одежд, манер поведения! Однако, как и в малых школах, дети из более высоких слоев отделены от остальных: в коллежах иезуитов дети из благородных фамилий поручали своим слугам или *famuli* до занятий держать до их появления специальные места в аудиториях. Так в начале нашего века, во время воскресной мессы, дамы из общества посылали вперед себя прислугу, чтобы не лишиться лучшего места.

Можно найти подобные предписания и в уложениях коллежей Парижского университета 1626 года; следует отделять интернов от экстернов, мирян от клириков (*domesticos ab externis, a laicis sacerdotes*) и, наконец, детей из хороших семей от прислуги и бедных учеников, обслуживавших коллеж: *famulos ab ingenuis*⁶⁴.

Малые школы развивались в течение XVII века одновременно с шестыми и низшими классами коллежа. Их быстрое распространение свидетельствует еще и о новом интересе к младшим школьникам пяти-семи лет, на которых раньше не обращали особого внимания. Однако тогда ни школы, ни коллежи не предназначались для какой-то отдельной социальной категории.

*
* * *

Постепенно крестьянские коллежи исчезнут, они не переживут эволюции нравов. В течение XVIII века появятся новые веяния, подготовившие положение дел в XIX веке: тот же самый дух, что пронизывает философию Просвещения. Он закрывает доступ в средние учебные заведения детям из народа. Отныне бытует мнение, что образование — привилегия богатых, так как оно может отвратить бедняков от ручного труда и сделать из них людей, не приспособленных к своему социальному положению. Все общество сильно пострадает от недостатка рабочей силы и увеличения числа неприкаянных. Эта позиция переводит на язык экономики неприятие смешения в школе представителей разных социальных классов. Мы имеем дело с полной противоположностью реформаторской мысли XVII века, признававшей в образовании единственный способ воспитать низшие слои, подготовить хороших слуг и работников и таким образом обеспечить общество ответственной и квалифицированной рабочей силой. Но это уже тема консерватизма социального в XIX и колониального в XX веке, видевшего в школе рассадник революционных идей современности, которые заражали народ и подрывали власть состоятельных слоев. Возникший в XVIII веке разрыв свидетельствует о глубоком изменении структуры общества.

Вот мнение человека с инженерным образованием, автора трактата о городских коммунальных службах, дорогах и мостах: «У нас у всех пристрастие не принимать на работу слуг, не умею-

⁶³ Sicard. Op. cit., p. 531, note.

⁶⁴ Jourdain C. Histoire de l'Université de Paris, pièce justific., p. 55.

щих читать, писать и считать»⁶⁵. Хозяева предпочитали держать образованную прислугу, как у Мариво и Бомарше*. «Все дети землепашцев подались в монахи, или в писари (при торговцах, законниках, финансистах и интендантах), или в лакеи — неудивительно, что теперь некому рожать детей и обрабатывать землю».

В 1763 году, после изгнания иезуитов, общественное мнение очень волновало, кто займет их место, а потому проснулся большой интерес к педагогическим проблемам. Споры на эту тему породили обширную литературу о реформе образования. Знаменитый Ля Шалоте† развил свои идеи, представлявшие позицию философов, в «Опыте о национальном воспитании, или Учебном плане для молодежи»⁶⁶. По его мнению, школ было слишком много: «Не слишком ли много у нас развелось каллиграфов (учителей письма, державших школу), академий, коллежей? Раньше было трудно стать ученым из-за отсутствия книг, теперь невозможно стать ученым из-за их огромного числа... Никогда еще не было такого невероятного количества студентов в государстве, чьи подданные жалуются на снижение населения (в действительности население росло[‡]). Все, даже народ, хотят учиться — землепашцы, ремесленники отправляют детей в провинциальные коллежи (игравшие важную роль в XVIII веке), где их содержание почти ничего не стоит (родители посылали продукты каждый базарный день), и после довольно посредственной учебы, научившись прежде всего презирать профессию отцов (далеко не справедливое высказывание), они устремляются в монастыри, в священнослужители («ничего не производящие» — в XIX веке консерваторы оставят в покое монахов и примутся за чиновников), в служители юстиции (видимо, это был самый распространенный способ подняться по социальной лестнице)». Крестьянским, рабочим детям и детям слуг следовало запретить посещать латинскую школу, как впоследствии и среднюю. Однако Ля Шалоте идет дальше — он требует для них запрещения посещать и малую школу: «Братья христианских школ, именуемые игнорантинцами, появились и все погубили. Они учат читать и писать людей, которых следует учить лишь рисовать, управляться с рубанком и напильником, — теперь они ничего не хотят делать (отметим — рисунок отнесен к разделу ручного труда). Братья пришли на смену своим соперникам иезуитам. Для блага общества надо, чтобы познания простого человека не выходили за рамки его традиционной специальности». Вольтер[§] поддерживал Ля Шалоте. Вот что он ему писал: «Благодарю вас за запрещение учить землепашцев. Я много занимаюсь землей и подтверждаю — мне нужны работники, а не священники с выстриженной тонзурой. Народ необходимо направлять, а не учить — он этого не достоин» (19 марта 1766 года). «Мне представляется крайне важным, чтобы нищие были невежественны» (1 апреля 1766 года)⁶⁷. В том же

⁶⁵ Цит. по: Brunetière Ch. Revue des Deux Mondes. 1879, p. 943.

* Мариво Пьер де Шамблен де (1688–1763) — французский писатель, с 1742 г. член Французской академии, автор многочисленных романов («Жизнь Марианны», «Крестьянин, вышедший в люди» и др.), один из создателей реалистического психологического романа, автор многочисленных драматических произведений.

Бомарше Пьер Огюстен Карон (1732–1799) — французский драматург, в 1761 г. получил дворянский титул, автор «Мемуаров», трилогия — «Севильский цирюльник» (1775), «Женидьба Фигаро» (1784), «Винновная мать» (1792) — имевшей огромный успех.

† Ля Шалоте — французский государственный деятель, генеральный прокурор парламента Бретани, выступивший с требованием государственного образования, в «Опыте о национальном воспитании» писал: «Государство обязано вырвать молодое поколение из рук церкви и дать ему воспитание, основанное единственно на разуме».

⁶⁶ Caredec de la Chalotais L. R. de. Essais d'éducation nationale ou plan d'études pour la jeunesse. 1763.

[‡] Так, с 1700 по 1789 гг. население Франции увеличилось с 20 до 26 млн человек.

[§] Вольтер Франсуа Мари Аруз (1694–1778) — французский писатель, поэт, автор более 50 пьес, философ, историк, сотрудник «Энциклопедии», корреспондент многих европейских монархов, один из популярнейших людей своего времени.

⁶⁷ Также см. письмо от 23 февраля 1763 г.

духе — Верлак в 1759 году: «В хижинах, деревнях, предместьях только и слышно все два месяца каникул — отправляйте детей в коллеж»⁶⁸. Как остановить это «повальное увлечение образованием, охватившее лачуги — оно опустошает деревню, плодит шарлатанов, интриганов, завистников и прочих несчастных, оно вносит сумятицу во все сословия». Можно без труда узнать основные темы социального консерватизма: поддержание народа в состоянии людей физического труда, неграмотными и невежественными, противопоставление образования ручному труду — темы, перемешанные здесь с антиклерикальными настроениями философии Просвещения. Все это, однако, оказалось бессильным перед популярностью школы, хотя в первой половине XIX века число учащихся несколько сократилось.

В тот же период появляется современная идея о большей специализации образования в зависимости от профессии и карьеры. Берни пишет в своих мемуарах: «Почему дети из разных социальных слоев, готовящие себя к разным родам деятельности, получают одинаковое образование? Не лучше ли с сыном торговца больше заниматься математикой, чем, например, греческим и латинским стихом? (Лишь через сто лет его пожелания будут приняты к сведению, когда режим IV Республики* реформирует систему образования, а до тех пор латынь будет оставаться основным предметом цикла средней школы.) Мне бы хотелось, чтобы каждый учился в соответствии со своим сословием и будущей профессией. Я вижу лишь три общих для всех людей элемента образования: религия, через которую они обретут спасение, законы, позволяющие защищать собственность, свою и других, и, наконец, медицина (сегодня мы бы сказали гигиена), знание, помогающее сохранить здоровье»⁶⁹. Создается впечатление, что латинский цикл задерживает молодого человека и дает неоспоримое преимущество его сопернику, с малолетства отданному в подмастерья. Жак Лябле закончил философский класс в семнадцать лет⁷⁰. «По возвращении домой я должен был подумать, кем я стану». Его отец ушел из армии и занялся торговлей вином. «Дети, не ходившие в коллеж, имеют больше шансов. У них больше возможности, чем у других, устроить свою судьбу; очень рано они начинают учиться при каком-нибудь торговом доме, где они выполняют работу, которая вскоре начинает приносить плоды или способствует их окончательному обустройству». Самые взрослые студенты коллежей либо слишком поздно возвращаются — когда уже все места заняты, либо теряют всякий вкус к «долгим и мучительным занятиям, где говорится только о деньгах и способах их зарабатывать». В этом замечании есть здравый смысл, однако ничто не останавливает родителей в желании дать детям латинское образование, ставшее признаком принадлежности к буржуазии.

⁶⁸ См. прим. 65.

* Период французской истории от принятия Конституции 1946 г. до ее замены Конституцией 1958 г.

⁶⁹ *Mémoires du cardinal de Bernis*. 2 vol., 1878.

⁷⁰ *Lablée J. Mémoires d'un homme de lettres*. 1824.

Общественное движение, стремившееся к запрету на образование, особенно латинское, для низших классов, привело к социальной специализации способов обучения, откуда наши современные начальный и средний уровни. В начале XIX века выходы из простого народа были вытеснены из латинских коллежей вследствие развития интерната, доступного лишь богатым, и постепенного исчезновения малых провинциальных коллежей, где можно было гораздо с меньшими расходами устроить ребенка из сельской местности: он селился у какого-нибудь местного жителя и питался продуктами, отсылаемыми ему каждый базарный день. Бедняки больше не могли рассчитывать на крупные коллежи больших городов, где жизнь была более дорогой, а средневековая традиция селить у себя школяров полностью исчезла, школьное начальство не терпело теперь экстернов, не поддающихся ни родительскому, ни учебному контролю. Освободившись от бедной части своего контингента, коллеж стал учебным заведением буржуазии.

В Англии в результате параллельной эволюции возникают *public schools* — питомники джентльменов. Изначально *public schools* ничем не отличаются от *grammar schools* и *endowed schools*, находившихся на специальной субсидии. Они все являлись экстернатами, и лишь несколько пансионеров было предусмотрено для стипендиатов. Учеников набирали на месте или из окрестных селений без ограничений, точно так же, как во Франции. К концу XVIII века и в начале XIX века дворянство перестало посылать своих детей в *grammar schools*, где учились дети более низкого рода. Именно тогда некоторые из *grammar schools* стали специализироваться на обучении дворянских отпрысков, эти школы превратились в интернаты, набор перестал быть региональным, туда принимали отовсюду. Так появились *public schools*. Оставшиеся верными традиции, *grammar schools*, лишённые богатой клиентуры, сосредоточились на детях крестьян и ремесленников, из их программ постепенно ушла латынь, и со временем они смешались с малыми начальными школами. Престиж *public schools*, наоборот, все более поднимается; недавно возникший в результате индустриальной революции средний класс изучает там манеры современного джентльмена, сформулированные педагогами-реформаторами, например Арнольдом в Регби (1828—1842 годы). *Public schools* сформировали английское общество XIX века и придали ему аристократический характер: современники хорошо усвоили их роль преграды на пути демократизации, и герцог Веллингтон*, обеспокоенный прогрессом низших слоев населения, создал собственную *public school* для защиты джентльмена. Джентльмен XIX века, даже физически совершенно не похожий ни на джентльмена XVIII или начала XIX века, ни на мистера Пиквика, есть продукт воспитания *public schools*.

* *Веллингтон Артур Уэсли* (1769—1852) — английский полководец, дипломат, государственный деятель, по партийной принадлежности тори, учился в Итонском колледже и военной школе в Анже (Франция), в войнах против Наполеона командовал английскими войсками на Пиренейском полуострове и при Ватерлоо, 1827—1852 гг. — главнокомандующий английской армии, 1828—1830 гг. — премьер-министр.

⁷¹ Archives de la Somme. Série II T. 1933. Préface.

Такая аристократическая специализация свойственна лишь Англии. Ни один французский коллеж (даже у иезуитов) нельзя сравнить с public schools. Попытки создать нечто подобное — доминиканский коллеж Сент-Эльм в Аркашоне или школа протестантского духа в Рош — если не проваливались, то, во всяком случае, не приобрели такого значения. Тем не менее даже если механизмы эволюции в Англии и Франции отличаются, явление имеет общую природу: от экстерната с региональным набором к пансионатам с набором более широким, иногда общенационального значения; от разношерстного социального состава учеников к более однородному (аристократическому, буржуазному), и настолько успешно, что среднее образование, когда-то очень доступное, становится классовой монополией, признаком социального положения и способом социальной селекции.

Малые школы, напротив, предназначались для самых низших категорий населения, для которых средняя школа была теперь закрыта. В 1820 году один инспектор начальных классов советует прибегнуть к методу взаимного обучения, потому что, помимо всего прочего, оно позволяет удовлетворить нежелание обеспеченных людей видеть своих детей вперемешку с детьми из простого народа: «Следуя этому методу, любой учитель без труда сможет управлять двумя аудиториями одновременно, особенно смежными. Что позволит устранить единственное препятствие, которое мешает многим родителям решиться отдать своих детей в школу, где они будут сидеть рядом с бедняками»⁷¹. Как далеко ушли мы от образа мысли Жоли, веком раньше защищавшего прямо противоположное, — сосуществование представителей разных социальных классов в ограниченном пространстве больше не допускается.

*
* *

Эта глава была посвящена изучению двух феноменов: демографической специализации возрастной категории от пяти-семи до десяти-одиннадцати лет, как в малых школах, так и в начальных классах коллежей в XVII веке; затем социальной специализации двух видов образования — одного народного, другого буржуазного и аристократического — в XVIII веке. С одной стороны, детей отделили от их более старших товарищей, с другой стороны, бедных отделили от богатых. Как мне кажется, существует некая связь между двумя этими явлениями. Они суть не что иное, как проявление общей тенденции к изоляции, потребности различить то, что было неразличимым, и разделить то, что лишь различалось, — тенденция, вовсе не чуждая картезианской революции ясных идей, приведшая к созданию современного общества равных, где строгое пространственное разделение пришло на смену тесноте и совместности пребывания сословий прошлого.

¹ Carré C. Les Élèves de l'ancien collège de Troyes // Mémoires et Arts de l'Aube. 1881, p. 45.

² Félibien. V, p. 812.

В 1881 году историк Карре, читая тетради с оценками коллежа ораторианцев в Труа, XVII век, не скрывает своего удивления: «Многие ученики имеют просто отвратительные оценки, вряд ли сегодня найдется хоть один лиценст, который бы так же учился»¹. Конечно, это замечание было бы справедливым применительно к взрослым, но оно менее справедливо для детей. Разница нравов между обществом того XVII века и нашим особенно проявляется в детской и молодежной среде. Там дольше, чем среди взрослых, сохраняются архаические черты Средневековья, уже частично стертые во взрослом мире. В предыдущих главах мы проследили через школу и школьные учреждения путь развития современного отношения к детству: меньшинство, привязанное к порядку, ясности и авторитету, попыталось ввести в общество с помощью образования и воспитания новый образ жизни, прямо противоположный импульсивности средневековых обычаев. Оно осуществляло внешнее давление на детей и молодежь, которые, в свою очередь, сопротивлялись, оставаясь до XVII века во Франции и до начала XIX века в Англии островком архаики. После эти возрастные группы становятся очагом модернизации общественных отношений.

Школяры носили оружие. В ratio studiorum иезуитов им предписывалось его сдавать перед входом в коллеж — оружие хранилось в специально отведенном для этого месте и школяры получали расписку. По выходе из коллежа оружие им возвращалось. В 1680 году дисциплинарные уложения Бургундского коллежа вновь включают эту статью: «Запрещается иметь при себе шпаги и другое оружие в жилых комнатах. Те, у кого они есть, обязаны сдать его принципалу, который будет хранить его в специальном месте»². Невозможно и представить себе подобное правило в лицеях и коллежах наших дней. Самые младшие могли с пяти лет носить шпагу! Она была не просто частью костюма или пре-

стижным украшением: Л'Эстуаль рассказывает, как однажды в 1588 году «в последний жирный понедельник этого месяца король послал лейтенанта гражданского и уголовного права, прокурора из Шатле, и комиссаров (комиссаров-следователей, бывших одновременно и следователями, и комиссарами полиции) в сопровождении сержантов в Парижский университет, чтобы отобрать оружие у школяров, которые во время ярмарки Сен-Жермен отравились туда вооруженными, чтобы творить бесчинства»³. Много позже, в 1709 году, в тетради для оценок коллежа ораторианцев в Труа упоминается об ученике, угрожавшем учителю шпагой: *gladio minitatus est praeseptori*⁴. Юридические коллегии городов, где имелись коллежи, не прекращают издавать распоряжения, запрещающие школярам носить шпагу. Подобный указ дижонского парламента от 20 марта 1675 года имеет следующие мотивы: «Большая часть молодых людей, хоть и предназначенная для религиозной карьеры (а мы с вами знаем, что на самом деле между людьми религиозной карьеры и военной было меньше разницы, чем предполагали историки: и те и другие были выходцами из одних и тех же семей), будучи еще в школе (в риторическом или логическом классе), вместе с теми, чье сословие не позволяет носить шпагу, носят ее постоянно повсюду, что неприлично не только тем, что возмущает достойных людей, но и по причине возникновения многих скандалов и драк»⁵. Очень долго дижонский парламент регулярно возвращается к запрещению ношения оружия: в 1753 году оно снова встречается в уложениях, как если бы оно не потеряло своей актуальности — или эффективности.

Но даже когда школяр, перед тем как войти в коллеж, сдает свою шпагу, он остается не менее опасен: в 1661 году в Боне отец-ораторианец побит палками своими учениками, и парламент Дижона вынужден распространить запрещение и на другие средства самозащиты: кроме шпаг, запрещается «всем школярам носить палки и другие орудия нападения в классах и в доме означенных служителей ораторианцев».

Регентам и префектам часто приходилось противостоять настоящим вооруженным восстаниям — волнения были часты и жестоки, например беспорядки среди учеников коллежа иезуитов Флеш 1646 года во время карнавала. При одном взгляде на документы можно сразу понять, что беспорядки далеко выходили за рамки обычных выступлений лицеистов и студентов наших дней.

В те времена карнавал был молодежным праздником, собиравшим все население; силы поддержания порядка не особенно усердствовали, как это происходит в мусульманских странах в конце Рамадана. И тем не менее магистрат города Флеш принял кое-какие меры предосторожности: запретил выбирать молодеж-

³ *L'Estoile*. Journal. Éd. R. L. Lefèvre, 1943, t. I, p. 544.

⁴ Carré C. Op. cit.

⁵ *Mutteau Ch.* Les Écoles de Dijon. 1882.

ного короля, аббата или приора, ведущего игр и традиционного организатора карнавалов шуток. В том году атмосфера в учебных заведениях была настолько накалена, что некоторые из старших учеников коллежа получили унизительную *paena scholastica*, то есть были наказаны розгами. Они чувствовали себя обесчещенными и думали о реванше. Школьные хроники полны описаний мести наказанных школяров, избивавших своих учителей. Последние могли рассчитывать лишь на помощь сержантов полиции. Во Флеш в жирный вторник, вечером, студенты-экстерны, ставшие на сторону своих товарищей, провели в коллеж одного из своих одноклассников, предварительно переодев его женщиной. Однако они не застали врасплох ни преподобных отцов, ни членов братства: эти религиозные деятели были люди не промах и защищались очень энергично. Им удалось захватить одного из буйных, вооруженного шпагой, и закрыть его в надежном месте. Тогда волнения приняли характер настоящего восстания: «Это послужило поводом для других прийти в еще большую ярость. Они побежали к оружейникам и взяли оружие»⁶. Здесь легко узнается повышенная возбудимость толпы, которую арабы сохранили и сегодня, когда любое незначительное происшествие в одно мгновение превращается в кровавую резню или массовый грабеж; нам все труднее и труднее представить себе это психологическое состояние.

Итак, школяры вооружились. Речь идет об экстернах коллежа — они жили в педагогиях и на квартирах горожан, получивших право сдавать комнаты у префекта, самые старшие ходили в философский класс. «Всю ночь они стоят с оружием и осаждают все входы и выходы коллежа, через которые можно было бы его провести и отдать в руки правосудия». Можно представить себе возбуждение, царившее во время ночных бдений в жирный вторник. Утром студенты вломились в здание: «По утру они вошли в коллеж с оружием в руках, угрожая, что все равно получат своего товарища, добром или силой, и в качестве возмездия возьмут иезуита или пансионера». Несмотря на вторжение, преподобные отцы и их ученики смиренно готовились провести день как обычно: «Смутяны, вооруженные шпагами, палками, бичами из бычьих сухожилий перекрыли все проходы, они не пускали школяров, шедших по звону колокола на занятия». Дело грозило принять еще более опасный оборот, поскольку преподобные отцы желали сохранить лицо и не собирались отпускать пленника. У отцов-иезуитов тоже имелись запасы оружия. Они вооружили слуг не только палками, но и алебардами и ружьями, что особенно важно, — теперь они имели превосходство в огневой мощи. Была предпринята вылазка, в ходе которой все чуть было не закончилось без малейшего эксцесса — сам вид ружья внушал страх и почтение. К несчастью, один из восставших пошел на стволы: «Вместо того

⁶ *Rochemonteix C. de. Le Collège Henri IV de La Flèche. 1889.*

чтобы отступить, как другие смутьяны из его банды, он вышел вперед и встал напротив слуги, который держал ружье наперевес (вполне возможно единственное ружье на всех!) оказавшись в выгодной позиции, школяр бросился на слугу, пытаясь отобрать оружие. Когда они боролись, сработал спусковой механизм, пуля, пробив сутану учителя (он пытался их растащить), оказавшуюся между стволом оружия и животом школяра, скользнула между кожей и плотью живота, не войдя внутрь, и впилась в берцовую кость».

Волнения не всегда переходили в вооруженное восстание, иногда это была просто забастовка с занятием помещений. В 1633 году судебная палата, «поставленная в известность о том, что студенты логического класса коллежа города Дижона (эквивалент философского наших лицеев) ушли с уроков без разрешения ректоров и регентов и не пропускают своих товарищей в здание коллежа», приказывает школярам вернуться в классы, а мэру помочь префектам наказать виновных⁷. В 1672 году в Орлеане двадцатилетний ритор поднимает своих соучеников против регента⁸.

Учащиеся протестантских академий были не менее воинственны: в 1649 году в Ди логики забаррикадировались в коллеже, не пуская ни регентов, ни учеников других классов, открыли огонь из пистолетов, испортили кафедры в первом и третьем классах, выбросили из окна скамейки во втором, попортили книги, и в конце концов сами вышли через окна аудитории четвертого класса, устроив общественное возмущение⁹. На улице, не довольствуясь классическими петардами, они, случалось, нападали со шпагами на прохожих.

Во Франции большие школярские волнения прекратятся к концу XVII века. Возникает ощущение, что только тогда дисциплина, существовавшая на бумаге уже более столетия, смогла обуздать страсти молодых людей. В XVIII веке все будет спокойно; вновь студенческие волнения начнут потрясать стены лицеев в первой половине XIX века*, однако теперь мотивы будут политическими: в поддержку Польши или против нее, против иезуитов... Это уже совсем другой дух — наш, современный. Отныне только политика, да иногда традиционные внутришкольные несправедливости, вызывают беспорядки, однако чаще всего они не выходят за рамки обычного акта школьного непослушания.

В Англии же, напротив, в XVIII веке перемирия не наблюдается. Волнения школяров не только не смягчаются и не уходят в прошлое, как во Франции, — они разгораются с новой силой и частотой в конце XVIII — начале XIX столетий. Повсюду полное отсутствие дисциплины и бунты. В Винчестере школяры удерживали коллеж в течение двух суток и даже подняли красный флаг! В 1818 году на подавление студенческого восстания пришлось бросить две роты солдат с прижатыми к стволам шты-

⁷ *Mitteau Ch. Op. cit.*

⁸ См.: *Dainville F. de. La Naissance de l'humanisme moderne.*

⁹ *Bourchemin P. D. Les Académies protestantes.*

* Особенно сильны были беспорядки в 1819 г., что привело к временному закрытию целых факультетов и школ (юридического факультета в Гренобле, Нормальной школы и др.).

ками. В Регби учащиеся подожгли парты и книги, а затем скрылись на острове, который пришлось штурмовать войскам. Похожие происшествия в Итоне: в 1768 году граепопозиты, или мониторы, то есть лучшие ученики шестого или риторического класса, прекращают занятия и уходят из коллежа. В 1783 году — восстание против head master'a с разграблением жилых комнат, битьем оконных стекол. В 1818 году дирекция распорядилась закрывать двери вечером раньше, чтобы помешать учащимся ходить на охоту, последние, закидав учителя тухлыми яйцами, пробили нижнюю часть стены, их пришлось брать силой. Беспорядки стали одним из типичных аспектов школьной жизни того времени, которую современники воспринимали как состоящую из постоянных волнений. Король Георг III, встречая учащихся Итона, всегда подшучивал над двумя характерными явлениями в их существовании — плетью и бунтом: «По какому поводу вы бунтовали в последний раз?»

В Англии последнее серьезное восстание школяров произошло в Мальборо в 1851 году, то есть очень поздно. В Итоне все стихло после 1832 года; последний бунт завершился поркой 80 учеников — понемногу порядок устанавливался¹⁰.

Во Франции в первой половине XVII века одной из форм насилия была дуэль. Наставники иногда подавали плохой пример: будущий маршал Бассомпьер в 1591 году поступал со своим братом в коллеж Фрибурга в Брисгау в третий класс: «Мы провели там всего лишь пять месяцев, — признается он в своих мемуарах, — потому что Груе, наш наставник, убил Ламотта, учившего нас танцевать»¹¹. В анналах коллежа в Эксе за 1634 год говорится: «Некоторые из наших школяров вели себя настолько развязно, что дело доходило до дуэлей и драк. Мы решили навести порядок, так как часто по выходе из коллежа студенты дрались прямо возле школы к большому неудовольствию соседей, прохожих и других школяров»¹². Подобные беспорядки после занятий, должно быть, происходили довольно часто: отец де Дэнвиль приводит в пример «шумные уличные ссоры и побоища с метанием камней и всего что под руку попадет (в Авиньоне), случающиеся между детьми, посещающими коллеж иезуитов этого города, и теми, кто учится у каллиграфов и других вольных учителей и педагогов, которые отвлекают учеников от учебы и являются причиной серьезных ранений, с постоянной опасностью убийств»¹³.

В 1572 году все в том же Авиньоне в результате драки между учениками Сен-Николя и рабочими один из учащихся был убит ударом камня¹⁴. В 1513 году во время религиозного праздника студенты коллежа Сен-Николя заняли место в рядах процессии с помощью своих шпаг и палок. Взбешенный капитан стражей порядка попытался их арестовать и преследовал их до самой часовни, где те и укрылись. Один из школяров, желая утвердить свое

¹⁰ Cook H. Winchester College. 1917. Lyte H. C. M. Eton. 1889.

¹¹ Maréchal de Bassompierre. Mémoires.

¹² Mechin. Annales du collège royal Bourbon-Aix. 1892.

¹³ Dainville F. de. Op. cit.

¹⁴ Achard P. Les Chefs des plaisirs // Annuaire administratif du Vaucluse. 1869.

право на убежище (он считал саму часовню не очень надежным местом), взял в руки церковный кубок. Капитан толкнул его, однако не решился вырвать священный сосуд!¹⁵

«Затем, — говорится в анналах Экса, — произошло побоище между философами и гуманитариями. Отец-ректор сообщил обо всем господину президенту Дюшену», и тот повелел заключить нескольких драчунов под стражу, а после передать «корректору» коллежа¹⁶. В 1646 году «один из наших школяров (Экс), дворянин из Систерона и метафизик, был убит на дуэли — напоял, так и не исповедавшись. Дрались четверо, из них двое не были школярами. Все произошло в 9 часов утра — они вместе переночевали в риге картезианского монастыря, чтобы было удобнее встретиться на следующий день. Несколько месяцев назад другой школяр, ученик третьего класса, был убит таким же образом — его убил хирург. Он также умер не по-христиански». Ученик третьего класса — дрались не только старшие. Луи Лезандр (родился в 1655 году) пишет в своих мемуарах, что один из его братьев погиб «от удара шпаги, когда хотел разнять двух студентов»¹⁷. Такие дуэли были в порядке вещей. В Эксе ректор, обеспокоенный их частотой, «собрал вместе философов, риторов, гуманитариев, учащихся третьего и даже какое-то количество учеников четвертого и пятого классов (малый возраст не гарантировал защиту от насилия) и рассказал о том зле, что приносят дуэли. Потом он их запретил под страхом самых строгих наказаний»¹⁸.

Во Франции вспышки насилия между частными лицами, столь частые во времена Лиги* и Фронды, в XVII веке постепенно становятся все более редкими и в конце концов исчезают совсем, как и массовые волнения школяров; кажется, учителям удалось приручить необузданное и легко возбудимое население учебных заведений. Однако в Англии школьные хроники XVIII века еще полны упоминаниями о жестокостях в обращении школяров между собой и о дуэлях; школяру Коттелу нанесли *laesionem enormem Philippo Lys crudeliter et saepissime*¹⁹: это bullying †. В начале XIX века дуэли превращаются в сплав борьбы и бокса, до реформы public schools учителя относятся к ним с уважением. Томас Хьюз описал одну из сцен борьбы в своем романе «Школьные дни Тома Брауна».

В те же времена насилие царило и в мире взрослых. Ришелье также запретил дуэли, на которых гибло немало дворян‡. Деревни и ремесленные корпорации дрались между собой, как школяры враждующих классов. Дух насилия пронизывал все общество, все сословия, дворян и народ, все возрастные категории — взрослых, молодежь и детей. Лишь немногие люди — некоторые церковные деятели и политики, моралисты, не разделявшие общего настроения, — с великим трудом возводили упорядоченную структуру будущего миропорядка.

¹⁵ Achard P. Op. cit.
¹⁶ Mechin. Op. cit., I, pp. 92, 171.

¹⁷ Legendre L. Mémoires, le Magasin de librairie (v. 1860), tome V, an. 1694.

¹⁸ Dainville P. de. Op. cit.

* Лига — союз католических городов во главе с Парижем, созданный в 1585 г. в противовес протестантской унии, объединившей южные земли, где был силен кальвинизм. Лига сыграла значительную роль в династических и религиозных смутах.

¹⁹ Огромные раны [от] Филиппа Ли жестоко и часто (лат.).

† Издательство (англ.).

‡ В 1626 г. Ришелье издал эдикт, предусматривавший наказания против дуэлянтов, — вызов на дуэль влек потерю должности, конфискацию половины имущества и изгнание на 3 года.

* * *

Дух насилия сопровождался большой свободой по отношению к вину и женщинам. В Средние века в коллежах пили изрядно, а уставы признавали право дружеского бокала в качестве искупления легкой провинности, а также в качестве ритуала посвящения в братство школяров. Они закрепляли это право как обычай, с некоторыми ограничениями, во избежание злоупотреблений, не решаясь полностью его отменить. В XVI веке пьянство и употребление алкоголя вообще были строго запрещены в школах, по крайней мере во Франции и в Женеве; из диалогов Кордье ясно, что если в комнатах и выпивали, то тайно: виновники знали, чем рисковали. Можно отметить некоторый прогресс: сначала ограничения, а после полный запрет. Укоренившиеся привычки отнюдь не переменялись в одночасье — пьянство перешло в близлежащие таверны. В диалоге Шоттения, дело происходит в Кельне в 1524 или 1525 году, один школяр говорит другому: «Пойдем, я знаю, где прячутся пьющие школяры. — Ты, верно, часто к ним ходишь. — Иногда, когда у меня есть деньги»²⁰. В Понт-а-Муссоне пьяный ритор убивает своего товарища²¹. В регистрах ораторианцев из Труа, относящихся уже к началу XVIII века, можно найти такие надписи: *vino dediti cauponam olent*²², а также *bibere doctiores quam studere*²³. Если французские школяры в XVIII веке становятся все более и более воздержанными, благодаря усиливающейся дисциплине, то их английские товарищи и в начале XIX века, по крайней мере в университетских колледжах, продолжают поддерживать старые средневековые традиции неумеренного возлияния. Раскин* выдерживает первый день пребывания в Крайст-колледже благодаря тому, что выливает пуш на себя под жилет: «Я продержался до конца и помог стащить вниз и разнести по комнатам четверых мертвецки пьяных товарищей».

В XVI и начале XVII века к школяру относились, как к Дон-Жуану, внушавшему страх родителям и мужьям, — в глазах общественного мнения он был чем-то вроде искателя приключений вроде Вийона†, притом с неприятными последствиями для здоровья. «Сотни школяров, — пишет Монтень, — заражаются сифилисом прежде, чем дойдут до... урока Аристотеля», — а Аристотеля изучали очень молодыми! В комедии Лариве «Школяры» квартирный хозяин Никола, который хорошо знает своих квартирантов, с некоторой долей зависти говорит: «Что касается меня, если бы я был женщиной, я бы предпочел школяров великолепным царедворцам Франции. Школяр, о, жемчужина мира! Какое он знает нежные слова, какие ласки, какое веселье!» Можно подумать, речь идет о студентах из «Богемы» или «Воспитания чувств»**, но это всего лишь учащиеся коллежа, разве что, может

²⁰ Massebieau L. Les Colloques scolaires. 1878.

²¹ Dainville F. de. Op. cit.

²² Обнаруживают взятое в кабаках вино (лат.).

²³ Умеющие лучше пить, чем учиться (лат.). Carré C. Op. cit.

* Раскин Джон (1819–1900) — английский писатель, историк, искусствовед, публицист, автор книг «Современные художники», «Камни Венеции» и др., один из вдохновителей пре-рафаэлитов.

† Вийон Франсуа (не раньше 1431/32—после 1463) — французский поэт, учился на факультете искусств Парижского университета, имел репутацию гуляки и пьяницы.

** «Воспитание чувств» — роман французского писателя Гюстава Флобера (первая редакция 1845 г., вторая — 1868–1869 гг.); главный герой романа Фредерик Моро — студент Парижского университета.

быть, старших классов, однако в повседневной жизни ничто их не отделяет от младших. В 1460 году в Дижоне сын землепашца, «ученик школы в возрасте примерно семнадцати лет», жил у владельца виноградника — бургундское уже тогда ценили в мире, и оно шло на экспорт, — «который предоставлял ему лишь кровать и обед» (мальчик присоединял к похлебке свою собственную провизию). Он не терял времени даром, и его отношения со служанкой хозяина, четырнадцатилетней девочкой — она помогла ему взломать дверь соседнего дома, — должно быть, выходили за рамки простого товарищества...²⁴ А вот еще один пример — сто пятьдесят лет спустя — жалоба одного из персонажей Лариве, отца слишком красивой девушки: «Мне кажется, Париж доведен до такого состояния этими бабниками и бездельниками (школярами), что даже если цыплят и держать в клетках, то они не будут там в безопасности». Тем не менее времена изменились, теперь уже не надо ждать третьего повторного проступка (согласно средневековым уставам, упоминаемым Рэшдолом), чтобы выгнать стипендиата, которого застали в коллеже или педагогии с женщиной. Уложения Нарбоннского коллежа 1379 года запрещают приглашать даже порядочных женщин в жилые комнаты под угрозой штрафа в 5 су²⁵. Не так уж много. Иезуиты в своих коллежах требовали соблюдения более строгой морали: отец Лене призывает учеников «воздерживаться от телесных удовольствий». Франсион не скрывает, что вынужден был дожидаться окончания коллежа, чтобы потерять невинность с женщиной намного старше себя — уродливой случайной трактирной знакомой. Между коллежем и педагогиями и разрешенными пансионами у школяров было мало возможностей встречаться с женщинами — так начинается изоляция полов, ставшая отныне характерной чертой коллежа. То, чего не удалось добиться в средневековых учебных заведениях с помощью уставов, стало реальностью. В XVII веке с женщинами встречаются в часовне, есть и специально предусмотренные для визитеров помещения, из которых невозможно попасть в само здание. В Бургундском коллеже, согласно правилам поведения 1680 года, «женщины, за исключением матерей господ учащихся и исключительно по просьбе последних, не могут проходить в жилые комнаты. При необходимости школяры могут поговорить с другими женщинами в часовне, пока мы не устроили специального зала»²⁶.

Отныне женщина становится чужой — отношения с ней высмеиваются в мужском сообществе, где ее и желают, и отталкивают одновременно. Следующая сцена, описанная Сорелем, выглядит совершенно современно — можно подумать, речь идет о девушке, случайно попавшей во двор лицея: «Товарищи освистывали каждую женщину и девушку, входившую во двор нашего коллежа»²⁷. Однако такая строгость встречала, судя по регист-

²⁴ *Mutteau Ch. Op. cit.*

²⁵ *Félibien. V, p. 662.*

²⁶ *Félibien. V, p. 812.*

²⁷ *Sorel Ch. Maison des Jeux, t. II, p. 13.*

рам, сильное сопротивление — как будто она намного опережала свое время. В Труа в конце первой половины XVII века²⁸: *Sunt suspectis aut pravissimis moribus — pravitatem illius si noveris, vis poteris lacrimos continere — faex scholae — vitiorum omnium colluvies et sentina*²⁹. В Кане в 1677 году³⁰: *Ejectus ob impudentia* (касалося восемнадцатилетнего). *Impudentia et arrogantia famosus*³¹.

Вот почему в XVII веке в городах, где находились крупные коллежи, был установлен особый полицейский режим, как в начале этого века в закрытых городах. Так, во Флеш в 1625 году проституция была под более жестким контролем, чем в другом месте; «женщины и девушки легкого поведения» не имели права — в принципе! — подходить к городу ближе, чем на три лье³². Содержатели кабаков и постоянных дворов не имели права принимать у себя школяров — таверна считалась одним из подозрительных мест, которое посещал всякий сброд, искатели приключений, солдаты и... школяры, несмотря на запреты. Криспен де По создал в 1602 году серию гравюр — зеркало школьной жизни. Там можно увидеть, как ученик отправляется в коллеж, как выглядит коллеж изнутри, библиотеку в виде амфитеатра, занятия спортом — игру в мяч и ракетку, а также изящными искусствами — урок танца; но, кроме того, там можно наблюдать теплую компанию то ли в таверне, то ли в борделе в обществе женщин и за бокалом вина. Возможно, приказам лейтенанта сенешальства* и гражданского суда во Флеш уже не подчинялись.

Наконец, в таких городах существовало что-то вроде комендантского часа: в 9 часов вечера все двери должны были быть заперты. То же происходило и в Турноне (1612) — было запрещено выходить из домов после 8 часов³³. Таким образом власти надеялись помешать школярам ночевать вне стен коллежа. В конце XVIII века в Мориаке, когда там учился Мармонтель, в подобных мерах отпала необходимость. Нравы стали более спокойными, близкими по характеру к нравам лицейстов XIX столетия, отделенных от студенчества, пользовавшегося взрослой свободой, строгими дисциплинарными рамками. В Англии же, напротив, старые традиции продолжали царить в *public schools* XVIII века вплоть до либеральной реформы 1830—1850 годов. В 1760 году о бывшем ученике можно было бы сказать примерно в тех же выражениях, что Монтень за два века до этого: «...он учился в *public school*, где в семнадцать лет приобщился к стольким порокам, сколько не знает даже понаслышке иной шестидесятилетний»³⁴.

Как мы уже говорили, школяры чаще всего жили благодаря провизии, которую привозили каждую неделю родители или соседи. Кроме того, они жили и подаваем. В Германии XVI века попрошайничество среди студентов достигает огромного размаха. Например, банда школяров, бродивших от города к городу, где

²⁸ Carré C. Op. cit.

²⁹ Подозрительные или же извращенные нравы — когда о тех бесстыдствах узнаешь, слезы [лишь] силой можно удержать — отбросы школы — свалка пороков и клоака (лат.).

³⁰ Bibliothèque Nationale, Fonds latin n° 10990 et 10991.

³¹ Исключение за бесстыдство... порочное бесстыдство и высокомерие (лат.).

³² Rochemonteix C. de. Op. cit. * Сенешальство — судебно-административный округ до Великой французской революции.

³³ Massip M. Le Collège de Tournon.

³⁴ Samuel Foote, цит. по: Archer R. L. Secondary Education. 1921.

были и вакханты, и желторотые, в том числе Томас Платтер, добывала себе на пропитание в сельской местности воровством, а в городах попрошайничеством, вакханты заставляли желторотых петь на улицах или в тавернах: «Когда я входил в таверну, людям нравилось слушать мой валийский выговор и они охотно подавали мне что-нибудь». В Нейбурге «желторотые, умевшие петь, ходили по улицам; я же просил милостыню... Часто мне приходилось за один вечер по несколько раз относить то, что удалось насобирать... Иногда весной и летом, после ужина, мы отправлялись в пивоварни клянчить пиво». Впрочем, Томас был очень ловким попрошайкой³⁵.

К детскому попрошайничеству относились терпимо, более того, оно не противоречило морали. Школяры, собравшись в группы, эксплуатировали, как могли, подобные настроения, самые молодые специализировались на собственно попрошайничестве, те, что постарше, — на воровстве. По дороге в Дрезден компания Томаса Платтера насчитывала восемь человек: «...мы разделились на несколько групп», одна ходила по огородам и полям в поисках лука и прочих плодов, другая охотилась на гусей; «нас, как самых младших, послали в ближайший город — Неймарк — за хлебом и солью». В тот день им не повезло — с городской стены по ним открыли огонь, едва лишь они развели костер. В Цюрихе, когда Томасу исполнилось девятнадцать лет, он решил по старой традиции сам зарабатывать себе на жизнь уличным пением, однако «люди очень плохо принимали меня — мой голос огрубел, как у вакханта».

Детское попрошайничество было настолько допустимым занятием, по крайней мере в Германии XVI века, что Мозелланий описал его в своей «Педологии». Этот сборник школьных диалогов написан в форме бесед между учениками из Лейпцига. Попрошайничество занимает в их жизни почетное место. «Едва закончится месса, — говорит Лоран, — я тотчас брошусь к дверям для богатых — и буду если не в числе первых, то вторых или третьих, кто получит монеты. — Меня ты не обгонишь. — Посмотрим»³⁶. Сама милостыня, столь необходимая в жизни школяра, носила еще и отпечаток традиционного фольклорного характера. Корни этого обычая лежат в древности. По тому же Мозелланию: «Завтра день святого Мартина. — Ну и что? — Мы, школяры, собираем в этот день большой урожай. Прежде всего нам дают поесть больше, чем в другой день, потом по обычаю бедные ходят от двери к двери и им дают деньги. Я надеюсь собрать сумму, с которой я смогу провести всю зиму, ни в чем себе особо не отказывая». Еще пример: «Кто пойдет со мной в деревню? По обычаю мы будем просить яйца». Один из школяров отказывается — ему стыдно ходить с протянутой рукой, к тому же он считает, что игра не стоит свеч: «Нет ничего постыднее, чем бродить по фер-

³⁵ Thomas Platter [*l'Ancien*].

Op. cit.

³⁶ Massebieau L. Op. cit.

мам, и ради чего — ради десятка яиц! — Но ведь есть-то хочется. — Здесь, в городе, ты по крайней мере получишь свою похлебку».

Другой немецкий сборник диалогов времен Шоттения описывает такие же обычаи в Кельне: «Зачем тебе эта палка? — Завтра мы пойдем по домам. — Просить милостыню? — Во имя святого Блеза. — И что же дают по случаю святого Блеза? — Кусочек свинины или хлеба. — Откуда этот обычай? — Я видел в церкви статую святого Блеза, у него в руках была палка, на которую насажена голова свиньи»³⁷. Историк школьных диалогов Массебьо добавляет, что в его время, в 1878 году, святой Блез был в Германии покровителем детей. В его праздник благословляли соль и хлеб. Уже в наши дни в Соединенных Штатах в ноябре есть день, когда дети ходят от дома к дому и получают подарки и сласти — пережитки прошлых обычаев, которые когда-то отвечали потребностям детей, живших далеко от родителей. Невольно задаешься вопросом, не задержалось ли детское попрошайничество на территории Германии дольше, чем в других странах, в числе терпимых явлений? В 1877 году молодой Вагнер учился во втором классе Крейц-школы в Дрездене, ему было четырнадцать лет. Он захотел повидать свою мать, а так как у него не было ни гроша, он по дороге просил на пропитание у прохожих. Однако он не похож на малолетнего нищего³⁸. В более поздние времена ему бы не позволили далеко уйти, сегодня он отправился бы в путь автостопом.

В Англии в традициях *public schools* можно найти некоторые пережитки прежних обычаев попрошайничества. В Итоне в день приема новеньких и посвящения в школяры ученики группами разбредались по дорогам, останавливали прохожих и заставляли купить у себя по довольно высокой цене щепотку соли — солью посыпали новичков (*fresh men*). Английский историк Итона видит в этом явлении «нечто среднее между разбоем и попрошайничеством»³⁹.

Во французских текстах даже XVI века нет никакого упоминания о попрошайничестве среди школяров. Мы также отмечаем умолчание французских документов и относительно издевательств старших над младшими, долго еще царивших в школах Германии. Погоня за дисциплиной, преследование непослушных в коллежах и педагогиях значительно снизили, если не совсем искоренили, традиционное бродяжничество, оказавшееся более живучим в других странах. Тем не менее парижская школьная публика в XVI веке была довольно разболтанной. Гуманист Бушанан так описывает аудиторию в классе XVI века: «Пока регент надрывает горло, эти лентяи дремлют, думая лишь об удовольствиях. Отсутствующие за определенную плату просят своих товарищей откликнуться вместо них на переключке. (Совсем

³⁷ Masseur L. Op. cit.

³⁸ Pourtalès C. de. Wagner. p. 21.

³⁹ Lytle H. C. M. Eton. 1889.

как в казармах начала нашего века!) Один где-то потерял чулки, а другой разглядывает свой палец через дырку в башмаке»⁴⁰. Педагоги-реформаторы XVI—XVII веков придерживались практики разнообразия в одежде, что имело, несомненно, больший эффект, чем меры, принятые основателями коллежей конца Средневековья, которые требовали от стипендиатов одеваться по моде прошлого века — никакой короткой одежды и облегающих штанов.

Уважение более строгих правил дисциплины в коллежах и даже педагогиях привело к тому, что неряшливые ученики исчезли. Хорошо устроенный школяр и выглядит лучше. Однако школьным властям лишь ценой огромных усилий удастся справиться с некоторыми привычками, укоренившимся наследием свободного прошлого. Так, школяр, уставший учиться или просто желавший избежать наказания, мог легко перейти к другому учителю без разрешения своей семьи или университетского начальства. Долгое время это считалось его законным правом. Затем это стало восприниматься как акт непослушания, а со стороны учителей — как козни конкурента. Власти непрестанно боролись с переходами учащихся от одного преподавателя к другому. Реформа Парижского университета 1598 года, по-видимому, положила конец этому явлению.

Однако лишь много времени спустя удалось окончательно регламентировать посещаемость занятий. Школяры частенько, не спрашивая ни у кого разрешения, пропускали уроки в школе Матюрена Кордые, как это видно из диалога между двумя товарищами, один из которых решил уйти: «Когда вы вернетесь в школу? — Не знаю. — Почему вы не скажете об этом отцу? — Вы думаете, что это меня заботит?». В тетрадях с оценками XVII столетия полно пометок об уходе учащихся из школы раньше времени и без разрешения. В Кане, в 1677 году, 51 ученик гуманитарного класса ушел из коллежа, не дожидаясь конца учебного года; одни из них, чтобы избежать наказания: *ejectus medio anno quod debitas paenas non subire voluerit*⁴¹; других отозвали домой родители, будучи не в состоянии их более содержать; а иные просто так, по капризу: *abiit, seu effugit ne paenas absentiae daret*⁴², поскольку за отсутствие без разрешения все же наказывали. *Saepe obfuit, pigerrimus et malus. Sine causa 15 ante finem diebus agens a domi — 15 ante finem diebus obfuit sine causa cum esset in urbe. Obiit proprio motu*⁴³ (в пятнадцать лет).

В XVIII веке школяр уже более или менее приструнен, несмотря на старую привычку к независимости, которая существовала столько же, сколько традиции экстерната или гостеприимства горожан. Лишь в XIX веке, с повсеместным признанием интерната и с более долгим пребыванием ребенка в семье, все это исчезло.

⁴⁰ *Buchanan. Opera*, t. II, p. 31.

⁴¹ Исключены в середине года те, кто не захотел подвергнуться наказанию (лат.).

⁴² Ушел, но не избежал наказания (лат.).

⁴³ Часто мешал, очень ленивый и дурной. Без причины 15 дней [до] конца остается дома — без причины 15 дней сопротивляется и остается в городе. Оказался соответственно исключен (лат.).

*
* *

Современного человека поразят грубые нравы того времени: они кажутся нам слишком несовместимыми с нашим представлением о детстве и раннем возрасте. Конечно, мы терпим подобные проявления у взрослых «из народа», да и то как проявление умственной незрелости. В XVI и XVII веках современники относили школяров к тому же миру, что и солдат, слуг и в самом общем понимании — к оборванцам. Достойные люди, занимавшие надежное место под солнцем, относились с одинаковым подозрением к тем и другим. Один каноник из Дижона, говоря о золотой молодежи города, в том числе и о сыне первого президента, по отъезде молодых людей в «университет права в Тулузе», весьма прямодушен: «Наконец-то я отделался от этого отребья»⁴⁴ — как от банды хулиганов. Персонаж комедии Лариве относит некоторых школяров к крамольникам, существующим вне общества и вне законов: «Это не школяры, это вольные люди, влачащие свое жалкое существование вне всякого закона». «Вольные люди» означало нечто вроде бандитов с большой дороги. Само слово бандит (*truand*), относящееся в современном арго к взрослым, происходит от латинского *trutanus* — бродяга: в основном его применяли к бродячим школярам, этой гнойной язве прежнего общества. В английском языке слово сохранило прежний смысл — *truant* прежде всего переводится как прогульщик. Так обнаруживается связь, о которой можно было только догадываться, между школярским и народным жаргоном. А вот и другой случайно обнаруженный пример, а сколько их еще выявится при тщательном исследовании! В школьных правилах говорится, что учащиеся должны носить *pileus* — круглые головные уборы клириков, а не светскую шляпу, *galeus*, в котором мы узнаем *galuge* или *galugin*, слова, сегодня вышедшие из обихода, но очень распространенные в свое время в школьном арго.

Потребовалось немало усилий преподавателей, чтобы отделать школяра от взрослого оборванца — и те и другие были наследниками эпохи, когда изящество одежды и речи не было прираще даже священнику, только взрослому придворному щеголю. Новая нравственная норма должна была выделить ребенка, по крайней мере школьника, — норма хорошо воспитанного ребенка. Ее не существовало в XVI веке. Она сформировалась в XVII веке. Ее источником стали воззрения элиты мыслителей и моралистов, занимавших высокие посты в церкви и государстве. Хорошо воспитанный ребенок будет огражден от жестокости и распушенности, ставших специфическим признаком низших слоев общества и хулиганов. Во Франции ребенок с хорошим воспитанием станет маленьким буржуа. В Англии это будет джентльмен — социальный тип, до XIX века отсутствовавший, создан-

⁴⁴ *Mulleau Ch. Op. cit.*

ный английской аристократией благодаря public schools в качестве ответа на наступление демократии. Нравственные принципы правящих классов XIX столетия были сначала навязаны непослушным детям предтечами современных взглядов, рассматривавшими эти нормы в качестве общих понятий, отсутствовавших прежде в реальной практике. Сначала они стали принципами детского поведения — хорошо воспитанных детей, потом, в XIX веке, они распространились на элиту общества и мало-помалу на все современное общество независимо от социального слоя. Старая средневековая беспокойность ушла сначала из детской среды, а теперь и из среды народной: сегодня она остается уделом «шпаны», последних наследников бродяг, бандитов и средневековых школяров XVI — начала XVII веков.

В первой части этой книги мы рассмотрели рождение и развитие двух восприятий детства: первое, очень распространенное и популярное, — «сюсюканье» — охватывало первые годы жизни и соответствовало представлению о детстве как об очень коротком периоде; второе — осознание слабости и невинности ребенка и отсюда осознание долга взрослых защитить дитя и оградить от дурного влияния — распространено среди малого числа законников, священнослужителей и моралистов. Без них ребенок так бы и остался «карапузом» и «куколкой», комическим маленьким существом, забавной игрушкой, любимой, но с которой можно позволить себе любые вольности и не заботиться о ее нравственном воспитании. Между пятью и семью годами жизни ребенок полностью растворялся среди взрослых. Какого-либо переходного этапа не существует: такое представление о детстве как об очень коротком отрезке времени долго еще доминирует в народе. Моралисты и воспитатели XVII века, наследники традиции, восходящей к Жерсону и реформаторам Парижского университета XV века, к основателям коллежей позднего Средневековья, смогли внушить обществу свое серьезное понимание детства как долгого и важного периода в жизни человека благодаря успешному развитию учебных заведений и воспитательной практики, созданных и упорядоченных ими. Одни и те же люди — фанатики образования стоят у истоков и современного отношения к детям, и современной образовательной системы.

Детство выходит за рамки первых пяти лет, в течение которых маленький человек ходит с помочами и лопочет на своем детском языке, с появлением нового, ранее не существовавшего, а теперь все более обыденного этапа в промежутке между платьем с воротником и признанной окружающими взрослостью: этап обучения в школе, в коллеже. Возрастные категории в нашем обществе возникают вокруг определенных учреждений; так, под-

ростковый возраст, ничем не примечательный при Старом порядке, выделяется в особую группу в XIX и уже в конце XVIII века из-за призыва, за которым следует военная служба. Словом «школьник» (школяр) — до XIX века синоним слова «студент» — могли назвать любого учащегося, не выделяя никого; поскольку не существовало понятия «ученик коллежа», в XVI—XVIII веках образ «школяра» играл ту же роль для долгого детства, что в XIX—XX веках образ новобранца для выделения подросткового периода и юности.

Однако демографическая функция школы не проявляется сразу как необходимость. Напротив, долгое время школа совершенно безразлична к разделению учеников по возрастам, так как не имеет основной целью воспитание детей. Ничего в Средних веках не предрасполагало латинскую школу к выполнению роли нравственного и социального воспитания. Средневековая школа не являлась детским учреждением, она была чем-то вроде специальной школы для клириков, «молодых и старых», как говорится в «Доктринале» Мишо. Таким образом, она равно принимала у подножия магистерских кафедр всех — детей, молодых людей, взрослых, людей с ранним и поздним развитием.

По крайней мере до XVIII века это мышление если не преобладает, то имеет большое влияние на жизнь общества и школы. Мы видели, насколько поздно возникает упорядоченное разделение на отдельные классы, насколько разные ученики посещали одновременно один и тот же класс — от десяти-тринадцатилетних ребят до юношей пятнадцати-двадцати лет. В языке того времени понятие школьного возраста относилось не обязательно к детям, оно могло обозначать предел, после которого успех в учебе мало вероятен. Именно так нужно понимать советы Терезы Панса своему мужу Санчо, уходящим с Дон-Кихотом: «Не забудь про меня и про детей. Помни, что Санчику уже пятнадцать и ему в школу пора, настоятель, который ему дядюшкой приходится, обещался направить его по духовной части»¹. В школу начинают ходить, когда предоставляется возможность, иногда слишком рано или достаточно поздно. Такое отношение к образованию сохранится до конца XVII века, несмотря на противоположные веяния. Мало того, следы его достаточно ярко проявляются и в XVIII веке, и после Революции самые старые педагоги вспоминают о нем, чтобы заклеить как порочную практику Старого порядка, при котором в коллежах долго оставляли старых школяров. По-настоящему все изменилось лишь в XIX веке.

Это безразличие школы по отношению к детскому воспитанию было свойственно не только закоренелым консерваторам. Примечательно, что гуманисты эпохи Возрождения разделяли его со своими врагами — традиционными схоластами. Как и средневековые учителя, они путали образование и культуру, растягивая

¹ Пер. Н. Любимова.

воспитание на всю человеческую жизнь, не выделяя детей и молодежь в привилегированный класс и не различая возрастов. Не потому ли получилось, что они оказали очень слабое влияние на структуру школы, а их роль была сильно преувеличена историками культуры. Настоящие новаторы, которые стали реформаторами школьной системы в XV веке, — это кардинал Д'Эстувиль, Жерсон, организаторы коллежей и педагогий, и наконец, в еще большей мере, иезуиты, ораторианцы и янсенисты в XVII веке. Именно у них появляется чувство особенности детства, первые знания детской психологии, и именно они озабочены тем, как найти методику, учитывающую особенности этой психологии.

Коллеж Старого порядка долго сохраняет черты своей прародительницы — кафедральной латинской школы. Он очень поздно начинает походить на сугубо детское учебное заведение.

*
* *

Далеко не все проходили через коллеж и даже через малые школы. У тех, кто не учился вовсе или проучился слишком мало (один-два года), старинная привычка раннего начала самостоятельной жизни взяла верх, как в Средние века. Это была область очень короткого детства. Там, где коллеж не продлевал его, все оставалось по-старому.

Еще в XVII веке отправляли учиться в то или иное заведение не обязательно по рождению. Так, многие молодые аристократы презрительно относились к коллежу, не особенно жаловали академию и недолго думая присоединялись к действующей армии. В своем знаменитом рассказе о смерти Тюренна* в 1675 году мадам де Севинье отмечает присутствие рядом с маршалом его четырнадцатилетнего племянника. В конце правления Людовика XIV полковник королевской армии упоминает лейтенантов четырнадцати лет. Шевер поступил на службу в одиннадцать².

Такое раннее начало самостоятельной жизни часто наблюдается у военных. У мадам де Севинье, которую интересует решительно все, что связано с военной службой, как заметил Леонар, есть следующий анекдот: «Депрео вместе с Гурвилем пошли повидать его высочество, тот их посылал с инспекцией в полки. — Ну как, что вы скажете о состоянии нашей армии? — спрашивает принц. — Монсеньор, — отвечает Депрео, — я думаю, что она будет славной, когда достигнет совершеннолетия. Дело в том что самому старшему не исполнилось и восемнадцати»³.

В XVII веке эта ситуация была общей для офицеров и солдат. Для последних она продолжалась довольно долго, в то время как для офицеров она становится неактуальной в XVIII веке: прежде чем получить офицерский чин, отныне нужно пройти полный школьный цикл обучения, а иногда еще и закончить специальное военное заведение.

* Тюренн Анри де Латур д'Овернь, виконт де (1611—1675) — маршал, выдающийся полководец, участник Тридцатилетней войны и Фронды.

² Leonard E. C. Les Problèmes de l'armée. 1958, p. 164.

³ Cognet L. La Réforme de Port-Royal. 1950, p. 13, 100.

Если в XVII веке ни один социальный класс не обладал монополией на право получения образования, то такой монополией обладал пол. Женщины исключались из системы. Поэтому традиция раннего вступления во взрослую жизнь после короткого детства у женщин не прерывается со Средних веков до XVII века. «С тех пор как милостью Божией, через которую мы наследуем жизнь вечную, мне исполнилось двенадцать лет, я пять раз обрела мужа под сводами церкви». Так говорит женщина у Чосера в XIV веке. Но и в конце XVI века Катрин Марион выходит замуж за Антуана Арно в тринадцать лет. Она настолько была хозяйкой в доме, что могла «дать пощечину своей первой горничной, девушке двадцати лет, умной, за то, что она не смогла устоять перед ласками некой особы»⁴. Катрин Леметр, написавшая эти строки, вышла замуж в четырнадцать лет. Когда ее сестре Анне было двенадцать, уже шли разговоры о ее замужестве и лишь религиозное призвание девочки помешало свадебному проекту. Претендент никуда не спешил и очень хотел породниться с их семьей. «Он не только не женился на другой, — говорит Катрин Леметр, — когда Анна дала обет, но даже и не думал об этом, пока не увидел монашенкой и ее младшую сестру, которой было шесть лет, когда он просил руки Анны». Таким образом, четыре или шесть лет хождения в женихах. Впрочем, начиная с десяти девочки становились уже маленькими женщинами, как и наша Анна Арно, — их очень рано приучали себя вести по-взрослому: «С десяти лет отроду у этой малышки наблюдался уже столь развитой ум, что она справлялась с хозяйством мадам Арно, которая специально отдала ей все управление домом, чтобы воспитать из нее будущую мать семейства, как и положено».

Кроме домашнего воспитания, девочки не получали никакого другого образования. В семьях, где мальчики посещали коллеж, девочки ничего не изучали. Фенелон жалуется на женское невежество как на очень распространенное явление. Очень много внимания уделяется мальчикам, признает он, «самые знающие люди стараются в этой области. Сколько появилось учителей в коллежах! Сколько расходов на издание книг, на научные изыскания, на способы изучения иностранных языков, на подготовку учителей... Образование для мальчиков очень высоко ценят». Но как с девочками! «Общество полагает себя вправе отдать девочек на попечение невежественных матерей»⁵. Таким образом, женщины едва умели читать и писать. «Научите девочку правильно читать и писать. Постыдное, но повсеместное зрелище — женщины, обладающие разумом и хорошими манерами (то есть из высшего общества), не имеют хорошего произношения при чтении: они или запинаятся или растягивают слова... Еще ужаснее их орфография или манера связывать буквы при написании». Их можно называть почти неграмотными. Постепенно сложилась традиция от-

⁴ Cognet L. Op. cit.

⁵ Fénelon. De l'éducation des filles. 1687.

давать девочек в монастыри, где не давали общего образования: они лишь упражнялись в благочестии и получали исключительно религиозное образование.

В конце века Сен-Сир мадам де Ментенон даст модель современного образования для девочек, начинавшегося между семью и двенадцатью годами и заканчивавшегося к двадцати⁶. Жалобы на малые смешанные школы урсулинок обозначили общую тенденцию в пользу женского образования, но она полностью проявится лишь два века спустя.

*
* *
*

Начиная с XV века и особенно в XVI и XVII веках, несмотря на все еще сильную средневековую концепцию образования, безразличного к возрастам, коллеж все больше становится учреждением, где воспитывают и обучают молодых людей, опираясь на элементы психологии, которую открывали для себя в то время. Мы узнаем эти элементы и у Кордье, и в Ratio иезуитов, и в обильной педагогической литературе Пор-Рояля. Именно тогда открывают и необходимость дисциплины: органической и постоянной, очень отличающейся от грубой власти, не опирающейся на авторитет. Законники хорошо понимали, что беспокойное общество, которым они управляли, требует жесткой руки, однако дисциплина происходит от другого духа и другой традиции. Школьная дисциплина — продукт церковной или религиозной дисциплины; она является не столько способом принуждения, сколько инструментом морального и духовного совершенствования, она притягательна своей эффективностью, поскольку становится обязательным условием совместной деятельности, но и своими внутренними ценностями аскезы и благочестия. Воспитатели примут ее как систему неусыпного круглосуточного, хотя бы теоретически, контроля за детьми.

Основное различие между средневековой школой и коллежем Нового времени заключается в введении дисциплины в школьную жизнь. Она постепенно распространится и на частные пансионы, где живут учащиеся и иногда на весь город, правда часто безуспешно. Учителя стараются ужесточить контроль за своими учениками, и начиная с конца XVII века семья только приветствует подобный подход, считая дисциплину лучшим условием для получения серьезного образования. Это приводит к резкому увеличению числа интернов, а идеальным учебным заведением в XIX веке становится интернат, лицей, малая семинария, религиозный коллеж, средняя школа. Несмотря на некоторые архаические черты, дисциплина придаст коллежу современный вид, который имеют наши сегодняшние средние учебные заведения. Эту дисциплину надо понимать не только как ужесточение внутренних правил, она привила семьям уважение к полному циклу обу-

⁶ *Lavallée Th.* Histoire de la maison royale de Saint-Cyr. 1862.

чения. Школа станет уделом детей и молодежи, сфера ее влияния не будет распространяться на людей, достигших зрелого возраста, как в Средние века и эпоху Возрождения, но продолжительность учебы станет большей (меньшей, однако, чем в Средние века). Люди больше не будут ограничиваться двумя-тремя годами учебы, как это еще часто случается в начале XVII века в одинаковой мере среди бедных дворян и простолюдинов, ремесленников, счастливых уже тем, что дали хоть видимость латинского образования своим детям. В конце XVIII века весь цикл обучения уже становится очень похож на цикл обучения XIX века: как минимум, четыре-пять лет. Ребенок в качестве ученика будет подчинен все более и более строгой и реальной дисциплине, которая отдалит его от вольностей взрослого человека. И таким образом детство будет продолжаться все школьные годы.

*
* *

С одной стороны, ученики школ, с другой — те, кто, следуя очень давним традициям, сразу входит во взрослую жизнь, как только окрепнут их ноги и речь. Это разделение не совпадает с положением на социальной лестнице. Несомненно, ядро школяров составляют выходцы из семей буржуа, служителей церкви и чиновников. Но мы уже видели как дворян среди неграмотных, так и ремесленников или крестьян за школьной партой. Девочки из благородных семей были не больше образованны, чем девочки из низших сословий, последние даже могли превосходить первых по грамотности — их иногда обучали искусству письма, и это становилось их профессией. Школьная практика в эпоху, когда коллеж объединял все виды образования, которое мы разделяем сегодня на начальное, среднее и высшее, гораздо в меньшей степени, чем сегодня, отражала социальную структуру. Усилия, предпринимаемые школьным апостолом в конце XVII века, вылившиеся в возникновение Братства христианских школ, распространялись не только на бедных. Народные школы были полны детьми буржуа, а младшие классы коллежей заполнены детьми ремесленников и крестьян.

Могло случиться так, что наша образовательная система имела бы единственную основу: при Старом порядке вплоть до XVIII века существовал только один вид школы. География и социальная структура школьного набора расширялись бы, продолжительность циклов, напротив, менялась бы в зависимости от направленности учебы: лишь чиновники и будущие священнослужители продолжали бы свое обучение вплоть до окончания двух или трех философских классов (эквивалент нашего общегуманитарного высшего образования), а другие — люди ручного труда и военные — прекращали бы его на более ранних стадиях. Именно так ситуация складывается к середине XVII века: латинские кол-

лежи и регентства группируются вокруг больших коллежей полной нагрузки, и их плотность заметно снижается к периферии. Возникла целая россыпь регентств, где преподавались лишь самые начала цикла. Удивительный факт, если вспомнить о строгости и разнообразии социальной иерархии при Старом порядке: в основе различий в школьной практике стояло не социальное положение, а будущая профессия. В результате экзистенциальные установки разных классов, как и многие черты повседневной жизни, не слишком различались.

Такое положение не могло длиться бесконечно, и начиная с XVIII века единая школа заменяется двойной системой образования, где каждая ветвь соответствует не возрастной группе, а социальной: лицей или коллеж для буржуа (среднее образование), школа для простолюдинов (начальное). Среднее образование подразумевает долгий цикл. Начальное же значительное время остается коротким циклом, и только после преобразований, последовавших за последними большими войнами, в Англии и во Франции начальный цикл становится более продолжительным. Возможно, одна из причин такой социальной специализации кроется в технической необходимости длинного цикла обучения, как раз в тот момент, когда он уже стал привычным. Теперь полное образование рассчитано только на тех, кто с самого начала собирается его закончить, принимая все правила игры, так как правила школьного или религиозного сообщества требуют той же полной самоотдачи, что и игра. И как только правила длинного цикла устанавливаются в стенах учебных заведений, там не остается места для тех, кто по социальному или материальному положению, из-за профессии родителей не может продолжать учиться до самого конца.

Но есть и другая причина этой эволюции: действия сторонников разума, знаний и дисциплины, которых мы видели у истоков изменения общественной морали между Средними веками и Новым временем. Именно они осознали особенность детского периода жизни и нравственное и социальное значение образования, методичного воспитания детей в специальных учреждениях, предназначенных для достижения этой цели. Очень рано многие из них вдохновлялись собственными успехами, имевшими решающее социальное значение, о котором они не всегда догадывались. Ришелье, который предвидел создание образцовой академии в придуманном им утопическом городе, затем Кольбер высказывали свои опасения по поводу умножения числа образованных, возможной нехватки рабочих рук: старая тема, которую наиболее консервативная прослойка буржуазии передавала от поколения к поколению вплоть до сегодняшнего дня. В XVII веке это был глас вопиющего в пустыне, несмотря на власть, которой обладали эти люди: они не смогли остановить успешное продвижение коллежей

* Кондорсе Жан Антуан (1743—1794) — французский философ, депутат Законодательного собрания и Конвента в годы Великой французской революции, примыкал к жирондистам, автор знаменитого «Наброска исторической картины прогресса человеческого разума» (1793); казнен якобинцами. По плану Кондорсе (доклад перед Законодательным собранием 20 апреля 1792 г.) народное образование должно содействовать совершенствованию людей путем развития всех физических, интеллектуальных и моральных способностей каждого поколения на благо личности и отечества. Он предлагал 5-ступенчатую образовательную систему — первичные (начальные) школы, вторичные (высшие начальные) школы, институты (средние школы), лицей (высшие школы) и Национальное общество наук и искусств во главе всего.

Школьное образование должно было дополняться внешкольной просветительской работой при помощи лекций, библиотек, научных коллекций, лабораторий и т. п.

† «Памела» — роман в письмах английского писателя, основоположника сентиментализма, Сэмюэла Ричардсона (1689—1761).

вплоть до самых отдаленных захолустий. Однако в XVIII веке их предубеждение передалось определенной категории «просвещенных» людей, которых можно назвать их последователями во многих областях. Эти люди Просвещения, вышедшие из сообществ мыслителей, оказывали на общественное мнение благодаря своему числу и связям столь сильное влияние, какое не могла оказать ни одна группа законников, клириков или интеллектуалов в прошлом. Некоторые из них, такие как Кондорсе*, остались верными концепции универсального образования, доступного всем. Однако большинство склонилось к прямо противоположному, особенно с изгнанием иезуитов: ограничиться одним социальным классом, что касается полного классического образования, оставляя доступным народу лишь второстепенное образование, исключительно утилитарное.

Мы также знаем, что современное ощущение детства получило наиболее яркое выражение именно в этой среде просвещенной буржуазии, восхищавшейся Грезом, читавшей «Эмиля» или «Памелу»†. В народной же среде, в меньшей степени затронутой школой, напротив, старые образы жизни сохранились до наших дней. Мы вправе задаться вопросом, не было ли в этом отношении даже некоторого регресса в первой половине XIX века, когда началось широкое применение детского труда в текстильной промышленности? Детский труд способствовал сохранению этой средневековой черты общества — слишком ранний переход к взрослой жизни. Вся организация жизни была изменена различиями в школьной биографии детей, в зависимости от их буржуазного или простонародного происхождения.

Таким образом, существует замечательная синхронность в возникновении современных понятий возрастной категории и социального класса: и то и другое появилось в одно время, в конце XVIII века, в одной среде — буржуазной.

Глава I Образ семьи

¹ Duval P. M. La Vie quotidienne en Gaule. 1952.
² Picard C. Ch. Les Religions de l'Afrique antique. 1954.

Вопрос о существовании светской иконографии в средние века до XIV века достаточно спорен, настолько мирское мало отличается от духовного. Однако среди сюжетов, привнесенных в это видение мира светской традицией, есть один, частота и популярность которого показательны: это тема ремесел и профессиональной деятельности. Раскопки показали, насколько галлы римского периода любили изображать на барельефах сцены из своей трудовой жизни¹. Эта привязанность к изображению сцен ремесленной жизни почти нигде более не встречается. Археологи были потрясены редкостью, если не полным отсутствием ее в погребальной иконографии африканских провинций Рима². Следовательно, сюжет восходит к очень давним временам. Он сохраняется и даже получает некоторое развитие в Средние века, и можно сказать, с поправкой на анахронизм формулировки, но при этом не искажая реальность, что светская иконография Средних веков прежде всего создавалась вокруг темы ремесел. Важно отметить, что долгое время именно ремесло предстает в повседневной жизни в качестве привилегированного занятия, именно оно включено изобразительной традицией в культ мертвых галло-римского периода, в ученое и повседневное восприятие мира в Средние века, а календарные сюжеты в соборах пестрят изображениями ремесленников. Несомненно, историки находят это естественным. Но представьте, сколь многие сегодня хотели бы забыть о своей профессии и создать у других совсем иное впечатление о себе. Напрасны были попытки поэтизировать функциональные аспекты повседневного существования; все они заканчивались сухим академизмом, далеким от народной традиции. Сегодняшний человек не станет предлагать изображение своей профессии, пусть любимой, в качестве сюжета для картины, если бы даже нашелся художник, принявший подобное предложение. Значение, придаваемое профессии в иконографии Средних веков, говорит об эмоциональной

привязанности к ней, существовавшей в то время. Все происходит так, будто частная жизнь — это прежде всего профессиональная деятельность.

Одно из самых распространенных изображений труда связывает его с темой времен года, не менее важной, в чем мы уже имели случай убедиться в главе, посвященной возрастам³. Нам известно, что западное Средневековье любило символически объединять понятия, далекие друг от друга внешне, но тайно связанные между собой. Так, временам года соответствовали ремесла, периоды человеческой жизни или стихии. Такими предстают перед нами календари из стекла и камня, кафедральные календари и миниатюры в часословах.

Традиционная иконография двенадцати месяцев года сложилась в XII веке и с тех пор почти не претерпела изменений: где бы ни находились памятники — в Сен-Дени, Париже, Санлисе, Реймсе, Амьене, это повседневные работы и дни, им соответствующие. С одной стороны, труд земледельца: заготовка овса, возделывание хлебных полей, винограда, виноделие, выпас свиней. С другой — зимний и весенний перерыв в работе. Работают крестьяне, однако, когда работы останавливаются, на изображениях можно увидеть и дворян, и крестьян. Январь (праздник королей) принадлежит дворянам, сидящим за полным яств столом. Февраль принадлежит простолюдину — он возвращается из леса, где собирал хворост, и спешит присесть к огню. Май представлен то крестьянином, отдыхающим среди цветов, то молодым дворянином с охотничьим соколом в руках. В любом случае май — это молодежь и майские праздники. В таких сценах мужчина всегда один; иногда за спиной сидящего за столом хозяина стоит молодой слуга (Сен-Дени), но это скорее исключение из правил; о женщине нет и упоминания.

Эта иконографическая традиция развивалась от часослова к часослову вплоть до XVI века, следуя весьма примечательным направлениям.

Сначала появляется женщина: как дама, предмет куртуазной любви, или хозяйка дома. В часослове герцога Беррийского в феврале крестьянин греется уже не один, как это изображается на фресках в Санлисе, Париже или Амьене. Три женщины сидят у огня, сам хозяин, замерзший и покрытый снегом, лишь собирается войти. В других случаях мы видим внутреннюю часть дома зимним вечером, когда никто не выходит на улицу: мужчина — он только что снял обувь — у заженного очага греет руки, женщина сидит чуть в стороне за прялкой (Карл Ангулемский). В апреле появляется тема любовных ухаживаний: дама со своим другом сердца встречаются в окруженном забором саду (Карл Ангулемский). Дамы сопровождают рыцарей на охоту. Но даже женщина дворянского происхождения не остается только празд-

³ См. часть I, гл. 1.

ным и несколько вымышленным персонажем из апрельского сада или всадницей майских праздников: она также руководит работами в том же саду (Турин). Крестьянка встречается чаще. Она работает в полях вместе с мужчинами (Берри, Ангулем). Она носит питьевую воду жнецам, отдыхающим жарким летним днем (Хеннеси, Гримани). Муж отвозит ее домой на тележке — она сидит рядом с оплетенной бутылкой, которую приносила ему. Дамы и рыцари уже встречаются не только на изображениях благородных апрельских или майских игр. Подобно даме из туринского часослова*, они присутствуют среди крестьян во время сбора урожая (сбор вишни — часослов из Турина). Чем дальше мы продвигаемся во времени, особенно в XVI веке, тем чаще семья сеньора изображается среди крестьян, за работой которых он следит и чьи игры разделяет. На многочисленных шпалерах XVI столетия можно видеть сельские сцены, где хозяин со своими детьми собирает виноград или следит за ходом жатвы. Мужчина уже не один. Здесь речь идет уже не только об идеализированной паре куртуазной традиции. Женщина и все члены семьи принимают участие в работе и все время находятся рядом с хозяином — дома и в полях. Сами изображения еще нельзя назвать чисто семейными сценами: на изображениях XV века нет детей. Однако появляется потребность какими-то скромными средствами выразить тесный союз супружеской четы, мужчин и женщин одного дома в повседневной работе, подчеркивая их близость. Потребность, неведомая раньше.

Одновременно в календарях появляется и улица. Эта тема часто возникает в средневековой иконографии: особенно выразительны изображения парижских мостов в житии св. Дени, рукописи XIII века. Как в сегодняшних арабских городах, улица в те времена была местом, где располагались ремесла, — она была ареной профессиональной деятельности, а также разговоров, встреч, игр и зрелищ. Все, что происходило за пределами частной жизни, долгое время незнакомой художникам, происходило на улице. Тем не менее на календарных картинках, опиравшихся на темы деревенской жизни, тема улицы появляется далеко не сразу. В XV веке улица занимает свое место в календарях. Декабрь и ноябрь иллюстрируются в туринском часослове сценой традиционного принесения в жертву поросенка. Однако здесь дело происходит на улице — соседи наблюдают за происходящим с порогов своих домов. В других случаях (часослов Аделанды Савойской) перед нами рынок: маленькие ворюшки срезают кошельки занятых покупками рассеяных хозяек; узнается тема малолетних грабителей и карманников — ее можно встретить на картинах городской жизни на протяжении всего XVII века⁴. Другая сцена из того же календаря посвящена возвращению с рынка: кумушка остановилась поговорить с соседкой, сидящей у своего окна. Муж-

* Создан в 1410—1430 гг., некоторые миниатюры приписываются братьям Ван Эйкам.

⁴ Livre d'Heures d'Adélaïde de Savoie, duchesse de Bourgogne, Chantilly.

чины отдыхают на скамейке, с интересом наблюдая за игрой мальчишек, последние борются и играют в мяч. Средневековая улица подобно улице сегодняшнего арабского города не противопоставляется закрытому пространству частной жизни — она является ее продолжением вне дома в рамках профессиональной деятельности и социальных отношений. На относительно более поздних картинах художники в попытках изобразить частную жизнь начнут с ее проявлений на улице, а затем уже проникнут в дом. Вполне возможно, впрочем, что она в большей степени происходила на улице, чем дома.

С улицей в календари приходит тема игр: рыцарские игры, такие как турниры (Турин, Хеннеси), игры общие для всех, фольклорные праздники, подобные шествию с майским деревом. Календарный часослов Аделаиды Савойской состоит в основном из описаний самых разнообразных игр — игр в обществе, соревнований в силе и ловкости, традиционных игр: праздника королей, майских танцев, борьбы, снежков, клюшек, в мяч, водяных побоищ и т. д. В других рукописях можно найти стрельбу из арбалета (Хеннеси), катание на барке под музыку (Хеннеси), купание (Гримани). Однако мы знаем: игры были тогда не только забавой, но и одной из форм выражения принадлежности к одной группе, одной общине — играли дома, между собой играли соседи, возрастные категории, приходы⁵.

Наконец, начиная с XVI века в календарях появляется новый персонаж — ребенок. Конечно, детские изображения можно довольно часто видеть в иконографии XVI столетия, в частности в Чудесах Богоматери. Однако в календарях они отсутствуют, как будто устоявшаяся календарная традиция долгое время сопротивлялась запоздалому приходу детского образа. Во время полевых работ рядом с женщинами нет детей. Иногда ребенок прислуживает за столом во время праздничных январских обедов. Детей можно видеть на рынке в часослове Аделаиды Савойской; там же игра в снежки и освистывание детьми проповедника в церкви, после чего их выставляют за дверь. Во фламандских манускриптах последних лет XVI века художники с упоением отдаются детской теме; по всему заметно, что эта тема становится любимой. Часословы Хеннеси и Гримани довольно близко к оригиналу копируют январскую деревню под снегом из часослова герцога Беррийского — о ней мы говорили выше, — где крестьянин торопится домой к огню, чтобы присоединиться к греющимся у очага женщинам. Но здесь к ним добавляется еще один персонаж — ребенок в позе писающего мальчика, самой распространенной в иконографии того времени, справляющий малую нужду в дверной проем. Тема писающего мальчика встречается повсюду. Приведем в качестве примера хотя бы сцену предсказаний святого Иоанна Крестителя из музея августинцев в Тулузе —

⁵ См. часть I, гл. 4.

раньше она украшала часовню городского парламента — или тичиановских путти⁶.

В часословах Хеннеси и Гримани дети катаются на коньках, играют в турнир, подражая взрослым (между ними можно узнать молодого Карла V). В мюнхенском часослове они перебрасываются снежками. В *Hortulus animae*⁷ дети играют в любовные ухаживания, опять же в турнир, оседлав бочки, и катаются на коньках⁸.

Итак, в последовательном изображении месяцев года появляются новые персонажи: женщина, соседи и товарищи и, наконец, ребенок. Последний связан с не существовавшей ранее потребностью в интимности, в камерной, если еще не семейной, жизни.

В течение XVI века календарная иконография претерпит последнее изменение, интересующее нас: станет семейной. Она станет таковой в результате смешения с символикой другой традиционной аллегории — человеческого возраста. Существовало несколько способов изобразить разные возрастные периоды человеческого существования, однако лишь два из них были общепринятыми; наиболее распространенный, дошедший до нас в основном на гравюрах, — возрастная пирамида, поднимающаяся от рождения до вершины — зрелого возраста и затем спускающаяся к старости и смерти. Великих художников не устраивала такая слишком наивная композиция. Они остановились на изображении трех возрастов — ребенка, юноши (здесь часто изображалась пара) и старика. На картине Тициана: два спящих путти, затем — на переднем плане — одетая крестьянка, играющая на флейте, и обнаженный мужчина, а на заднем — сидящий согбенный старик, у него в руках человеческий череп⁹. Тот же сюжет у Ван Дейка в XVII веке¹⁰. В таких композициях три или четыре возраста согласно иконографической традиции представлены отдельно друг от друга. Никому не пришло в голову объединить их вместе внутри одной семьи, где разные поколения могли бы символизировать эти три или четыре возраста. Художники, являясь выразителями общего мнения, оставались верными скорее индивидуалистической концепции возрастов: один и тот же человек изображался в разные периоды своей жизни.

Однако в течение XVI века появилось другое видение, символизировавшее продолжительность жизни через возрастную иерархию в семье. Нам уже представлялся случай цитировать «Большое собрание всякого рода вещей», средневековый текст, переведенный на французский язык и изданный в 1556 году¹¹. Как мы отмечали, это своего рода зеркало мира. В шестой книге говорится о возрастах. Она проиллюстрирована гравюрой на дереве — там нет ни возрастной пирамиды, ни отдельного изображения трех или четырех возрастов: там просто собрана вместе целая семья.

⁶ Один из путти «Вахханадини» в Прадо (Мадрид).

⁷ Цветник души (лат.).

⁸ *Hortulus animae*. 7 vol., Francfort, 1907.

⁹ London, Bridgewater Gallery.

¹⁰ Les Quatre Ages de la vie.

¹¹ См. часть I, гл. 1.

Отец сидит, у него на коленях маленький сын. Женщина стоит справа от мужа. Еще один сын стоит слева, другой опустился на колени и берет что-то из рук отца. Гравюра является одновременно и семейным портретом, очень популярным в ту эпоху в Голландии, Италии, Франции, Англии и Германии, и семейной жанровой сценой, полюбившейся художникам и граверам XVII века. Эту тему ждет повсеместное признание и невиданный успех. Она получила определенное распространение уже в самом конце средневековья. Особенно ярко она представлена на капители Дворца дождей в Венеции. Вентури датирует ее 1424 годом¹², Тоеска — концом XIV века. Последнее кажется более правдоподобным, судя по стилю одежды, но тем более поражает ранним появлением сюжета¹³. На восьми сторонах капители рассказывается драматическая история, иллюстрирующая хрупкость человеческого существования — довольно распространенная тема XIV—XV веков, однако здесь все происходит внутри одной семьи, что и ново. Начинается повествование с обручения. Затем молодая женщина предстает в церемониальном платье, на котором нашиты небольшие металлические диски или монеты. Монеты занимают важное место в обрядовой стороне крещения и свадьбы. На третьей стороне — церемония венчания в момент, когда один из супругов держит венок над головой другого: так делают еще христиане восточных конфессий. Теперь супруги имеют право поцеловаться. На пятой стороне — они лежат обнаженные на супружеском ложе. Рождается ребенок — отец и мать держат его завернутого в пеленки. Их одежда становится проще, чем на картине помолвки: отныне они люди серьезные и одеваются с некоторой строгостью или по моде прошлых лет. На седьмой стороне — вся семья позирует художнику для портрета. Отец и мать держат ребенка за плечо и за руку. Это уже семейный портрет — такой, какой мы видели в «Большом собрании всякого рода вещей». Однако на восьмой стороне разворачивается драма: в семье горе — ребенок умер; он лежит в кровати со скрещенными на груди руками. Одной рукой мать вытирает слезы, другую она положила на руку ребенка. Отец молится. Соседние капители украшены изображениями обнаженных путти, играющих с фруктами, мячами, птицами: сюжет довольно банален, но он позволяет определить иконографический контекст брачной капители.

История брака начинается как обычная история жизни семьи, но заканчивается совсем иначе — темой преждевременной смерти.

В музее св. Реймона в Тулузе можно увидеть фрагменты календаря, который, судя по костюмам, относится к второй половине XVI века. Июль: семья собрана на портрете, совсем как на гравюре, впрочем той же эпохи, из «Большого собрания», однако есть одна важная деталь — присутствие слуг рядом с родите-

¹² Venturi. Storia del Arte ital. T. VI, p. 32.

¹³ Toesca. Storia del Arte ital., T. II.

А. Браувер.
Деревенский шарлатан.
Петербург, Эрмитаж

лями. Отец и мать стоят в центре. Отец держит за руку сына, а мать — дочь. Слуга находится на мужской половине портрета, служанка — на женской, поскольку полы здесь разделены, в точности как на портретах дарителей — мужчины, отец и сыновья, с одной стороны, женщины — мать и дочери — с другой. Прислуга является частью семьи.

Август посвящен жатве, но художник больше внимания обращает на процедуру расчета с работниками и передачу урожая хозяину — последний держит в руке деньги, которые собирается отдать крестьянам. Эта сцена очень часто встречается в иконографии XVI века, в частности на шпалерах, где сельские дворяне наблюдают за работой своих крестьян или участвуют в их играх.

Октябрь: семейный обед. Взрослые и дети сидят за столом. Самый младший сидит на специальном высоком стуле, позволяющем доставать до стола. Такой стул предназначен для детей его возраста — им пользуются и сегодня. Мальчик с салфеткой меняет блюда. Это может быть и слуга, и какой-нибудь родственник — его очередь прислуживать за обедом, обязанность вовсе не унижительная в то время, совсем наоборот.

Ноябрь: отец старый и больной, он настолько болен, что без помощи врача обойтись не может. Лекарь смотрит на свет его мочу — довольно распространенный образ традиционной иконографии.

Декабрь: вся семья собирается в комнате у постели умирающего отца. Ему дают последнее причастие. Супруга стоит на коленях рядом с кроватью. Позади плачет коленопреклоненная молодая женщина. Молодой человек держит в руке свечу. На заднем плане виден совсем маленький ребенок: несомненно, внук, будущее поколение, с которым род будет продолжен.

Таким образом, этот календарь ассоциирует смену времен года со сменой человеческих возрастов, однако возрасты представлены здесь через историю семьи: ее создатели в молодости, затем в зрелости и заботах о детях, после приходят старость, болезнь и смерть. Последняя является одновременно и хорошей смертью, — смертью праведника, также традиционная тема, — и смертью патриарха в семейном кругу.

История начинается точно так же, как и на брачной капители Дворца дождей. Однако в календаре смерть уносит не любимого малолетнего сына, здесь события разворачиваются более естественным образом. Отец уходит из этого мира, прожив долгую полную жизнь. Он умирает в окружении семьи, безусловно, оставив приличное, хорошо управляемое наследство. В этом вся разница. Речь уже не идет о преждевременной смерти, история иллюстрирует новое чувство — чувство семьи.

Адриан ван Остаде.
Зрение.
Из серии «Пять чувств».
1635.
Петербург, Эрмитаж

*
* *

Появление в иконографии темы семьи не является случайным эпизодом. Следуя общей эволюции, вся иконография XVI—XVII веков приобретает это направление.

Изначально сцены, изображаемые художниками, происходят либо в неопределенном пространстве, либо в общественном месте, например в церкви, либо под открытым небом. В готическом искусстве, отошедшем от римско-византийского символизма, сцены под открытым небом становятся более характерными и многочисленными благодаря открытию перспективы и любви к пейзажам: дама почти всегда встречает своего кавалера в окруженном забором саду; охота идет в лесах и полях; купание собирает женщин вокруг фонтанов сада; военные маневры; рыцари, сражающиеся на турнирах; армия, расположившаяся лагерем вокруг палатки короля, войска, осаждающие город; принцы, проходящие через ворота городской крепости в окружении горожан и черни. Таким образом, мы проникаем в города, проходим по мостам, мимо лавок, где работают ювелиры. По улице идут продавцы пирогов, нагруженные барки спускаются по реке; там же, на улице, люди играют в различные игры. Вот жонглеры в сопровождении толпы зевак, а там паломники. Светская иконография Средневековья — это иконография пленэра. Когда художники XIII—XIV веков хотят проиллюстрировать какую-либо забавную сцену из повседневной жизни, они теряются — их наивность оборачивается неловкостью (никакого сравнения с виртуозностью мастеров анекдота XV—XVI веков).

Домашние сцены еще очень редки. Начиная с XV века они встречаются все чаще и чаще. Евангелист, находившийся когда-то вне времени и пространства, предстает нам в виде писца, за попитром с пером и скребком в руках. Вначале он сидит на фоне простой декоративной занавески, затем перебирается в комнату, где стоят этажерки с книгами: вместо евангелиста мы видим автора, Фруассара*, работающего над книгой или переписывающего уже готовую¹⁴. В Теренции Герцогов женщины в своих комнатах сидят за шитьем и пряжей, разговаривают со служанками, лежат на кроватях, и частенько не в одиночку. Там же сцены на кухне, в залах трактиров. Галантные сцены и беседы теперь проходят в закрытом помещении.

Появляется тема родов: рождение Девы Марии становится одним из поводов для их изображения. Служанки, кумушки, повитухи суетятся в комнате вокруг постели роженицы. И тема смерти тоже — сцена в комнате: умирающий на смертном одре борется за спасение своей души.

Частое изображение комнаты, зала соответствует новой тенденции обращения к домашнему миру, к частной жизни. Конеч-

* Фруассар Жан (ок. 1337—после 1404) — французский хронист и поэт, служил при дворе английского короля и у крупных феодалов Франции, автор знаменитых «Хроник», посвященных событиям Столетней войны (периода 1327—1400 гг.)

¹⁴ Lindner A. Der Breslauer Froissart. 1912.

А. Браувер.
Драка.
Дрезден, Картинная галерея

но, пленэр не исчезает — он положил начало пейзажной живописи, однако интерьерные сцены изображаются чаще и чаще, все с большей оригинальностью и становятся характерными для жанровой живописи на протяжении всей ее последующей истории. Частная жизнь, столь скрытая в Средневековье, заполняет иконографию, в частности западную живопись и гравюру особенно в XVI—XVII веках: картины голландских и фламандских мастеров, французская гравюра являются свидетельством силы, которую набирает это чувство, еще недавно обделенное вниманием. Чувство уже настолько современное, что нам трудно оценить его действительную новизну для того времени.

Многочисленные иллюстрации частной жизни можно поделить на две группы: первая содержит галантные сцены, сцены из жизни бродяг, сцены в тавернах, на бивуаках, на цыганских стоянках — мы не будем их рассматривать, так как нас интересует здесь вторая группа, объект нашего исследования, — сцены семейной жизни. Когда просматриваешь сборники эстампов или ходишь по выставочным залам, где висят картины XVI—XVII веков, невероятное количество семейных образов просто поражает воображение. Это движение достигает кульминационной точки в первой половине XVII столетия во Франции и на протяжении всего века и даже дольше в Голландии. Жанр сохраняется во Франции и во второй половине столетия, но в основном в гравюре, в гуаши и в рисунках на веере, затем в XVIII веке снова появляется в живописи, где останется вплоть до великой эстетической революции XIX века*, изгнавшей из изобразительного искусства жанровые сцены.

Групповые портреты бесчисленны в XVI—XVII веках. Некоторые посвящены братству или корпорации. Но большая часть — изображение семьи. Они появились в XV веке одновременно с портретами дарителей, которых скромно вводили в какую-нибудь религиозную сцену. Обычно они стояли в стороне в знак смирения и набожности. Поначалу дарители достаточно скромны и выступают в одиночестве. Вскоре они стали брать с собой всю свою семью, и мертвых и живых: для умерших детей и жен также находится место. С одной стороны — мужчина и сыновья, с другой — женщина или женщины, каждая со своими дочерьми.

Место отведенное дарителям увеличивается за счет религиозной сцены, которая постепенно превращается в фон. Чаще всего религиозный сюжет ограничивается изображением покровителей супругов — святого со стороны мужчины, святой — со стороны женщины. Следует также отметить значение культа святых — покровителей каждого супруга, ставших здесь покровителями всей семьи: он очень напоминает внутрисемейный культ ангела-храни-

* В начале XIX в. с торжеством романтизма во французской живописи (Делакруа, Жерико, Герен) жанровая живопись отходит на задний план, хотя в рамках так называемой салонной живописи работали и имели успех такие жанристы, как, например, Жюль Бастьен-Лепаж, автор сцен из крестянской жизни.

Ганс Гольбейн Младший.
Портрет семьи художника.
1528–1529.
Базель, Художественный музей

теля, хотя последний носит скорее персональный характер и относится к ребенку.

Этот этап развития портретов дарителя с семьей можно проиллюстрировать многочисленными примерами XVI века: фамильные витражи Монморанси в Монфор-л'Амори в Монморанси, Экуен; не менее многочисленны картины, выставлявшиеся *ex voto* (по обету) на стенах и колоннах немецких церквей. Некоторые из них можно еще найти в соборах Нюрнберга. Другие, часто naive, выполненные не очень умелыми художниками, хранятся в региональных музеях Германии и немецких кантонов Швейцарии. Семейные портреты Гольбейна верны этому стилю¹⁵. Кажется, немцы дольше других сохраняют привязанность к семейному религиозному портрету, предназначенному для украшения внутреннего помещения церкви. Он появляется как дешевый эквивалент изображения дарителя на витраже, связанного с более старой традицией, и предвещает изображающие случаи из жизни красочные *ex voto* XVIII и начала XIX веков с бытовыми подробностями, где перед нами не собранные вместе мертвые и живые члены семьи, а чудесные события, спасшие одного из них от гибели: во время кораблекрушения или другого происшествия, чудесное исцеление... Семейный портрет становится одним из видов *ex voto*.

Скульптурные надгробия Англии в елизаветинскую эпоху также являются примером семейного религиозного портрета. Пример этот довольно специфичен, поскольку не так часто встречается на территории Франции, Германии и Италии. Барельефные и скульптурные группы на множестве английских могил собирают вокруг умершего всю семью. Особенно поражает настойчивость, с которой перечисляются все дети покойного — живые и умершие. Могилы с такими надгробиями можно еще найти в Вестминстерском аббатстве: сэр Ричард Пексол умер в 1571 году; его изображение помещено между двумя его женами; у подножия монумента видны еще четыре персонажа — его дочери. Покойная Маргарет Стюарт, умершая в 1578 году, лежит окруженная своими детьми. На могиле другой покойной, тоже изображенной лежа, — Унифред, маркизы Винчестерской, умершей в 1586 году, — стоит коленопреклоненный супруг, его изображение выполнено в меньшем масштабе — и рядом с ним крошечная моголка ребенка.

Сэр Джон и леди Пакеринг, умершая в 1596 году, лежат бок о бок в окружении своих восьми дочерей. Супруги Норрис (1601) стоят на коленях в окружении шестерых сыновей.

В Голдхэме на могиле Джона Кука (1639) насчитывается двадцать одна фигура; они выстроены в одну линию, как на портретах дарителей, по крестам в руках можно узнать умерших. На могиле Коупа Эйли в Хэмблдоне (1633) четверо мальчиков и три

¹⁵ Bâle, Musée des Beaux-Arts.

Л. Ленен.
Семейство молочницы.
1640-е.
Петербург. Эрмитаж

девочки стоят перед коленопреклоненными родителями; один из мальчиков и одна из девочек держат в руках череп.

В Вестминстере герцогиня Бекингем в 1634 году воздвигла надгробие своему супругу, убитому в 1628 году; оба супруга лежат в окружении своих детей¹⁶.

Немецкие или английские изображения продолжают еще средневековую традицию семейного портрета. С XVI века он больше не носит религиозного характера. Все происходит так, будто дарители захватили все полотно, вытеснив религиозный образ, — он либо вообще исчез, либо от него осталась маленькая иконка с изображением святого или деяний в дальнем углу картины. Традиция *ex voto* еще чувствуется в картине, написанной Тицианом около 1560 года: члены семьи Корнаро мужского пола — старик, мужчина зрелого возраста с седой бородой, молодой человек с черной бородой (борода, ее форма и цвет говорят о возрасте) и шестеро детей, самый младший играет с собачкой, — собраны вокруг алтаря¹⁷. Случается, что семейный портрет приобретает форму церковной картины: в музее Виктории и Альберта сохранился триптих 1628 года — на центральной доске изображены маленькие мальчик и девочка, а на крайних — их родители¹⁸. Эти картины вовсе не предназначались для церкви, отныне они украшают стены частных домов, и секуляризация семейного портрета — явление очень важное: теперь семья сама смотрит на себя. Появляется потребность зафиксировать состояние семьи в данный момент, иногда упоминая и умерших: образ или надпись на стене, служащей фоном.

Таких семейных портретов очень много, и не имеет смысла перечислять их все — список будет долгим и однообразным. Во Фландрии и Италии они появляются во множестве в эпоху Тициана, Порденоне* и Веронезе, во Франции с Лененом, Лебреном и Турньером, в Англии и Голландии с Ван Дейком, то есть в XVI, XVII и даже в начале XVIII века. В те времена они столь же бесчисленны, что и одиночные портреты. Уже немало сказано о том, что портрет отражает развитие индивидуализма. Может быть. Однако, хочется особо отметить, что развитие портрета выражает прежде всего значительный прогресс чувства семьи.

Сначала члены семьи расположены достаточно механически, как на картинах дарителей, или на гравюрах возрастов из «Большого собрания», или миниатюрах из музея св. Реймона. Даже если среди них и наблюдается какое-то оживление, держатся они очень торжественно, подчеркивая существование тесной связи друг с другом. На полотне Поурбуса муж положил левую руку на плечо жены; у их ног точно в такой же позе стоят их старший сын и младшая дочь¹⁹. Себастьян Леерс заказал Ван Дейку картину, на которой тот изобразил его с женой — они держатся за руки²⁰. На одном из полотен Тициана трое бородатых мужчин окружают

¹⁶ Ср.: Bond. Westminster Abbey. 1909.

¹⁷ Titien, K. d. K., p. 168.

¹⁸ Victoria and Albert Museum, n° 5, 1951.

* Порденоне Джованни Антонио (1484–1539) — итальянский живописец венецианской школы, автор картин на религиозные и мифологические сюжеты.

¹⁹ Pourbus, Le Portrait dans l'art flamand. Exposition Paris, 1952, n° 71.

²⁰ K. d. K., n° 279.

Флорис Ф.
Семья ван Берхем. 1561

²¹ Titien, in K. d. K., 236.

²² Van Dyck, La famille Pembroke, in K. d. K., 393.

* Флорис Франс (Де Вриндт) (между 1516 и 1520—1570) — нидерландский живописец, рисовальщик и гравёр, работал в Антверпене, автор картин на религиозные и мифологические сюжеты, портретов.

²³ Le Portrait..., Paris, 1952, op. cit., n° 19, n° 93.

²⁴ P. Aertsen, ser. XVI в., см: Gerson, I, 98.

Мартин де Вос.
Антуан Ансельм с семьей.
1577. Брюссель.

ребенка — единственное светлое пятно среди темных костюмов, один из мужчин показывает на ребенка пальцем: ребенок в центре композиции²¹. И тем не менее на большинстве таких портретов персонажи достаточно статичны: члены семьи помещены один над другим, иногда их связывают жесты, выражающие чувства по отношению друг к другу, но они не участвуют в совместной деятельности. В таком стиле Ван Дейк написал портрет

семьи Пемброк, что находится в галерее Боргезе, — отец, мать, семеро детей, — и еще один портрет той же семьи Пемброк, написанный Ван Дейком: граф и графиня сидят, другие персонажи изображены стоя; справа супружеская пара — несомненно, семья старшего сына, слева — два эlegantных подростка (эlegantность — признак подростка мужского пола, она стирается с приходом зрелости), школьник с книгой под мышкой и двое мальчиков меньшего возраста²².

Однако с середины XVI века семью все чаще начинают изображать за общим столом, полным фруктов: так, например, семья Ван Берхен Флориса* или семья Ансельм Мартина де Воса²³. Или же члены семьи прерывают обед, чтобы помузицировать: мы знаем, художник ничего не выдумал — еда часто заканчивалась концертом либо прерывалась песней. Образ семьи, позирующей художнику, останется во французской живописи, с большим или меньшим маньеризмом, по крайней мере вплоть до начала XVIII века, с Турньером и Ларжильером. Однако под влиянием голландских мастеров семью часто изображают в стиле жанровой сцены: послеобеденный концерт — одна из излюбленных тем голландцев. Отныне семья запечатлевается очень живо в какой-то момент повседневной жизни: мужчины сидят у огня, женщина вытаскивает из пламени горящий уголек; девочка кормит младшего брата²⁴. Теперь почти невозможно отличить семейный портрет от жанровой сцены на тему семейной жизни.

*
* *

В первой половине XVII века старые средневековые аллегории тоже оказываются подхвачены этой волной и тракуются, в нарушение всех иконографических традиций, как иллюстрации к семейной жизни. Мы уже имели возможность наблюдать, что произошло с календарями. Другие классические аллегории постигла та же участь. В XVII веке сюжет возрастов человеческой жизни используется для изображения семьи. У Абрахама Босса есть гравюра о четырех возрастах человека — детство на ней изображается так: младенец в колыбельке под присмотром лю-

Стелла.
Сумерничание (Зима)

бящей сестры, ребенок в платье стоит в приспособлении на колесах (что-то вроде бегунков, часто использовалось в XV—XVIII веках), девочка с куклой, мальчик с бумажной крыльчаткой, затем два мальчика постарше — они вот-вот начнут бороться, один из них скинул шляпу и плащ. Зрелость иллюстрируется картиной еды — за столом собирается вся семья, мы видели эту сцену на множестве портретов, она повторяется довольно часто и на французской гравюре, и на голландских полотнах. Тем же духом пронизана гравюра о возрастах середины XVI века в «Большом собрании» и миниатюра из музея св. Реймона города Тулузы. Зрелый возраст всегда связан с семьей. Умбло-Юар собирает семью не вокруг обеденного стола, а в кабинете отца, богатого негоцианта, среди мешков с товарами²⁵. Отец с пером в руках погружен в расчеты, ему помогает сын, стоящий позади него, рядом жена возится с маленькой дочкой; входит слуга с корзиной, полной провизии, очевидно, он возвращается от торговца. В конце XVII века Герар на одной из своих гравюр возвращается к этой же теме. Отец, — более молодой, чем у Умбло-Юара, — показывает рукой на окно, за которым видны причалы и корабли — источник его богатства. В комнате около стола, где лежат кошелек, счета и бумаги, стоит его жена с карапузом в пеленках на руках, тут же играет другой ребенок — в платье. Надпись задает тон и подчеркивает дух таких изображений:

Блажен, кто чтит закон небес
И положил всю жизнь свою
На службу Господу, семье и королю...²⁶

Семья ставится рядом с Богом и королем. Эта установка не удивляет нас, людей XX века, однако для своего времени это было ново, и ее открытое выражение достаточно неожиданно. Тот же Умбло-Юар проиллюстрировал эту тему, нарисовав молодую женщину, открывающую грудь своему ребенку, вскарабкавшемуся на нее. Не будем забывать, что в XVII веке отнимали от груди очень поздно. Или опять Герар: хозяйка дома с ключами в руках и в компании своих детей отдает какие-то распоряжения служанке²⁷.

Другие аллегории возвращаются к знакомым нам семейным сценам. Обоняние — одно из пяти чувств — на одной из голландских картин начала XVII века представлено уже довольно банальной сценой детского туалета: обнаженному ребенку мать вытирает попку²⁸.

Абрахам Босс в качестве символа одной из четырех стихий — земли — берет образ семьи: в саду кормилица держит ребенка, одетого в платье; родители с порога дома нежно смотрят на свое чадо и бросают ему фрукты — плоды земли.

²⁵ Humbelot-Huart, Cabinet des Estampes, Ed. 15 in f°.

²⁶ Gravure de Guérard (Cabinet des Estampes, 0 à 22, t. VI, v. 1701).

²⁷ N. Guérard, La femme en mariage, gravure, Cabinet des Estampes, Ec 3 in f°.

²⁸ David II Ryckaert (1586–1642). Musée de Genève.

Ле Камю.
Девочка у винооторговца

²⁹ Bonnart et Sandrart. Cinquième Béatitude, Cabinet des Estampes, Ed. 113 in f° t. I.

³⁰ C. Dou. K. d. K., p. 90, 91, 92.

³¹ Fragonard, dessin.

Exposition Fragonard, Berne, 1954. C. Dou K. d. K., 94. Brouwer W. de Bode, p. 73.

Berey, gravure, Cabinet des Estampes, Ed. 108 in f°.

Stella. L'hiver, gravure, Cabinet des Estampes, Da 44 in f°, p. 41.

Crispin de Pos. Cabinet des Estampes, Ec 35 in f°, p. 113.

³² Dassonville, gravure, Cabinet des Estampes, Ed 35 c. pet. in f°, 5, 6, 26; C. Dou. K. d. K., 94; G. Terboch. Femme épouillant la tête de son enfant, Berndt, 109; P. de Hooch. K. d. K., 60.

³³ C. Dou. K. d. K. 122, 123, 124; P. de Hooch. Une servante passe un broc à une petite fille. K. d. K., 57; A. de Pope. Enfant regardant la cuisinière plumer le gibier, Berndt, 634; Velasquez. Un serviteur prend l'enfant dans ses bras pour le mettre sur la table où sont des fruits, K. d. K., 166; Strozzi. La cuisinière plume une oie. C. Fiacco, pl. IV; Le Nain. Le jardinier, Fierens, 87.

³⁴ C. Dou. Une petite fille paie la marchande, K. d. K., 133; Van Mieris, Enfant achète un biscuit et le mange, Berndt, 533; Le Camus, gravure.

Даже заповеди о благодати становятся поводом для изображения жизни семьи: у Боннар-Сандрара пятая заповедь — это мать, прощающая своих детей: в знак прощения она раздает сласти, что уже напоминает популярное изображение семьи в XIX веке²⁹.

Таким образом, современная жанровая сцена вышла из традиционных средневековых аллегорий. Однако отныне разница между старинной темой и ее новым выражением становится слишком большой. Аллегории времен года, и в частности зимы, забываются, когда смотришь на «Сумерничание» Стеллы, где на одной половине гостиной ужинают мужчины, а на другой — женщины, занятые пряжей или плетущие солому, и дети — они либо играют, либо их моют. Таким образом, это уже не зима — это сумерничание. Это уже не грубая зрелость, не третий возраст, а семья, собранная вместе. Родается оригинальная иконография, чуждая прежним забытым темам, которые она когда-то иллюстрировала. Ее вдохновляет прежде всего чувство семьи — совсем не то, что вдохновляет старинные аллегории. Было бы просто составить своеобразный каталог излюбленных сюжетов: мать сидит около колыбели засыпающего ребенка³⁰ — или кормит грудью³¹ — ищет у него вшей на голове (довольно обыденная операция, однако ее не доверяли детям)³² — младенец лежит в колыбели, его рассматривают, встав на носочки, брат и сестра, — ребенок на кухне со слугой или служанкой³³ — ребенок, отправившийся за покупками; довольно часто встречающийся в голландской живописи сюжет³⁴ был также использован во французской гравюре середины столетия Абрахамом Боссом (у кондитера) и в конце века Ле Камю (у держателя кабака, у винооторговца), однако нам важно понять дух этого образа. На полотне Ленена видим уставшего крестьянина, он уснул. Его жена, прижав палец к губам, показывает детям в сторону отца — шум может его разбудить: уже напоминает картины Греза, и, конечно, не стилем и манерой рисовать, а чувством — источником вдохновения. Другой автор, Питер де Хох^{35*}: семья собралась обедать, отец пьет сидя. Ребенок примерно двух лет стоит на стуле, у него на голове круглая, подбитая изнутри шляпа — такие надевают на детей малого возраста, когда они еще не очень хорошо ходят, чтобы при падении защитить голову. Женщина (служанка?) держит его за руку, свободной рукой она протягивает стакан вина другой женщине (хозяйке?), и та мочит в нем бисквит. Пропитанный вином бисквит она собирается отдать попугаю, специально, чтобы позабавить дитя, и именно забавляющийся в семейном кругу ребенок, обеспечивающий, таким образом, единство семьи, и есть сюжет, выбранный художником, — смысл рассказанной им истории. Чувство семьи, появившееся, таким образом, в XVI–XVII веках, неотделимо от чувства детства. Интерес к детству,

³⁵ P. de Hooch, in Berndt, 399.

^{*} Хох Питер де (1629—после 1684) — голландский живописец, работал в Роттердаме, Делфте и Амстердаме, автор жанровых композиций.

[†] Макон — город в Бургундии, находится на реке Сона.

[‡] Duby G. La Société aux XIe et XIIe siècles dans la région mâconnaise. 1953.

проанализированный нами в начале этой книги, есть всего лишь форма, одно из выражений более общего чувства — чувства семьи.

*
* *

Иконографический анализ наводит на мысль, что в Средние века не существовало чувства семьи, что оно появилось лишь в XV—XVI веках и окончательно оформилось в XVII веке. Невозможно устоять перед соблазном сравнить эту гипотезу с наблюдениями историков-медиевистов.

Что касается историков средневекового права и общественных отношений, их общая идея состоит в том, что кровные узы формировали не одну, а две группы, не совпадающие друг с другом, хотя и концентричные: семья, в том понимании, в каком ее можно сравнить с современной семьей, и линияж, объединяющий всех потомков общего предка. Между семьей и линияжем больше противоречий, нежели различий, так как усиление одного ведет к ослаблению другого, по крайней мере у дворян. Семья, пусть и не охватывает никогда весь линияж, состоит из нескольких элементов, иногда из нескольких семей, имеющих общее наследство, которое не захотели делить. Подобное образование называли «братской семьей», или *fraternitas*. Такая семья собирает вокруг родителей детей, у которых нет собственного имущества, племянников или двоюродных бессемейных братьев и сестер. Это стремление к неделимости семьи, — а она остается неделимой лишь на протяжении двух поколений, — лежит в основе традиционалистских теорий XIX века о большой патриархальной семье.

Современная супружеская семья появилась в процессе эволюции, в результате которой в конце Средневековья родовые отношения были, по мнению историков, ослаблены, как и стремление к неделимости.

На самом деле взаимоотношения между родом и семьей были гораздо более сложными. Ж. Дюби проследил историю этих взаимоотношений в Маконе[†] и его округе с IX по XIII век включительно³⁶.

Во франкском государстве, пишет Дюби, «семья X века сводится, по всей видимости, к своему самому простому виду — супружеской паре; после смерти родителей дети еще могут некоторое время жить вместе, в рамках «братской семьи», но связи очень слабые. Кровные узы не имеют смысла: судебная система старого франкского государства еще достаточно сильна, чтобы позволить свободному человеку жить независимо и предпочесть, если он этого хочет, компанию соседей или друзей обществу родителей».

Родовая солидарность и неделимость семейных благ укрепились благодаря развалу единого государства: «После 1000 года

перераспределение власти вынуждает людей к более тесному объединению». Произшедшее тогда укрепление кровных уз, как и проявившиеся иные формы межчеловеческих отношений и зависимости (вассалитет, сеньория и бан*, деревенская община), отвечают потребности быть защищенным. «Слишком независимые и не всегда имеющие возможность защитить себя поодиночке рыцари искали опоры в родовой солидарности».

В то же время в XI—XII веках в маконской округе наблюдается развитие неделимости. К тому же периоду относится и неделимость имущества двух супругов — в X веке оно еще не растворилось в общей массе состояния семьи, управляемой мужем: в X веке муж и жена по отдельности управляли каждый своей частью, которую могли продать или купить независимо друг от друга.

Неделимость часто распространялась и на детей: «Продолжительное существование в отцовском доме, в подчинении старшему, отпрысков, лишенных всякой экономической независимости и собственных денег». Неделимость имела силу и после смерти родителей: «Представьте себе, на что был похож тогда дом рыцаря, объединявший в одном домене, при одном „дворе“ от дюжины до пары десятков „господ“, две-три супружеские пары с детьми, неженатых братьев, незамужних сестер и дядю-каноника, который время от времени приезжает хлопотать об очередном племяннике». Такое сообщество существовало, как правило, на протяжении двух поколений, но даже после *divisio* (раздела) родового наследства род сохранял над ним коллективное право *laudatio parentum*, верховной собственности линияжа.

Приведенное выше описание касается прежде всего рыцарской семьи или, как можно уже сказать, семьи дворянской. Ж. Дюби предполагает, что в крестьянской семье укрепления родовых связей не произошло, по крайней мере в той же степени, потому что крестьяне заполнили пустоту, возникшую в результате распада франкского государства, иным способом: опека сеньора заменила государственные структуры, и вскоре деревенская община дала крестьянам иную форму защиты, чем семья. Община играла у крестьян ту же роль, что и род у дворян.

На протяжении XIII века ситуация сменилась еще раз. Новые формы денежной экономики, повышение значения движимого имущества, регулярность коммерческих операций и в то же время рост авторитета принца (короля из династии Капетингов† или главы большого княжества) и развитие системы общественного порядка приводят к ослаблению родовой солидарности и исчезновению неделимости родовых благ. Семья, состоящая из двух супругов, вновь становится независимой. У дворян это вовсе не означает возвращение к рыхлой семье X века. Отец сохранил и даже усилил власть, приобретенную в XI—XII веках ввиду не-

* Бан (баналитет) — монопольное право, по которому сеньор, обладая собственностью на мельницу, печь, виноградный пресс, мог принудить крестьян к исключительному пользованию ими за плату (натуральную); во Франции известен с X в., окончательно уничтожен Великой французской революцией.

† Капетинги — королевская династия во Франции (987—1328), основана Гуго Капетом; в XIII в. правили такие яркие представители династии, как Филипп II Август (1180—1223), Людовик IX (1226—1270), Филипп IV Красивый (1285—1314).

обходимости охранять целостность неделимого родового достояния. С другой стороны, нам известно, что в конце Средних веков дееспособность, признаваемая за женщиной, неуклонно урезается. В том же XIII веке в маконской округе право старшинства получает распространение в дворянских семьях и постепенно вытесняет принцип неделимости, встречающийся все реже, с места гаранта целостности родового достояния. Вытеснение правом наследия по старшинству неделимости родовых благ и совместного проживания малых семей говорит здесь и о высоком авторитете отца, и о месте, занимаемом отныне в повседневной жизни группой отец — дети.

Жорж Дюби заключает: « В реальности, когда разваливается государство, человек, находящийся в опасности, в первую очередь ищет убежище именно в семье. Но как только политическая ситуация стабилизируется, кровные узы ослабевают. История рода представляет собой череду моментов напряжения и разрядки, следующую ритму изменения политической ситуации».

Противостоянию семьи и линияжа Дюби уделяет гораздо меньше внимания, чем другие историки права. Здесь речь идет не столько о постепенном вытеснении рода семьей — что кажется скорее абстрактным и произвольным заключением, — сколько о расширении или сужении кровных уз, то распространенных на весь род и членов линияжа, то только на членов супружеской семьи. Создается впечатление, что лишь понятие рода могло пробудить силу чувства кровной близости и человеческое воображение. Вот почему это понятие оставило значительный след в рыцарской литературе. Малая семья, напротив, почти неизвестна историкам. Однако в этом есть смысл. В мире ценностей и чувств семья не имела такого же значения, как род. Можно сказать, что чувство рода было единственным родственным чувством средневекового человека. Тем не менее оно кажется совершенно отличным от чувства семьи, какое появляется в иконографии XVI—XVII веков. Чувство линияжа относится к кровным узам, без поправки на ценности совместного существования и интимной близости. Род никогда не собирает людей в общем пространстве, вокруг одного двора. Ничего общего с сербской задругой. Историки права признают, что во Франции нет и следа крупных единых сообществ до XV века. Что же касается чувства семьи, оно связано с домом, управлением хозяйством, домашней жизнью. Его очарования не знали люди Средневековья, потому что имели о семье особое представление — линияж.

Начиная с XIV века мы присутствуем при образовании современной семьи. Эта достаточно известная эволюция кратко охарактеризована Пето: «Начиная с XIV века мы наблюдаем постепенную и медленную деградацию положения женщины в семье. Она теряет право решать за мужа, отсутствующего или сумасшед-

шего... В конце концов в XVI веке замужняя женщина становится недееспособной в правовом отношении, и все, что она предпринимает без разрешения супруга или органов юстиции, не имеет никакой силы. В результате власть мужа непрестанно усиливается, превращая его в настоящего домашнего монарха... Что касается брака и детей, королевское законодательство начиная с XVI века все больше внимания уделяет усилению власти отца... В то время как ослабевают кровные узы родовых отношений, а власть мужа в доме усиливается, женщина и дети попадают в очень сильную зависимость от него. Это двойное движение, в той мере, в какой оно было неосознанным и спонтанным результатом установившихся обычаев, безусловно, отражает эволюцию нравов и социальных структур...»³⁷ Семья приобретает ту же ценность, что имел когда-то род. Она становится ячейкой общества, основой государства и монархической власти. Теперь мы рассмотрим отношение к ней с точки зрения общераспространенной религиозной практики.

*
* *

Средневековое прославление рода, родовой чести и родовой солидарности его членов — явление чисто светское, на которое церковь не обращала внимания, если не относилась с некоторой опаской. Языческий натурализм кровных уз мог ей не нравиться. Примечательно, что во Франции, где церковь принимала наследование королевской власти, о кровном родстве не упоминается во время обряда помазания на трон.

В Средние века современный принцип освящения светской жизни был неизвестен, если нечто подобное и наблюдается, то лишь в исключительных случаях: святой король, однако король был помазанником божьим, доблестный рыцарь, но в рыцари посвящали, и церемония посвящения стала в конце концов религиозной. Обряд венчания мог бы облагородить супружеский союз, придать ему духовную ценность, как и самой семье. Однако венчание едва ли делало брак законным. Он долгое время оставался разновидностью контракта. Церемония бракосочетания, если верить дошедшим до нас изображениям, проходила не внутри церкви, а снаружи — перед входом. Каким бы ни было мнение теологов, но священники в большинстве своем при всяком контакте с паствой, видимо, поддерживали точку зрения чосеровского священника, согласно которой брак являлся лишь меньшим злом, допустимой уступкой слабого человека потребностям тела³⁸. Брак не менял греховного характера половых отношений. Конечно, это не привело к полному отрицанию церковью семьи и брака, как у катаров* Южной Франции, однако она с большим недоверием относилась ко всему, что исходило от потребностей плоти. Человек не мог добиться святости в светской жизни; интимная близость,

³⁷ *Petot P. La famille en France sous l'Ancien Régime // Sociologie comparée de la famille contemporaine. Colloques du C. N. R. S. 1955.*

³⁸ Ср.: *Ariès Ph. in: «Populations», 1954. p. 692.*

* *Катары* — еретическое учение, широко распространенное в XI—XIII вв., у катаров «браки... были запрещены, и лишь немногие еретики разрешали брак между людьми и девственными девушками при условии, что они прекратят половые сношения после рождения первого ребенка. <...> Катары были убеждены, что половое сношение было первородным грехом Адама и Евы, запрещенным плодом, посредством которого Сатана продолжает сохранять свою власть над людьми» (*Ли Г. Ч. Инквизиция. Происхождение и устройство. СПб., 1999. С. 583—584.*)

Стелла.
Свадебная процессия

благословенная венчанием, переставала быть смертным грехом, но не более того. С другой стороны, другой большой грех светского существования подстерегал супружеский союз — грех старения. Светский человек мог обрести спасение, лишь оставив этот мир и уйдя в монастырь. В тиши кельи он мог замолить грехи своего мирского прошлого.

Только в конце XVI века, во времена Филотея св. Франциска Сальского, или в XVII веке по примеру господ из Пор-Рояля, то есть всех тех мирян, занимавшихся активной религиозной деятельностью, теологическими изысканиями, духовной практикой и мистикой, была допущена мысль о возможности обретения спасения вне религиозного призвания, в рамках мирского существования.

Реабилитация светских сословий была необходима для того, чтобы столь естественное и связанное напрямую с плотью образование, как семья, стало объектом поклонения. Развитие чувства семьи и духовное продвижение светского человека идут параллельно. Современное чувство семьи в отличие от средневекового чувства рода пронизывает все виды благочестия. Наиболее ранний, еще очень скромный признак такого отношения видится в привычке дарителей собирать вокруг себя всех членов семьи и еще, в более позднем обычае, приобщать семью к культу святого покровителя. В XVI веке очень часто дарили *ex voto* святых — покровителей супруга и супруги, где рядом с ангелами-хранителями стояли они сами в окружении детей. Культ ангелов-хранителей становится семейным культом.

Влияние чувства семьи видно и по новой манере, особенно в XVII веке, изображать венчание или крестины. В конце Средних веков миниатюристы запечатлевают церемонию бракосочетания такой, какой она была, — на пороге церкви: например, венчание короля Козия и королевы Сабинеды в житии св. Катерины, где священник оборачивает руки супругов епитрахилью; венчание Филиппа Македонского* того же Гийома Врело в истории доброго короля Александра³⁹: на заднем плане на двери церкви вырезана сцена, где муж бьет свою супругу! В XVI—XVII веках церемонию венчания, если речь идет не о королевских особах, больше никто не изображает. Теперь все внимание переносится на семейную сторону события: родители, друзья и соседи собираются вокруг молодых. Уже у Герарда Давида[†] (Свадьба в Кане, Лувр) — свадебный пир; в другом месте это будет свадебная процессия: у Стеллы новобрачная под руку со своим отцом идет к церкви, где ее ждет жених⁴⁰. У Молинье церемония уже закончилась, кортеж покидает церковь: слева молодой в сопровождении дружек, справа молодая в венце (но не в белом платье — в те времена цветом любви был красный цвет,

* Имеется в виду брак Филиппа, отца Александра Македонского, с Клеопатрой (всего у царя было 6 жен и наложниц), на пиру по случаю женитьбы Александр поссорился с отцом.

³⁹ Guillaume Vrelant, *Histoire du bon roi Alexandre*, Petit Palais, ms. 456 f° 8. *Vie de sainte Catherine*, Bibliothèque Nationale, ms. frs. 6449 f° 17.

[†] Давид Герард (ок. 1460—1523) — нидерландский художник, работал в Брюгге, автор картин на религиозные сюжеты и портретов.

⁴⁰ Stella, Cabinet des Estampes Da 44 in f°, p. 40.

Ян Стен.
Праздник св. Николая.
Риксмузеум, Амстердам

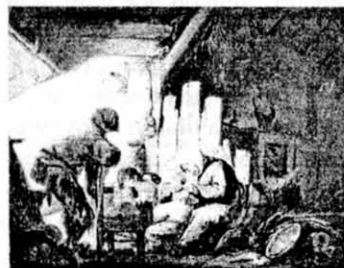
⁴¹ D. Molinier, musée de Genève.

⁴² Le coucher des mariés, Abraham Bosse. Les relevailles, Molenaer, musée de Lille. Le lever de la mariée, Brakenburgh, musée de Lille.

⁴³ J. Steen, La Saint-Nicolas, in: *Cerson*, n° 87.

* *Николай* (IV в.) — архиепископ Мирликийский (город Мира в Ликии), популярнейший христианский святой, покровитель моряков, школьников, маленьких детей и др.; хотя у св. Николая два праздника в году (9 мая и 6 декабря), детские праздники приурочивались к 6 декабря.

Ян Стен.
Семья ван Берхем.
1561

использующийся в священных украшениях), с подружками; они идут под звуки волюнок, маленькая девочка бросает монеты под ноги молодой⁴¹. Сборники «обычаев костюма» или «разных костюмов», иллюстрированные гравюрами конца XVI или начала XVII века, часто описывают молодоженов в окружении сопровождающих церемонию мальчиков и девочек: свадебный наряд уже тогда становится специфичным (хотя это еще не белое платье XIX века и наших дней), он имеет хотя бы несколько отличительных признаков. Эти детали характеризовали национальные обычаи.

Наконец, в иконографию попадают бытовые фольклорные сцены: молодые отправляются спать; пробуждение роженицы.

Точно так же и с крестинами — религиозной церемонии теперь предпочитают традиционные домашние посиделки: семья за бокалом вина по возвращении из церкви, все слушают мальчика, играющего на флейте; соседи пришли навестить роженицу. Или изображение трудно объяснимых фольклорных обычаев, как на картине Моленара: женщина с ребенком идет сквозь насмехающуюся над ней толпу, присутствующие дамы накрыли головы подолом своих платьев⁴².

Не следует искать объяснения любви к фольклорным праздникам с похабными шутками (последние присутствовали и в речи людей высокого положения) в религиозном безразличии: здесь акцентируется лишь семейная и общественная сторона действия, а не его религиозное значение. В северных странах тема семьи очень распространена — показательна в этом смысле картина Я. Стена, представляющая новую семейную интерпретацию фольклора и традиционного служения Богу⁴³. Мы уже имели возможность подчеркнуть коллективный характер праздников, свойственный нравам Средневековья; мы особо оговаривали роль детей, участвовавших в них вместе со взрослыми; все разношерстное общество было счастливо, собравшись вместе. Однако праздник, изображенный Стеном, не похож ни на один из уже известных нам праздников молодости, где дети вели себя как рабы в день сатурналий, то есть играли роль, определенную обычаем и привязанную к взрослым. Здесь же, напротив, взрослые организовали праздник специально, чтобы позабавить детей: день св. Николая*, образа современного Деда Мороза. Стен ухватил момент, когда родители помогают детям найти подарки, спрятанные в разных углах дома. Некоторые уже нашли. Девочки держат кукол. В руках у других ведра, наполненные игрушками; повсюду валяются башмачки: неужели подарки уже подкладывали в башмачки, те самые, что дети XIX и XX веков будут оставлять накануне рождественской ночи у камина? Речь идет уже не о большом коллективном празднике, а о празднике семейном — празднике в семейном кругу; все

Ж.-Б. Шарден.
Молитва перед обедом.
1744.
Петербург. Эрмитаж

возрастающее внимание к семье выражается в объединении семьи вокруг детей. Семейные праздники стали детскими. На сегодня Рождество — самый большой, можно сказать, единственный праздник в году, общий для верующих и неверующих. Он не имел такого значения в обществе Старого порядка — праздник королей, довольно близкий по духу, был более популярен. Однако своим огромным успехом в индустриальном обществе, не принимающем коллективные праздники, Рождество обязано семейному характеру действия, унаследованного от св. Николая: по картине Стена можно судить, что в Голландии XVII века св. Николая чествовали, как Деда Мороза или младенца Иисуса сегодняшней Франции, с тем же чувством семьи и ребенка внутри нее.

Новая тема еще более ярко иллюстрирует и другое духовное составляющее чувства семьи — благословение пищи. С очень давних времен было принято, чтобы ребенок, если поблизости не было священника, благословлял еду перед началом обеда или ужина. В рукописных текстах XV века, собранных и опубликованных Фурнивалем, перечисляются правила поведения за столом: «Что прилично делать за столом, как себя держать за столом»⁴⁴. «Мальчик благословляющий... Дитя, когда ты находишься там, где есть хоть один прелат, позволь ему, если он захочет, дать благословение и прощение кому положено. Дитя, если этот прелат или сеньор просят тебя прочесть молитву, вложи туда всю силу твоего духа, так как это большая честь». Мы-то знаем, что слово ребенок (дитя) относилось тогда как к самым маленьким, так и к самым старшим детям. В учебниках же civility XVI века право благословения оставлено лишь за самыми младшими: правила поведения для детей Кордые закрепляют за ними эту роль, поддержанную и более поздними изданиями; так, в редакции 1761 года уточняется, что обязанность благословлять стол «принадлежит священникам, а за неимением таковых самому младшему из присутствующих»⁴⁵. В «Новых правилах поведения в обществе» 1671 года издания читаем: «Убрав со стола, ему следует поклониться и прочесть молитву»⁴⁶. В «Правилах приличий и поведения христианина» св. Жана-Батиста де Ла Саля: «Когда среди присутствующих есть ребенок, ему часто поручают эту миссию»⁴⁷ (благословлять стол). Вивес в своих «Диалогах» описывает большой обед: «Хозяин дома по праву указал каждому его место. Молитва же была прочитана маленьким мальчиком, она была очень краткой, любопытной и в стихотворной форме:

Все, что коснется этого стола,
Благословится именем Христа»⁴⁸.

Таким образом, теперь честь произнести молитву перед едой отдана не самому молодому из собравшегося общества, а самому младшему из детей в доме. Это есть признак повышения значения детства в XVI веке в восприятии людей, однако самое важ-

⁴⁴ The Babees Book. 1868.

⁴⁵ Civilité puérile et honnête.

⁴⁶ La civilité nouvelle contenant bon usage et parfaite instruction... Bâle, 1671.

⁴⁷ Первое издание относится к 1713 г.

⁴⁸ Vivès. Dialogues. 1571.

Страдано.
Молитва перед обедом

ное: это чувство напрямую связано с главной семейной молитвой, долгое время единственной, произносимой всей семьей, собранной вместе. В этом смысле отрывки из трактатов о хороших манерах менее показательны, чем иконографические памятники. Начиная с XVI века тема застольной молитвы становится одной из самых распространенных в той новой иконографии, которую мы пытаемся выделить. Возьмем известную гравюру Мериана⁴⁹. Речь идет о портрете семьи за столом, выполнен-

ном в стиле, верном уже давней традиции: отец, мать, сидящие в креслах, и их пятеро детей. Служанка несет блюдо, оставив приоткрытой дверь, через которую видна кухня. Однако гравер ухватил момент, когда маленький мальчик в платье, оперевшись на материнские колени и сложив руки, читает молитву: все остальные члены семьи слушают, сняв головные уборы и скрестив руки на груди.

На другой гравюре — Абрахама Босса — изображена та же сцена, но в протестантской семье⁵⁰. Антуан Ленен собирает вокруг стола троих детей и мать: один из мальчиков стоя читает молитву⁵¹. Лебрен этот же сюжет интерпретировал в более традиционной манере — он обратился к теме Святого семейства. Стол уже накрыт; отец, бородастый старик, стоит опершись на дорожный посох. Мать сидит и нежно смотрит на ребенка, который, скрестив руки, читает молитву. Эта композиция довольно распространена в гравюре в качестве благочестивого образа⁵².

Совершенно нормально, что мы находим ту же тему и в голландской живописи XVII века. У Стена сидит только отец: старинный деревенский обычай, давно забытый французской буржуазией. Мать подает ему еду, в то время как двое детей примерно двух-трех лет стоят со скрещенными на груди руками и читают молитву⁵³. У Хемскерка* изображены вокруг стола два сидящих старика, молодой человек — он стоит, и женщина — она сидит сложив на груди руки, подле нее маленькая девочка — она следом за матерью повторяет молитву⁵⁴. Та же самая тема обнаруживается и в XVIII веке на знаменитой «Предобеденной молитве» Шардена†.

Частое обращение иконографии к этой теме придает ей особую ценность. Чтение предобеденной молитвы ребенком уже не только признак воспитанности. К ней возвращаются, потому что некогда обыденной молитве придают теперь особое значение. Иконографическая тема собирает воедино три движущие силы человеческой любви: любовь к Богу, к детям (в образе самого маленького) и к семье (вся семья за одним столом). Благословение стола стало моделью молитвы, произносимой вместе всеми членами семьи. Раньше не существовало частной духовной практики. В книгах по поведению говорится об утренней молитве

⁴⁹ Merian, gravure, Cabinet des Estampes, Ec 10 in f°.

⁵⁰ A. Bosse, gravure, Cabinet des Estampes, Oa 44 pet. in f°, p. 65.

⁵¹ A. Le Nain, Bénédicité.

⁵² Lebrun, Bénédicité, Louvre, gravé par I. Sarrabat.

⁵³ J. Steen, Schmidt-Degener, p. 63.

* Хемскерк Эгберт ван (1634/35–1704) — голландский живописец, работал в Голландии — Лейдене, Гааге, Амстердаме — и Англии, автор жанровых сцен из крестьянской жизни, а также фантастических картин шабаша ведьм.

⁵⁴ Heemskerck, Berndt, p. 358.

† Шарден Жан-Батист (1699–1779) — французский живописец, с 1728 г. член Парижской академии, автор натюрмортов, картин на бытовые сюжеты, портретов.

(в коллежах интерны читали ее сразу после утреннего туалета)⁵⁵. Вечерняя молитва упоминается уже реже. Говоря о молитве утренней особо подчеркиваются, что характерно, обязанности детей по отношению к родителям (в самых старых правилах хорошего тона речь идет не о родителях, а об учителях): «Дети, — пишет Ж.-Б. де Ла Саль, — не должны ложиться спать, не попросившись с отцом и матерью». Учебник civility Куртена 1671 года издания так предписывает заканчивать детям вечер: «Ребенок должен повторить уроки, пожелать спокойной ночи родителям и учителям, сходить в уборную и после, раздевшись, лечь в постель и заснуть»⁵⁶.

Между тем именно в эту эпоху наравне с внутрисемейной молитвой рождается публичная семейная молитва. Благословение еды является частью семейного культа, и частое изображение этой сцены является доказательством того, что она отражает живую форму благочестия. Семейный культ получил огромное развитие в протестантской среде: во Франции, особенно после пересмотра Нантского эдикта*, он вытеснил культ публичный — получившим свободу пасторам пришлось преодолеть немало трудностей, прежде чем удалось вернуть прихожан, — настолько те привыкли молиться в кругу семьи. На знаменитой картине Хогарта† видно, как в конце XVIII века молитва, собирающая вокруг отца семейства остальных членов семьи, становится банальной условностью. Очень возможно, что католические семьи претерпели похожую эволюцию — они тоже испытывали потребность не в публичной и не в строго индивидуальной, а в семейной форме благочестия.

*
* *

Чуть выше мы описали «Предобеденную молитву» кисти Лебрена, популяризированную гравюрой Саррабата: было очевидно, что предобеденная молитва является еще и аллегорией Святого семейства — молитвы и обеда Девы Марии, св. Иосифа и младенца Иисуса. Картина Лебрена относится к двум направлениям, в одинаковой степени распространенным в ту эпоху, поскольку оба выражали одно и то же чувство. Нужно признать вместе с Тапье: «Вне всякого сомнения это был сам принцип семьи, который напрямую связывали с поклонением семейству Христа»⁵⁷. Каждой семье в качестве образца для подражания предлагалось Святое семейство. Традиционная иконография претерпела некоторые изменения под влиянием возрастающего авторитета отца; св. Иосиф играет там уже не ту скромную роль, что ему отводилась еще в XV и в начале XVI века. Теперь он появляется на переднем плане, как глава семьи, как у Калло‡, широко известном благодаря гравюрам, изображающим обед Святого семейства. «Дева Мария, св. Иосиф и Дитя, — коммен-

⁵⁵ Mathurin Cordier. Colloques. 1536.

⁵⁶ См. выше прим. 46.

* Нантский эдикт короля Генриха IV, принятый в 1598 г., зафиксировал во Франции сосуществование двух религий — католицизма и кальвинизма, ознаменовав завершение кровопролитных Религиозных войн. Религиозная терпимость, провозглашенная Нантским эдиктом, была окончательно отменена Людовиком XIV в 1685 г., после чего началась массовая эмиграция французских гугенотов (около 200 тысяч человек).

† Хогарт Уильям (1697—1764) — английский художник, карикатурист и портретист, гравер, автор жанровых композиций.

‡ Tapie V. L. Le Baroque. 1957, p. 256.

‡ Калло Жак (1592 или 1593—1635) — французский график, в своих офортах сочетал фантастику с острыми реалистическими наблюдениями (напр., «Бедствия войны», 1632—1633).

тирует Э. Маль, — ужинают: факел, поставленный на стол, создает контраст между ярким светом и тенью и придает сцене таинственный вид; св. Иосиф поит Дитя, умиляющего своим послушным личиком. На шею Христа повязано полотенце»⁵⁸. А вот еще одна тема, которую Эмиль Маль называет «Святое семейство в пути», — Дитя находится между Девой Марией и св. Иосифом. Я вполне допускаю, что теологи того времени видели в этом изображение Троицы, однако общее восприятие трактовало эти сюжеты как воспевание семьи.

Авторитет св. Иосифа довольно значителен во многих сценах подобного плана: на полотне одного неаполитанского художника XVII века он держит Дитя на руках и, таким образом, оказывается в центре композиции⁵⁹, к тому же приему часто прибегают Мурильо, Гвидо Рени*. Есть даже изображения св. Иосифа в плотницкой мастерской, где ребенок Иисус ему помогает⁶⁰.

Глава семьи за столом, за работой у верстака, св. Иосиф остается таковым и в драматический момент жизни семейства, часто изображаемый художниками, — в момент его смерти. Став покровителем благочестивой смерти, св. Иосиф сохраняет прежний смысл своего образа: он очень напоминает довольно распространенный сюжет о смерти отца, приводимый в качестве иллюстрации благочестивой кончины, и принадлежит к той же иконографической традиции изображения новой семьи.

Другие святые семейства внушают то же чувство. В XVI веке, в частности, художники любили изображать детство других святых современников Христа — святые дети играют вместе. Так, на немецкой шпалере собраны все три Марии, окруженные их детьми, — последние балуются, купаются, играют⁶¹. Эту группу можно видеть довольно часто, например на рисунке по дереву начала XVII века, находящемся в церкви Нотр-Дам ля Гранд в Пуатье.

Видимо, сама тема связывается с чувством детства и семьи. Эта связь подчеркивается на декоративной росписи в стиле барокко, украшающей часовню Девы Марии францисканской церкви в Люцерне. Роспись датируется 1723 годом. На своде изображены ангелы, одетые в соответствии с приличиями; каждый из них несет один из символов Богоматери, перечисляемых в литургических текстах (морская звезда и т. д.). На противоположных друг другу стенах — святые родители и дети держатся за руки, они нарисованы в натуральную величину: св. Иоанн Евангелист и Мария Саломея, св. Иаков Старший и Зеведей.

Сюжеты из Ветхого Завета тоже служат иллюстрацией культуры семьи. Венецианский художник Карло Рот изображает сцену благословения Иосифа Иаковом в стиле тех, что мы видели в «Возрастах человеческой жизни», — старик в окружении детей, ожидающий прихода смерти⁶². Но чаще всего фигурирует семья

⁵⁸ Male E. L'Art religieux après le concile de Trente. P. 312.

⁵⁹ Paccaso di Rosa.

* Мурильо Бартоломе Эстебан (1617–1682) — испанский живописец, жил и работал в Севилье, принял участие в создании Севильской академии, был ее первым президентом, в основном писал картины на религиозные сюжеты, весьма редки бытовые сцены и портреты. Рени Гвидо (1575–1642) — итальянский живописец и гравер болонской школы, работал в Болонье, Риме, Неаполе, в 1619 г. возглавил Болонскую академию, автор картин и фресок на религиозные и мифологические сюжеты и портретов.

⁶⁰ Carrache, Pesne. Ср.: Male. Op. cit., p. 311.

⁶¹ Göbel, I, pl. CLXV.

Датировано 1573 г.

⁶² C. Loth (1632–1698), in: Fiocco. Venetian Painture. P. 49.

Адама, изображенная в стиле Святого семейства. На одном из полотен Веронезе Адам и Ева стоят во дворе своего дома с детьми Каинном и Авелем, посреди принадлежащих им домашних животных⁶³. Один из сыновей сосет грудь, другой, помладше, играет на земле. Адам, спрятавшись за дерево, чтобы не смущать маленьких, наблюдает за сценой. Его видно со спины. Теологический смысл картины представляется ясным: «первый Адам» возвещает о Христе — втором Адаме. Однако богословские нюансы скрыты темой чисто семейных радостей.

Та же тема и на плафоне монастыря Сан-Мартино в Неаполе — они относятся, несомненно, к началу XVIII века: Адам обрабатывает землю, подобно тому как Иосиф плотничает, Ева прядет, подобно тому как Деве Марии случается заниматься шитьем — и тут же рядом находятся дети.

*
* *

Так по иконографии можно проследить подъем нового чувства: чувства семьи. Я хочу быть правильно понятым: новое чувство, а не само понятие «семья», хотя семья изначально и не играла главенствующей роли, которую ей приписывает Фюстель де Куланж* и его эпоха. Жанмер делает акцент на существовании в Греции сильных пережитков иных, чем семейные, социальных структур, в частности возрастных классов. Этнографы достаточно много говорили о значении возрастных категорий у африканцев и кланов у американских индейцев. Не очаровываемся ли мы, сами того не замечая, функцией семьи, которую она осуществляет в нашем обществе на протяжении нескольких последних веков? Не кажется ли нам соблазнительным признать за ней нечто вроде абсолютного исторического авторитета? Тем не менее нет никакого сомнения, что под влиянием семитской (не только библейской) и римской традиций семья окончательно укрепилась. Она, возможно, ослабела во времена германских вторжений. Неважно. Напрасно было бы отрицать существование семейной жизни в Средние века. Однако она протекала в молчании, она не внушала чувства, способного вдохновить поэта или художника. Это молчание заслуживает особого внимания: за семьей не признавали самодостаточной ценности. Также надо отметить значение расцвета иконографии, пришедшего начиная с XV и особенно в XVI веке на смену мраку, покрывавшему семейную тему — зарождение и прогресс чувства семьи. Отныне семья не только скромная сторона жизни человека, — она занимает свое место в системе ценностей, и ее славят и поощряют всеми эмоциональными средствами.

Столь сильное чувство сформировалось вокруг супружеской пары — родителей — и детей. В очень редких случаях на картинах присутствует более двух поколений; когда там появляются

⁶³ Venezia, Palazzo dei Dogi.
* Фюстель де Куланж
Нюма Дени (1830—
1889) — французский историк, 1875—1888 гг. возглавлял Высшую нормальную школу, профессор Сорбонны, автор знаменитого труда по истории раннего Средневековья «История общественного строя древней Франции».

⁶⁴ *Érasme. Mariage chrétien.*

внуки или семьи детей, за ними закрепляется более чем скромное место. Ничего больше не напоминает прежние родовые узы, никакого акцента на расширении семьи, на большой патриархальной семье, изобретении традиционалистов XIX века. Семья или хотя бы образ семьи, какой ее себе представляли, похожа на нашу современную семью. И чувство то же.

А еще чувство семьи очень тесно связано с детьми. Оно все дальше удаляется от понятий родовой чести, или целостности родового имущества, или древности фамилии — чувство семьи касается только родителей и детей. Одним из наиболее общих его выражений является привычка подчеркивать физическое сходство между ними. В XVII веке существовала склонность изображать св. Иосифа похожим на своего приемного сына — таким образом подчеркивалась сила родственных связей внутри семьи. У Эразма уже современный взгляд на вещи, согласно которому дети являются основой семьи, а физическое сходство делает семейные узы более глубокими и крепкими; нет ничего удивительного в том, что его трактат о браке переиздавался в XVIII веке, и я позволю себе процитировать его во французском переводе 1714 года, придающем некую пикантность и анахроничность тексту эпохи Возрождения: «Нельзя не восхититься этой странной заботой Природы; она рисует в одном лице сразу двух человек; в своих детях муж узнает портрет жены, а жена — портрет мужа. Иногда дети походят на дедушку, бабушку или сестру бабушки или дедушки»⁶⁴. Главенствует отныне чувство, которое вызывает ребенок, живой портрет своих родителей.

¹ A relation of the Island of England. Camden Society, 1897, p. XIV.

² *Duby C.* Op. cit., p. 425.

Изучение иконографии в предыдущей главе показало нам новое место, которое заняла семья в жизни людей в XVI и XVII веках. Примечательно, что в тот же период происходят первые значительные сдвиги в отношении семьи к ребенку. Семья кардинально меняется по мере того, как меняются ее внутренние взаимоотношения с детьми.

Итальянский текст конца XV века отображает довольно точно состояние средневековой семьи, по крайней мере в Англии, — текст этот взят британским историком Фурнивалем из книги одного итальянского автора: «Бессердечие англичан особенно видно в их отношении к собственным детям. Им позволяют жить дома до пяти, семи или девяти лет (у наших авторов семь лет — возраст, когда мальчик оставлял мать или кормилицу, чтобы пойти в школу или вступить во взрослую жизнь), после чего отдают как мальчиков, так и девочек на тяжелую службу в другие дома, где они обязаны провести семь-девять лет (то есть примерно до четырнадцати-восемнадцати лет). Их называют там подмастерьями. Они выполняют всю работу по дому. Мало кому, независимо от состояния, удастся избежать этой участи, так как каждый отдает своих детей в чужой дом, принимая у себя чужих детей»¹. Итальянец находит этот обычай слишком жестоким, это доказывает, что в его стране он либо хорошо забыт, либо о нем ничего не знают. Он говорит, что англичане прибегают к услугам чужих детей, поскольку полагают, что последние могут обслужить их лучше собственных отпрысков. Но, видимо, истинную причину этого явления объясняют тому же итальянцу сами англичане: «Это для воспитания у детей хороших манер».

Такой образ жизни является, вероятно, общим для всей средневековой Западной Европы. Ж. Дюби прослеживает начиная с XII века историю семьи маконского рыцаря Гигоне, благодаря завещанию последнего². Гигоне отдает двух малолетних дочерей в дом к старшему из своих братьев. Позже многочисленные кон-

тракты о передаче детей в обучение свидетельствуют, насколько практика пребывания в чужих семьях была распространена. Иногда в них подчеркивается, что хозяин должен научить ребенка «своему торговому делу» или проследить за тем, чтобы «ребенок ходил на занятия в школу»³. Однако это частные случаи. Общая ситуация — главная обязанность ребенка, отданного в чужую семью, заключалась в том, чтобы тот «как подобает прислуживал» хозяину дома. Если пролистать все эти контракты, не отвлекаясь от духа сегодняшнего времени, очень трудно определить, в каком же действительно качестве пребывает ребенок в чужом доме — как ученик-стажер (в современном смысле слова), или как пансионер, или же как слуга. Было бы ошибочным настаивать на чем-то одном — наше разделение на качества анахронично, и средневековый человек принял бы их за нюансы одного и того же понятия — службы. Служба в чужом доме, долгое время единственный вообразимый вид службы, была делом достаточно почетным и несколько не унижительным. В XV веке в Англии и Франции существует целая литература на народном языке в форме мнемотехнических стихов, содержащая заповеди хорошего слуги. Одно из стихотворений называется «Порядок для всякого слуги»⁴. Английский эквивалент — *wayting servant*; измененная форма *waiter* остается в современном английском и означает «официант» (в кафе). Конечно, этот слуга должен уметь накрыть на стол, приготовить постель, сопровождать своего хозяина и т. д. Но служба сопровождается еще и тем, что мы называли бы сегодня функцией секретаря, конторского служащего. Мы быстро приходим к выводу, что это состояние не рассматривается как окончательное — оно продолжается определенный отрезок времени как практика, период профессионального обучения:

Если хочешь быть хорошим слугой,
Ты должен убояться и любить своего хозяина,
И за его столом есть стоя...

(Затем следуют правила приобретения хорошей репутации.)

Всегда будь в хорошей компании,
Будь то миряне, клирики или священники.

(Клирик мог прислуживать в доме другого клирика.)

Чтобы хорошо служить своему господину,
Нужно забыть о себе
Ради удобства хозяина.
Если ты служишь женатому господину,
Кто бы ни была его жена —
Мещанка, барышня или дама,
Должно охранять ее честь...
Если ты служишь клирику или священнику,
Не прельстись званием главного слуги...
Если ты служишь секретарем,
Храни тайны твоего хозяина...

³ *Robillard de Beaurepaire Ch. de. Instruction publique en Normandie. 3 vol., 1872. Clerval Ch. Les Écoles de Chartres au Moyen Age. 1895.*

⁴ *Babees Book, op. cit.*

Если ты служишь судьбе или адвокату,
Ты не должен болтать об их делах.
Если же тебе случится попасть к барону,
Графу, маркизу или виконту,
Не выдумывай новых налогов и поборов,
Иначе от крестьянских грошей ничего не останется...
Если ты на службе у воюющего дворянина,
Коль сможешь, сделай так,
Чтобы заслужить милость и любовь хозяина,
Дабы самому потом стать хозяином,
Когда придет твое время.
Тяжело постигается ремесло,
Ведь для того, чтобы им заниматься в жизни,
Надо отдать ему всю душу.
Только так ты сможешь стать хозяином,
И тебе будут служить,
А сам ты будешь счастлив
И в конце концов
Обретишь спасение.

Таким образом, служба в качестве прислуги смешивается с учебой «в людях» — общей формой образования. Ребенок учился на практике; эта практика не ограничивалась только обучением какой-либо профессии, тем более что четкой границы между профессиональной деятельностью и частной жизнью не было; обособление профессиональной жизни — термин сам по себе анахроничен — вызвало бы неминуемое обособление жизни частной, с которой она была тесно связана. Не потому ли через пребывание в качестве слуги ребенку, не своему, чужому, передавали багаж знаний, практические навыки и приобщали к общечеловеческим ценностям.

Весь процесс воспитания проходил как практическое обучение подмастерья — само понятие «подмастерье» имело гораздо более широкий смысл, чем тот, что оно приобрело позже. Детей воспитывали не в родительском доме — их посылали в чужую семью, составив контракт или обойдясь без такового, чтобы они начали там взрослую жизнь, или изучили рыцарские манеры, или научились какому-либо ремеслу, или даже для посещения латинской школы. Эта манера обучения была свойственна всем сословиям. Мы уже говорили о довольно близком положении низшего слуги и домашнего работника более высокого ранга внутри самого понятия службы у господина. Сборник английских дидактических поэм, своеобразный стихотворный учебник хороших манер, называется *Babees Books*. Слово «валет» (слуга) означало «молодой человек», и Людовик XIII, будучи маленьким, еще будет называть себя в приливе нежности к отцу «папочкин валет». Слово «гарсон» означает одновременно и очень молодого человека, и юного слугу на протяжении XVI—XVII веков: в наше время так все еще называют официантов. Даже когда начиная с XV—XVI веков стали четче различать внутри хозяйского дома слуг

разных рангов, прислуживать за столом будет ребенок, а не нанятый слуга. Чтобы выглядеть воспитанным, недостаточно умения держать себя за столом, как это считается сегодня: нужно было еще уметь прислуживать за столом. Этому навыку посвящено немало страниц учебников хорошего тона, всевозможных трактатов об этикете и целая глава учебника христианского этикета Ж.-Б. де Ла Саля, самой популярной книги этого плана в XVIII столетии. Это пережиток времен, когда все услуги в домашнем хозяйстве могли оказывать и дети, которых мы называем подмастерьями, и наемные слуги, скорее всего тоже довольно молодые, — различия между двумя категориями проявились лишь постепенно. Слуга — это ребенок, большой ребенок, и не важно, пребывает ли он временно в чужой семье, дабы приобщиться таким образом к взрослой жизни или же без какой-либо надежды стать когда-нибудь хозяином из-за низкого происхождения.

В подобной системе прямой передачи знаний и навыков от поколения к поколению не оставалось места школе. Школа, латинская школа, предназначалась клирикам, латиноязычным, то есть весьма изолированной группе. Она и на самом деле была исключением, и было бы неправильно, только потому что впоследствии она пронизала все общество, через ее историю описывать средневековое образование — это означало бы сделать из исключения правило. Общим правилом для средневекового общества было обучение в людях. Даже ходивших в школу клириков часто отдавали на пансион в чужой дом, как других подмастерьев, а точнее в дом священнослужителя или такого же, но уже опытного клирика, а иногда и прелата, которому они прислуживали. Служба у господина имела в этом случае такое же значение, как и учеба в школе. Затем она была заменена у наиболее бедных студентов стипендией какого-нибудь коллежа: мы рассматривали историю фондов, которые стоят у истоков коллежей Старого порядка.

Встречаются случаи, когда обучение в людях выходит за эмпирические рамки и принимает формы более педагогические. Любопытный пример организованного обучения, вышедшего из традиционного обучения подмастерьев, приводит учебник псовой охоты. Там описываются настоящие школы псовой охоты при дворе Гастона Феба, где обучали «манерам и навыкам, какими должен обладать тот, кто хочет стать настоящим охотником»⁵. Эта рукопись XV века иллюстрирована очень красивыми миниатюрами. На одной из них изображен настоящий класс. Учитель, дворянского звания, если судить по костюму, поднял правую руку с выставленным указательным пальцем: этот жест является символом речи, которую он произносит, в левой руке у него палка — символ непререкаемого авторитета учителя, инструмент наказа-

⁵ L'école des veneurs, Ms. Bibliothèque Nationale.

ния. Три ученика — все трое мальчики еще маленького роста — сжимают в руках свитки, содержание которых они должны знать наизусть: самая обычная школа. На заднем плане за происходящим наблюдают два старых охотника. Тема другой похожей по духу сцены — обучение искусству трубить в рог: «Как должно пользоваться рогом и трубить». Все это были вещи, которым учились на практике, как верховой езде, владению оружием и рыцарским манерам. Вполне возможно, что некоторые виды профессионального образования, такие как техника письма, вышли из практического уже упорядоченного обучения, по форме напоминающего школьное.

Тем не менее это скорее исключение, чем правило. Передача знаний и навыков от поколения к поколению обуславливалась широким участием детей в жизни взрослых. Так можно объяснить тесное сосуществование детей и взрослых, с которым мы сталкивались на протяжении всей нашей книги и которое наблюдается даже в классах коллежа, где, казалось бы, ученики должны быть более строго разделены по возрастам. Но в те времена никто и понятия не имел о разделении детей на разные возрастные категории, столь привычном для нас. Сцены из повседневной жизни представителей того или иного ремесла часто собирают вместе детей и взрослых: так, малолетний подмастерье готовит краски для художника⁶; целая серия гравюр Страдано о ремеслах изображает детей в мастерских рядом со старшими товарищами. То же самое наблюдается и в армии. Известны примеры четырнадцатилетних солдат! Однако и маленький паж, несущий рыцарские рукавицы герцога де Ледижьера⁷, или те, что подносят шлем Алофу де Виньякуру на полотне Караваджо в Лувре или генералу дель Васто на полотне Тициана в Прадо, тоже далеко не старики: их голова едва доходит до плеча хозяина. В целом повсюду, где люди работали или развлекались — даже в подозрительных тавернах, — дети были рядом со взрослыми. Так они учились жить — в тесном ежедневном контакте со старшими, социальные группы формировали замкнутые вертикальные образования, они собирали разные возрастные категории, подобно тому как домашние концерты служили сюжетом и для семейного портрета, и для аллегорий возрастов, потому что собирали всех — и детей, и взрослых, и стариков.

В таких условиях ребенок очень рано уходил из-под родительской опеки, даже если он и возвращался после в семью, будучи уже взрослым, что случалось не всегда. Таким образом, семья не могла питать глубокие экзистенциальные чувства между родителями и детьми. Это вовсе не означает, что родители не любили своих детей, но они занимались ими не столько из своей привязанности к ним, сколько потому, что рассчитывали на их помощь в общем деле, в становлении семьи. Семья была скорее мораль-

⁶ Conrad Manuel, musée de Berne.

⁷ Musée de Grenoble.

ной и социальной данностью, чем эмоциональной категорией. В самых бедных слоях понятие семьи было связано с материальным положением супружеской пары внутри более масштабного мира, включавшего деревню, двор, дома «господина» и сеньоров, где бедняки проводили большую часть своей жизни, чем в своей семье, если, конечно, они не были нищими бездомными бродягами. Или понятие семьи ассоциировалось с процветанием фамильного наследия либо с семейной честью. Семья бедняков практически не знала эмоциональной стороны, и когда речь шла о семейном добре или гордости, чувства по отношению к семье возникали из тех же корней, что и древние родовые связи.

*
* *

Начиная с XV века реалии и чувство семьи начинают меняться: глубокие трансформации происходят слишком медленно, чтобы быть отмеченными как современниками, так и историками, их трудно распознать. Впрочем, основной сдвиг весьма заметен — повсеместное распространение школьного обучения. Как мы уже видели, средневековое образование держалось на практическом обучении в чужой семье, куда ребенка отдавали в возрасте семи лет. Отныне образование все чаще и чаще связывается со школой. Она перестала быть учебным заведением для клириков. Теперь она становится обычным инструментом приобщения к жизни в обществе, переходным этапом между детством и взрослой жизнью. Сам механизм мы уже рассмотрели. Он отвечал новой потребности в нравственной строгости со стороны учителей: потребности оградить молодежь от влияния испорченного мира взрослых, продлить пору невинности, воспитать стойкость к соблазнам, которым подвержены взрослые. Он также отвечал желанию родителей быть ближе к своим детям, больше заниматься их воспитанием, отказаться от необходимости отдавать их даже на какое-то время в чужую семью. Вытеснение практического обучения школьным означает и сближение понятий «семья» и «дети», сближение чувства семьи и чувства детства, прежде далеких друг от друга. Семья сосредоточивается на ребенке. Сначала ребенок все же уходит от родителей — поступает в какую-нибудь далекую школу, хотя в XVII веке уже ведутся споры, стоит ли посылать детей в коллеж, не лучше ли учить его дома, взяв наставника. Однако удаленность школяра от дома носит иной характер, чем удаленность подмастерья, да и продолжает оставаться гораздо меньше. Основная часть детей не является интернами коллежа. В основном школяры живут на квартире, у регента например. Им приносят деньги и провизию каждый базарный день. Связь школяра и его семьи усиливается: судя по диалогам Кордье, потребовалось особое вмешательство учителей, чтобы прекратить слишком частые визиты домой, ставшие возможными благодаря

Ж.-Б. Грез.
Сельская школа.
Петербург. Эрмитаж

прямому соучастию матерей. Наиболее обеспеченные ученики никогда не уходили учиться одни, их сопровождали наставник, школяр более старшего возраста или слуга, часто это был молочный брат. Книги по воспитанию XVII века непременно подчеркивают долг родителей выбрать коллеж и наставника, следить за успеваемостью и проверять домашние задания, если ребенок приходит ночевать домой. Таким образом, климат в семье совершенно изменился — он стал близок к климату в современной семье, как будто сам институт семьи появился одновременно со школой или, по крайней мере, с практикой всеобщего школьного обучения.

Что касается малого процента учащихся, вынужденных жить далеко от дома, родители недолго мирились с таким положением. Примечательно, что именно благодаря усилиям родителей, естественно, при помощи магистрата существенно увеличилось количество городских школ. Цель была одна — приблизить детей к дому. В начале XVII века, как показал отец де Дэнвиль, была создана очень разветвленная сеть учебных заведений разного уровня⁸. Вокруг коллежа с полным преподаванием возникла концентрическая система гуманитарных коллежей (то есть без класса философии), многочисленных латинских регентств (с несколькими классами грамматики). Регентства поставляли контингент для высших классов гуманитарных коллежей и коллежей с полным преподаванием. Современники очень заботились о таком стремительном распространении школ. Оно отвечало одновременно потребности в теоретическом образовании, заменившем прежние формы практического обучения, и потребности не слишком удалять ребенка от семьи и держать его подле себя как можно дольше. Это явление свидетельствует об изменении структуры семьи: семья теперь полностью концентрируется на ребенке, а семейная жизнь тесно переплетается с чувствами, связывающими детей и родителей. Оно совпадает во времени, и в этом нет ничего удивительного, с другим явлением — утверждением в иконографии темы семьи в образе супружеской четы и их детей.

Конечно, такое распространение школы, сыгравшее столь значительную роль в формировании родственных чувств внутри семьи, не стало сразу же всеобщим. Вначале оно не затронуло довольно широкий слой детского населения, которое продолжало обучаться старым способом — в качестве подмастерьев. Прежде всего речь идет обо всех девочках. Разве что некоторых из них отправляли в малые школы или монастыри, большинство же училось дома или опять же в людях — в доме родственницы или соседки. Двери обычной школы открылись для девочек только в XVIII веке или даже в начале XIX. В свете сказанного выше заслуги мадам де Ментенон и Фенелона представляются огром-

⁸ Dainville Ph. de. Effectif des collèges // Populations, 1955, p. 455–483.

ными. Долгое время девочек предпочитали учить на практике, а не в школе, и довольно часто обучение проходило в чужом доме.

Что касается мальчиков, школа охватила прежде представителей среднего звена в иерархии сословий, высшее дворянство и люди ремесленных профессий оставались верны традиции практического обучения: пажи важных сеньоров или подмастерья. В среде ремесленников и рабочих практическое обучение доживает до наших дней. Заграничные поездки молодых дворян после учения пропитаны тем же духом: они жили при дворах или в семьях с целью изучения иностранного языка, этикета, приобщения к рыцарским видам спорта; путешествия за границу как часть образования вышли из моды в XVII веке — их заменили академии, что тоже является примером замены практического обучения более специализированным и теоретическим образованием.

Существование пережитков старинного способа обучения на противоположных концах социальной лестницы не предотвратило его закат: школа победила благодаря расширению контингента, росту числа учебных заведений разного уровня и моральному авторитету. Так на базе школы возникла наша современная цивилизация. Со временем она окрепла, увеличив продолжительность и охват школьного образования.

* * *

Нравственные проблемы семьи неожиданно проявились в совсем необычном свете. Наиболее ясно это видно в связи с давним обычаем, позволяющим дать преимущество одному ребенку за счет других братьев, как правило старшему сыну. По всей видимости, обычай этот получает распространение в XIII веке, затем чтобы избежать опасного дробления родового наследия, чье единство больше не защищается принципом неделимости и солидарности линияжа, пришедшими в упадок, а, напротив, находится под угрозой быть поглощенными все большей подвижностью имущества⁹. Привилегированный ребенок — по праву старшинства или просто выбранный родителями — оказывается основой семьи и семейных связей с конца Средних веков до XVII века, но не в XVIII веке. Начиная со второй половины XVII века моралисты-воспитатели оспаривают законность этой практики, потому что она вредит принципу справедливости, противоречит идее равенства прав всех детей на родительскую ласку и еще потому, что она сопровождается мирским использованием духовных ценностей, а все эти моралисты были еще и религиозными реформаторами. Одна из глав трактата Варе «О воспитании детей», опубликованного в 1666 году, посвящена «равенству, которое необходимо соблюдать меж детьми в семье». «Есть и другая несправедливость, поселившаяся в душах христиан, наносящая не меньше вреда принципу одинакового отношения отцов и матерей к своим ча-

⁹ Duby C. Op. cit.

дам, — она состоит в возвышении тех, кого по причине ли возраста, личных качеств или просто каприза предпочитают остальным. (Их „предпочитают“ потому, что на них больше надеются в связи с будущим семьи. Это уже понятие о семье как о независимом от личных чувств сообществе, как о „доме“.) Люди боятся, что при равном разделе наследства между всеми детьми невозможно будет достигнуть желаемого процветания и славы своей семьи. Старший не смог бы выполнить всех своих обязанностей, которые на него пытаются возложить, если бы его братья и сестры имели бы те же преимущества, что и он. Значит, нужно поставить их в такую ситуацию, чтобы они не могли оспаривать его права. И их посылают в монастыри против их воли и с ранних лет приносят в жертву интересам того, кто предназначается миру и суете»¹⁰. Любопытно, что ложное духовное призвание и предпочтение старшего вызывают волну возмущения, но от него не остается и следа, когда речь идет о браке: в этом случае власть родителей остается незыблемой.

Текст, приведенный выше, выражается категорично. В «Правилах воспитания ребенка» Кустель, напротив, предстает в некотором затруднении — он очень осторожно критикует эту старую традицию, связанную с продолжением общества на основе семьи. Он допускает предпочтение одного ребенка родителями: «Дело не в том, что родители плохо поступают, предпочитая среди своих детей самых добродетельных и умных. Но, я полагаю, было бы опасно показывать это предпочтение»¹¹.

Аббат Гуссо в своей книге «Портрет благочестивого человека», появившейся в 1692 году, выражается еще более эмоционально: «...желание отдать лучшую часть семейных благ старшему сыну, чтобы держать его всегда в блеске и тем увековечить свою фамилию (здесь очень хорошо чувствуется противопоставление современного эмоционального понятия семьи и понятия семьи-дома), — это не только проявление тщеславия; это еще и вопиющая несправедливость. Чем заслужили младшие такое отношение к себе? <...> Есть и такие родители, которые для того, чтобы утвердить одних далеко за пределами того, что они могут, жертвуют другими и запирают в монастырях, не спросив их собственного мнения и не разобравшись, является ли это их призванием... Отцы их любят меньше и искусственно ставят в низшее положение»¹². Несмотря на свои убеждения, Гуссо, тем не менее, допускает, как бы с поправкой на общественное мнение, что родители «могут любить одного из детей больше, чем остальных», однако «эта любовь должна быть похожа на пламя, прячущееся под углями».

Мы подошли к истокам установки, приведшей к равенству Гражданского кодекса*, в конце XVIII века она уже обуславливает нравы. Попытки восстановить в начале XIX века привиле-

¹⁰ Varet. De l'éducation des enfants. 1661.

¹¹ Coustet. Règles de l'éducation des enfants. 1687.

¹² Coussault. Portrait d'un honnête homme. 1692.

* Гражданский кодекс, или Кодекс Наполеона (1803—1804), составленный на основе римского права, обычного права, судебной практики парламентов, учений старых законовевдов, революционных законов, состоял из 2281 статьи. Главным принципом Кодекса было равенство всех граждан перед законом.

гии первородства натолкнулись на непреодолимое неприятие общественного мнения: очень немногие отцы даже в дворянских семьях воспользовались предусмотренным законом правом отдать преимущество одному из своих детей. Фуркасье опубликовал письмо Вийеля, в котором тот жалуется на провал своей политики и предсказывает скорый конец института семьи¹³. В действительности уважение равенства между детьми свидетельствует о продвижении семьи-дома к семье современной, построенной на чувствах. Люди стараются придать сыновней и отцовской любви, несомненно, старой как мир, новое значение, потому что именно на ней стараются отныне строить семейные связи. Теоретики начала XIX века, к которым примыкает Вийель, считали чувства довольно хрупкой основой; они предпочитали им более основательную концепцию — отчий дом, рациональную и общественно обусловленную причину, независимую от личных привязанностей; они также почувствовали, что именно отношение к детству лежит у истоков этого нового семейного мышления, которое им казалось таким подозрительным. Вот почему они попытались восстановить право наследия по старшинству, разрушая таким образом традиции моралистов Старого порядка.

Нам здесь важно отметить, что ощущение равенства между детьми в семье смогло получить развитие в новом эмоциональном и моральном климате благодаря сближению родителей и детей.

*
* *

Представляется необходимым соотнести с этими соображениями явление, в 1677 году ставшее объектом судебного разбирательства, показательного как своей новизной, так и в моральном плане¹⁴. В те времена регентам разрешали жениться, однако женатым регентам по-прежнему отказывали в должности при университетах. Так, в 1677 году женатый преподаватель был выбран деканом в Парижском университете (Tribu de Paris). Проигравший кандидат, судебный чиновник дю Булэ, опротестовал результаты выборов, и дело было направлено в Совет по частным делам. Адвокат дю Булэ приводит в своей записке причины, по которым следует сохранить целибат учителей. Регенты обычно имеют у себя дома пансионеров, и, таким образом, нравственность мальчиков оказывается в опасности: «Неудобства слишком велики из-за того, что женатым регентам часто приходится принимать молодых людей, которых они учат, в присутствии своих жен, дочерей и служанок. Ничто не может воспрепятствовать этому ни в отношении пансионеров, что живут у них, ни в отношении экстернов. Господам членам комиссии следует задуматься: неприличное для школяра соседство женских юбок, с одной стороны, и их книги и чернильницы, которые часто перемешаны в общей куче с одеждой, с другой стороны; вид женщин

¹³ Fourcassie J. Villèle. 1954.

¹⁴ Ferté H. Des grades universitaires dans l'ancienne Faculté des Arts. 1868.

Габриель Метсю.
Больной ребенок.
1660-е.
Амстердам, Рейхсмuseum

и девушек, расчесывающихся, одевающихся или поправляющих свой туалет, детей в колыбели или ползунках и прочих атрибутов семейной жизни».

На последний аргумент, особенно интересный в контексте нашего исследования, женатый регент отвечает так: «Дю Булэ говорит так, будто только вчера приехал из родной деревни... Так как всем хорошо известно, что в домах, где есть женщины, имеются предусмотренные для них комнаты, где они переодеваются в частной обстановке (частная обстановка означает свое пространство, куда никто не может войти без стука — новое по тем временам понятие, не известное еще в деревне), и отдельные комнаты для школяров». *Что же касается младенцев в люльке, то их и вовсе не видно в парижских домах — они у кормилиц:* «Так же всем хорошо известно, что грудных детей отправляют к кормилице, живущей в какой-нибудь деревне неподалеку, так что у женатых в доме столько же колыбелей и ползунков, сколько их в конторе у господина дю Булэ».

Из этих текстов можно заключить, что обычай отправлять детей к кормилице, «живущей в какой-нибудь деревне неподалеку» был достаточно распространенным среди городских социальных слоев уровня регента, однако практиковаться он начал не так давно, так как жалобщик мог действительно о нем не знать. Обычай этот получил наибольшее распространение в XVII веке, в то время как воспитатели-моралисты стали его особенно критиковать — они задолго до Руссо советовали матерям самим кормить своих детей. Однако их мнение, часто производившее должный эффект, опиралось на традиционные условности времен Квинтилиана. Оно не смогло победить практику, основанную на личном опыте и соответствовавшую наилучшему обхождению с детьми для своей эпохи. Представьте себе трудности кормления грудного ребенка, если у матери было недостаточно молока. Давать коровье? Именно это было уделом бедняков. Гуманист Томас Платтер, подчеркивая нищету собственного детства в начале XVI века, приводит в качестве самого сильного аргумента тот факт, что его вскормили коровьим молоком. Санитарные условия доения позволяют понять причину отвращения к этому продукту. Впрочем, вскормить таким молоком было сложно и технически: обращение со странными посудинами, выставленными в музее акультета фармацевтики в Париже, служившими детскими бутылочками, требовало немалой ловкости и терпения. Вот причина появления кормилиц. Что это были за кормилицы? Можно предположить, что их находили чаще всего среди женщин того же дома — молочный брат часто оставался в семье и воспитывался вместе с другими детьми. В богатых домах XVI и начала XVII века для грудничков имелось особое место. Почему же в семьях среднего достатка, например регентских, в семьях млад-

ших офицеров, появляется привычка отправлять их в деревню? Можно ли истолковать эту относительно недавнюю практику как меру предосторожности, — я не решаюсь еще произнести здесь слово гигиена, — напрямую связанную с другими явлениями, в которых мы увидели признаки нового отношения к детям?

Итак, несмотря на пропаганду, развернутую философами, люди хорошего достатка, дворяне и буржуа, продолжали пользоваться услугами кормилицы до конца XIX столетия, то есть до момента, когда развитие гигиены позволило без всякого риска применять молоко животного. Тем не менее положение все-таки претерпело кое-какие изменения, теперь не ребенка несут к кормилице, а кормилица идет к ребенку: она будет жить в доме, родители больше не захотят расставаться со своими грудными детьми. Явление по своей значимости сравнимо с вытеснением экстернатом интерната, которое мы рассмотрели в предыдущей главе этой книги.

*
* *

История, набросанная нами здесь, с некоторой точки зрения предстает историей торжества современной семьи над другими формами человеческих отношений, стоящими у нее на пути. Чем больше времени человек проводит на улице или в трудовых, религиозных сообществах, тем больше они подчиняют его разум и тем меньше остается места для семьи в его системе ценностей. Если же отношения с коллегами, соседями, родственниками меньше подавляют сознание, если они перестают отчуждать его, то чувство семьи вытесняет все другие представления о верности и служении и становится главным, а иногда единственным. Вслед за чувством семьи развиваются и понятия частной жизни и семейной близости. Они не получают никакого развития, когда дом слишком открыт; для них нужен минимум закрытости. Долгое время условия жизни не позволяли семье отгородиться от внешнего мира. Одним из главных препятствий являлось, несомненно, отдаление собственных детей, отправленных в люди, и их замена в доме детьми чужими. Однако недостаточно одного лишь возвращения детей в семейный круг благодаря школе и произошедшего, таким образом, укрепления семьи: мы еще очень далеки от современной семьи с ее насыщенной внутренней жизнью. Несовместимые с ней старые социальные структуры существуют почти повсеместно. В XVII веке установился некий баланс между центробежными, социальными, силами и центростремительными, семейными, не переживший развития семейной близости, возможно, вследствие технического прогресса. На предыдущих страницах мы наблюдали пробуждение центростремительных сил. Рассмотрим теперь силы центробежные, являющиеся пережитками более ранних, очень плотных социальных структур.

Историки уже не раз обращали внимание на довольно долгое, почти до конца XVII века, преобладание отношений зависимости — явление, которому раньше не придавалось особого значения. Централизация королевской власти при Ришелье и при Людовике XIV носила скорее политический характер, чем социальный. Если им и удалось ограничить власть, опять же политическую, соперников короны, то социальный аспект остался нетронутым. Французское общество XVII века было обществом иерархически связанных клиентел, когда малые мира сего, то есть «частные лица» присоединялись к более могущественным¹⁵. Для формирования этих групп требовалась целая система тесных контактов — ежедневных, физически воспринимаемых, личных. Конкретно это означает постоянные многочисленные визиты, активное общение, встречи, обмены. Успехи в материальной сфере, социальные условности, развлечения, все еще коллективные, в отличие от сегодняшнего дня, были неотделимы друг от друга, как, впрочем, и частная жизнь, профессиональная деятельность, светская или общественная жизнь. Главное было поддерживать крепкие отношения со всей социальной группой, в которой человек родился, и, искусно пролезаясь системой этих отношений, улучшать свое положение. Преуспеть не означало нажить богатство или хорошо устроиться — или, по крайней мере, эти ценности носили вторичный характер; это означало, прежде всего, получить более высокий ранг в обществе, члены которого встречаются и общаются каждый день. Когда французский переводчик Лоренсо Грасиана (1645) использует фразу «будущий герой должен найти хорошее место», он имеет в виду не то, что мы называем хорошим местом сегодня, а «такое место, которое позволяло бы делать свое дело на виду у всех к большому удовлетворению каждого и для большой пользы собственной репутации»¹⁶.

Искусство успеха заключалось в искусстве быть приятным в обществе. Вот как его понимал Бальтасар Кастильоне в своей книге «Придворный» (XVI век): «Каков, в моем представлении, должен быть образ поведения, наиболее подходящий человеку благородному, который живет при дворе государей, так чтобы он мог отменно им послужить в любом достойном деле, получая за это с их стороны благорасположение, со стороны же прочих — одобрение». Будущее полностью зависит от репутации. «Мне кажется есть еще одна вещь, которая дает или отнимает репутацию, — выбор друзей, с которыми надо будет общаться и тесно встречаться». Вся литература XVII века отдает очень важное место дружбе, которая из всех видов межличностных отношений является самым развитым. Отсюда значение умения общаться по тому же Кастильоне: «Хотелось бы мне еще раз послушать о правилах жизни и общения с мужчинами и женщинами: мне кажется, что это самый значительный предмет из всех существующих

¹⁵ Adam A. Histoire de la littérature française au XVIIe siècle. T. I (1948), II (1951). Mousnier R. Soulèvements populaires avant la Fronde // Rev. Hist. mod. et cont., 1958, p. 81–113.

¹⁶ «L'Héros» de Laurens Gracian, gentilhomme aragonais. 1645.

щих, тем более что при дворе этим только и занимаются»¹⁷. И не только при дворе. Все так называемые учебники этикета, хороших манер и правил поведения XVII века постоянно подчеркивают важность умения общаться, умения держать себя во время бесед и т. д. В комментариях рассматриваются малейшие детали. «Очень часто беседа грешит разнообразием стилей или неподходящей темой»¹⁸. В беседе должно уважать правила приличия. Следует избегать слишком личных, семейных, бытовых или практических тем: «Совершают огромную ошибку и те, у кого на устах только жена, дети и кормилица. Мой мальчик вчера меня так позабавил. Вряд ли вы найдете более милого ребенка, чем мой. У моей жены то, се...». Следует избегать лживого хвастовства (мы находимся в эпохе корнелевского «Лжеца»^{*}). Или же цитата из «Новых правил поведения» (1671). «Первый урок — никогда не следует в качестве вступления или аргумента приводить ничтожные темы, когда вы общаетесь с умными и значительными людьми, равно как поднимать сложные вопросы с людьми, которые в них мало смыслят... Не следует говорить в компании о вещах грустных, таких как ранения, уродства, тюрьма, суд, война или смерть (что же тогда остается?). <...> Не рассказывайте о своих снах, свое мнение высказывайте только тогда, когда вас об этом попросят, не поправляйте других, это дело отцов, матерей и сеньоров. <...> Не говорите, не подумав прежде о том, что хотите сказать»¹⁹.

Необходимо учесть, что искусство общения не являлось второстепенным предметом, как танец или пение. Настольная книга XVII века, о которой Сорель говорил: «Если где-то встречаются человека допускающего ошибки в манере себя вести, про него говорят — он не читал „Галатео“²⁰, так вот „Галатео“ уточняет, что речь здесь идет об одной из добродетелей: „Я начну... с того, что полагаю необходимым знать, чтобы к тебе относились как к человеку воспитанному и просвещенному, умеющему вести приятную беседу, что само по себе является добродетелью или чем-то очень близким к ней”²¹. «Галатео» проходили во всех коллегиях иезуитов. В Пор-Рояле немного позже Николь[†] выскажется в том же духе в своем трактате «О христианском этикете»: «Любовь окружающих необходима каждому из нас. У человека есть совершенно естественная потребность заслужить ее... Мы любим или притворяемся, что любим, с целью привлечь расположение других. На этом и строится умение держать себя в обществе, что-то вроде соглашения с собственным самолюбием, где стараешься привлечь любовь ближнего, демонстрируя свою расположенность к нему»²². Хорошие манеры значат для добродетели то, что и богоугодные поступки для духовной практики. «Крепость их союза (союза достойных людей) зависит не только от общности воззрений, но и от иных канатов, прочно стягива-

¹⁷ Пер. О. Ф. Кудрявцева; цит. по: *Кастильоне Б. О придворном // Опыт тысячелетия*. М., 1996. С. 476.

¹⁸ *Casa C. della. Galatée*. 1666.

^{*} *Корнель Пьер* (1606—1684) — французский драматург-классицист, автор трагедий «Сид», «Полиевкт» и др. Сюжет комедии «Лжец» Корнель заимствовал из пьесы «Сомнительная правда» (1630) испанского драматурга Хуана Руиса де Аларкона (1581—1639), напечатан «Лжец» был в октябре 1644 г.

¹⁹ *La civilité nouvelle*. 1671.

²⁰ См. прим. 18.

²¹ Цит. по: *Magendie M. La Politesse mondaine au XVIIe siècle*. 1925.

[†] *Николь Пьер* († 1695) — французский моралист, автор «Трактата о воспитании и образовании короля», «Постоянства веры в отношении евангелистов», «Обосновании предубеждения против кальвинистов», один из главных пропагандистов пор-роялевского янсенизма, логик.

²² *Nicole. De la civilité chrétienne*, in: *Essais de morale*, 1733, t. II, p. 116.

ющих его»: от соблюдения приличий и умения жить в обществе. Когда живешь в определенном мире, следует «не упускать ни одного случая» и «влюбить в себя их» (людей).

Такой подход вовсе не нов; он восходит к очень древней концепции общества, в котором передача культурного наследия и практических знаний осуществлялась не столько школой, сколько непосредственно в процессе обучения на практике, — общества, где письмо не имело еще своего огромного значения в повседневной жизни. Показательно, что сам этот образ мысли остается действенным в обществе, где значительный прогресс школьного образования говорит о все возрастающем влиянии иного типа мышления. Такое сосуществование старого социального устройства и школьной системы нового типа хорошо ощущали современники, и особенно воспитатели-моралисты, некоторые из которых были очень близки к Пор-Роялю. Почти все они задавались вопросом, какой способ образования лучше — домашний с частным учителем или общественный в школе. По правде говоря, проблема не была столь новой, как это может показаться, раз о ней упоминает еще Квинтилиан: это можно, конечно, назвать прецедентом, однако споры касались конкретных случаев и шли в контексте эпохи. В «Благородном юноше» де Гренай так ставит вопрос: «Мое мнение, я вовсе не хочу принизить старинные традиции с помощью новых идей или выразить недовольство порядком в коллежах, признанным столькими мудрыми людьми... я всего лишь позволяю себе заметить, что коллежи — это академии, полезные для общества в целом, на самом деле не столь уж необходимые для частных лиц»²³. (Благородные «частные лица» попросту бедные дворяне в противоположность большим сеньорам.) С их помощью «бедным наравне с богатыми предоставляется возможность приобрести ценнейший груз знаний, что было возможно раньше лишь при условии обладания значительными богатствами. Есть дети, которые не могут нанять учителя на дом и поэтому вынуждены за счет общества бесплатно получить образование, служившее ранее товаром. Однако для тех, кого фортуна так же, как и природа, щедро одарила своими милостями, лучшим способом получения знаний является домашнее образование. Таково мое мнение. Оно не ново, хотя и кажется несколько смелым». Поскольку школы находятся в руках педантов, приведенное выше мнение усиленно муссируется в литературе, по крайней мере начиная с Монтеня, и прочно укрепляется в массовом сознании и среди прописных истин. Огромный скачок в развитии школы несколько не ослабил презрительного отношения к регентам.

Есть и другие причины: школьная дисциплина была слишком строгой. Что сказал бы господин де Гренай о религиозных коллежах или лицеях XIX века! «Так как там (дома) детям не дают этой порочной свободы (потому что они все время находят-

²³ De Grenaille. L'Honnête garçon. 1642.

ся в компании взрослых), их не приходится держать в противном для их природы ограничении». И еще одна фраза, в которой про скальзывают ностальгические нотки по временам, когда детей не выделяли в особую категорию: «К ним относятся совсем не так, как к остальным». Школа либо увеличивает риск испортить ребенка вредными знакомствами, либо задерживает взросление, удаляя ребенка от взрослых, а такое возрастание продолжительности детства рассматривается господином де Гренаем как зло: «Даже если общение с соучениками и не повлияет на ребенка в худшую сторону, тем не менее он неизбежно научится тысячам детских глупостей, от которых ему будет очень трудно отвыкнуть, — освободить его от школярских привычек будет столь же сложно, как и оградить от пороков». Наконец, основной недостаток коллежа заключался в изоляции ребенка, его отрыве от естественной для него социальной среды. «Ему необходимо с ранних лет понять, как нужно вести дела, чему невозможно научить там, где мертвыми занимаются больше, чем живыми, то есть книгами больше, чем людьми». Вот и сущность этой точки зрения: неприятие школы теми, кто придерживался в той или иной степени старой концепции обучения на практике, то есть предпочитал способ образования, при котором ребенок сразу погружался в жизнь общества, где само общество вынуждало ребенка играть собственную роль, минуя переходный этап инициации в обществе, разделенном на возрастные классы, или школы в современных технологических обществах.

Точно такого же мнения придерживался двадцатью годами позже и маршал Кайе в своей книге «Фортуна знатных людей и благородных частных лиц» (1661 год): «Недостаточно изучить все науки, преподаваемые в коллеже; есть иная наука, чья польза огромна... она не говорит ни на латыни, ни на греческом, но показывает, как нужно пользоваться и тем и другим языком. Она обитает во дворцах... у принцев, к ее помощи прибегают в перелуках, где обитают дамы, ей хорошо среди людей военных, она не гнушается обществом торговцев, землепашцев и ремесленников. Ее проводник — осторожность, ее доктрина — искусство общения и жизненный опыт»²⁴. Умение вести беседы и знание общества «сформировали немало достойных людей без помощи книг. Мир сам есть большая книга, которая учит нас непрерывно, во всякую минуту нашего существования; беседы — это живые уроки, ни в чем не уступающие книжным... Простое общение с двумя или тремя светлыми головами может быть полезнее, чем посещение занятий всех университетских педантов, вместе взятых. За один час они дадут нам столько, сколько не дадут нам три дня, проведенных в библиотеке за книгами. В мимике и выражении человеческого лица есть нечто чарующее — по нему можно прочитать все, что собеседник хочет вам сказать».

²⁴ *Maréchal de Cailliére. La Fortune des gens de qualité. 1661.*

В конце XVII века аббат Борделон остается при том же мнении: «Сделайте их (детей) учение менее схоластическим, но более близким к жизни»²⁵. Он беспокоится, чтобы продукт «Пре-красного воспитания» (так называется его книга) не походил на этого педанта:

Сей человек оригинал,
Его учености нет равных,
Умен, как Перс и Ювенал,
Катулл, и с ними Марциал*,
Он знает суть явлений тайных,
Вот только жизнь он не познал†.

Отсюда видно, что на протяжении всего XVII века существовало движение, враждебное школе. Если вспомнить, насколько школа была еще нова в те времена, то такая ситуация не вызывает особого удивления. Моралисты, первыми понявшие значение образования, а его недооценивали и их современники, не сразу уловили роль, которую могла и уже играла школа в воспитании детей.

Некоторые из них, в частности близкие к Пор-Роялю, попытались даже примирить преимущества, признаваемые ими за школой, с преимуществами домашнего воспитания. В «Правилах воспитания детей» Кустель более подробно анализирует проблему, взвешивая все за и против²⁶. Если детей обучают дома, родители лучше следят за их здоровьем (раньше на этом не заостряли внимания), «они лучше познают искусство держать себя в обществе», так как родителям часто наносят визиты. «Незаметно для самих себя они постигают принципы общественной жизни и манеру поведения достойных людей». Однако не все так хорошо: «Что касается времени занятий, очень непросто было бы с ним определиться, из-за того что невозможно установить точное время обеда, от которого напрямую зависит учебное расписание, по причине деловых и прочих визитов, часто совершенно неожиданных, но которых невозможно избежать». Отметим для себя мимоходом огромное количество этих одновременно деловых и дружеских визитов. К тому же существовал риск, что дети будут слишком избалованы родителями. Наконец, «они являются объектом лести и сочувствия прислуги, благодарными слушателями глупых и пошлых шуток лакеев, от влияния которых не всегда возможно ребенка оградить». Ох уж это опасное соседство со слугами; даже самые заклятые враги школы признавали его в качестве весомого аргумента в ее пользу. Так де Гренай допускает, что «родители вынуждены отправлять их (детей) в коллеж, так как им лучше находиться в классе, чем на кухне»²⁷.

Впрочем, Кустель оговаривается, что дискуссия носит теоретический характер, потому как в его время все мальчики ходят в коллеж: «Из всех способов обучения чаще всего останавлива-

²⁵ Bordelon. La Belle éducation. 1694.

* Персий Флакк Авл (34—62) — римский поэт, автор шести созданных по образцу Луцилия и Горация гекзаметрических сатир с прологом, где он пересказал стоическую мудрость, в Средние века его высоко ценили за этическую позицию. Ювенал Децим Юний (ок. 60—после 127) — римский поэт, автор 16 сатир в 5 книгах, в Средние века был одним из самых читаемых авторов. Катулл (первая четв. I в. до н.э.—?) — римский поэт, автор знаменитого цикла стихов, обращенных к Лесбии. Марциал Марк Валерий (ок. 40—ок. 102) — классик римской эпиграммы, его покровителями были Сенека и Лукан, начиная с эпохи Возрождения оказал большое влияние на литературную эпиграмму.

† Пер. С. Корнилова.

²⁶ Coustel Ch. Règles de l'éducation des enfants. 1687.

²⁷ Grenaille. Op. cit.

ются все-таки на коллеже». Коллеж имеет свои преимущества; ребенок «приобретает там выгодные знакомства и друзей, часто остающихся таковыми всю жизнь». Соревнование между товарищами тоже приносит свою пользу: «...дети получают похвальное умение говорить на публике, собрание народа не заставляет их бледнеть, как и положено тем, кто хочет занять высокое положение». Домашнее образование усиливает робость. Заметьте, преимущества коллежа никак не связаны с уровнем образования; они остаются социальными, или, как тогда сказали бы, «цивильными».

Однако у коллежа есть и свои недостатки. Мы знаем, насколько были перегружены классы, где число учеников иногда доходило до сотни. Для Кустеля «огромное количество школяров не лучшим образом влияет на уровень знаний и на нравственность учащихся». В свете того что происходило в перегруженных классах, помня о буйной жизни студента тех лет, можно понять озабоченность Кустеля: «Как только дети попадают в такие места, они очень быстро теряют невинность, непосредственность и скромность, свойственные их возрасту, благодаря которым они еще недавно были так угодны Богу и людям».

Но выход есть: уже Эразм советовал — «на пять-шесть детей надо найти одного или двух порядочных учителей, и пусть они занимаются ими в каком-нибудь отдельном доме». Эта формула была принята в Пор-Рояле: знаменитые малые школы, пусть и недолго просуществовавшие. Тем же принципом руководствуются и многочисленные частные пансионы конца XVII и всего XVIII века.

За несколькими небольшими исключениями моралисты довольно прохладно относятся к коллежу. Историк, ограничившийся только их суждениями, мог бы прийти к выводу, что общественное мнение было настроено довольно враждебно по отношению к школьным формам образования, но мы видели, как люди стремились в переполненные коллежи. Теоретики не всегда лучшим образом представляют свою эпоху.

Однако антишкольные настроения не были случайным явлением; они объясняются тем, что практическое обучение и система социальных связей сохраняли свое прежнее высокое значение, несмотря на прогресс школьного образования. В повседневной жизни соединить и то и другое удавалось гораздо лучше, чем на бумаге, то есть в теоретических выкладках моралистов. Одно не мешало другому. Наравне с обучением в школе существовало обучение в людях, которое также не стояло на месте и совершенствовалось в течение всего XVII века. На нем мы сейчас и остановимся.

*
* *

Слово «цивильный» являлось почти полным синонимом современного французского слова социальный, существо «цивильное» есть существо социальное (общественное). Цивильность понималась как знание общества — так бы сказали сегодня, однако разница огромна. В XVI и XVII веках цивильность представляет собой сумму практических знаний, необходимых для жизни в обществе, которым не учат в школе. Цивильность встречается и в более давние времена под именем «куртуазности» — тогда в школах учились одни лишь клирики.

Истоки литературы о манерах, умении держаться, то есть о цивильности в том виде, в каком она существует с XVI по XVII век, не претерпевая значительных изменений, достаточно сложны. Они проглядываются в трех очень древних жанрах. Прежде всего, это трактаты о куртуазности. В XIV—XV столетиях их много написано на французском, английском, итальянском языках и даже на латыни. Они были адресованы всем: и клирикам, и мирянам, и тем, кто говорил на латыни, и тем, кто пользовался народным языком. По-итальянски в книге «50 правил куртуазности за столом»²⁸: «La prima e questa: le Benedicite²⁹. La cortesia secunda: вымой руки. La terza cortesia: садись только тогда, когда тебе предложат. Тринадцатая: пусть тот, кто подает на стол, будет чистым, пусть он ни разу не сплюнет и не извергнет из себя других нечистот в присутствии хозяев». По-французски в книге «Как вести себя за столом», или на латыни «Stans puer ad mensam», поскольку речь шла о детях или юношах; в английском варианте такие сборники назывались Babels books: в них говорилось, как достойно вести беседу, как приветствовать и отвечать на приветствие, как становиться на колени перед учителем, как отвечать на вопросы и не садиться, пока не пригласят. «Часто стриги ногти, мой руки перед едой. Если вытащил кусок изо рта, не клади его обратно на тарелку... Не копайся в зубах кончиком ножа... Не три руки и не чешись... Не плей за столом... Не спи за столом... Не выдергивай нитки из одежды... Следи за ее чистотой... Следи за тем, чтоб не рыгать». Эти практические советы были, как правило, записаны простенькими стихами. В Средние века они были обращены и к женщинам. «Роман о Розе» является в какой-то степени и трактатом о куртуазности: в нем женщинам рекомендуется носить необычный корсет (без металлического каркаса), содержатся советы относительно дамского туалета, ухода за собой, чистоты «обителы Венеры», которую нужно тщательно выбривать. Позже книги цивильности больше не будут упоминать о женщинах, как будто роль последних значительно ослабла в конце Средневековья.

²⁸ *Fra Bonvenisco da Ripa. Zinquanta cortesie da Tavola. 1292.*

²⁹ Первая такова: Благовословение (итал.).

Второй жанр, лежащий у истоков трактатов о цивилизности, — правила общей морали, содержащиеся в сборниках максим позднеримской эпохи, приписываемых в Средние века Катону Старшему*. «Роман о Розе» ссылается на них: «Так думал и Катон, если ты помнишь его книгу». Сборником Катона пользовались на протяжении многих столетий: он переиздавался и в XVIII веке³⁰. Там говорится, как следует жить достойно, уметь сдерживать язык, остерегаться женщин, включая собственную жену, не рассчитывать на наследство, не бояться смерти, не волноваться, если кто-то из окружающих разговаривает вполголоса, и в этом случае не принимать все на свой счет, как обучить детей ремеслу, сдерживать гнев на слуг, скрывать свои ошибки, так как лучше их скрыть, чем приобрести плохую репутацию, не заниматься колдовством или гаданием, не рассказывать о своих снах, хорошо выбрать супругу, избегать обжорства, особенно когда оно в паре с «постыдными любовными желаниями», уважать старость, быть строгим мужем и т. д. Эти советы, на взгляд современного человека, замешаны на банальных нравоучениях, проявлениях социального конформизма и бытовом здравомыслии: что можно и что нельзя делать в тех или иных кругах, в отношениях с женой, слугами, друзьями, в беседе, за столом — все это вперемешку и, на наш взгляд, довольно тривиально. Однако там, где мы усматриваем влияние условностей и только, наши предки видели заповеди жизни в обществе, кладезь настоящих жизненных ценностей.

Третий жанр: искусство нравиться, или искусство любви, по Овидию, — «О любви» Андре Шаплена, Documenti d'amore Франческо Барберини†, учебники любви XVI века. «Роман о Розе» — типичное произведение жанра. Из него узнаем, что нужно избегать ревности, что муж вовсе не повелитель своей жены (позже мнение изменится), что надо знать искусства и науки, чтобы нравиться своей подруге, что нельзя истязать ее, не должно читать ее письма и стараться застигнуть ее врасплох. Кратко изложено, как избегать различных непотребств, не злословить, не говорить грубостей, не поддаваться гордыне, как приветствовать и отвечать на приветствие, хорошо и элегантно выглядеть, быть веселым и радостным, благородным и верным. Все это рецепты, как завоевать симпатию женщин и всех тех, с кем придется общаться в мире, где практически всегда остаешься на виду в довольно многочисленном и требовательном обществе.

Куртуазные трактаты, правила поведения и искусство любви имеют общую цель: приобщить молодого человека (а иногда и даму) к жизни в обществе, единственно возможному способу существования, не считая монастыря, в тесном контакте с людьми, в постоянном общении, идет ли речь о серьезных вещах или играх.

* Катон Марк Порций Цензорий (234 г. до н. э. — 149 г. до н. э.) — римский политический деятель, участник похода Сципиона в Африку (204), противник влияния греческой культуры на Рим, прославился своей строгостью в качестве цензора, имеет славу основоположника латинской прозы.

³⁰ Pseudo Caton. Disticha de moribus.

† Барберини Франческо (1597—1679) — итальянский церковный деятель, с 1623 г. кардинал, был деканом священной коллегии, собрал богатейшую библиотеку.

Средневековая куртуазная литература, сложная и многообразная, меняется в XVI веке, она становится проще. Из нее выходят два жанра, близкие по характеру, но разные по форме: трактаты о цивилизации и о искусстве преуспеть, или «о придворном».

Первый учебник цивилизации был написан Эразмом*, он и основал сам жанр. Все последующие трактаты, а их много, вдохновлены книгой Эразма или вообще копируют ее. Наиболее заслуживающими внимания авторами являются Кордые, Антуан де Куртэн и Жан-Батист де ла Саль, чьи «Правила поведения христианина» будут переиздаваться множество раз в XVIII и даже в начале XIX века.

Трактат о правилах поведения не школьный учебник, однако он отвечает потребностям в более строгом воспитании, чем по старым куртуазным сборникам и псевдо-Катону. Обстоятельства, а именно прогресс школьного типа обучения, требующие от него, содержащего правила поведения, не имеющие ничего общего с поведением в школе и чуждые школе, быть привязанным к первым шагам в учении самых младших, к их первым урокам чтения и письма. По трактатам о цивилизации учили читать и писать. Их издавали в нескольких типографических стилях: прямым шрифтом, курсивом, готическим, а также прописью — последний использовался только в подобного рода книгах и даже получил название «цивильного шрифта». Такая педагогическая направленность придавала учебнику довольно необычный вид. Бывало, что текст печатался сразу на нескольких языках в вертикальных колонках, каждая своим шрифтом: по-французски, на латыни, испанском, итальянском, немецком (и никогда на английском, в те времена мало распространенном и не несшем никаких культурных ценностей). По нему изучали иностранные языки, которые в школе не преподавали.

Тем не менее книги эти предназначались не только для детей. Правила Антуана де Куртэна адресованы «не тем лишь, кто имеет детей, но также тем, кто недостаточно обучен учтивости и вежливости, необходимым в свете»³¹. Посмотрим на читающую девушку с картины Гриму[†] из музея августинцев в Тулузе: на страницах книги, которую она держит в руке, хорошо виден цивилизованный шрифт. Сюжеты, рассматриваемые в таких книгах, не всегда можно отнести к детской литературе; часто это довольно взрослые вещи: как вести себя с женой и со слугами, как дожить до хорошей старости. Там можно найти одновременно и элементы правил поведения для детей, и мораль, по сегодняшним меркам недоступную детям. Этот факт легко объясним, стоит лишь вспомнить об истоках правил: в сущности, они являются редакциями обычаев практического обучения, находящимися под сильным влиянием эпохи, когда преподаваемые детям темы не дозировались, тем более что дети сразу же погружались в жизнь общества;

* Имеется в виду трактат Эразма «О воспитании детских нравов» (1530), центральная этическая посылка которого — внешний вид и поведение всякого человека есть безусловное проявление его сущности.

³¹ *Courlin A. de. Nouveau traité de la civilité qui se pratique en France. 1671.*

[†] *Гриму Алексис (1678–1733)* — французский живописец, работал в Париже, портретист.

у них было время все усвоить — в самом начале им давали сразу все. Затем они оказывались среди взрослых. Мы довольно часто ссылались на книги цивилиности.

Одна из них, «Галатео», имела невероятно большую аудиторию в первой половине XVII века. Ее приняли на вооружение иезуиты: издание 1617 года предназначалось специально для пансионеров «Общества Иисуса» во Флеш и пансионерам коллежа того же ордена в Понт-а-Муссоне³², пансионерам, так как она не была программным учебником и, следовательно, не была рассчитана на приходящих учеников.

«Галатео»: «Прежде сочиненная на итальянском языке Д. делла Каза* и с тех пор переведенная на французский, латынь, немецкий и испанский языки... Трактат, весьма необходимый для обучения молодежи всяким манерам и способам похвально себя вести, быть всюду хорошо принятыми, снискать одобрение в глазах достойных людей, предназначенный для тех, кто не только с удовольствием занимается латинским, но и вульгарными языками, наиболее сегодня распространенными». «Галатео», как и другие учебники цивилиности, учит приличиям — как вести себя в обществе. Мы уже говорили, что это учебник общения. Из него можно узнать, что «класть при всех руку на какую бы то ни было часть тела далеко не похвально», так же как *puer stans ad mensam* XV века предписывали не чесаться на людях. Также нельзя было прилюдно раздеваться или одеваться, отправлять естественные надобности, не мыться сразу после этого, испускать «дурной запах». Избегать оскорблять чувства других, «не скрипеть зубами, не свистеть, не тереть камнем о камень или железом по железу». В другом своде правил добавится еще: не хрустеть костями, стараться кашлять и чихать как можно тише, не зевать, не держать рот открытым, не рассматривать свой носовой платок. Там же можно вновь обнаружить и принципы поведения за столом, сохранившие свое значение вплоть до конца XVIII века; еда оставалась социальным ритуалом, — чего про нее сегодня уже не скажешь, — где у каждого была только ему отведенная строго определенная роль и где нужно было быть особенно внимательным к своей манере держаться: не есть слишком быстро, не класть локти на стол, не ковырять в зубах, не сплевывать «всякий раз, когда хочется, а если уж никак нельзя перетерпеть, то сделать это каким-нибудь приличным образом». Там же говорится и о манере одеваться: «...мужчина должен научиться приблизить сколько он может фасон своей одежды к фасону других жителей города и следовать общему обычаю». Малейшее несоответствие в этой области, как, впрочем, и в любой другой, расценивалось как дерзкий вызов обществу. Надо всегда уступать желаниям компании и никогда не навязывать своего; не просить бумаги или туалетного горшка, когда мясные блюда уже готовы и руки вымыты.

³² *Bienséance de la conversation entre les hommes. Pont-à-Mousson, 1617.*

* *Каза Джованни Делла (1503–1556)* — итальянский писатель и церковный деятель, с 1544 г. архиепископ Беневентский и папский нунций в Венеции, боролся с протестантами, при папе Павле IV был государственным секретарем; самым известным его сочинением стало наставление по хорошим манерам «*Il Galateo*». Слово *Galateo* стало в Италии нарицательным.

Нельзя ни дичиться, ни фамильярничать, ни предаваться меланхолии. Везде надо сохранять достоинство: при слугах (некоторые «не перестают бранить своих слуг и все время их отчитывают, держа всю семью в постоянном напряжении»), на улице, где нельзя идти ни слишком быстро, ни слишком медленно и ни в коем случае нельзя разглядывать прохожих.

Издания трактатов о цивильности следуют одно за другим с XVI по XVIII век почти без изменений. Правила Ж.-Б. де Ла Саля имели такой же успех в XVIII веке, что и правила Эразма, Кордые или «Галатео» в XVI—XVII веках, его книга называлась «Правила поведения христианина». То, что набожный воспитатель, создатель учебного заведения, имевший все полномочия и ответственность, счел не лишним написать трактат о цивильности, где, как и в предшествующих трудах подобного плана, речь шла о хороших манерах, одежде, прическе, поведении за столом и т. д., говорит о значении, которое придавали теме, ставшей сегодня второстепенной. Конечно, дело тогда имели в основном с публикой довольно грубой и неотесанной, а потому предмет «хорошие манеры» был более необходим, чем теперь в нашем обществе, контролируемом полицией и властями: государство вытеснило хорошие манеры из воспитания индивида, заместив их другими «предметами» — в школе, в правилах уличного движения, во время военной службы... К тому же люди полагали, что в общественной жизни не было ничего малозначительного, настолько сам факт межличностного общения был важен. Вот почему нет ничего удивительного в том, что Ж.-Б. де Ла Саль, реймский каноник, тоже написал традиционные советы по поведению в обществе: «Особо надо следить за тем, чтобы не было грязи и насекомых; эта забота и предосторожность должны соблюдаться и по отношению к детям». Долгие рассуждения о том, как нужно сплевывать. «Стыдно иметь грязные руки; немые руки можно терпеть только у работников и крестьян». «Когда хочется помочиться, необходимо удалиться в укромное место, также если речь идет и о справлении других естественных надобностей, должно (даже детям) делать это в таком месте, где бы тебя не увидели». «Разговаривая с кем-либо, неприлично размахивать руками», «не следует дергать ногой, раскачиваться, когда с кем-то говоришь (непростительно даже для детей), также нельзя переплетать ноги». Относительно одежды: «Неприлично, чтобы ребенок был одет как взрослый мужчина, чтобы одежда молодого человека была бы украшена больше, чем одежда старика». И конечно, целая длинная глава о «том, как надо резать и подавать мясо», сервировать стол, накрывать и убирать с него — функции, выполняемые детьми и молодыми людьми.

Огромное количество сборников правил в многочисленных изданиях и переработках от Эразма до Ж.-Б. де Ла Саля и более

поздних авторов — доказательство тому, что школа не полностью монополизировала функцию передачи знаний и опыта. Еще очень большое значение придавалось всем этим хорошим манерам, которые веком раньше являлись основной частью цикла практического обучения. «Спокойное и гармоничное поведение ребенка, — писал английский педагог XVII века, — в большей степени усиливает доверие к школе, чем какое бы то ни было солидное образование, так как по нему все видят, что ребенок образован, хотя на самом деле его знания, может быть, и не простираются слишком далеко, поскольку хорошие манеры являются главной частью хорошего воспитания»³³.

*
* *

Еще в начале XVII века говорили «знать „Придворного“» (книга о манерах), подобно тому как говорили — «он читал „Галатео“». С «Придворным» Бальдасаре Кастильоне появился новый жанр, точно так же, как Эразм дал образец для цивильных трактатов: жанр этот — искусство расположить к себе и преуспеть. Он отличается от учебников цивильности тем, что не рассматривает первичные элементы приличий: «Хороший педагог преподает детям не только то, как грамотно писать, но и как достойно себя вести, правильно есть, пить, говорить и ходить по улицам». Предполагается, что ребенок это уже хорошо знает. Тем не менее у «Придворного» и учебников цивильности, или, точнее, у литературы, вышедшей из них, есть общая часть: как понравиться обществу и как преуспеть благодаря правильному поведению в нем. Она-то и стала главной темой «Придворного» и книг, подобных ему, например «Героя» испанца Лоренсо Грасиана*, переведенного на французский, «Достойного человека» Фаре, Бардена и другой специальной литературы, исследованной Д. Морне³⁴.

Сам предмет можно свести к двум основным понятиям: амбиции и репутация. Наличие амбиций является ценным качеством. Никто не должен довольствоваться своим настоящим положением, всякий должен стремиться поднять свой статус. Это стремление вверх изображается здесь не как желание во что бы то ни стало завладеть всеми возможными благами и жить на широкую ногу, а как идеал, требующий строгой самодисциплины и железной воли, как идеал героя, в котором узнается дух Ренессанса, который будет преобладать до середины XVII века. Он выражен, хотя и довольно наивно, в тексте «Благородного юноши»³⁵. Автор господин де Гренай знает, какое значение имеет дворянство: «Желательно, чтоб достойный юноша имел дворянское происхождение... Согласитесь, в дворянах от природы есть какое-то достоинство, которое они сохраняют даже находясь у крайней черты. Их дети, кажется, командуют и тогда, когда выполняют при-

³³ Watson F. The English Grammar schools to 1660. 1907.

* Лоренсо Грасиан — псевдоним испанского писателя Бальтасара Грасиана (см. прим. на стр. 141), под которым он издал трактаты «Герой» (1637), «Политик» (1640), вторую часть романа «Критикон» (1653).

³⁴ Mornet D. Histoire de la littérature classique. 1940; Magendie M. Op. cit.

³⁵ De Grenaille. Op. cit.

казы других, в то время как, наблюдая за начальниками из простолудинов, иногда кажется, что именно они находятся в подчинении, хотя они-то и распоряжаются». И все же эту концепцию порядка, опирающегося на происхождение, сопровождает другая, социальная, концепция, занимающая столь же значимое место у автора, для которого голубая кровь есть «божественное качество, поддерживающее мужество, добродетель, а не тщеславие». Это качество приобретает через добродетель или реноме и растет благодаря «благородным амбициям». Достойный юноша поднимет звание своей семьи: «Если он родился простым дворянином, то захочет стать бароном, если он маркиз — постарается стать графом. Наконец, он продвинет свои природные права настолько, насколько ему позволит судьба... Те, кто произошел из семьи благородной, но находящейся не в лучшем положении, должен приложить все свое искусство и умение, чтобы оказаться сильнее природы и подняться как можно выше... В мире гораздо больше людей, выбившихся из грязи в князи, чем князей, оставшихся князьями. Дело в том, что некоторые не упускают ничего там, где другие допускают невнимательность». И Гренай восхищается их смелым продвижением: пусть благородный юноша «знает, что дворянское звание будет иметь еще большую ценность, если он его заслужил, нежели когда оно перешло ему по наследству». Любопытный текст, очень показательный относительно признанного моралью значения амбиций.

Как же осуществить это «возвышение»? Способ только один: сделать себе реноме, репутацию. Знания, профессиональная компетенция, моральные качества не берутся в расчет, они просто включаются в общее восприятие человека «известного» и «любезного». Это восприятие необходимо все время поддерживать, а значит, совершать новые подвиги и новые искусные шаги: «Обновлять величие, воссоздавать репутацию и каждый раз вызывать аплодисменты»³⁶. Успех возможен лишь благодаря поддержке более сильных и дружескому расположению равных. Чтобы добиться такой поддержки и дружбы, все способы хороши — можно без колебаний скрывать недостатки и изображать несуществующие достоинства. Такая тактика вполне позволительна: «О человек, чья страсть работает на реноме, ты стремишься к величию, сделай так, чтобы всякий тебя знал, но никто не понял твоей истинной сущности. Таким образом, можно представить среднее многим, многое бесконечным, а бесконечное еще большим».

«Добродетель (Фаре, «Достойный человек»³⁷) является целью всех тех, кто хочет быть воспринятым Двором, где всяк скрывает как может свои нечистоты, пытаясь убедить других в чистоте своей добродетели». Оно и понятно: «... тот кому случится говорить с ним (придворным) всего один раз в своей жизни, уйдет

³⁶ *Laurens Gracian. Op. cit.*

³⁷ *Faret N. L'Honnête homme.*

довольный, о чем и расскажет в миру и чего никогда бы не сделал, если бы заглянул ему в душу»³⁸.

Чтобы приобрести «любовь народа», нужны «душа, полная чудесных качеств и безупречная и совершенная жизнь». Так мы снова возвращаемся к цивилиности, приличиям, искусству жизни в обществе, внешнему виду: «...без чего лучшее исполнение мертво, а само совершенство противно»³⁹.

*
* *

Во второй половине XVII века жанры, вышедшие из правил Эразма и «Придворного» Кастильоне, претерпят некоторые показательные изменения.

Идеал амбициозного, поднявшегося из низов человека эпохи Возрождения сменяет «достойный человек», а Двору приходит на смену Свет. Теперь открыто стремиться к богатству и престижу считается дурным тоном. Рождается новый идеал, который шевадье де Мере культивирует на протяжении всего своего творчества: золотая середина, значительная посредственность. Приличия остаются такой же необходимостью, но постепенно лишаются своего нравственного содержания — соблюдение приличий перестает быть добродетелью. Так едва заметно начинается эволюция, достигшая своего полного размаха в XVIII–XIX веках: тесное людское сообщество Старого порядка вытесняет более хрупкая и менее разнообразная структура светских связей. И тем не менее во второй половине XVII века речь идет лишь о наметившейся тенденции, а само общество, хотя отныне и в меньшей степени подверженное влиянию героического идеала, все еще продолжает быть таким же требовательным.

Учебники цивилиности, как мы уже говорили, долгое время были описаниями хороших манер, предназначенными как для детей, так и для взрослых, в зависимости от того, насколько и те и другие были в них сведущи. Как и в средневековых книгах, послуживших моделью этим сборникам, в них описывалось, как достойный человек должен себя вести, упоминались прежние установившиеся обычаи, не записанные никем ранее, но которым следовали не менее ревностно. Правила второй половины XVII века сохраняют свой традиционный вид, однако оставляют все больше места для советов воспитательного характера, обращенных исключительно к детям, как, например, правила поведения школяра. В «Правилах поведения, полезных для обучения детей» 1761 года издания целая глава посвящена тому, «каким образом ребенок должен вести себя в школе»⁴⁰. Сама книга была вдохновлена правилами и школьными диалогами Кордые, а он занимал пост регента. Ребенок обязан снимать головной убор при входе в класс, как для того, чтобы поприветствовать учителя, так и для того, чтобы поздороваться с товарищами. Место за партой

³⁸ Bardin. Le Lycée. 2 vol., 1632–1634.

³⁹ Laurens Gracian. *Op. cit.*

⁴⁰ La civilité puérile et honnête pour l'instruction des enfants. En laquelle est mise au commencement la manière d'apprendre à bien lire, prononcer et écrire, corrigée de nouveau, et augmentée à la fin d'un beau traité pour leur apprendre l'orthographe..., 1761.

выбирал учитель, и нельзя было самому пересесть: «Не создавайте неудобств своим товарищам, не толкайте друг друга... Не отказывайте им в чернилах, перьях и в чем бы то ни было, если они вдруг забыли принести — так не поступают порядочные и воспитанные люди... Не болтайте на уроках... Проявление злорадства, когда наказывают или застают провинившегося товарища, есть признак лукавого ума». Речь идет не только о приобщении детей к правилам жизни взрослых, которые они постигали раньше с приобретением опыта в процессе практического обучения; теперь учитывается и школьная жизнь — правила подстраиваются под нее. Таковы последствия развития школы и выделения детей в отдельную категорию: в правилах все больше и больше внимания уделяется детям, за счет сокращения места для взрослых.

«Новые правила civility» издания 1671 года уже напоминают трактат о воспитании, обращенный к родителям, что отличает его от традиционных правил, являющихся редакцией обычаев: как наказывать детей, в каком возрасте начинать учить их буквам⁴¹. «Ребенок должен повторять дома то, что он прошел в школе или в коллеже, если же он учится дома, то повторять следует непосредственно перед учителем». Вечером родители рассматривают его поведение в течение дня: «Если ребенок вел себя как человек», его моют и ласкают. Если он совершил несколько мелких проступков, его наказывают, то есть «журят, высмеивают то, что он сделал, или придумывают иное легкое наказание... Если же его проступок близок к преступлению, как то: богохульство, воровство, ложь или грубое слово в адрес служанки или слуги, или упорное непослушание, то его следует наказывать розгами... Затем ребенок прощается со своими родителями и учителями и идет в уборную... Наконец, сняв одежду, он может лечь спать, без разговоров и баловства (ребенок никогда не спал в одиночестве). Лечь же он должен таким образом, чтобы его поза была удобна и прилична, он также должен быть полностью укрыт. Не следует спать ни на спине, ни на животе, но только на боку (совет средневековой медицины), не снимая рубашки, как того требуют приличия и необходимость быстро одеться, если вдруг что-то случится».

Даже в расширенном варианте традиционные правила выглядят слишком узкими в свете новых нужд воспитания. Тогда-то и появляются, в частности в Пор-Рояле, настоящие практические пособия по воспитанию в виде советов родителям: «О христианском воспитании детей» Варе (1666)⁴², «Правила воспитания детей» Кустеля (1687)⁴³. Хотя эти издания и содержат главы о хороших манерах (за столом, во время беседы), взятые из традиционных учебников civility, они написаны совсем в другом духе. В них говорится о выборе рода занятий, о непрос-

⁴¹ La civilité nouvelle. 1671.

⁴² Varet. De l'éducation chrétienne des enfans. 1666.

⁴³ Coustel. Op. cit.

той проблеме выбора школы, учителей, книг для чтения (исключить романы — настоящий яд для души), об играх, педагогических методах: «Соотносите всегда свои требования, насколько это возможно, с их слабостью, малым возрастом, косноязычием, если так можно сказать, когда готовите с ними уроки». Наряду с советами родителям, советы даются и учителям. Они должны призывать родителей хорошо держать себя в присутствии детей, подавать благой пример, направлять детей в их знакомствах, «поручить им какую-нибудь обязанность, связанную с планами на будущее, ни в коем случае не позволять им вести праздный образ жизни», не подвергать «себя лишним неудобствам ради удобства ребенка»⁴⁴.

Мы далеки даже внешне от традиционных правил, так как здесь уже речь идет не о сборнике взрослых обычаев для детей и других взрослых, более невежественных, а о наставлении семьи в ее долге, ответственности и поведении по отношению к детям. Разница между трактатом о цивильности Эразма и трактатами о воспитании Кустеля и Варе равна дистанции между семьей конца XV века, где преобладают средневековые привычки обучения в людях, и семьей второй половины XVII века, сконцентрированной вокруг детей.

И тем не менее, эти уже почти современные трактаты о семейном воспитании нисколько не мешают успеху традиционных учебников цивильности, так как концентрация семьи вокруг ребенка еще не противоречит прежним устоям тесного сосуществования: сами авторы признают, что «общение в миру» остается важнейшим предметом.

*
* *

Поскольку все зависело от отношений в свете, логично задаться вопросом, а где же люди встречались? Очень многое остается в рамках традиций: часто встречи происходят вне дома, на улице. Это не только случайные встречи в маленьких городах того времени, но и встречи на традиционно для этого предусмотренных площадях и улицах, где во время прогулки в определенные часы можно всегда было повстречать друзей, как это происходит сегодня в средиземноморских городах. Корсо или Пьяцца Маджоре, ныне малолюдные, где едва ли среди прохожих встретишь одного-двух знакомых, были когда-то необыкновенно оживленными. Сегодняшний турист с большим трудом узнает площадь Белькур в Лионе по описанию данному ей в 1664 году итальянским путешественником аббатом Локателли: «Мужчины и женщины прогуливаются под руку, держась за руки, как держат ребенка... Одна женщина идет под руку с двумя мужчинами, один мужчина с двумя женщинами. Человеку, не имеющему привычки к подобным манерам (аббат приехал из Болоньи, где, должно быть,

⁴⁴ Coustel. Op. cit.

Ланье.
Кабак.
Из «Пословиц»

вели себя более скромно, чем в Лионе), кажется, что он попал в бордель... У всех них был веселый вид. Я видел, как они в начале променада брали друг друга под руку, которая так и оставалась согнутой, как будто на ней висела корзина, во время всей прогулки»⁴⁵. Удивление жителя Болоньи XVII века, оказавшегося в этой довольной толпе, где все ходят под ручку, сродни удивлению нашего туриста, попавшего в толпу итальянского города.

Встречи происходили на улице, но тогда где же люди общались? В XIX веке, как, впрочем, и теперь (по крайней мере, мужчины), часто собираются в кафе. Современное общество останется непонятым, если не учесть за кафе отведенного ему в жизни места: только там можно собраться и встретиться в любой момент, что стало уже привычкой. По-английски такое место называется «общественным домом», pub. В XVI—XVII веках жизнь проходила без кафе: таверны и кабаки имели плохую репутацию прибежища недобрых людей, непотребных девиц, солдатни, шатающихся школяров, нищих, авантюристов всех мастей; приличный человек, независимо от своего социального положения, их не посещал. Таким образом, иных общественных мест, нежели частные дома, по крайней мере некоторые из них — самые большие, городские или деревенские, — не было⁴⁶.

Что кроется под понятием большого дома? Совсем не то, что имели бы мы в виду сегодня, тогда это означало прямо противоположное. Сегодня, если жилище называют большим, то соотносят с количеством человек, там проживающих. Большой дом всегда дом с малым количеством жильцов. Как только плотность населения увеличивается, становится тесно — дом перестает быть большим. В XVII веке, как и в XV—XVI веках, «большим домом» называли многонаселенный дом, во всяком случае с большим числом народа, чем в малом. Это очень важное наблюдение, сделанное благодаря трудам многих ныне ушедших из жизни историков-демографов.

Опираясь на подушные переписи 1695 года, был изучен демографический состав населения Экс-ан-Прованса конца XVII века⁴⁷. Этот анализ показал очень резкий контраст между густонаселенными кварталами бедных и менее населенными кварталами богатых: у первых — маленькие дома с небольшим количеством проживающих, у вторых — дома большие, полные народа. В одних домах живут по три человека или меньше, в других 31 человек (двое господ, 6 детей, 17 слуг) * или 17 (двое господ, 8 детей, 7 слуг).

Такая ситуация не является исключительной для Прованса или для XVII века. Недавняя статья о Карпантрасе середины XV века оставляет такое же впечатление⁴⁸. Двадцать три самые

⁴⁵ Locatelli. Relation de voyage en 1664. См.: Blunt W. The adventures of an italian priest. London, 1956.

⁴⁶ Lagniet, Cabaret. Здесь изображена таверна, где присутствие ребенка не кажется, однако, необычным. ⁴⁷ Carrière J. La Population d'Aix-en-Provence à la fin du XVIIe siècle // Annales de la Faculté des Lettres d'Aix-en-Provence, 1958.

* У Арьеса, видимо, опечатка, и иным является или общее количество живущих в доме, или их состав.

⁴⁸ Bautier R. H. Feux, population et structure sociale au milieu du XVe siècle // Annales E. S. C., 1959, p. 255—268.

значительные семьи города объединяют под своей крышей 177 человек, или 7,7 человека на каждый дом; 17,4 процента населения распределены по семьям более восьми человек. У одного из дворян при доме находится 25 человек. Архитектор кафедрального собора живет в обществе 14 подмастерьев. Сложно было бы, опираясь на эти цифры, сделать какие-либо выводы о рождаемости. Напротив, по ним видно, что в богатых домах, помимо собственно семьи, жила целая армия прислуги, подмастерья, работники, клирики, порученцы, приказчики, компаньоны и т. д. Точно так же дело обстоит и в XV и в XVII веках повсюду в Западной Европе. Таким образом, это были большие дома, даже если они и не назывались «отелями», — на каждом этаже имелось по нескольку комнат с окнами на улицу, во двор или в сад. Такие дома сами по себе формировали целую социальную группу. Наряду с большими многонаселенными домами существовали и маленькие, в которых жили только семьи с самыми маленькими детьми. В городе это были дома, какие еще можно увидеть в старых кварталах — с одним или двумя окнами на каждом этаже. Согласно Полю Массону⁴⁹, дома в два окна появились в Марселе как своеобразное улучшение жилищных условий по отношению к домам в одно окно: «Квартиры каждого этажа разделены на две комнаты, окно одной выходит на улицу, окно другой — в другую сторону, в пространство, отделяющее этот дом от соседнего». Однако часто свет из обоих окон освещал лишь одну комнату. Таким образом, одна-две комнаты для городского жилья. В деревне же простые дома также насчитывали одну-две комнаты, причем вторая комната предназначалась для домашних животных. Естественно, здесь идет речь о жилищах, где можно было переночевать (что делалось не всегда) и поесть. Маленькие дома бедняков не выполняли никакой социальной функции. Они даже не могли служить семейным очагом. Серьезность жилищного кризиса, вспыхнувшего в 50-х годах XX века, научила нас понимать влияние жилища на семью. Конечно, при Старом порядке люди были менее чувствительны к тесноте сосуществования. Однако семья должна была иметь минимум пространства, без которого ее существование и развитие чувства семьи, описанного в этой книге, были бы немислимы. Мы с полным правом можем заключить, что бедные люди, не имевшие почти никаких жилищных условий, должны были испытывать лишь простую форму любви к самым маленьким детям, соответствующую элементарному восприятию детства, и совершенно не знали иных более сложных и современных форм чувства семьи. Такие семьи в Средние века были «тихими», то есть элементарными и немногочисленными. Естественно, дети рано покидали эту единственную комнату (сегодня мы сказали бы лачугу) либо затем, чтобы перебраться в другую комнату того же типа, женившись или просто с братом, либо

⁴⁹ Цит. по: *Carrière J. Op. cit.*

уходили в люди — в чужой большой дом в качестве подмастерья, слуги и т. п.

В этих больших домах, не являвшихся ни дворцами, ни отелями, сельских или городских жилищах, занимавших всего один этаж, и находится культурная среда, где развивается чувство семьи. Именно там мы собрали все наблюдения, составившие настоящую книгу. Первая семья — это семья богатых. Ее изображает семейная иконография середины XVII века, гравюры Абрахама Босса, портреты Ф. де Шампеня, жанровые сцены кисти голландских мастеров. Для нее пишут свои труды моралисты, ради нее развиваются коллежи. Для нее, то есть для той части населения, которая состояла из таких семей, включавших в себя, кроме супругов и их детей, не других родственников (такой патриархальный тип семьи встречался редко), разве что иногда какого-нибудь неженатого брата, а целую армию слуг, друзей и протеже.

Такой большой дом играл свою социальную роль. В условиях общества без кафе и public house он был единственным местом, где друзья, клиенты, родственники и протеже могли бы встретиться и общаться. К слугам, клирикам, приказчикам, которые в нем жили, нужно добавить целую толпу нескончаемых визитеров. Последние, по-видимому, мало заботились о времени визитов, им никогда не отказывали: воспитатели XVII века полагали, что частота дружеских визитов мешала установить точное расписание обедов, что, в свою очередь, вредило домашнему образованию детей и оправдывало необходимость отправлять их в коллеж, несмотря на отрицательные с моральной точки зрения стороны тесного школьного общества. Постоянные визиты отвлекали детей от учебы. Одним словом, визиты отнимали много времени, как любое серьезное занятие, под них подстраивалась вся домашняя жизнь, включая еду.

Визиты были не только дружескими или светскими, часто они были профессиональными, однако люди не проводили таких различий. Клиенты долгое время оставались в дружеских отношениях с нотариусом и были его должниками. Ни судьи, ни торговцы, ни банкиры, ни деловые люди не имели отдельных помещений для своей профессиональной деятельности. Все происходило там, где они жили со своими семьями.

Собственно, комнаты не имели и особенной внутрисемейной роли. Они соединялись между собой, самые богатые располагались на благородных этажах, представлявших собой галереи и анфилады. На других этажах комнаты были гораздо скромнее, они тоже были смежными. Ни одно из помещений не имело точного назначения, за исключением кухни, и, тем не менее, часто приготовлением еды занимались у очага самой большой комнаты. В городских домах и домах среднего размера иметь кухню было очень

стеснительно, и когда приходили гости, хозяева предпочитали покупать готовые блюда у находящегося по соседству лавочника. Когда Гортензиус, наставник или регент Франсиона, решил угостить компанию, он так сказал своему доверенному лицу: «...ступай к моему приятелю кабатчику и распорядись, чтоб он прислал мне самого лучшего вина и жаркое. Сказал он это потому, что время было уже позднее и ему все равно пришлось бы угостить ужином всех прибывших, поскольку они привели с собой музыканта и собирались остаться надолго; однако же он на это не досадовал, ибо гости показались ему людьми весьма приятного нрава, и самое меньшее, что он мог сделать, это раскошелиться ради их общества». Франсион отправился к кабатчику вместе со слугой регента, «...и не найдя у него ничего подходящего, взяли одного только вина. Затем мы решили пойти в кухмистерскую, что на Малом мосту. Дядька купил там каплуна и, желая прихватить еще вырезку, принялся обходить всех кухмистеров в поисках хорошего куска»⁵⁰.

Таким образом, люди жили в комнатах, пригодных на все случаи жизни. Ели там не за специальным обеденным столом: самого понятия «обеденный стол» не существовало. Во время обеда расставляли складные подмостки, на которых стелили скатерть, как это можно увидеть на гравюрах Абрахама Босса. В середине XV века Альберти, архитектор и гуманист⁵¹, очень *laudator temporis acti*⁵², написал в своих воспоминаниях о молодости: «Когда мы были молодыми... жена посылала мужу небольшой кувшин вина и хлеб с чем-нибудь съестным; сама она обедала дома, а мужчины в мастерской». Не стоит ловить его на слове — эта привычка была довольно распространена в семьях ремесленников и крестьян, однако он противопоставляет обычаи простого народа обычаям городской жизни своего времени: «Два раза в день накрывался стол как для торжественного пира». На самом деле речь идет о разборном столе. В начале XVII века почти вся мебель была складывающейся или разборной⁵³.

В одних и тех же комнатах спали, обедали, работали, принимали визитеров. На гравюрах можно увидеть кровать рядом с сервантом, на котором стоит посуда или кровать в углу зала, где в данный момент обедают. На картине Кодде, написанной им в 1636 году⁵⁴, изображен бал; в глубине зала, где проходит маскарад, видна запрошенная кровать и занавешенное окно. Долгое время кровати были разбирающимися. Обязанность их собирать была закреплена за пажами или подмастерьями. Автор «Замка счастливой судьбы» хвалит молодых людей, «приучившихся служить по-французски»:

Эти французы управляют со всем очень ловко,
Они очень быстро ставят кровати,
Что меня очень сильно удивляет⁵⁵.

⁵⁰ Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона. С. 171—172.

⁵¹ Michel P. H. *La Pensée de L. B. Alberti*. 1930.

⁵² Хвалящий прежние времена (лат.).

⁵³ *Colombier P. du, Style Henri IV et Louis XIII*. 1941, p. 49.

⁵⁴ P. Codde, in: Berndt, 187.

⁵⁵ *Jardin de Plaisance*. Éd.

Droz et Piaget, p. 93.

Еще в начале XVII века Эроар упоминает в записи от 12 марта 1606 года: «Одевшись (речь идет о будущем Людовике XIII), сам помогает разобрать свою кровать»⁵⁶. 14 марта 1606 года: «Привели к королеве, спит в комнате короля (отсутствующего по делам военной кампании), помогает нести части своей кровати на глазах у королевы; мадам де Монгла показывает, где нужно собирать кровать». 8 сентября 1608 года при отъезде в Сен-Жермен: «...ему нравится самому разбирать свою кровать, не терпится уехать». Однако теперь кровати стали менее мобильными. Альберти, с тоской вспоминая старые добрые времена, отмечает: «Я помню... можно было видеть всех значительных жителей города, отъезжающих в деревню со всеми их пожитками — кроватями и кухонными приборами, которые они затем привозили обратно. Теперь же содержание одной комнаты более громоздко и дорогостояще, чем все, что раньше можно было найти в целом доме в день свадьбы»⁵⁷. Вне всякого сомнения, превращение разбирающейся кровати в солидную мебель, редко передвигаемую с места на место, говорит о большом прогрессе личного пространства. Вскоре кровать начинают украшать, ставят балдахин, вешают занавески, и в таком виде она служит художникам для иллюстрации тем, касающихся частной жизни: комната супругов, комната, где принимают роды, ложе умирающего старика, а также жилище одинокого человека. Тем не менее комната с кроватью не является спальней. Она остается как бы общественным местом. Так, возникла необходимость занавешивать кровать, чтобы оградить от посторонних глаз свое личное пространство. Человек редко спал в одиночестве: он ложился с женой, но часто и с другими людьми своего пола.

Так как кровать не зависела от комнаты и представляла собой небольшой отдельный закуток, их в комнате могло быть несколько, чаще всего по одной в каждом углу. Бюсси-Рабютен рассказывает, как однажды во время боевых действий одна девушка, напуганная солдатами, пришла искать у него защиты и гостеприимства: «В конце концов я отдал распоряжение моим людям уступить ей одну из кроватей, стоявших в моей комнате»⁵⁸.

Можно представить себе обстановку, в которой жили люди в этих комнатах, где нельзя было уединиться, а чтобы добраться до своего места, нужно было пройти целую анфиладу смежных комнат, где в каждой спали по несколько супружеских пар, по нескольку мужчин и женщин (это не считая слуг, которые спали рядом с хозяевами или имели обязанность собирать и разбирать кровати в самой комнате или за дверью), где собирались за обеденным столом, принимали друзей и клиентов, а иногда и раздавали милостыню нищим. Вот почему богатые дома всегда были более населенными, чем маленькие квартиры в две или одну комнату. Попробуем представить такие семьи, где, впрочем, уже за-

⁵⁶ Héroard. Op. cit.

⁵⁷ Michel P. H. Op. cit.

⁵⁸ Bussy-Rabutin. Mémoires. 3 vol., 1704.

рождалось современное чувство семьи, не как убежище от внешнего мира, а как центр общества, очаг плотной социальной жизни. Вокруг них концентрически располагалась система социальных связей, все более слабеющих к периферии: круг родственников, друзей, клиентов, протеже, должников и т. д.

В центре этой сложной системы находились дети и прислуга. Прогресс чувства детства в XVI—XVII веках, настороженность моралистов по отношению к слугам не смогли его разрушить. Это живая и шумная душа большого дома. На многочисленных гравюрах мы можем видеть детей в обществе слуг, часто довольно молодых. Например, на одной из иллюстраций Ланье к пословицам маленький слуга играет с ребенком, который совсем недавно начал ходить⁵⁹. Точно такая же фамильярность, должно быть, присутствовала и в семьях ремесленников, земледельцев, имевших подмастерьев и помощников. Между детьми и слугами не было большой разницы в возрасте, последних принимали в дом очень молодыми. *Book of common Prayer* 1549 года издания вменяет в обязанность главе семьи следить за духовным воспитанием всех детей, находящихся в доме, то есть *children, servants and prentices*⁶⁰. Слуги и подмастерья ставились на один уровень с родными детьми. Они играли между собой в детские игры. «И вдруг лакей аббата, играя, как щенок с милой Жакин, бросил ее на землю, сломал ей руку и вывихнул запястье. Ее крики просто ужасны», — пишет мадам де Севинье, она находит эту сцену забавной⁶¹.

Еще в XVII веке дети продолжали выполнять дома некоторые функции прислуги, например подавали на стол, что сближало их с миром слуг. Они также нарезали мясо, носили многочисленные блюда, которые по исчезнувшему сегодня обычаю подавали одновременно, наливали вино, носили или наполняли стаканы. Учебники этикета до самого конца XVIII века посвящали большую главу тому, как надо прислуживать за столом. В жанровых сценах можно часто видеть прислуживающего ребенка⁶². Само понятие «прислуживать» еще не перешло в разряд низких занятий, сегодня, безусловно, за ним закрепившийся. Факт нахождения в зависимости от другого человека не имел еще унижительного характера, как сегодня. Почти всегда человек кому-либо «принадлежал». Книжки по искусству нравиться XVI—XVII веков, такие как «Придворный», советуют «частному дворянину», то есть неродовитому, хорошо выбрать себе хозяина и постараться заслужить его милости. Общество состояло еще из системы «зависимостей». Отсюда и некоторая сложность в разделении благородной службы и службы наемной для прислуги самого низкого ранга: она проявляется даже в XVII веке, хотя слуг уже относят к низшему сословию людей ремесленных профессий. Между хозяином и слугой всегда сохранялись какие-то особые отношения, заключающиеся не только в выполнении сторонами

⁵⁹ Lagniet, *Proverbes*.

⁶⁰ Детей, слуг и подмастерьев (отданных в ученик) (англ.).

⁶¹ *Mme de Sévigné. Lettres*, 19 août 1671.

⁶² Helmont (1623–1679), *L'enfant servant à table*, in: Berndt, n° 365.

Ян Ваутерс.
Девочка, пекущая оладьи.
Сер. XVII века.
Лейпциг, Музей
изобразительных искусств

условий контракта или сводившиеся к эксплуатации человека человеком: между ними существовала экзистенциальная связь, не исключавшая ни грубости первых, ни хитрости вторых, результат почти ежеминутного общения. Отметим, в каких выражениях моралисты говорят об обязанностях главы семьи: «Поведение мудрого отца семейства сводится к трем основным принципам: первый — научиться оберегать от посторонних свою жену; второй — хорошо воспитывать *своих детей* и третий — вовремя и достаточно платить прислуге... Соломон на этот счет придумал очень мудрое правило, которое заключает в себе все обязанности господина по отношению к слугам. Есть три вещи, которые всегда должны быть у слуг, говорит он: хлеб, работа и наказание. Хлеб, потому что это их право, работа, потому что таково их положение, наказания и выволочки, потому что это в наших интересах... Если слуга сыт и ему хорошо и вовремя платят, его поведение редко бывает неправильным»⁶³. Однако тогда платили вовсе не так, как теперь. Вот что говорит об этом Кустель: «...слишком расточительные родители оказываются не в состоянии вознаградить своих слуг, расплатиться с кредиторами или помочь бедным, как того требует их долг»⁶⁴. Или еще Борделон: «Между хозяевами и прислугой существуют взаимные обязательства. В обмен на службу и почтительное отношение дайте им сочувствие и награду»⁶⁵. Слуге не платили — его вознаграждали, не столько из справедливости, сколько из жалости к более незащищенному существу, — точно такое же чувство испытывали и к детям. Лучшей иллюстрацией к вышесказанному служат слова Дон-Кихота, которые он произнес над спящим Санчо: «Спи, у тебя нет забот. Заботу о тебе ты переложил на мои плечи, такова участь всех, кто по воле судьбы стал слугой. Слуга спит, пока хозяин бодрствует и думает, как накормить слугу, сделать его лучше и совершить для него что-нибудь приятное. Тревога (во время неурожая и т. д.) поселяется не в сердце слуги, а в сердце хозяина, который должен во времена голода и неурожая думать о том, кто служил ему в сытые времена»⁶⁶. Фамильярность этих отношений зависимости проявляется и в комедиях Мольера в разговорах слуг и служанок о хозяевах. В комнатах, где спали, ели, принимали гостей, слуги неотлучно находились рядом с хозяином: в «Кудахта-ные роженицы» служанка совершенно естественным образом встречается в разговоры. Это случается как в домах буржуа, так и в домах высокой знати. «Принцесса (Конде), — пишет мадам де Севинье, — не так давно возымела чувства к молодому слуге, по имени Дюваль, который повел себя достаточно безумным образом, выказав слишком много нетерпеливого страдания по поводу доброго расположения принцессы также и к молодому пажу Рабютену»⁶⁷. Они поссорились прямо у нее на глазах. «Рабютен обнажил шпагу и собирался при ней наказать Дюваля, но тот обна-

⁶³ De Gérard. Entretiens. I, p. 153.

⁶⁴ Coustel. Op. cit.

⁶⁵ Bordelon. Op. cit.

⁶⁶ Сервантес. Дон-Кихот.

⁶⁷ Mme de Sévigné. Lettres. 23 janvier 1671.

жил свою, и тогда принцесса встала между ними, чтобы их разнять. От шпаги у нее на шее осталась легкая царапина».

Эта фамильярность постепенно исчезала в отношениях между взрослыми, а моралисты, озабоченные правильным обращением со слугами, советовали как можно больше увеличить дистанцию между ними и хозяевами: «Не говорите слишком много со своими слугами»⁶⁸. Однако эта фамильярность оставалась у детей и молодых людей. Они играли с самого раннего детства со своими лакеями, почти ровесниками, некоторые из которых имели к ним настоящую привязанность и иногда служили и в коллеже; между ними могла сложиться настоящая дружба. Мы хорошо знаем слуг — персонажей комедий Мольера или слугу из «Лжеца» Корнеля. Но вот слуга из забытой комедии «Школяры» Лариве, он так выражает свои чувства по отношению к хозяину: «Меня вместе с ним вскормили, и я люблю его больше, чем кого-либо из живущих».

Историки давно подметили, что король никогда не оставался один. Впрочем, до конца XVII века никто не остается один. Большая плотность социума не позволяла уединиться, и на тех, кому надолго удавалось запереться в одиночестве, смотрели как на редкостное явление: отношения между равными, между людьми одного сословия, но зависящими друг от друга, отношения между хозяевами и слугами, продолжавшиеся каждый день всякую минуту не давали человеку побыть одному. Такое строение общества отсутствием личного пространства долгое время мешало развитию чувства семьи. Новый или, по крайней мере, по-другому понятый вид межличностных связей, развивающийся в XVI—XVII веках между родителями и детьми, не нарушил старой структуры. Это сознание детства и семьи, в том смысле, в каком мы говорим о сознании социального класса, требовало личного физического и морального пространства для человека, чего прежде не существовало. Однако оно приспособилось к этой эпохе постоянного совместного пребывания. Соединение традиционной схемы и нового восприятия детства и семьи произошло лишь в части семей — богатых городских или деревенских, дворянских или простых, крестьянских или в семьях ремесленников. Дома этих людей стали очагами жизни, вокруг которых вращался маленький, но достаточно сложный мир. Это равновесие между семьей и обществом не могло противостоять эволюции нравов и дальнейшему развитию личного пространства.

*
* *

Начиная с XVIII века семья отдаляется от общества, перестает допускать его в расширяющиеся пределы частной жизни. Организация дома отвечает новой потребности в защите от внешнего мира. Можно говорить уже о современном доме, где каждая

⁶⁸ Bordelon. Op. cit.

комната независима — теперь двери выходят в общий коридор. Отныне не обязательно проходить комнаты одну за другой, чтобы дойти до нужной. Говорят, понятие комфорта появилось именно в эту эпоху. Комфорт родился вместе с личным пространством, возможностью укрыться от глаза постороннего, он — одно из свойств личного пространства. Теперь кровати уже не стоят где попало. Они находятся в спальне. По обе стороны от них стоят шкафчики и тумбочки, где хранятся туалетные принадлежности. Во Франции и Италии слово «комната» стало противоположным слову «зал», еще недавно почти полному синониму: комната обозначает отныне место, где спят, а зал — помещение, где принимают гостей и едят. В Англии слово *room* применяется во всех смыслах, однако когда речь идет о спальне или столовой, то всегда уточняется — для еды, с кроватью.

Такая специализация комнат жилища, прежде всего у буржуа и дворян, несомненно, является самым большим изменением в повседневной жизни. Она отвечает потребности в уединении. В этих менее доступных посторонним помещениях прислуга почти не покидает отведенного ей места, находящегося на достаточном удалении от хозяев, — но не от принцев крови, там еще сильны прежние привычки. Себастьян Мерсье* отмечает, как совершенно новую, привычку дам вызывать слуг с помощью колокольчика. Колокольчики теперь устроены таким образом, что управлять ими можно на расстоянии, тогда как некоторое время назад их было слышно лишь в комнате, в которой звонили. Что может красноречивее свидетельствовать о новой заботе людей об удалении слуг и устройстве личного пространства? В конце XVIII века уже не принято навещать друзей и компаньонов в любое время суток и без предупреждения: либо существуют специально отведенные для приемов дни, либо «люди посылают друг другу записки со слугой». «С помощью все той же почты предупреждают и о визитах... Посыльный относит записки. Нет ничего удобнее, никому не надо появляться на публике, каждый сохраняет дверь закрытой, как и положено»⁶⁹. Новые манеры предлагают избегать того, что раньше было самым естественным делом, единственным способом вести свои дела, сохранять место и друзей. Прежде человек постоянно жил на публике, и все осуществлялось посредством устного общения. Отныне частная, светская и профессиональная жизнь разделены, каждой соответствует определенное место — комната, салон, кабинет.

Использование записок и появление приемных дней принадлежат новому кодексу манер, вытеснившему прежние приличия и именуемому отныне вежливостью. Этот кодекс направлен на защиту свободы, индивидуального или семейного пространства от давления социальной среды. Прежние приличия учили искусству жизни вместе и умению подать себя. Новое понятие вежливо-

* Мерсье Луи-Себастьян (1740–1814) — французский писатель, автор романов, стихов, пьес, депутат Конвента, автор знаменитой книги «Картины Парижа» (продолжение — «Новый Париж») — собрания очерков, блестящего образца урбанистики XVIII в.

⁶⁹ Sébastien Mercier. Les Tableaux de Paris. Éd. Desnoiteres, p. 194.

сти принуждает прежде всего быть скромным, уважать личное пространство других и скрывать свое. Моральные акценты сместились. Себастьян Мерсье хорошо подметил: «Тон этого века заметно сократил продолжительность церемоний, и лишь провинциалы могут позволять себе длинные церемонии». То же самое происходит и с обедами: «...теперь они стали короче, а беседы продолжают уже не за столом»; чтобы поговорить, рассказать увлекательную историю, люди отправляются в салон, в зал — drawing room. «Больше никто не торопится выпить, никто не принуждает к тому гостей, чтобы показать, как хозяева умеют принимать. Теперь никто не просит вас спеть (вспомните концерты вокруг стола, заваленного фруктами, XVI—XVII веков). <...> От этих глупых и смешных обычаев, столь дорогих нашим предкам, теперь отказались... Эти несчастные сторонники невероятно стеснительных традиций называли их достойными... Ни минуты отдыха; люди постоянно состязались друг с другом (в следовании ритуалам) до и после обеда, каждая сторона была педантична и упряма, а знатоки церемоний приходили в восторг от этих ребяческих баталий... Из всех древних правил на сегодня осталось лишь одно — желать здоровья чихнувшему человеку... Теперь шумный ужин по старинке, еще сорок лет назад свойственный хорошему обществу, является уделом портняжек... Лишь в среде мелкой буржуазии (любопытно употребление здесь этого выражения) наблюдаются эти церемонии и вечные бесполезные ужимки, которые принимаются ими за этикет и от которых быстро устает человек, вращающийся в свете».

Устройство собственного дома, реформа общественных нравов дают больше места для частной жизни: она заполняется семьей, состоящей отныне только из родителей и детей, куда закрыт доступ друзьям, клиентам и слугам. По письмам генерала Мартанжа своей жене в 1760—1780-е годы можно судить о прогрессе чувства семьи, освободившегося от всякого архаизма, ставшего таким, каким оно было в XIX и начале XX века. Семья перестала молчать, она стала болтливой — стала темой, заполнившей переписку, и конечно, разговоры⁷⁰.

Старые формы обращения, такие как «сударыня», исчезли. Мартанж пишет: «Моя дорогая мамочка», или «милый друг», или «моя девочка», или «моя малышка». Мужу нравится называть жену так, как ее называют дети. Его письма полны подробных расспросов о детях, их поведении, здоровье. Детей называют уменьшительными именами: Кошечка, Коко. Широкое распространение уменьшительных имен соответствует более близким отношениям в семье и особенно потребности называть близких иначе, чем чужих, подчеркивая с помощью особого языка единство детей и родителей и отделяя их от остального мира.

⁷⁰ Correspondance inédite du général de Martange, 1756—1782. Éd. Bréard, 1898.

Находясь далеко от дома, отец хочет быть в курсе малейших повседневных событий, которые он воспринимает всерьез. Он ждет каждое письмо с нетерпением: «Я прошу тебя, милая, при всякой возможности черкнуть мне хотя бы пару слов»; «Пожалуйста, пожури слегка мадемуазель Кошечку за то, что она редко мне пишет». Он с радостью говорит о скором возвращении: «Для меня это будет великий праздник, когда я снова буду с тобой в нашем маленьком бедном владении, а моей самой большой заботой будет обустроить твою комнату и сделать нашу жизнь еще более приятной». Это уже совсем современный вкус к своему, личному, который противопоставляет дом внешнему миру.

В переписке вопросы гигиены и здоровья занимают очень большое место. Раньше беспокоились только по поводу серьезных болезней и не проявляли ежеминутной заботы о здоровье — мало кого тревожил насморк или другой легкий недуг. Физиология не имела подобного значения: «Мне будет плохо, если я не буду иметь никаких новостей о твоём здоровье и здоровье наших девочек... Хотя то, что ты рассказываешь о здоровье твоём и наших бедных девочек не может очень порадовать любящего отца... Меня очень беспокоит, как ты пишешь, отсутствие аппетита и проявление болей у младшего. Я бы хотел порекомендовать тебе, дитя мое, и для него и для Ксавьер нарбоннский мед, которым нужно натирать десна при появлении болей». Такова реакция родителей на появление молочных зубов. Конечно, молочные зубы могли на какое-то время задержать внимание кумушек во времена мадам де Севинье, однако они вряд ли удостоились бы чести стать темой переписки важного генерала: «Меня беспокоит, что девочки слегка простужены... С сегодняшнего утра, кажется, погода наконец-то установилась». Здесь же обсуждается, какая из существующих вакцин против оспы лучшая, подобно тому как теперь часто спорят о вакцинах против туберкулеза. «Что касается прививки Ксавьер, я полностью рассчитываю на тебя, единственное — чем скорее ты ее сделаешь, тем лучше, так как все эту вакцину хвалят». Далее он советует жене пить «воду Седлиц» и принимать «одноименные соли», пить лимонный сок, добавлять в воду уксус или водку, чтобы не заразиться при эпидемии.

Одна из дочерей вышла замуж в Германии. В письме «миллой маменьке» от 14 января 1781 года она дает объяснение своему долгому молчанию: «Сначала оба младшеньких болели в течение двух месяцев коклюшем, да так сильно, что при кашле их личики становились синими, а из носа шла кровь огромными сгустками. После у моей малышки (самой младшей) и Ксавье была очень высокая температура». Врачи не могли сказать ничего утешительного насчет Ксавье: «Бедный мальчик пережил самые страшные мучения, какие только бывают на земле». Тем не менее его удалось спасти: «Благодаря Господу все трое остались со

мной». Теперь никто уже не решается утешать себя тем, что родит нового ребенка, как это было еще веком раньше. Отныне ребенка нельзя заменить, и его потеря непоправима. Мать находит свое счастье в окружении детей, больше не являющихся переходным этапом от небытия к настоящей, взрослой жизни: «Все мои радости в общении с детьми». Здесь на живом примере видна связь между эволюцией чувства детства, прогрессом гигиены, возросшей заботы о ребенке и его здоровье — и иной формы отношения к смерти и жизни.

Отныне очень много говорят о воспитании ребенка и признают значение этого фактора: «Особенно настоятельно я советую тебе не упускать ни минуты для воспитания наших детей; увеличь в два-три раза количество занятий в день, особо обрати внимание на умение держать себя в обществе, за столом, походке» (перехитки прежних правил). У троих детей есть наставник: «Пусть они извлекут из этого как можно больше полезного, а девочкам надо особенно усвоить манеры и красивую походку. Если господину А. удастся привить им грацию, он может считать себя прекрасным учителем».

У Мартанжа денежные затруднения. Он переживает за последствия непросто материального положения: «Каждый день мучительно переживаю по поводу того, что не могу им дать такого образования, какое мне бы хотелось». Каковы бы ни были обстоятельства, не следует экономить на учителях. Мы уже далеки от жалоб моралистов 60-х годов XVII века, вздыхавших, что учителям плохо платят, поскольку не понимают всей важности их миссии. «Я бы продал, если бы у меня ничего другого не осталось, мою последнюю рубашку, лишь бы дети были на уровне других детей их возраста и положения. Невежественные нищие дети стали бы унижением для нас. Все мои заботы, милая моя, только о том, как поправить наше состояние, которое могло бы обеспечить им счастье, если же они хотят видеть счастливым своего отца, пусть старательно учатся и пользуются временем, которого у них еще много». Мартанжа особо беспокоит, как бы время, потраченное на вакцинацию, не сказалось на их учебе: «Постарайтесь обернуть в свою пользу вынужденное пребывание в городе».

Здоровье и воспитание — вот два основных фактора, волнующих отныне родителей. В этой переписке поражают совершенно по-современному расставленные акценты. Несмотря на два века, разделяющие нас и автора писем, они нам куда ближе, чем письма мадам де Севинье, писавшиеся всего столетием раньше. У мадам де Севинье, наряду с совершенно естественной заботой бабушки о внуках, иногда проявляется какое-то особое любопытство по отношению к детским фантазиям, то, что я назвал выше первым восприятием детства — сюсюканьем. Этого почти нет у Мартанжа. Он относится ко всему более серьезно. Это уже се-

Ж.-О. Фрагонар.
Дети фермера.
Петербург. Эрмитаж

резность XIX века в мелочах и во всем, что касается детей, — викторианская серьезность. В XVII веке, когда ребенок не был объектом забавы, он становился объектом матримонимальных и профессиональных спекуляций, которые должны были обеспечить продвижение семьи в обществе. Последнее стоит у Мартанжа на втором плане: забота о воспитании и образовании кажется менее корыстной. Дети, такие, какие они есть, семья, такая, какая она есть с повседневными радостями и заботами, выходят за рамки примитивной

рутины, занимая самую светлую часть сознания. Группа дети — родители, находящая счастье в самой себе, отделенная от внешнего мира, уже не является семьей XVII века, открытой огромному миру друзей, клиентов, слуг, — это уже современная семья.

Одна из самых характерных черт такой семьи — забота о равном отношении ко всем детям. Мы видели, как моралисты второй половины XVII века довольно робко защищали право младших на равную со старшими любовь, особенно подчеркивая возможные последствия ложного выбора пути, в частности религиозной карьеры. Они значительно опередили свою эпоху и уже предчувствовали будущее семейных отношений. По осторожности высказываний можно судить о том, насколько их суждения противоречили общему мнению. С конца XVIII века неравное отношение к детям предстает вопиющей несправедливостью. Именно изменившиеся нравы, а не Гражданский кодекс, принятый во время Революции, отменили право старшинства. Даже когда наиболее яркие реставраторы, вдохновленные новой концепцией семьи, ошибочно приписываемой Старому порядку, вернут его в законодательство, родители не воспользуются этим правом: «Из 20 семей, — писал Вийель Полиньяку 31 октября 1824 года, — едва найдется одна, где бы отдали привилегии старшему или еще какому-нибудь из детей. Система субординации настолько ослабла повсюду, что в отцы семейств считают своим долгом беречь своих детей»⁷¹.

*
* *
*

С конца Средневековья до XVI—XVII веков ребенок занял в семье место, какое невозможно было представить во времена, когда его отдавали на воспитание чужим людям. Возвращение детей в лоно семьи является важным событием: оно придает семье XVII века особенность, отличающую ее от средневековой семьи. Ребенок становится необходимым элементом повседневной жизни, забота о его воспитании, устройстве, будущем переходит в разряд важнейших категорий. Он еще не стал стержнем системы, однако его образ приобретает важное содержание. Семья XVII века еще не стала современной: их разделяет тот багаж многочисленных общественных связей, который семья еще сохраняет.

⁷¹ Fourcassie J. Villèle. 1954.

⁷² Ashton J. La Révolution industrielle. P. 173.

⁷³ Bergues H., Ariès Ph., Hélin E., Henry L., Riquet M., Sauvy A., Suller J. La Prévention des naissances dans la famille, ses origines dans les temps modernes // Institut National d'Études démographiques, Cahier n° 35, 1960. См. также: Prigent R. Renouveau des idées sur la famille // Institut National d'Études démographiques, n° 18, 1954.

Там, где она существует, то есть в больших домах, семья является центром этих отношений, столицей маленького, сложного, иерархизированного сообщества, которым командует глава семьи.

Современная же семья, напротив, отделяется от общества, противопоставляя ему независимую группу родители—дети. Вся энергия этой группы направлена на продвижение детей, каждого в отдельности, без общей задачи: дети важнее, чем понятие семьи.

Эволюция, приведшая от семьи средневековой к семье XVII века и наконец к современной семье, долгое время затрагивала лишь дворян, буржуа, богатых ремесленников и разбогатевших крестьян. Еще в начале XIX века беднейшие, самые многочисленные, слои населения жили подобно средневековым семьям и дети не оставались в родительском доме. Самого ощущения дома у них не было. Чувство родного дома — это другая сторона чувства семьи. С XVIII века и до наших дней в чувстве семьи мало что изменилось. Оно остается таким, каким мы его наблюдали в буржуазной городской или деревенской среде XVIII века. Единственное важное изменение — оно постепенно распространяется на другие социальные слои. В конце XVIII века Эштон констатирует в Англии прогресс семейного образа жизни: «Работники стремятся устроить собственное жилье, вместо того чтобы поселиться у работодателя, а закат практического обучения в этой области позволяет заключать более ранние браки, а значит, благотворно влияет на появление более многочисленных семей»⁷². Длительная отсрочка женитьбы, раннее начало трудовой деятельности, жилищные проблемы, живучесть традиций обучения в людях — все это препятствия идеальному способу существования в буржуазной семье, постепенно разрушенные эволюцией нравов. Семейная жизнь распространилась отныне во всем обществе и мало кто теперь помнит о ее аристократическом и буржуазном происхождении⁷³.

Историк, работающий с иконографическими документами с целью обнаружить там тот же трепет и дыхание жизни, которые он испытывает в своем собственном существовании, будет удивлен редкостью, во всяком случае до XVI века, семейных и домашних сцен. Ему потребуется приложить немало усилий, чтобы их обнаружить, и он сможет интерпретировать их лишь на основе гипотез. И напротив, он очень быстро заметит главного персонажа всех картин и изображений того времени, чье значение сравнимо со значением хора в античном театре, — толпу, не безликую людскую массу сегодняшних городов, а настоящий ансамбль на улицах или в общественных местах (например, в церквях): это соседи, женщины и дети, многочисленные, но не чужие друг другу, — то же разномастное сообщество, что свойственно сегодня базарам в арабских городах или средиземноморским городкам в час вечерних гуляний. Все происходит, как если бы каждый вышел на улицу, вместо того чтобы остаться дома: уличные сцены и рынок, игры и ремесла, военные сцены и двор, церковь и наказания. На улице, в полях, вне дома, на публике, в многолюдном коллективе — вот среда, в которую художники помещают своих героев.

Можно, конечно, выделить индивидуальный и семейный портрет. Но значение, которое мы придавали попыткам создания такого портрета на страницах этой книги, не может скрыть от нас его редкость и робкий характер. Массовые сюжеты, уличные сцены будут преобладать до XVII века, когда семейная иконография исключительно обогатится. Это общее впечатление историка от первого контакта с иконографическими документами, несомненно, соответствует реалиям времени. Вся жизнь человека до XVII века происходила на виду; мы приводили немало примеров всепроникающего влияния общества. Церемонии, сопровождавшие свадьбу и по важности превосходившие религиозный характер обряда, долгое время отнюдь не были торжественными: бла-

гословение супружеского ложа и посещение гостями молодых, находящихся уже в постели, шутки во время брачной ночи и т. д. удостоверяют право общества на личную жизнь супругов. А чему удивляться, когда места личному не было и все жили вместе — слуги и хозяйева, дети и взрослые — в домах, всегда открытых для постороннего глаза. Плотность общества не оставляла пространства семье. Семья, конечно, существовала как повседневная реальность, было бы абсурдным это отрицать, но она не существовала в качестве чувства и ценности.

Мы наблюдали развитие чувства семьи с XV по XVIII век и видели, что вплоть до XVIII века оно не оказывало серьезного влияния на уклад общественной жизни, да и свойственно это чувство было прежде всего обеспеченным слоям населения — дворянству, городскому или сельскому, высшему нобилитету, буржуазии, ремесленникам или торговцам. Начиная с XVIII века оно начинает распространяться на все сословия и полновластно навязывается человеческому сознанию. Очень часто путь, пройденный человечеством за последние несколько веков представляют триумфом индивидуального над общественным, к которому относят и семью. Но где этот индивидуализм в современном мире, где любая семья концентрирует все свои усилия на успехе немногочисленного по их же воле потомства? Не ближе ли к индивидуализму живое безразличие столь плодovitых отцов Старого порядка? Безусловно, современная семья существует на иных материальных основаниях, чем при Старом порядке, когда само понятие семьи было связано с наследством и репутацией. Исключая некоторые случаи, значение которых все уменьшается, проблема передачи материальных благ стоит после блага ребенка, которое вовсе не обязательно связано с профессиональным самоопределением. Семья стала закрытым сообществом, в котором предпочитают проводить время и о котором любят упоминать, как это делает уже генерал Мартанж в своих письмах в конце XVIII века. Вся эволюция нашей современной морали останется непонятой, если забыть этот невероятный прогресс чувства семьи. Победил не индивидуализм, а семья.

Но семейная жизнь получает распространение в ущерб традиционной социальности. Все происходит так, как если бы современная семья постепенно замещала собой пришедшие в упадок старые общественные отношения, чтобы позволить человеку избавиться от невыносимого нравственного одиночества. С XVIII века люди начинают защищаться от повсеместного присутствия общества, бывшего раньше источником образования, репутации и богатства. Глубинные сдвиги разрушают прежние отношения хозяина и слуги, могущественного и маленького человека, друзей и клиентов. Изменения, кое-где запоздавшие из-за инерции, вызванной географической и социальной изоляцией. Они

более стремительны в Париже, чем в других городах, в буржуазной среде, чем в среде народной... Повсюду они усиливают влияние семейного круга за счет отношений с окружающими, друзьями и традиционных связей. Историю морали можно интерпретировать в свете усилий человека отделиться от остального общества, чье давление становится нетерпимым. Дом уступил роль общественного места в пользу кафе, в свою очередь все менее посещаемого. Профессиональная и семейная жизнь затмила ту сторону существования человека, которая ранее поглощала все — социальные отношения.

Существует большой соблазн предположить, что чувство семьи и жизнь обществом не могли сосуществовать, и единственный путь развития одного был возможен лишь за счет другого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Он был свободен, бесконечно свободен до такой степени, что не чувствовал собственного веса на земле. Ему не хватало тяжести человеческих отношений, которые затрудняют ходьбу, этих слез, прощаний, упреков, взрывов радости, всего того, что человек лелеет или рвет всякий раз, когда он делает какой-либо жест, — всех этих невидимых нитей, привязывающих его к другим и делающих его тяжелым.

Сент-Экзюпери

* *Paideia* (греч.) — воспитание, учение, образование.

В Средние века, в начале новейшей истории дети простонародья живут на равных со взрослыми, — едва достигнув возраста, когда их считают способными обходиться без помощи матери и няньки, то есть спустя несколько лет после отнятия ребенка от груди (достаточно позднего), — примерно в семь лет. Ис этого момента они сразу входят в сообщество взрослых, разделяя с друзьями, старыми и молодыми, ежедневные заботы и игры. Поток коллективной жизни нес в одном течении все возраста и сословия, никому не оставляя времени на одиночество и частную жизнь. В таком существовании, слишком коллективном и насыщенном, не было места для личного. Семья выполняла свою функцию — она передавала от поколения к поколению жизнь, материальные блага и имя, не слишком затрагивая чувственную сторону жизни. Мифы, говорящие о куртуазной (или маньеристской) любви, выражают презрение к браку, распространенность обучения в подмастерьях ослабляет связь между родителями и детьми; сегодня можно представить семью без любви, но забота о ребенке и необходимость его присутствия заложены в самом ее понятии. Средневековая цивилизация забыла *paideia** древних и не знала еще современного воспитания. Основная мысль: она понятия не имела о воспитании как таковом. Сегодня наше общество зависит — и знает, что зависит, — от успеха своей воспитательно-образовательной системы. У общества есть как система образования, образовательная концепция, так и сознание их необходимости. Новые науки, такие как психоанализ, педиатрия, психология, ориентированы на проблемы детства, и их достижения доводятся до родителей благодаря широко распространяемой научно-популярной литературе. Наш мир просто помешан на физиологических, моральных и сексуальных проблемах детей.

Средневековая цивилизация не знала такой заботы, потому как для нее не существовало самой проблемы — ребенка: ребе-

нок, после того как его перестают кормить грудью или еще немного погодя, становится естественным товарищем взрослого человека. Возрастные категории неолита, *paideia* эллинов предполагали разницу между миром детей и взрослых и некий переходный период, который заполнялся обучением и воспитанием. Средневековая цивилизация не понимала этой разницы и не имела понятия о переходном периоде.

Великое событие ознаменовало начало новейшей истории — появление заботы о воспитании. Сначала она взбудоражила умы некоторого числа религиозных деятелей, законников, учителей, довольно редкие еще в XV веке и все более многочисленные в XVII, когда они соединяются со сторонниками религиозной реформы. В общем это были скорее моралисты, чем гуманисты: последним была особенно дорога культура человека, распространенная на весь отрезок человеческой жизни, и их мало занимало образование детей. Реформаторы же, моралисты, влияние которых на жизнь семьи и школы мы с вами рассматривали, решительно боролись с анархией (или с тем, что они считали таковой) средневекового уклада, в то время как церковь, несмотря на свое отрицательное отношение к той же анархии, очень долго мирилась с ней и призывала праведников искать спасения вдали от языческого мира, в стенах монастырей. Мы присутствуем при подлинной морализации общества: нравственный аспект в религии постепенно начинает преобладать в культовой практике над обрядовым. Именно таким образом сторонникам нравственного порядка удалось доказать большое значение воспитания. Мы с вами наблюдали их влияние на всю историю школы, на ее постепенное превращение из свободной школы в коллеж со строгой дисциплиной. Их труды берут начало от Жерсона из Пор-Рояля и становятся все более многочисленными в XVI—XVII веках. Возникшие тогда религиозные ордена, такие как иезуиты и ораторианцы, становятся учительствующими орденами, обратившими свое лицо уже не к взрослым, как когда-то в Средние века, когда проповедники и нищие обращали к ним свои проповеди, но к детям и молодым людям.

Теперь устанавливается мнение, что ребенок не готов к взрослой жизни, еще не созрел для нее, и ему надо пройти через специальную образовательную программу, прежде чем присоединиться к взрослым.

Эта новая забота об образовании детей понемногу овладеет умами и произведет революцию в обществе. Семья перестает быть лишь институтом передачи материальных благ и имени, отныне она обладает моральной и духовной функцией — формирует душу и тело ребенка. Между физическим воспроизведением себе подобных и юридическим аспектом семьи существовал пробел, который заполнит образование. Забота о детях принесет новые чув-

ства, новые отношения в семье, запечатленные в иконографии XVII века, те чувства и отношения, что присущи современной семье. Теперь родители не будут довольствоваться лишь самим фактом рождения на свет детей и устройством жизни некоторых из них. Мораль эпохи потребует от них дать всем детям, не только старшим, а начиная с XVII века и девочкам, образование и воспитание. Конечно, под этим следует подразумевать школу. Школа постепенно вытесняет традиционное практическое обучение, школа обновленная, со строгой дисциплиной, укрепленной законом. Поразительный расцвет школы в XVII веке есть не что иное, как прямое следствие родительской заботы о воспитании. Моралисты считают родительским долгом как можно раньше отправить ребенка в школу. «Родители, — говорится в тексте 1602 года, — пекущиеся о воспитании своих детей, имеют право на большие почести, чем те, что только лишь произвели на свет потомство. Они дают своим детям не только жизнь, но еще и делают эту жизнь хорошей и здоровой. Вот почему такие родители с самого нежного возраста отправляют своих детей приобретать настоящую мудрость (иными словами в коллеж), где они станут настоящими кузнецами своего счастья, украшением родной страны, семьи и друзей»¹.

Семья и школа совместными усилиями вытянули ребенка из среды взрослых. Школа поместила некогда свободных детей в пространство со строгой дисциплиной, превратившееся в конце XVIII — начале XIX века в полную изоляцию. Заботами родителей, церкви и моралистов ребенок был лишен прежней свободы взрослого мира. Теперь для него были плеть, заточение и другие наказания, обычно применяемые к преступникам из самых низших слоев населения. Однако такая строгость говорит о новом отношении, отличающемся от прежнего безразличия, — о проявлении чрезмерной любви, ставшей всеобщей в XVIII веке. Без труда можно догадаться, что такое вторжение детства в область чувств породило явление, известное ныне как контроль за рождаемостью. Оно появилось опять же в XVIII веке, в момент, когда семья завершила свое формирование вокруг ребенка и построила между собой и обществом стену частной жизни.

*
* *

Современная семья изъяла из общественной жизни не только своих детей, но и значительную часть своих взрослых забот. Она отвечает потребности человека в личном жизненном пространстве и независимости, членов семьи объединяют чувства и привычка к определенному образу жизни. Ей претит тесное сосуществование с другими, наблюдавшееся в прежнем обществе. Конечно, совершенно понятно, что такая победа семьи произошла прежде всего в буржуазной среде: высшее дворянство и народ — эти два

¹ Academia sive Vita scholastica. Arnheim. 1602.

полюса социальной лестницы — долгое время сохраняли прежние традиции и не смущались тесным соседством с другими. В народной среде эта солидарность встречается и по сей день. Таким образом, существует связь между чувством семьи и чувством класса. На протяжении всей этой книги мы не раз видели, как они пересекаются. В течение многих веков одни и те же игры были общими для разных сословий; начиная же с Нового времени их разделяют — одни имеют отношение только к людям из высшего общества, другие одновременно к детям и взрослым из просто-народья. Благотворительные школы XVII века для бедных привлекают в той же степени и детей из богатых семей. Напротив, начиная с XVIII века мещанские семьи не допускают больше такого соседства и забирают своих детей из учебных заведений, которые станут начальными учебными заведениями для народа, отправляют детей в коллежи и пансионы, установив там свою монополию. Игры и школа, прежде единообразные для всего общества, отныне войдут в систему социальных классов. Все происходит так, как если бы полиморфная структура общества разрушилась, уступив место массе маленьких сообществ — семей — и сообществ побольше — классов; семьи и классы объединяют отдельных людей, близких друг другу по духу и образу жизни, тогда как раньше общество в единой ячейке включало людей разных возрастов, сословий и условий жизни. Насколько сословия отличались друг от друга, настолько они были близки в пространстве. Моральная дистанция заменяла дистанцию физическую. Строгость внешних признаков уважения, разница в одежде искупали фамильярность совместного сосуществования. Слуга не отходил от своего хозяина, которому он приходился и другом и сообщником, — явление, сегодняшнему человеку, вышедшему из подросткового возраста, непонятное; высокомерие хозяина как бы соответствовало наглости слуги, и таким образом устанавливалась иерархия, в условиях отсутствия личного пространства находившаяся постоянно под вопросом.

Контраст был всюду: высокое рождение и невероятное богатство соседствовали с нищетой, порок с добродетелью, разврат с набожностью.

Тем не менее такая разномастность никого не удивляла, она принадлежала к разнообразию мира, который следовало принимать таким, какой он есть. Мужчины или женщины высокого рода нисколько не стеснялись в своих роскошных одеждах навещать в тюрьмах и больницах несчастных, едва прикрытых лохмотьями. Само наличие такого контраста не смущало первых и не унижало вторых. Нечто подобное еще можно наблюдать в моральном климате сегодняшней южной Италии. Меж тем приходит время, когда буржуазия перестала выносить давление большинства и постоянный контакт с народом. Она отделяется от остального полимор-

фного общества и организует свою жизнь в стороне от него, в своих семьях, закрытых для посторонних, в домах, устроенных для личной жизни, в богатых кварталах, огражденных от народного влияния. Некогда терпимое сочетание неравенства становится для нее невыносимым: отвращение богатых родилось раньше стыда бедных. Устройство личного пространства, потребность в новом комфорте, которого оно требовало (между личным пространством и комфортом существует тесная связь), еще более противопоставляли образ жизни народа и буржуазии с материальной точки зрения. Прежнее общество терпимо сохраняло разнообразные стили жизни в тесном пространстве и допускало, можно даже сказать — специально сближало самые отдаленные сословия. Новое же общество предоставляло каждому сословию отдельное пространство, в котором предусматривалось соблюдение основных конвенций, где следовало стремиться к определенному идеалу и никогда от него не удаляться под страхом изгнания.

Чувство семьи, чувство класса и, может быть, чувство рода есть проявление одной и той же нетерпимости к разнообразию и стремления к единообразию.

¹ *Ле Гофф Ж.* Существовала ли французская историческая школа «Annales»? // Французский ежегодник, 1968. М., 1970. С. 358.

² *Гуревич А.* Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 9.

Девизом одного из самых влиятельных направлений французской историографии — так называемой школы «Новой исторической науки» — стало отношение к прошлому как к Другому, достойному понимания и предельно точного воскрешения, адекватного воспроизведения. Получив прививку социологии Э. Дюркгейма и политэкономии Ф. Симиана, представители этой школы сгруппировались вокруг журнала «Анналы экономической и социальной истории», основанного в 1929 году двумя великими французскими историками — М. Блоком и Л. Февром. В послевоенной Франции «Новая историческая наука» очень быстро заняла главенствующие позиции. «Анналисты» стремительно оккупируют различные научные институты. Несмотря на отрицание наличия самой школы «Анналов»¹, все историки, определяемые ныне как «анналисты», во многом следуют катехизису, оставленному отцами-основателями. Весьма коротко «Новую историческую науку» можно определить как открытие человека в окружении, в социальном и вещном пейзаже. В этом состоит кредо «анналистской» «тотальной истории». Человек исторический в «Новой исторической науке» занимает огромное гносеологическое поле, превращая историка в этнолога, демографа и знатока политэкономии. «Новая историческая наука» опустилась в глубины повседневности, отказавшись от запутанных иероглифов политической событийной истории.

В своем признании и познании инаковости прошлого «Новая историческая наука» во многом обязана человеку, научная судьба которого в не меньшей степени отмечена печатью инаковости. Филипп Арьес (1914–1984), выдающийся французский историк, научная репутация которого сегодня не подлежит сомнению, предопределивший основные темы «анналистской», исторической антропологии, называл себя «историком, работающим по воскресным дням». Он не защитил диссертации, не принадлежал к кругу университетской профессуры, работал служащим информационного центра при обществе, занятом торговлей тропическими фруктами. «Лишь в последние годы жизни Арьес получил возможность вести курс в парижской Школе высших исследований в области социальных наук»².

³ Гуревич А. Указ. соч. С. 10.
⁴ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 346–347.

⁵ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. Помимо данного исследования на русском языке увидела свет статья Ф. Арьеса: Арьес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории. М., 1977.

⁶ Бессмертный Ю. Жизнь и смерть в Средние века. М., 1991. С. 89.

⁷ Абрамсон М. Супруги, их родные и близкие в южно-итальянском городе высокого Средневековья (X–XIII вв.) // Человек в кругу семьи. М., 1996. С. 112.

⁸ Леруа Лядюри Э. Монтайю (готовится к публикации в Издательстве Уральского университета).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гуревич А. Культура и общество Средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 267–268.

¹² Консерватор-Арьес обитает в замкнутом круге французской рационалистической классической традиции.

Весьма примечателен интеллектуальный кругозор этого историка ментальности в сравнении с интеллектуальным кругозором других историков ментальности — например, Э. Леруа Лядюри и Ж. Ле Гоффа. Арьес практически не получил прививки экзистенциалистской философии, структуралистской антропологии, дюркгеймианской (в самом широком смысле) социологии, сосюррековской лингвистики, — всего того, что стало просто необходимым для историка-анналиста. Из всей «Новой исторической науки» Арьес так или иначе соотносит свои исследования лишь с работами Дюби. Кругозор Арьеса традиционен — Мольер и Лафонтен, Расин и Рабле, Руссо и Эразм, Граспан и Декарт, Филипп Новарский и Исидор Севиальский. И тем более примечательно то, каким образом ученый пришел к отнюдь не тривиальным

«Ультрароялист и националист правого толка, человек весьма консервативных взглядов, Арьес одно время принимал активное участие в деятельности реакционной политической организации „Action français“». Автор посвященной ему статьи в «Словаре исторических наук» пишет, что политические пристрастия Арьеса диктовались его «ностальгическими» взглядами на историю: он видел в ней процесс разрушения старого устойчивого порядка, ценности которого, по его убеждению, превосходили ценности, пришедшие им на смену. Этот аспект биографии Арьеса объясняет, почему он так долго оставался на периферии французской историографии, «пророком, не пользующимся уважением в своем отечестве»³. Действительно, некоторая «левизна», не столь важно из какого источника происходящая — социалистического или марксистского, свойственна большинству «анналистов»⁴. Чужой для своих коллег, он, однако, написал две книги, вокруг которых и по сей день не прекращаются споры, по сей день с ним приходится сверяться историкам-антропологам и историкам-демографам: «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (1960) и «Человек перед лицом смерти» (1977). Он стал необходимым и неизменным Другим «Новой исторической науки». Он обогатил историческую антропологию двумя важнейшими темами. Отечественный читатель уже имел возможность познакомиться с книгой Арьеса, посвященной отношению европейцев к смерти⁵. Сейчас, почти через сорок лет после выхода в свет, мы имеем возможность замкнуть антропологическую диалогию Филиппа Арьеса.

Детство и смерть — приход и уход — великий цикл человеческой жизни. Все мы вышли из детства и живем ожиданием смерти. Нет ничего более усыпляющего и обманчиво незыблемого, чем наше отношение к детству и смерти. Две константы нашего ментального космоса, начало и конец, они подобны дыханию. Наполняющие жизнь смыслом и устанавливающие границы, они меньше всего поддаются анализу и исследованию. Мы склонны экстраполировать наши собственные представления о смерти и наше собственное отношение к миру детства на отдаленные от нас во времени исторические эпохи. Лишь немногие способны увидеть в этом проблему, осознать изменчивость кажущихся столь незыблемыми столпов нашей ментальности. Склонность к абсолютизации настоящего присуща любой исторической эпохе. Признание инаковости прошлого, изобретенности и изменчивости «необходимого как воздух» требует интеллектуального усилия и воображения. Всеми этими качествами обладал Филипп Арьес, который смог увидеть, что современное отношение к ребенку, добровольное рабство взрослого, сложнейший комплекс механизмов социализации (школа и т. п.) — лишь относительно недавние изобретения западноевропейской цивилизации.

За прошедшие с момента выхода в свет книги Арьеса годы многие выводы историка были подвергнуты серьезной и небезосновательной критике. «Бездушные» взрослых Средневековья к часто умирающим детям, ранняя включенность ребенка в социум и т. д. оспорены не одним десятком ученых. Существенной корректировке подверглась концепция Арьеса «об относительной нераз-

выводам. Можно даже предположить существование особой интеллектуальной «траектории» Арьеса, которая могла бы заинтересовать историографов. Арьес также широко использует многообразный иконографический материал — миниатюры оттоповского периода, итальянскую ренессансную живопись, живопись мастеров Северного Возрождения, французскую гравюру XVI—XVII вв., французскую и голландскую портретную живопись и пр.

¹³ Леруа Лядюри Э. Указ. соч.

витости в Средние века родительских чувств к детям», поскольку «анализ текстов подтверждает уже сложившуюся в медиевистике последних лет тенденцию отказаться от распространения точки зрения Арьеса... Людям того времени отнюдь не была чужда ни материнская, ни отцовская любовь»⁶. Хотя все признают и подтверждают распространенность в X—XIII веках намеренного детоубийства, которое было способом «избавиться от детей (к тому же еще не крещенных) в том возрасте, когда родители, особенно матери, не успели к ним привязаться. Мягкость кары — покаяние — объяснялась... массовым характером явления»⁷. Арьеса упрекали также в пренебрежении материалом «низкой культуры». Так, французский историк-анналист Э. Леруа Лядюри, исследовавший крестьянство средневековой Франции, упрекает Арьеса в том, что тот стал жертвой «литературного миража»⁸, так как «высокая культура, литература и живопись, запоздало обратила внимание на это чувство (родительской привязанности. — *Е. Ф.*)»⁹. Хотя критик и соглашается с той частью концепции Арьеса, которая утверждает, что «роль ребенка весьма зависит от культуры конкретной эпохи. Значит остается место предположению, что роль эта, в том виде, который известен в наши дни, была определена лишь недавно»¹⁰. Однако даже оппоненты Арьеса признают, что до сих пор «эта область знаний остается мало изведанной»¹¹.

Нетрудно заметить, что в своем исследовании Арьес оперирует элементами так называемой высокой культуры¹². Говоря коротко, Арьес создал в своей книге настоящий «музей детства»¹³. Нередкие отсылки к реалиям деревенской жизни, жизни низов — не более чем ритуальные заклинания, серьезно не подкрепленные. «Высокая» культура, многословная и красноречивая, — вот (за малыми исключениями) единственный источник для Арьеса. Легче всего отвергнуть выводы историка частично или полностью, однако его «ограниченность», позволившая сделать столь радикальные выводы, заслуживает более пристального внимания. «Однобокость» Арьеса заставляет и нас задуматься над красноречивым умолчанием «высокой» культуры.

Таким образом, книга Филиппа Арьеса до сих пор остается актуальной, до сих пор она способна будить мысль. Не менее ценно исследование французского ученого и для историков России, поскольку может служить ориентиром для написания уже отечественной истории детства.

Е. Ю. Фатеев

Научное издание

Филипп АРЬЕС

Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке

Перевод на русский язык *Я. Ю. Старцева* при участии *В. А. Бабинцева*

Послесловие и примечания — *Е. Ю. Фатеев*

Редактор — *И. М. Харитонова*

Верстка и дизайн — *В. В. Харитонов*

Выпускающий редактор — *К. В. Жвакин*

Главный редактор — *Ф. А. Еремеев*

Изд. лиц. 020257 от 22.11.96.

Подписано в печать 20.12.99 г. Формат 70 x 100 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Academy.

Уч.-изд. л. 28,8. Усл. печ. л. 33,54.

Тираж 3000 экз. Заказ № 420.

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»,
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

филипп арьес
*ребенок и семейная жизнь
при старом порядке*

эмануэль леруа ладюри
*монтайю,
окситанская деревня 1294–1324*

жак ле гофф
другое средневековье

история
другая
histoire *autre*

philippe ariès
*l'enfant et la vie familiale
sous l'ancien régime*

emmanuel le roy ladurie
*montaillou,
village occitain de 1294 à 1324*

jacques le goff
pour un autre de moyen age

OZON
ONLINE RETAILER

1982177

www.ozon.ru